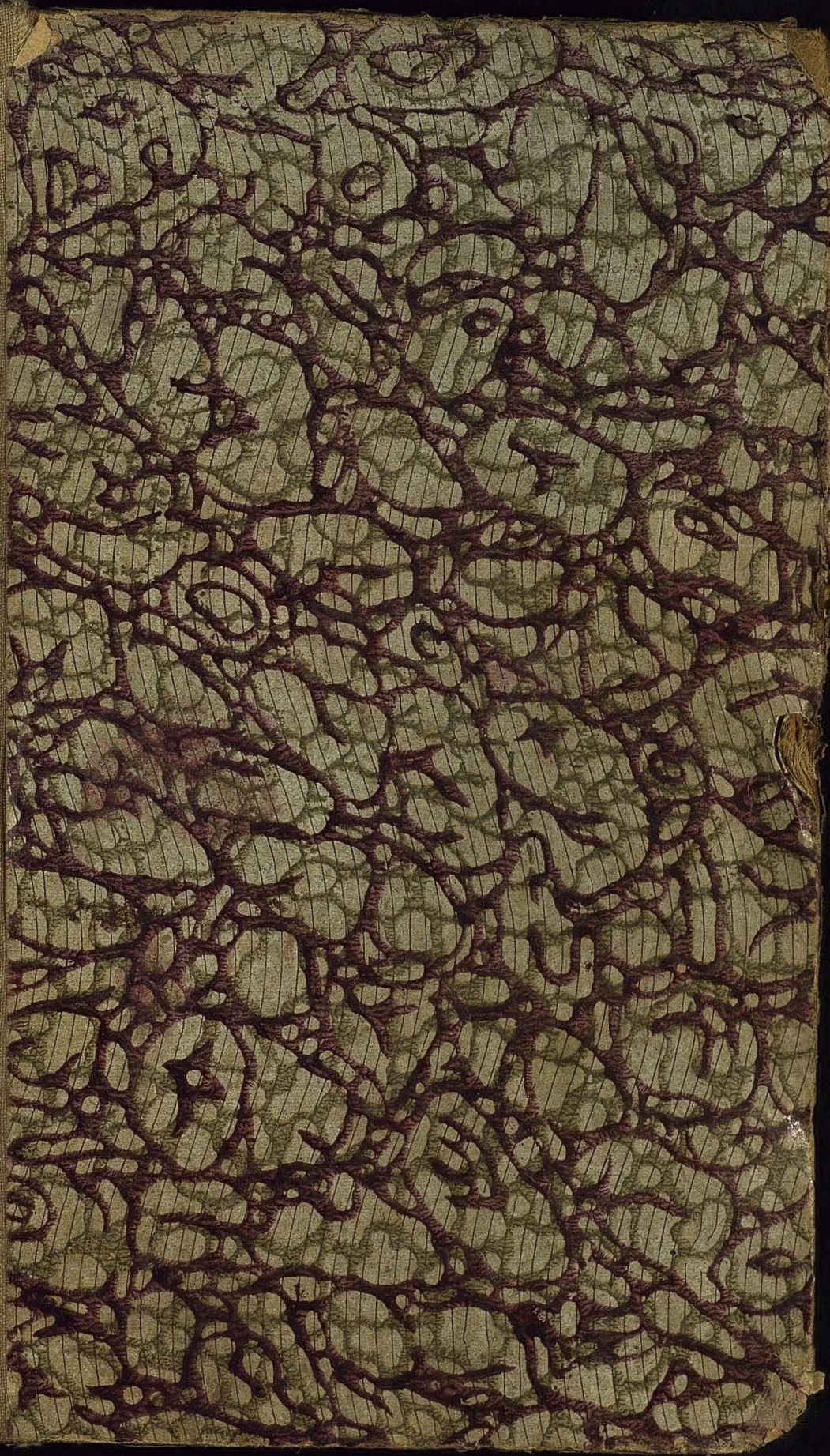


№ 15503

XVIII

XVI

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

17273

49 г

ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ.

СЕНТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Типо-лит. Акц. О-ва „Просвѣщеніе". Петроградъ, Забалканскій пр., д. 75.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГИ ДЕВЯТАЯ — ДВѢНАДЦАТАЯ. СЕНТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ.

		стр.
I.	МОЯ ВЕСНА. Романъ. XII—XXII. — **А. М. Ѳедорова**	5—90
II.	НА УТРѢ ДНЕЙ. — **С. А. Андреевскаго**	91—96
III.	АНАГИРЪ. Аттическая легенда. I—VII. — **Ѳ. Ф. Зѣлинскаго**	97—120
IV.	СТИХОТВОРЕНІЯ. — **Г. Вяткина**	121—122
V.	ГОСПОДА РОДИТЕЛИ. Разсказъ. I—VI. — **Д. Айзмана**	123—143
VI.	КЪ МОРЮ. Стихотвореніе. — Съ англ. **Елиз. Жирковой**	144
VII.	„ИСЧЕЗЪ ЧЕЛОВѢКЪ". II. — **П. И. Бѣлоконскаго**	145—196
VIII.	НАЦІОНАЛЬНОСТИ И ГОСУДАРСТВО. I—IV. — Бар. **С. А Корфа**	197—233
IX.	СТИХОТВОРЕНІЯ. — **Филарета Чернова**	234
X.	ПОКУШЕНІЕ НА ВЗЛОМЪ. Разсказъ Мэри Чалмондей. — Перев. съ англ. **Л. Д.**	235—246
XI.	СТИХОТВОРЕНІЯ. — **Семена Астрова**	247—248
XII.	ГОРОДЪ И ГОРЫ. Романъ Хозе Марія Эса де Квейрозъ. *Окончаніе.* — Перев. **З. Журавской**	249—324
XIII.	**ХРОНИКА.** — ЗАКОНЪ О ВЫБОРАХЪ ВЪ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ. — **А. Н. Макарова**	325—343
XIV.	ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАПРОСЫ ПРОЛЕТАРІАТА. I—IV. — **Л. Клейнборта**	344—358
XV.	ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА. — **Діонео**	359—371
XVI.	КНИГА О ДАЛМАЦІИ. — **Раф. Григорьева**	372—375
XVII.	ЛѢТОПИСЬ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Колебанія въ настроеніи массъ. — „Сговоръ" на Государственномъ Совѣщаніи. — Послѣднія событія. — **М. А. Осоргина**	376
XVIII.	ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Военный переворотъ и большевистская партія. — Дѣятельность Временнаго Правительства. — Война и внѣшняя политика. — Мирный декретъ новыхъ правителей. — Переговоры на фронтѣ и дипломатическія фантазіи. — Освобожденіе Палестины. — **Л. З. Слонимскаго**	385
XIX.	ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — „Былое". книга I. — Бѣлая стая. Сборникъ стихотвореній А. Ахматовой. — „Скиѳы". Сборникъ. — **Александра Слонимскаго.** — П. Филипповичъ. Жизнь и творчество Е. А. Боратынскаго. — В. Н. Перетцъ. Итальянскія комедіи и интер-	

стр.

медіи, представленныя при дворѣ императрицы Анны Іоановны въ 1733—1735 гг. — **В. О.** — Воспоминанія бр. Бестужевыхъ. — **М. Королицкаго.** — Игнатьевъ. Наша земля. Географическая и геофизическая хрестоматія. — **Н. Сума** . . . . . 400—418

XX. М. И. КАРИНСКІЙ †. Некрологъ. — **Т. Райнова** . . . . 419—421

XXI. ЛЮБОМІРЪ КОВАЧЕВИЧЪ. — **С. Станоевича** 422

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ . . . . . 429—431

XXIII. КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ВЪ ТЕЧЕНІЕ СЕНТЯБРЯ, ОКТЯБРЯ И НОЯБРЯ 1917 г. . . . . 432—435

XXIV. УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ „ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ" ЗА 1917 ГОДЪ . . . . . 436—440

XXV. **ПРИЛОЖЕНІЕ.** — МОЯ ВЕСНА. Романъ. *Окончаніе.* — **А. М. Ѳедорова** . . . . . 1—77

XXVI. ИЗВѢЩЕНІЯ. — Отъ книжной палаты . . . . . I—III

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Редакція открыта для справокъ и личныхъ объясненій по средамъ отъ 2 до 4 ч. и по субботамъ отъ 3 до 4 ч. (кромѣ праздниковъ).

МОЯ ВЕСНА.

РОМАНЪ.

(Продолженіе.)

XII [1]).

Въ первый разъ по своемъ выздоровленіи я обѣдалъ съ хозяевами и подмастерьями въ мастерской.

Инструменты, колодки, обрѣзки товара были съ верстака убраны. Изъ большого чугуна деревяннымъ огромнымъ половникомъ старуха налила въ глиняную чашку щей съ накрошенными туда кусочками мяса и поставила миску посрединѣ верстака.

Всѣ усѣлись вокругъ, при чемъ ближайшія къ мискѣ мѣста заняты были хозяиномъ съ хозяйкой, двумя главными мастерами: чахоточнымъ Константиномъ, котораго я сразу узналъ по голосу, и черноволосымъ, черноглазымъ, молодымъ хромымъ Петромъ, котораго хозяйка называла солдатикомъ.

Онъ былъ, дѣйствительно, въ русско-турецкой войнѣ раненъ въ ногу и имѣлъ медаль, которая висѣла въ переднемъ углу на гвоздикѣ подъ иконой.

Того мальчика, съ которымъ я когда-то славилъ, не было, но мѣсто подмастерья занималъ голубоглазый четырнадцатилѣтній парнишка Максимка. Кромѣ него, Митька и старуха, которая то ѣла у шестка, то вмѣстѣ со всѣми за верстакомъ.

Мнѣ было страшно пріятно, перекрестившись, какъ всѣ они, взять свою новую деревянную ложку, отмѣченную рубчикомъ, и сѣсть на гладкую липку, между Константиномъ и Петромъ.

Мѣсто приходилось какъ разъ по серединѣ, и какъ я ни протестовалъ противъ такого выгоднаго положенія, оно осталось за мной.

Къ моему сообществу всѣ, кромѣ хозяйки, которая жеманилась и держала ложку, кокетливо оттопыривая мизинецъ, отнеслись очень просто. Она же то и дѣло поглядывала на меня съ усмѣшечкой.

---

[1]) См. „В. Европы“, іюль—августъ, стр. 5.

— Ужъ не знаю, какъ вамъ покажется послѣ господскаго наше простое.

Мнѣ непріятны были ея приговариванія и взгляды: я боялся, что они испортятъ радостную для меня простоту этихъ славныхъ людей. Но они, очевидно, къ ея вычурамъ уже привыкли.

Въ ѣдѣ соблюдался строгій порядокъ. Получивъ по куску чернаго хлѣба, приступили ко щамъ. Первую ложку опустилъ хозяинъ, за нимъ всѣ остальные, и хотя очередь не соблюдалась, но ложки опускались и поднимались, какъ цѣпы на гумнѣ, не задѣвая одна другую.

Щи сначала ѣли, избѣгая вылавливать нарѣзанные туда куски мяса. Ѣли молча. Но когда оставалась уже половина миски, хозяинъ строго скомандовалъ:

— Съ нашей.

Ложки заработали энергичнѣе, захватывая по куску мяса.

Меня это очень забавляло, но я боялся улыбнуться и ѣлъ также сосредоточенно строго, стараясь не упустить своего.

Митькѣ основательно попало ложкой по лбу отъ хозяина за то, что, слишкомъ спѣша проглотить говядину, онъ подавился и нѣсколько мгновеній вытаращенными глазами смотрѣлъ на чашку, откуда ему пришла эта бѣда.

Максимка такъ хватилъ его по спинѣ, что остриженная лѣстницами голова Митьки мотнулась, какъ неживая: кусокъ проскочилъ, куда ему надо было, а хозяйская ложка оставила на лбу жирный слѣдъ.

Но Митька, не желая даромъ тратить время, не обратилъ вниманія на этотъ пустякъ и возобновилъ работу ложкой.

На второе въ той же красной мискѣ дали кашу съ масломъ, которую обработали такъ же быстро и аккуратно.

И то, и другое мнѣ показалось очень вкуснымъ; я былъ сытъ и доволенъ.

Послѣ обѣда полагалось полчаса на передышку. Лѣтомъ эти полчаса тратились обыкновенно на купанье, въ то время, какъ наиболѣе солидные мастеровые заваливались спать, или, какъ они выражались: на храповую, остальные стремглавъ мчались босикомъ на Волгу, съ животами, набитыми щами и кашей, бухались въ воду, плескались, фыркали и возвращались назадъ съ неуспѣвшими высохнуть волосами.

Но осенняя вода стала уже слишкомъ холодна для купанья, и время отдыха нынче употребляли, какъ кому вздумается.

Митька пустился играть въ козлы съ мальчишками на дворѣ. Максимка, помявшись, обратился ко мнѣ:

— Нѣтъ ли у васъ книгъ прочетныхъ?

— А вы грамотный?

— Чего это вы мнѣ вы говорите?

— А вы мнѣ чего вы говорите?

— Чай вы гимназистъ, ученый.

— Все равно, мы однолѣтки.

— Ну такъ — ты.

— Такъ-то оно лучше. А тебѣ какихъ книгъ?

— Чего-нибудь о разбойникахъ. Смерть какъ про страшное люблю читать.

— А ты гдѣ же научился читать?

— Въ приходскомъ Ильинскомъ училищѣ.

— О, и я тоже!

— Я, чай, классомъ моложе тебя былъ. А только меня изъ училища выгнали.

— За что?

— За карту.

— За какую карту?

— За географическую, которую я укралъ.

— А зачѣмъ же ты укралъ?

— А какъ же, иначе меня бы не выгнали. Меня и то три раза прощали.

— Три раза прощали?

— Три раза. Въ первый разъ я книжку укралъ. Ну, учитель хватился, спрашиваетъ: «Кто укралъ?» Я тутъ всталъ и говорю: «Я». Онъ говоритъ: «Хорошо, что признался, за чистое признаніе ничего, прощаю». Я вижу дѣло плохо, взялъ въ шкафу стекло разбилъ, да минералы укралъ и продалъ и опять сознался, ну тутъ ужъ меня безъ обѣда оставили, третій разъ калоши учительскія утащилъ, ну тутъ меня и безъ обѣда оставили и отцу нажаловались и отмѣтку плохую въ поведеніи поставили. А ужъ про карту хоть и сознался, не простили. Мнѣ того и надо было.

— Да зачѣмъ же тебѣ?

— А какъ же! вотъ чудакъ. Чай я все равно изъ училища долженъ былъ уйти. Отецъ говоритъ: «Выучился читать, писать и шабашъ, ремеслу учись».

— Ну и ушелъ бы. Зачѣмъ же воровать-то было?

Максимка засмѣялся и покачалъ головой.

— Вотъ чудакъ-то, чего же мнѣ самому-то было уходить. Такъ оно куда способнѣй вышло.

Я смотрѣлъ на его добродушное улыбающееся лицо и ничего не понималъ. Можетъ быть, это было просто дурацкое хвастовство.

Но онъ продолжалъ въ томъ же родѣ:

— Отдали послѣ этого меня къ одному хозяину, я годъ тамъ проучился и убѣжалъ.

— Не понравилось?

— Чего не понравилось... Понравилось, только надоѣло. Тутъ ужъ отецъ лупилъ, лупилъ меня, къ другому отдалъ. Ну а отъ этого поневолѣ убѣжишь. Меня тамъ и шпандыремъ, и колодкой, и чѣмъ попадя лупцовали за что придется. Однако, я дѣлу подучился и сюда ужъ подмастерьемъ наладился. Только и тутъ мнѣ не житье: какъ выйдетъ срокъ, безпремѣнно въ разбойники уйду. Въ шайку разбойничью поступлю, будемъ въ лѣсахъ жить да на большой дорогѣ народъ грабить.

Максимка говорилъ объ этомъ съ упоеніемъ, съ мечтательной нѣжностью въ глазахъ:

— Пещеры себѣ выроемъ; по ночамъ будемъ костры жечь, да пѣсни пѣть, гулять да пьянствовать. Я и теперь вотъ все хочу къ вину пріучиться, да больно противно, тошнитъ меня, — съ сокрушеніемъ пожаловался онъ. — Вотъ Митька меньше меня, а и то можетъ рюмки три выхлестать: ему ничего, а мнѣ съ души воротитъ.

Я слушалъ, слушалъ все это и разсердился.

— Ты дуракъ, Максимка, и чепуху порешь.

Максимка съ испугомъ посмотрѣлъ на меня.

— Чего чепуху?

— Конечно. А если тебя поймаютъ?

— Ну что жъ, поймаютъ, въ цѣпи закуютъ да за рѣшетку посадятъ, а то въ Сибирь сошлютъ, на каторгу; а я буду за рѣшеткой сидѣть, смотрѣть на синё-небо, да о волѣ тосковать. Птица ко мнѣ будетъ прилетать, на окошко садиться; толковать я съ ней буду; на свою долю жалиться...

Пѣвуче говорилъ онъ, и въ его глазахъ стояли слезы. Потомъ, тряхнувъ головой, улыбнулся:

— А потомъ, подпилю я рѣшетку да съ добрыми товарищами убѣгу. Гнаться за нами будутъ, вдогонку стрѣлять. А только не на таковскихъ напали: переплывемъ мы черезъ рѣку быструю, а тамъ и поминай насъ какъ звать.

Сердце мое на него прошло. Лицо у него было доброе, мякинное мужицкое лицо, и глаза голубые и свѣтлые.

— Брось ты это, Максимка, — сказалъ я ему. — Все это оттого у тебя, что ты книжекъ разбойницкихъ начитался.

— Не, я и допрежъ того объ этомъ думалъ да гадалъ.

— Чепуха.

— Лопни глазаньки, утроба. Вотъ те крестъ, если не вѣришь!

— Да не нужно мнѣ твоего креста. Я не о томъ. Все равно, разбойничьихъ книжекъ я тебѣ не дамъ, да и нѣтъ у меня ихъ. Я лучше тебѣ дамъ другія книжки. Вотъ хоть Кавказскій плѣнникъ, или сказки Пушкина.

— Я сказокъ не люблю, я только про правду люблю,—упрямо заявилъ Максимка.

— Ну, хорошо. Я тебѣ и про правду дамъ, только про настоящую правду, а то, что въ разбойницкихъ книжкахъ пишутъ, все это неправда.

Максимка возмутился:

— Какъ неправда! И про Стеньку Разина неправда, какъ онъ по Волгѣ-матушкѣ гулялъ, и про Емельяна Пугачева скажешь неправда, какъ съ барами расправлялся за то, что они христіанскую кровь пили?

— Про нихъ — правда.

— Вотъ то-то и оно-то. Я тоже такимъ разбойникомъ стану.

Прибѣжалъ Митька и высыпалъ въ уголъ цѣлый подолъ бабокъ.

— Десять съ пяткомъ наигралъ, — запыхавшись, объявилъ онъ. — Какъ сотню наиграю, продамъ, на шкаликъ будетъ.

— Вотъ я солдату скажу, онъ тебѣ зашкалитъ.

— Попробуй только.

— А что будетъ?

— А я хозяину про всѣ твои штуки донесу, и про хозяйку тоже.

Максимка покраснѣлъ и смутился.

— Вотъ еще, пащенокъ.

Проснулись мастера и потянулись къ работѣ. Я тоже пошелъ заниматься своимъ дѣломъ. Пройти надо было мимо хозяйской широкой деревянной кровати, на которой мужъ и жена, не раздѣваясь, прилегли послѣ обѣда отдохнуть.

Хозяинъ еще спалъ, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ, а она лежала съ открытыми глазами, закинувъ руки подъ голову.

Увидѣла, какъ я вошелъ, но не повернула головы ко мнѣ, а только медленно и томно повела глазами въ мою сторону:

— Я вамъ у цвѣточковъ-то воду перемѣню, — сказала она, лѣниво улыбаясь, чтобы дольше цвѣли да радовали васъ.

Я поспѣшилъ пройти. Хотѣлъ закрыть за собой дверь, но меня остановилъ пристальный взглядъ хозяйки.

Потягиваясь всѣмъ своимъ полнѣющимъ тѣломъ, она опустила съ кровати ноги, заломила руки надъ головой, такъ что пальцы хрустнули, и не то вяло улыбаясь, не то сдерживая легкій зѣвокъ,

процѣдила сквозь зубы, слѣдя за мною черными зрачками изъ-подъ отяжелѣвшихъ опущенныхъ рѣсницъ:

— Ахъ, и тоска же, Пашенька!

Я стоялъ въ дверяхъ, удерживаемый какимъ-то стѣснявшимъ меня любопытствомъ:

— Почему тоска?

Рѣсницы тихо поднялись, и большіе темные глаза прямо взглянули въ мои.

— Мужъ у меня блондинъ, а моя кровь всегда брунета требуетъ. Смѣкаешь? — еле шевеля губами, прошептала она.

Не притворяя двери, я сталъ разбирать книги, но было какъ-то не по себѣ.

Астры стояли на столѣ въ темной глиняной бадейкѣ изъ-подъ молока. Я чувствовалъ себя не то чѣмъ-то виноватымъ передъ ними, не то должникомъ. А между тѣмъ въ душѣ была такая нѣжность и благодарность къ нимъ, что вчера, ложась спать, я, какъ-то неожиданно даже для самого себя, поцѣловалъ ихъ.

Какъ жалко, что эти цвѣты не пахнутъ; зато какъ хорошо они называются: астры, астры...

Я сталъ машинально повторять это слово.

И какъ-то само собой явилось желаніе прибавлять къ этому слову другія слова, неожиданно приходившія ко мнѣ, удивлявшія и радовавшія меня самого:

Астры, астры, васъ принесли
Милыя руки.
Астры, астры, вы расцвѣли
Подъ солнцемъ разлуки.

Послѣдняя строка возбудила во мнѣ нѣкоторое сомнѣніе. Ее привела риѳма, но мнѣ хотѣлось ее оправдать. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, осенью земля разлучается и съ птицами, и цвѣтами, значитъ, сказать такъ можно.

Я рѣшилъ записать эти строки и сталъ продолжать дальше:

Астры, астры, гляжу я на васъ,
О чемъ-то тоскую.
Гладки, нѣжны лепестки, какъ атласъ,
Я ихъ цѣлую.

Слѣдующая строфа долго не давалась мнѣ, но я хотѣлъ во что бы то ни стало добиться своего, писалъ, перечеркивалъ, подбиралъ новыя слова и риѳмы, наконецъ, добился:

Астры, астры, вамъ суждено
Погибнуть скоро.

Мнѣ же забыть никогда не дано
Свѣтлаго взора.

Я читалъ и перечитывалъ написанное мною и былъ страшно доволенъ. Это ужъ не какія-то нѣсколько строчекъ, которыя я сочинилъ, лежа въ постели, по поводу письма Олечки. Это были настоящіе стихи.

Правда это были не такіе стихи, какъ я видѣлъ во снѣ, но все же мнѣ они казались заслуживающими того, чтобы ихъ переписать и, можетъ быть, даже вручить Эллѣ.

И я тщательно переписалъ стихи. Хотѣлъ написать: посвящается Эллѣ, но не дерзнулъ.

И дальше, занимаясь уже уроками, я нѣтъ-нѣтъ да перечитывалъ свое твореніе. Хорошо бы прежде, чѣмъ отдать эти стихи Эллѣ, дать ихъ прочесть кому-нибудь, кто знаетъ въ этомъ толкъ. Меньше всего, конечно, я разсчитывалъ въ данномъ случаѣ на учителя. Дать Кривошеину, или Лисунову? Но, хотя я еще и не зналъ навѣрное, какъ отнесутся они къ такимъ стихамъ, мнѣ представлялось, что стихи эти имъ не понравятся.

Да и стыдно было бы дать ихъ прочитать кому-нибудь постороннему. Вѣдь это значило бы открыть свою тайну.

XIII.

Подъ вечеръ пошелъ я по тому адресу, который далъ мнѣ Кривошеинъ:

«Наташа Королькова. Модный магазинъ мадамъ Анетъ. Никольская улица».

Магазинъ былъ очень извѣстный. Я разузналъ, гдѣ мастерская, и попалъ какъ разъ во время. Работа кончилась только-что. Еще стоялъ шумъ женскихъ голосовъ, среди которыхъ терялись обрывки пѣсни и смѣхъ.

Испитая, жалкая дѣвочка, съ испуганными провалившимися глазами, пробѣжала по коридору съ большимъ утюгомъ, отъ котораго еще пахло угаромъ. Я остановилъ ее и попросилъ мнѣ вызвать дѣвушку.

— Чичасъ, только утюгъ на кухню отнесу, — картавя, произнесла маленькая и засѣменила своими худыми ножками въ большихъ рваныхъ башмакахъ съ треплющимися ушками позади.

Я вспомнилъ сестру, и сердце защемило: «непремѣнно въ воскресенье пойду къ ней въ мастерскую и къ брату въ пріютъ».

Черезъ минуту дѣвочка пробѣжала обратно уже безъ утюга.

Сейчасъ же ко мнѣ вышла Наташа Королькова, которая сразу поразила меня: она очень напоминала мнѣ кого-то. Но кого? Кого?

Она догадалась, зачѣмъ я пришелъ, и съ нѣкоторымъ недовѣріемъ покачала головой.

— Ой, да какой же вы... молоденькій!

Меня это нѣсколько обидѣло, но я не нашелся, что ей отвѣтить, а только пожалъ плечами.

— Я такого, пожалуй, и бояться не буду, — устало улыбаясь, продолжала она.

— А зачѣмъ же вамъ бояться, — солидно замѣтилъ я.

— А какъ же иначе! Тѣхъ, кто насъ учитъ, всегда надо бояться, а то ничему не научишься.

Я не раздѣлялъ этого убѣжденія, однако, постарался выразиться, какъ можно внушительнѣе:

— Ну, повидимому, чтобы научиться тому, чему вы хотите, особаго трепета не требуется.

Вышло глупо, но она въ этомъ не разобралась.

— Чего же это мы въ коридорѣ стоимъ; пойдемъ ко мнѣ въ мастерскую.

Она ввела меня въ большую низкую комнату, съ длиннымъ столомъ посрединѣ и нѣсколькими столиками и ножными машинами около оконъ. На столѣ, на табуретахъ, на полу валялись обрѣзки разныхъ матерій, которые спѣшно сметали дѣвочки. На манекенахъ безжизненно и странно для меня красовались сшитыя и полусшитыя платья.

Мастерицы дѣвушки торопливо одѣвались, толкая другъ дружку передъ зеркальцами, повѣшенными на стѣнахъ.

Несмотря на то, что окна были открыты, воздухъ былъ спертый и съ непріятной остротой: пахло матеріями, углемъ, пылью и потомъ и какъ будто прокисшими духами.

Та, маленькая, въ углу, куда сметался соръ, сидѣла на корточкахъ и выбирала изъ лоскутовъ булавки.

Наташа привела меня въ болѣе чистый уголъ у окна и только тутъ обернулась ко мнѣ, и я разглядѣлъ ея лицо при свѣтѣ яснѣе, чѣмъ тамъ, въ полутемномъ коридорѣ.

Да, сходство было несомнѣнное. Съ кѣмъ? Это положительно начинало меня тревожить. Но какое измученное и усталое лицо, какіе печальные и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывающіе глаза.

Она подставила мнѣ табуретъ, а сама сѣла на подоконникъ, и опять, внимательно глядя на меня, заговорила, и голосъ ея тоже показался мнѣ не тѣмъ, что въ коридорѣ, а болѣе грубоватымъ и чуть-чуть сиплымъ.

— Да, такъ вамъ, значитъ, уже сказали, что я хочу научиться читать и писать. Всѣ мои товарки грамотныя, а я одна неграмотная, и мнѣ совѣстно.

Кое-кто изъ этихъ товарокъ съ любопытствомъ оглядывали меня, когда я еще только вошелъ вслѣдъ за Наташей. Иныя пересмѣивались и перешептывались, и это меня смущало.

Наташа вздохнула:

— Что подѣлаешь, меня некому было научить, я деревенская. Да и тутъ дурному всякій радъ научить, а хорошему ата́нде-съ. Такъ вотъ, сколько вы возьмете научить меня грамотѣ?

— Я право не знаю.

— Чего же не знать. Вашъ трудъ, мои денежки. Даромъ ничего не дѣлается. Вотъ вашъ товарищъ Кривошеинъ безпремѣнно хотѣли меня даромъ учить, а я на это не согласна. Какое ужъ ученье даромъ. Я и сама даромъ ничего не дѣлаю... обидно... Ну, да и...

Она вдругъ покраснѣла и съ какой-то досадой на самое себя почти рѣзко прервала:

— А я больше семи рублей въ мѣсяцъ не могу платить. Если вы можете такъ, такъ хорошо, а не можете, такъ и не надо.

Она все это выпалила съ лихорадочной торопливостью, и видно было, что раздраженіе и рѣзкость ея, все это происходило отъ неловкости, отъ застѣнчивости, которую она хотѣла такимъ образомъ побороть. Оттого она такъ нервно перебирала исколотыми пальцами рукава, хмурила брови и не глядѣла мнѣ въ глаза.

— Что жъ, я согласенъ заниматься такъ.

— За семь рублей? — удивилась она.

— Ну, да.

— И научите меня и читать, и писать?

— Ну, да.

Радостная и недовѣрчивая улыбка засвѣтилась на ея губахъ, въ которыхъ сохранилась наивность и свѣжесть юности.

— Я буду стараться. Вѣдь заниматься со мной подолгу вамъ не придется. Пока еще засидокъ не было, мы засвѣтло кончаемъ, можно было бы съ часикъ учиться, а черезъ недѣлю, послѣ засидокъ, больше получаса мнѣ никакъ нельзя.

— Хорошо. А когда же начнемъ?

— Хоть завтра. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. У меня ужъ и книжка приготовлена. Да, можетъ, не та, по которой вы учите.

— А какая у васъ книжка?

— *Родное слово*. Я было сама хотѣла научиться, да съ учителемъ-то лучше, скорѣе.

— *Родное слово* — отлично.

— Такъ и онъ сказалъ.

— Кривошеинъ?

— Да, онъ.

Уже при первомъ упоминаніи о Кривошеинѣ я замѣтилъ въ ней что-то въ родѣ раздраженія. Подумалъ: «она или сердится на него, или тутъ что-то иное».

— Онъ вамъ ничего обо мнѣ не говорилъ?

— Кривошеинъ?

— Ну, а то кто же!

— Нѣтъ, ничего. А что же онъ могъ такое говорить?

— Мало ли что, — все глядя на меня, отвѣтила она. — Ну, такъ, значитъ, до завтрева, объ это же время.

Она взглянула на висѣвшіе въ мастерской стѣнные часы и, видимо, заволновалась. Ея лицо, глаза, не умѣли ничего скрыть.

«Странная дѣвушка, думалъ я о ней уже на улицѣ, что-то она таитъ про себя. И съ Кривошеинымъ что-то...»

Я зашелъ въ писчебумажный магазинъ купить тетради и еще кое-что. Когда вышелъ, были уже сумерки; фонарщикъ бѣгалъ съ пѣсенкой и зажигалъ керосиновые фонари. Вдругъ впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя я замѣтилъ Наташу. На ней была шляпа, довольно изысканная для ея положенія, на плечахъ осенняя пелерина.

Я уже хотѣлъ догнать ее, но замѣтилъ, что она вся какъ-то насторожилась и, какъ птица, вытянула голову впередъ.

Красивая вороная лошадь раскидистой рысью шла навстрѣчу. Въ легкомъ изящномъ экипажѣ сидѣлъ Константинъ, сбоченясь и внимательно слѣдя за тѣмъ, какъ сильно и мѣрно выбрасывала лошадь тонкія длинныя ноги.

Наташа даже пріостановилась, глядя въ его сторону, и въ то время, какъ лошадь поровнялась съ нею, Константинъ выпрямился, взглянулъ на Наташу и коснулся поспѣшно рукой спины кучера.

Прежде, чѣмъ лошадь совсѣмъ остановилась, онъ уже выскочилъ изъ экипажа и пошелъ прямо къ Наташѣ, на ходу протягивая ей руку.

Какъ разъ въ то время, какъ они здоровались, я проходилъ мимо. Константинъ не могъ не узнать меня; она также меня замѣтила.

Я машинально поднялъ фуражку.

Но ни тотъ, ни другая мнѣ не отвѣтили.

Все это меня поразило.

Кривошеинъ... Знакомство съ Константиномъ... Особенно послѣднее не выходило у меня изъ головы, даже, когда я вечеромъ занимался.

Уже засыпая, я вспомнилъ, какъ поспѣшила отвернуться при этой встрѣчѣ отъ меня Наташа.

Да, да, все это непонятно, странно.

Помахивая книжками, завязанными въ ремни, вышелъ я утромъ въ училище.

Было уже довольно свѣжо; подувалъ прохладный вѣтерокъ, и между бѣлесыми облаками, затянувшими все небо, солнце сквозило перламутровымъ пятномъ.

Куда бы и когда бы я бывало ни выходилъ, первый взглядъ мой былъ на Волгу. Съ ней были связаны всѣ мои дѣтскія радости, почти вся моя жизнь.

Волга текла широко и мутно, много мутнѣе, чѣмъ лѣтомъ, и черный грязный пароходъ, тянувшій за собой огромную дровяную баржу, шелъ, шумѣлъ колесами и чадилъ дымомъ тоже какъ-то по-осеннему.

Я бы могъ идти въ училище улицей, тянувшейся вдоль Волги, но повернулъ направо и пошелъ по другой улицѣ, которая не такъ мнѣ нравилась, потому что была дальше отъ Волги.

Но наканунѣ я никого не встрѣтилъ. Зато сейчасъ сердце вздрогнуло, и я самъ не зналъ, идти ли мнѣ туда, куда оно меня толкало, или бѣжать прочь.

Конечно, та стройная, легкая фигурка, которую я увидѣлъ впереди, была Элла. Она шла медленно съ книжками, аккуратно завязанными въ ремешки. Жила она неподалеку отсюда и шла въ гимназію, которая также помѣщалась недалеко отъ нашего училища.

Элла шла такъ медленно, точно у нея былъ цѣлый часъ свободнаго времени. Не болѣе, чѣмъ въ одну минуту, она оглянулась назадъ два раза такъ нерѣшительно, какъ будто забыла что-то дома и раздумывала: вернуться ей или продолжать путь.

Въ первый разъ она вѣрно меня не замѣтила, потому что я только что поворачивалъ изъ-за угла, зато во второй разъ замѣтила несомнѣнно, но вмѣсто того, чтобы подождать меня, пошла впередъ съ такой энергіей, точно, наконецъ, рѣшила, что колебанія дальше неумѣстны.

Съ бьющимся сердцемъ я прибавилъ шагу, но, уже нагоняя ее, сталъ впадать въ сомнѣніе: она не оглядывается, значитъ совсѣмъ не желаетъ, чтобы я шелъ съ нею. А можетъ быть, я ошибся, она даже не замѣтила меня.

Я сильнѣе застучалъ сапогами по панели. Уже я въ двухъ

шагахъ отъ нея; кажется, могла бы оглянуться хоть изъ любопытства: кто это такъ громко стучитъ позади.

Но она и не думаетъ оглядываться.

Съ тяжелѣющимъ сердцемъ я замедляю шаги и въ то же время замѣчаю, что и она идетъ уже не такъ быстро, хотя съ такимъ усердіемъ размахиваетъ книжками въ ремешкахъ, какъ возможно размахивать развѣ лишь во время быстраго бѣга.

Снова радость заливаетъ сердце. Я догоняю ее и надъ самымъ ухомъ ей говорю дрожащимъ голосомъ:

— Здравствуйте, Элла.

Она вздрагиваетъ. Оборачивается, и я вижу, какъ все ея свѣтлое лицо краснѣетъ.

Она быстро перебрасываетъ книжки изъ правой руки въ лѣвую и, еле взглянувъ на меня, протягиваетъ мнѣ руку.

Нѣкоторое время мы идемъ молча, не попадая въ ногу, но вотъ она чуть-чуть скашиваетъ на меня свои сѣровато-голубые ясные глаза и тихо говоритъ:

— Вотъ странно, что мы съ вами встрѣтились.

— Да, очень странно.

— Я не знала, что вы ходите въ училище по этой улицѣ.

— Я тоже не зналъ.

Мы уже больше не глядимъ другъ на друга, а идемъ, опустивъ глаза. Я вижу, какъ медленно и глупо выступаютъ мои большія ноги рядомъ съ ея крошечными ножками, которыя, какъ мышки, выскакиваютъ и исчезаютъ изъ-подъ ея форменнаго платьица.

— Я и вчера здѣсь шла, но не видѣла васъ, — говоритъ она послѣ небольшой паузы. И на этотъ разъ взгляды наши встрѣчаются.

— Я тоже здѣсь шелъ и не видѣлъ васъ.

Послѣднее я могъ бы не прибавлять, объ этомъ я догадываюсь по ея насмѣшливой улыбкѣ.

— А развѣ вамъ здѣсь ближе? — спрашиваетъ она.

— Не знаю, я еще не измѣрилъ. Надо будетъ посчитать шаги.

— Зачѣмъ же, можно гораздо проще. Надо посмотрѣть на часы.

Я не отвѣтилъ. Она спохватилась и смущенно проговорила:

— Впрочемъ, можно и такъ. Даже, пожалуй, такъ вѣрнѣе, потому что по часамъ можно ошибиться, одинъ разъ идешь быстро, другой разъ идешь тихо.

Я подумалъ: «Какая она удивительно чуткая и умная».

— А вамъ развѣ здѣсь ближе? — спросилъ я въ свою очередь. И тутъ же выругалъ себя осломъ.

Она снова покраснѣла.

Боже, какъ шла эта внезапная краска къ нѣжной прозрачной бѣлизнѣ ея щекъ, къ ея глазамъ, которые начинали мигать длинными сгибавшимися рѣсничками, даже къ ея маленькимъ ушамъ, которыя въ эти минуты какъ будто расцвѣтали какъ два прелестныхъ цвѣтка.

— Я тоже еще не знаю, — отвѣтила она наконецъ. — Но мы вчера съ сестрой поспорили, гдѣ ближе къ нашей гимназіи: тамъ или тутъ. Но только такъ глупо...

— Что глупо?

— А вотъ, что мы такъ поспорили. Мы одновременно выходимъ и кто скорѣй дойдетъ.

Я вспомнилъ, какъ она медленно шла до того, какъ увидѣла меня. Это былъ странный съ ея стороны способъ провѣрки. Но я втайнѣ съ дрожью радости благословилъ ея выдумку.

Перламутровое пятно солнца запуталось въ облакахъ, и было ужасно смѣшно, какъ облака мчались въ одну сторону, а оно въ другую. Солнцу такъ хотѣлось пробиться изъ этихъ облаковъ на волю, и казалось, вотъ-вотъ оно пробьется. Уже облака начинали рѣдѣть уже перламутръ сквозитъ ярче, серебристѣй, но новыя облака набѣгаютъ, заливаютъ его, и оно иногда совсѣмъ теряется въ нихъ.

Тогда слабыя тѣни, падающія отъ нашихъ фигуръ, смѣшныя тѣни, которыя иногда соединяются, или вдругъ, какъ испуганныя, разбѣгаются, сливаются съ тускнѣющей панелью.

Бѣлокурый завитокъ на ея вискѣ, гдѣ синеватыя жилки просвѣчивали черезъ тонкую кожу, пушится и чуть-чуть шевелится, когда подуетъ вѣтерокъ. Въ профиль ея лицо кажется совсѣмъ инымъ, нежели тогда, когда оно все предо мной, хотя, вообще, каждый разъ, какъ я взглядываю на нее, она мнѣ кажется новой.

— Позвольте мнѣ понести ваши книги, — нерѣшительно обращаюсь я къ ней.

— Зачѣмъ, у васъ свои!

— Все равно, мнѣ не тяжело.

— Ну, нате.

Я беру ея книги и несу лѣвой рукой вмѣстѣ съ моими.

И опять мы идемъ молча. Правда, нельзя сказать, чтобы мы очень спѣшили, но все же каждый мигъ приближаетъ насъ къ разлукѣ, а между тѣмъ я еще не сказалъ ей ничего такого, что могло бы расположить ее въ мою пользу, или, по крайней мѣрѣ, засвидѣтельствовать, что она имѣетъ дѣло не съ какимъ-нибудь олухомъ, который не можетъ сказать ничего важнаго или умнаго.

Я ни на минуту не забываю о томъ, что во внутреннемъ кар-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки
17273

манѣ моей куртки спрятано переписанное стихотвореніе. Я, разумѣется, отдамъ его ей, но какъ это сдѣлать?

Тонкая и нѣжная паутинка задѣваетъ за ея красивую шляпу и садится на лицо, такая тонкая и нѣжная паутинка, что я замѣчаю ее только тогда, когда она снимаетъ ее медленнымъ движеніемъ руки.

— Это уже вторая паутинка садится мнѣ нынче на лицо, — говоритъ она съ улыбкой, какъ будто и это доставляетъ ей удовольствіе.

— Вотъ странно, а меня ни одна паутинка не задѣла.

— Это потому, что у меня большая шляпа.

— А вы любите осень? — спрашиваю я ее и въ то же время страшно досадую на себя за то, что говорю о такихъ пустякахъ.

— Да, ужасно люблю. Я даже люблю, когда идетъ небольшой дождичекъ.

— И я дождикъ люблю, особенно лѣтомъ. Когда я былъ маленькій, я любилъ съ товарищами выбѣгать во время дождика на улицу, скакать и пѣть какія-то безсмысленныя слова:

Дождикъ, дождикъ перестань
Я поѣду въ Арестань.

— И я эту пѣсенку пѣла во время дождя.

Теперь было бы очень умѣстно отъ этой пѣсенки перейти къ стихамъ, спросить любитъ ли она вообще пѣсни, стихи... Я уже разѣваю ротъ, чтобы начать это вступленіе, но вмѣсто того спрашиваю ее:

— Вы и обратно идете этой улицей?

— Да, непремѣнно пойду этой улицей. Она такая тихая. Сестра не любитъ тихихъ улицъ, а мнѣ очень нравится.

— И мнѣ тоже. Я всегда теперь буду здѣсь ходить.

Вѣтеръ подбрасываетъ ей подъ ноги сухой листикъ съ дерева; она машинально поднимаетъ его, дуетъ на него и, разсматривая съ особеннымъ вниманіемъ узорныя жилки на немъ, говоритъ:

— А сколько у васъ нынче уроковъ?

— У насъ пять. А у васъ?

— У насъ тоже пять. Вотъ странное совпаденіе, не правда ли?

— Да, ужасно странное, — радуюсь я.

— А у Меи только четыре урока. А знаете, — неожиданно для меня переводитъ она разговоръ. — Тогда, передъ вашей болѣзнью, когда вы отъ насъ ушли, папа съ мамой очень васъ хвалили.

— Правда, за что?

— Такъ, вообще.

Мнѣ бы, конечно, пріятнѣе было бы, если бы она сообщила что-

нибудь относительно моего геройскаго поведенія и мужественной рѣшимости моей жить самостоятельно.

— Я ужъ урокъ себѣ нашелъ, — сообщилъ я ей въ видѣ реплики. — Тутъ одну дѣвушку надо грамотѣ учить. Представьте себѣ, она гораздо старше меня и неграмотная, и, кажется, очень бѣдная.

Я думалъ разсказать ей о Наташѣ и о той тайнѣ, которая заинтересовала меня, но Элла съ безучастнымъ лицомъ прервала:

— Она хорошенькая?

Я уже хотѣлъ сказать объ этомъ сходствѣ, которое поразило меня, но и тутъ Элла предупредила:

— Впрочемъ, мнѣ все равно, это я такъ спросила. — Она смяла листикъ и бросила его; ея полныя губки плотно сомкнулись.

Я видѣлъ, что она чѣмъ-то недовольна. Ужъ не тѣмъ ли, что я съ бѣдной дѣвушки буду брать за урокъ деньги. Но вѣдь, во-первыхъ, я еще не говорилъ объ этомъ, а во-вторыхъ...

Я ужъ готовъ былъ пуститься въ объясненіе послѣдняго обстоятельства, но она снова тѣмъ же равнодушнымъ тономъ спросила:

— А какъ же вы съ ней познакомились? — и опять не дала мнѣ отвѣтить. — Впрочемъ, мнѣ все равно.

Она даже прибавила шагу. Я шелъ за нею растерянный и огорченный, ничего не понимая. Сейчасъ за угломъ будетъ ея гимназія. Неужели мы такъ и разстанемся!

Она обернулась ко мнѣ и протянула руку.

— Дайте мнѣ мои книги.

Мной прямо-таки овладѣло отчаяніе. Вѣдь я еще нѣсколько минутъ могъ понести ея книги.

— Позвольте мнѣ понести ихъ до самой гимназіи.

Она капризно покачала головой.

— Нѣтъ, право, я сама.

Она все не опускала протянутой руки, и эта настойчивость меня терзала. Вотъ я сейчасъ отдамъ ей книги и пропало все. Тогда, самъ не вѣря своей смѣлости, я сунулъ руку въ карманъ, досталъ вчетверо сложенный листочекъ со стихами и съ отчаянной рѣшимостью сунулъ его въ книжку, на корешкѣ которой бросилась мнѣ надпись: *Богослуженіе*, и, глубоко передохнувъ, отдалъ ей ея книжки.

Я не знаю, замѣтила ли она мой маневръ, но все это было продѣлано какъ разъ во-время; едва мы повернули къ чугунной рѣшетчатой калиткѣ, за которой было зданіе гимназіи, какъ увидѣли у входа Мею.

Ея тонкое личико блеснуло насмѣшливой улыбкой и, быстро отвернувшись, она скрылась въ дверяхъ.

Элла смутилась до испуга и забормотала:

— Ну вотъ, теперь она будетъ смѣяться надо мной.

Но тутъ же гордо вскинула головку и посмотрѣла на меня такъ, что все огорченіе мое сразу разсѣялось.

— Мнѣ все равно... — Хотѣла еще что-то добавить, но вмѣсто этого быстро протянула мнѣ руку. — Прощайте.

Я взволновался: а вдругъ не замѣтила, вдругъ эти стихи выпадутъ изъ книги... Вѣдь они подписаны мною... Хорошо еще, что я не написалъ посвященія.

Она уже повернулась уходить, какъ я, собравшись съ духомъ, задыхаясь, прошепталъ ей еле слышно черезъ плечо:

— Посмотрите въ Богослуженіе.

Мнѣ показалось, что она кивнула головой но, Боже мой, отчего она не обернулась, не сказала: хорошо, или, знаю. Можетъ быть, еще обернется. Что ей стоитъ!

Я жадно смотрѣлъ ей вслѣдъ. Она шла очень быстро. Вотъ у самаго входа. Нѣтъ, не обернулась.

Съ смѣшаннымъ чувствомъ тревоги, радости, опасенія, я почти бѣгомъ бросился въ училище и еле-еле успѣлъ попасть къ молитвѣ.

XIV.

Первое, о чемъ я узналъ въ училищѣ, это, что директоръ вчера послѣ классовъ, выслушавъ ябеду словесника, посовѣтовалъ Тыркову взять изъ училища бумаги. Почти всѣ ученики были страшно возмущены.

— Какъ бумаги! Значитъ, онъ его попросту вытуриваетъ!

— Онъ не имѣетъ права исключать безъ совѣта.

— Исключать за такой пустякъ, это чортъ знаетъ что!

— А что ему совѣтъ!

— Однако, до сихъ поръ этого не было. Онъ не осмѣливался.

Татарское лицо Тыркова было встревожено и блѣдно.

— Стойте.

Шумъ не прекращался.

— Симаковъ, гаркни, чтобы замолчали. Пусть Тырковъ скажетъ, что надо.

Симаковъ, у котораго былъ внушительный басъ, поднялъ руку и громогласно возопилъ:

— Молчите, дьяволы, дайте человѣку сказать.

Постепенно умолкали; только одинъ маленькій Летуновъ, раздувая ноздри и сверкая глазами, не унимался:

— Что тутъ говорить, подлость, вотъ и все! Этого такъ нельзя оставить, надо пойти къ старшимъ...

— Молчи ты, пискунъ, а то я тебя щелчкомъ пришибу.

— Подлость, — пискнулъ Летуновъ. Однако кинулся отъ Симакова за парту.

Когда всѣ затихли, одинъ изъ товарищей осторожно притворилъ дверь.

— Да, нѣтъ, — смутился Тырковъ, ероша волосы, — я, собственно, хотѣлъ сказать, что онъ не выгонялъ меня, а въ родѣ того, какъ бы уговаривалъ. «Еще только начало сезона, вы можете поступить въ другое училище, а ежели, говоритъ, я доведу до совѣта, васъ исключатъ безъ права поступленія въ другое учебное заведеніе».

Возмущеніе поднялось снова:

— Ну, это еще вопросъ.

— Э, чего тамъ вопросъ! Что не было что ли примѣровъ!

— Со стороны совѣта это была бы слишкомъ большая подлость.

— Видали мы, сэръ, подлости и почище.

— Ну, то было другое дѣло.

— Это ты насчетъ кухаркиныхъ дѣтей?

— А хоть бы и такъ.

— Ну, тамъ они сообразовались съ министерскимъ циркуляромъ.

— Съ циркуляромъ, не съ циркуляромъ, а подлость подлостью остается.

Тырковъ опять сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить.

Попритихли.

— Вотъ что, братцы, — торжественно началъ онъ, — я родомъ казакъ, у насъ всѣ дѣла громадой рѣшали, такъ вотъ и я къ вамъ обращаюсь, какъ вы скажете, такъ и будетъ. Скажете, чтобы я бумаги взялъ, бумаги возьму, скажете, чтобы я совѣта дожидался, буду совѣта дожидаться.

Эти слова произвели большое впечатлѣніе на классъ. Въ первый разъ возлагалась на всѣхъ такая отвѣтственность, и, видимо, всѣ почувствовали важность и серьезность этого момента.

— По-моему надо посовѣтоваться съ старшими, — робко заявилъ Бороховъ.

— Что тутъ старшіе, при чемъ тутъ старшіе!

— Что у насъ своихъ головъ что ли нѣтъ!

— Онъ обращается къ намъ, а не къ старшимъ.

Басъ Симакова покрылъ всѣ голоса.

— Мы не дѣти, мы сами себѣ должны быть старшіе.

— Вѣрно, вѣрно, — поддержали его со всѣхъ сторонъ.

— Ты какъ, Тырковъ, на это смотришь?

— Вѣрно, и я согласенъ съ Симаковымъ.

Симаковъ былъ также второгодникъ. Вѣрный другъ Тыркова, который и остался на второй годъ чуть ли не изъ-за дружескаго къ нему расположенія.

Снова всѣ умолкли и вопросительно поглядывали другъ на друга.

Группа Ростовцева и Звончѣева стояла въ сторонѣ и насмѣшливо слѣдила за всей этой бурей.

Келеповскій то терся около нихъ, то отбѣгалъ въ сторону волновавшихся и даже какъ будто дѣлалъ видъ, что онъ заодно съ ними.

Молоканинъ Степановъ, силачъ, толстякъ, всегда разсудительный и спокойный, воспользовался этимъ замѣшательствомъ, и, окинувъ подслѣповатыми глазками задумавшихся товарищей, солидно сказалъ:

— Съ бухты-барахты этого рѣшать нельзя. Вотъ въ большую перемѣну посовѣтуемся и тогда...

Онъ не успѣлъ докончить, какъ дверь быстро отворилъ дежурный Агафоновъ.

— По мѣстамъ, директоръ!

Оказывается, за общимъ волненіемъ не слышали даже звонка. Всѣ бросились по мѣстамъ. Только дежурные остались для встрѣчи директора, преподававшаго физику.

Въ классѣ наступила та непріятная тишина, которая всегда сопровождаетъ уроки властнаго и нелюбимаго преподавателя. Директора ненавидѣли и боялись, какъ человѣка и какъ учителя, хотя, какъ учитель, онъ былъ справедливъ и преподавалъ превосходно.

Твердый и мѣрный, и сухой стукъ его высокихъ каблуковъ, которые онъ носилъ, чтобы казаться выше ростомъ, непріятно отдавался въ классѣ.

Ни на кого не глядя, съ обычно сдвинутыми широкими черными бровями, вошелъ онъ въ классъ, неподвижно держа крупную почти квадратную тяжелую голову на прямо обрубленныхъ плечахъ. Все въ немъ было опредѣленно и жестко, начиная съ коротко остриженныхъ волосъ надъ низкой трапеціей лба, математически правильнаго квадрата жесткой черной бороды, кончая строго сидѣвшимъ на немъ вицмундиромъ и брюками, изъ-подъ которыхъ выступали широкіе, всегда очень блестящіе сапоги.

Казалось, это былъ человѣкъ, все стремленіе котораго состо-

яю въ неуклонной задачѣ самымъ точнымъ образомъ сочетать свою внѣшность съ своимъ духовнымъ міромъ.

Казалось, что и тамъ все у него очерчено такъ же математически сухо и правильно.

Фамилія его была Лерманъ; по происхожденію онъ былъ нѣмецъ, но въ рѣчи его не чувствовалось ни одного нѣмецкаго звука, мало того, при своемъ вступленіи въ новую должность директора, провѣряя всѣхъ учителей, на урокѣ нѣмецкаго языка, онъ строго оборвалъ нашего добродушнаго, вѣчно налитаго пивомъ преподавателя Богдана Карловича, обратившагося къ нему по-нѣмецки:

— Я не ученикъ, я директоръ русскаго училища и прошу со мной говорить по-русски-съ.

Нѣмца тогда едва не хватилъ ударъ, но зато потомъ онъ съ величайшимъ уваженіемъ отзывался о немъ:

— О, это настоящій директоръ, — и съ гордостью прибавлялъ: — Только нѣмецъ можетъ бить такой настоящнымъ директоромъ.

Лерманъ сѣлъ за каѳедру и сразу точно сросся съ ней и со стуломъ, на которомъ сидѣлъ.

Дежурный доложилъ ему, кого нѣтъ въ классѣ.

Доска была чисто вытерта, мѣлъ, губка, все было на своемъ мѣстѣ.

Дежурные, стараясь не стучать обувью, также сѣли на свои мѣста.

Все при той же непріятной тишинѣ, онъ раскрылъ журналъ и своимъ низкимъ, каркающимъ голосомъ рѣзко вызвалъ:

— Тырковъ.

Не только Тырковъ, но и весь классъ шевельнулся.

Тырковъ вытянулся.

Насторожились: думали, что сейчасъ будетъ продолженіе волновавшей насъ исторіи.

У Тыркова татарскія скулы еще болѣе выдѣлились подъ прямыми глазами.

— Урокъ-съ! — снова рѣзко каркнулъ директоръ.

Тырковъ сталъ отвѣчать.

Уже по первымъ его словамъ и тону мы поняли, что онъ отлично зналъ урокъ, и, облегченно вздохнувъ, переглянулись.

Что же это значило? Если онъ вызвалъ Тыркова, значитъ, онъ продолжалъ его считать на положеніи ученика, значитъ рѣшилъ, что Тырковъ не сдастся безъ боя, не согласится взять бумаги изъ училища, и еще главное, значитъ, что онъ не былъ увѣренъ вполнѣ,

что совѣтъ согласится съ нимъ, и теперь рѣшилъ усилить свои шансы, заставъ врасплохъ ученика.

Мы съ жаднымъ напряженіемъ ждали конца и глядѣли то съ удовольствіемъ на безукоризненно отвѣчавшаго опальнаго ученика, то на директора, лицо котораго, съ опущенными глазами, было непроницаемо.

— Хорошо-съ. Садитесь.

Тырковъ сѣлъ, но не могъ удержаться и тутъ. Его широкое выразительное лицо вздрогнуло всѣми мускулами, и мы въ одно мгновеніе увидѣли въ этомъ добродушномъ лицѣ, ни капли не похожемъ на лицо директора, не только выраженіе того, но и какъ будто даже его сухія жесткія черты.

Это было настолько поразительное и молніеносное преображеніе, что кто-то фыркнулъ, но когда директоръ поднялъ свои злые и пронзительные глаза, всѣ въ классѣ сидѣли уже съ окаменѣлыми лицами.

Когда урокъ кончился, волненіе вспыхнуло съ новой силой. Было о чемъ поговорить, а главное, происшедшее давало намъ возможность теперь смѣло объявить директору въ лицѣ Тыркова борьбу.

Это былъ рискованный шагъ съ нашей стороны, но Тырковъ самъ успокоилъ колебанія и сомнѣнія менѣе рѣшительныхъ:

— Все равно, если выгонятъ, я въ вольноопредѣляющіеся поступлю, а то пойду въ актеры на сцену.

Это событіе подняло насъ въ собственныхъ нашихъ глазахъ: шутка ли сказать, объявляется война директору пятымъ классомъ. Это заставитъ старшихъ уважать насъ наравнѣ съ собою.

— А вдругъ — провалъ, — дрожа за своего друга и за совмѣстное шествіе съ нимъ рука объ руку не только въ училищѣ, но и, какъ предполагалъ Симаковъ, дальше, прошепталъ онъ Эди.

Эди весь выпрямился, и глаза его сверкнули гнѣвомъ:

— Ну, тогда надо будетъ отомстить ему.

Келеповскій, вертѣвшійся то тамъ, то здѣсь, очутился рядомъ съ Эди, и, заискивающе глядя въ его глаза, сталъ допытываться:

— Что такое? Что такое?

Симаковъ повернулъ къ нему свое толстое насмѣшливое лицо и, въ упоръ взглянувъ въ бѣгающіе болѣзненные глаза Келеповскаго, наклонился къ его уху, какъ будто желая сообщить ему тайну, неожиданно тонкимъ голосомъ закричалъ:

— Ку-ка-ре-ку!

Всѣ захохотали, зашумѣли, запрыгали отъ удовольствія при этой нелѣпой выходкѣ.

Келеповскій сначала отскочилъ съ злымъ лицомъ и оскален-

ными зубами, но потомъ также сдѣлалъ видъ, что раздѣляетъ общее настроеніе, и сталъ также хихикать преувеличенно и неестественно.

Но въ эту минуту раздался рѣзкій голосъ директора:

— Кто смѣетъ такъ кричать!

Всѣ замерли и, опѣшивъ, съ разинутыми ртами, обернулись къ двери.

Но тутъ смѣхъ разразился съ еще большей силой: Тырковъ стоялъ въ дверяхъ, всей фигурой и лицомъ своимъ изображая директора, голосу котораго онъ подражалъ съ такимъ удивительнымъ мастерствомъ.

Тутъ ужъ поднялся невообразимый тамъ, на который, дѣйствительно, прибѣжалъ надзиратель Шкаликъ!

— Тише! Что за безобразіе. Вашъ шумъ, навѣрное, слышенъ въ самой квартирѣ директора.

— Ну что жъ и пускай слышитъ и радуется, — раздался чей-то голосъ.

— Перестаньте болтать вздоръ, или вамъ достанется. У директора больна дѣвочка.

— А-а . . . — дурачась, почти пропѣлъ классъ.

Всѣ знали, что директоръ образцовый семьянинъ и нѣжнѣйшій изъ отцовъ, но непріязнь къ нему была настолько сильна, что даже это увѣщаніе не подѣйствовало бы на расходившуюся компанію, если бы не надоѣло шумѣть.

Большинство принялось за свои завтраки. Кое-кто побѣжалъ къ сторожу выпить за пятачекъ стаканъ чаю съ кусочкомъ бѣлаго хлѣба, въ уборную — тайкомъ выкурить папиросу.

Едва я вышелъ въ коридоръ, какъ встрѣтилъ Кривошеина.

— Ну что, сэръ, какъ? — озабоченно обратился онъ ко мнѣ.

Я въ это время только что откусилъ кусокъ хлѣба и анисоваго яблока. Ничего предосудительнаго въ этомъ не было, однако, я почувствовалъ себя неловко оттого, что онъ засталъ меня съ набитымъ ртомъ, а не съ глубокимъ размышленіемъ на лицѣ. Я чуть не подавился, спѣша проглотить. А онъ торопилъ меня отвѣтомъ.

— Были тамъ? Столковались?

Странно, что Кривошеинъ также, повидимому, избѣгалъ назвать имя Наташи, какъ она его.

— Да былъ, столковались.

— Ну и какъ?

— То-есть, вы о чемъ?

— Э, чортъ, ну, какъ вообще, — съ непонятнымъ мнѣ раздраженіемъ спрашивалъ онъ, не глядя на меня.

Я наугадъ отвѣтилъ:

— Да такъ, какъ вы говорили, за семь рублей.

— Да нѣтъ, я не о томъ. Какъ вы ее нашли?

Окончательно растерявшись, я отвѣтилъ совсѣмъ глупо:

— Да вѣдь вы сами мнѣ дали адресъ.

Онъ нетерпѣливо чмокнулъ языкомъ:

— Э!

Я поспѣшилъ поправиться:

— Она, кажется, интересная и, повидимому, сознательная личность.

— Интересная, сознательная, — кривя губы, повторилъ Кривошеинъ. — Это существо изумительное. И-зу-мительное! — убѣжденно повторилъ онъ.

— Да, да, мнѣ тоже она показалась натурой богато одаренной, — поддержалъ я его, хотя покуда не имѣлъ для такого впечатлѣнія рѣшительно никакихъ данныхъ.

— О-о, — тряхнувъ головой, издалъ восторженное восклицаніе Кривошеинъ и откинулъ опустившуюся прямую прядь со лба.

— И къ тому же загадочная, — добавилъ я.

Онъ подозрительно на меня взглянулъ.

— То-есть, почему собственно загадочная, сэръ?

Я въ нѣкоторомъ затрудненіи развелъ руками, но такъ какъ въ одной рукѣ у меня все еще было откушенное яблоко, а въ другой кусокъ хлѣба, я сунулъ руки съ недоѣденнымъ завтракомъ въ карманы.

— Вотъ что, сэръ, — озабоченно обратился ко мнѣ, очевидно, задѣтый за живое Кривошеинъ. — Пойдемте-ка отсюда къ вѣшалкамъ. Тамъ никого нѣтъ, тамъ вы мнѣ и разскажете свое впечатлѣніе.

— Съ чего же разсказывать? — спросилъ я, когда мы очутились въ узкомъ коридорѣ, вдоль котораго во множествѣ висѣли, блестя золочеными пуговицами, ученическія шинели, короткія, длинныя, новыя, старыя . . .

— Да вотъ насчетъ этой самой загадочности, хотя бы . . . Откуда это у васъ явилось такое впечатлѣніе? То-есть, замѣтили вы что-нибудь въ лицѣ у нея такое, или у васъ есть болѣе основательныя причины?

Я стоялъ въ нерѣшительности. Разумѣется, мнѣ пріятнѣе было бы блеснуть своей наблюдательностью, но въ такомъ случаѣ это хвастовство пришлось бы какъ-нибудь доказать. Я рѣшилъ сказать правду и передалъ ему о встрѣчѣ Наташи съ Константиномъ.

Сѣрые близорукіе глаза Кривошеина, съ жидкими бѣлесьми

рѣсницами расширились, безъ того мутная блѣдноватая кожа его лица еще болѣе помутнѣла:

— Вотъ какъ, — произнесъ онъ измѣнившимся голосомъ. — Такъ вы говорите, она остановилась, когда увидѣла его?

— Да, остановилась.

— И онъ остановился, когда ее увидѣлъ?

— Да.

— Ну, а того... вы не замѣтили: она его позвала, или онъ самъ? — продолжалъ онъ лихорадочно допытываться.

— Нѣтъ, кажется, Константинъ самъ. Да, именно, онъ самъ, теперь я отлично помню, что она его не звала.

— Такъ, такъ. Фу, чортъ! — встряхнувъ головой, перевелъ дыханіе Кривошеинъ. — Ну, а потомъ, что же потомъ? Разсказывайте все подробно. Понимаете, все до малѣйшей черты. Тутъ каждая мелочь страшно важна для меня. То-есть, не столько для меня, сколько... сколько... Ну, да это все равно. Ну вотъ, когда онъ соскочилъ и пошелъ къ ней, вы не замѣтили, что она хотѣла убѣжать, то-есть, уйти отъ него, или тамъ отвернуться что ли, сдѣлать видъ, что не узнала, не знакома, или тамъ что-нибудь въ родѣ этого? Только хорошенько вспомните.

Я все больше и больше чувствовалъ, что тутъ, дѣйствительно, есть какая-то тайна, и, можетъ быть, очень важная. Дѣло было не только въ томъ, что Кривошеинъ былъ влюбленъ въ Наташу и ревновалъ ее къ Константину, этого даже могло и не быть, и можетъ быть, было что-нибудь болѣе серьезное, и можетъ быть, Кривошеинъ послалъ меня къ ней съ опредѣленною цѣлью, какъ товарища, на котораго можно было положиться въ отвѣтственныхъ обстоятельствахъ. Я былъ этимъ гордъ и страшно заинтересованъ.

На его вопросы я бы могъ отвѣтить безъ всякаго колебанія вполнѣ опредѣленно, но, чтобы внушить ему больше почтенія къ себѣ, притворился напряженно вспоминающимъ и лишь послѣ того, какъ раза два нахмурилъ и расправилъ брови, твердо отвѣтилъ: что не только не замѣтилъ никакого испуга въ ней и желанія уйти, а наоборотъ, склоненъ думать, что и заниматься въ этотъ вечеръ она не пожелала потому, что думала встрѣтиться съ Константиномъ. На это было похоже.

При этомъ я не преминулъ сообщить о томъ, какъ она была одѣта и какъ тихо шла, вглядываясь въ сумракъ, точно кого-то ожидая.

Но вмѣсто того, чтобы вызвать въ Кривошеинѣ удивленіе моей наблюдательности, я неожиданно разсердилъ его своимъ заключеніемъ.

— Ну, положимъ, это, сэръ, ерунда. Шляпка тамъ и все тому подобное. Ахъ, чортъ! Ахъ, чортъ! — нервно покусывая пальцы, тряся головой, поминутно откидывая спускавшуюся прядь, бормоталъ онъ про себя, мучительно морщась и вѣря и не вѣря своимъ опасеніямъ.

Я почувствовалъ, что, кажется, хватилъ черезъ край, что мнѣ вовсе не слѣдовало давать свое освѣщеніе тому, что я видѣлъ и даже что меня поразило. Я, собственно, не имѣлъ и права дѣлать ничего подобнаго. Какъ-то само собой выходило изъ всего этого, что Наташа поступала предсудительно. А между тѣмъ у меня не только не было никакого дурного чувства къ ней, а наоборотъ, явилось безотчетно зародившееся вниманіе и такая же безотчетная жалость къ ней.

А теперь, видя мучительныя волненія товарища, жаль было и его.

Чтобы смягчить ужъ слишкомъ явно прорвавшуюся досаду и огорченіе свое, Кривошеинъ сощурилъ глаза, покусалъ губы и примирительно замѣтилъ:

— Это... что она пріодѣлась, пустяки. Она всегда такъ одѣвается. Это у нея такъ, осталось...

Онъ не договорилъ и, спохватившись, взглянулъ на меня.

И опять эта недоговоренность прибавила новую черточку къ завязывавшемуся узлу тайны. Отъ чего осталось?

— Такъ, такъ, такъ, — задумчиво подводилъ свои мысленные итоги Кривошеинъ. — Вотъ что, сэръ, вы нынче вѣдь будете у ней?

— Да, непремѣнно: нынче первый урокъ.

— Передайте ей... — онъ замялся и, тряхнувъ рукою, оборвалъ это порученіе. — Нѣтъ, лучше покуда ничего не передавайте. А вотъ что...

Но и эти слова онъ не докончилъ, потому что въ это время раздался звонокъ.

Повидимому, этотъ звонокъ отрезвилъ Кривошеина настолько, что онъ самъ былъ доволенъ тѣмъ, что не высказалъ и этой мысли.

— Ничего, ничего не говорите, — бросалъ онъ мнѣ на ходу.— И даже не говорите того, что... Ну вотъ, что мы обо всемъ этомъ бесѣдовали. Еще одно, — готовый ужъ совсѣмъ разстаться со мной, обратился онъ ко мнѣ. — Она обо мнѣ ничего не спрашивала?

— Нѣтъ, не спрашивала.

— И... и... не поминала? — въ затрудненіи выговорилъ онъ.

— Разъ помянула.

— Ну?

— Вотъ, что она не согласилась, чтобы вы безплатно давали ей урокъ.

— А-а, только это?

— Только.

— И то ладно.

Онъ на своихъ высокихъ тонкихъ ногахъ, перескакивая черезъ ступеньку, побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, и его прямые длинные волосы безпорядочно трепались.

XV.

Несмотря на все происшедшее, я ни на минуту не забывалъ о томъ, что по окончаніи урока долженъ встрѣтиться съ Эллой.

Надо было устроиться такъ, чтобы обойтись безъ спутниковъ. Въ ненастную погоду это было нетрудно: каждый спѣшилъ какъ можно скорѣй добраться домой. А тутъ день разгулялся, и товарищи льнули другъ къ другу, дѣлясь впечатлѣніями, а то и изъ стратегическихъ соображеній. Дѣло въ томъ, что какъ-то изстари велось, что реальное училище и гимназія состояли въ воинственныхъ отношеніяхъ, и при встрѣчахъ нерѣдко завязывались между тѣми и другими основательныя сраженія съ кровопусканіями изъ носу и съ подставкой другъ другу фонарей. Случалось даже, особенно прежде, что обѣ враждебныя стороны участвовали и въ мѣстныхъ бояхъ, или, какъ у насъ называли, буяхъ, происходившихъ между горными мѣщанами, съ одной стороны и городскими жителями — съ другой. И если гимназисты становились на сторону городскихъ, реалисты соединялись съ горными и обратно.

Но въ послѣдніе годы и самые бои нѣсколько утратили свой удалой эпическій характеръ, да и ученики измельчали значительно. Однако, злобы въ этихъ сраженіяхъ не было, скорѣе всего это была ревность, столько же въ отношеніи своихъ учебныхъ заведеній, сколько и въ отношеніи успѣха у мѣстныхъ гимназистокъ, которыя, естественно, также поэтому дѣлились на два враждебныхъ лагеря.

Однако, когда реалистамъ и гимназистамъ случалось сталкиваться съ семинарами, противники мгновенно превращались въ союзниковъ, такъ какъ семинаристы были народъ болѣе крупный и свирѣпый.

И сегодня поговаривали о боевой встрѣчѣ съ семинаристами. Обычно я очень не прочь былъ подраться, но на этотъ разъ мнѣ было не до того.

Я отговорился тѣмъ, что послѣ болѣзни чувствую себя еще слабымъ. Оставалось отдѣлаться отъ попутчиковъ; самое удобное

было въ этомъ случаѣ оттянуть выходъ изъ училища, но тутъ ко мнѣ какъ на грѣхъ присталъ сынъ выкреста, портного съ нашего двора Бороховъ: существо по виду очень жалкое, грязноватое, робкое и потому нѣсколько презираемое всѣмъ классомъ.

Со вступленіемъ новаго директора Бороховъ, страшный бѣднякъ, какимъ-то чудомъ остался въ училищѣ, несмотря на жестокое гоненіе, воздвигнутое на неимущихъ учениковъ низкаго происхожденія.

Правда, Бороховъ былъ первый ученикъ, но это врядъ ли могло бы его спасти, и, навѣрное, ему самому и кривоногому несчастному отцу его пришлось прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мольбамъ и униженіямъ, чтобы Абрамъ могъ остаться въ училищѣ.

Онъ, очевидно, поджидалъ въ раздѣвалкѣ, но при видѣ меня притворился, что замѣшкался также нечаянно.

Въ то время, какъ всѣ ученики говорили другъ другу ты, онъ обращался на вы даже къ тѣмъ, кто говорилъ ты ему.

— О, Гарьковъ! — воскликнулъ онъ съ акцентомъ, съ которымъ уже родился на свѣтъ, несмотря на то, что отецъ его, изъ николаевскихъ кантонистовъ, понятія не имѣлъ ни о какомъ языкѣ, кромѣ русскаго, да и мать его была русская баба.

Вытянувъ тонкую шею съ непомѣрно большой сравнительно съ его слабымъ худымъ тѣломъ головою въ мелкихъ тугихъ черныхъ кудряхъ, онъ заулыбался всѣмъ своимъ заостреннымъ веснущатымъ лицомъ, съ котораго даже улыбка не могла согнать выраженіе сосредоточенной печали и тоски, таившейся въ его большихъ болѣзненныхъ, никогда не улыбавшихся глазахъ.

— Я думалъ, что я послѣдній, — продолжалъ онъ, какъ всегда, при каждомъ движеніи рукъ или ногъ, покачивая головой, которой какъ будто тяжело было держаться на этой тонкой шеѣ. — Тѣмъ лучше, айда вмѣстѣ. Мы вѣдь шабры. Пойдемъ вмѣстѣ, найдемъ двѣсти.

Онъ вовсе не старался говорить съ тѣмъ нѣсколько преувеличеннымъ колоритомъ, который рѣдко дается инородцамъ. Онъ не могъ говорить иначе. И все-таки нѣкоторыя выраженія звучали у него смѣшно, столько же благодаря его произношенію, сколько и наружности.

Я уклончиво отвѣтилъ, что мнѣ нужно еще зайти въ одно мѣсто.

— Ну, что жъ, я васъ подожду. Я хотѣлъ поговорить съ вами, Гарьковъ.

— О чемъ? — спросилъ я довольно сухо.

— Видите ли вѣдь, живемъ въ одномъ дворѣ. Къ сожалѣ-

нію, мнѣ никто объ этомъ не сказалъ раньше, иначе я непремѣнно посѣтилъ бы васъ во время вашей болѣзни.

Я молчалъ.

Онъ и раньше какъ-то стѣснялъ меня своимъ прилипчивымъ вниманіемъ ко мнѣ. Изъ всего класса онъ особенно выдѣлялъ почему-то меня и Муратова, и меня даже больше, несмотря на то, что я, находясь подъ вліяніемъ общаго, почти брезгливаго отношенія къ нему, былъ съ нимъ не только холоденъ, но подчасъ и несправедливо пренебрежителенъ. Между тѣмъ, какъ Муратовъ былъ съ нимъ болѣе, чѣмъ со всѣми, ласковъ и чутокъ и деликатенъ.

— Такъ вотъ, — продолжалъ Бороховъ, какъ-то бокомъ идя со мною, колеблясь своимъ тощимъ тѣломъ и покачивая головой.— Я хотѣлъ потолковать съ вами.

Онъ такъ просительно заглядывалъ мнѣ въ лицо своими тоскующими глазами, какъ будто намѣревался что-то вымолить.

Я продолжалъ идти молча, съ досадой на его навязчивость, которая сейчасъ особенно меня тяготила.

— Вѣдь вы отстали въ урокахъ, такъ я хотѣлъ вамъ предложить заняться съ вами. Ручаюсь вамъ своей головой и даже своей длинной шеей, что въ какіе-нибудь десять дней, даже того меньше, мы догонимъ классъ. Ну, какъ вы объ этомъ думаете?

Мнѣ стало совѣстно за свое отвратительное къ нему отношеніе, но какъ разъ въ эту минуту, оглянувшись, я замѣтилъ Эллу, которая вышла изъ-за угла и направилась по той сторонѣ, по которой шли и мы.

Не будь этого обстоятельства, я сумѣлъ бы смягчить свою рѣзкую молчаливость въ отношеніи этого бѣдняги и, можетъ быть, съ благодарностью принялъ бы его предложеніе, но тутъ, весь загорѣвшись однимъ желаніемъ поскорѣе избавиться отъ него, я довольно неудачно пробормоталъ, сдѣлавъ видъ, какъ будто что-то забылъ въ училищѣ.

— Ахъ, я долженъ вернуться! — ткнулъ ему на прощанье руку и, не оглядываясь, пустился навстрѣчу Эллы.

Но такъ прямо подойти къ ней да еще на виду у Борохова, который могъ слѣдить за мною, я не смѣлъ и потому пустилъ въ ходъ хитрость: юркнулъ въ училищный дворъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ мнѣ что-то тамъ было надо, а самъ сталъ за калиткою, дрожа отъ нетерпѣливаго волненія, боясь одного: какъ бы Элла, увидѣвъ этотъ маневръ, не повернула назадъ и не пошла другой улицей.

Но черезъ минуту я въ щелочку увидѣлъ, что она идетъ мимо, вся освѣщенная солнцемъ, которое уже почти совершенно разогнало

облака, нависшія за Волгой. Тѣнь отъ ея фигуры на мигъ упала даже въ пролетъ калитки и вызвала во мнѣ мгновенную нѣжность.

Но лишь только тѣнь исчезла за заборомъ, затрепетавшее сердце мое не выдержало, я вырвался изъ своей засады и сразу очутился рядомъ съ Эллой.

Достаточно мнѣ было одного ея взгляда, чтобы понять, что она мое стихотвореніе прочла, и радостное предчувствіе подсказало мнѣ, что приговоръ будетъ милостивый, но страшно важно было услышать это отъ нея самой.

И когда она раскрыла свои чистыя полныя губы, мнѣ показалось, что она прежде всего скажетъ это. Но она проговорила съ лукавой улыбкой:

— А я видѣла, какъ вы вернулись, и ужъ думала пойти по другой улицѣ.

Послѣднее была наивная ложь, но и я отвѣтилъ такой же ложью:

— Да, я вернулся. Мнѣ показалось, что я забылъ книгу въ классѣ, но, не успѣлъ добѣжать до двери, вспомнилъ, что не забылъ.

Она разсмѣялась и тѣмъ дала мнѣ понять, что отлично хитрость мою разгадала.

Только тутъ я вспомнилъ объ оставленномъ мною товарищѣ, и готовъ былъ крикнуть отъ досады, когда увидѣлъ, что Бороховъ очевидно поджидалъ меня на томъ мѣстѣ, но лишь только увидѣлъ меня съ Эллой, вытянулъ голову, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, пустился впередъ, припадая на свои тонкія вихлястыя ноги.

Я сконфузился лишь на мгновеніе, а затѣмъ, какъ дуракъ, сталъ вторить ея смѣху.

— Ахъ, какой онъ забавный, какой онъ забавный! — проговорила она, и при этомъ новомъ источникѣ смѣха, голубыми счастливыми глазами взглянула прямо въ мои глаза, которые вмѣстѣ съ моимъ смѣхомъ отвѣтили ей такой же счастливой радостью.

На первомъ же поворотѣ Бороховъ юркнулъ въ сторону. Постепенно погасъ нашъ смѣхъ, но послѣ него мы не сразу могли найти о чемъ говорить: слова казались пусты и бѣдны.

Наконецъ, она сказала:

— Мея просила передать вамъ поклонъ.

— А развѣ она знала, что мы встрѣтимся?

Элла чуть-чуть смутилась, нечаянно выдавъ себя этимъ поклономъ.

— Нѣтъ... не знаю... можетъ быть, да. Она видѣла утромъ и очень меня дразнила.

Я почувствовалъ себя виноватымъ за то, что ей можетъ быть

пришлось страдать за меня, но не скажу, чтобы эта мысль мнѣ не доставила удовольствія. Однако, что же она молчитъ о стихотвореніи?

Чтобы хоть отдаленно намекнуть ей на это, я опять попросилъ у нея понести книжки ея.

На этотъ разъ она вручила мнѣ ихъ безъ всякихъ оговорокъ.

— А мнѣ дайте ваши. Непремѣнно дайте! — прибавила она, видя мое колебаніе.

Мы обмѣнялись книжками, и уже въ самомъ этомъ обмѣнѣ было что-то знаменательное. Я съ благодарностью взглянулъ на книжку, послужившую мнѣ посредникомъ. Я догадывался, что и Элла неспроста попросила мои книги, и потому нѣкоторое время избѣгалъ глядѣть въ ея сторону.

Дѣлая видъ, что разсматриваю надпись на корешкахъ книгъ ея, я съ нѣжностью прочелъ вслухъ:

— *Богослуженіе.*

И, не глядя, замѣтилъ, какъ она на одно мгновеніе отстала отъ меня, и, по отбрасываемой ею тѣни, увидѣлъ, какъ руки ея сдѣлали быстрое движеніе, и также, не глядя на меня, она прочла на корешкѣ одной изъ моихъ книгъ:

— *Алгебра.*

Это слово меня взволновало и обрадовало. Я порывисто протянулъ руку за книгами.

— Нѣтъ, я еще ихъ понесу.

— Но у васъ устанетъ рука; это такія тяжелыя книги.

— Нѣтъ, онѣ мнѣ совсѣмъ не кажутся тяжелыми.

То, что она не рѣшалась сразу вернуть мнѣ ихъ, поддержало мою увѣренность въ томъ, что въ алгебрѣ, съ ея бездушными ненавистными мнѣ формулами и иксами, таится значеніе того неизвѣстнаго, которое для меня сейчасъ важнѣе всего въ мірѣ.

Однако, вплоть да самаго поворота на Провіантскую улицу, гдѣ жила Элла, мы не обмолвились ни однимъ словомъ ни о стихахъ, ни о всемъ томъ, что насъ занимало.

И какъ незамѣтно, какъ быстро дошли мы до разлучавшаго насъ угла.

Конечно, я могъ бы проводить ее до самыхъ дверей, но насъ могли замѣтить случайно, и хотя мы не выразили вслухъ этихъ опасеній, все же разстались, только тутъ размѣнявшись книгами, чтобы встрѣтиться завтра поутру, хотя и объ этомъ при прощаньи даже не намекнули другъ другу.

Я изъ-за угла посмотрѣлъ ей вслѣдъ:

— Милая, милая, — сорвалось у меня, но я тутъ же испуганно оглянулся во всѣ стороны. Мнѣ показалось, что я произнесъ это слово ужасно громко и что его услышала эта старая, до такой степени согбенная старуха, что послѣ стройной фигуры Эллы она мнѣ показалась чудовищемъ.

Мы, очевидно, прошли мимо нея и даже ея не замѣтили.

«Откуда это она тутъ очутилась?» суевѣрно подумалъ я. Мнѣ надо было пройти нѣсколько шаговъ ей навстрѣчу, но показалось, что, поровнявшись со мной, она вдругъ выпрямится и засмѣется мнѣ въ лицо своимъ беззубымъ искривленнымъ ртомъ.

Я поспѣшилъ перейти на другую сторону.

Тутъ я вырвалъ изъ ремней *Алгебру* и сразу открылъ ее на мѣстѣ, куда была засунута записочка Эллы.

Написана она была на вырванномъ изъ тетради линованомъ листикѣ карандашомъ. Я мгновенно прочелъ ее. И въ первую минуту то, что было въ ней написано, даже немножко меня какъ будто разочаровало.

Я ожидалъ какихъ-то особенныхъ словъ, похожихъ на цвѣты и звѣзды, а тутъ были самыя обыкновенныя слова, и одно изъ нихъ съ довольно грубой грамматической ошибкой.

«Мнѣ ужасно, ужасно понравились ваши стихи. Я ихъ даже выучила уже наизусть въ большую перемѣну. Вы должны ихъ напечатать не премѣнно, не премѣнно!

Элла».

Но подъ этими незначительными съ перваго взгляда строками она смѣло подписалась своимъ полнымъ именемъ, не то, что Олечка, которая поставила лишь первую начальную букву. Мало того, въ этомъ приговорѣ слышится настоящій восторгъ и радость ея сердца, и это съ ошибкой написанное слово *не премѣнно,* идетъ къ ея письму. Чего же еще я могъ ожидать?

Послушаюсь ее и нынче же *не премѣнно* отнесу эти стихи въ редакцію мѣстнаго листка.

Мрачная старуха вынырнула въ памяти. Я оглянулся: ея уже не было. Исчезла такъ же неожиданно, какъ появилась, точно провалилась сквозь землю.

Еще и еще разъ перечиталъ я письмо, и оно свѣтло улыбнулось мнѣ всѣми своими буквами. Я бережно спряталъ его во внутренній карманъ куртки, гдѣ хранились мои стихи и тамъ же письмо Олечки и поспѣшилъ домой, такъ какъ сразу почувствовалъ голодъ.

Опоздай я къ обѣду, придется ѣсть холодные остатки.

XVI.

Это былъ большой день для меня: помимо всего происшедшаго, предстояло отнести стихи въ редакцію газеты, дать первый урокъ Наташѣ, а вечеръ послѣ урока провести на собраніи товарищей. Объ этомъ увѣдомилъ Эди, забѣжавшій ко мнѣ послѣ обѣда.

Въ этотъ день какъ разъ были готовы его большіе сапоги, и онъ тутъ при мнѣ, гордо ихъ надѣлъ.

Отъ сапогъ сильно пахло простой кожей, но Эди любовался ими:

— Замѣчательно удобно!

— Но если начальство увидитъ, пожалуй, тебѣ за это достанется.

— Э, Кривошеинъ, однако, не боится.

— Но я его видѣлъ въ этихъ сапогахъ только у себя, въ сумеркахъ.

Эди обидѣлся за Кривошеина.

— Ну, ужъ это напрасно. Кривошеинъ не изъ тѣхъ, которые боятся страдать за убѣжденія.

Эди такъ и ушелъ въ большихъ сапогахъ, захвативъ свои маленькіе щегольскіе ботинки.

Я усердно принялся за уроки, но въ этой самой алгебрѣ, которая сослужила мнѣ столь вѣрную нѣжную службу, сразу напалъ на камень преткновенія.

Помня обѣщанія Кривошеина и самого математика, я бы могъ обратиться за разрѣшеніемъ къ нимъ, но тутъ подъ бокомъ былъ Бороховъ. И я рѣшилъ пойти къ нему, несмотря на нѣкоторую неловкость и даже виноватость передъ нимъ.

Какъ это ни странно, въ данномъ случаѣ мнѣ легче всего было обратиться именно къ Борохову, а не къ кому-либо другому. Тутъ почему-то самолюбіе мое страдало меньше.

Бороховъ очень волновался и обрадовался, увидѣвъ меня.

— Э, я и не думалъ, что вы нынче придете.

Я смутился и поспѣшилъ оправдаться и загладить свою увертку.

— Это вышло ужасно глупо, вы не подумайте, пожалуйста...

— Э, что тамъ, — перебилъ онъ меня. — Конечно, если бы вы мнѣ просто сказали, я бы что жъ... Я бы вамъ только былъ благодаренъ за довѣріе, я бы, все равно, ничего не зналъ... Вы понимаете?..

— Да, да, — смущенно постарался я замять этотъ разговоръ и перешелъ къ дѣлу.

— Отлично, отлично. Но только я не знаю, можетъ быть, у васъ это удобнѣе?

Какъ разъ въ эту минуту раздался пронзительный дѣтскій плачъ, рѣзкой нотой проходя сквозь шумъ маленькой портновской мастерской, говоръ голосовъ, стукъ ножной машины, частый женскій кашель и отрывистые оклики, которые доносились въ сѣни, подобныя нашимъ, гдѣ меня встрѣтилъ Бороховъ.

Домишко былъ такой же, какъ у сапожника: также въ первой комнатѣ помѣщалась мастерская, гдѣ на большомъ столѣ, придвинутомъ къ окну и вылощенномъ человѣческими тѣлами, сидѣли, скрестивъ ноги, мастеръ и подмастерье портные, босикомъ, одинъ въ розовыхъ подштанникахъ съ бѣлыми полосами, другой въ затертыхъ бѣлыхъ съ синими.

Среди нихъ я узналъ отца Абрама, маленькаго, плѣшиваго старика съ остатками, какъ у сына, волосъ, которые бордюромъ вились надъ шеей. Рыжая, веснущатая чахоточная дѣвушка — сестра Абрама тутъ же стучала на портновской машинѣ, а дальше виднѣлась полная рыхлая пожилая женщина съ больными ногами, кормившая грудью ребенка. Возлѣ нея копошилась пара грязныхъ ребятишекъ, и одинъ-то изъ нихъ и кричалъ, сидя на полу, послѣ тычка, которымъ за что-то наградила его мать.

И здѣсь пахло еще болѣе непріятно терпко и кисло, чѣмъ въ сапожной. И нельзя было не согласиться съ Абрамомъ, что у меня, пожалуй, заниматься все-таки удобнѣе.

Пока мы проходили дворъ, Бороховъ, какъ будто про себя, пробормоталъ, покачивая головой и пожимая костлявыми плечами:

— Странные мы люди, очень странные... Я многаго не могу понять, хотя самъ такой же: чего не надо бы скрывать, скрываютъ, а что стыдно, то часто выставляютъ на показъ. Людямъ нужна любовь. О, Боже мой, какъ нужна! — возвысилъ онъ голосъ. — Нужно взаимное довѣріе, а его нѣтъ, — вздохнулъ онъ. — И такъ трудно его встрѣтить, и такъ всѣ другъ друга боятся... Ну, я сынъ рабскаго племени, это такъ. А скажите, какъ вы?..

— Да вѣдь я тоже сынъ раба, — отвѣтилъ я ему.

Онъ точно обрадовался этому моему признанію.

— Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ! Да, да, но вѣдь отъ этого надо освобождаться... Надо заставить быть себя прямымъ, искреннимъ и... смѣлымъ.

Это слово жалко прозвучало въ его блѣдныхъ и робко очерченныхъ губахъ.

— Бороховъ, — остановившись, обратился я къ нему.

Онъ, точно испугавшись, повернулъ ко мнѣ голову.

— Ну?

— Почему вы держитесь въ сторонѣ отъ товарищей?

— Я?! — съ изумленіемъ воскликнулъ онъ.

— Ну да, то есть, я хотѣлъ сказать, почему вы, напримѣръ, не ѣздите никогда съ вами на лодкѣ?

— А, это другое дѣло.

— Такъ славно, особенно весною, когда Волга широко разливается, когда на островѣ поляны покрываются бѣлыми ландышами, какъ снѣгомъ . . .

— Я этого не понимаю: природа мало трогаетъ меня. Мнѣ кажется, это и не важно.

— Наоборотъ, ничто такъ не располагаетъ къ сближенію, какъ эти совмѣстныя поѣздки.

— Не знаю, я пробовалъ, но. Мнѣ это не дается.

— То есть, какъ не дается?

— Ну, я вамъ скажу. Я немножко боюсь утонуть, а потомъ меня укачиваетъ. Даже, когда нѣтъ волнъ, мнѣ дѣлается немножко тошно. Я пробовалъ привыкать, ѣздилъ безъ товарищей съ надежнымъ лодочникомъ и не дается. Э, да все равно! — махнувъ рукой, съ горечью произнесъ онъ. — Увѣряю васъ, это не то.

— Но что же? — спросилъ я, по себѣ чувствуя, что онъ правъ.

— А развѣ я знаю. Можетъ быть, мой еврейскій носъ, и то, что я никакъ не могу выговорить какъ слѣдуетъ слово: вѣроятно, — съ обычной насмѣшкой надъ собой закончилъ онъ.

Мы стояли у крыльца нашей хибарки. Мнѣ хотѣлось какъ-нибудь опровергнуть то, что онъ говоритъ, но какъ я могъ это сдѣлать, когда у самого у меня въ глубинѣ души копошилось сознаніе какой-то вины передъ нимъ.

Я нерѣшительно отвернулся отъ него и смотрѣлъ на Волгу, сначала лишь притворяясь заинтересованнымъ большимъ пассажирскимъ пароходомъ Американской компаніи, который выходилъ на середину рѣки, бросая въ неподвижный воздухъ черный султанъ расползавшагося дыма, который слабо отражался въ помутнѣвшей по-осеннему водѣ, а потомъ постепенно отдаваясь знакомому навсегда ласковому впечатлѣнію.

Пароходъ шелъ, какъ большой красивый домъ съ множествомъ стеколъ и огибалъ затопляемую начинавшей прибывать водою золотистую отмель песковъ. Пароходъ глухо и мѣрно стучалъ колесами, оставляя за собой двѣ длинныя волнующіяся полосы. Вдали за Волгой, виднѣлась въ осеннемъ ясномъ воздухѣ Покровская слобода,

смутно рѣющіе силуэты церкви и мельницы. Далеко уходилъ плоскій берегъ, и темныя тучи ложились на него, какъ сказочныя чудовища на древнее ложе свое.

Откуда-то издали доносилась шарманка. Тягучіе унылые звуки разливались въ тишинѣ и щемили душу.

Стукъ пароходныхъ колесъ, звуки шарманки, Волга и тучи и даль, все это какъ-то удивительно трогало и роднило съ собою.

«Какъ можно этого не любить!» — съ огорченіемъ за него подумалъ я и, обернувшись, увидѣлъ, съ какимъ недоумѣніемъ Бороховъ смотритъ въ маленькое потускнѣвшее окошечко мастерской.

На подоконникѣ, за стекломъ, въ полуразбитыхъ черепкахъ и горшечкахъ что-то наивно зеленѣло. Можетъ быть, ростокъ любовно ткнутаго въ землю апельсиннаго или лимоннаго зернышка, а то такъ просто бѣдная травка.

Я вспомнилъ такія же подслѣповатыя окошечки Бороховской мастерской: тамъ не было ни одного зеленаго пятнышка.

«Но не въ этомъ же дѣло, — съ тоской и недоумѣніемъ сказалъ я себѣ, — а если и такъ, за это можно только пожалѣть».

И мнѣ, дѣйствительно, вдругъ такъ стало жаль Борохова, что я въ искреннемъ порывѣ протянулъ ему руку.

— Послушайте, Бороховъ, давайте водиться съ вами.

Онъ страшно обрадовался, покраснѣлъ и замигалъ своими большими печальными глазами съ набѣгающими вѣками.

Слабая костлявая рука его нервно отвѣтила на мое пожатіе.

— Правда? — радостно вырвалось у него. — Ну, такъ я скажу вамъ, что давно этого хотѣлъ. Почему? Самъ не знаю, но именно хотѣлъ, чтобы это были вы.

Онъ какъ-то захлебнулся послѣдними словами, и уже не сжималъ, а безпокойно перебиралъ мои пальцы.

— И знаете, что . . .

Я хотѣлъ предложить ему говорить другъ другу ты, но почему-то осѣкся и неожиданно для себя закончилъ:

— А говорить другъ другу будемъ вы.

— Да, да, это будетъ лучше, — возбужденно проговорилъ онъ, очевидно, понявъ то, что вырвало у меня эти слова и что ужъ никакъ не могло быть обидно для него.

Передъ тѣмъ, какъ отправиться къ Наташѣ, я рѣшилъ занести въ редакцію тщательно переписанное стихотвореніе «Астры». Подписаться своей фамиліей все же я не дерзнулъ и четко вывелъ подъ стихами псевдонимъ Эллинъ. Псевдонимъ этотъ съ двойнымъ смысломъ давалъ мнѣ лазейку при возможности подозрѣній со стороны.

Редакція помѣщалась на самой главной улицѣ, *Нѣмецкой*.

Когда я очутился у завѣтной двери, руки и ноги у меня ослабѣли и похолодѣли.

Первая комната была контора.

— Подписка или объявленія? — строго встрѣтила меня сидѣвшая за перегородкой стриженая дама въ очкахъ.

— Нѣтъ, — я замялся. — У меня стихи.

— Ну, такъ идите туда, въ редакцію, — недружелюбно кивнула она мнѣ головой на дверь.

На этой двери висѣло объявленіе: «Постороннимъ входъ воспрещается».

Я поколебался, однако, поднялся на нѣсколько ступенекъ къ двери и несмѣло отворилъ ее.

Редакція почему-то мнѣ представлялась чѣмъ-то въ родѣ куполообразной комнаты, похожей на храмъ, гдѣ вмѣсто иконъ висятъ портреты знаменитостей и красуются ихъ мраморные бюсты. Вмѣсто этого я увидѣлъ подобіе ремесленной мастерской, гдѣ взамѣнъ товара валялись на столѣ и на полу газеты, цѣлыя, смятыя и искромсанныя.

За столомъ сидѣлъ человѣкъ, нѣсколько даже похожій на моего хозяина, и огромными ножницами кромсалъ газетные листы и вырѣзанные клочья тутъ же наклеивалъ на бумагу клейстеромъ изъ большой банки, откуда торчала ручка отъ кисти.

Другой, высокій, худощавый, съ громаднымъ бѣлымъ лбомъ и длинными усами, спребалъ со стола исписанные листы и тискалъ ихъ въ большую корзину, стоявшую около его кресла, мурлыкая про себя что-то очень унылое.

Я переминался съ ноги на ногу, не зная, какъ привлечь ихъ вниманіе. И ужъ приготовился кашлянуть, какъ раскрылась маленькая дверь въ углу комнаты. Я на минуту увидѣлъ въ растворъ ея вдали крутящееся колесо, услышалъ стукъ машины и ощутилъ запахъ колоти и масла, напомнившій мнѣ запахъ свѣжей газеты.

Насквозь прокопченный, худой человѣкъ вошелъ съ длинными полосами отпечатанной бумаги и положилъ ихъ на столъ передъ усатымъ.

Тотъ мелькомъ взглянулъ на нихъ и тряхнулъ звонкомъ

Человѣкъ также безмолвно исчезъ, какъ и вошелъ.

Отстранивъ меня отъ двери, вбѣжалъ мальчикъ.

— Къ цензору, — распорядился усатый, прерывая мурлыканье и подавая мальчику листки. Тутъ онъ замѣтилъ меня.

— Вамъ что?

Я, не двигаясь, пробормоталъ:

— У меня стихи.

Онъ холодно блеснулъ на меня стеклами очковъ въ золотой оправѣ.

— Иванъ Антонычъ, это по вашей части, — и опять затянулъ свой похоронный мотивъ.

Человѣкъ съ ножницами поднялъ на меня глаза.

— Стихи. Стихи. Вотъ напасть! Это нынче уже десятое. — Онъ внимательно на меня посмотрѣлъ и уже мягче сказалъ: — слава Богу, что хоть не дѣвица.

— Надо бы объявить въ газетѣ, что стиховъ больше не принимаемъ. Довольно бы съ насъ и Тихообразова, — вскользь замѣтилъ другой.

Тихообразовъ былъ мѣстный поэтъ: высокій, блѣдный молодой человѣкъ, зимою и лѣтомъ ходившій въ пледѣ. Съ какой завистью глядѣлъ я на его меланхолическую фигуру, когда онъ гулялъ въ Липкахъ по уединеннымъ аллеямъ! Завидовалъ я не только его славѣ, пледу и длиннымъ волосамъ, но и худобѣ и блѣдности лица его, происходившей, впрочемъ, какъ я убѣдился впослѣдствіи, не столько отъ его высокихъ чувствъ, сколько отъ хроническаго недоѣданія.

— Нельзя, надо поощрять молодые таланты, — насмѣшливо отвѣтилъ его сподвижникъ и, лязгнувъ ножницами такъ, что я вздрогнулъ, протянулъ руку:

— Ну, давайте ужъ. Много ли у васъ тамъ?

— Я сунулъ руку въ карманъ, но не могъ сразу достать то, что нужно, то попадалось письмо Эллы, то письмо Олечки.

— Вотъ, — съ трепетомъ подалъ я, наконецъ, свое творенiе. Всего одно.

— Ну это милостиво. Мы его сейчасъ и прочтемъ.

Однако прежде всего онъ прочелъ подпись.

— Эллинъ. Это что же ваша настоящая фамилія?

— Нѣтъ.

— Вы что же греческаго происхожденія? — насмѣшливо спросилъ онъ.

Я почувствовалъ ненависть къ этому насмѣшнику, и сурово отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

— Почитаемъ. Астры. Это ничего, заглавіе по сезону.

Дальнѣйшее онъ читалъ уже про себя, и въ эти короткія минуты я испытывалъ нѣчто, подобное тому, что испыталъ въ раннемъ дѣтствѣ, когда отецъ, чтобы научить плавать, бросилъ меня на глубокомъ мѣстѣ съ плота.

Онъ поднялъ на меня глаза.

— Вамъ сколько лѣтъ?

— Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ шестнадцать.

Мой судья неодобрительно покачалъ головой.

— Не только молодой, но безсовѣстно молодой человѣкъ.

Вѣроятно онъ понялъ мои страданія.

— Стихъ у васъ недурной: и размѣръ, и риѳмы, и все такое. Но кому это нужно? Я. Меня. Мнѣ...

— Но у Пушкина тоже есть стихотворенія съ личными мѣстоименіями.

— У Пушкина! Вы сначала станьте Пушкинымъ. А то кому теперь какое дѣло до вашего я.

На этотъ разъ я былъ вполнѣ убѣжденъ, что онъ не правъ, и это меня ободрило.

— Но и не только у Пушкина...

Я уже хотѣлъ щегольнуть своими знаніями касательно субъективной и объективной поэзіи, но онъ равнодушно махнулъ рукой.

— Все это баловство, канитель. Вы намъ, батюшка, что нибудь о народѣ, о борьбѣ со зломъ, что-нибудь этакъ въ родѣ Некрасовскаго. А такія штуки покуда про себя оставляйте.

Онъ вернулъ мнѣ стихотвореніе, которое для меня теперь значило не больше, чѣмъ простой клочекъ бумаги.

Я неловко раскланялся и вышелъ, чуть-чуть не полетѣвъ съ лѣстницы.

Недоставало только, чтобы на смѣхъ стриженой дамы и редакціоннаго сторожа, который тутъ же въ уголкѣ пилъ изъ жестяного чайника чай, я расквасилъ себѣ носъ.

Да, мое выступленіе на путь славы предвѣщало мало хорошаго. Пробовалъ было я утѣшать себя тѣмъ, что редакторъ похвалилъ форму моихъ стиховъ, даже тѣмъ, что онъ приглашалъ принести новые стихи; вспомнилось при этомъ то, что говорили о стихахъ Кривошеинъ и Лисуновъ.

«Хорошо же, — твердо рѣшилъ я, разозлившись и на редактора, и на товарищей, — я напишу такое, а все-таки не перестану писать и о моей любви».

Однако, о своей неудачѣ передъ Эллой я рѣшилъ умолчать.

На урокъ я запоздалъ, но это было лучше: мастерская уже опустѣла и очистилась, и моя ученица ждала меня при лампѣ въ уголкѣ за столикомъ.

Здороваясь со мной, она какъ-то испытующе на меня посмотрѣла, можетъ быть, ожидая, что я скажу ей что-нибудь о Кривошеинѣ, или о ея встрѣчѣ съ Константиномъ, но я важно приступилъ къ дѣлу.

Она уже азбуку знала, но выучила ее по-старинному: азъ, буки...

Повернувъ на звуковой методъ, я сталъ произносить передъ ней буквы. Она съ усиленнымъ вниманіемъ смотрѣла мнѣ прямо въ ротъ, машинально повторяя не только движеніе моихъ губъ, но, повидимому, и выраженіе лица, и эти гримасы придавали ея лицу что-то дѣтское.

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ меня внезапно озарило:

Боже мой, да вѣдь она похожа на Олечку: этотъ изгибъ губъ, очеркъ лба, глаза!.. Но только все было рѣзче, грубѣе, и она, можетъ быть, казалась старше, чѣмъ была въ дѣйствительности.

Это настолько меня поразило, что даже немножко мѣшало заниматься.

— Теперь соедините эти двѣ буквы: А и Б въ одинъ слогъ.

Она старательно исполнила.

— Теперь поставьте наоборотъ: А послѣ Б и произнесите вмѣстѣ.

Она и это сдѣлала сразу, и радостно засмѣялась, когда, заставивъ ее дважды повторить этотъ слогъ, я шутливо поздравилъ ее, что она уже умѣетъ читать: баба.

Весь урокъ она держала себя, какъ прилежная внимательная дѣвочка, усваивая все съ большой свободой и легкостью. Мы прозанимались почти цѣлый часъ и, по окончаніи урока, я ей сказалъ, что дѣло у насъ пойдетъ хорошо.

Она все смѣялась и удивленно качала головой.

— Я и сама не думала, что выйдетъ такъ славно. Пожалуй, такъ мы скоро и писать начнемъ.

— Непремѣнно.

И во время урока, и теперь, поразившая меня мысль не давала мнѣ покоя, она металась у меня въ головѣ, какъ мышь, попавшая въ клѣтку, я и радъ былъ бы выпустить ее на волю, но дверца сама собой захлопнулась.

Если бы я не видѣлъ ее съ Константиномъ, это обстоятельство мнѣ показалось бы случайнымъ совпаденіемъ, вотъ и все.

То, что мнѣ раньше смутно приходило въ голову, что Константинъ и Кривошеинъ соперники, теперь пошатнулось. Тутъ что-то было не то. Что-то болѣе сложное и загадочное.

Однако, я долженъ былъ сознаться себѣ, что у меня всегда, съ самаго ранняго дѣтства была нелѣпая склонность: самыя простыя вещи окружать дикими вымыслами и тайнами. Сколько разъ, думая о своемъ нищенскомъ и ужъ нисколько не фантастичномъ проис-

хожденіи я представлялъ себя то подкидышемъ, то, да проститъ мнѣ моя мать, незаконнымъ сыномъ какой-то знатной особы.

И тутъ, готовый выбранить себя за глупое фантазерство, я уже протянулъ руку Наташѣ, чтобы проститься съ ней, но неугомонный бѣсъ дернулъ меня сказать ей на прощанье, что она очень похожа на одну мою знакомую барышню.

Она, очевидно машинально, задержала мою руку и немного тревожнымъ голосомъ спросила:

— На кого это?

— На Олечку Ростовцеву.

Она выпустила мою руку. Сначала какъ будто удивилась тому, что я сказалъ, и остро задумалась на мгновеніе, съ полуоткрытымъ ртомъ и неподвижными глазами, и мнѣ даже показалось, что она чуть-чуть поблѣднѣла.

— А вы почему ее знаете? — спросила она, глядя мнѣ прямо въ лицо подозрительно и настороженно, точно предполагая тутъ какой-то подвохъ съ моей стороны.

Я въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ ей о моемъ отношеніи къ семьѣ Ростовцевыхъ. Она выслушала все это съ большимъ вниманіемъ, и въ ея подвижномъ, выразительномъ лицѣ все время трепетало, очевидно, ей самой еще неясное смятеніе.

— Такъ вы, значитъ, вчера это ему поклонились? — не выдержавъ, краснѣя спросила она меня.

— Отчасти и ему.

— Вотъ что. А что же вы подумали, когда онъ вамъ не отвѣтилъ на поклонъ?

— Да вѣдь и вы не отвѣтили.

— Я другое дѣло. Мнѣ, можетъ быть, стыдно стало, оттого я не отвѣтила.

— Чего же стыдиться? Развѣ тутъ было что-нибудь дурное?

Она съ странной улыбкой покачала головой.

— То-то и оно то, что ничего тутъ дурного не было. Если бы было, чего ужъ мнѣ стыдиться! Я сама передъ собой въ отвѣтѣ. А неправды стыдно и обидно неправды. Оттого и на Кривошеина мнѣ обидно. Онъ, небойсь, разсказалъ вамъ?

— Нѣтъ, онъ ничего мнѣ не разсказывалъ.

— Побожитесь.

— Ей Богу, ничего не разсказывалъ.

— И то, — спохватилась она, — съ чего бы ему вамъ разсказывать! Вы еще молоды очень.

— Вы ошибаетесь, — отвѣтилъ я, задѣтый этимъ небрежнымъ

замѣчаніемъ, — мнѣ, хоть и немного лѣтъ, а я очень много видѣлъ и перенесъ.

— Да вы не обижайтесь, это я только такъ, по вашей видимости сказала. Не говорилъ и не говорилъ. Тѣмъ лучше. И говорить-то нечего. Такъ, глупости однѣ.

Но тутъ я еще разъ уже воочію увидѣлъ, что лицо ея ничего не можетъ скрыть. И вѣрно сама это зная, она поспѣшила выпроводить меня.

XVII.

Теперь, торопясь на товарищеское собраніе, я не столько думалъ о томъ, что меня тамъ ожидаетъ, сколько о томъ, какъ бы выпытать у Кривошеина все, что онъ знаетъ о Наташѣ, а также и то, что заставляетъ его ею столь сильно интересоваться.

Судя по его восторженнымъ о ней отзывамъ, онъ къ ней неравнодушенъ и врядъ ли это взаимно.

Уже миновавъ болѣе людныя улицы города, я приближался къ окраинѣ, гдѣ указанъ былъ адресъ Симакова.

Небо опять все покрылось тучами; иногда въ прорывы ихъ остро и пронзительно сверкали звѣзды, точно раздувавшіяся тянувшимъ откуда-то сверху сырымъ холоднымъ вѣтромъ.

Горы, съ двухъ сторонъ подступавшія къ городу, скрывались въ темнотѣ, и съ младенчества родныя мнѣ улицы, разбѣгавшіяся во всѣ стороны, казалось, падали въ эту темноту вмѣстѣ съ слабыми огнями уличныхъ фонарей и кое-гдѣ освѣщенныхъ оконъ.

Симаковъ жилъ въ горахъ; такъ называлась окраинная часть города, гдѣ ютились мѣщане или горные, — народъ безпокойный и буйный.

Мѣстность эта перерѣзывалась оврагами, полными вѣчно нечистоты и гнили; кое-гдѣ черезъ овраги были перекинуты мостики; домишки съ дворами, обнесенными кривыми заборами и садиками, лѣпились въ безпорядкѣ.

Со стороны это было очень живописно, особенно весною, когда зеленѣли горы, овраги, сады и даже улицы, кривыя и извилистыя, какъ будто прорытыя тѣми потоками, которые мчались по этимъ улицамъ съ горъ послѣ дождей, но сейчасъ здѣсь было очень уныло и даже немножко жутко, благодаря худой славѣ, ходившей о горныхъ.

Однако, мнѣ нравилось идти въ этомъ безлюдьи, и я даже съ особеннымъ вызывающимъ чувствомъ шелъ навстрѣчу каждой фигурѣ, каждой тѣни, возникавшей передо мною. Было ново сознавать себя чѣмъ-то въ родѣ заговорщика, идущаго на тайное собраніе. Товарищи, вѣроятно, уже тамъ и ждутъ меня.

Я прибавилъ шагу и на поворотѣ въ ту самую улицу, гдѣ жилъ Симаковъ, сталъ нагонять фигуру, которая показалась мнѣ нѣсколько знакомой.

«Какъ будто Эди, — подумалъ я, приближаясь: — стройная, тонкая фигура, легкая походка. Но одѣтъ не въ гимназическую форму и въ рукѣ толстая палка».

Уже совсѣмъ почти поровнявшись съ нимъ, я замѣтилъ и новые высокіе сапоги, которые даже здѣсь на воздухѣ попахивали кожей.

— Эди! — окликнулъ я.

Онъ обернулся.

— А я не узналъ тебя сразу. Ты такъ одѣтъ.

— Да, на всякій случай, — важно отвѣтилъ онъ, — чтобы не попасться.

— Кому?

— Мало ли кому. За нами могутъ слѣдить.

— Кто?

— Могутъ изъ училища, а могутъ и шпики, — таинственно и тихо сообщилъ онъ.

Я преисполнился большимъ уваженіемъ къ его предусмотрительности.

— Чортъ возьми, досадно, что у меня нѣтъ штатскаго костюма, какъ у тебя.

— Да, это въ нашемъ положеніи необходимо.

— А ничего, что я иду сейчасъ съ тобой вмѣстѣ?

— Нѣтъ, не слѣдовало бы для конспираціи.

Я уже готовъ былъ отойти, но Эди удержалъ меня. Очевидно, ему, какъ и мнѣ, вопреки конспираціи, пріятнѣе было идти вмѣстѣ въ этомъ таинственномъ мракѣ.

— Я думаю, что на этотъ разъ ничего и вдвоемъ. Ночь такая темная и довольно холодно.

При каждомъ шагѣ онъ внушительно постукивалъ о неровный тротуаръ своей толстой палкой, но такъ какъ я ничѣмъ не выразилъ своего вниманія къ этому оружію, онъ самъ сказалъ мнѣ:

— Совѣтую тебѣ непремѣнно завести такую же штуку.

— Противъ собакъ?

— Ну, собаки что! А такъ, мало ли что можетъ случиться. Однимъ ударомъ ея можно размозжить голову, — произнесъ онъ, поднимая тяжелую дубинку, но тутъ же самъ, вѣроятно, испугавшись этой звѣрской жестокости, смягчился. — Собственно, достаточно только ее бросить въ ноги преслѣдующаго. Хотя сыщиковъ не стоитъ жалѣть.

Я согласился съ нимъ, и съ этимъ мы вошли въ маленькую калитку домика, принадлежащаго теткѣ Симакова.

Лай, по крайней мѣрѣ, десятка собачьихъ голосовъ встрѣтилъ насъ, едва щелкнула желѣзная щеколда. Собаки лаяли, ныли, визжали откуда-то изъ глубины двора, гдѣ темнѣло небольшое зданіе, наподобіе сарая.

— Ты не бойся, собаки оттуда не вырвутся, — пояснилъ мнѣ Эди. — Это, видишь ли, тетка Симакова, очень доброе существо, подбираетъ на улицѣ искалѣченныхъ и заброшенныхъ собакъ и лѣчитъ ихъ здѣсь, ухаживаетъ за ними. Прежде всѣ онѣ жили съ ней въ одномъ домѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ Симаковъ у нея поселился, она выстроила для собакъ особое помѣщеніе. Ужасно странное, одинокое существо. Она изъ хорошей фамиліи. Сестра у ней фрейлина и сама она отлично играла на рояли прежде, чѣмъ оглохла. Должно быть, у нея что-нибудь въ жизни было, какая-нибудь трагедія. Симаковъ какъ-то намекалъ на это. Словомъ, она осталась старой дѣвой и чудитъ.

Онъ постучалъ въ дверь, два раза сильно, одинъ разъ тихо: это былъ условный стукъ, который зналъ и я.

Тотчасъ же за дверью послышался басъ Симакова, звякнула задвижка, и мы вошли въ сѣни.

— Ну вотъ и вы, значитъ, всѣ въ сборѣ, — привѣтствовалъ насъ Симаковъ.

— Пожалуйте, сэры.

Мы раздѣлись въ передней, куда доносился сдержанный говоръ нѣсколькихъ голосовъ, среди которыхъ я сразу узналъ тонкій, почти женскій голосъ Лисунова и глуховатый теноръ Кривошеина.

Въ довольно большой неуютной комнатѣ, освѣщенной простой жестяной лампой, кромѣ этихъ двоихъ, были еще трое: Тырковъ, шестиклассникъ Докукинъ, худой, черный, нервный, въ пенснэ, которое онъ надѣвалъ и снималъ всегда какъ будто не во время; такъ, здороваясь и пристально разсматривая меня, онъ снялъ пенснэ и надѣлъ его какъ разъ въ ту минуту, когда разговаривалъ съ Эди. И я, вообще, замѣтилъ, что онъ старался походить на Лисунова и одѣвалъ пенснэ тогда, когда разговаривалъ, какъ будто стекла помогали ему разсматривать слова.

Третій былъ Летуновъ.

— Знакомьтесь, — пробасилъ мнѣ Симаковъ, когда я поздоровался со всѣми товарищами.

Но съ кѣмъ же мнѣ было еще знакомиться?

Только тутъ, оглянувшись, я замѣтилъ въ углу маленькую фи-

гурку, въ простой ситцевой косовороткѣ и заправленныхъ въ сбитые дешевые сапоги потертыхъ брюкахъ.

— Шаринъ, самородокъ,—отрекомендовалъ мнѣ Симаковъ.— По вашей части, тоже къ писательству имѣетъ влеченіе. Я ему уже говорилъ о васъ.

Маленькая тщедушная фигурка поднялась и протянула мнѣ руку.

Мнѣ понравилось его худощавое лицо съ робкими внимательными сѣрыми глазами и мягкіе льняные волосы, косо ложившіеся на красивый высокій лобъ.

— Вы что же пишете? — заинтересовался я.

— Стихи-съ, — робко отвѣтилъ онъ, стоя предо мною съ стѣснявшимъ меня непонятнымъ почтеніемъ. — Вотъ-съ. — И онъ проворно вытащилъ изъ кармана брюкъ нѣсколько аккуратно сложенныхъ бумажекъ и подалъ мнѣ.

Я съ любопытствомъ взялъ ихъ. И мнѣ прежде всего бросилось въ глаза напечатанное въ заголовкѣ каждаго листка: *Счетъ.* А дальше: *Изъ бакалейной лавки купца Куренкова.*

Счетовые бланки были мелко исписаны карандашемъ.

— Это, видите ли, я служу въ бакалейной лавкѣ на Пѣшемъ базарѣ. Вотъ въ свободное время и занимаюсь по влеченію.

Видно было, что онъ страшно стѣснялся.

Симаковъ положилъ ему руку на плечо.

— Да вы садитесь, чудакъ. Тутъ вамъ не бакалейная лавка. Тутъ всѣ товарищи.

Шаринъ растерялся, покраснѣлъ и неловко сѣлъ.

Вошла высокая, плоская женщина, въ сѣромъ старомодномъ платьѣ, съ сѣрымъ лицомъ и даже какъ будто съ сѣрыми волосами, спрятанными подъ косынку.

— Это моя тетушка, — отрекомендовалъ Симаковъ.

Женщина подала мнѣ плоскую худую руку и потомъ поздоровалась со всѣми, привѣтливо и тихо приговаривая:

— Очень пріятно, здравствуйте, здравствуйте, милые.

Но лицо ея при этихъ привѣтливыхъ словахъ оставалось неподвижно. Взглянувъ на столъ, гдѣ стояли двѣ бутылки пива, лежалъ частью нарѣзанный, частью разломанный руками хлѣбъ и вареная колбаса на бумажкѣ, она покачала головой:

— Опять ты, Миша... Ну какъ же это можно такъ... безъ скатерти. Я сейчасъ.

— Да нѣтъ, помилуйте...

— Зачѣмъ безпокоиться?

— Такъ лучше.

Пытались со всѣхъ сторонъ остановить ее голоса.

— Напрасно стараетесь, — громко заявилъ Симаковъ, — все равно ничего не слышитъ. Да и никакъ я не могу ее пріучить къ простотѣ.

Тетка вернулась со скатертью, и мы сами помогли ей разостлать ее, а вслѣдъ затѣмъ Симаковъ принесъ самоваръ, и на столѣ появились тарелки, вилки и ножи.

Компанія размѣстилась, кто у стола, кто на кровати; комната была порядочно закурена, и уже двѣ пустыхъ бутылки стояли подъ столомъ.

— Ну, вы пейте китайщину, а я буду продолжать свое.

Кривошеинъ налилъ себѣ пива, съ удовольствіемъ погружая въ душистую пѣну добродушныя толстыя губы.

Лисуновъ также подставилъ стаканъ.

— А вы, сэръ? — обратился онъ къ Эди.

Тотъ покраснѣлъ.

— Я съ удовольствіемъ.

Мнѣ тоже не хотѣлось отстать отъ старшихъ и, несмотря на свои обѣты и отвращеніе къ алкоголю, я сталъ тянуть пиво, которое казалось мнѣ горькимъ и противнымъ.

Посмотрѣлъ на Эди и видѣлъ, что онъ также не можетъ сдержать гримасу.

Съ того самого мгновенія, какъ Элла принесла мнѣ астры, мое отношеніе къ Эди стало еще тоньше и нѣжнѣе, и сейчасъ мнѣ непріятно было, что онъ пьетъ пиво.

Глаза наши встрѣтились, и то же самое я прочелъ во взглядѣ Эди по отношенію ко мнѣ. Но мы не только не бросили пить, а наоборотъ, отвернувшись другъ отъ друга, стали тянуть черезъ силу пиво.

«Однако, что же это такое! — думалъ я. — Собраніе это мало похоже на то, что я представлялъ себѣ.

Но мое недоумѣніе разсѣялъ Кривошеинъ.

Я замѣтилъ съ самаго моего прихода, что онъ нѣтъ-нѣтъ да на меня вопросительно взглядывалъ, и теперь, допивъ свой стаканъ пива, немного покраснѣвшій и возбужденный, онъ сказалъ:

— Этотъ пиръ намъ Симаковъ задалъ по случаю своихъ именинъ, и только по этому случаю вамъ съ мистеромъ разрѣшается выпивка.

Эди тотчасъ поспѣшилъ поздравить Симакова.

Когда я также двинулся къ нему, Кривошеинъ удержалъ меня за рукавъ.

— Бросьте эту церемонію. Лучше скажите мнѣ насчетъ вашего урока. Что сегодня ничего такого не произошло?

Я немножко опьянѣлъ отъ пива и, навѣрное, не удержался бы, чтобы не выболтать Кривошеину всѣ мои соображенія и догадки, если бы въ эту минуту не явился Тырковъ съ Степановымъ.

Они подошли поздороваться и съ нами.

— Э, чортъ, — съ досадой пробормоталъ Кривошеинъ. — Ну, вотъ что, мы пойдемъ отсюда вмѣстѣ, и вы мнѣ все разскажете. А теперь, такъ какъ всѣ въ сборѣ, приступимъ къ дѣлу. Вы вѣдь у насъ новичекъ, такъ покуда они здѣсь лопаютъ и пьютъ, я вамъ покажу то, что мы успѣли за это время сварганить. Симаковъ, дайка ключъ.

Получивъ ключъ, Кривошеинъ отперъ дверь въ сосѣднюю комнату.

— Ай-да ти сюда.

— И я съ вами, — присоединился Эди.

Комната была темная, и, когда мы переступили порогъ, Кривошеинъ притворилъ дверь за собою.

Мы совсѣмъ остались въ темнотѣ, и мнѣ показалось, что черезъ этотъ сумракъ я вступаю въ новую жизнь, полную опасности и вмѣстѣ съ тѣмъ, еще скрытаго отъ меня, но громаднаго значенія.

Мнѣ показалось, что какъ-то и пахло здѣсь особенно внушительно, и, когда Кривошеинъ зажегъ спичку, я съ изумленіемъ увидѣлъ, что мы находимся въ маленькой комнаткѣ, въ родѣ кладовки, съ узенькимъ, высоко поставленнымъ оконцемъ. Во всю длину стояла этажерка съ книгами, большой, окованый желѣзомъ сундукъ и простой деревянный столикъ, запачканный фіолетовой краской.

Кривошеинъ зажегъ свѣчку на столикѣ, со звономъ отперъ крышку сундука и досталъ оттуда прежде всего довольно толстую кипу исписанныхъ бумажекъ въ восьмую долю листа.

— Вотъ это покуда начало нашего каталога. Посмотрите, какъ ловко оттектографировано. А это вотъ уже пятидесятая копія. Самое большое черезъ мѣсяцъ каталогъ будетъ готовъ. Это, понимаете ли, единственная въ своемъ родѣ штука. Тутъ такой подборъ авторовъ, что всякій, кто будетъ руководствоваться имъ для своего саморазвитія, непремѣнно окажется на настоящемъ пути. Конечно, тутъ нѣтъ разной белиберды для самоуслажденія, тутъ все идейное, все направленное къ тому, чтобы, такъ сказать, выработать боевую гражданственность. По этому каталогу и слѣпой дорогу найдетъ къ истинѣ. А истина въ томъ, что все для народа и все черезъ народъ. То-есть, понимаете ли, въ самомъ народѣ надо искать основныя начала для нашей будущей исторической и общественной жизни. На-

родъ нашъ по духу общинникъ, соціалистъ. Вотъ почему, понимаете ли, всѣ наши великіе писатели въ народѣ черпали духовныя сокровища. Вотъ почему и въ религіозныхъ народныхъ движеніяхъ, въ расколѣ, догматы штука второстепенная, а главное все та же подоплека, свойства, такъ сказать соціалистическаго.

При красноватомъ слабомъ пламени свѣчи я съ удивленіемъ и все возроставшимъ восторгомъ глядѣлъ на Кривошеина. Его некрасивое грубоватое лицо оживилось и притягивало къ себѣ своими сіяющими глазами, и я понималъ Эди, который съ торжествомъ переводилъ взглядъ съ меня на Кривошеина.

Пожалуй, тутъ даже дѣло было не столько въ томъ, что Кривошеинъ открывалъ новыя истины, сколько въ томъ воодушевленіи и любви, съ которыми онъ говорилъ все это.

Стало досадно, когда мы вдругъ услышали тихій насмѣшливый голосъ Лисунова, который вошелъ сюда незамѣтно во время этой рѣчи.

— Догматы второстепенная штука. Ну, а Никонъ, съ его двуперстнымъ знаменемъ, а собесѣдованіе у насъ въ старомъ соборѣ съ раскольниками, это не о догматахъ? Не о мелочахъ, которыя просто дики со стороны? Между тѣмъ, какъ тебѣ извѣстно, изъ-за этихъ мелочей дѣло доходитъ до дракъ.

Кривошеинъ обернулся съ недовольнымъ и раздраженнымъ лицомъ:

— Ты становишься педантомъ. Я вовсе не говорю, что они отрицаютъ догматы. Догматы неизбѣжны, когда религія заключена въ церковныя стѣны. Спорятъ о догматахъ, значитъ... спорятъ о догматахъ. А вотъ, если бы спорили о сущности, тогда мы услышали бы другое, то есть, то, что я утверждаю. Но такъ какъ о соціалистическихъ началахъ религіи спорить не позволятъ, значитъ...

— Э, что тамъ значитъ! Если твою шею станутъ давить желѣзнымъ обручемъ, ты не очень-то станешь свободно дышать. Вотъ догматы это и есть желѣзный обручъ. Они душатъ высшія этическія начала религіи.

— Ерунду ты говоришь. Что значитъ: душатъ высшія начала религіи? Попробуй задушить желѣзнымъ обручемъ вѣтеръ, воздухъ... Да что тамъ толковать, спросимъ Степанова, онъ молоканинъ, сынъ простого мужика-сектанта...

— Для меня есть авторитетъ побольше Степанова, напримѣръ Бюхнеръ, который ясно утвердилъ, что душевная дѣятельность находится въ такомъ же отношеніи къ мозгу, какъ желчь къ печени.

— То-то, что для тебя все авторитеты. Тебѣ непремѣнно нужна книга, буква. И при чемъ тутъ Бюхнеръ!

— Да, нужна. Такъ же, какъ она нужна и народу. А народъ, къ сожалѣнію, книги-то и не знаетъ. Вотъ почему я согласенъ съ первой твоей посылкой: все для народа, но, чтобы все черезъ народъ, это ужъ извини. Изъ этого мало выйдетъ хорошаго. Не за чѣмъ землю мѣрить локтями, когда есть болѣе точная, опредѣленная мѣра. Слава Богу, культура создала духовныя цѣнности высшаго порядка.

— А поди ты къ чорту съ своей культурой! — окончательно разсердился Кривошеинъ. — Высшія цѣнности, нечего сказать, хороши высшія цѣнности.

— Что! Такъ ты, значитъ, отрицаешь культуру?

— Нисколько не отрицаю.

— Но ты посылаешь къ чорту...

— И посылаю, когда ты говоришь чепуху. Кто создавалъ религію? Кто создалъ эпосъ?

— Религію? Личности: Будда, Конфуцій, Христосъ. Да и относительно эпоса...

— Надо совершенно не понимать сущности и не уважать и не любить народъ, чтобы утверждать подобный вздоръ.

Лисуновъ скривилъ свои тонкія губы.

— У тебя все ерунда, чепуха, вздоръ... Нечего сказать, убѣдительный методъ. А что касается уваженія и любви къ народу, — уже строго произнесъ онъ, — такъ ты напрасно берешь на себя эту монополію.

Лисуновъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, можетъ быть, отъ выпитаго пива, а, можетъ быть, и отъ спора, въ то время, какъ Кривошеинъ и отъ того и отъ другого покраснѣлъ и даже вспотѣлъ.

Я жадно слѣдилъ за этимъ сраженіемъ, совсѣмъ для меня новымъ. Оба они казались мнѣ необыкновенно умными и свѣдущими. Я совершенно не могъ разобраться, кто изъ нихъ правъ, но симпатія моя склонялась на сторону Кривошеина. По тому, какъ Эди переводилъ свой взглядъ съ одного на другого и какъ при этомъ мѣнялось лицо его, я также ясно видѣлъ, что Эди раздѣляетъ мою симпатію. И насъ обоихъ очень обрадовало, когда Кривошеинъ, совершенно неожиданно, вдругъ улыбнулся всѣмъ своимъ широкимъ лицомъ и сказалъ добродушно:

— Вѣдь вотъ, чортъ, сколько разъ себѣ давалъ слово не спорить съ тобой. А вы не подумайте, — обратился онъ ко мнѣ, что мы на самомъ дѣлѣ являемся какими-то принципіальными врагами,— Все это такъ только діалектическія упражненія.

Лисуновъ сощурилъ глаза:

— Ну, не совсѣмъ.

— Эхъ, ты, — съ укоромъ остановилъ его товарищъ, — на

мгновеніе скашивая на насъ глаза и этимъ давая понять, что дальнѣйшее пререканіе ихъ въ нашемъ присутствіи неумѣстно. — Да, такъ вотъ, — рѣзко вернулся онъ къ прежнему, — въ этомъ каталогѣ, конечно, помѣчены сочиненія не только дозволенныя нашей цензурой. Ну, напримѣръ, Герценъ, Историческія письма Лаврова, Сущность христіанства Феербаха, Бюхнеръ, Фохтъ... ну и тому подобное. Да-съ, — провожая разсѣяннымъ взглядомъ, уходящаго Лисунова, протянулъ онъ и снова обратился ко мнѣ. — Эти книги вы, конечно, должны прочесть непремѣнно и, разумѣется, я вамъ ихъ доставлю. А покуда я вамъ дамъ Писарева, какъ обѣщалъ.

Онъ досталъ мнѣ съ этажерки два томика, которые я принялъ съ особымъ почтеніемъ.

— А для болѣе легкаго чтенія вотъ нате «Что дѣлать» Чернышевскаго.

Эди съ любопытствомъ заглядывавшій во внутрь сундука, сдѣлалъ мнѣ таинственный знакъ въ то время, какъ Кривошеинъ доставалъ книгу и шепнулъ:

— Вотъ гектографъ.

Жестяная формочка со студенистой массой фіолетоваго цвѣта и ничего болѣе. Но я посмотрѣлъ на нее не безъ трепета. Запрещенныя книги, гектографъ, отпечатанный здѣсь каталогъ, все это были вещи, за которыя можно было жестоко пострадать. Но эта мысль не только меня не пугала, а наоборотъ, возвышала въ собственныхъ глазахъ. Почему? Я еще не давалъ себѣ въ этомъ яснаго отчета. Я даже врядъ ли думалъ о томъ, что изъ этого стараго сундучка и изъ этихъ книгъ должна возсіять истина и справедливость. Пожалуй, ближе было къ справедливости то, что отсюда исходилъ безкорыстный и самоотверженный вызовъ на борьбу съ тѣмъ, что угнетало человѣчество и давило свободу.

— Эй, вы, черти полосатые, что вы тамъ застряли! — раздался изъ-за двери окрикъ Симакова. — Идите скорѣй сюда, тутъ обсуждается одинъ очень важный вопросъ.

Симаковъ пріоткрылъ дверь, и мы вышли изъ душной кладовки. Кривошеинъ при этомъ захватилъ съ собою еще одну книгу Чернышевскаго.

— Тутъ, понимаете ли, есть важнецкая статейка: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности». Мы ее нынче и прочтемъ.

— Позволь, но вѣдь на сегодня назначено Фогта: «Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ»?

— Мало ли что назначено, — у насъ не гимназія, надо сообразоваться съ обстоятельствами.

Лисуновъ опять съязвилъ:

— Однако, ты всегда трубишь о значеніи естественныхъ наукъ, а самъ отлыниваешь.

— Нисколько не отлыниваю. Но мнѣ кажется, что, предполагая нынче обсуждать изданіе нашего журнала, мы должны освѣтить именно вотъ эту сторону, о которой трактуетъ Чернышевскій.

Его поддержали товарищи.

Но увы, въ этотъ вечеръ намъ не суждено было ни прочесть эту статью, ни обсудить изданіе нашего журнала съ распредѣленіемъ отдѣловъ въ немъ.

Первый стоявшій на очереди вопросъ былъ о чествованіи нашего прежняго, любимаго нами старика директора.

Черезъ нѣсколько дней его именины, и рѣшено было поздравить его торжественно и любовно. Помимо прямого смысла, это поздравленіе должно было имѣть характеръ своего рода демонстраціи, такъ какъ мы знали, что на именинахъ директора будутъ и наши учителя.

Начался по этому поводу шумъ, посыпались всевозможныя предложенія: одни предлагали адресъ, другіе депутацію, третьи подарокъ по подпискѣ.

Лисуновъ потребовалъ слова, но шумъ и споры не утихали.

Тогда Симаковъ прибѣгъ къ своему басу и, когда шумѣвшіе на минуту замолкли, Лисуновъ, по обыкновенію, спокойно и тихо началъ:

— Я попрошу, господа, на минуту вниманія.

— Вниманіе! Вниманіе! — тонкимъ голосомъ запѣлъ Летуновъ, лежа на кровати Симакова, съ задранными на ея желѣзную перегородку ногами.

— Вниманіе! Вниманіе! — дурачась, повторили со всѣхъ сторонъ.

— Тишина, — вставилъ во время короткой паузы и Лисуновъ, — иначе я не стану говорить.

Тырковъ рухнулъ на кровать рядомъ съ Летуновымъ и чуть не придавилъ его.

— Тише! Разъ Лисуновъ говоритъ, сэры, надо благоговѣйно молчать.

— Священнодѣйствіе, — язвительно пискнулъ Летуновъ.

— Не священнодѣйствіе, а просто у меня нѣтъ такой глотки, какъ у всѣхъ васъ, — презрительно отозвался Лисуновъ. — Но если вамъ не угодно слушать . . .

— Нѣтъ, нѣтъ, говори, говори.

— Тише, вы, черти, довольно шутоваться.

— Пускай Лисуновъ говоритъ.

Лисуновъ началъ при общемъ молчаніи.

— Я хотѣлъ сказать, что и адресъ, и подарокъ, и депутація, все это вещи пріемлемыя и даже совмѣстимыя, но все это надо сдѣлать съ толкомъ и съ расчетомъ, дабы . . .

— Вѣрррно черезъ три р.

— Умную рѣчь пріятно и слушать.

— Если вы хотите, чтобы тутъ помимо обычнаго чествованія была еще и другая сторона, болѣе для насъ важная, надо обсудить ее со всѣхъ сторонъ.

— Да, да, надо это обмозговать основательно, — пробасилъ Симаковъ.

— Надо этимъ чествованіемъ не только воздать хвалу устраненному директору, но, такъ сказать, почтить въ его лицѣ тотъ характеръ благожелательнаго, внимательнаго и яснаго отношенія къ школѣ, при которомъ единственно возможны болѣе или менѣе согласное, дружное отношеніе учащихся и учащихъ.

— Я также стою на этой точкѣ зрѣнія, — поддержалъ его Кривошеинъ.

Но Лисуновъ уже и безъ этой поддержки овладѣвалъ вниманіемъ товарищей.

— Я не говорю объ идеальномъ отношеніи, отъ идеала мы за энное количество верстъ.

— И даже за энъ плюсъ единицу, — шепнулъ на ухо Тыркову Летуновъ.

Тотъ такъ двинулъ его въ бокъ, что Летуновъ заскулилъ и въ свою очередь щипнулъ Тыркова.

Пока Лисуновъ выжидательно смотрѣлъ въ ихъ сторону, очевидно, намѣреваясь продолжать лишь, когда кончится ихъ возня, Кривошеинъ снова вставилъ свое замѣчаніе:

— Для идеальныхъ отношеній прежде всего потребовалась бы совершенно другая система.

— Пожалуй, не только система, но и другой составъ . . .

— Преподавателей.

— Столько же преподавателей, сколько и учащихся. А, пожалуй, и другой составъ общества, которое еще далеко не доросло до идеальныхъ формъ.

Тогда толстякъ и силачъ Степановъ неодобрительно устремилъ на Лисунова подслѣповатые глаза и тихо возразилъ:

— Это ужъ немножко по-іезуитски.

— То-есть какъ это по-іезуитски? — обидѣлся Лисуновъ.

— А такъ. Это похоже на то, какъ если бы говорили, что

наше общество не доросло до того, чтобы дышать чистымъ воздухомъ.

— Браво, Степановъ.

— Вѣрно, сэръ.

— Молодчина, сэръ.

Но Лисунова не такъ-то легко было сбить съ позиціи. Онъ только покривилъ губы направо, налѣво и, даже не взглянувъ въ сторону Степанова, отвѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, это не одно и то же. И право, не надо особеннаго умственнаго напряженія, чтобы понять эту разницу. Если я говорю о системѣ, я имѣю въ виду нѣчто соотвѣтствующее культурному уровню даннаго общества. Что касается чистаго воздуха, нѣтъ легкихъ, которымъ бы чистый воздухъ не соотвѣтствовалъ. Но дѣло не въ томъ. Сейчасъ не умѣстны споры. Я хочу сказать, что надо подчеркнуть не только несостоятельность новой системы, представителемъ которой является нашъ новый директоръ, но и, такъ сказать, выявить всю, всю духовную низость этого индивидуума.

— Вотъ это ловко сказано.

— Именно, всю низость.

— А какой смыслъ всего этого? — усомнился Тырковъ.

Но тутъ уже зашумѣли со всѣхъ сторонъ.

— Что ты чепуху несешь, какъ какой смыслъ!

— Надо показать крокодилу, какого мы о немъ мнѣнія!

— А наплевать ему на наше мнѣніе!!

— Не то. Пусть учителя знаютъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло!

— Пусть поймутъ, что мы не тѣшки!

— Тутъ явный протестъ противъ подлаго насилія!

— Противъ приниженія личности!

— Извращенія самаго смысла школы!

— Да просто противъ подлости! — взвизгнулъ Летуновъ и, перекувырнувшись черезъ Тыркова, вскочилъ съ кровати.

У всѣхъ накипѣло. Всѣ шумно, необдуманно, нестройно старались выразить свое негодованіе противъ несправедливостей, которыя на нихъ обрушились, противъ всѣхъ уродствъ, которыми, какъ тюремнымъ частоколомъ, окружалъ школьный директоръ школьную и личную жизнь учениковъ.

Лисуновъ опять обратился къ посредству Симакова. И тотъ снова покрылъ кипѣвшіе голоса своимъ властнымъ басомъ:

— Замолчите, черти полосатые. Такъ мы ни до чего не договоримся. Надо выработать опредѣленную программу.

Снова Лисунову предоставлено было слово, и онъ внесъ предложеніе избрать отъ каждаго класса, начиная съ пятаго, учениковъ,

которые должны будутъ произнести директору каждый свою рѣчь. Одинъ, самый младшій, охарактеризуетъ, такъ сказать, интимныя стороны директора, ну тамъ его заботливость что ли о ученикахъ, его мягкій характеръ, и прочее, другой освѣтитъ, такъ сказать, идейное его значеніе, третій общественное, принимая во вниманіе то мѣсто, которое среди другихъ общественныхъ функцій представляетъ собой школа.

Конечно, эти рѣчи должны быть выработаны сообща и выучены наизусть такъ, чтобы въ нужную минуту депутатъ могъ произнести ихъ безъ запинки и съ чувствомъ. Въ качествѣ представителей надо выбрать соотвѣтствующія фигуры. То-есть, напримѣръ, для первой рѣчи надо выбрать такого изъ насъ, который лично на себѣ особенно ясно ощутилъ заботливость и вниманіе стараго директора.

Тутъ Эди заявилъ, что лучшаго представителя, чѣмъ я, въ такомъ случаѣ нельзя найти.

Я долженъ былъ разсказать, какъ послѣ смерти отца мнѣ приходилось оставить училище по недостатку средствъ и какъ трогательно директоръ пришелъ мнѣ на помощь.

— Ну вотъ и отлично. Вотъ уже значитъ одинъ есть.

— А изъ шестого и седьмого класса тоже долго нечего искать: Кривошеинъ и Лисуновъ.

— Ладно.

— Принимаю и благодарю, — отозвался Лисуновъ. — Что касается Гарькова, господа, надо предупредить, что выступленіе это сопряжено вѣдь съ нѣкоторымъ рискомъ. Нашъ крокодилъ, несомнѣнно, объ этомъ узнаетъ и будетъ мстить.

— Все равно, я не боюсь.

— Превосходно. Дѣло, значитъ, рѣшенное. И если вы намъ съ Кривошеинымъ довѣряете приготовить рѣчи, конечно, и съ участіемъ Гарькова, дѣло будетъ сдѣлано.

— Ура! — въ телячемъ восторгѣ воскликнулъ Летуновъ, который радъ былъ всякому случаю пошумѣть.

— Ура!!. — подхватили остальные.

Ни съ того, ни съ сего поднялся гвалтъ и даже была сдѣлана попытка качать избранниковъ, но все это кончилось лишь общей дурачливой свалкой. Трещала кровать, опрокидывались стулья, опасность грозила даже столу съ самоваромъ.

Не слышала только этого шума глухая тетка. Но, что важнѣе, за этимъ шумомъ мы сами не сразу разслышали стукъ въ дверь.

Вмѣстѣ съ взрывомъ яростнаго собачьяго лая этотъ стукъ, наконецъ, донесся до насъ. Еще Летуновъ визжалъ и брыкался на

кровати, а уже большинство, слегка разинувъ рты и раскрывши глаза, вопросительно смотрѣли другъ на друга, а затѣмъ сразу взглянули на Симакова.

— Тс!.. — онъ поднялъ палецъ.

Даже Летуновъ мгновенно замеръ, съ застывшей гримасой смѣха на лицѣ.

Въ эту минуту вошла глухая.

— Чужой? — шопотомъ спросилъ ее Симаковъ.

Очевидно, она понимала его по движенію губъ и что-то тихо ему отвѣтила.

Это было еще не такъ опасно, какъ онъ ожидалъ.

— Кто-то изъ начальства. Должно быть, Колобовъ, — торопливо сообщилъ онъ.

— Бутылки къ чорту! Приведите здѣсь все въ порядокъ, я его задержу.

— А какъ намъ? — спросилъ Летуновъ. — Въ окно?

Онъ ужъ успѣлъ открыть ставню и растворить окно. Тамъ было что-то въ родѣ узенькаго садика, замкнутаго стѣной. Темнота, дождь и вѣтеръ заполняли эту щель.

Туда же летѣли бутылки, и готовились за ними выскочить Летуновъ и Тырковъ.

Но тутъ неожиданно поднялась тщедушная фигурка самородка.

— Да вѣдь вы же именинникъ, — напомнилъ онъ Симакову.

Тотъ радостно стукнулъ себя по лбу.

— Правда! Ни съ мѣста, — скомандовалъ онъ. — Закройте окно. — И вышелъ.

И всѣ сразу успокоились и даже развеселились.

— Оставьте окно такъ. Пускай дымъ выйдетъ, — распорядился Кривошеинъ и въ шутку скомандовалъ: — Примите позы!

Самъ онъ взялъ въ руки первую попавшуюся книгу, сѣлъ къ столу и сдѣлалъ видъ, что погруженъ въ чтеніе. Другіе тоже чинно размѣстились.

XVIII.

Послышался голосъ Колобова.

— Однако, вы долгонько меня заставили мокнуть подъ дождемъ.

— Извините, не слышали, у меня тетушка глухая, а мы тутъ шумѣли. Товарищи собрались по случаю моихъ именинъ.

— А-а, по случаю именинъ, — насмѣшливо протянулъ Колобовъ, отвѣчая кивкомъ головы на наши почтительные поклоны.

— Двадцать третьяго сентября Крестителя Іоанна.

«Нарвался. Ловко вышло», — подумалъ каждый изъ насъ.

— Тѣмъ лучше, — продолжалъ Колобовъ, какъ будто съ облегченіемъ.

— Садитесь, Владиміръ Степановичъ, — заюлилъ передъ нимъ Летуновъ, подавая стулъ.

— Чаю не угодно ли? — продолжалъ Симаковъ, затворяя въ то же время окно.

— Пожалуй, — разсѣянно согласился онъ, покосившись на Шарина.

Летуновъ налилъ чаю въ первый попавшійся стаканъ.

Настало молчаніе.

Колобовъ былъ красенъ, значитъ, нѣсколько выпивши, и потому охотно присѣлъ къ столу и, пока ему наливали чай, протянулъ руку къ книгѣ, приготовленной для чтенія.

— Чортъ возьми, какъ разъ запретнаго Чернышевскаго и не убрали.

Всѣ переглянулись и замерли.

Онъ раскрылъ книгу, посмотрѣлъ, постучалъ пальцами по столу и, снова взглянувъ на тщедушную фигурку Шарина, отхлебнулъ поставленный передъ нимъ чай, и въ пышныхъ сѣдѣющихъ усахъ его выступила легонькая улыбка.

— Вѣрно, въ этомъ стаканѣ пиво было, — ошеломилъ онъ насъ неожиданнымъ заявленіемъ.

— Проклятый Летуновъ!

— Это, должно быть, тетушка, — растерянно пробормоталъ Симаковъ. — Ей прописали пиво, чтобы пополнѣть.

— Вѣроятно тетушка. Я бы ничего не имѣлъ противъ того, чтобы она ошиблась и въ этотъ стаканъ, вмѣсто чаю, налила бы пива.

Радостное общее движеніе.

Симаковъ метнулся куда-то, и мгновенно на столѣ появилось пиво.

Летуновъ услужливо началъ полоскать горячей водой стаканъ.

— Да не нужно кипяткомъ. Пиво должно быть холодное, — внушительно остановилъ его Колобовъ.

Тутъ еще болѣе всѣ осмѣлѣли.

Колобовъ, не отрываясь отъ стакана, выпилъ пиво.

Въ это время Шаринъ, дважды уловивъ на себѣ подозрительный взглядъ Колобова, почувствовалъ, что онъ здѣсь лишній и, попрощавшись съ однимъ лишь Симаковымъ, незамѣтно для насъ исчезъ.

Когда, выпивъ пиво, Колобовъ снова оглянулся и не нашелъ его въ нашей компаніи, спросилъ:

— А это кто у васъ былъ?

Ему поспѣшили аттестовать самородка въ преувеличенныхъ похвалахъ...

— Такъ, такъ. Очень радъ. Однако, я все-таки совѣтовалъ бы вамъ избѣгать постороннихъ при такихъ обстоятельствахъ.

— При какихъ такихъ? — съ невиннымъ, но вызывающимъ видомъ спросилъ его Лисуновъ.

Колобовъ остановилъ на немъ пришуренные острые глаза.

Рука Лисунова заерзала по шнурку пенснэ, и онъ сдернулъ его съ носа.

Колобовъ, какъ бы нечаянно положилъ руку на книгу Чернышевскаго и съ неудовольствіемъ постучалъ по ней пальцами.

Во время этой непріятной паузы всѣ бросили косые неодобрительные взгляды на Лисунова. Симаковъ въ замѣшательствѣ снова наполнилъ стаканъ Колобова пивомъ.

Колобовъ, наконецъ, отвелъ глаза. Отхлебнулъ пива и поднялся со стула.

— Вотъ что, — строго оглянувъ насъ, заявилъ онъ, опираясь на спину стула и покачивая его. — Если нынче, дѣйствительно, здѣсь именины, вдвойнѣ поздравляю васъ, но совѣтую въ другой разъ вамъ именины съ Чернышевскимъ не справлять.

— Но, Владиміръ Степанычъ, это самая невинная книга, — нерѣшительно замѣтилъ Кривошеинъ. — Мы хотѣли прочесть вслухъ «Эстетическія отношенія»...

Но тотъ перебилъ его.

— Винная или невинная, а книга запрещенная. А главное, въ этой книгѣ вы забыли кое-что поважнѣе.

Онъ снова взялъ книгу и вынулъ оттуда листочекъ съ отпечатанной программой.

Опустили головы.

— Это тоже не Богъ вѣсть какое преступленіе, но вы-то знаете, какъ на это глядятъ теперь.

Онъ машинально допилъ пиво и, покусавъ усы, продолжалъ:

— Вы знаете, что я не сыщикъ и въ сыщики не гожусь, что бы тамъ ни было. Если я въ качествѣ вашего класснаго наставника по требованію директора согласился временно на внѣшкольный надзоръ, такъ это только въ вашихъ интересахъ. Будь на моемъ мѣстѣ сейчасъ другой, вы бы всѣ влетѣли изъ-за пустяковъ. Директоръ зналъ нынче о вашемъ собраніи. Понимаете, зналъ, — съ удареніемъ произнесъ онъ.

Всѣ были поражены этимъ сообщеніемъ и съ недоумѣніемъ переглянулись и зашептались:

— Что же это такое, кто же могъ донести?

— Изъ нашей компаніи никто этого сдѣлать не могъ, — твердо заявилъ Кривошеинъ.

— Вижу, иначе я не сталъ бы откровенничать здѣсь. Но дѣло не въ томъ. А вотъ, если вы хотите послушаться моего совѣта, оставьте покуда всѣ ваши тайныя собранія и всѣ эти затѣи. Толка отъ этого не Богъ вѣсть какъ много, а жизнь вы себѣ можете испортить.

Замѣтивъ, что Лисуновъ хочетъ возразить, онъ сурово его остановилъ:

— Нѣтъ, ужъ вы это оставьте. Я сказалъ и плохо надѣюсь, что вы меня послушаетесь, а теперь до свиданья. Я радъ, что могу сказать директору, что, дѣйствительно, засталъ васъ въ сборѣ, но по случаю именинъ Симакова. Больше я ничего не видѣлъ и не знаю.

Онъ еле кивнулъ намъ и твердыми, спокойными шагами пошелъ въ переднюю. Мы почти всѣ двинулись провожать его съ смѣшаннымъ чувствомъ признательности, растерянности и тайной досады.

Остался лишь самый непримиримый Лисуновъ и, когда мы вернулись, онъ встрѣтилъ насъ иронической улыбкой.

— Проводили? Пальто и галоши помогли надѣть?

Общее неудовольствіе отвѣтило на эту обиду.

— Нечего ослить.

— Тоже дурака валяетъ.

— Никто и не думалъ лакействовать.

— По твоему что же наплевать ему нужно было вслѣдъ за его порядочное отношеніе?

— Каково будетъ его порядочное отношеніе, это мы увидимъ потомъ, а пока онъ все же явился соглядатаемъ.

— Нисколько не соглядатаемъ, онъ объяснилъ.

— Объяснилъ, что вы мальчишки и только.

Всѣ на него сразу набросились: одни обвиняли въ фанфаронствѣ, другіе доказывали, что онъ, какъ вновь поступившій, понятія не имѣетъ, что за личность Колобовъ, третьи кричали, наоборотъ, что самъ Лисуновъ выскочилъ, какъ мальчишка съ своимъ вызовомъ.

— Ты долженъ взять свои слова обратно! — наскакивалъ на него Летуновъ. — Мы своего достоинства ничѣмъ не уронили.

— То-то у тебя и дрожали руки, когда ты наливалъ ему чай.

— У меня! — съ негодованіемъ подскочилъ Летуновъ. — Это клевета! Господа, скажите ему, что это клевета.

— Оставьте личности, оставьте личности, — успокаивалъ Кривошеинъ.

Но всѣ негодовали и кричали на Лисунова.

Онъ презрительно улыбался и покручивалъ вокругъ пальца пенснэ.

— Что бы вы ни говорили, я остаюсь при своемъ мнѣніи, — выбравъ мгновеніе затишья, упрямо сказалъ Лисуновъ. — Онъ оттрепалъ васъ за уши, а вы молча согласились, что такъ оно и слѣдуетъ.

— Ни съ чѣмъ мы не соглашались! — круто оборвалъ его Кривошеинъ. — И доказательствомъ будетъ то, что мы своего кружка не закроемъ и будемъ продолжать то, что намѣтили.

— Да, да!

— Само собой!

— Такъ оно и будетъ!

— А-а, — примиренно протянулъ Лисуновъ, — тогда другое дѣло.

— То-то, другое дѣло.

Такимъ образомъ, безъ всякихъ сомнѣній и пререканій пренебрегли мы совѣтомъ нашего класснаго наставника. Хотя его благожелательность была внѣ подозрѣній. Врядъ ли кто-нибудь изъ насъ и даже самъ Кривошеинъ и Лисуновъ могли бы опровергнуть Колобова.

— Къ чорту старческое благоразуміе! — воскликнулъ Кривошеинъ, даже не задумываясь надъ этимъ. — Лучше ужъ рисковать своей шкурой, чѣмъ киснуть духомъ, питаться лишь школьными учебниками, паенекъ собой изображать, да еще въ этой подлой атмосферѣ, которую внесъ съ собою новый директоръ!

Онъ выпалилъ все это съ необыкновенной горячностью и именно эта горячность больше, чѣмъ основательность его словъ, сразу убѣдили насъ, что такъ оно и должно быть.

Вотъ за это и любили Кривошеина. Скажи то же самое Лисуновъ, у многихъ, можетъ быть, и осталось бы сомнѣніе, но тутъ всѣ такъ воодушевились, что когда Летуновъ крикнулъ:

— Качать Кривошеина!

Всѣ кинулись къ нему и, какъ онъ ни брыкался, схватили его за руки и за ноги и начали подкидывать кверху, пока, шумя и смѣясь, не повалились въ одну кучу; даже Лисуновъ забылъ свою обычную сдержанность и ревнивыя претензіи на первенство.

Въ свалкѣ у него оборвали пенснэ.

— Стойте, стойте, стекла раздавите! — завонилъ онъ, и только это обстоятельство остановило суматоху.

Всѣ тяжело дышали, оправляли помятые костюмы и весело улыбались другъ другу, шутливо ворча и переругиваясь.

Болѣе другихъ сдержанный толстякъ Степановъ вдругъ пересталъ улыбаться и покачалъ головой:

— Однако, господа, все это такъ, но кто же донесъ?

Всѣ спохватились:

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Объ этомъ чуть и не забыли!

Нахмурились, наморщили лбы.

— Надо доискаться.

Каждый сталъ высказывать свою догадку.

Тѣ, что мало знали Шарина, вспомнили, какъ подозрительно взглядывалъ на него Колобовъ, но Симаковъ, который привелъ Шарина, замахалъ руками:

— Чепуха на постномъ маслѣ. Я ручаюсь за Шарина, какъ за самого себя. А что на него подозрительно взглядывалъ Колобовъ, такъ это понятно: посторонній.

— Нѣтъ, нѣтъ, это кто-нибудь изъ своихъ учениковъ.

— Припомните, сэры, не уловливался ли кто-нибудь изъ васъ по поводу нашей сходки въ училищѣ? Не могъ ли кто-нибудь подслушать?

Стали вспоминать. И я вспомнилъ, какъ мимо насъ съ Кривошеинымъ прошмыгнулъ Келеповскій за уголъ коридора. Правда, когда мы разговаривали въ раздѣвальной, тамъ уже никого не было, но меня наводило на подозрѣніе то, что Келеповскій вернулся въ классъ послѣ меня.

— Ахъ, чортъ побери! — проворчалъ Кривошеинъ, нервно дергая себя за усы. — Это возможно. Это на него похоже. Но если такъ, его долженъ былъ видѣть сторожъ Михайлычъ. Онъ стоялъ въ отдѣленіи, я помню. Мы старые пріятели съ Михайлычемъ, я дочь его готовилъ въ гимназію. Онъ отъ меня не скроетъ.

— Ну, если это онъ... — угрожающе проворчалъ Тырковъ, я его проучу.

Летуновъ запротестовалъ:

— Ты, ты. При чемъ ты. Тутъ всякому пріятно руку приложить.

— Дѣло не въ томъ, что пріятно, — поморщился Лисуновъ. — Драться, бить — всегда отвратительно. Но такія вещи, такую расправу надо творить коллективно, ибо она касается не одного лица и имѣетъ значеніе не только физическое, но и моральное.

— Ну пошелъ со своимъ ибо да дабы, — проворчалъ Тырковъ.

— Что же, господа, будемъ мы сегодня выполнять программу?

Кое-кто взглянулъ на часы:

— Ого, ужъ одиннадцать.

— А у меня такъ съ четвертью.

— Хоть бы Чернышевскаго почитать, — предложилъ Степановъ, — а то что же такъ въ пустую вечеръ пропадетъ.

— Нѣтъ уже поздно, — рѣшилъ Лисуновъ. — Прочесть мало, надо поговорить.

— Поспорить!

— Ужъ до четверга что ли? — спросилъ Кривошеинъ.

— Ну, до четверга и опять у меня, — предложилъ Симаковъ.

— А какъ съ гектографомъ и нелегальщиной?

— Я могу взять все это къ себѣ домой, — предложилъ Эди.

— Ну, вотъ, еще нашелъ мѣсто, по моему закопать все это въ саду, — посовѣтовалъ Кривошеинъ.

— Ну, да, около собачьей будки; нашъ Полканъ никакого чорта туда не подпуститъ.

Всѣ поддержали Симакова.

— Вѣрно.

— Вѣрно.

— И символическое. Церберъ, сторожащій сокровища.

XIX.

Выходили, конечно, не сразу, и Кривошеинъ устроилъ такъ, что мы одни изъ первыхъ вышли съ нимъ вдвоемъ.

Дождикъ уже пересталъ моросить, но ночь была ненастная, небо въ тучахъ, вѣтеръ.

— Знаете, что, — обратился ко мнѣ Кривошеинъ, — возьмите-ка мой плащъ. Вамъ послѣ болѣзни-то беречься нужно. А сырость дьявольская.

Я было пробовалъ упираться, но Кривошеинъ заботливо окуталъ меня своимъ плащомъ, и его вниманіе тронуло меня. Но на этомъ онъ не остановился, а тутъ же сказалъ:

— Да будемъ говорить другъ другу — ты. Въ нашемъ кружкѣ эти церемоніи лишнія.

Мы ужъ отошли довольно далеко, когда собачій лай, провожавшій насъ и начинавшій уже было стихать, снова донесся до насъ нестройнымъ концертомъ.

— А дьяволы. Рано вышли. Я вѣдь говорилъ имъ выходить не раньше, чѣмъ черезъ четверть часа. И чортъ бы побралъ всѣхъ этихъ собакъ, онѣ прилаютъ таки шпиковъ.

За угломъ, куда повернули мы, вѣтеръ бросился на насъ, какъ сорвавшійся съ цѣпи, осыпая съ ногъ до головы холодными каплями съ обнаженныхъ деревьевъ, тянувшихся вдоль улицы. Пламя керосиновыхъ фонарей вздыхало на вѣтру, треплясь въ закоптѣлыхъ стеклахъ и бросая кровавый отблескъ на лужи немощеной улицы.

Ноги скользили по липкой грязи, но мнѣ было весело идти противъ вѣтра. Радостно возбужденное настроеніе наполняло меня всего и какъ будто даже пьянило больше, чѣмъ выпитый давеча стаканъ пива.

— Нынче наша сходка не вполнѣ удалась, — сказалъ Кривошеинъ, какъ бы оправдываясь передо мной. — Отчасти именины Симакова виноваты, а главное, этотъ неожиданый визитъ, чтобы чортъ его побралъ.

Но я не раздѣлялъ этого мнѣнія. Мнѣ было хорошо. Правда, не совсѣмъ то, что я ожидалъ, но все же хорошо. Въ первый разъ по-настоящему я глотнулъ новый воздухъ кружковой товарищеской жизни. И въ школѣ была своя товарищеская солидарность, но какъ незначительна и мелка казалась она въ сравненіи съ этой.

Я не могъ объяснить всего этого Кривошеину, а только сказалъ, что мнѣ очень все понравилось и что я этого вечера никогда не забуду.

— Тѣмъ лучше. Значитъ, въ тебѣ есть этотъ настоящій духъ, который необходимъ нашему брату. Знай, Павелъ, — коснувшись моего плеча, торжественно сказалъ онъ, останавливаясь подъ однимъ изъ фонарей и строго глядя въ мое лицо. — Путь, который мы избрали, это, братъ, не веселая прогулка. Тутъ о себѣ, о своемъ животѣ надо забыть. И даже до того иногда забыть, что, если потребуется къ чорту на кулички, пожалуйте къ чорту на кулички, а потребуется умереть, — съ гордостью иди и на смерть.

Меня охватилъ трепетъ и ознобъ. Можетъ быть, тутъ даже былъ страхъ за свой животъ, но страхъ этотъ какъ-то расплавился въ томъ свѣтломъ пламени, которымъ дышали не только слова, но и голосъ и все лицо и глаза товарища.

Освѣщенное колеблющимся свѣтомъ фонаря это некрасивое лицо съ широкими скулами и мутной кожей, съ маленькими сѣрыми глазами, показалось мнѣ теперь прекраснымъ, и я былъ гордъ, что онъ обращается ко мнѣ, своему сподвижнику, гордъ, что рука его лежитъ на моемъ плечѣ.

Я смутно зналъ, куда и на что мнѣ придется пойти, мнѣ даже жаль было себя, но я сейчасъ готовъ былъ дать клятву, что, не задумываясь, пойду къ чорту на кулички и на смерть, и даже то, что мнѣ такъ остро и мучительно жаль себя, только возвышаетъ въ моихъ глазахъ привлекательность жертвы и самоотверженнаго подвига.

Неожиданный и дробный стукъ деревянной колотушки караульщика метнулся на насъ со стороны. Изъ спящихъ темныхъ дворовъ собаки отвѣтили лаемъ на этотъ стукъ, но сейчасъ же и замолчали,

какъ будто только хотѣли извѣстить сторожа, что и онѣ бодрствуютъ.

Кривошеинъ съ бодро поднятой головой двинулся впередъ широкими неторопливыми шагами.

Я все ждалъ, что вотъ-вотъ онъ заговоритъ о Наташѣ, но онъ долго молчалъ послѣ своей короткой и страстной рѣчи, какъ будто ему неловко было перейти къ тому, что такъ интересовало его лично.

Разговоръ объ этомъ завязала улица, по которой мы теперь шли. Это была длинная, широкая улица, выходящая на двѣ противоположныя городскія окраины и до такой степени непохожая своими домами, своей жизнью на примыкавшія къ ней улицы, что здѣсь сразу чуялось что-то неладное.

Большинство домишекъ — съ крылечками, надъ которыми коегдѣ воспаленно и мутно краснѣли фонари. За окнами, съ плотно закрытыми ставнями, виднѣлся свѣтъ и чувствовалась подозрительно прятавшаяся жизнь, а иногда глухо доносились истерическія всхлипыванія музыки, похожія на крики и даже стоны. Впрочемъ, и настоящіе крики и стоны вырывались оттуда въ раскрытыя двери, изъ которыхъ порой выкатывались отчаянныя растерзанныя фигуры, чаще всего пьяныя.

Тогда вопль оглашалъ улицу до тѣхъ поръ, пока не появлялась тяжелая фигура полицейскаго, который какъ бы волшебствомъ прекращалъ этотъ безпорядокъ, и бушевавшая фигура или моментально изчезала, какъ бы проваливалась, или долго и недвижимо темнѣла, распластанная подъ заборомъ.

По временамъ къ этимъ крылечкамъ подъѣзжали извозчики; изъ нихъ скатывались чаще всего компаніи гулякъ и скрывались за дверями.

Такія же компаніи выкатывались оттуда, а то иногда нѣтъ-нѣтъ, да и юркнетъ въ наиболѣе тихій домикъ одинокая фигура. Такія же одинокія фигуры порою выскальзываютъ оттуда и, стараясь держаться въ тѣни, спѣшатъ юркнуть съ этой странной улицы за уголъ.

Кажется, что и самый воздухъ здѣсь какой-то особенный: пахнетъ не то прокислымъ пивомъ, не то скверными духами, а на улицѣ, противъ домовъ, даже въ жаркую погоду не всегда просыхаютъ лужицы отъ постоянно стоящихъ тутъ извозчичьихъ лошадей, и при свѣтѣ красныхъ фонарей лужицы эти багровѣютъ, какъ кровь.

Около одного изъ такихъ заведеній, — какъ ихъ скромно называютъ хозяева, мнѣ померещилась знакомая фигура.

Неужели Тырковъ?

Не было бы ничего удивительнаго, если бы онъ шелъ дѣйстви-

тельно этой улицей, какъ мы съ Кривошеинымъ: Тырковъ вышелъ первымъ, незадолго до насъ. Но онъ лишь на минуту остановился у крылечка подъ краснымъ фонаремъ, а затѣмъ быстро шмыгнулъ туда.

Я, пораженный, взглянулъ на Кривошеина, чтобы узнать, замѣтилъ ли онъ Тыркова, и уловилъ взглядъ Кривошеина, направленный въ ту же сторону, но въ этомъ взглядѣ ничего не было, кромѣ простого любопытства.

Однако, мой взглядъ, должно быть, смутилъ его: онъ отвернулся. Я не выдержалъ и спросилъ:

— Вы видѣли?

— Не вы, а ты, — поправилъ онъ меня, не отвѣтивъ на мой вопросъ.

Но я опять повторилъ:

— Ты видѣлъ?

— Что такое? — недовольно спросилъ онъ.

— Тыркова ты видѣлъ?

Ему явно была непріятна моя настойчивость, но меня все это настолько взволновало, что я не могъ отстать.

— Гдѣ? что такое?

— Да вѣдь вотъ сейчасъ туда прошелъ Тырковъ.

— Чепуха, тебѣ показалось.

— Да, нѣтъ, я хорошо видѣлъ. Свѣтъ фонаря прямо падалъ на него.

— Э, вздоръ, ты ошибся.

— Да нѣтъ же, — горячился я, ужъ начиная сомнѣваться въ искренности Кривошеина. — Я отлично разглядѣлъ и высокіе сапоги и сѣрое пальто, въ которомъ видѣлъ его предъ уходомъ.

Кривошеинъ досадливо поморщился и задергалъ усы.

— Ну что жъ, ну, если и онъ, экая важность какая. Ну, захотѣлось выпить пива, онъ и зашелъ туда. Часъ поздній, всѣ трактиры закрыты.

Но я не могъ примириться съ такимъ объясненіемъ и хотя замолчалъ, это молчаніе, повидимому, раздражало его.

— Ну, а если и не пиво пить пошелъ, что изъ того? — неожиданно и рѣзко обернулся онъ ко мнѣ. — Это еще не значитъ, что онъ пошелъ туда за тѣмъ, за чѣмъ всѣ ходятъ.

Я вспомнилъ одинъ пунктъ изъ нашей программы, и мнѣ стало немножко неловко за свою подозрительность. И все же, вспоминая, какъ спѣшно и воровато шмыгнулъ туда Тырковъ, я усомнился въ возвышенности его цѣли.

Кривошеинъ и тутъ какъ бы угадалъ меня:

— Я вовсе не хочу сказать, что Тырковъ праведникъ. Большинство изъ насъ дрянь порядочная, но если на то пошло, такъ и то надо сказать, что многія изъ тѣхъ, которыя тамъ торгуютъ собою, не только не хуже, а часто и несравненно лучше по натурѣ нашихъ дамъ и барышень.

Я ничего не возразилъ Кривошеину: втайнѣ былъ оскорбленъ такимъ сопоставленіемъ, вспомнивъ Эллу, Мею, Олечку. Но, вѣдь это еще почти дѣти. Вспомнилось еще изъ ранняго дѣтства, что какъ разъ въ нашемъ дворѣ жили двѣ гулящія дѣвицы, которыхъ звали: Машка и Сонька.

Всѣ во дворѣ ихъ презирали, хотя ни къ кому не относились съ такимъ любопытствомъ, какъ къ нимъ и ни о комъ такъ часто не говорили, какъ о нихъ.

Въ хибаркѣ, которую онѣ занимали, нерѣдко происходили скандалы, послѣ которыхъ то одна, то другая, а то такъ и обѣ сразу ходили избитыя съ кровоподтеками, грубо замазанными бѣлилами и румянами.

Жили онѣ недолго на этомъ дворѣ, и сначала одна, а потомъ скоро и другая куда-то исчезли. Помню, что интересовалась ими и жалѣла ихъ только одна дочь огородницы, ставшая крупной артисткой, Грушенька.

Кривошеинъ продолжалъ нервно:

— И между ними попадаются такія, которыя достойны вниманія и любви больше, чѣмъ тѣ. А что Тырковъ такъ крадучись вошелъ туда, такъ это понятно.

Онъ не сталъ мнѣ объяснять. И не въ этомъ было дѣло, но значитъ, это былъ, дѣйствительно, Тырковъ и, значитъ, Кривошеинъ притворялся сначала предо мною.

Оборвавъ этотъ разговоръ, онъ неожиданно заговорилъ о Наташѣ.

— Ну, что жъ, разскажи, какъ и что нынче было у Наташи.

Я разсказалъ объ успѣшности перваго урока. Но замѣтилъ, что онъ слушалъ меня разсѣянно и нетерпѣливо.

— Ну, а кромѣ урока, что было, о чемъ говорили? Что ты замѣтилъ еще?

Сказать или не сказать? — колебался я. Этотъ внезапный переходъ отъ предыдущаго предмета къ Наташѣ наводилъ меня почему-то на полную откровенность.

И я разсказалъ ему самымъ подробнымъ образомъ и нашъ неопредѣленный разговоръ о встрѣчѣ съ Константиномъ и, что главное, о поразившемъ меня ея сходствѣ съ Олечкой и какъ она взволнованно это приняла.

Я видѣлъ, что послѣднее такъ захватило его, что онъ остановился и нѣкоторое время, стиснувъ зубы, пытливо смотрѣлъ на меня.

— Слушай, ты умѣешь молчать? — произнесъ онъ, наконецъ, и прежде, чѣмъ я отвѣтилъ, продолжалъ: — Чортъ возьми, можетъ быть я сдѣлалъ ошибку, что послалъ тебя туда. Я никакъ не ожидалъ, но теперь объ этомъ поздно. А можетъ быть и хорошо, что это такъ вышло. Да, да, навѣрное даже хорошо! Я еще мало тебя знаю, но Эди говорилъ . . . Да, что Эди, я самъ вижу. Ну, такъ вотъ, я тебѣ все разскажу.

Онъ наклонилъ голову и пошелъ, ужъ не глядя на меня, говоря какъ будто самъ съ собою:

— Удивительно, что тебѣ въ глаза бросилось это сходство. Мнѣ это не приходило въ голову даже тогда, когда я узналъ, что Наташа побочная дочь старика Ростовцева.

Я, ошеломленный, разинулъ ротъ при этомъ извѣстіи.

Кривошеинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ:

— Впрочемъ, Олечку я видѣлъ всего раза два съ ея братьями и разъ у нихъ въ домѣ, когда пришлось бесѣдовать по поводу Наташи съ отцомъ ея. Ну да не въ томъ дѣло.

Кривошеинъ только тутъ замѣтилъ, какъ меня поразило его сообщеніе.

— Это еще что, сэръ; это хоть и похоже на бульварную выдумку, но бываетъ, а вотъ дальнѣйшее такъ это еще позанятнѣе будетъ. Прямо, можно сказать, сюжетъ для Понсонъ-дю-Террайля какого-нибудь.

— Постой, постой, — перебилъ я его, — можетъ быть, это неправда. Какимъ образомъ?

— Какимъ образомъ это случилось?

— Ну да, какимъ образомъ?

— Это проще всего. Въ домѣ была красивая дѣвушка прачка, а господинъ Ростовцевъ не можетъ равнодушно видѣть красивыхъ дѣвушекъ, вотъ и все.

— А гдѣ же эта прачка?

— Спилась. А дочь съ дѣтскихъ лѣтъ очутилась на улицѣ. Сначала милостыню просила, потомъ стала проституціей заниматься; дѣло обыкновенное.

— Какъ проституціей? Значитъ, она проститутка?

Кривошеинъ помялся, покрутилъ головой, подергалъ усъ.

— Не теперь . . . Занималась прежде.

— Такая удивительная дѣвушка! — внѣ себя изумлялся я.

— Да, но ее иногда не разберешь и всего отъ нея можно ждать. Вотъ нашелся человѣкъ, вытащилъ ее, уговорилъ работать, учиться,

и научилась работать, быстро научилась, и стала учиться грамотѣ, а вотъ завтра возьметъ, броситъ все къ чорту и закружитъ снова. Все-таки мать-то пропойца.

— Но отчего же тотъ, кто ее вытащилъ... Кто онъ такой?

Кривошеинъ вдругъ неизвѣстно за что разсердился.

— Э, не все ли равно, кто онъ такой! А что касается до того, отчего онъ не возьметъ ее въ руки, что ли... Да, попробуй-ка, возьми. Нѣтъ, братъ, уколешься. Ея не возьмешь въ руки, она не изъ такихъ. Или ужъ нужно, чтобы она полюбила. Да такъ полюбила, чтобы о себѣ забыла. А я не думаю, чтобы она была способна на это, — съ тоской раздраженія произнесъ онъ... — А впрочемъ, вру. Лучше сказать, не знаю. Я вѣдь говорю, что отъ нея можно всего ожидать. Только ужъ очень она много нашего брата знала и относится подозрительно, недовѣрчиво.

— И къ тому, кто ее вытащилъ?

Кривошеинъ опять вскипѣлъ.

— А чего ты все о немъ! Вытащилъ, вытащилъ, эка, подумаешь, штука какая! Что ей за это ему въ ноги кланяться всю жизнь! И потомъ... потомъ... любви этимъ не купишь... — рѣзко высказалъ онъ.

— Ахъ ты, Господи, что же это такое! — бормоталъ я, окончательно сбитый съ толку всѣмъ, что открывалось передо мною. — Какъ же все это такъ? Какъ же отецъ ее допустилъ? Вѣдь я его знаю, онъ добрый. Право же, въ немъ много хорошаго. Какъ же это все такъ могло случиться?

— Экій ты еще младенецъ. Какъ могло случиться? Какъ допустилъ? Чортъ его разберетъ. Я не Лекокъ, чтобы доискиваться, зналъ онъ, или не зналъ объ этомъ. Очень можетъ быть, что и не зналъ. У этихъ господъ такія штуки просто дѣлаются. Сдѣлалъ и забылъ. Да и помнить-то объ этомъ не всегда пріятно и удобно. Особенно, когда мать пропойца. Впрочемъ, что жъ я говорю, — язвительно спохватился онъ, — вѣдь въ концѣ-то концовъ вспомнилъ же. Не самолично, такъ черезъ сына вспомнилъ. Хоть Константинъ и увѣряетъ ее теперь, что все это онъ хочетъ помимо отца сдѣлать. Ну да это просто, можетъ быть, игра. И вѣрнѣе всего, что игра. Константинъ-то видитъ, что это за натура такая, его новоявленная сестра. Онъ понимаетъ, что она изъ гордости льду зимой изъ отцовскихъ рукъ не возьметъ. И вотъ поди жъ ты, разбери ее. За деньги продаваться это она могла, и теперь объ этомъ можетъ говорить безо всякаго стѣсненія, а вотъ у отца своего, который ее бросилъ, на все это копейки ни за что не возьметъ. И отъ Константина не

возьметъ, потому что Константина это мучаетъ. Такъ и мнѣ созналась.

Кривошеинъ все это говорилъ съ страстной горячностью, и эта страстность вмѣстѣ со всѣмъ трагизмомъ, который, какъ туманъ, поднимался предо мною изъ мрачнаго провала жизни, такъ меня захватили, что сердце мое то сжималось, какъ будто замирало, то билось лихорадочно и быстро съ жуткой дрожью.

— Ахъ, ты, Господи, ахъ, ты, Господи! — бормоталъ я вслухъ. — Что же это будетъ? Чѣмъ же все это кончится?

— Да, да, вотъ чѣмъ все это кончится? — подхватилъ Кривошеинъ. — Не навяжись этотъ Константинъ со своимъ дурацкимъ великодушіемъ... Да, впрочемъ, нѣтъ. Какое тутъ, чортъ, въ сущности, великодушіе! Просто нѣчто въ родѣ карточнаго долга. Долга чести, какъ они это называютъ. У нихъ вѣдь о чести свои понятія.

Кривошеинъ вдругъ точно усталъ, и я заодно съ нимъ тоже почувствовалъ тоже что-то въ родѣ усталости.

Мы уже давно миновали кошмарную улицу и шли теперь узенькимъ, темнымъ и соннымъ переулкомъ.

За деревянными стѣнами домовъ лишь изрѣдка слабо и мутно свѣтился огонекъ, можетъ быть, лампадка передъ образомъ. Сырой ночной воздухъ и снова темное небо. Глухой трескъ деревянныхъ колотушекъ караульщиковъ, точно короткая нервная дрожь тишины. А вотъ сейчасъ изъ этого переулка мы перейдемъ въ ту улицу, гдѣ стоитъ домъ Ростовцева.

Эта мысль возбудила во мнѣ какое-то новое, почти болѣзненное любопытство. Вся путаница жизни обнаружилась предо мною множествомъ нитей, которыя шли Богъ вѣсть откуда и переплетались Богъ вѣсть какою странною игрою судьбы. И одинъ изъ загадочнѣйшихъ узловъ этой путаницы заключался въ этомъ домѣ.

«Такъ вотъ она какая жизнь!» — съ недоумѣніемъ и нѣкоторымъ страхомъ думалось мнѣ. И когда мы съ Кривошеиномъ поровнялись съ этимъ домомъ, я почти ощутилъ смутно и тревожно, что одна изъ нитей этого узла таинственно и Богъ вѣсть съ какой цѣлью захлестнула и меня.

Кривошеинъ какъ будто на время забылъ, для чего онъ ввелъ меня въ эту исторію. Покосившись на темныя окна красиваго ростовцевскаго дома, онъ задумчиво покачалъ головой и сказалъ, какъ бы самъ себѣ:

— Да, я много бы далъ, чтобы знать, чѣмъ все это кончится.

Тутъ онъ обернулся ко мнѣ и напалъ опять на ту мысль, съ которой началъ.

— Да, такъ вотъ почему для меня важно знать всѣ малѣйшія подробности о жизни Наташи. Объ ея отношеніи къ Константину. Всѣ ея настроенія и . . . и словомъ, какъ это все обернется. Не подумай, что для меня, такъ это значитъ для меня, — поспѣшилъ онъ забѣжать передъ опередившей его слова моей собственной мыслью. — Это важно прежде всего для Наташи, для ея будущаго.

Такимъ образомъ, я приглашался быть чѣмъ-то въ родѣ соглядатая. Но униженія въ этомъ для меня никакого не было. Я не только вѣрилъ Кривошеину, но и за эту ночь полюбилъ его, привязался къ нему. Это не было похоже на мое отношеніе къ Эди. Въ лицѣ Кривошеина мнѣ открывалась новая идейная сила и она меня увлекала, даже порабощала и вводила въ кругъ сложной и отвѣтственной жизни.

XX.

Подозрѣніе подтвердилось: донесъ Келеповскій.

Сторожъ видѣлъ, какъ онъ спрятался за шинелью и послѣ нашего ухода юркнулъ оттуда, считая себя незамѣченнымъ.

Надо было его за это наказать, и Лисуновъ особенно настаивалъ, что наказать надо жестоко: на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ подслушивалъ, накрыть шинелью и избить.

Предложи это, кто угодно изъ товарищей, будь то самъ Кривошеинъ, было бы не такъ удивительно, но Лисуновъ . . . Такой всегда сдержанный, холодный, презиравшій не только кулачную расправу, но какъ будто даже и физическую силу. Но мало того, что онъ самъ предложилъ это, онъ вызвался накинуть на Келеповскаго шинель и первый нанести ему ударъ.

И именно потому, что это исходило отъ Лисунова, всѣмъ намъ стало жутко. А онъ еще съ своимъ неизмѣннымъ спокойствіемъ заявилъ:

— Бить надо, пока не перестанетъ двигаться.

Я увидѣлъ, какъ при этихъ словахъ по лицу Эди прошла судорога. Онъ поблѣднѣлъ и при общемъ молчаніи задрожавшимъ голосомъ сказалъ:

— Я не могу, я отказываюсь.

— Нервочки не выдержали, — съязвилъ Лисуновъ.

Эди вытянулся и гордо сверкнулъ глазами.

— Нѣтъ, я просто такъ не могу.

— Страшновато?

Онъ по-своему понялъ это и поблѣднѣлъ еще болѣе.

Нѣсколько секундъ онъ стоялъ со стиснутыми зубами, съ горя-

щимъ взглядомъ, устремленнымъ на Лисунова, потомъ перевелъ дыханіе и безъ всякой рисовки сказалъ:

— Я бы лучше просилъ разрѣшенія вызвать его на дуэль.

Какъ ни неожиданно было это заявленіе, никто не улыбнулся. Кривошеинъ подошелъ къ нему и положилъ ему руку на плечо.

— Молодецъ, сэръ, хорошо, ей Богу, хорошо.

Мнѣ даже показалось, что у Кривошеина блеснули въ глазахъ слезы.

— Хорошо, но... но съ шпіонами благороднымъ способомъ драться не стоитъ. Шпіоновъ надо только бить.

— Убивать, — спокойно поправилъ Лисуновъ.

Всѣ были съ этимъ согласны, но почему-то, особенно послѣ предложенія Эди, почувствовали себя неловко.

— Можетъ быть, еще кто-нибудь изъ нашей компаніи откажется? — бросилъ вызовъ Лисуновъ и покосился въ мою сторону.

Съ какимъ бы облегченіемъ я вздохнулъ, присоединившись къ Эди, но у меня не хватило мужества.

— Бить! — твердо пробасилъ Тырковъ.

— Разумѣется бить, — поднимая маленькіе кулачки, подхватилъ Летуновъ.

— Бить! Бить! — подтвердили всѣ другіе заговорщики.

Хитростью рѣшено было задержать Келеповскаго на нѣсколько минутъ въ классѣ, чтобы дать разойтись остальнымъ.

Всегда необыкновенно аккуратный, Келеповскій въ этотъ страшный для него день, по окончаніи уроковъ, никакъ не могъ найти свою книгу логариѳмовъ.

— Да вотъ книга, — помогъ ему Летуновъ, какъ бы замѣшкавшійся въ классѣ.

Келеповскій схватилъ свою книгу и поспѣшно пустился по коридору.

Изъ раздѣвальной былъ отосланъ сторожъ, и всѣ мы прятались за угломъ въ ожиданіи Келеповскаго.

Едва онъ потянулся за своей шинелью, какъ Лисуновъ, бросившись сзади, сорвалъ его шинель съ вѣшалки, необыкновенно быстро накрылъ ею съ головой Келеповскаго и тутъ же сшибъ его съ ногъ.

Уже въ самомъ ожиданіи этого момента было что-то давящее насъ. Мы стыдились глядѣть другъ на друга, и я чувствовалъ, какъ все во мнѣ дрожитъ и не могъ преодолѣть этой дрожи, и какъ-то неестественно обрадовался, когда насталъ моментъ вырваться изъ этой отвратительной засады и броситься на предателя.

Образовался сразу живой отвратительный клубокъ. Никто не

говорилъ ни слова, даже какъ будто не дышали и, что было всего страшнѣе, не кричалъ и не стоналъ Келеповскій, онъ только судорожно извивался и бился подъ окутывавшей его шинелью, въ то время, какъ со всѣхъ сторонъ на него сыпались глухіе злобные удары.

Движенія Келеповскаго становились все слабѣе, и, наконецъ, онъ какъ бы замеръ.

— Довольно, — задыхаясь, съ отвращеніемъ прохрипѣлъ Кривошеинъ.

Всѣ остановились.

— По домамъ! — скомандовалъ Лисуновъ.

Когда я очутился на воздухѣ, у меня дрожали руки, ноги, кружилась голова и до ушей доходила ѣдкая, давящая тошнота.

Я не видѣлъ, какъ разошлись товарищи, и хорошо, что вокругъ никого изъ нихъ не было, иначе мнѣ стыдно было бы за свою слабость.

Несмотря на всѣ мои усилія, я не могъ совладать съ этой тошнотой, и у меня тутъ же на улицѣ началась рвота.

Ночь я спалъ отвратительно и снились мнѣ дикіе кошмарные сны. Когда я просыпался, было чего-то страшно и пугала мысль, не убили ли мы его до смерти.

Утромъ, отправляясь въ училище, я не встрѣтился съ Эллой. Съ одной стороны я былъ радъ, что такъ случилось. Мнѣ было бы тяжело скрыть передъ ней эту жестокую расправу. Вѣдь я билъ его такъ же, какъ и другіе. Правда, сначала только дѣлалъ видъ, что бью, а потомъ уже билъ по-настоящему, не помня себя.

Покаяться въ этомъ передъ ней, это, навѣрное, значило бы вызвать къ себѣ отвращеніе. Хорошо, если бы Эди также умолчалъ объ этомъ.

Съ трепетомъ входилъ я въ училищныя стѣны. А вдругъ все извѣстно? Все открылось? Келеповскому не трудно указать виновниковъ. Доказательства? Но развѣ можно вполнѣ положиться на сторожа. А, можетъ быть, и кромѣ сторожа кто-нибудь видѣлъ. Тогда, конечно, насъ исключатъ, не медля ни минуты.

Первое, что я узналъ, что Келеповскаго въ классѣ нѣтъ. Это съ одной стороны какъ будто отдаляло катастрофу, съ другой стороны усугубляло опасеніе по поводу Келеповскаго.

Всѣ мы, какъ было условлено, въ этотъ день избѣгали собираться вмѣстѣ, но изъ мимолетныхъ намековъ товарищей было ясно, что Келеповскій живъ.

Это было главное успокоеніе, другое явилось почти неожиданно:

при провѣркѣ учениковъ, когда была названа фамилія Келеповскаго, Звончѣевъ съ своей ужиной головкой поднялся и заявилъ, что Келеповскій боленъ, что вчера, выходя изъ училища, онъ споткнулся на лѣстницѣ, полетѣлъ по ступенькамъ и довольно сильно расшибся.

Мы не удержались, чтобы переглянуться. Что это — подвохъ?

Но Звончѣевъ и Ростовцевъ врядъ ли въ состояніи были выдержать такую тонкую игру. Значитъ, Келеповскій, дѣйствительно, скрылъ. Почему?

На этомъ вопросѣ никто не останавливался, но въ дѣйствительности такъ оно и оказалось.

Ко дню именинъ директора готовы были всѣ рѣчи, и надо отдать справедливость ихъ авторамъ, составлены были рѣчи ловко и умно.

Правда, мнѣ было нѣсколько обидно, что приходилось говорить не свои слова, хотя на общей сходкѣ нашей въ отношеніи моей рѣчи были приняты нѣкоторыя и мои собственныя выраженія.

Ни одного урока я не училъ такъ, какъ училъ эту рѣчь. Мало того, что надо было не споткнуться, произнося ее, но и произвести такое впечатлѣніе, какъ будто она сказана экспромптомъ.

Я очень объ этомъ старался, но рѣшительно отказался прорепетировать передъ товарищами.

За эти двѣ недѣли призошли нѣкоторыя событія, повидимому, незначительныя, но имѣвшія въ дальнѣйшемъ очень важныя послѣдствія.

Во-первыхъ, подъ вліяніемъ разсказа Кривошеина о Наташѣ, я написалъ стихотвореніе: *Падшая,* которое произвело на моихъ товарищей большое впечатлѣніе, а Эди такъ нашелъ, что подъ такимъ стихотвореніемъ подписался бы съ удовольствіемъ даже Некрасовъ.

Въ немъ описывалась мрачная жизнь дѣвушки:

Рано ругань, побои, проклятія
Научилась она принимать,
Ее била вся нищая братія,
Чтобы горе и злобу сорвать.

Почему-то жизнь этой падшей переносилась мною на берега Невы, которой я и во снѣ не видалъ.

Только звѣздочки станутъ мерцать,
Изъ подвала стыдливо, не смѣло
Ради хлѣба она продавать
Отправляется юное тѣло.

Дальше я разражался лирическими воплями, и даже проклятіями:

Проклятъ будь, кто за мигъ наслажденья
Бросилъ бѣдную жертву въ позоръ,
И съ улыбкою наглой презрѣнья
Первый кинулъ въ лицо ей укоръ.

Мнѣ самому казалось, что даже Писаревъ, котораго я съ увлеченіемъ прочелъ за это время, остался бы доволенъ моимъ твореніемъ. Нельзя сказать, чтобы Писаревъ окончательно убѣдилъ меня въ негодности пушкинской поэзіи, но признаться, мои собственныя *Астры* показались мнѣ жалкими.

Рѣшено было это стихотвореніе напечатать въ нашемъ журналѣ вмѣстѣ со статьями Лисунова: О французской революціи («Спасительная кровь»), Кривошеина: («Долой школу») и небольшимъ разсказомъ Тыркова, также содержанія революціоннаго.

Хотя въ моемъ стихотвореніи не было никакой нелегальщины, но протестующій духъ его искупалъ этотъ недостатокъ и для него сдѣлали исключеніе. Это, однако, не лишало меня права напечатать мое стихотвореніе въ газетѣ, и я отнесъ его въ редакцію, какъ разъ наканунѣ именинъ директора.

Эллѣ это стихотвореніе я долго прочесть не рѣшался и такъ бы, вѣроятно, и не посмѣлъ имъ оскорбить ея цѣломудріе, если бы дома не разболталъ объ этомъ Эди и не возбудилъ въ ней такого настойчиваго любопытства, передъ которымъ я устоять не могъ.

Впечатлѣніе было потрясающее. Элла рѣшительно заявила, что она никогда не читала ничего подобнаго. Я самъ видѣлъ слезы въ ея глазахъ, и явилось большое искушеніе разсказать о Наташѣ все, что я узналъ и услышалъ.

Но, вспомнивъ торжественное предупрежденіе Кривошеина, воздержался и мысленно похвалилъ себя за стойкость.

Уроки съ Наташей продолжались, и успѣхъ радовалъ насъ обоихъ. Я ни на минуту не забывалъ о моемъ обязательствѣ, но никакихъ новыхъ фактовъ въ этомъ направленіи мнѣ наблюдать покуда не пришлось, и перемѣнчивое настроеніе Наташи оставалось для меня загадочнымъ.

Однимъ я не могъ подѣлиться съ Кривошеинымъ, но это никакого отношенія къ тому, что насъ обоихъ интересовало, не имѣло. Да для Кривошеина это и не было новостью: Наташа, повидимому, страшно тяготилась своей работой и ненавидѣла ее:

— Все для другихъ да для другихъ, — жаловалась она съ отвращеніемъ, — и главное, все надо дѣлать не по своему, а по чужому, точно я машина какая-нибудь.

— Вотъ, вотъ, въ ней много своего. Но какъ это свое выразится, куда приложится — вопросъ. Если бы она согласилась принять

отъ нихъ деньги... Но, правда, это противно. Да и чортъ его знаетъ, можетъ быть, эти деньги, дѣйствительно, только бы зло принесли.

Сама Наташа меньше всего объ этомъ думала, по крайней мѣрѣ, она ничѣмъ не выражала своихъ затаенныхъ желаній и надеждъ; казалось, она отдалась судьбѣ: куда ее толкнетъ, такъ и будетъ.

А тутъ какъ разъ по городу были расклеены анонсы о пріѣздѣ столичной артистки А. Т. Горской.

Меня эта новость очень взволновала. Вѣдь эта Горская была не кто иная, какъ Грушенька, дочь огородницы, дѣвченка съ нашего двора, подруга моей матери.

Я обо всемъ этомъ разсказалъ Наташѣ, и это ее настолько заинтересовало, что она съ нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда Грушеньки.

Какъ-то утромъ, отправляясь въ училище, я увидѣлъ на условленномъ мѣстѣ не Эллу, а Мею.

Это меня даже нѣсколько испугало. Я вообще какъ будто побаивался Меи: по моему, она очень недоброжелательно относилась къ нашей любви, а ея обычная острая насмѣшливость язвила меня въ самое сердце.

«Значитъ, съ Эллой что-нибудь случилось, — подумалъ я тревожно: — заболѣла... а можетъ быть разлюбила».

Какъ ни невѣроятно было послѣднее предположеніе, я склоненъ былъ скорѣе остановиться на немъ, при видѣ насмѣшливой улыбочки, съ которой Мея кивнула мнѣ своей маленькой курчавой головкой.

Никогда она такъ не была похожа на мальчика съ своими подстриженными темными локонами, какъ въ это прохладное, тихое осеннее утро, и руку мою, здороваясь, она встряхнула какъ-то по-мальчишески.

Улыбались ея тонкія губы, каріе щурившіеся глаза и даже какъ будто самыя кудри, вырывавшіяся изъ-подъ круглой, одѣтой на бокъ небольшой шапочки, связанной изъ мягкаго гаруса.

Она сперва засмѣялась, а потомъ, искоса блеснувъ на меня глазами, сказала:

— Не ждали?

Я не нашелся, что отвѣтить.

— Вамъ, конечно, это непріятно, но я сама... то-есть, не по своему желанію, успокойтесь. Я просто почтальономъ. Вотъ.

Въ рукѣ ея мелькнулъ сиреневый конвертикъ.

«Такъ и есть», — со страхомъ подумалъ я.

Рука моя не рѣшилась протянуться къ этому конверту, а Мея, какъ бы подразнивая меня, также не спѣшила мнѣ его отдать.

— Вы, кажется, поблѣднѣли, — продолжала она мучить меня, также мелькомъ, но испытующе бросивъ на меня взглядъ.

Эти слова еще менѣе могли меня успокоить.

Мея какъ будто втайнѣ торжествовала и злорадствовала надъ моимъ пораженіемъ.

— Нисколько, — храбрясь, отвѣтилъ я.

Она притворно изумилась.

— Какъ нисколько! Значитъ, васъ нисколько не безпокоитъ, что Элла вмѣсто того, чтобы придти сама, просила передать вамъ это письмо?

Я почувствовалъ, что краснѣю, и разсердился на себя за это и еще болѣе за неудачный отвѣтъ.

— Напротивъ, вы меня не поняли.

— Ахъ, напротивъ! Значитъ, вамъ непріятно, что я принесла вамъ это письмо.

— Это меня совсѣмъ сбило съ толку.

— Совершенно женская логика, — не совладалъ я съ собой.

— Ахъ, вотъ вы какой!

— Да, такой, — самъ изумляясь своей рѣзкости, отвѣтилъ я.

— На-те вамъ ваше письмо, — она сунула мнѣ въ руку конвертъ и надула губки.

Мнѣ показалось, что она сейчасъ повернется и уйдетъ, но она, хотя отвернувшись, продолжала идти рядомъ со мною.

«Значитъ нуженъ отвѣтъ», — подумалъ я и поспѣшилъ разорвать конвертъ.

Прежде всего изъ сиреневаго почтоваго листика вылетѣлъ, какъ мотылекъ, маленькій бѣленькій цвѣточекъ. Гора съ плечъ. — О, милая! — едва не вскрикнулъ я и быстро наклонился за этимъ свѣтлымъ вѣстникомъ, упавшимъ къ моимъ ногамъ.

Что такое! или это нечаянно?

Прежде, чѣмъ я успѣлъ поднять цвѣтокъ, тонкій узкій носокъ изящнаго ботинка Меи ступилъ на него, и мнѣ стало такъ непріятно, какъ будто она наступила на дѣйствительно живую бабочку.

Мало того, она въ то же мгновеніе, какъ мнѣ показалось, злобблеснула глазами.

Пришлось оставить цвѣточекъ на тротуарѣ.

Въ письмѣ Элла коротко оповѣщала меня, что немножко нездорова, но что завтра, самое позднее — послѣзавтра, мы непремѣнно увидимся.

Значитъ, никакого отвѣта ненужно. И Мея, несомнѣнно, знала это.

Теперь она шла, задумчиво опустивъ голову, и я почувствовалъ себя виноватымъ передъ нею.

На душѣ стало легко и радостно и хотѣлось загладить свою рѣзкость, но прежде, чѣмъ я могъ придумать что-нибудь, Мея гордо подняла свою головку, и на ея губахъ опять блеснула обычная колкая улыбка.

— Я думаю, вамъ все-таки слѣдовало бы поблагодарить почтальона.

— Да, да, — спохватился я, — очень вамъ благодаренъ.

Вышло неискренно и какъ-то рабски вынужденно.

Все это оттого, что она раздавила цвѣтокъ, — старался я оправдать себя.

Нѣкоторое время мы шли молча, не глядя другъ на друга, и, также не глядя на меня, она неожиданно сказала:

— Можетъ быть, вы написали какое-нибудь стихотвореніе новое? Дайте мнѣ его, я передамъ Эллѣ.

Какъ! Значитъ, она знала о стихотвореніяхъ. Значитъ, Элла показала ей и мое посвященіе?

Я лишь молча вопросительно взглянулъ на Мею.

А она, какъ ни въ чемъ не бывало, отвѣтила на этотъ взглядъ:

— Да, Элла не могла отъ меня этого скрыть. Она вѣдь порядочная болтушка.

— Но вѣдь она только сказала объ этомъ вамъ, — пытался я защитить Эллу, — хотя мнѣ было досадно, что она подѣлилась съ сестрой тайной.

— Да, кажется, — отвѣтила Мея. — Это не важно. Можетъ быть, она сдѣлала это потому, что считаетъ эти астры столько же поднесенными вамъ ею, сколько и мной.

Выходило такъ, что и она старается оправдать Эллу, а на самомъ дѣлѣ унижаетъ ее...

— Нѣтъ, у меня нѣтъ никакихъ стихотвореній, — недовольно отвѣтилъ я и самъ не знаю, почему, прибавилъ: — Мнѣ теперь не до того.

— Ахъ, вотъ какъ, вамъ теперь не до того. Я такъ и передамъ Эллѣ.

Что я надѣлалъ! Вѣдь если она такъ передастъ, Элла можетъ подумать, Богъ знаетъ что.

Я втайнѣ разсердился. Правда, я неосторожно сказалъ глупость, но взваливалъ свою вину на Мею и даже мысленно обозвалъ ее злой дѣвченкой, хоть она и была на цѣлый годъ старше Эллы.

Несомнѣнно, Мея во что бы то ни стало хочетъ насъ поссорить. «И за что она меня такъ ненавидитъ! — съ горечью подумалъ

я. — Или ей досадно, что Элла любитъ меня, такого бѣдняка, низкаго происхожденія? Но какое же ей до этого дѣло! Ахъ, если бы поскорѣе прославиться и доказать этой злокѣ, что я вовсе не такое ничтожество, какъ она думаетъ!»

— Вы все стараетесь по своему объяснить, — надувшись, заявилъ я.

Она обернулась съ наивнымъ лицомъ.

— То есть, что значитъ по своему?

— Ну, да ужъ не притворяйтесь, я вижу. Я сказалъ это вовсе не потому, почему вы думаете, я только говорю, что сейчасъ мнѣ не до того, потому что меня выбрали депутатомъ, чтобы сказать директору рѣчь.

Такое заявленіе должно было поднять мои фонды въ ея глазахъ, но вышло какъ разъ наоборотъ.

— Знаю. Однако, эту рѣчь вы не сами сочинили.

— Что же изъ того, я бы и самъ могъ. И даже тамъ есть много моего. Экая штука какая, сочинить рѣчь! Я сочинилъ стихотвореніе, которое поважнѣе рѣчи, — не удержался я въ запальчивости, чтобы не похвастаться. — И оно всѣмъ очень понравилось.

— А мнѣ совсѣмъ не понравилось.

— Что! Значитъ, вы и это стихотвореніе знаете?

— Знаю. И оно гораздо хуже перваго.

— Ну, ужъ это извините.

— Хуже.

— Это стихотвореніе идейное. Всѣ такъ говорятъ.

— Что же изъ того, что идейное.

— Какъ что изъ того! — возмутился я. — Да вы читали ли Писарева?

Она насмѣшливо пожала своими узенькими плечиками.

— Это прямо смѣшно. Вы становитесь похожи на вашего Кривошеина, у того только одинъ разговоръ и есть, и, смѣшно передразнивая Кривошеина, она сдѣлала видъ, что дергаетъ, какъ онъ, усы: «А вы читали Добролюбова? А вы читали Писарева?» — Такъ вотъ же, читала, и препротивный вашъ Писаревъ. И такой же притворщикъ, какъ и вашъ Кривошеинъ.

Все это было такъ дерзко-легкомысленно сказано, что я попробовалъ уничтожающе разсмѣяться. Однако, задѣтый за живое, не столько ея невѣжественнымъ отношеніемъ къ Писареву и Кривошеину, сколько неодобрительнымъ отзывомъ о моемъ стихотвореніи.

— Вы просто барышня и не можете ничего въ моемъ стихотвореніи понимать. Въ такихъ вещахъ вы не судья.

— И вы въ такихъ вещахъ не судья, потому, что вы еще не взрослый.

— А вотъ, когда напечатаю это стихотвореніе вы увидите, судья или не судья.

— И навѣрно его не напечатаютъ.

— А всѣ говорятъ, что напечатаютъ.

— А я говорю, не напечатаютъ.

— Давайте спорить, — заносчиво предложилъ я.

— Давайте.

Она протянула мнѣ свою тонкую узенькую ручку.

Мы взглянули прямо другъ другу въ глаза, и я почувствовалъ, какъ ея легкіе пальцы довольно сильно сжали мои.

Она тутъ же покраснѣла и отвернулась. Но не отняла руки.

— На что же мы будемъ спорить?

Весь мой задоръ и похвальба сразу пропали. Непонятное волненіе проникло въ меня.

— Я право не знаю.

Она также внезапно присмирѣла. Затѣмъ вдругъ встряхнула кудрями и все еще съ краской на лицѣ сказала, снова взглянувъ мнѣ въ глаза:

— А я знаю.

Какая-то золотая паутинка протянулась отъ ея глазъ ко мнѣ, золотая, неуловимая, такая нѣжная, что ее боязно было разорвать словомъ.

Мы розняли руки и шли молча.

И вотъ передъ нами ограда и калитка ея гимназіи. Какъ же это я не замѣтилъ, что мы такъ быстро дошли.

Сейчасъ мы должны проститься. Между тѣмъ въ этомъ пари что-то таилось для меня такое, отъ чего не хотѣлось отказаться.

— Скажите! — не глядя на нее, произнесъ я.

Она чуть-чуть поколебалась, а затѣмъ вызывающе произнесла, смотря однако въ другую сторну.

— Хорошо. Если вы проиграете, вы напишите мнѣ стихи. Понимаете мнѣ!

Я тоже поколебался, но не потому, что былъ не согласенъ на это предложеніе.

— Хорошо. А вы?

— А я? Я? — Она обернулась и, порывисто вобравъ въ себя дыханіе, съ отчаянной рѣшимостью сказала и голосомъ и лицомъ и остановившимися глазами:

— А я — что хотите.

Она быстро повернулась и, даже не кивнувъ мнѣ на прощанье, бѣгомъ побѣжала къ подъѣзду, догоняя опередившую ее соученицу.

XXI.

Наше демонстративное выступленіе съ рѣчами передъ старымъ директоромъ прошло не совсѣмъ благополучно. Мы разсчитывали встрѣтить тамъ лишь учителей, да и то изъ числа его прежнихъ приверженцевъ.

Такъ оно сначала и было: кромѣ Колобова и еще трехъ наиболѣе симпатичныхъ преподавателей: учителя рисованія, старичка-Васильева, добродушнаго законоучителя нашего и милаго естественника Лихницкаго, никого изъ постороннихъ, когда явились мы, не было.

Вручивъ директору скромный бюваръ съ серебряной дощечкой, мы были горды тѣмъ, что старикъ, растроганный до слезъ, перецѣловалъ насъ.

Первый говорилъ рѣчь Лисуновъ. Затѣмъ Кривошеинъ, но мнѣ не повезло: едва я началъ говорить свою рѣчь, въ дверяхъ появился новый директоръ.

Это нѣсколько ошеломило не только меня и моихъ товарищей, но, повидимому, и всѣхъ присутствующихъ, не исключая и самого именинника.

Казалось, что-то холодное и темное вошло въ стѣны, гдѣ до этого все такъ привѣтливо согрѣвало и ласково улыбалось.

Пока новый гость здоровался съ старушкой хозяйкой и ея дочерью, я быстро переглянулся съ товарищами.

Лисуновъ медленно надѣвалъ пенснэ, и лицо его было спокойно и холодно, зато Кривошеинъ, покраснѣвъ и стиснувъ зубы, отрицательно мотнулъ головой. Очевидно, онъ думалъ, что я его спрашиваю, какъ мнѣ поступить.

Отвернувшись отъ него, я уловилъ устремленный на меня, почти испуганный взглядъ учителей и прочелъ, особенно въ глазахъ трезваго на этотъ разъ Колобова, то же, что и во всемъ лицѣ Кривошеина.

Но директоръ, поздравивъ именинника и, поздоровавшись молча съ учителями, кивнулъ на наши поклоны и спокойнымъ голосомъ, какъ онъ поощрялъ запнувшагося на урокѣ ученика, обратился ко мнѣ:

— Я, кажется, помѣшалъ: пожалуйста, продолжайте.

На мигъ у меня стѣснило дыханіе. Сердце, лихорадочно колотившееся въ груди, какъ будто пріостановилось, мнѣ даже показалось, что все, что я долженъ сказать, забылъ.

Тутъ старикъ-директоръ тихо подошелъ ко мнѣ и своимъ слабымъ голосомъ мягко произнесъ, не сводя съ меня своего выразительнаго взгляда изъ-подъ сѣдыхъ кустившихся бровей:

— Спасибо, милые. Я очень, очень тронутъ; прошу и васъ позавтракать съ нами.

Это обращеніе какъ будто лишало меня возможности продолжать мою рѣчь, и я почувствовалъ испугъ: неужели я не смогу высказать ему все только изъ-за того, что явился новый директоръ. Значитъ, я трусъ и не посмѣю его отблагодарить за все, что онъ для меня сдѣлалъ!

Это сразу очистило мою мысль отъ мути и подавило безпокойную и унизительную дрожь.

Чувствуя, что я блѣднѣю, но уже не отъ страха и замѣшательства, а отъ прилива сладостной волнующей рѣшимости, я еще неувѣреннымъ голосомъ произнесъ:

— Петръ Александровичъ, позвольте мнѣ высказать то, что я хотѣлъ сказать. И отъ себя, и отъ тѣхъ моихъ товарищей, которымъ вы сдѣлали столько и которые меня къ вамъ прислали.

Старикъ растерянно развелъ худыми дрожащими руками и, какъ бы заранѣе прося для меня снисхожденія, взглянулъ на своего преемника.

Тотъ стоялъ посреди залы, прямо противъ зеркала, отражаясь въ немъ съ такой четкостью въ своемъ тугомъ, безукоризненномъ вицмундирѣ, что казалось, этимъ отраженіемъ удваивалось и то недоброжелательное и непривѣтливое, что онъ внесъ съ собой.

— Ну, говори, милый, — какъ бы покоряясь неизбѣжности, согласился старикъ.

Когда мы послѣ завтрака вышли отъ директора, Кривошеинъ напалъ на меня:

— Тебѣ не слѣдовало говорить.

— Развѣ я сказалъ такъ плохо?

— Наоборотъ, хорошо. Но, чѣмъ лучше, тѣмъ хуже.

— А я нахожу, ты отлично сдѣлалъ, что сказалъ, — вмѣшался Лисуновъ.

— Каково самообладаніе у нашего крокодила, онъ даже виду не подалъ, что ему это непріятно!

— А какъ ты думаешь, будетъ онъ за это мстить?

— Несомнѣнно, будетъ. Вотъ потому-то и не слѣдовало переть на рожонъ. И все-таки ты молодецъ, — горячо похвалилъ меня Кривошеинъ, хлопая по плечу.

XXII.

Похвала Кривошеина и Лисунова, успѣхъ за это самое у товарищей вскружили мнѣ голову, и я нѣкоторое время считалъ себя героемъ. А тутъ новое событіе: въ воскресномъ номерѣ газеты напечатали мою: «Падшую».

Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, увидѣвъ сочиненныя мною строки на видномъ мѣстѣ газетнаго листа съ моей собственной подписью. Отъ радости я чуть не цѣловалъ этотъ листокъ, и ароматы самыхъ благоуханныхъ цвѣтовъ не могли мнѣ быть такъ пріятны, какъ этотъ запахъ краски, исходившій отъ свѣжей газеты.

Я читалъ и перечитывалъ напечатанныя строки, которыя зналъ наизусть, но теперь онѣ казались мнѣ совсѣмъ иными и не только болѣе внушительными, но почти совершенными.

«Неужели это я самъ написалъ?» — спрашивалъ я себя съ бьющимся сердцемъ.

При этомъ я даже посмотрѣлъ въ зеркало, чтобы убѣдиться, что это не кто иной, какъ я, Павелъ Гарьковъ.

Стало обидно, что на меня взглянулъ изъ зеркала такое незначительное мальчишеское лицо, да еще съ прыщикомъ на подбородкѣ.

Проклятый прыщъ, надо же было ему появиться такъ не во время!

И все же это былъ я, я! И это мои строки читаетъ весь городъ и Элла.

Тутъ же вспомнилась Мея и наше пари, и эта мысль какъ бы нѣсколько затмила представленіе о томъ, какъ должна гордиться и радоваться Элла, при видѣ моего напечатаннаго стихотворенія.

Но и мысль о Меѣ потонула въ радости автора. Занималась звѣзда моей славы, событіе, передъ которымъ всѣ другія казались ничтожными.

Фантазія моя, какъ молодой жеребенокъ, выпущенный весной на свободу, не знала удержу въ своемъ восторгѣ; она то мчалась, какъ по зеленой травѣ, освѣщенной сіяющимъ солнцемъ, въ свѣтлую даль моего будущаго, то останавливалась въ избыткѣ молодой силы, чтобы поднять голову и выкинуть головокружительное антраша.

Я самъ себя поймалъ на томъ, что выкинулъ такое антраша среди комнаты, разсмѣявшись, какъ сумасшедшій.

На этотъ неожиданный для меня самого смѣхъ пришла старуха, которая оставалась одна въ домѣ въ то время, какъ всѣ ушли къ обѣднѣ.

Я терпѣть не могъ эту ворчливую вѣдьму, но на этотъ разъ готовъ былъ расцѣловать ее и впервые назвалъ бабушкой.

— Бабушка! — вскричалъ я, потрясая газетнымъ листомъ. — Мои стихи тутъ напечатаны. Вотъ они!

Я раскрылъ передъ ея слезящимися, лишенными рѣсницъ старческими глазами газету и указывалъ на свое твореніе.

— Вотъ. И моя подпись тутъ: Павелъ Гарьковъ. Читайте.

— Читайте. Малъ еще, чтобы смѣяться надъ старухой.

Въ самомъ дѣлѣ, она неграмотная.

— Ну, такъ я вамъ самъ прочту, слушайте.

И прежде, чѣмъ она опомнилась, я уже читалъ ей стихи, но не наизусть, а по этимъ печатнымъ строкамъ.

Мнѣ казалось, что стихи мои не могли ее не тронуть. Но когда я окончилъ чтеніе и взглянулъ на нее, съ досадой убѣдился, что успѣха ожидаемаго не было.

Босая, какъ всегда простоволосая, съ жидкими, сѣдыми косицами, выбивавшимися изъ-подъ повойника, въ замызганныхъ кухарочьихъ лохмотьяхъ, онъ показалась мнѣ прямо отвратительной, особенно, когда неодобрительно поклевавъ своимъ крючковатымъ носомъ, беззубымъ ртомъ прошамкала:

— Тоже еще стихъ! я думала про божественное, — обидно махнула рукой и ушла.

— Дура! — едва не сорвалось у меня вслухъ. Въ самомъ дѣлѣ, нашелъ съ кѣмъ подѣлиться!

Я ужъ не сталъ ожидать хозяевъ. Наскоро выпивъ стаканъ чаю, не выпуская изъ рукъ газетнаго листа, я побѣжалъ изъ дому.

— Куда?

Конечно, прежде всего къ Эллѣ.

Но очутившись на дворѣ, я опомнился.

Раннее воскресное утро такъ и свѣтило отовсюду своей еще не раскрывшейся жизнью: свѣжій осенній холодокъ стоялъ въ воздухѣ, и утренней сыростью тянуло съ Волги; плоская заволжская сторона сѣрѣла въ туманѣ, и двѣ огромныя бѣляны, которыя тащилъ маленькій пароходъ, казались фантастично большими въ этой прозрачной жемчужной мглѣ.

Начали звонить колокола, точно привѣтствуя мое торжество. однако, стало ясно, что къ Райтамъ идти рано. Но на пути былъ Бороховъ.

Около портновскаго крылечка мальчишка раздувалъ самоваръ.

Конечно, Бороховъ былъ дома. Онъ очень мнѣ обрадовался. Послѣ моего геройскаго выступленія онъ сталъ льнуть ко мнѣ еще больше, но боялся, что оно мнѣ даромъ не пройдетъ.

Съ трудомъ удерживая свое чувство, я спросилъ его, читалъ ли онъ нынче листокъ.

— Нѣтъ, еще не читалъ, хотя мы по воскресеньямъ позволяемъ себѣ купилъ газету. Я читаю ее вслухъ моимъ старикамъ за чаемъ.

Я увидѣлъ на убранномъ портновскомъ столѣ газету. Кажется, чего проще! та же самая газета, что и у меня, но мнѣ показалось почти чудомъ, что и въ этой газетѣ напечатано мое произведеніе. И даже, чтобы убѣдиться въ этомъ, я раскрылъ газету: есть!

Бороховъ, замѣтивъ по моему лицу нѣчто необыкновенное, также взглянулъ въ газету и вскрикнулъ отъ радости:

— О, это же ваши стихи!

Онъ схватилъ меня за обѣ руки и началъ трясти ихъ, съ восторгомъ глядя въ мои глаза.

— Поздравляю васъ, поздравляю, ну, я же зналъ.

Я былъ такъ растроганъ его сочувствіемъ, что обнялъ и поцѣловалъ его.

Онъ покраснѣлъ, растерялся и съ газетнымъ листомъ бросился въ сосѣднюю комнату.

— Папаша, мамаша, — слышалъ я его голосъ, — пожалуйте сюда. — Вы только посмотрите, что это такое.

Старый лысый еврей, по праздничному одѣтый, вышелъ на кривыхъ ногахъ, раскачивая при каждомъ движеніи головой, такъ же, какъ и его сынъ, надѣвая на ходу связанные черными нитками, большіе очки.

За нимъ вышла жена съ вялымъ лицомъ, съ вялыми движеніями, съ почечными опухолями подъ глазами.

— И сестра! Гдѣ сестра? — кричилъ Бороховъ.

— Я сейчасъ, — отозвался слабый голосъ.

И когда худощавая, хрупкая фигура больной сестры его также появилась на порогѣ, и всѣ съ недоумѣніемъ глядѣли на расшумѣвшагося мальчика, онъ торжествуя обратился къ нимъ:

— Я же вамъ говорилъ. Вотъ смотрите.

Онъ худымъ пальцемъ, какъ клювомъ, тыкалъ въ газету, въ то самое мѣсто, гдѣ красовалось мое стихотвореніе.

— Это его собственное сочиненіе! И оно уже напечатано!

— Покажи, — потянулась сестра и взяла листокъ.

И отецъ скосилъ на него глаза, какъ онъ скашивалъ ихъ, вдѣвая нитку въ иголку. Только мать глядѣла равнодушно на меня и потому для меня стала совершенно безразлична.

— Я вамъ долженъ самъ прочесть это, — беря газету у сестры, сказалъ Бороховъ. — Или, что я говорю, когда тутъ самъ авторъ, пусть читаетъ онъ, авторъ!

— Авторъ? — съ недоумѣніемъ повторилъ старикъ и оглянулся, ища того, кого называли этимъ именемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, читайте вы.

Мнѣ очень хотѣлось послушать мои строки изъ чужихъ устъ. Но признаюсь, было очень досадно, когда Бороховъ, не желая отказать мнѣ, сталъ читать мое стихотвореніе своимъ ужаснымъ акцентомъ, который былъ еще убійственнѣе при его паѳосѣ.

Однако, я съ жадностью слѣдилъ за лицами слушателей, но ничего путнаго для себя прочесть въ нихъ не могъ.

Только когда Бороховъ дочиталъ стихотвореніе и съ особеннымъ чувствомъ прочелъ даже мою подпись подъ нимъ, мать удивленно покачала головой, а старикъ снялъ очки и съ уваженіемъ глядѣлъ на меня мигающими глазами.

Сынъ первый выразилъ свое одобреніе:

— Это замѣчательно сильная вещь.

Чахоточная сестра его подняла на меня свои большіе глаза:

— Неужели это вы такъ написали? Вѣдь это же можно пѣть. И это будетъ очень жалостная пѣсня.

Отецъ немножко покосился на нее,— онъ, очевидно, понялъ стихи, и ему было непріятно, что его дочь, цѣломудренная дѣвушка, одобряетъ ихъ.

— Ну, а скажите, вамъ за это заплатятъ? — спросилъ онъ меня.

— Ну, да, конечно заплатятъ, — отвѣтилъ его сынъ. — Пушкинъ получалъ за каждый свой стихъ по червонцу.

— По червонцу? — недовѣрчиво протянулъ старикъ и покосился на меня, потомъ на сына. Онъ зналъ, что его сынъ никогда не говоритъ неправды, но платить по червонцу за такую бездѣлицу! — По червонцу!

Онъ вздохнулъ и покачалъ головой:

— Сколько разъ я долженъ колынуть иголкой, чтобы получить червонецъ! Я думаю, этого нельзя сосчитать. А? Какъ ты думаешь, Абрамъ?

Тотъ засмѣялся.

— Э, писатель и портной, тутъ есть разница, — отвѣтилъ сынъ, почтительно подмигнувъ отцу. — Портной шьетъ, чтобы было тепло тѣлу, а писатель пишетъ, чтобы было тепло душѣ.

Но лицо его тотчасъ же стало озабоченнымъ. Онъ съ тревогой посмотрѣлъ на меня:

— Я боюсь одного, что это можетъ не понравиться директору. Вы помните, какъ написали сочиненіе въ стихахъ и какъ директоръ, только что тогда пріѣхавшій, поставилъ тебѣ единицу.

— То было другое дѣло. Онъ нашелъ, что я написалъ не по правиламъ.

— Да, пожалуй. Собственно, онъ долженъ бы гордиться, что среди его учениковъ есть талантливый писатель.

Я и самъ желалъ такъ думать, однако, не скажу, чтобы былъ вполнѣ спокоенъ на этотъ счетъ. Но это маленькое безпокойство лишь слабо скользнуло въ моей душѣ и исчезло совершенно, когда я очутился на улицѣ.

Окончилась обѣдня, встрѣчались празднично одѣтые люди; дребезжали дрожки.

Я ни на минуту не забывалъ, что въ моемъ карманѣ тщательно сложенный газетный листъ съ моимъ стихотвореніемъ. Конечно, всѣ эти люди понятія объ этомъ не имѣли, иначе не глядѣли бы на меня такъ равнодушно.

И все же я чувствовалъ себя чѣмъ-то въ родѣ знаменосца, которому достаточно развернуть свое побѣдоносное знамя, и всѣ пойдутъ за мной туда, куда я захочу. Досадно было, что среди встрѣчныхъ не попадалось ни одного мало-мальски знакомаго, и я обрадовался, наконецъ, когда встрѣтилъ моего хозяина съ хозяйкой. Съ ними шли и Константинъ съ хромымъ солдатикомъ.

Они чинно возвращались отъ обѣдни и, увидавши меня, удивились, что я въ воскресенье такъ рано вышелъ изъ дому, не напившись чаю вмѣстѣ съ ними.

Газетный листъ зазудѣлъ у меня въ карманѣ.

— А я свѣжихъ кренделей купила, — поддразнила меня хозяйка. — Пойдемъ.

— Что крендели! У меня есть, что поважнѣе кренделей.

Я досталъ газету и развернулъ передъ ними.

— Вотъ, посмотрите.

— Да я безъ очковъ-то не вижу, чего тутъ?

— А вотъ тутъ сочиненіе напечатано.

— Объ чемъ?

— Называется: «Падшая». Но это такъ разсказать нельзя, это нужно прочесть.

— Длинная?

— Нѣтъ, совсѣмъ не длинное. Вотъ.

— Такъ въ самомъ дѣлѣ вернись и почитай.

Искушеніе было значительное, но представлялось нѣчто посерьезнѣе этого.

— Если хотите, я вамъ такъ потихоньку прочту здѣсь. Это недолго.

И не ожидая согласія, я тутъ же на улицѣ сталъ имъ читать

«Падшую», не обращая вниманія на удивленіе прохожихъ, изъ которыхъ нѣкоторые замедляли шаги, прислушиваясь.

Когда я окончилъ, хозяйка подмигнула мнѣ.

— Ахъ, ты, безстыдникъ этакій. А я думала, что ты ничего про такое не знаешь.

— Знаемъ мы, какъ онъ не знаетъ! — проворчалъ сердито хромой и переглянулся съ Константиномъ.

Хозяинъ только головой покачалъ:

— Ну, ну, братъ, загвоздилъ. Протащилъ Деттерера.

— Какого Деттерера? —изумился я.

— Да ихняго содержателя. Можно сказать, разработалъ подъ лакъ.

Я вспомнилъ, что слышалъ про этого содержателя многихъ публичныхъ домовъ на Камышенской. Нельзя сказать, чтобы я былъ понятъ, какъ слѣдуетъ. И особенно было непріятно, когда хозяинъ прибавилъ:

— Ну, да онъ, братъ, тоже въ долгу не останется. Онъ, братъ, и самъ стихомъ балуется. И даже своимъ гостямъ, которые у него часто бываютъ, сюрпризъ выдаетъ, этакую книжечку со стишками...

Я рѣшилъ ему послѣ объяснить разницу между моимъ сочинительствомъ и тѣмъ и пустился дальше.

На пути къ Райтамъ мнѣ посчастливилось встрѣтить лавочника Ивана Максимыча, горбатаго контрольнаго чиновника, давальца моего хозяина, знакомаго телеграфиста и глухую тетку Тыркова.

Люди все были мало мнѣ знакомые, но я такъ ловко попадался имъ навстрѣчу и такъ любезно съ ними раскланивался, что имъ трудно было отъ меня увернуться. И они еще не успѣвали опомниться, какъ я небрежно освѣдомлялся, читали ли они нынѣшнюю газету?

Къ досадѣ моей никто изъ нихъ не успѣлъ прочесть листка. И я тутъ же, какъ бы между прочимъ, ощупывалъ свои карманы и нечаянно находилъ газету.

Если жертва моя заинтересовывалась и спрашивала: «Что новенькаго?» — я съ ледянымъ спокойствіемъ сообщалъ, что въ газетѣ есть мое стихотвореніе...

Безстрастный тонъ мой долженъ былъ производить на нихъ такое впечатлѣніе, какъ будто для меня это такой пустякъ, что о немъ, собственно, не стоило и говорить, точно я напечаталъ тысячи подобныхъ.

Изъ нихъ заинтересвался только телеграфистъ и поощрительно сказалъ:

— Ловко. Я этихъ стервъ тоже хорошо знаю.

Я въ негодованіи отскочилъ отъ него. Лучше бы я ему не по-

казывалъ! Съ глухой теткой Симакова я такъ и не могъ добиться толка.

Зато у Райтовъ мое тщеславіе пострадало лишь со стороны Меи, и то въ первую минуту. Другіе, особенно Эди, еще сильнѣе раздули во мнѣ его коварное пламя.

Эди бросился ко мнѣ на шею съ поздравленіемъ.

— Я думалъ, что ты не получилъ газеты, самъ хотѣлъ бѣжать къ тебѣ. Въ печати стихотвореніе производитъ еще большее впечатлѣніе. И папѣ и даже мамѣ оно тоже понравилось, — нѣсколько сдержанно сообщилъ онъ. — А Элла такъ выздоровѣла сразу, какъ узнала объ этомъ. Только Мея чѣмъ-то недовольна, ну, да, она всегда противорѣчитъ.

— И вовсе не потому, — отозвалась Мея, появляясь въ дверяхъ Эдиной комнаты.

— А потому, что вы проиграли пари, — съ торжествомъ заявилъ я.

— Какое пари? — спросила Элла, вынырнувшая изъ-за спины сестры съ дорогой для меня газетой въ рукѣ.

Мея покраснѣла. Смутился и я.

Знай я, что Элла тутъ, умолчалъ бы объ этомъ.

Здороваясь съ ними, я пробормоталъ:

— Мея спорила, что стихотвореніе не напечатаютъ.

— А на что же вы спорили? — невинно спросила Элла.

Мея, не сморгнувъ глазомъ, отвѣтила:

— На цвѣты, — и глядя мнѣ прямо въ глаза, добавила: — Никогда я еще такъ не жалѣла, что проиграла.

Нѣжнымъ движеніемъ Элла обняла сестру, не сводя съ меня восторженныхъ глазъ, поцѣловала ее.

Мея не отстранилась, но на мой взглядъ осталась слишкомъ безучастной, точно догадывалась, что эта ласка невполнѣ была вызвана ею.

Въ первый разъ я съ такой поразительной ясностью увидѣлъ, до чего сестры не похожи другъ на друга: за свою болѣзнь Элла чуть-чуть поблѣднѣла и, при ея пышныхъ бѣлокурыхъ волосахъ, фарфоровой нѣжности ея лица и всей ея фигуры, казалась еще болѣе хрупкой.

Мея съ ея тонкимъ мальчишескимъ лицомъ и темными кудрями была крѣпка и гибка, какъ ивовый прутъ.

Послѣ спокойнаго фальшиваго отвѣта Меи, въ глазахъ ея я уловилъ какой-то змѣиный блескъ, и странно, ея досада и даже лживость не только меня не опорчили, а наоборотъ, таинственно и цѣпко потянули къ ней.

Я тутъ же мысленно далъ себѣ слово написать ей стихотвореніе.

Передъ завтракомъ Элла сунула мнѣ въ руку записочку. Но не выдалось ни одной благопріятной минутки, чтобы прочесть ее.

За столомъ отецъ и мать Эди полушутливо чокнулись со мной и поздравили меня съ началомъ моей литературной дѣятельности.

Но мнѣ мало было этой славы; послѣ завтрака я рѣшилъ сбѣжать всѣхъ своихъ пріятелей и знакомыхъ и кстати посѣтить въ пріютѣ братишку и въ мастерской мою сестру.

Когда я прощался съ Меей, которая очутилась послѣдней, я ощутилъ, вмѣстѣ съ пожатіемъ, въ своей рукѣ сложенную бумажку.

Это меня такъ поразило, что я едва не выронилъ, и когда очутился на улицѣ, первымъ долгомъ развернулъ этотъ свернутый листочекъ, а не записку Эллы.

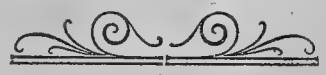
«Мнѣ нужно васъ видѣть, приходите въ Липки, къ бесѣдкѣ въ пять часовъ».

У меня захватило духъ отъ смѣшаннаго чувства торжества и опасенія. Съ тревогой досталъ я записку Эллы:

«О, какъ я горжусь вами! Мы должны увидѣться. Приходите къ тремъ часамъ въ Липки, къ бесѣдкѣ. Элла».

А. Ѳедоровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)



НА УТРѢ ДНЕЙ.

(Посв. Анатолію Ѳедоровичу Кони.)

I.

Начну писать, слагая строки
Въ простой Онѣгинскій размѣръ:
Здѣсь трудъ размѣченъ на уроки
И данъ мелодій примѣръ.
Пусть геній Пушкина свободный
Мнѣ служитъ тѣнью путеводной
И скраситъ музыкой своей
Унылый очеркъ нашихъ дней.
Хотя, быть можетъ, „неприглядно"
И даже вовсе не къ лицу
Мнѣ вторить славному пѣвцу, —
Рѣшусь на пробу. Мнѣ отрадно
Пытать кощунственной рукой
На слабой лирѣ дивный строй.

II.

Итакъ, читатель, въ путь-дорогу,
Туда, гдѣ съ пыльнаго шоссе
Губернскій городъ понемногу
Встаетъ въ туманной полосѣ,
Мелькаетъ съ церковью, съ острогомъ
И снова прячется вдали
За гранью ровною земли.
Пускай дорога столбовая,
Однообразная, бѣжитъ:
На первомъ спускѣ заблеститъ
Рѣка привольная, родная...
Шумятъ кусты прибрежныхъ лозъ,
Я знаю, — близокъ перевозъ.

III.

И вотъ онъ, городъ захолустный,
Гдѣ воспитался нашъ герой,
Гдѣ опытъ сладостный и грустный
Позналъ онъ дѣвственной душой
Въ тѣ дни порядка и расправы,
Когда реформенные нравы
Едва задѣли старый бытъ;
Когда чиновникъ былъ обритъ
И счастливъ орденомъ въ петличкѣ;
Когда, по праздникамъ, народъ
Глазѣлъ на воинскій „разводъ“,
И часовой на перекличкѣ
Въ полночной тьмѣ, изъ края въ край,
Кричалъ протяжное: „слушай!“

IV.

Вверху горы, среди поляны,
Бѣлѣя, высился соборъ.
Изъ ближней школы мальчуганы
Сюда сбѣгались на просторъ.
Къ рѣкѣ, по кручѣ наклоненной,
Спускался садъ уединенный,
Гдѣ укрывался межъ колоннъ
Дворецъ Потемкинскихъ временъ.
Съ другого ската, цѣпью стройной
Тянулся длинный рядъ аллей
Пирамидальныхъ тополей —
Надежный кровъ отъ пыли знойной.
Вкругъ нихъ ютился городъ мой,
Разрѣзанъ лиственной стѣной.

V.

Въ глуши, довольные просторомъ,
Дома раскинуты вольнѣй;
Повсюду садики съ заборомъ,
На окнахъ ставни отъ лучей;
Подъ сѣнью церкви пятиглавой
Лавчонки съ вывѣской заржавой

И пестрый рынокъ городской,
Съ посудой, бусами, халвой.
Здѣсь, привезенный селяниномъ,
Галдитъ съ телѣгъ живой товаръ,
И тощій жидъ въ полдневный жаръ
Разноситъ хлѣбъ съ пахучимъ тминомъ.
Зато бульваровъ полоса
Есть, въ правду, мѣстная краса!

VI.

Аристократы и плебеи
(Дѣленье модное тогда)
Въ общественныя аллеи
Стекались вмѣстѣ иногда.
Здѣсь видѣть могъ смиренный житель,
Какъ прокуроръ и предводитель
И даже губернаторъ самъ
Вели подъ ручку юныхъ дамъ.
Какъ мило каждая одѣта!
Какъ скроменъ зыбкій кринолинъ.
Властей губернскихъ властелинъ!
Поодаль слѣдуетъ карета,
Парижскій грумъ при ней съ бичомъ,
А кони въ шорахъ, съ серебромъ.

VII.

Тамъ жило щедрое дворянство.
Тузомъ былъ знатный правовѣдъ.
Прелестныхъ дамъ непостоянство,
Ихъ пылъ, ихъ жадность до побѣдъ
Рождали шумныя забавы,
Соревнованье свѣтской славы,
И люстры баловъ до зари
Видали наши пустыри...
Я не пишу для обличенья —
Тѣмъ болѣ, что его ужъ нѣтъ,
Того раздолья прежнихъ лѣтъ, —
А лишь для краткаго вступленья
Въ эпоху, мѣстность и среду,
Гдѣ мой разсказъ я поведу.

VIII.

Не изъ удачливыхъ фамилій,
Стяжавшихъ земли въ старину,
Былъ дядя Долина, Василій
Онъ, правда, взялъ себѣ жену
Въ семьѣ довольно родовитой,
Но чрезвычайно плодовитой.
Итакъ, семейная казна
Была у Долиныхъ скромна.
Принявъ отъ жребія обиду,
Жена (не женскаго ума)
Взялась воспитывать сама
Двухъ сыновей и дочку Лиду.
А мужъ на службѣ въ рядъ годовъ
Достигнулъ власти и чиновъ.

IX.

Она звалась Надеждой Львовной,
Василій Дмитрича жена.
Быть можетъ, знакъ породы кровной —
Надменность въ ней была видна.
Въ глуши „языкъ“ ей сдѣлалъ славу.
Имѣлъ онъ „тонкую приправу“,
Ту свѣтски-ласковую злость,
Которою плѣнялся гость.
Живя затворницей опасной
Для сибаритовъ городскихъ,
Она лишь угощала ихъ
Своей бесѣдою прекрасной.
Василій Дмитричъ, между тѣмъ,
Ходилъ на рауты ко всѣмъ.

X.

Въ парадный день, когда съ визитомъ
У ней перебывалъ весь свѣтъ,
И на столѣ, давно накрытомъ,
Былъ поданъ, наконецъ, обѣдъ,
И, разгорясь отъ разговора,
Она садилась у прибора, —

Въ ея разсказѣ за столомъ
Критиковался весь „пріемъ“.
Въ простыхъ чертахъ рукою смѣлой
Ей удавалось рисовать
Въ карикатурѣ нашу знать.
Межъ тѣмъ, въ гостиной опустѣлой
Носился благовонный паръ, —
Духъ модныхъ женщинъ и сигаръ.

XI.

Гостиная была простая,
Скорѣе — дамскій кабинетъ.
Въ ней государя Николая
Былъ въ рамѣ бархатной портретъ.
Съ дѣтьми суха и хладнокровна,
Любила здѣсь Надежда Львовна,
Присѣвъ съ работой въ уголокъ
Прослушать заданный урокъ.
Порывы нѣжности слащавой
И ласки ей казались вздоръ.
Ни дѣтскій плачъ, ни дѣтскій взоръ
Не могъ смутить въ ней мысли здравой.
Порядокъ, долгъ казались ей
„Замѣной счастья“ для людей.

XII.

Въ такую строгую обитель,
Покинувъ дѣтства первый сонъ,
Мечтанья нѣжнаго любитель,
Володя былъ перенесенъ.
Здѣсь было жутко. Приласкаться
Звалось по здѣшнему „лизаться“.
Густыхъ кудрей его волна
Была подъ гребень снесена.
Звонокъ будилъ его съ подушки,
Нерѣдко смоченной слезой,
Когда, подъ грезою ночной
Являлись добрыя старушки
И съ провинившимся лицомъ
Его голубили тайкомъ...

. . . . . .
О, въ эти свѣтлые года
Была невѣдома, чужда
Ему дилемма Боделэра:
Что жизнь? Питательный пирогъ —
Иль къ райской вѣчности прологъ?
. . . . . .

С. Андреевскій.

1889.

Примѣчаніе. Здѣсь изображается г. Екатеринославъ и мѣстное свѣтское общество въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.

АНАГИРЪ.

АТТИЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДА.

I.

Въ оградѣ Деметры Ѳесмофоры было въ тотъ день особенно шумно. Весь вчерашній прошелъ у женщинъ въ постѣ, молитвахъ и серьезныхъ хороводахъ; но уже съ вечера, послѣ розговѣнъ, началось веселье, а утро слѣдующаго дня принесло праздникъ материнской гордости, Каллигенію. Теперь „молодыя“ были предметомъ иногда нѣжнаго, чаще добродушно насмѣшливаго ухода со стороны „старыхъ“: кому-то достанется вѣнокъ? Пока онъ свѣшивался съ каменной руки статуи Каллигеніи, стоявшей на площадкѣ Пникса передъ палатками, между статуями Деметры и Коры: его присужденіе требовало различныхъ приготовленій, изъ которыхъ первымъ былъ выборъ коллегіи судей.

По обычаю ихъ должно было быть три; разумѣется, всѣ изъ „старыхъ“. О предсѣдательницѣ не было сомнѣній: всѣми голосами прошла царица Праксиѳея. Это не было обязательно; передъ Деметрой всѣ считались равными, но среди присутствующихъ не было, кажется, ни одной, которой бы эта достойная женщина не оказала той или другой услуги, и изъ маленькихъ героевъ праздника не одинъ былъ ей обязанъ тѣмъ, что благополучно увидѣлъ свѣтъ дня. Но о засѣдательницахъ много спорили: заявляли притязанія тѣ, которыя сами во время оно получили вѣнокъ Каллигеніи, но заявляли и тѣ, которыя имѣли среди „молодыхъ“ наибольшее число дочерей.

Готовились и „молодыя“: сначала спѣли хоромъ пѣсню въ честь Каллигеніи, сопровождаемую взаимными насмѣшками и колкостями, а затѣмъ отправились въ палатки наряжать каждая своего младенца.

Наконецъ, зычный голосъ глашатайши возвѣстилъ, что

приготовленія кончены, и всѣ стали собираться на площадкѣ. Передъ статуей Каллигеніи стояли длинные столы, покрытые мягкими овечьими шкурами; на нихъ было приказано разложить малютокъ спеленутыми, всѣхъ рядышкомъ. Когда это было сдѣлано, матери отошли въ сторону, и царица съ засѣтельницами стали ихъ обходить, на значительномъ промежуткѣ одна отъ другой. У головы каждаго ребенка стояла покрытая чашечка съ отверстіемъ посрединѣ покрышки; въ это отверстіе понравившемуся ребенку опускали миртовый листикъ.

Хотя это дѣлалось только при третьемъ обходѣ, однако уже при первомъ было замѣтно, что всѣмъ тремъ женщинамъ особенно понравился одинъ сочный карапузъ, убранство котораго свидѣтельствовало о заботливости, но не о богатствѣ его родителей. Круглое упитанное личико, еще очень далекое отъ строгости аттическаго профиля; ясные, зеленовато-голубые глазки: свои рученки ему послѣ долгихъ потугъ удалось выдобыть изъ-подъ пеленокъ—этотъ успѣхъ привелъ его въ хорошее расположеніе духа, и онъ, перебирая освобожденными рученками, внимательно ихъ разсматривалъ и, казалось, одобрялъ.

Послѣ третьяго обхода секретарша сосчитала тѣхъ дѣтей, у которыхъ въ чашечкахъ оказалось по три листика; такихъ было около десятка; ихъ оставили, остальныхъ убрали:

Оставленныхъ судьи приказали раздѣть; начался второй внимательный и всесторонній осмотръ, сопровождаемый совѣщаніемъ. Когда онъ кончился, царица рѣшительно подошла къ тому ребенку — это былъ мальчикъ, — который всѣмъ сразу понравился. Въ то же время глашатайша сняла вѣнокъ съ руки Каллигеніи и дала его царицѣ.

— Мать этого ребенка, выходи!

Изъ толпы окружавшихъ выдѣлилась, сіяя гордостью и счастьемъ, молодая крестьянка, крѣпкая и красивая, съ румяными загорѣлыми щеками.

— Кто? чья и откуда? — спросила царица.

— Необула, жена Агнона, съ приморскаго хутора подъ Гиметтомъ.

— Агнона? — съ недоумѣніемъ переспросила царица.— Я помню жену Агнона, гиметтскаго хуторянина: она была моихъ лѣтъ. Но уже въ прошломъ году я не видѣла ея на праздникѣ Деметры.

— Это была его первая жена, царица; она умерла, скоро будетъ два года.

Праксиѳея неодобрительно покачала головой и вполголоса прочла:

Неподходяща для стараго мужа жена молодая;
Рѣдко, какъ лодка рулю, будетъ послушна она.

— Итакъ, — продолжала она громко и съ удареніемъ, — передъ нами маленькій сынъ Агнона и Необулы?

Необула поняла намекъ: — „Царица!“ — укоризненно сказала она. Въ этомъ упрекѣ было столько искренности, что Праксиѳея мгновенно раскаялась въ своемъ подозрѣніи.

— Не обижайся, дочь моя, — сказала она, цѣлуя Необулу въ лобъ.— Будь и впредь цѣломудренна, чтобы Деметра любила тебя и благословила твою семью и твое хозяйство. Но прежде чѣмъ присудить тебѣ вѣнокъ, мы должны тебя кое о чемъ спросить. Во-первыхъ, гдѣ находятся гробницы твоихъ и Агноновыхъ предковъ, и тщательно ли вы имъ приносите жертвенные дары въ поминальные дни?

— Наши гробницы находятся на мысѣ Зостерѣ въ двухъ стадіяхъ отъ храма Аполлона; это издали видные съ моря курганы. Мы приносимъ имъ исправно дары въ праздники Анѳестерій и Генесій.

— Правду она говоритъ? — спросила царица, обращаясь къ толпѣ.

— Правду! Правду! — отвѣтило два голоса; это были сосѣдки Необулы по хутору, ночевавшія въ одной съ ней палаткѣ на праздникѣ Ѳесмофорій.

— Хорошо дѣлаете, дочь моя; за это и ваши дѣти и потомки отплатятъ вамъ тѣмъ же. Но по сосѣдству съ землей Агнона находится и капище и роща героя Анагира; получаетъ ли онъ отъ васъ полагающіяся по общеэллинскому закону приношенія?

Необула отвѣтила не сразу; но видъ вѣнка въ рукѣ царицы заставилъ ее побороть нерѣшительность.

— Каждый годъ блаженный герой получаетъ отъ насъ козу.

— Правду она говоритъ? — опять спросила царица. Но отвѣта этотъ разъ не послѣдовало.

— Такъ какъ никто не потверждаетъ справедливости твоего показанія, то согласна ли ты сама подтвердить его клятвой?

— Согласна, — отвѣтила Необула, подумавъ.

— Повтори же твои слова и въ заключеніе, касаясь головки твоего ребенка, скажи: въ этомъ клянусь.

Необула исполнила требуемое.

— И хорошо, дочь моя. Велика сила героевъ: она — вторая послѣ силы безсмертныхъ боговъ. Итакъ, сыну Агнона и Необулы присуждается вѣнокъ Каллигеніи; но какъ его звать, нашего маленькаго побѣдителя?

— Царица, — сказала Необула, краснѣя отъ радости: — Агнонъ приказалъ мнѣ въ случаѣ побѣды тебя попросить дать имя младенцу.

— Меня? — спросила Праксиѳея. — Но почему не хотите вы дать ему имя его дѣда? Отца Агнона, помнится звали Архедемомъ?

— Нельзя; Архедемомъ зовутъ старшаго сына Агнона отъ его первой жены Еврилиты.

— Ты права, я забыла. Тогда дадимъ ему имя его побѣды; глашатайша, возгласи: вѣнчается Каллигенъ, сынъ Агнона и Необулы.

Глашатайша исполнила ея приказаніе.

— Гражданки! — прибавила Праксиѳея, обращаясь, къ толпѣ. — Вѣнчается одинъ, но заслужившихъ много. Всѣхъ, чьи младенцы получили хоть одинъ листикъ, я приглашаю сегодня ко мнѣ на ужинъ, во дворецъ Эрехѳея.

II.

Хуторъ Агнона находился на томъ мѣстѣ извилистаго Саронскаго побережья Аттики, гдѣ гора Гиметтъ, спускаясь все ниже и ниже, подъ конецъ низвергается въ море, образуя далеко выдвинутый мысъ Зостеръ. И здѣсь она, впрочемъ, какъ бы не хочетъ прекратить своего существованія и, погрузившись, опять выплываетъ на поверхность въ видѣ круглаго, щитообразнаго пустыннаго островка Фабриды. Дорога изъ Аѳинъ вела, впрочемъ, не вдоль побережья, а въ обходъ Гиметта и по восточному его склону. По ней и отправилась послѣ угощенія у царицы Необула съ сосѣдками и рабынями, на двухъ запряженныхъ мулами двуколкахъ. Сосѣдки покинули ее, не доѣзжая моря: одна съ няней и ребенкомъ подъѣхала она къ хутору, гдѣ ее ждали Агнонъ съ Архедемомъ. Уже издали махала она полученнымъ отъ царицы вѣнкомъ; когда двуколка остановилась, она протянула ребенка мужу.

— Ну, Каллигенъ, — сказала она значительно, — привѣтствуй отца!

Съ ласковой улыбкой принялъ Агнонъ сынка.

— Будетъ достоинъ старшаго брата! — сказалъ онъ, — Архедемъ вѣдь тоже въ свое время получилъ вѣнокъ Каллигеніи.

Необула сдвинула брови; напоминаніе ей, видимо, было непріятно. Агнонъ замѣтилъ ея неудовольствіе и, чтобы задобрить ее, сказалъ ей.

— А мы въ твое отсутствіе тебѣ тоже приготовили радость: съ божіей милостью, новая хозяйка, войди въ нашъ новый домъ!

— Не хочу.

Агнонъ оторопѣлъ.

— То есть какъ же не хочешь? Не ты ли все время бранила нашу старую лачугу и дождаться не могла переѣзда въ новый домъ?

— Не хочу потому, что онъ не готовъ.

— Чего же въ немъ недостаетъ?

Необула съ дѣтскимъ смѣхомъ бросилась на шею мужу.

— Милый мой, ты еще не все знаешь. Я была гостьей царицы. Тѣ, — она указала рукой на деревню, гдѣ жили сосѣдки, — тѣ нѣтъ, но я была. Ахъ, милый, ты не представишь себѣ, что это за красота. Дворъ, окруженъ колоннадой. Посрединѣ два высокихъ столба; это входъ въ царицыну хорому. Вотъ я и рѣшила, что и у насъ долженъ быть такой же входъ.

— Что ты, опомнись! Намъ ли съ царицей тягаться?

— И совсѣмъ не надо тягаться: только два столба мнѣ поставь и надъ ними красивый фризъ съ триглифами и фронтонъ; вотъ и все. И это ты легко можешь пристроить къ тому, что уже есть.

— Очень легко, какъ же! Откуда я тебѣ возьму два такихъ огромныхъ дерева?

— А вотъ!

Она показала ему рукой на двѣ сосны, высоко вздымавшія свои головы среди вязовъ и чинаръ сосѣдней рощи. Но лицо Агнона приняло очень серьезное выраженіе.

— Ты забываешь, моя пичужка, что это — роща Анагира.

— Не забываю, а отлично помню.

— Послушай, моя баловница, брось свои прихоти; дѣло важнѣе, чѣмъ ты думаешь.

Онъ опустилъ глаза и послѣ паузы, съ легкой дрожью въ голосѣ, продолжалъ:

— Ты помнишь, какъ умерла моя первая жена, Еврилита?

— Помню: упала въ колодецъ и утонула.

— Вотъ то-то и есть, что не упала.

Необула отпрянула въ ужасѣ:

— Что это значить?

— Колодецъ былъ вырытъ мною въ участкѣ заповѣднаго луга Анагира, врѣзавшемся клиномъ въ мою землю. Я думалъ, что имѣю право это сдѣлать, такъ какъ всѣ, приходящіе поклониться герою, ко мнѣ обращаются за водой...

— Ну?

— Когда колодецъ былъ готовъ, я послалъ къ нему Еврилиту, чтобы принесла воды поливать огородъ. Время было вечернее. Пошла старушка и вскорѣ бѣгомъ вернулась обратно — какъ теперь вижу ея широко раскрытые глаза. „Нагнулась, говоритъ, чтобы снять ведро съ ворота — вдругъ изъ глубины высовываются какія-то длинныя, бѣлыя руки и хватаютъ меня за шею“.

— Могучая Геката!

— Я прикрикнулъ на нее, чтобы она бросила свои бредни, и вторично послалъ ее за водой. Она пошла нехотя — и не вернулась. Она всегда очень покорна была и меня боялась больше, чѣмъ Анагира.

Необула многозначительно тряхнула головой.

— Послѣ этого я уже не могъ приносить Анагиру прежнихъ жертвъ и возліяній; между нами точно война была. И надѣялся я, что онъ освободитъ меня отъ своего сосѣдства и пойдетъ въ другое мѣсто.

— Правильно!

— И что же вышло? Анагиръ исправно самъ бралъ у меня положенную дань — по козѣ въ поминальный день.

— И спасибо ему. Такъ я и царицѣ сказала, а то бы не получилъ нашъ сыночекъ вѣнка.

— Утомила меня эта война, и я рѣшилъ испросить себѣ прощеніе у почтеннаго героя, чтобы онъ попрежнему покровительствовалъ намъ, получая отъ насъ слѣдуемое.

— Ну нѣтъ, Агнонъ, съ этимъ я не согласна. Сдаваться не намѣрена ни ему, ни тебѣ — я тебѣ не Еврилита. Надо сдѣлать такъ, чтобы Анагиръ насъ покинулъ, и для этого первымъ дѣломъ срубить тѣ два дерева. Этимъ заодно и меня потѣшишь и его уязвишь. А пока это не сдѣлано — я не хозяйка въ твоемъ новомъ домѣ!

Съ этими словами она встала и, кликнувъ нянѣ нести ребенка за ней, быстрыми шагами отправилась въ старую избу, гдѣ и заперлась.

III.

Въ слѣдующій поминальный день опять загадочнымъ образомъ исчезла коза изъ Агнонова стада. Весь день искалъ ее Архедемъ среди скалъ и зарослей Гиметта; наконецъ, ночь заставила его отказаться отъ дальнѣйшихъ поисковъ и вернуться домой, — въ тотъ новый дворъ, гдѣ онъ жилъ съ отцомъ.

Луна уже выплывала изъ-за темнаго гребня аттическаго Олимпа, когда онъ приблизился къ рощѣ Анагира, лежавшей на полпути между Гимметомъ и домомъ Агнона. Онъ остановился: идти ли прямо, или свернуть въ сторону, чтобы обойти владѣнія непріятеля?

Ему показалось, что роща зажила какой-то тихой, таинственной жизнью. Дубы и чинары шумѣли въ ночномъ вѣтеркѣ; но черезъ этотъ шумъ слышалось чье-то точно пѣнье, чья-то точно рѣчь. Онъ сталъ прислушиваться: пѣнье было жалобное, точно кого-то хоронятъ, слышны были и слова, но разобрать ихъ онъ не могъ. Дрожь пробѣжала по его тѣлу: уйти бы, уйти поскорѣе! Да, теперь не уйдешь. Онъ чувствовалъ какую-то странную, необъяснимую тягу; казалось воздухъ застылъ вокругъ него и уносилъ его непреоборимымъ теченіемъ къ роковой рощѣ.

— Я погибъ, погибъ! — твердилъ онъ себѣ. Это — могучія дріады справляютъ свои хороводы, и я ихъ подслушалъ!

Ему вспомнился разсказъ объ аттическомъ юродивомъ Бакидѣ, который тоже однажды подсмотрѣлъ и подслушалъ нимфъ и сталъ „нимфолептомъ“, т. е. „одержимымъ нимфами“. Потерявъ разсудокъ, онъ скитался по деревнямъ и говорилъ безсвязныя рѣчи, изъ которыхъ благочестивые люди составляли оракулы. За нихъ его изрѣдка кормили, поили и одѣвали, но чаще ему приходилось голодать и ночевать подъ открытымъ небомъ, и мальчишки бросали въ него камнями.

„То же и со мною будетъ“ — съ содроганіемъ думалъ онъ.

И все же онъ не могъ противиться таинственной тягѣ, увлекавшей его все ближе и ближе къ рощѣ Анагира. Все явственнѣе и явственнѣе слышалось похоронное пѣнье; все глубже и глубже проникали ему въ душу эти печальные, раздирающіе звуки. Онъ забылъ даже о своемъ страхѣ: его смѣнила жалость, такая жалость, которой онъ не чувствовалъ со времени смерти своей матери.

Вотъ уже видны образы поющихъ — да, это несомнѣнно

дріады. Онѣ сплелись въ хороводъ и тихо, плавно ходили вокругъ двухъ своихъ сестеръ, стоявшихъ посрединѣ съ распущенными волосами и въ черной одеждѣ. Что это? не мертвыхъ, значитъ, оплакиваютъ, а живыхъ? Да, повидимому: тѣ двѣ плакали, а остальныя пѣли:

Пѣсню послѣднюю, пѣсню прощальную
Слышите, сестры, отъ насъ:
Долю суровую, долю печальную
Полдня готовитъ вамъ часъ.
Полдень пройдетъ, и заря зарумянится,
Солнце зайдетъ за горой,
Роща вечернею мглой затуманится —
Васъ не увидитъ нашъ рой!

Онѣ умолкли, и обреченныя въ свою очередь запѣли:

Ключъ безпечалія, ключъ обновленія
Въ гробѣ обрѣлъ человѣкъ:
Нѣтъ намъ безсмертія, нѣтъ воскресенія;
Гибель намъ — гибель на вѣкъ.
Пойте, подруженьки, пойте, прекрасныя:
Мертвые вѣчно молчатъ;
Душу, ахъ, вѣтры развѣютъ безстрастные,
Тѣло изрубитъ булатъ.

Вдругъ хороводъ остановился: нимфы замѣтили приближающагося Архедема. И онъ ихъ успѣлъ разглядѣть, и то чувство печали, которое завладѣло было его душою, уступило мѣсто новому чувству — чувству восхищенія передъ этой невиданной, неслыханной красотой. Теперь онъ уже не боялся и не грустилъ — онъ бы охотно отдалъ свою жизнь, земную и загробную, лишь бы ему дали хоть на время слиться съ ними, пріобщиться ихъ божественнаго бытія.

Цѣпь была разорвана; только обѣ обреченныя остались на мѣстѣ, остальныя подошли къ опушкѣ рощи. Послышались голоса:

— Вотъ врагъ!

— Задушимъ его!

— Или обезумимъ!

— Зачѣмъ? Развѣ вы не видите, что смертоносная Кера уже сидитъ на его плечѣ?

— Страшная Персефона! Да вѣдь онъ скоро послѣ нихъ сойдетъ въ могилу. И, боги, какой ужасной смертью!

— Подруги, посмотрите, какой онъ прекрасный! Нѣтъ, мнѣ жаль его.

— И намъ, и намъ.

— Сестры, приголубимъ его! Пусть хоть эту ночь проведетъ въ нѣгѣ и любви!

— Онъ стоитъ милости нимфы; самъ Дафнисъ не могъ быть прекраснѣе.

— Кто же будетъ ему подружкой? Знаемъ, всѣ готовы. Ловите мое запястье, невѣсты!

— Я поймала! Онъ мой!

— Поздравляемъ, Филира![1]).

— Стыдно, нимфы! Сестеръ забыли!

И хороводъ возстановился. Самъ не сознавая, что съ нимъ происходитъ, Архедемъ очутился въ цѣпи пляшущихъ: Филира взяла его за руку и нѣжно, нѣжно посмотрѣла ему въ глаза. Теплой волной заливало его блаженство; теперь онъ зналъ, что такое жизнь олимпійскихъ боговъ.

— Я твоя подружка! Хочешь?

— Хочу ли я? Боги! Да я все спрашиваю себя, не сонъ ли это!

— А можетъ быть и взаправду сонъ? — шаловливо спросила Филира, цѣлуя его въ губы.

— Тише! — крикнула старшая. — Хороводъ, кружись!

И опять полились жалобные напѣвы:

Пѣсню послѣднюю, пѣсню прощальную...

И опять прежняя печаль овладѣла душою юноши. Но, странное дѣло! Чувство блаженства не стало отъ этого слабѣе. Онъ одновременно и плакалъ, смотря на обреченныхъ, и ликовалъ, чувствуя прикосновеніе руки Филиры.

— Нимфа, любимая! — шепнулъ онъ ей во время отвѣтной пѣсни. — Кто эти двѣ, и зачѣмъ вы ихъ оплакиваете?

— Спроси ихъ самъ, если хочешь. Только лучше не хоти!

Но онъ не могъ не хотѣть. Когда пѣсня кончилась, онъ рѣшительно выступилъ впередъ, не выпуская, однако руки Филиры.

— Дріады могучія, отвѣтьте мнѣ! О какой смерти поете вы? Кто васъ убьетъ?

Одна изъ плачущихъ, стряхнувъ слезы съ рѣсницъ, пристально посмотрѣла на него.

— Ты насъ убьешь!

А другая прибавила:

---

[1]) „Филира“ — „липа“.

— Но и самъ будешь убитъ нами!

Архедемъ вздрогнулъ.

— Филира, милая, что онѣ говорятъ? Заныло сердце у меня, какъ будто я проснулся, и отъ прежняго блаженства ничего не осталось.

Филира потупила глаза.

— Я же тебѣ говорила, чтобы ты не спрашивалъ. Вы, люди, только незнаніемъ и счастливы. Но постой, я утѣшу тебя. Назови мнѣ какое-нибудь желаніе, я исполню его.

— Желаніе? Я желаю, чтобы перестали плакать эти двѣ несчастныя, чтобы онѣ были блаженны и радостны, подобно вамъ.

— Это желаніе ты самъ можешь исполнить, если захочешь; но ты не захочешь. Нѣтъ, назови мнѣ другое.

— Другихъ у меня нѣтъ; всѣ заснули.

— А ты ихъ разбуди! Припомни, чего желалъ ты весь прошлый день?

Архедемъ припомнилъ и улыбнулся.

— Желалъ найти козу, исчезнувшую среди зарослей Гиметта.

— Вотъ это дѣло. Искалъ козу и нашелъ нимфу. Но я не обидчива. Пойдемъ, я покажу тебѣ твою козу.

Юноша оторопѣлъ:

— Ты, надѣюсь, шутишь?

— Я? Нимало. Я вѣдь не сказала, что отдамъ тебѣ ее — не могу, Анагиръ не велитъ. Но показать тебѣ ее могу. А дамъ тебѣ... — И она вторично поцѣловала его, — дамъ тебѣ... себя. Доволенъ? Стоитъ нимфа козы?

Опять волна блаженства залила его. Филира же, нѣжно обвивъ его рукой, повела его обратно къ Гиметту. Луна сіяла на небесахъ, и въ рощѣ Анагира слышались, постепенно замирая, жалобы нимфъ о своихъ обреченныхъ подружкахъ:

Пѣсню послѣднюю, пѣсню прощальную...

IV.

Былъ холодный вечеръ осенняго дня. Необула съ Архедемомъ сидѣли въ красной хоромѣ новаго двора — дѣйствительно красной хоромѣ, украшенной высокимъ порталомъ съ фризомъ и фронтономъ. Маленькій Каллигенъ спалъ тутъ же, въ колыбели, при матери. Необула нянчилась съ нимъ сама — его няня, благочестивая женщина, ни за что не хо-

тѣла переселяться въ святотатственный дворъ и объявила, что скорѣе дастъ себя убить.

Оба были не въ духѣ. Архедемъ тоскливо прислушивался къ унылому завыванію осенняго вѣтра и къ далекимъ раскатамъ саронскихъ волнъ.

„Въ такую ночь онѣ не выходятъ, — думалъ онъ про-себя.

— Архедемъ, раскажи мнѣ что-нибудь!

— Что именно, матушка?

— Что-нибудь. Ты теперь такъ часто выходишь по ночамъ, неужели съ тобой не бываетъ никакихъ приключеній?

Архедемъ вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

— Да вотъ, припомнила. Ты какъ-то обмолвился, что видѣлъ козу, похищенную у насъ Анагиромъ, но взять не могъ. Разскажи, какъ это было... Ну вотъ, ты улыбнулся; видно, вспоминать объ этомъ тебѣ не противно. Разскажи!

— Что же, матушка, разсказать можно. Искалъ я весь день, десять разъ занозилъ себѣ ногу, изодралъ все платье объ эти проклятыя гиметтскія колючки — ничего. Солнце зашло; пришлось думать о возвращеніи. Иду я, иду — и вдругъ на полъпути...

Онъ опять улыбнулся и замолкъ.

— Ну?

— И вдругъ, на полъпути... какой-то голосъ говоритъ мнѣ: „Пойдемъ!“

— Какой голосъ?

— Внутренній, матушка, — отвѣтилъ Архедемъ, краснѣя какъ ракъ.

— Ужъ очень много вы съ отцомъ въ послѣднее время этихъ внутреннихъ голосовъ слышите. Ну, и что же?

— И я пошелъ обратно.

— Къ Гиметту?

— Къ Гиметту.

Необула пожала плечами.

— Ну, и что же?

— Подошелъ я къ отрогамъ горы и чувствую, что будто я не самъ иду, а мои ноги меня несутъ. И вижу — у самаго подножья дыра. Спускаюсь черезъ нее — дыра ведетъ въ пещеру. Пещера широкая, раздѣленная стѣной, какъ бы на двѣ комнаты. Вхожу. Въ комнатѣ свѣтло — откуда былъ свѣтъ, не знаю, а только все было видно, хотя и не сразу.

Дивлюсь. Вдоль стѣны какіе-то люди, какія-то вещи, все бѣло и никто не движется, и все молчитъ.

— И тебѣ не страшно стало?

— Мнѣ? Ничуть!.. То есть, да, конечно, очень страшно. Тѣмъ болѣе, что одинъ человѣческій образъ показался мнѣ знакомымъ. Не скажу, чтобы это былъ онъ самъ, но все же онъ походилъ на него.

— На кого?

— На героя Анагира...

Необула вздрогнула.

— Архедемъ, ты и меня напугалъ. Не хорошо это, да еще въ такую ночь.

— Тогда я лучше перестану.

— Нѣтъ, разсказывай дальше.

— Да и разсказывать-то осталось немного. Анагиру я все-таки поклонился и сталъ смотрѣть еще. И какъ ты думаешь? У ногъ его вижу вдругъ ее.

— Кого?

— Да нашу козу. Она какъ есть. Я ей говорю „Киссета, сюда!“ Она лежитъ и не шевельнется; даже головой не двинула. Я ее хвать за бороду. И что же ты думаешь? И борода, и морда, и вся тварь — каменныя! Вотъ диво-то! И тутъ я понялъ, что и Анагиръ, и все прочее — тоже изъ камня. Видно, здѣсь Персей побывалъ съ головой Медузы — все какое-то каменное царство.

— А много ты еще видѣлъ?

— Еще видѣлъ... да только можетъ быть лучше не говорить.

— Началъ, такъ и кончай. Кого еще видѣлъ?

— Тебя.

Необула съ досадой вскочила и быстро зашагала по хоромѣ.

— И все ты видишь такія вещи, которыхъ никто, кромѣ тебя, не видитъ. Ужъ я разъ спрашивала, не помѣшался ли ты, какъ нашъ Бакидъ.

— Когда спрашивала и кого?

— Отца твоего — послѣ того, какъ вы вмѣстѣ ходили деревья рубить. „Я, говоритъ, приказываю ему: руби“. Онъ — разъ. И вдругъ какъ вскрикнетъ: „Ай, отецъ мой, кровь брызнула изъ раны!“ — „Боги! говорю, да какъ же ты ранилъ себя?“ Смотрю — стоитъ здоровешенекъ и сѣкирой на дерево указываетъ. „Нѣтъ, говоритъ, изъ ея раны“. Смотрю туда —

дерево какъ дерево, кора разсѣчена и съ того мѣста смола каплетъ. „Да, открой ты глаза! говорю. Смола, а не кровь!“— „По твоему, говоритъ, смола, а по моему—кровь“.

Архедемъ былъ блѣденъ.

— Я правду говорилъ.

— А если правду, — вдругъ заявила Необула, глядя на него въ упоръ, — то какъ же у тебя хватило смѣлости рубить до конца?

— А то что же было дѣлать? Отецъ приказалъ.

Необула судорожно засмѣялась.

— Узнаю сына Еврилиты! „Длинныя, бѣлыя руки“, говоритъ. А какъ Агнонъ прикрикнулъ, такъ и страхъ забыла: пошла, — и не вернулась.

— Послушай, матушка: грѣхъ тебѣ объ этомъ вспоминать!

— И сама не рада, другъ мой, прости. И нужно же, чтобы въ память лѣзли сплошные ужасы, да еще въ такую ночь!

Она подошла къ столу и залпомъ выпила вино изъ кубка Архедема. Но и вино не вдругъ согрѣло ее, и она тряслась, какъ въ лихорадкѣ.

— Будь добръ, Архедемъ, подложи еще дровъ на очагъ: видишь, потухаетъ. Только скорѣе приходи, а то мнѣ страшно.

Архедемъ ушелъ, но вернулся не сразу. Онъ тащилъ два толстыхъ сука, которые и принялся разрубать.

— Сухихъ дровъ больше нѣтъ; я принесъ изъ тѣхъ, которые мы привезли недавно...

Онъ не хотѣлъ добавить: изъ рощи Анагира. Но Необула это знала и такъ.

Она налила себѣ еще вина изъ кувшина и опять залпомъ осушила кубокъ.

— Слава богамъ, прошло! Теперь онъ и самъ мнѣ не страшенъ.

Свѣжія дрова загорались не вдругъ. Старое пламя ихъ окружило, но на разстояніи, образуя какую-то огненную бесѣдку вокругъ нихъ. И сучья затрещали, зашипѣли, завыли — да, положительно завыли, и въ этомъ воѣ мучимой сосны Архедему внезапно послышался знакомый напѣвъ:

Пѣсню послѣднюю, пѣсню прощальную

Но ему не стало страшно: напротивъ, то прежнее чувство съ новой силой вернулось къ нему. Улыбка заиграла на его устахъ: „Филира, Филира, когда же я увижу тебя?“

Зато Необула не могла оторвать своихъ глазъ отъ очага. Вотъ сучья зашевелились, извиваясь, точно змѣи; они то льнули другъ къ другу, то опять расходились — съ непрерывнымъ шипѣніемъ, свистомъ, воемъ. А огненная бесѣдка тѣмъ временемъ все уже, все ближе ихъ охватывала. Положительно, это были какія-то судороги предсмертныя. Вдругъ вспыхнуло. Огромный огненный языкъ поднялся почти до самаго потолка, и въ то же время изъ пылающаго сука вырвался раздирающій крикъ. И капля за каплей, вмѣсто смолы, кровь — живая, красная кровь стала стекать въ пламя. Она кипѣла, бурлила, разливалась, окрашивая въ багровый цвѣтъ и сучья, и пламя, и все; весь домъ казался погруженнымъ въ это багровое зарево.

„Пламя Анагира!"—мелькнуло въ умѣ у Необулы. Это было такъ страшно, и все-таки она не боялась. Скорѣе какая-то пріятная жуть.

Она оглянулась по хоромѣ. Архедемъ все еще сидѣлъ, отвернувшись, и прежняя улыбка все еще играла на его устахъ. Его темнорусые волосы пламенемъ пылали на его головѣ, его каріе глаза точно молніи метали, а на его щекахъ горѣлъ румянецъ, какого она еще не видѣла на немъ. Теперь она отъ него не могла оторвать своихъ глазъ. Волосы, глаза, щеки — все было озарено пламенемъ Анагира.

— Какъ онъ прекрасенъ! — сказала она про себя и сама удивилась, что замѣтила это въ первый разъ. До сихъ поръ онъ былъ для нея только „сыномъ Еврилиты", и она питала къ нему, какъ мачеха, скорѣе недоброжелательныя чувства, смѣшанныя изъ ненависти, зависти и презрѣнія.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ нему и тутъ только замѣтила, что не вполнѣ твердо держится на ногахъ. Но она только обрадовалась этому открытію. „Одно къ другому", подумала она. Зарево все болѣе и болѣе багровѣло; она оглянулась — весь очагъ былъ залитъ кровью. Она съ какимъ-то сладострастіемъ вдыхала въ себя это зарево, пила его — да, она чувствовала, теперь пламя Анагира пылало въ ея собственной груди.

Она подошла къ Архедему и положила ему руку на плечо.

Тотъ быстро обернулся. Улыбка исчезла съ его устъ; ему было видимо непріятно, что чужое прикосновеніе прервало потокъ его мечтаній.

— Что прикажешь, матушка?

Если бы кто другой посмотрѣлъ въ эту минуту на Необулу, онъ былъ бы удивленъ происшедшей въ ней перемѣной. Точно какая-то плотина прорвалась, и дикая, необузданная волна страсти разлилась по всему ея естеству. Глаза, щеки, улыбка,—вся ея особа, казалось, дышала однимъ непоборимымъ чувствомъ вожделѣнія.

— Не называй меня матушкой, мой другъ,—сказала она ему, — мы вѣдь съ тобою однихъ лѣтъ.

— А то какъ же? Ты вѣдь жена моего отца.

— Да я же ему въ дочери гожусь! А ты, ты такой...

Она разсмѣялась. Къ чему подходы?

— Ты такой непонятливый! Надо мнѣ, видно, поучить тебя.

И съ этими словами она его обхватила, прижимая его голову къ своей груди...

Архедемъ всталъ. Въ другое время онъ пришелъ бы въ ярость или ужасъ, но у него была въ умѣ только Филира, и все остальное было для него безразлично.

— Совсѣмъ ужъ не такой непонятливый, матушка: я отлично понимаю, что ты послѣ страха хлебнула лишняго, и что тебѣ пора спать. Спокойной ночи!

Необула опустилась на стулъ. Она услышала, какъ Архедемъ въ сѣняхъ съ кѣмъ-то столкнулся, и по голосу узнала, что это былъ Агнонъ.

— Куда идешь?

— Въ хлѣвъ, къ козочкамъ. Переночую тамъ.

Она вскрикнула въ безпомощной ярости. Только не его теперь, только не его! Опять этотъ старый, постылый мужъ! А тотъ, прекрасный, любимый, отвергъ ее, отвергъ! Не помня себя, она разстегнула свою накидку и бросила на землю. И тогда только, опустивъ голову на свои обнаженныя, полныя руки, залилась слезами.

Вошелъ Агнонъ.

— Жена! Что случилось? Зачѣмъ ты кричала? Зачѣмъ плачешь?

— Самъ видишь.

Агнонъ посмотрѣлъ на нее, на измятую накидку опять на нее... Онъ зашатался.

— Кто? Говори, кто?

Онъ схватилъ ее за руку; но она, вздрогнувъ отъ его прикосновенія, собрала всѣ силы и отбросила его.

— Самъ знаешь.

— Мой сынъ? Мой сынъ?.. Анагиръ! Анагиръ!

И какъ безумный, схватилъ ножъ со стола и умчался.

Необула хотѣла было послѣдовать за нимъ, но ея ноги ей не повиновались. Хватаясь за стѣну, она добралась до портала и, держась за одну изъ сосенъ Анагира, стала прислушиваться.

Бѣшеный крикъ... и еще крикъ... и тяжелый шумъ, точно отъ барахтанія тѣлъ... и глухіе стоны, постепенно удаляющіеся... и затѣмъ ничего, кромѣ завыванія осенняго вѣтра и хриплаго рокота саронскихъ волнъ.

V.

Тяжелая мгла нависла надъ приморскимъ хуторомъ.

Агнонъ, видимо, былъ не въ своемъ умѣ. Въ ту ночь онъ вбѣжалъ въ хорому, точно травленный звѣрь, съ дикимъ крикомъ: „Анагиръ! Анагиръ!“ и, схвативъ жену за обѣ руки, бросился съ ней на кровать, при чемъ она замѣтила, что его хитонъ былъ весь мокръ отъ морской воды. Всю ночь онъ ея не выпускалъ и время отъ времени спрашивалъ: „слышишь?“ Самъ онъ къ чему-то прислушивался, что-то слышалъ, но ничего не говорилъ.

Къ утру онъ забылся, сталъ вспоминать о дѣтствѣ Архедема, называлъ его самыми нѣжными именами, а Необулу принималъ за Еврилиту. Но когда разсвѣло окончательно и онъ узналъ жену, онъ такъ разсвирѣпѣлъ, что едва не убилъ ея. Потомъ опять успокоился, но зато имъ овладѣлъ безумный страхъ; онъ заперъ входную дверь на засовъ, самъ не выходилъ и жены не выпускалъ. Жены онъ вообще почти ни на шагъ отъ себя не отпускалъ, едва давая ей время на то, чтобы Каллигена накормить и перекусить чего-нибудь самой. Архедемъ все не возвращался; но когда Необула однажды попыталась спросить о немъ отца, онъ впалъ въ такое бѣшенство, что она послѣ этого уже не возобновляла своей попытки.

Такъ прошло пять дней.

На шестой Необула, сидя въ красной хоромѣ рядомъ съ дремавшимъ Агнономъ, услышала чей-то голосъ, произносившій ея имя. Нескоро удалось ей опредѣлить, кто ее зоветъ и откуда. Наконецъ, она рѣшила, что это, должно быть, изъ кладовой. Это была темная комната, освѣщаемая только сверху, когда былъ открытъ продѣланный въ кровлѣ люкъ. Дѣйствительно, войдя въ кладовую, она увидѣла люкъ приподнятымъ и черезъ него — голову своей няни.

— Спасайся, госпожа!

— Спасаться? Отъ кого? Что случилось?

— Все обнаружилось. Крестьяне села Анагирунта обо всемъ узнали.

— Что обнаружилось? О чемъ узнали?

— Какъ? Развѣ ты не знаешь?

— Ничего не знаю.

— Не знаешь, что твой мужъ ослѣпилъ своего сына Архедема и отвезъ его на пустынный островъ Фабриду?

— Боги!

— Тамъ юноша и умеръ — отъ голода или отъ ранъ, неизвѣстно. Сегодня утромъ рыбаки анагирунтскіе нашли его тѣло — съ помощью другихъ свидѣтелей удалось удостовѣрить, какъ все произошло. Тотчасъ былъ созванъ сходъ, бурный и грозный. Рѣшено было побить камнями Агнона да заодно и тебя, такъ какъ всѣмъ было ясно, что ты, какъ мачеха, натравила отца на сына. Я пришла извѣстить тебя: спасайся, госпожа, пока не поздно!

Она исчезла. Необула даже не слышала ея послѣднихъ словъ; ужасное убійство сына отцомъ поглощало все ея вниманіе. Да, теперь она знала, гдѣ Архедемъ и знала также, кто былъ виновникомъ его смерти.

Придя въ себя, она бросилась въ хорому.

— Агнонъ! Безумецъ! Извергъ! Что сдѣлалъ ты со своимъ сыномъ?

Агнонъ въ отвѣтъ зарычалъ. Но она съ безстрашнымъ взоромъ встрѣтила его изступленіе.

— Что сдѣлалъ ты со своимъ сыномъ?

— А онъ? А онъ что сдѣлалъ со мной и съ моей честью?

— Безумецъ! Безумецъ! Что ты пожираешь меня своими глазами? Теперь поздно! Хотя бы ты и убилъ меня теперь поздно! Тогда ты долженъ былъ убить меня, когда я сказала тѣ проклятыя слова, которыя мнѣ внушилъ Аласторъ... или Анагиръ, все равно. Онъ посягнулъ на твою честь? Неправда! Я... я была пьяна... То есть нѣтъ, не совсѣмъ пьяна, а скорѣе пламя Анагира пылало въ моей груди. И онъ полюбился мнѣ... разъ только въ жизни, понимаешь? разъ въ жизни меня плѣнили молодость и красота, меня, молодую жену стараго мужа. Ты не скажешь, что я когда-нибудь измѣнила тебѣ раньше... но этотъ разъ, съ пламенемъ Анагира въ груди, я замыслила недоброе. Онъ, честный и

чистый юноша, всталъ и удалился. Злость обуяла меня. О, я бы отошла, опомнилась. Но ты вошелъ въ ту же минуту, когда эта злость еще клокотала въ моей груди. Я и обмолмолвилась со злости — пусть, молъ, и онъ пострадаетъ, какъ страдала я. А ты.. а ты.. О боги! боги!

Агнонъ слушалъ ее, едва понимая, что онъ слышитъ. Долго стоялъ онъ, какъ вкопанный. Наконецъ, точно понявъ въ чемъ дѣло, онъ бросился къ очагу, схватилъ тлѣвшій сукъ сосны и замахнулся имъ на жену. Та не уходила.

— Бей меня, бей меня! Надо было раньше: теперь все равно поздно!

Но Агнонъ не ударилъ ея: внезапный шумъ у входныхъ дверей отвлекъ его вниманіе. Черезъ ставни, черезъ щели видно было зарево, точно отъ множества факеловъ. Посыпались удары во входную дверь. Раздавались крики.

— Выходи, Агнонъ!

— Выходи, сыноубійца!

— Выходи, нечестивецъ!

— Месть за Архедема!

— Месть за Анагира!

— Камнями его!

— Камнями обоихъ!

Входная дверь, новая и крѣпкая, пока выдерживала удары. У крестьянъ были рогатины и дреколья, но этого было мало.

— Ломовъ,— послышались крики.— Ломовъ сюда! Несите ломы!

Агнонъ метался, какъ звѣрь. Пробовалъ выйти черезъ боковую дверь, но и съ той стороны были факелы. Смерть была неминуема.

— Анагиръ! — крикнулъ онъ. — Жертву Анагиру!

И схвативъ съ очага тлѣющіе сучья, расположилъ ихъ у подножія обоихъ столбовъ портала. Туда же сталъ онъ сносить и остальные сучья роковыхъ сосенъ, хранившіеся еще въ дровяномъ сараѣ. Когда ихъ не хватило, онъ сталъ нагромождать корзины, стулья, ларцы, всякую деревянную утварь. Необулу онъ тоже заставилъ помогать себѣ.

— И ты неси! И ты провинилась передъ Анагиромъ.

Вскорѣ все пространство вокругъ портала представляло собой одинъ сплошной, огромный костеръ.

— А теперь — жертва! Жертва Анагиру!

Схвативъ факелъ, заранѣе зажженный на очагѣ, онъ бросилъ его въ костеръ. Костеръ тотчасъ запылалъ.

Была пора. Опять посыпались удары во входную дверь, но эти удары были уже другіе: у крестьянъ появились ломы.

Необула безпрекословно исполняла все, чего отъ нея требовалъ мужъ. Но теперь крайняя опасность какъ бы привела ее въ себя.

— Каллигенъ! Каллигенъ!

Она бросилась къ ребенку, схватила его.

— Необула! Измѣнница! куда ты?

Она выбѣжала изъ хоромы въ смежную комнату и заперла дверь за собой. Слѣдующая была кладовая — въ ней было свѣтло, няня оставила люкъ открытымъ. Но какъ выйти на кровлю?

Слава богамъ! въ кладовой валялось множество пустыхъ амфоръ. Необула устроила себѣ съ ихъ помощью ступеньки и вышла съ ребенкомъ на плоскую кровлю.

Стоитъ ли однако та лѣстница, по которой должна была взойти няня? Да, она стоитъ, и людей здѣсь нѣтъ, здѣсь стѣна дома угломъ вдается въ густой ивнякъ. Необула быстро сбѣжала по лѣстницѣ и, незамѣченная въ ночной тьмѣ, помчалась въ гору.

Отбѣжавъ на стадій отъ дома, она оглянулась. Съ высокаго мѣста весь дворъ былъ виденъ, какъ на ладони. Прекрасный порталъ былъ объятъ пламенемъ; огненные языки лизали прочія стѣны, отыскивая въ нихъ деревянные брусья и перекладины. Агнонъ, изступленный, стоялъ еще передъ порталомъ съ молитвенно поднятыми руками; Необула могла видѣть, какъ отъ жара на немъ загорѣлось платье, и онъ, бездыханный, упалъ на землю. Вслѣдъ затѣмъ запылали прочія части дома.

Жертва свершилась.

VI.

Необула опять помчалась. Но куда? Къ морю? Нельзя. Тамъ были крестьяне. Они ее, конечно, убьютъ, да и ребенка не пожалѣютъ.

Итакъ, въ горы. Да, но что тамъ дѣлать въ пустынныхъ заросляхъ Гиметта? Все равно. Ночь провести, а тамъ можно будетъ и въ Аѳины пробраться, къ доброй царицѣ Праксиѳеѣ.

Только.... на пути къ Гиметту было капище Анагира. Необула остановилась. Вотъ оно. Черный дырой зіяетъ отверстіе, черезъ которое благочестивые люди опускали дары въ обитель героя.

Черной дырой. Черной, какъ эта ночь кругомъ. Черной, какъ... тотъ колодецъ, въ который упала Еврилита... упала?

А пройти мимо надо, ничего не подѣлаешь. Каллигенъ, родимый, не кричи. Проходить мимо надо молча, чтобы не замѣтилъ...

Скорѣй, мимо, мимо!

Замѣтилъ, боги, замѣтилъ! Вотъ изъ черной дыры высовывается рука, — длинная, бѣлая рука; вотъ за ней другая. Мимо, мимо, безъ оглядки. скорѣе!

Необула все мчится и мчится. Ребенокъ пуще прежняго кричитъ. Но еще громче бьется ея сердце, стучатъ ея жилы въ вискахъ, шумитъ ея дыханіе въ легкихъ. Особенно это дыханіе; его она яснѣе всего слышитъ. Только — ея ли это дыханье?

Оглядываться нельзя, но чувство ей говоритъ, что она не одна, что-то страшное мчится за ней. И если она устанетъ, замедлитъ свой бѣгъ, оно ее догонитъ.

Вотъ поравнялись съ рощей. Какъ уныло шумятъ эти дубы, эти чинары! Точно похоронное пѣнье въ листвѣ. И кто это все взываетъ: „Архедемъ! Архедемъ!“

Мимо! Мимо!

Нѣтъ, такъ долго мчаться нельзя; силъ не хватитъ. Покормить развѣ ребенка, чтобы не кричалъ такъ жалобно? А что, если онъ догонитъ?

Ахъ, боже мой, захочетъ догнать, догонитъ и такъ. Надо разстегнуть хитонъ, дать дитяти грудь. Она все-таки не остановится, а будетъ идти впередъ, быстрымъ шагомъ, хотя и не бѣгомъ. На, родимый, соси! Ахъ, бѣдненькій, бѣдненькій, какая у тебя горячая головка! И груди не беретъ и все кричитъ, такъ жалобно, такъ жалобно...

Что это? Рядомъ съ ея рукой на головкѣ ребенка чья-то другая, бѣлая. И чей-то голосъ шепчетъ: „Забыла клятву! Онъ мой!“ Шепчетъ, но явственно; ребенокъ пересталъ кричать.

Страшно. Скорѣе впередъ, впередъ! Ребенокъ въ жару, и ночь ненастная. Хоть бы землянку угольщика найти — мало ли ихъ на Гиметтѣ? Хоть смрадно будетъ и душно, но все же тепло.

А какая тишина кругомъ! Вѣтра какъ бы и не было. Видно, каменная стѣна Гиметта охраняетъ. Только небо попрежнему черное. Даже жутко въ этомъ безмолвіи. Хоть бы ребенокъ опять заплакалъ! а онъ молчитъ, молчитъ. Видно заснулъ, сердечный.

И что за рука ей привидѣлась, что за погоня? Все тихо кругомъ. Оглянуться развѣ? Страшно. А все-таки... Нѣтъ ничего. Просто Еврилиту припомнила; оттого-то и всѣ страхи.

Слава богамъ! свѣтъ показался и даже не очень далеко. Несомнѣнно, землянка угольщика. Теперь все будетъ благополучно. И ей не откажутъ въ горячемъ мятномъ отварѣ съ гиметтскимъ медомъ — ужъ это вездѣ можно достать.

Странно все-таки — свѣтъ бѣлый, призрачный, а не тотъ багровый, какой обыкновенно у угольщиковъ бываетъ. Отчего бы это? Точно лунное сіяніе въ землянкѣ... Странно.

— Эй, почтенный, прими на ночь странницу съ ребенкомъ!

Все молчитъ. А свѣтъ есть — такой ровный, безъ вспышекъ и переливовъ. Надо войти. Спускъ крутой и ступенекъ нѣтъ: надо одной рукой за стѣну держаться Стѣна холодная, жесткая, влажная. Нѣтъ, это не землянка, это пещера въ скалѣ.

Двѣ комнаты, раздѣленныя каменной стѣной; одна — темная, но другая свѣтлая. Обѣ молчатъ. Надо войти въ свѣтлую. Охъ, опять забилось сердце: тутъ кто-то есть!

И не видно, откуда свѣтъ идетъ: ничего не горитъ. Стоитъ онъ во всей комнатѣ одинаково — свѣтъ ровный, холодный и мертвый. Ужъ не камни ли его изъ себя выдѣляютъ? Она видѣла иногда такой свѣтъ въ гниломъ дуплѣ старой ивы: такой же бѣлый, холодный и мертвый.

Но она устала — боже, какъ устала! Только теперь она это замѣтила. Надо присѣсть и еще разъ попытаться дать грудь Каллигену, хотя онъ и заснулъ. Только кто здѣсь живетъ?

Она осмотрѣлась кругомъ... ой, боги великіе, что же это такое? Пастухъ съ козой, пастухъ бѣлый, и коза бѣлая — и оба недвижны! А дальше еще кто-то, тоже недвижный, сидитъ. Надо подойти ближе... Архедемъ! Какъ ты здѣсь очутился?

Пугаться поздно: она въ царствѣ смерти, это ясно. Выйти все равно нельзя: ноги отказываются служить. Тутъ, рядомъ съ Архедемомъ, сидѣніе есть — тоже бѣлое, тоже холодное; все равно. Присѣсть необходимо.

Родимый мой, что твоя головка! Все такъ же въ жару? Нѣтъ; жаръ спалъ. И даже очень спалъ; головка холодная, какъ эти камни кругомъ.

Аа! Къ чему кричать? Крикъ все равно не выходитъ

изъ груди. Умеръ, умеръ; это ясно. Умеръ онъ, умираю и я. И хотѣла бы встать, да не могу; чувствую, какъ сила камня меня проникаетъ. Ноги уже совсѣмъ окаменѣли, только грудью еще живу да головой. Но и это уже ненадолго. И чувствъ прежнихъ уже нѣтъ. Ребенокъ мой умеръ, а мнѣ даже кричать и плакать не хочется. Умеръ онъ, умру и я.

А вотъ и ты. Пришелъ также и за мной. И не страшенъ ты совсѣмъ: великъ и прекрасенъ, и доброта свѣтится въ твоихъ глазахъ. Я знаю, ты бы милостливо охранялъ нашъ домъ, если бы мы смирились передъ тобой, а не боролись. Ну вотъ, теперь страсти отшумѣли; теперь я буду тиха... тиха... совсѣмъ тиха...

VII.

И опять наступилъ праздникъ Каллигеніи. Опять молодыя матери аѳинской области собрались въ храмъ Деметры Ѳесмофоры, чтобы показать драгоцѣннѣйшій урожай этого года и свѣточеноснымъ богинямъ, и прочимъ гражданкамъ, и всѣми любимой царицѣ Праксиѳеѣ. Опять она вмѣстѣ съ обѣими своими совѣтчицами обходила ряды спеленутыхъ младенцевъ.

Но этотъ разъ всѣ три, точно пораженныя, остановились передъ однимъ малюткой, бѣдно убраннымъ, но невиданной доселѣ красоты.

— Я думаю, гражданки,—сказала царица,—другихъ намъ и смотрѣть не стоитъ. Такіе въ десять лѣтъ разъ родятся. Такимъ, видно былъ малютка Аполлонъ — да будетъ онъ милостивъ къ намъ! — когда мать Латона его родила подъ первозданной пальмой на Делосѣ.

Никто не возражалъ.

— Счастливая мать этого ребенка, выходи!

Вышла, однако, такая, какой никто не ожидалъ — женщина уже немолодая, съ добрыми, но грубыми чертами лица. Всѣ три удивленно посмотрѣли на нее.

— Онъ твой, этотъ дивный младенецъ?

— Мой, и не мой, великая царица и почтенныя гражданки. Прикажите разсказать, какъ было дѣло!

— Разсказывай.

— Вы знаете, какою страшною смертью погибли всѣ жильцы приморскаго хутора подъ Гиметтомъ...

— Погибли по собственной винѣ, — прибавила царица, содрогаясь. — И болѣе всѣхъ была виновата Необула. Она здѣсь

же, касаясь головы своего ребенка, дала, хотя и нелживую, но обманную клятву. Но боги смотрятъ не на слова, а на помыслы людей — ихъ не обманетъ человѣческая хитрость, совѣтую и тебѣ это помнить, незнакомка.

— И то помню, великая царица, и всегда помнила; и не могла я поэтому вмѣстѣ съ господами — я у нихъ няней служила — переселиться въ новый домъ, построенный въ обиду Анагиру. Я осталась въ старомъ и каждый день молилась почтенному герою, чтобы онъ не въ корень погубилъ родъ Агнона, чтобы было кому поминать предковъ и приносить возліянія на ихъ могилы. И почтенный герой услышалъ мои мольбы.

— Однажды — это было нынѣшнимъ лѣтомъ какъ разъ въ ту ночь, когда вы здѣсь на скалѣ Паллады вели въ ея честь всенощные хороводы — заснула я крѣпко послѣ молитвы Анагиру. А надо вамъ знать, что я такъ и осталась жить въ старомъ домѣ послѣ того, какъ новый сгорѣлъ. Питаюсь я козьимъ молокомъ и плодами огорода, за которымъ хожу сама; немного могутъ сдѣлать мои одинокія руки, да, видно, Анагиръ помогаетъ.

— Продолжай!

— Такъ вотъ, начала я говорить, заснула я крѣпкимъ сномъ. И вижу во снѣ — подходитъ ко мнѣ мужъ, выше человѣческаго роста и краше человѣческой красы, и говоритъ онъ мнѣ: не бойся Евтихида, я — тотъ, которому ты всегда благочестиво молишься, герой Анагиръ. Твоя молитва услышана. На разсвѣтѣ ты выйдешь въ мою рощу, тамъ, подъ молодой липой, найдешь ты младенца, только что рожденнаго. Этотъ младенецъ — Агнонъ, сынъ Архедема, онъ будетъ наслѣдникомъ земли и двора своего дѣда, пѣстуномъ могилъ своихъ предковъ и кормильцемъ твоей старости; Вырастетъ онъ подъ моимъ благословеніемъ и родъ его не прекратится никогда. И будетъ его потомкомъ тотъ Архедемъ, который украситъ мою пещеру подъ Гиметтомъ и передастъ свое имя далекимъ поколѣніямъ". — „Блаженный, сказала я, а кто же мать младенца?" — „Не пытайся проникнуть въ тайны боговъ, отвѣтилъ герой; знай одно, что не безъ нихъ свершается все то, что свершается". И сказавъ это, онъ исчезъ. Я же поступила по его словамъ и нашла все, какъ онъ предвѣщалъ. И въ этомъ, царица, даю тебѣ всякую клятву: да погибну я, какъ Необула, если я сказала неправду.

— Я вѣрю тебѣ, — сказала Праксиѳея и, не отрывая глазъ отъ младенца, задумчиво продолжала:—Агнонъ, сынъ Архедема — невинный отпрыскъ проклятаго рода. Но проклятъ онъ былъ Анагиромъ, и если Анагиръ снялъ съ него свое проклятіе, то и для насъ онъ чистъ. Долгъ аѳинскаго царя — слѣдить, чтобы земельные надѣлы по закону и праву переходили отъ отца къ сыну; онъ — опекунъ всѣхъ сиротъ. Евтихида, ты ночуешь у меня; а завтра царь Эрехѳей отправитъ съ тобою управляющаго и челядь на жребій Агнона, чтобы его земля производила все то, что ей слѣдуетъ производить, и чтобы ты жила въ довольствѣ, ни въ чемъ не нуждаясь. Работа же у тебя будетъ одна — быть няней маленькаго сына Архедема, чтобы онъ росъ и далѣе подъ благословеніемъ Анагира. Но вѣнка Каллигеніи я ему дать не могу — богиня назначила его не дитяти, а матери за дитя. Итакъ, гражданки — за дѣло!

Ѳ. Зѣлинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОДНА.

Измучена жаждою счастья
И зноемъ блаженной мечты,
Ушла, одинокая, въ поле
И долго сбирала цвѣты.

И съ грустной улыбкой смотрѣла
На яркій душистый букетъ,
И пѣла о солнцѣ, о счастьи,
О миломъ, котораго нѣтъ.

Потомъ замолчала. И долго
Стояла, недвижна, блѣдна,
Одна въ вечерѣющемъ полѣ...
Смеркалось. Всходила луна.

Звенѣли кузнечики дружно,
И кротко у темной межи
Склонялись въ безмолвной молитвѣ
Колосья желтѣющей ржи.

Былъ вечеръ —какъ пѣсня, какъ сказка...
Но некому было отдать
Букетъ полевыхъ незабудокъ
И сердце, уставшее ждать.

---

* * *

Въ тебѣ живетъ душа фіалки.
И не однажды въ поздній часъ
Я погружалъ больное сердце
Въ зеленый сумракъ милыхъ глазъ.

Я долго шелъ пустыней мира
По острымъ кручамъ и пескамъ —
И было сладко, было больно
Приникнуть къ синимъ лепесткамъ...

И вотъ опять иду на муки,
Тоскою новою дыша.
Но не со мной ли въ часъ печали
Твоя весенняя душа?

Г. Вяткинъ.

„ГОСПОДА РОДИТЕЛИ“.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Когда вернулась съ братомъ съ катка, Вѣрочка сказала матери:

— Новый годъ, мамуля, мы желаемъ встрѣчать безъ васъ.

Она звякала коньками, вѣшая ихъ въ передней на гвоздикъ. А Нина Григорьевна обшивала тесьмой обтрепавшійся рукавъ Вѣрочкиной жакетки. Согнувшись къ жакеткѣ, распластанной, какъ большая мертвая птица, ногтемъ толстаго пальца проутюживала вздувшуюся надъ швомъ складку. Замѣтна складка? Некрасиво, вздулась кишкой, и дѣвочкѣ будетъ непріятно. И то ужъ нехорошо, что жакетка стара и не модна. На новую денегъ нѣтъ... И бѣда: тесьму пришлось взять неподходящую, свѣтлую слишкомъ. Подъ цвѣтъ никакъ не найти. Жакетка темнокоричневая, а тесьма просто коричневая. Вѣрочкѣ непріятно...

— Ни тебя, мамочка, ни папы чтобы не было... А только мы съ Володей. И наши приглашенные.

Теперь только слова дѣвочки дошли до матери... Какія все-таки непонятныя слова!..

Нина Григорьевна подняла голову и посмотрѣла на дочь, отъ холода и возраста румяненькая такая и свѣтлая...

— Насъ съ папой чтобы не было?

— Да... Вы пойдете встрѣчать Новый годъ къ тетѣ Машѣ. А можете въ клубъ, или у Паризо, — куда захотите... Только чтобы не дома... Потому что мы желаемъ одни...

Наперстокъ соскользнулъ съ пальца Нины Григорьевны, покатился на колѣни, застрялъ на минутку въ складкахъ Вѣрочкиной жакетки-птицы, потомъ упалъ на полъ. Стукнулся объ полъ, звякнулъ недоумѣвающе и жалобно...

И такъ же жалобно, и такъ же недоумѣвающе смотрѣли большіе, сѣрые глаза Нины Григорьевны... Если бы глаза были у ея сердца, и сердце смотрѣло бы недоумѣвая.

— Насъ съ папой чтобъ не было? А собственно... для чего, собственно, это нужно?

Вѣрочка нахмурилась.

Она брюнетка, и брови у ней длинныя, густыя. Когда хмурится, она кажется значительно старше, и ужъ ей можно дать девятнадцать лѣтъ. А ей нѣтъ и шестнадцати.

— Видишь, мама, вотъ ты и обидѣлась... Мы съ Володей такъ и знали, что ты обидишься, такъ и знали... А тутъ ничего такого нѣтъ! Просто надо же, чтобъ намъ свобода...

Слова дѣвочки стояли передъ матерью недобрыя и отталкивающія, какъ жабы. Выпучили крупные глаза и раскрыли поганые, широкіе рты. Какая гадость! А что если еще и шевелиться станутъ, прыгать, и вскочатъ на колѣни?..

Вѣрочка подлетѣла къ матери, обняла ее, поцѣловала, — не въ щеку, не въ губы, — а гдѣ-то около уха, и дѣтски-звонкимъ голосомъ, ласковымъ, нѣжнымъ, тѣмъ самымъ, отъ котораго тепломъ и умиленностью переполнялось всегда сердце Нины Григорьевны, затараторила:

— Мамуся дорогаечка, золотаечка, брилліантовая, изумрудная, ты не обижайся... Будь умница, будь, какъ взрослая... Не глупи, мамулька, не сердись на насъ.

Руки Нины Григорьевны уже гладили черную головку дѣвочки, а глаза смотрѣли растроганно. Какъ трудно сердиться на дѣтей! Какъ трудно ихъ упрекать! И гдѣ взять силъ, чтобы побороть это желаніе нѣжить ихъ и голубить, — даже въ моменты, когда причиняютъ дѣти страданіе и боль?

— Мы не злые, мамочка, мы не собаки, не свиньи, мы не хрю-хрю, а мы съ Володей очень любимъ и тебя, и папу... Володька, противный, конечно, притворяется, что онъ суровый,— онъ же мужчина, — но онъ тоже очень любитъ васъ... А только, мамуся, намъ будетъ веселѣй однимъ, понимаешь?.. И вы себѣ bonsoir — уходите... Уходите, уходите!..

Уже и жакетка Вѣрочки соскользнула съ колѣнъ Нины Григорьевны. Упали книзу руки женщины, и печально склонилась книзу голова. Скорбно, почти съ выраженіемъ физической боли, смотрѣли сѣрые глаза, и были глаза увлажнены слезой...

„Уходите, уходите, уходите“.

Да почему же? Для чего?

Имъ будетъ „веселѣе“.

Не понимаю... Не вмѣщаетъ этого душа...

Если бы Нинѣ Григорьевнѣ надо было встрѣчать Новый годъ безъ дѣтей, она бы въ десять часовъ погасила огни и легла спать. Никакой не надо встрѣчи и пусть темнота! Но дѣти — вотъ...

Вѣрочка ударяетъ себя кулакомъ въ грудь и вскрикиваетъ:

— Ей Богу, мамочка, мы не свиньи!

Глаза ея расширились и смотрятъ серьезно, какъ въ минуты, когда говорятъ важное, когда произносятъ обѣты.

— Мы хорошіе. Мы, какъ всѣ. Но только надо же намъ хоть сколько-нибудь свободы, мамочка. Нельзя такъ въ самомъ дѣлѣ!..

И тутъ уже чувствовалась обида. Обида и протестъ.

Кромѣ протеста, есть сознаніе своей большой правоты и рѣшимость правоту эту отстоять. Мало ли чего тамъ родители захотятъ!.. Что за гнетъ?! Во всемъ имъ уступать?.. Конечно, — сила у нихъ. Они могутъ заставить. Ну, и пусть заставляютъ. Пусть!.. Если они воображаютъ, что это благородно, честно, — пусть заставляютъ, пусть насильничаютъ. Пожалуйста!..

Впрочемъ, сердитыя ноты погасли скоро. Вѣрочка успокоилась. Отходчивая.

И уже простодушно, безъ волненія, стала выкладывать передъ матерью, — какъ классныя тетради въ цвѣтныхъ обложкахъ, — всѣ свои соображенія о томъ, какъ именно надо устроить встрѣчу Новаго года, кого изъ подругъ и товарищей Володи слѣдуетъ пригласить и сколько и какія угощенія нужно купить...

II.

Вернулся домой Золотницкій, Михаилъ Борисовичъ.

Онъ высокій, костлявый, очень смуглый человѣкъ, съ впалыми щеками и большими, темными глазами. А подъ глазами мѣшки, морщинистые и отвислые. Борода остріемъ волосы длинные, откинутые назадъ, еще густые, но съ сильной просѣдью. Года еще не тѣ, однако, чтобы такая была сѣдина и столько морщинъ...

Такая довременная старость приходитъ къ людямъ, если

жизнь скачетъ неспокойно, неожиданными и болѣзненными прыжками. Крутые подъемы къ мелкому, въ сущности, удовлетворенію, а потомъ опасный срывъ, за нимъ непредвидѣнный зигзагъ въ сторону, потомъ такой же непредвидѣнный и столь же нежеланный поворотъ въ сторону другую, да еще, по ухабамъ, по проваламъ и ямамъ... Побудетъ въ одномъ университетѣ, и въ другомъ, не окончитъ курса ни здѣсь, ни тамъ, уйдетъ въ ссылку, затѣмъ возвратится, — не въ тотъ городъ, впрочемъ, куда хотѣлъ бы — не пускаетъ начальство — и займется подвернувшимся случайно, нелюбимымъ дѣломъ, къ которому и приспособленъ плохо. На мѣстѣ усидитъ недолго. И будетъ его швырять съ должности на должность, изъ города въ городъ, и будетъ онъ томиться, запутанный въ мелкихъ дѣлахъ, въ нудныхъ заботахъ и хлопотахъ, въ непреходящихъ и нескончаемыхъ волненіяхъ и тревогахъ...

Печать грусти и сумрачнаго недоброжелательства ляжетъ на сѣрое лицо, въ густыя морщины его, но сердце сохранитъ кротость непонятную, — и нѣтъ-нѣтъ, а блеснутъ вдругъ хмурые глаза той лаской, тѣмъ милымъ и свѣтлымъ сочувствіемъ, которое, какъ и темная озлобленность, взращивается въ сердцѣ только долгимъ и злымъ страданіемъ...

Теперь Михаилъ Борисовичъ служилъ статистикомъ въ земской управѣ.

Жалованьишко тощее, прожить трудно, и онъ „подрабатывалъ“ статейками въ мѣстной газетѣ. Случалось, перепадали и какія-нибудь другія случайные заработки: годовой отчетъ благотворительнаго общества, объяснительная записка... Одно время Нина Григорьевна пыталась облегчить мужу иго жизни, стала давать уроки музыки. Дѣло шло туго. Не было у нея дипломовъ, не было умѣнія добиваться уроковъ, да и слабая, правду сказать, была музыкантша... А было въ городѣ не мало преподавателей хорошихъ и дѣйствовала совсѣмъ не худо поставленная музыкальная школа.

Особенно трудно стало жить Золотницкимъ съ прошлаго года, когда окончилъ Володя гимназію и ужъ надо было содержать его въ университетѣ.

Обмундированіе, да бѣлье, да за право ученья, да книги — цѣлое содержаніе!... А возни, возни... Мальчикъ не привыкъ жить самостоятельно, никогда изъ родительскаго дома не отлучался, все подъ маминымъ крыломъ, — какъ отпустить его одного, неопытнаго, сырого?

Нина Григорьевна отвезла мальчика въ Кіевъ, сама отыскала ему комнату, выхлопотала у знакомыхъ, чтобы давали обѣдъ, — не изъ кухмистерской же брать! — другихъ знакомыхъ упросила навѣщать Володю и писать каждую недѣлю объ его здоровьѣ... „Самъ никогда не напишетъ! Умретъ, а не пожалуется, не захочетъ безпокоить“.

Всѣ мелочи и пустяки сама наладила, даже съ прачкой сама столковалась и условилась... Каждый день потомъ писала сыну письма съ наставленіями и совѣтами, съ безчисленными тревожными разспросами, — „вѣдь самъ не напишетъ, ни за что не напишетъ“, — а онъ тоже писалъ каждый день и только и дѣлалъ, что жаловался: комната холодная, почему-то много уходитъ на трамвай, въ цирюльнѣ нагрубіянили, а кошка съѣла на подоконникѣ скумбрію и масло, проклятая, чтобъ ей околѣть!

— А я бы все въ комодъ, такъ бы кошка и не съѣла, дуракъ такой, — убѣжденно восклицала Вѣрочка.

— Ну да, въ комодъ... — заступалась мать. — Въ комодъ нельзя. А надо написать квартирной хозяйкѣ, чтобы ему дали шкафчикъ.

— Маленькій, — негодовала Вѣрочка: — „нагрубилъ цирюльникъ“... А я бы сама сказала цирюльнику, что онъ дуракъ и чортъ носатый, и больше ничего. И вовсе даже не стала бы жаловаться мамѣ...

III.

— Видѣлъ въ управѣ тетю Машу, — сказалъ Михаилъ Борисовичъ, оглядывая въ передней мокрое пальто, которое только, что снялъ съ себя и повѣсилъ. — Приходила за крысинымъ тифомъ. Жалуется, весь домъ крысы заполнили... Здорово обтрепалось пальто... И говоритъ тетя Маша, что хочетъ Новый годъ встрѣчать у насъ. Со всей своей молодежью придетъ.

Нина Григорьевна смазывала гумми-арабикомъ газетную вырѣзку. Это статья мужа. Статьи она тщательно коллекціонировала. Вырѣзала, вклеивала въ особый альбомъ, и на поляхъ красивымъ почеркомъ отмѣчала дату появленія. Альбомъ былъ въ коричневомъ кожаномъ переплетѣ, и на переплетѣ дугой накладныя серебряныя буквы: „Статьи М. Б. Золотницкаго“.

Этотъ альбомъ Нина Григорьевна завела лѣтъ шесть

назадъ, какъ только удалось Михаилу Борисовичу напечатать въ „Екатеринодарскомъ Голосѣ“ первыя сто строкъ. Въ концѣ альбома былъ особый отдѣлъ, имѣвшій заглавіе „Наши дѣтки“. Здѣсь записано было все наиболѣе важное изъ жизни Володи и Вѣрочки. Даты рожденія, заболѣваній, поступленія въ учебныя заведенія, поѣздокъ въ другіе города, полученія подарковъ. Много мѣста занимало описаніе нѣкоторыхъ выходокъ дѣтей, забавныхъ или трогательныхъ, а также подлинныя изреченія малышей. Напримѣръ, запись такая:

„Вѣрочка (три года, два мѣсяца, шесть дней) пьетъ кофе. Сидитъ на стулѣ, мѣшаетъ ложечкой и о себѣ говоритъ: черная дама пьетъ черное кофе“.

„Сегодня 3-го января, въ страшный морозъ, Володя прибѣжалъ со двора и потирая ручонки (шесть лѣтъ, девять мѣсяцевъ) сквозь слезы весело кричитъ: ой-ой, хоедно, я крѣпко замерзъ, мнѣ десять разъ хоедно“.

Папа научилъ Вѣрочку говорить: „тангенсъ равняется синусу, подѣленному на косинусъ“. Вѣрочка (три года, седьмой мѣсяцъ) щебечетъ: тангесъ равняется синису позеленому на косинусъ.

Альбомъ былъ самымъ драгоцѣннымъ и почетнымъ предметомъ въ домѣ. Его любили и имъ гордились, и лежалъ онъ на вышитой шелковой скатерти на особомъ столикѣ. Столикъ же стоялъ подлѣ шкапчика, гдѣ красовались наиболѣе любимые Михаила Борисовича авторы...

— Особенно износился воротникъ. Мѣхъ совсѣмъ уже облѣзъ... Только кожа лоснится... Что жъ, и пусть! — вслухъ продолжалъ Золотницкій, отворачивая полупальто. — Пусть приходятъ и тетя Маша, и ея команда, будетъ у насъ пиръ горой.

Нина Григорьевна мазала гумми-арабикомъ все по тому же мѣсту и на мужа не смотрѣла...

Точно что-то недоброе сдѣлала она, передъ нимъ провинилась, и теперь ей совѣстно было смотрѣть въ глаза...

А Володя, румяненькій, щекастый и свѣтленькій, — какъ и мать его, — отложилъ на кушетку коньки, къ которымъ принаживалъ ремешки, и сказалъ:

— Нѣтъ, папа, команда тети Маши пусть придетъ, мы

очень рады, мы и сами рѣшили ее просить, но тетю Машу сюда не надо: ты съ мамой, вы пойдете къ тетѣ Машѣ. Мы желаемъ одни.

Золотницкій пересталъ разглядывать свое пальто, вошелъ въ столовую и, не садясь, спросилъ:

— То-есть, какъ это, вы желаете „одни“?

— Ужасно смѣшныя эти дѣти, — отозвалась тогда Нина Григорьевна: — такое затѣяли!.. Чтобы, видишь ли... чтобы только молодежь... т. е. одна только молодежь... безъ старшихъ... А мы, видишь ли... чтобы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, отдѣльно...

Она улыбалась.

Она имѣла такой видъ, будто дѣти придумали какую-то особенно забавную шутку. Можетъ быть, и странную нѣсколько, можетъ быть, чуточку неподходящую, но зато такую забавную, смѣшную!.. Отъ этой шутки ей смѣшно, ей очень смѣшно, и даже весело, но, конечно, ничуть, ничуть не больно...

— Вотъ какъ, — сказалъ Золотницкій, — мы отдѣльно?

— Конечно, папа... Вы себѣ въ клубѣ... Или, если хотите, у тети Маши. Гдѣ хотите.

— Гдѣ хочу... Я, значитъ, все-таки свободенъ въ выборѣ?.. Но если я хочу съ вами... Я хочу со своими дѣтьми. И у себя дома.

Володя покраснѣлъ. Онъ схватилъ коньки и загремѣлъ ими.

— Ну вотъ, ну вотъ!.. Ну вотъ и начинается... „Отцы и дѣти“... Нѣтъ, никогда старики не поймутъ молодыхъ, никогда!.. И вотъ, недаромъ даже строитель Сольнесъ... Да... Полная рознь!.. Полное непониманіе. И никакой уступчивости.

Онъ волновался. Когда онъ волновался, онъ, — какъ двѣ капли воды похожій на мать, какъ и она, круглый, мягкій, свѣтлый и добродушный, — становился сразу похожимъ на отца: дѣлался мрачнымъ и недоброжелательнымъ.

— Пріѣдешь домой на какихъ-нибудь двѣ недѣли, на праздники, пріѣдешь отдохнуть, набраться силъ, и что же? Однѣ непріятности! Ничего, кромѣ непріятности.

Золотницкій съ хмурой тревогой смотрѣлъ не на сына, а въ окно. На дворѣ шелъ снѣгъ, перемѣшанный съ дождемъ. Въ окно видна была дощатая, сѣрая и мокрая стѣна сарая, — какая печальная!..

— Такъ-таки ничего, кромѣ непріятностей? — сдержанно спросилъ онъ.

— А конечно!.. Что жъ тутъ хорошаго?.. Ни на шагъ нельзя самому... Все съ вами, да съ вами. Благодарю васъ!.. Понаприглашаютъ всякихъ своихъ знакомыхъ, столѣтнихъ старцевъ и дѣдушекъ, и вообще, а мы, извольте радоваться, трахъ, сиди... Ну хорошо, хорошо, пусть по-вашему! — внезапно заключилъ юноша, опускаясь на кушетку. — Хорошо. Я не настаиваю. Пусть вашъ верхъ, какъ и всегда. Пожалуйста!

Золотницкій ударилъ кулакомъ объ столъ.

— Молчать!

Это не было похоже на него. Никогда онъ не былъ такъ рѣзокъ съ людьми, — ни съ чужими, ни въ своей семьѣ. И самъ удивлялся теперь тому, что дѣлаетъ. Но такъ больно было сердцу, такъ тяжело...

Нина Григорьевна метнулась къ сыну и схватила его за руки.

— Миша, Миша. Господь съ тобой, что это ты?..

Золотницкій молчалъ. Лицо у него было злое. Брови сошлись, и ротъ перекосило... Зачѣмъ пришелъ онъ домой? Отчего не задержался до вечера? Не знаетъ развѣ, что здѣсь эти грубіяны, эгоисты, неблагодарные скоты?

— Эгоисты, — подавленнымъ голосомъ говорилъ онъ. И опустился на стулъ.

— Эгоисты... Черствыя души...

Онъ смотрѣлъ на сына, раскраснѣвшагося и взъерошеннаго, и думалъ, что хорошо бы взять его за эти свѣтленькіе взъерошенные волосы и вотъ этакъ, вотъ этакъ... „Какая чепуха! — проносилось въ то же время въ его головѣ: — какая дичь и гадость приходитъ мнѣ въ голову“.

И лицо его искривилось болѣзненно.

— Конечно, мы эгоисты, — пожалъ плечами Володя, — Мы эгоисты, мы...

Онъ особенно ударилъ на слово „мы“.

— Мы эгоисты. Не другой кто-нибудь, а именно мы... Само собой, конечно...

— Да нѣтъ же, все это пустяки, ну право, ну о чемъ вы тутъ, — торопливо заговорила Нина Григорьевна. — Подняли крикъ, шумъ, Богъ знаетъ для чего и изъ-за чего... Не все ли равно, гдѣ и какъ встрѣчать Новый годъ?.. Да лучше всего и совсѣмъ не встрѣчать, если такъ!.. Не

надо никакихъ встрѣчъ, Богъ съ ними.... И кто это выдумалъ встрѣчи эти.... Я и въ мысляхъ не имѣла встрѣчать....

Замолчали...

И было всѣмъ тяжело и неловко, не знали, куда дѣвать глаза. Казалось, что должна бы выручить Вѣрочка, — могла бы развеселить дѣтскимъ своимъ, наивнымъ голосомъ. Но и она молчала, надутая и растерянная.

— Не я завелъ весь этотъ разговоръ, — упавшимъ голосомъ неожиданно отозвался Володя. — А если желаете знать, такъ извольте: я даже очень жалѣю, что его подняли. Я уступаю во всемъ и извиняюсь. И... и поступлю, какъ вамъ пріятно... И мнѣ самому ничего не нужно...

Онъ отвернулся, сконфуженный.

Въ голосѣ его, замѣтно уставшемъ, была большая искренность и теплота. Видимо, мальчикъ очень тяготился этой сценой, и ему въ самомъ дѣлѣ жаль стало отца. Почувствовалъ онъ какую-то вину свою...

Почувствовалъ вину... И если бы не было неловко, если бы было это достойно мужчины, онъ подошелъ бы къ отцу и улыбнулся ему — „папочка“!

Можетъ быть, сдѣлалъ бы онъ это сейчасъ. Но испортила было сестра.

Дѣвочка подбѣжала къ отцу и свѣтлымъ своимъ, ласковымъ, ребячьимъ, чуть-чуть плаксивымъ и немножко смѣшнымъ голосомъ крикнула:

— Папочка, ну чего ты сердишься?.. Ну право, ей Богу, мы не хрю-хрю. Мы только такъ, хотѣли, чтобы было веселѣе... А если тебѣ непріятно, папулечка, то мы не свинья неблагодарныя, мы не желаемъ, чтобы тебѣ было непріятно...

Послѣ этой выходки сестры, Володя, конечно, ужъ немогъ заговорить съ отцомъ въ тонѣ примирительномъ. Чортъ знаетъ что!.. И Володѣ даже стыдно сдѣлалось за свою бабью уступчивость „Размякъ, слюнтяй, раскисъ... И самъ онъ порядочная дѣвченка“.

Главное же, послѣ вмѣшательства сестры, Володѣ ужъ особенно ясно стало, что родители — настоящіе консерваторы. До какой степени они любятъ притѣснять и давить! Имъ одно нужно: чтобы имъ было пріятно. Да! Только этого... Для этого они и дѣтей рожаютъ... Для этого и выкармливаютъ дѣтей... Чтобы верховодничать. Чтобы ко-

мандовать и угнетать. Нѣмецкій философъ сказалъ: „воля къ притѣсненію“... Эхъ, ужъ эти родители!.. Милые господа родители!.. Нѣтъ, ужъ это надо бросить. Ихъ жалѣть невозможно. И нельзя быть съ ними снисходительнымъ.

Володя нахлобучилъ фуражку, надѣлъ пальто и, на ходу застегиваясь, поспѣшно вышелъ.

— Володенька, калоши?.. Калоши надѣнь.

— Не надѣну!.. Къ чорту...

— Боже мой, онъ простудится, — волновалась Нина Григорьевна. — Онъ промочитъ ноги и простудится. Володя... Володя!..

Она бѣжала за сыномъ черезъ дворъ, по грязному размокшему снѣгу, въ комнатныхъ туфляхъ, съ непокрытой головой. Шелъ дождь, и изъ жолобовъ текла вода, стуча объ размытую землю...

— Вотъ калоши, Володя, вотъ же онѣ...

Нина Григорьевна протягивала впередъ руку съ калошами...

Володя оглянулся, пожалъ плечами и пошелъ дальше.

— Не хочу... Не надѣну... Пусть и простужусь... Конечно, простужусь... Не надѣну...

Онъ быстро уходилъ. Ему было жаль матери. И злясь на себя, онъ говорилъ себѣ: „я скотина“...

IV.

Утромъ, когда Михаилъ Борисовичъ ушелъ въ управу, Нина Григорьевна взяла газету и на поляхъ стала составлять списокъ:

„Тортъ и печенія.
Конфекты.
Шоколадъ.
Орѣхи и фисташки.
Варенье малиновое и клубничное.
Кетовая икра.
Сардины, шпроты, королевскія селедки.
Ветчина“.

Тутъ она положила карандашъ и обернулась къ Вѣрочкѣ.

— Сколько человѣкъ вы думаете пригласить?

— Мы, мамочка, никого не пригласимъ.

— Хорошо, хорошо..... На сколько человѣкъ угощеніе?

— Право же, мамочка.... И Володя говорилъ... Мы съ Володей рѣшили никого.

— Ну да, конечно, вы рѣшили. А я тоже рѣшила... Человѣкъ десять пригласите? Или пятнадцать?

— Я не знаю, Васильевыхъ надо пригласить?.. — нерѣшительно спросила дѣвочка: — Если Васильевыхъ тоже и Гуревичей, то будетъ двадцать одинъ приглашенный...

— Значитъ, двадцать одинъ...

Нина Григорьевна снова склонилась къ списку.

Надо было нѣсколько разъ возвращаться къ нему, исправлять и пополнять. Маслины вычеркнуть, и грибы тоже, а не забыть рахатъ-лукумъ. Баночку французской горчицы надо. Бумажныхъ салфеточекъ... Рублей въ тридцать-сорокъ обойдется все... Надо будетъ ихъ достать... Ничего! Рябковымъ недавно заплатили весь долгъ, теперь, значитъ, можно будетъ опять перехватить у нихъ... Но тридцати рублей не хватитъ, это ясно... И ужъ если устраивать, то устроить прилично, чтобы дѣтямъ не было неловко...

Ахъ да! Непремѣнно надо вотъ этихъ конфектъ: бѣленькіе шарики, какъ пилюли, а внутри малина. Дѣтямъ правится... И затѣмъ морсъ. Вишневый. И лимонный бы хорошо... Ну, а индѣйка? Или не нужно индѣйки?.. Можетъ быть, что-нибудь рыбное?

Хлопоты, обдумыванія, соображенія... Длинная цѣпь вопросовъ... Все обсудить и взвѣсить...

Вѣрочка сдружилась съ мамой, — совсѣмъ забыла о происходившихъ недоразумѣніяхъ, — и весело во всемъ помогала, — и насчетъ салфеточекъ, и насчетъ посуды, и насчетъ убранства квартиры.

Конечно, надо переставить мебель. Столовая останется столовой, а кабинетъ обратить въ гостиную. Диванчикъ вотъ сюда. Здѣсь два кресла и столъ. А тутъ вотъ особый уголокъ — для господъ шахматистовъ. Петя Тираспольскій ужасно серьезничаетъ, оселъ собачій, всегда про важное, въ „блошки“ презираетъ, а только въ шахматы. Вотъ тебѣ, сиди, дуракъ, играй въ шахматы!.. Но онъ умный, умный этотъ Петя, ужасно умный. Онъ, ухъ! — Карла Маркса читаетъ... И ему въ самомъ, дѣлѣ неприлично въ „блошки“...

Толстенькая Вѣрочка суетилась и шумѣла, возбужденная, взъерошенная. Говоромъ, суетой наполнилась квартирка. Володя же не принималъ въ подготовленіяхъ къ празднику

никакого участія. Онъ даже поглядывалъ на мать и сестренку осудительно, — затѣяли чортъ знаетъ что!... Впрочемъ, если имъ нравится, пусть!.. Всякое вообще насиліе непозволительно. Но только, это еще большой вопросъ: останется ли онъ дома для встрѣчи Новаго года! Онъ бонжуръ! — въ Кіевъ... А если не въ Кіевъ, то все-таки уйдетъ изъ дому. Веселитесь себѣ! Празднуйте, встрѣчайте Новый годъ сколько угодно, а онъ не желаетъ... Да и что такое этотъ „Новый годъ", если отнестись къ нему серьезно?... Дурацкая условность, и больше ничего!... Почему праздновать „Новый годъ" перваго января, а не семнадцатаго іюня, не девятаго октября?.. У евреевъ Новый годъ начинается осенью... Несерьезно все это!.. И ввязываться въ такія предпріятія не за чѣмъ... Хотятъ — ну и пусть празднуютъ. А онъ возьметъ и уйдетъ къ товарищу, и будетъ тамъ заниматься, voilá tout!

Михаилъ Борисовичъ тоже холодно отнесся къ затѣѣ жены...

Не зналъ онъ собственно, что дѣлать, не зналъ, какъ посмотрѣть на предстоящія событія. Но чувствовалъ себя смущеннымъ, обиженнымъ и лишнимъ.

За обѣдомъ онъ сидѣлъ безмолвный, ѣлъ, хотя много, но что именно ѣстъ, не замѣчалъ. Уронилъ на тарелку стеклянную пробку графина и насыпалъ бы себѣ соли въ третій разъ, если бы во время не удержала Нина Григорьевна, и если бы громко и радостно не разсмѣялась надъ смѣшной забывчивостью папульки Вѣрочка... Какъ славно прыгали лстыя щечки, когда она хохотала!..

Послѣ обѣда Михаилъ Борисовичъ отдыхать не легъ, а засѣлъ составлять отчетъ для „общества призрѣнія бѣдныхъ дѣтей". Работать было трудно. Въ головѣ стояли сли обидныя, горькія, да мѣшала Нина Григорьевна, перетаскивавшая мебель туда и сюда, да звенѣлъ въ ушахъ басистый голосокъ Вѣрочки, къ которому такъ хотѣлось прислушиваться...

Вѣрочка была облечена властью главнокомандующаго, и по ея планамъ производилось убранство. Володя же отъ дѣлъ устранился, ничѣмъ не интересовался. Хоть потопъ! И не все ли равно: будетъ диванъ стоять противъ двери или рядомъ со столомъ?... Дѣло не въ диванѣ, а во внутреннихъ переживаніяхъ разсматриваемаго индивидуума. Внутреннія же переживанія...

Если къ обѣду Володя явился во время, то вовсе не потому, что нѣтъ у него самолюбія, и онъ забылъ отцовскую обиду, а единственно потому, что не хотѣлъ давать повода господамъ родителямъ придираться. Пока живешь на ихъ средства, надо терпѣть. Но время придетъ, и онъ сумѣетъ сбросить ярмо.

Слѣдующій день прошелъ въ сутолокѣ, еще болѣе напряженной.

Уже позвала на помощь Катюшу и Мику — дѣтей тети Маши.

Гамъ и бѣготня стояли въ квартирѣ дикіе. Каждый стулъ и шкафъ горланилъ и стучалъ... Трудно было бы предположить, что на столь маломъ пространствѣ возможно будетъ поднять такую шумную сумятицу. И мебели, и посуды, и занавѣсокъ оказалось такъ много, какъ если бы не четыре всего комнаты было, а четырнадцать, и не скромная, простоватенькая обстановка была здѣсь, а цѣлые мебельные склады...

Перерѣшили: столовую перенесли въ спальню, а кабинетъ „выгнали вонъ". Тамъ, гдѣ былъ кабинетъ, устроили „уголокъ для барышень". Вынесли отсюда все, письменный столъ Михаила Борисовича и его книги, выбросили даже „Статьи М. Б. Золотницкаго"... Правда, переносила альбомъ Вѣрочка очень бережно, съ обычной любовной почтительностью, но когда попали потомъ „Статьи" въ руки Катюши, не знавшей толкомъ, что это за предметъ такой, она уронила альбомъ на полъ, и при этомъ отлетѣла прочь съ коричневой кожи буква *а*. Такъ что выходило теперь не „Статьи", а „Сттьи".

Вѣрочка чуть не заплакала отъ огорченія и неловкую Катюшу обозвала слономъ пробабельмандебскимъ и неповоротливой таракуцкой. Но дѣлу это не помогло, и Катюша потомъ, работая и суетясь, все старалась произнести „сттьи... сттьи", и смѣялась весело.

— Глупая таракуцка, уходи отсюда вонъ! — сказала разсерженная Вѣрочка.

И тутъ же, захлебываясь отъ смѣха, стала и сама лопотать:

— Сттьи... сттьи...

V.

Съ мужемъ Нина Григорьевна обо всемъ, что происходитъ въ квартирѣ, не говорила. Чувствовала и видѣла, что ему тяжело и понимала, что онъ силится подавить печаль и подавить не можетъ. Не могла и она.

Когда не было Михаила Борисовича дома, и она оставалась съ Вѣрочкой, съ Катюшей и Микой, она, обвитая веселостью и беззаботнымъ смѣхомъ дѣвочекъ, такъ входила въ роль, что и сама металась весело и беззаботно, какъ онѣ... Любовалось сердце ребячьей радостью, ничего не требовало для себя и забывало и скорбь, и обиду. Но являлся Михаилъ Борисовичъ, сумрачный, неразговорчивый, — и вставало въ душѣ чувство тоскливое, смотрѣли глаза несмѣло и грустно, и улыбка становилась пугливой и дѣланной...

Точно сама была она виновата. И томила потребность оправдаться, просить прощенія.

Нина Григорьевна пыталась шутить. Своей улыбкой пробовала она вызвать улыбку на лицѣ мужа. Но поняла скоро, что не надо этой улыбки, что теперь отъ улыбки тоскливѣе и темнѣе становится на душѣ. И ужъ лицо ея оставалось серьезнымъ, почти суровымъ.

Михаилъ Борисовичъ ни о чемъ не спрашивалъ. Молча смотрѣлъ, какъ выносятъ его столъ, его книги... А когда стали передвигать шкафъ и понадобилась его помощь, онъ взялся тащить шкафъ.

Онъ не одобрялъ всѣхъ этихъ плановъ и дѣйствій, но и не порицалъ ничего. Не выражалъ удовольствія и не высказывалъ огорченія. Молчалъ, и лицо было у него холодное.

Два настроенія, точно два тока, — тепло отъ печки и свѣжая прохлада изъ открытой форточки. Щебетаніе, хлопотливо-веселый визгъ дѣвочекъ, и унылое, сумрачное молчаніе отца... И что-то непрочное, неувѣренное было въ квартирѣ, и неизвѣстно было — доведено ли будетъ до конца дѣло уборки и устройства, или вдругъ перервется, и затѣмъ по старымъ и обычнымъ мѣстамъ станетъ все.

Вечеромъ 31 числа Михаилъ Борисовичъ надѣлъ свое пальто съ кенгуровымъ воротникомъ, сильно облѣзлымъ спереди у крючковъ и сзади, на поперечномъ швѣ посрединѣ, — и ушелъ. А черезъ часъ вернулся, и изъ кармановъ торчали золотая и синяя головки бутылокъ...

Вынулъ бутылки изъ кармановъ, сорвалъ съ нихъ оберточную бумагу и поставилъ бутылки на столъ.

— Вотъ. Кахетинское.

— Мишенька, да гдѣ жъ ты досталъ? — радостно вскрикнула Нина Григорьевна.

Лицо Золотницкаго было сумрачно и темно, какъ всегда.

— Сослуживецъ одинъ уступилъ... у него тамъ протекція... Онъ хлопоталъ для себя къ празднику, я выпросилъ.

— Очень мило, папа, — сказалъ Володя, разглядывая этикетки. — Это ты отлично распорядился. А то, по правдѣ сказать, встрѣчать Новый годъ и пить какой-то сиропчикъ... Это для дѣвицъ...

— Ты самъ дѣвица! — огрызнулась Вѣрочка.

За эти дни хлопотъ и хозяйственныхъ стараній она расцвѣла и какъ будто пополнѣла... Щеки такъ и распирало по сторонамъ, точно лежало во рту, за каждой щекой, по яблоку. Володя посмотрѣлъ на нее, одобряя взглядомъ, и сказалъ:

— Ничего, ничего, подрастай.

... Раздвинули столъ. Въ новомъ положеніи столъ шатался, такъ что подъ ножку пришлось подсунуть сложенную вчетверо карточку. Накрыли скатертью. Разставили посуду. Фрукты въ вазахъ, бутылки съ виномъ и квасомъ, стаканы, ножи, вилки, варенье съ торчащими изъ него ручками стеклянныхъ ложечекъ, все сверкало и весело искрилось, какъ дѣтскіе крики на лугу. Былъ и павлинъ изъ фраже, а хвостъ раздутъ вѣеромъ, и каждое перо хвоста — фруктовый ножикъ.

— Шикъ, шикъ, — кричала Вѣрочка, хлопая пухлыми ладонками: — Браво, bis.

— Ничего себѣ, — одобрилъ и Володя.

Онъ изъ другой комнаты — изъ „уголка барышень“ — оглядывалъ столъ.

— А ла геръ комъ а ла геръ, — почему-то прибавилъ онъ. Не совсѣмъ точно, повидимому, зналъ смыслъ поговорки... — А съѣздъ господъ приглашенныхъ начнется, я думаю, въ одиннадцатомъ часу.

— Ну, такъ, теперь мы къ тетѣ Машѣ, — сказала Нина Григорьевна.

Она нарядилась по-праздничному, въ лучшее, что имѣла: лиловое съ черными кружевами платье. А Михаилъ Борисовичъ надѣлъ сюртукъ и бѣлый галстухъ.

Галстухъ былъ для воротника стояче-отложного, но стояче-отложного чистаго не нашлось, пришлось надѣть отложной, и къ этому воротнику галстухъ не прилегалъ. Все съѣзжалъ на бокъ...

Долго и хлопотливо прилаживали галстухъ. Прикалывали булавками, укрѣпляли „машинку". А галстухъ все лѣзъ на сторону, какъ живой, или становился вертикально.

— Ахъ, да ну, пусть его, — морщась вскрикивалъ Михаилъ Борисовичъ, — не на придворный балъ собираемся.

— Неловко все-таки, — отвѣчала Нина Григорьевна. — На людяхъ непріятно.

Вѣрочка тоже безпокоилась, чтобы не смѣялись надъ папкой. И Володя, со своей стороны, объяснилъ, что была когда писаревщина да прошла, теперь эстетика завоевываетъ всѣ позиціи, и къ вопросамъ изящества вовсе не слѣдуетъ проявлять пренебрежительное отношеніе. Хотя, съ другой стороны, папѣ чего такъ бояться, онъ все равно молодцомъ и имѣетъ видъ профессора.

Человѣкъ, имѣющій видъ профессора, бросилъ торопливый взглядъ на сына, и незамѣтно вздохнулъ... Нина Григорьевна взглянула на часы и, увидѣвъ, что уже четверть одиннадцатаго, стала торопиться особенно лихорадочно.

— Ну-съ, дѣтки, до свиданія!.. Веселитесь хорошенько, ѣшьте, пейте, угощайте и будьте ласковы съ вашими гостями.

— Оль-райтъ, — весело одобрилъ Володя. И голосъ его прозвучалъ по-дѣвичьи высокимъ меццо-сопрано.

А Вѣрочка запрыгала отъ радости.

— Будемъ, мамулька, будемъ.

— Все въ порядкѣ? — окидывала послѣднимъ взоромъ столъ и комнату Нина Григорьевна. — Кажется, все... Ну, идемъ...

Всѣ четверо столпились въ передней. Коптѣла надъ головой лампа. Володя, самый высокій изъ всѣхъ, поправилъ... Михаилъ Борисовичъ стучалъ объ цыновку ногами, надѣвая калоши.

— Я буду амфитріономъ, — весело говорилъ Володя. — Амфитріонъ, Илларіонъ, Никтопаліонъ...

Отъ него пахло цирюльней, изъ которой онъ недавно вернулся, и новенькая тужурка стояла на немъ безъ складочки, охватывала его осторожно, какъ футляръ скрипку. Онъ былъ въ очень хорошемъ настроеніи, въ томъ именно добромъ, слегка приподнятомъ, пріятно возбужденномъ на-

строеніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, когда ждетъ добраго и оживленнаго общества, милой бесѣды, въ которой надѣется быть остроумнымъ и блестящимъ, и когда знаетъ напередъ, что успѣхъ и общее вниманіе ему обезпечены...

— Господа родители, — неожиданно сказалъ онъ: — а можетъ быть, вы остались бы съ нами?

Михаилъ Борисовичъ сильнѣе топнулъ ногой. Лампочка затряслась, да и стѣны, кажется, вздрогнули. Зато нога уже сразу вошла въ тѣсную калошу...

— Идемъ, Нина.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, папа, — сказалъ Володя: — можетъ быть у васъ нѣтъ особой охоты уходить?

Вѣрочка кинулась на шею матери и крѣпко стиснула черный пушистый „подъ скунскъ" воротникъ.

„И она предложитъ остаться, — промелькнуло въ головѣ Золотницкаго: — А можетъ быть, и остались бы?.."

— До свиданія, мамуля!.. — кричала дѣвочка. — До свиданія! А увидимся уже въ будущемъ году.

— Не остри, — сказалъ Володя.

И ладонью пригладилъ свои глянцевитые, на бокъ причесанные волосы.

— Я вовсе не острю, оселъ, — обидѣлась Вѣрочка. — Я такъ... И во-первыхъ, я вовсе не къ тебѣ обращаюсь... Мамочка, поздравь съ Новымъ годомъ тетю Машу.

— Да, и отъ моего имени поздравьте, господа родители!.. А мы будемъ здѣсь пить за ваше общее здоровье.

Михаилъ Борисовичъ открылъ дверь. Какая темь!

VI.

Не холодно. Снѣгъ лежитъ свѣжій, выпалъ подъ вечеръ. А улица не людная. Движенія мало, и дорожекъ не протоптали.

Мѣстами зеленѣютъ элекрическіе фонари. Раскачиваются, и отъ этого тѣни шевелятся по снѣгу и по стѣнамъ домовъ. Мороза нѣтъ совсѣмъ, того и гляди начнетъ таять. Тихо. На перекресткѣ стоятъ сани. Лошадь дремлетъ. Извозчикъ, припавъ головой на сложенныя впереди руки, спитъ. Долго можетъ такъ спать, — мѣсто глухое, сѣдокъ потревожитъ нескоро.

Золотницкіе идутъ и молчатъ.

Онъ высокій, худой, съ вздернутыми кверху плечами.

Она небольшая, кругленькая, шагаетъ около него суетливо, скорепько перебирая ногами, и порою сопитъ, — трудно по снѣгу!.. Идутъ, молчатъ, какъ молчатъ ихъ тѣни на снѣгу...

О чемъ говорить?

О постороннемъ — противно. О томъ, чѣмъ полна душа, — нѣтъ силъ.

Идутъ. Молчатъ.

Вотъ женская гинмазія. Здѣсь учится Вѣрочка. Домъ большой, трехъ-этажный, съ колоннами. Передъ домомъ — аллейка изъ молодыхъ тополей. Каждый день тутъ проходитъ Вѣрочка. Вѣрочка проходитъ тутъ два раза въ день...

Вотъ Соборная площадь. Какая обширная! Не площадь — поле. Здѣсь Володя играетъ въ футболъ... Да, это здѣсь Володя играетъ въ футболъ.

Михаилъ Борисовичъ идетъ на полъ-шага впереди жены. Ужъ пересѣкли они Рѣчную улицу. На этой улицѣ живетъ тетя Маша. Если къ тетѣ Машѣ, нужно свернуть налѣво. Золотницкій не сворачиваетъ. И Нина Григорьевна, ни о чемъ не спрашивая, идетъ за нимъ. Она понимаетъ мужа... Какое тамъ „къ тетѣ Машѣ"?.. Развѣ пойдутъ они къ тетѣ Машѣ! Развѣ можно теперь къ людямъ? Развѣ можно теперь туда, гдѣ свѣтло, гдѣ весело, гдѣ шумятъ и улыбаются?..

На улицахъ тихо, пусто, бѣло.

Въ ночь подъ праздникъ, въ особенности зимой, есть въ воздухѣ, въ небѣ, во всѣхъ домахъ, даже въ мостовой, и въ шумѣ и въ безмолвной улицѣ что-то новое, свое, необычное. Какое-то особенное выраженіе и смыслъ. Не уложить этого въ слова, не схватить ясными чертами, не найти ни штриховъ, ни пятенъ, чтобы это передать, но чувствуешь, чувствуешь отчетливо, что не такая эта ночь, какъ ночи другія. Сама по себѣ она, отдѣльная, иная, у ней и лицо, и душа отмѣчены Божьимъ дыханіемъ, и дыханіемъ этимъ начинаешь ужъ дышать и самъ.

Золотницкіе идутъ среди бѣлизны и безмолвія и не знаютъ, куда придутъ... Встрѣчаютъ теперь Новый годъ въ клубѣ, — по три пятьдесятъ. съ бокаломъ шампанскаго. Собираются для встрѣчи и въ кондитерской Паризо... Но въ эти мѣста нельзя, какъ нельзя къ тетѣ Машѣ... Всего легче все-таки брести вотъ такъ, безъ словъ, однимъ, по

свѣжему снѣгу, по слѣпымъ и соннымъ мѣстамъ города, гдѣ заборы и пустыри. Это легче всего...

Однако, устали ноги. И уже тяжелымъ и короткимъ сдѣлалось дыханіе Нины Григорьевны. Сердце...

— Что жъ, зайдемъ? — спросилъ Золотницкій.

Полутораэтажный, дряхлый домъ стоялъ передъ ними, какой-то слѣпой, со ставнями наружу. Надъ дверью вывѣска: „Чайная".

Въ чайной никого... Не за стойкой, а впереди ея, привалившись къ стойкѣ спиной, дремлетъ на табуретѣ хозяинъ, рябой мужикъ. На немъ, поверхъ коричневой рубахи изъ бумазеи, сѣрый жилетъ. Лѣваго глаза нѣтъ, — вѣроятно вышибли въ дракѣ. Мѣсто, гдѣ долженъ быть глазъ, затянуто плоскими вѣками. А межъ вѣками блеститъ узкая бѣлесая полоска. Непріятно смотрѣть на него... Въ чайной нехорошо пахнетъ жирнымъ варевомъ и махорочнымъ дымомъ. И холодно. Какъ будто холоднѣе, чѣмъ на улицѣ.

— Нѣтъ чаю, — поздно.

Голосъ у хозяина такой же непріятный, глухой и сумрачный, какъ и вся эта чайная. Лицо злое, варнацкое. Много, должно быть, злого и подлаго дѣлалъ этотъ человѣкъ на своемъ вѣку, и еще больше злого и звѣрскаго дѣлали съ нимъ...

Золотницкіе сидятъ за столикомъ, а на столѣ бутылка и два нетронутыхъ стакана съ розовой жидкостью. Молчали на улицѣ, молчатъ и здѣсь. Михаилъ Борисовичъ разстегнулъ пальто. Виденъ его парадный черный сюртукъ и крахмальное бѣлье съ бѣлымъ галстухомъ. Въ убогой чайной, несчастной и грязной, какъ ночлежка, чѣмъ-то дикимъ кажется этотъ бѣлый галстукъ... Словно нелѣпую смѣющуюся гримасу корчитъ умирающій...

— Что жъ не пьете? — хрипитъ хозяинъ. — Пейте... Запирать время.

И опять они бредутъ по улицамъ. Дома безмолвные, спокойные... Длинный дощатый заборъ, и толстой, бѣлой кишкой лежитъ на немъ снѣгъ. Двухъ-этажный домъ, съ крылечкомъ, а надъ крылечкомъ вывѣска „Дѣтскій садъ". Вѣрочка не ходитъ въ этотъ „дѣтскій садъ". Но когда была маленькой, Вѣрочка ходила въ „дѣтскій садъ".

Вѣрочка и Вѣрочка. И Володя... Вся душа заполнена ими. Такую боль причинили они сегодня, такую горь-

кую и темную обиду, а сердце такъ и таетъ отъ нѣжности и любви къ нимъ. И мысль все время о нихъ — о дѣтяхъ... Свободна и широка улица. Свободна степь за ней, а тамъ, дальше, безъ краевъ и предѣловъ великій Божій міръ. Но сердцу тѣсно въ этомъ мірѣ, — да ничего ему тамъ и ненужно, а хорошо ему и сладко и уютно было бы только здѣсь, въ этомъ домѣ, гдѣ остались дѣти.. И рвется туда сердце. И оно все смотритъ на нихъ. Оно видитъ ихъ — такими, какія они теперь, и такими, какими были когда-то, много лѣтъ назадъ... Маленькія... Еще не ходятъ. Еще только начинаютъ лепетать... Первыя слова. Первыя игрушки... Первые костюмчики... Вотъ уже и калошки купили Володѣ... Вотъ записали его первое изреченіе въ кожаный альбомъ съ серебряными буквами на переплетѣ... Какъ чудесно коверкалъ онъ слова. „Возгалъ“... „Пянтиця“... „Почему что“... А какія милыя, прелестныя, умилительныя были выходки!.. Все записано въ кожаномъ альбомѣ, все...

Однажды Михаилъ Борисовичъ разсердился на жену. Вышла шумная, недобрая сцена. Въ приступѣ раздраженія, Михаилъ Борисовичъ говорилъ рѣзкія, грубыя слова. Вѣрочка— ей шелъ пятый годъ — слушала, слушала, и личико ея кривилось отъ печали... И полная состраданія къ матери, полная недоумѣнія, зачѣмъ мамѣ такой сердитый человѣкъ, она изъ своего угла вдругъ говоритъ:

— Мама, лучше бы ты со мной поженилась...

Вспоминаетъ теперь Нина Григорьевна эти слова своей дѣвочки, и улыбка является въ ея глазахъ, ей хочется плакать.

Другое приходитъ ей на память. Испуганный подбѣгатъ маленькій Володя къ тетѣ Машѣ. Та спрашиваетъ: „за что на тебя накричала мама?“ Сквозь слезы, мальчикъ объясняетъ „за то, что я уронилъ чашку и не разбилъ“.

Научившись у няньки, Вѣрочка произносила „постирамши, пообѣдамши“. Вернется трехлѣтняя особа съ прогулки и объясняетъ: „Уже, мамочка, мы уже погулямши“. А сказку про кота въ сапогахъ она разсказывала такъ: „Онъ, котъ, не русскій, а волшебный. Сапоги у него человѣческіе, а пелерина котная“...

Весь отдѣлъ „Наши дѣти“ изъ кожанаго альбома прочитываетъ мысленно Нина Григорьевна. И пополняетъ его другими воспоминаніями, такими трогательными, такими

умиленно-радостными... Какъ любила она свою маленькую дѣвочку! И серьезно спрашивала себя: неужели возможно чувство болѣе сильное? Между тѣмъ, съ каждымъ годомъ любовь къ дѣтямъ все возростала и возростала... О, если бы возможно было теперь прижать къ себѣ Вѣрочку... О, если бы услышать голосъ Володи!.. Но тихо и глухо на улицахъ, молчали дома, молчали деревья подъ снѣгомъ, и мрачно надъ ними темное небо безъ звѣздъ.

...Вотъ какой-то домъ. Кирпичный, двухъ-этажный, съ двумя балкончиками. Точь-въ-точь такой домъ, какъ тотъ, въ которомъ живутъ Золотницкіе. Въ верхнемъ этажѣ три окна освѣщены. Въ нихъ мелькаютъ фигуры. Тамъ, видно, людно и шумно. Должно быть встрѣчаютъ Новый годъ... Да, да, это встрѣча Новаго года.

Золотницкіе, ни слова другъ другу не сказавъ, остановились, подняли кверху головы... Смотрятъ въ освѣщенныя окна дома, — дома, который такъ похожъ на домъ другой, на тотъ домъ, въ которомъ живутъ они сами... Вѣдь и тамъ тоже встрѣчаютъ теперь Новый годъ... Они стоятъ и смотрятъ...

— Боже мой, да вѣдь насъ дѣти выгнали, — со стономъ вскрикиваетъ вгругъ Михаилъ Борисовичъ. — Безъ насъ имъ пріятнѣе лучше... Они насъ выгнали...

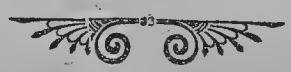
Высокій, прямой, широкій въ плечахъ, онъ склоняется къ женѣ, припадаетъ крупной головой къ ея плечу, къ воротнику „подъ скунскъ“ и начинаетъ всхлипывать.

Нина Григорьевна поднимаетъ къ его лицу руки, гладитъ его вислыя щеки и, силясь владѣть собой, шепчетъ:

— Все-таки, Миша... все-таки... они же насъ все-таки любятъ...

На улицѣ тихо... Нѣтъ никого... На снѣгу рѣзко чернѣетъ оброненная муфта. И отъ несвоевременной оттепели снѣгъ потихоньку осѣдаетъ.

Д. Айзманъ.



КЪ МОРЮ.

Съ англійскаго. Изъ Фелиціи Гименсъ.

Гдѣ же море мое? Я тоскую вдали —
Гдѣ родное лазурное море?
Тамъ несутся одинъ за другимъ корабли,
Вольный вѣтеръ поетъ на просторѣ.

Я тоскую по голосу шумныхъ валовъ,
Я привыкла въ торжественномъ хорѣ
Съ дѣтства слышать напѣвъ неземныхъ голосовъ, —
Гдѣ родное лазурное море?

Слышу, гдѣ-то играетъ свирѣль пастуха,
Листья съ вѣтромъ въ живомъ разговорѣ...
Но душа ко всему остается глуха, —
Гдѣ родное лазурное море?

Здѣсь дыханье цвѣтовъ только душу томитъ,
Нѣжный вѣтеръ несетъ мнѣ лишь горе.
Мое сердце тоскуетъ по немъ и болитъ, —
Гдѣ родное лазурное море?

Елизавета Жиркова.

„ИСЧЕЗЪ ЧЕЛОВѢКЪ“.

II[1]).

(ИЗЪ НАСТРОЕНІЙ ВЪ СЕРЕДИНѢ ВОЙНЫ.)

I.

Раннимъ утромъ, въ серединѣ января 1916 года меня разбудилъ звонокъ. Когда вслѣдъ за тѣмъ щелкнулъ ключъ и скрипнула парадная дверь, я окликнулъ:

— Телеграмма?

— Нѣтъ, васъ какой-то господинъ спрашиваетъ, — отвѣтила горничная.

— Господинъ? — удивился я.

— Тысячу разъ извините, — послышался незнакомый голосъ.

Вставъ съ кровати и накинувъ одѣяло, я заглянулъ въ прихожую. Тамъ въ млечно-сѣромъ свѣтѣ зимней зари виднѣлась черная фигура.

— Что вамъ угодно?

— Не узнаете?

— Зажгите, Лиза, электричество.

При яркомъ свѣтѣ обнаружился господинъ въ длинной черной буркѣ и громадной волосатой папахѣ.

— И теперь не узнаете? — повторилъ онъ вопросъ.

Я отрицательно качнулъ головой.

— Вѣхинъ...

— Вѣхинъ?...

— Помните, — студентъ на Кавказѣ?

— Семенъ Борисовичъ?

— Онъ самый.

— Ни за что не узналъ бы, если бы не сказали. Ну, разоблачайтесь, — я сейчасъ.

---

[1]) См. „В. Европы“, іюль-августъ, стр. 109.

— Ради Бога, продолжайте спать, — мнѣ рѣшительно ничего не надо. Позвольте лишь гдѣ-нибудь прилечь.

— Пожалуйста. Лиза, постелите на диванѣ.

— Никакой постели мнѣ не нужно. Гдѣ этотъ диванъ?

— Возлѣ самой двери изъ прихожей, сейчасъ направо.

— Вижу, вижу... Спасибо.

Покуда горничная принесла постель, Вѣхинъ уже спалъ.

— Разбудить ихъ, что ли? — спросила Лиза.

— Нѣтъ, не троньте.

И квартира моя опять погрузилась въ сонъ.

Утромъ въ гостиной я увидѣлъ, что Семенъ Борисовичъ снялъ лишь ботфорты и, укрывшись съ головой буркою, уснулъ, не раздѣваясь. Крайне заинтересованный неожиданнымъ его появленіемъ, я до одинадцати часовъ ждалъ пробужденія Вѣхина, но такъ и не дождался. Уйдя затѣмъ изъ дому, я возвратился около четырехъ часовъ пополудни и первымъ дѣломъ справился о Семенѣ Борисовичѣ.

— Онъ еще спитъ, — съ оттѣнкомъ тревоги заявила Лиза.

— Спитъ до сихъ поръ?..

— И даже не ворухнулись.

— Что за исторія?..

Я не на шутку взволновался и рѣшилъ приподнять бурку. Подъ нею, лежа на спинѣ, раскрывъ ротъ и разбросавъ руки, мертвецкимъ сномъ почивалъ Вѣхинъ. Вздымавшаяся грудь и пышущее здоровьемъ бронзоваго цвѣта лицо не оставляли сомнѣнія, что Семенъ Борисовичъ не нуждается ни въ какой медицинской помощи.

— Ну и спятъ же? — удивлялась горничная.

— Должно быть, сильно усталъ. Пусть его спитъ.

Я опять прикрылъ Вѣхина.

Только около девяти часовъ вечера онъ зашевелился и кашлянулъ. Я зажегъ электричество. Семенъ Борисовичъ, хмуря глаза, нѣсколько секундъ молча смотрѣлъ такимъ взглядомъ, словно ничего не соображаетъ. Затѣмъ, улыбнувшись, произнесъ какъ бы про себя: „совсѣмъ ошалѣлъ“... и обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Который часъ?

— Девять вечера.

— Что-о? Сколько же я спалъ?

— Да, такъ, часовъ около четырнадцати.

— Чортъ знаетъ что!.. Простите, пожалуйста...

— За что?

— За безпокойство.

— Извиняйтесь за что хотите, но только не за безпокойство: за время сна вы, по словамъ Лизы, даже „не ворухнулись“, а до сна произнесли лишь нѣсколько словъ.

— Нѣтъ, безъ шутокъ, мнѣ ужасно совѣстно... Разбудилъ на зарѣ, нахально ввалился, еще нахальнѣе развалился и на четырнадцать часовъ завалился!.. Я считаю нужнымъ сейчасъ же привести смягчающія вину обстоятельства. Мой поѣздъ запоздалъ, вслѣдствіе чего ушелъ тотъ единственный поѣздъ, который, безъ пересадки, могъ бы доставить меня по назначенію, — слѣдовательно, — мнѣ предвидѣлось цѣлыя сутки провести на вокзалѣ. Я и примирился бы съ этимъ, если бы тамъ можно было прикурнуть. Но на вокзалѣ нельзя было даже присѣсть. Между тѣмъ я не спалъ уже нѣсколько ночей. Поэтому рѣшилъ взять номеръ въ гостиницѣ и отдохнуть. Но, увы, въ шести гостиницахъ, которыя я посѣтилъ, не оказалось ни одного номера, а въ седьмой сначала потребовали за ночь пять рублей, а когда узнали, что у меня нѣтъ вещей, — вовсе не пустили. Пришлось ѣхать обратно. По пути на вокзалъ увидѣлъ вывѣску редакціи газеты и, по ассоціаціи идей, вспомнилъ, что вы проживаете въ этомъ городѣ. Дай, думаю, спрошу. Захожу, и первый же встрѣтившійся какой-то господинъ съ оттискомъ газетнаго листа сообщилъ мнѣ, что вы въ городѣ и далъ вашъ адресъ. Вотъ я, потерявъ стыдъ и совѣсть, и рискнулъ направиться къ вамъ.

— Отъ души радуюсь такому совпаденію.

— Но, вотъ исторія, — вдругъ спохватился Вѣхинъ, — какъ же меня Измаилъ разыщетъ?

Семенъ Борисовичъ поднялся, свѣсилъ съ дивана ноги и, надѣвая сапоги, продолжалъ:

— Онъ ушелъ, зная лишь о моемъ рѣшеніи — остаться на вокзалѣ.

— Да кто это Измаилъ?

— Развѣ не помните? Горецъ, у котораго проживалъ Шкворневъ.

— Какъ не помнить! Чуть не застрѣлилъ меня!..

— Ну такъ, вотъ, мы съ нимъ вмѣстѣ бѣжали съ Кавказа.

— Бѣжали?

— Форменно бѣжали. Это, батенька мой, цѣлая Одиссея. Тѣмъ-то и объясняются мои безсонныя ночи.

— Любопытно... Надѣюсь, вы изложите мнѣ вашу „Одиссею“.

— Съ превеликимъ удовольствіемъ. Но какъ мнѣ быть съ Измаиломъ?

— Позвольте, — онъ съ вами долженъ и дальше ѣхать?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ вы встрѣтитесь съ нимъ на вокзалѣ предъ отходомъ вашего поѣзда.

— Совершенно вѣрно: безъ меня онъ не уѣдетъ.

— А теперь идемъ ужинать и пить чай. Предварительно, можете умыться.

— Большое вамъ спасибо. Признаться, я чувствую теперь такую же потребность въ удовлетвореніи голода, какъ утромъ хотѣлось мнѣ спать.

— Долженъ только извиниться: оставленный вамъ на ужинъ обѣдъ совсѣмъ остылъ.

— Если бы онъ покрылся даже ледяною корою, то и въ такомъ случаѣ не избавился бы отъ уничтоженія. Мнѣ кажется, что я былъ бы въ состояніи ѣсть морскую гальку.

— Ну такъ идемъ.

Вѣхинъ всталъ, поднялъ руки вверхъ, крякнулъ, потянулся, сладко зѣвнулъ и пошелъ умываться.

Аппетитъ Семена Борисовича былъ, дѣйствительно, завидный. Конфузливо улыбаясь и ежеминутно извиняясь, онъ дочиста съѣдалъ все, что ему ни подавалось, и за все время ужина не произнесъ ни единаго слова. Вѣхинъ заговорилъ лишь тогда, когда, окончивъ ужинъ, закурилъ папиросу и сдѣлалъ нѣсколько глотковъ чаю.

— Теперь, — началъ Семенъ Борисовичъ, — постараюсь отплатить за ваше гостепріимство, если моя Одиссея можетъ имѣть для васъ какую-либо цѣнность. Только придется сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы бѣгство съ Кавказа связать съ предшествующими событіями.

— Я просилъ бы васъ начать съ того момента, когда мы разстались съ вами.

— Я такъ и думаю сдѣлать.

Вѣхинъ допилъ стаканъ чаю, попросилъ налить другой, облокотился на столъ, подперъ голову рукою и приступилъ къ повѣствованію.

— Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда нашъ лазаретъ, за

отсутствіемъ новыхъ больныхъ, ликвидировалъ свои дѣла. Доктора взяли на войну; почти одновременно совершенно опустѣли гостиницы, а также и курортъ вообще. Въ послѣднемъ осталось, быть можетъ, какой-нибудь десятокъ или полтора пріѣзжихъ, задержанныхъ по независящимъ отъ нихъ причинамъ. Тогда жизнь моя спаялась, можно сказать, съ жизнью Шкворнева, Леночки и Володи.

— Володи?

— Да.

— Но вѣдь онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ нами.

— А черезъ два дня уже возвратился.

— Вотъ оно что! Странно, что Леночка ни слова мнѣ объ этомъ не сказала.

— А развѣ вы ее видѣли?

— Какъ же... Впрочемъ, она была такъ взволнована, что и не могла всего передать.

Я разсказалъ Вѣхину о печальномъ свиданіи, когда Леночка сопровождала тѣло Шкворнева.

— Я слыхалъ о трагической его кончинѣ, но впервые отъ васъ узнаю, что Леночка съ матерью Шкворнева ѣздила на театръ военныхъ дѣйствій. Къ слову, — гдѣ же теперь Елена Алексѣевна?

— Я не получилъ отъ нея ни одной строчки и не знаю, гдѣ она въ настоящее время.

— Но, быть можетъ, она и до сихъ поръ въ усадьбѣ Шкворнева?

— Ничего не могу сказать.

— А какой адресъ усадьбы?

— Я запомнилъ лишь названіе деревни и полустанціи, откуда къ ней ѣхать, но есть ли это адресъ и для писемъ — не знаю.

Вѣхинъ вынулъ изъ бокового кармана книжку, записалъ въ ней названіе деревни и полустанціи, а затѣмъ продолжалъ:

— На чемъ, бишь, я остановился?

— На Володѣ.

— Да, да. Не зная, какъ мотивировать свое возвращеніе, онъ первый день краснѣлъ, какъ дѣвица. Но уже на второй день обошелся, такъ какъ увидѣлъ, что наши мысли текутъ мимо него и совершенно не затрагиваютъ тайниковъ его души. Въ центрѣ нашей жизни стоялъ Шкворневъ. Онъ продолжалъ мучительно доискиваться смысла существо-

ванія и не находилъ его. Я старался доказать необходимость пересмотрѣть старые устои жизни, — быть можетъ, среди нихъ еще имѣются крѣпкія подпорки. Особенно мнѣ хотѣлось возвратить его любовь къ наукѣ. Но на это онъ какъ-то записалъ собственноручно въ моей книжкѣ слѣдующее мѣсто изъ „Фауста“.

Семенъ Борисовичъ досталъ изъ бокового кармана записную книжку, открылъ нужную страницу и прочелъ:

„Все книги, книги, — что мнѣ въ нихъ?
„И долженъ ли прочесть я эти сотни книгъ,
„Чтобъ убѣдиться въ томъ, что въ мірѣ все страдало
„Всегда, какъ и теперь, и что счастливыхъ мало?
„Я думалъ — къ истинѣ вы — ключъ надежный мой,
„Но если ключъ блеститъ отдѣлкой мастерской,
„Все жъ, бѣдному, ему не разрѣшить вопроса.
„При свѣтѣ дня покрыта тайна мглою.
„Природа свой покровъ не сниметъ передъ нами“...

— Нечего было заикаться и о христіанствѣ, — продолжалъ, прочитавъ стихи, Вѣхинъ, — такъ какъ и оно вѣдь не воспрепятствовало безпримѣрному кровопролитію. Послѣднимъ козыремъ я считалъ соціализмъ, демократію, — не въ нихъ ли спасеніе человѣчества? Не въ этой ли средѣ скрылся „исчезнувшій человѣкъ“? Но и здѣсь я долженъ былъ спасовать, — Шкворневъ одержалъ побѣду. Она тѣмъ болѣе была тяжкою, что одержана неожиданно, черезъ три или четыре дня, въ теченіе которыхъ я и Леночка лелѣяли мечту, что для больной мысли Шкворнева найденъ выходъ, что онъ постепенно, быть можетъ, вытѣснитъ безнадежную idée fixe Ильи Петровича. Въ тотъ злополучный вечеръ мы устроили въ опустѣвшей гостиницѣ нѣчто въ родѣ пирушки, при чемъ Леночка впервые рѣшила сѣсть за рояль. Не забуду этого вечера... Загасивъ огни, Шкворневъ, я и Володя сидѣли у открытыхъ оконъ, черезъ которыя въ залъ проникали лучи луннаго свѣта и освѣщали милое лицо нашей любимицы. Съ рѣдкимъ вдохновеніемъ она играла семнадцатую сонату Бетховена. Володя не сводилъ съ Леночки влюбленныхъ глазъ, а Илья Петровичъ, облокотившись на подоконникъ и подперевъ рукою голову, задумчиво смотрѣлъ на серебрившееся море. Когда прозвучалъ послѣдній аккордъ сонаты и смолкли дивные звуки рояля, Шкворневъ совершенно неожиданно обратился ко мнѣ съ рѣчью. Сначала мы даже не поняли въ чемъ дѣло, но скоро все выяснилось.

— Вотъ эта соната перенесла меня въ Германію, — воз-

бужденно заговорилъ Шкворневъ, — и напомнила о томъ, что вы, Семенъ Борисовичъ, говорили мнѣ третьяго дня. Долженъ вамъ сказать, что нѣкогда и я, какъ въ Бога, вѣрилъ въ нѣмецкую соціалъ-демократію. На ней, главнымъ образомъ, базировалъ я, утверждая въ то время, что немыслима война среди европейскихъ народовъ; къ этому убѣжденію я пришелъ путемъ простыхъ ариѳметическихъ вычисленій, которыя я и сейчасъ могу воспроизвести. Въ 1903 году, когда населеніе Германіи не превышало шестидесяти милліоновъ, соціалъ-демократы получили три милліона десять тысячъ голосовъ. Если у каждаго соціалъ-демократа была, — а этого не могло не быть, — одна женщина, раздѣляющая его взгляды (мать, жена, сестра, невѣста), — то вотъ вамъ уже шесть милліоновъ двадцать тысячъ принципіальныхъ противниковъ войны, соціалистовъ, лозунгомъ которыхъ является единеніе народовъ на началахъ справедливости. А такъ какъ взрослое населеніе составляетъ не болѣе пятидесяти процентовъ общаго числа населенія, то въ Германіи, въ тысяча девятьсотъ третьемъ году было, слѣдовательно, около тридцати милліоновъ взрослыхъ, по отношенію къ которымъ соціалъ-демократы составляли, значитъ, двадцать процентовъ. Принимая во вниманіе, что горячо убѣжденные, активные дѣятели всегда находятъ себѣ не мало адептовъ въ индифферентной средѣ толпы, названные двадцать процентовъ имѣли полную возможность пробить широкое русло для общественнаго мнѣнія противъ войны, тѣмъ болѣе, что, въ сущности говоря, соціалъ-демократамъ приходилось бы вліять даже и не на восемьдесятъ процентовъ. Дѣло въ томъ, что въ войнѣ принимаютъ активное участіе только мужчины. Для Германіи эта цифра выражается пятнадцатью милліонами солдатъ. А для такого количества общественное мнѣніе шести милліоновъ должно было бы сыграть рѣшающую роль: вѣдь одна треть германской арміи состоитъ изъ соціалъ-демократовъ! Если же этого не случилось, то, значитъ, нѣмецкая соціалъ-демократія, являющаяся родоначальницею соціалъ-демократіи всего міра, не играетъ ровно никакой роли въ дѣлѣ обновленія человѣчества. Она обѣщала устроить рай на землѣ, а не могла въ самый критическій моментъ охранить даже жизнь человѣка, не могла предотвратить невиданнаго кровопролитія, подобнаго которому не было отъ созданія міра. Кого же теперь можетъ привлечь лозунгъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, объединяйтесь?“ Кто пойдетъ подъ это знамя, если этотъ

„пролетаріатъ“ сцѣпился, схватилъ другъ друга за глотку, и „товарищи“ душатъ одинъ другого? Любопытно — „пролетаріи всѣхъ странъ“ указываютъ, что они находятся „въ состояніи обороны“. Ссылка, поистинѣ, странная. На это можетъ указывать буржуазія, но не пролетаріатъ. Развѣ не онъ настаивалъ, что ничто въ мірѣ не должно заставить пролетаріатъ уничтожать одинъ другого? Онъ не имѣлъ никакого нравственнаго права въ самой малѣйшей степени способствовать военнымъ дѣйствіямъ!

Возбужденный до послѣдней степени, Шкворненъ умолкъ. Мы съ Леночкой тревожно переглянулись. Она дала мнѣ понять, чтобы я не возражалъ, но я и не думалъ этого дѣлать, такъ какъ, захваченный врасплохъ, не зналъ даже, что и возразить. Тягостная пауза длилась нѣсколько минутъ. За это время Шкворневъ какъ будто успокоился и уже тономъ много менѣе страстнымъ сказалъ:

— Я теперь къ демократіи отношусь такъ, какъ обманутый горячо любимой женою мужъ. Утромъ демократія громила буржуазію, говорила, что не имѣетъ съ ней ничего общаго, что стремится къ благу и счастью человѣчества, а ночью того же дня ее застаютъ подъ однимъ одѣяломъ съ буржуазіей. Нѣтъ, ужъ если исчезъ человѣкъ, то его нельзя найти ни подъ мундиромъ, ни подъ фракомъ, ни подъ синею блузою — нигдѣ!..

Илья Петровичъ досталъ изъ кармана кошелекъ, вынулъ оттуда свернутый клочекъ газетной бумаги и, передавая его мнѣ, сказалъ: „прочтите завтра — это вамъ матеріалъ для полемики со мною“. Клочекъ этотъ я наклеилъ въ этой же книжкѣ.

Вѣхинъ опять сталъ перелистывать послѣднюю и, найдя вырѣзку, пододвинулъ мнѣ книжечку и сказалъ: „вотъ, прочтите“. И я прочелъ слѣдующее: „Редакторъ с.-д. „Chemnitzer Volksstimme“, Гейльманъ, находящійся нынѣ на военной службѣ, пишетъ — въ статьѣ „Страна Боты и страна Грея“ — о долгѣ германскихъ с.-д. передъ родиной:

„Германскія войска въ юго-западной Африкѣ принуждены были сдаться послѣ того, какъ изсякли запасы пищи и военныхъ матеріаловъ — судьба, которую англичане готовятъ Германіи. Никакая соціалистическая доктрина не сумѣетъ покончить съ войною: войну можно окончить лишь побѣдою. Къ сожалѣнію, еще одинъ разъ въ исторіи судьбу рѣшитъ кровь и желѣзо. Интернаціоналъ нынѣ мертвъ, и Марсъ ца-

ритъ надо всѣмъ. Не разумъ и справедливость, а побѣдоносное оружіе и политическая мудрость принесутъ намъ миръ. Мы должны разгромить нашихъ враговъ и разбить ихъ на голову, чтобы разорвать кольцо, насъ окружающее. Условія мира, въ одномъ случаѣ — мягкія, въ другомъ — суровыя, должны сдѣлать въ будущемъ невозможнымъ повтореніе политики изолированія Германіи... Ругательное слово „аннексіонистъ“ можетъ пугать теперь однѣхъ лишь лошадей. Рѣчь идетъ о спасеніи и побѣдѣ, а не о завоеваніи и аннексіи. Не забывайте германской юго-западной Африки. Съ врагомъ можетъ быть лишь одинъ разговоръ: наступить ему колѣномъ на грудь. А если среди насъ пара святыхъ шамкаютъ о томъ, какъ ужасна судьба французскихъ рабочихъ, мы имъ отвѣтимъ: „французскіе рабочіе остаются мужами, даже когда мы обмѣниваемся пулями съ ними, а вы — старыя бабы. „Пусть же вѣчно мятущіяся души играютъ въ интернаціоналѣ роль Веррины — я иду къ Гинденбургу“.

— Утромъ, на слѣдующій день, — между тѣмъ продолжалъ Семенъ Борисовичъ, — Шкворневъ отправился въ комиссію и больше не возвращался. Когда узнали, что оттуда онъ уѣхалъ на фронтъ, оставили Кавказъ Леночка и, конечно, Володя. Я тотчасъ же почувствовалъ неимовѣрную пустоту...

Вѣхинъ умолкъ, нагнулся надъ стаканомъ, медленно сталъ пить чай и, наморщивъ лобъ, задумался. Казалось, что ему больно было вспоминать о „неимовѣрной пустотѣ“ и, быть можетъ, отзвукъ этой „пустоты“ онъ чувствовалъ и сейчасъ.

— Изъ вашего разсказа, — нарушилъ я молчаніе, — получается впечатлѣніе, будто отъѣздъ Шкворнева былъ внезапный, неожиданный, — такъ ли это?

— Совершенно вѣрно — всѣ мы были озадачены и взволнованы. Было очевидно, что, безстрашно вскрывъ дѣйствительность, онъ логическимъ путемъ подошелъ къ пропасти...

— Ни вы, значитъ, ни Леночка не оказали вліянія на его психику?

— Лично я врядъ ли и могъ оказать, потому что самъ былъ настроенъ по его камертону. Что же касается Леночки, то ея роль была много важнѣе. Словами я даже не могу опредѣлить эту роль. Какъ бы это?.. Бываютъ такіе дни, когда мрачныя тучи плывутъ по небу, предвѣщая грозу, но время отъ времени сквозь нихъ проглядываютъ голубое небо

и лучи солнца. И въ эти моменты тучи не кажутся уже мрачными и загорается надежда, что онѣ расползутся. Вотъ такъ и мы чувствовали себя въ присутствіи Леночки. Она молчала, почти не принимала участія въ нашихъ бесѣдахъ, но скользнетъ, бывало, взоръ по этому милому лицу, встрѣтится со взглядомъ этихъ большихъ, глубокихъ, вдумчивыхъ глазъ, и какъ-то легче дѣлалось на душѣ, проявлялась какая-то вѣра, надежда. Но, къ сожалѣнію, тучи жизни были такъ густы, такъ мрачны и безпросвѣтны, что рѣдко давали возможность пробиваться лучу и, наконецъ, онѣ захватили все наше существованіе. „Вотъ и конецъ!..“ — произнесла Леночка таинственную фразу, когда мы узнали, что Шкворневъ отправился на фронтъ. Бѣдный Володя поблѣднѣлъ отъ этихъ словъ. „Почему конецъ?“ — спросилъ онъ.

— Это я такъ себѣ, — былъ отвѣтъ. Но, однако, какъ я сказалъ, она оставила Кавказъ.

II.

Вѣхинъ опять умолкъ и опять задумался, но пауза была краткая.

— Все, мною до сихъ поръ сказанное, — продолжалъ онъ послѣ молчанія, — и есть то „вступленіе“, о которомъ я говорилъ. Теперь я перейду къ своей Одиссеѣ, но предварительно долженъ еще сдѣлать связь бѣгства съ предшествующими событіями.

— Пожалуйста.

— А вамъ не надоѣло меня слушать?

— Искренно говорю, что слушаю съ захватывающимъ интересомъ.

— Очень радъ... Такъ вотъ, когда уѣхали Шкворневъ и Леночка съ Володей, я остался съ Измаиломъ, который, — слѣдуетъ замѣтить, — былъ непремѣннымъ нашимъ членомъ при всѣхъ экскурсіяхъ въ горы и обязательно угощалъ насъ „шашликомъ“. Въ скоромъ времени прошелъ слухъ о войнѣ съ Турціей, и тутъ мнѣ пришлось на дѣлѣ убѣдиться въ справедливости положенія Шкворнева, что „безнравственная въ своей основѣ война, вся проникнутая произволомъ, насиліемъ и презрѣніемъ къ человѣческой личности, вызываетъ только низменные инстинкты, заглушая все человѣческое“. Казалось бы, что, въ виду общей бѣды, предъ лицомъ, такъ сказать, смерти, должны бы проявиться — солидарность.

лагородство, мужество. Но ничего подобнаго не было. Въ омутѣ поднявшейся паники всѣ, кто могъ, старались возможно больше наловить въ свою пользу рыбы. Проявилась неимовѣрная алчность къ легкой наживѣ. Проживалъ тамъ, напримѣръ, добродушнѣйшій, казалось, грекъ, Ксенофонтъ. Онъ имѣлъ, между прочимъ, жалкій автомобилишко, на которомъ боявшихся моря пассажировъ возилъ на станцію желѣзной дороги, взимая по 15—20 рублей съ человѣка. Но какъ только пронесся слухъ о войнѣ, Ксенофонтъ въ первый же день повысилъ плату до 100 руб. съ человѣка, а затѣмъ бралъ по 150 р. и даже по 200 руб.! Я былъ свидѣтелемъ какъ одна дама, со слезами на глазахъ умоляла увезти ее съ двумя маленькими дѣтьми за 100 р., такъ какъ больше у нея денегъ не было. Но Ксенофонтъ лишь нагло разсмѣялся ей прямо въ лицо. Демократія не отставала отъ буржуазіи, и дрогали, напр., и линейщики ничуть не уступали Ксенофонту. Одинъ дрогаль, ранѣе бравшій до станціи съ человѣка многомного 5 р., сажая на дроги въ одну лошадь четырехъ пассажировъ, съ трудомъ соглашался везти названную даму за... 80 р.! Фельдшеръ, служившій ранѣе въ нашемъ лазаретѣ, сталъ требовать за „совѣтъ у себя на дому“ по 5 руб., а за визитъ по 8—10 руб.! Между тѣмъ, это былъ никуда негодный фельдшеръ, не имѣвшій никакого представленія о медицинѣ. О торговцахъ и говорить, конечно, нечего. Они тотчасъ же припрятали всѣ товары и, мало-по-малу внося ихъ обратно въ лавки, клялись, что все это „товары новые“, пріобрѣтенные съ невѣроятнымъ трудомъ, и назначали невозможныя цѣны. При этомъ мелкіе торговцы брали много дороже крупныхъ. Словомъ, началась оргія, при которой всѣ, имѣвшіе малѣйшую возможность, драли съ „ближнихъ своихъ“ по семи шкуръ. „Ближніе“, конечно, вопили, но при этомъ замѣчалось, что въ жалобахъ слышалась нота зависти: „вотъ повезло такому-то (имя рекъ) подлецу“, — говоритъ кто-либо, но вы ясно чувствовали, что если бы жалующійся очутился на мѣстѣ этого „подлеца“ — онъ, конечно, не уступилъ бы ему въ алчности, а, быть можетъ, и превзошелъ бы его. Мнѣ противно стало жить на бѣломъ свѣтѣ, хотѣлось куда-нибудь бѣжать, но для поѣздки по сухому пути у меня не было средствъ, а о морѣ не могло быть и рѣчи. Оно окончательно опустѣло, и не видно было на немъ ни единаго даже паруснаго суденышка. Море превратилось въ пустыню.

Единственное существо, съ которымъ я имѣлъ дѣло, былъ

Измаилъ. Наша жизнь сложилась весьма своеобразно. Слѣдуетъ замѣтить, что съ давнихъ временъ Измаилъ на зиму нанимался сторожемъ въ гостиницѣ, въ которой — помните? — мы проживали. Раньше она цѣликомъ вручалась на его попеченіе, а теперь испугавшійся хозяинъ вывезъ почти все имущество, забилъ двери и окна и отвелъ Измаилу только кухню. Вотъ въ этой-то кухнѣ я съ нимъ и поселился. При другихъ условіяхъ жить въ ней было бы, пожалуй, даже сносно, но война создала такую обстановку, что и не въ кухняхъ существованіе сдѣлалось тяжкимъ. Все начальство скрылось въ первую голову, оставивъ взамѣнъ себя стражника, которому было предписано строжайше слѣдить, чтобы не топили печей по вечерамъ и не зажигали бы огня. Сдѣлавшись единственнымъ и неограниченнымъ владыкою, стражникъ цѣлыя сутки пилъ вино, которымъ его охотно угощали обыватели, и по цѣлымъ днямъ въ безпамятномъ состояніи шатался по всѣмъ жилымъ помѣщеніямъ и спотыкающимся языкомъ требовалъ не топить печей и не зажигать огня. Онъ дошелъ даже до того, что воспрещалъ по вечерамъ курить, и лишь поившіе его виномъ пользовались исключеніемъ, — они угощали стражника папиросами и курили вмѣстѣ съ нимъ. Въ ненастные дни Измаилу, исполнявшему и роль повара, приходилось вечерній чай и ужинъ, состоявшій, какъ и обѣдъ, изъ одного „шашлика", изготовлять въ погребѣ, дабы не проявлять свѣта. Я сказалъ „въ ненастные дни", такъ какъ при хорошей погодѣ мы съ ранняго утра и до поздней ночи уходили въ горы на такое разстояніе отъ курорта, чтобы дымъ нашихъ костровъ не былъ виденъ съ моря. Только здѣсь, въ тѣсномъ единеніи съ природой, я оживалъ и лѣчилъ свои душевные и тѣлесные недуги.

По лицу Вѣхина скользнула улыбка. Онъ сдѣлалъ небольшую паузу, сѣлъ вполоборота ко мнѣ, оперся на столъ и, казалось, прижмурилъ глаза. Затѣмъ, какъ бы созерцая природу Кавказа, продолжалъ:

— Хорошъ, безподобенъ Кавказъ въ весеннее и лѣтнее время, но очарователенъ онъ и въ зимніе дни. Лишь только выглянетъ солнышко, взоръ приковывается къ ослѣпительно яркой красотѣ. Всѣ горы въ это время, — рѣшительно всѣ, — бываютъ убраны дѣвственно бѣлымъ одѣяніемъ, и алмазами переливается оно подъ бирюзовымъ небомъ въ рамкахъ хвойныхъ лѣсовъ. А когда изъ бѣлизны горъ летитъ, гремя и

горя брилліантами, водопадъ, то прямо нѣмѣешь, созерцая подобную картину. И если вы видите меня бодрымъ и здоровымъ, то за это слѣдуетъ благодарить лишь мать-природу. Нужно думать, что я одичалъ бы окончательно, сдѣлался горцемъ что ли, если бы Измаила не укусила какая-то муха. Дѣло началось съ того, что въ ненастную погоду онъ сталъ исчезать, возвращаясь иногда въ глубокую полночь. Долженъ признаться, что въ такія ночи жутко мнѣ было въ громадномъ зданіи. Днемъ нервы постоянно напрягались тяжкими впечатлѣніями отъ горя и животнаго страха, проявляемаго населеніемъ. Бабы голосили, какъ по покойникамъ. Плакали онѣ и потому, что ихъ отцы, братья и сыновья взяты на войну, и потому, что постоянно ждали турокъ, которые, по мнѣнію женщинъ, должны были разгромить все имущество и „перерѣзать" всѣхъ жителей. И вотъ, когда въ ненастные дни тьма опускалась на землю и загоняла меня въ мою кухню, я, въ ожиданіи Измаила, переживалъ жуткія минуты. Съ воемъ и свистомъ вѣтеръ стучитъ въ двери и окна, гремитъ желѣзомъ на крышѣ, шуршитъ гдѣ-то сухими листьями, а взволнованное воображеніе изъ безпросвѣтной тьмы вызываетъ кровавые образы грабителей, или непріятеля, высадившагося на берегъ, откуда доносился глухой, сердитый ревъ моря. Въ такія ночи я не спалъ до возвращенія Измаила. На вопросъ — гдѣ ты, Измаилъ, пропадаешь? — былъ всегда краткій отвѣтъ: „дэло былъ". Затѣмъ мой пріятель завертывался въ бурку, ложился, отрицая кровать, на полъ и тотчасъ же громкимъ храпомъ оглашалъ кухню. Подъ аккомпаниментъ этой музыки засыпалъ и я.

Однажды, незадолго до бѣгства нашего, Измаилъ, возвратившись почти на зарѣ, заявилъ: „Ѣдэмъ Россія — нѣмца рѣзать". — Какъ же мы это поѣдемъ? — задалъ я вопросъ, не придавая, по правдѣ сказать, значенія словамъ горца. — „Лодка ѣдэмъ, — категорически отвѣтилъ онъ и прибавилъ: молчи, никому говори". — Да ты съ ума сошелъ, Измаилъ! „Зачѣмъ мэнэ ходыть, ты хотышь ѣхать и я хотышь".

Сказавъ это, Измаилъ улегся спать и, по обыкновенію, мгновенно захрапѣлъ, а я, взволнованный его заявленіемъ, ворочался съ боку на бокъ. Когда наступила хроническая непогода, не позволявшая жить среди природы, я, дѣйствительно, сталъ думать о поѣздкѣ въ Россію, но и въ мысляхъ у меня не было, чтобы въ зимніе штормы ѣхать на лодкѣ.

На другой день утромъ я сталъ допытываться у Измаила,

насколько основательны его планы, и къ ужасу моему убѣдился, что рѣшеніе его безповоротно. „Не бойся, — уговаривалъ онъ меня, — грекъ повезетъ“, и добавилъ: „армининъ много бижитъ, — армининъ грекъ везетъ“. Кто это былъ „грекъ“, какой „армининъ“ и почему „бижитъ“, я рѣшительно ничего не понялъ. Дня черезъ два послѣ этой бесѣды Измаилъ заявилъ, что „грекъ“ за двоихъ беретъ 20 р., каковые я долженъ заплатить, такъ какъ у него, Измаила, денегъ нѣтъ. Я отвѣтилъ, что на лодкѣ ѣхать боюсь. Измаилъ разсердился и сталъ почти кричать на меня: „не бойся! скажу тэбэ, — грекъ армининъ Трапезонтъ везетъ — живой! Одынъ разъ — будышь здыхать, другой разъ — не будышь здыхать. Турокъ придотъ — рѣзать будытъ“. Въ концѣ концовъ, онъ утѣшилъ меня, что беретъ на дорогу „цѣлый барашекъ“ и что мы „шашликъ будэмъ кушать“.

Въ этотъ навѣки памятный для меня день Измаилъ ушелъ изъ квартиры почти въ полдень. Черезъ нѣкоторое время явился другой горецъ, совсѣмъ уже не говорившій по-русски, и мимикою пояснилъ, что онъ вмѣсто Измаила будетъ сторожемъ гостиницы. Не оставалось сомнѣнія, что мой пріятель осуществитъ свое ужасное намѣреніе. Я совсѣмъ ошалѣлъ и весь охваченный вопросомъ — ѣхать или не ѣхать? — инстинктивно, не отдавая себѣ отчета, пихалъ въ ручной сакъ все, что попадалось подъ руки. Между тѣмъ наступилъ вечеръ. Въ окна стали стучаться гонимыя вѣтромъ капли дождя со снѣгомъ, бѣлыми звѣздами прилипавшимъ къ темнымъ стекламъ и таявшимъ на нихъ; а съ моря доносился грохотъ и стонъ. Я рѣшилъ, что въ такую погоду не можетъ быть и рѣчи о поѣздкѣ и, укрывшись буркой, улегся спать, какъ это еще въ началѣ вечера сдѣлалъ замѣститель Измаила, присутствіе котораго успокоительно дѣйствовало на мою нервную систему. Должно быть, я крѣпко уснулъ, такъ какъ не слышалъ ни лая Жучки, ни прихода Измаила. Послѣдній, разбудивъ меня, тономъ, не терпящимъ возраженій, сказалъ: „ѣдэмъ!“ Спросонья я даже не сообразилъ, въ чемъ дѣло, но затѣмъ, очнувшись, обомлѣлъ при мысли о поѣздкѣ. „Ѣдэмъ! — между тѣмъ торопилъ Измаилъ, — грекъ готова“. Я молчалъ, борясь самъ съ собою: остаться? — но тогда, быть можетъ, вовсе не придется выбраться отсюда. — Ѣхать? — но вѣдь это неминуемая гибель... А Измаилъ лѣзъ съ ножемъ къ горлу. Я попытался пойти на компромиссъ: „подождемъ хорошей погоды“... — „Погода самый лючій, — отвѣтилъ

на это Измаилъ, — морда разобьешь — ничыво не выдышь, турка не выдытъ, ничего не выдытъ". Ничего больше не оставалось, какъ ѣхать.

На дворѣ, въ безпросвѣтной тьмѣ шумѣлъ дождь, завывалъ вѣтеръ и ревѣло море. — „Дэржись за мэнэ! — скомандовалъ Измаилъ. Я ухватился за его бурку и, насунувъ на голову капюшонъ, двигался съ тупою покорностью барана, или быка, котораго ведутъ на убой. Скользя по грязи, шлепая по водѣ, я вслѣдъ за быстро шедшимъ Измаиломъ то спускался въ какія-то пропасти, то взбирался вверхъ, то протискивался сквозь густые кустарники. Не знаю, сколько времени мы шли, но путь показался мнѣ чрезвычайно длиннымъ и утомительнымъ. Закончился онъ спускомъ къ морю. Здѣсь Измаилъ остановился, чтобы всмотрѣться въ тьму. Спустя немного, послышался звукъ взводимаго курка. Я вздрогнулъ, ожидая выстрѣла, но Измаилъ, приложивъ свой ротъ къ моему уху, шепнулъ: „ложысь брухо!" — и тотчасъ же самъ припалъ къ землѣ. Скоро послышалось сильное шуршанье гальки, и какъ разъ подлѣ насъ прослѣдовали какіе-то всадники. Когда шорохъ стихъ, Измаилъ осторожно поползъ въ противоположную сторону. Я слѣдовалъ его примѣру, охваченный теперь тревожною мыслью не только о поѣздкѣ, но и о другой какой-то грозящей намъ опасности. Такъ мы ползли, покуда не послышались чьи-то тихіе голоса. Тогда Измаилъ сталъ на ноги, приподнялъ меня, подставилъ свою спину такъ, что я упалъ на нее, схватилъ подъ колѣни, заклепалъ по водѣ, бросилъ меня на дно лодки, самъ влѣзъ въ нее и, подавъ мнѣ руку, провелъ на носъ, гдѣ и самъ расположился.

Лодка ютилась, должно быть, въ какомъ-то, защищенномъ отъ вѣтровъ заливѣ и только слегка колыхалась въ разныя стороны; въ ней были еще какіе-то люди, но тьма съ дождемъ не дозволяла разсмотрѣть ихъ. Скоро захлопали паруса; лодка накренялась то вправо, то влѣво и затѣмъ двинулась впередъ; гулъ моря дѣлался все слышнѣе и слышнѣе, и одновременно почувствовалась носовая и килевая качки. „Держись!" — наклонившись, крикнулъ Измаилъ, сдавливая меня своими колѣнами. И въ этотъ самый мигъ лодка вздрогнула, рванулась, взвилась вверхъ, а я, оглянувшись на Измаила, увидѣлъ на носу лодки смертъ въ бѣломъ

покрывалѣ; съ злобною пѣною бросилась она на лодку, схватила за носъ и повлекла въ бездонную пропасть. Я чувствовалъ, что лечу внизъ головою, но тотчасъ же лодка опять полетѣла къ небу, и опять смерть въ бѣломъ покрывалѣ, еще болѣе разсвирѣпѣвшая, набросилась на насъ, обдала бѣшеною пѣною и опять увлекла въ пасть могилы. А вѣтеръ рвалъ паруса, билъ дождемъ и, казалось, пѣлъ ужасную панихидную пѣснь... Не могу увѣренно сказать, но думаю, что всѣ эти галлюцинаціи были у меня въ безсознательномъ состояніи. Очнулся я отъ страшнаго грохота. Мнѣ почудилось сначала, что гремитъ громъ. Такому впечатлѣнію способствовало и то обстоятельство, что время отъ времени появлялся свѣтъ, напоминавшій молнію. При этомъ свѣтѣ я увидѣлъ, что лодка со спущенными парусами колыхалась въ какой-то щели съ высокими берегами. Спутники мои, включая и Измаила, лежали на днѣ лодки, а когда я хотѣлъ приподняться, Измаилъ безцеремонно схватилъ меня за ноги, подтащилъ къ себѣ и сдѣлалъ знакъ, чтобы я лежалъ. Только теперь я сообразилъ, что земля, вода и небо содрогаются отъ ужасныхъ, повидимому, недалекихъ, пушечныхъ выстрѣловъ, а свѣтъ исходилъ отъ прожекторовъ. „Турки!“ — мелькнуло у меня въ головѣ. И я понялъ, почему мы лежали въ лодкѣ. Между тѣмъ занималась сѣрая заря; обнаружились тяжелыя тучи, низко и быстро бѣжавшія надъ землей и моросившія мелкимъ, какъ пыль, холоднымъ дождемъ. Пушечные выстрѣлы дѣлались все рѣже и рѣже и, наконецъ, стихли. Приподнялась чья-то фигура съ чернымъ лицомъ, черными, какъ уголь, глазами и ястребинымъ носомъ. Бросивъ взоръ на оба берега и въ сторону моря, сдѣлавъ затѣмъ какой-то знакъ, фигура медленно сползла съ лодки и, достигнувъ берега, распласталась на землѣ. То же самое продѣлали и остальные, а въ томъ числѣ и я. Въ этомъ мѣстѣ въ заливъ вливалась небольшая рѣчка, густо поросшая кустарниками. Доползши до послѣднихъ, мои спутники вытащили изъ-подъ бурокъ кинжалы и револьверы; первые они взяли въ зубы, а вторые, взведя курки, каждый держалъ въ правой рукѣ; въ такомъ видѣ, при помощи одной лишь лѣвой руки, они продолжали ползти, какъ звѣри, подстерегающіе добычу. Я въ точности копировалъ ихъ движенія, съ тѣмъ различіемъ, что, не имѣя ни кинжала, ни револьвера, могъ использовать обѣ руки. Долгимъ показалось мнѣ время, пока мы доползли до небольшого, скрытаго кустами отвер-

стія въ берегѣ рѣки, куда одинъ за другимъ и влѣзли. Оказалось, что эта дыра, въ которую могъ пролѣзть только одинъ человѣкъ, вела въ громадную пещеру, видимо, часто посѣщаемую, такъ какъ, несмотря на темноту, кто-то быстро разыскалъ сухія дрова, и скоро у самаго входа запылалъ яркій костеръ. Только теперь я почувствовалъ невѣроятную усталость и прямо повалился на землю. Но Измаилъ грозно крикнулъ: „Не спы!.. Сдохнэшь!.. Снымай надо!..“ Я не понимая, въ чемъ дѣло, поднялъ отяжелѣвшія вѣки и безсмысленно смотрѣлъ на него. Тогда Измаилъ быстро схватилъ меня, поднялъ, снялъ бурку и продолжалъ кричать: „Снымай надо!“ Тутъ только я сообразилъ, что надо раздѣться. Когда я приступилъ къ этому, то оказалось, что бѣлье, промокшее до нитки, такъ прилипло къ тѣлу, что его надо было стягивать. То же самое дѣлали и всѣ мои спутники, вѣшая одежды на приготовленные уже ранѣе козлы. Забѣлѣли голыя, мокрыя тѣла. Сначала я почувствовалъ такой холодъ, что дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Но, спустя немного, въ пещерѣ сдѣлалось прямо жарко. Тогда я свалился на теплый песокъ и заснулъ такимъ же сномъ, какъ вотъ спалъ у васъ. Пробужденъ я былъ невѣроятнымъ крикомъ на неизвѣстномъ мнѣ нарѣчіи и увидѣлъ такую картину голыя тѣла, озаренныя краснымъ свѣтомъ костра, со свирѣпыми черными глазами и сверкавшими бѣлыми зубами, съ кинжалами въ рукахъ наступали на одного изъ спутниковъ. Послѣдній, также вооруженный кинжаломъ, рѣшилъ, повидимому, защищаться. Я онѣмѣлъ отъ ужаса, ожидая убійства. Но въ этотъ моментъ тотъ, котораго обступили, вдругъ бросилъ кинжалъ на землю, подошелъ къ одеждамъ и, порывшись въ нихъ, швырнулъ къ костру громадный кошелекъ. Измаилъ схватилъ его, присѣлъ на корточки, вытряхнулъ изъ кошелька бумажныя, золотыя и серебряныя деньги и сталъ дѣлить ихъ среди сидѣвшихъ также на корточкахъ остальныхъ спутниковъ. Затѣмъ часть денегъ они положили обратно въ кошелекъ и передали бросившему его. Послѣдній пересчиталъ полученное, улыбнулся и, оскаливъ зубы, сталъ жать руки недавнимъ противникамъ. Тотчасъ же откуда-то появились двѣ туши молодыхъ барашковъ. Ихъ разрѣзали на куски, нанизали на большіе вертела и, при веселомъ говорѣ, Измаилъ и владѣлецъ кошелька стали изготовлять шашлыкъ. Такая мирная картина прогнала страхъ, и я кашлянулъ, чтобы дать знать о моемъ пробужденіи.

— Ставай! — весело обратился ко мнѣ Измаилъ, — иды шашликъ кушай!

Я не заставилъ себя долго упрашивать, такъ какъ чувствовалъ необыкновенный голодъ, и немедленно присоединился къ компаніи.

Вѣхинъ пристально взглянулъ на меня и сказалъ:

— Очень радъ, что мое повѣствованіе, повидимому, интересуетъ васъ.

Семенъ Борисовичъ былъ правъ, — я слушалъ его съ захватывающимъ интересомъ, что выражалось, вѣроятно, и на моемъ лицѣ.

— Вы не ошиблись, — отвѣчалъ я, — я слушаю ваше повѣствованіе съ такимъ же интересомъ, какъ въ дѣтствѣ слушалъ страшныя сказки няни, или когда гимназистомъ читалъ фантастическія произведенія Купера, Майнъ-Рида, Жюля Верна, Густава Эмара. Но разница та, что вашъ разсказъ изъ дѣйствительно пережитого производитъ на меня много болѣе жуткое впечатлѣніе. Но я долженъ просить вашего поясненія, — вѣрно ли я расшифровалъ слова Измаила?..

— Какія?

— Изъ всѣхъ его отрывочныхъ фразъ, предшествовавшихъ путешествію, я вывелъ такое заключеніе: какой-то грекъ, вѣроятно, контрабандистъ, перевозилъ въ лодкѣ бѣглецовъ-армянъ изъ Трапезонда...

— Совершенно вѣрно...

— Армяне, вообще, народъ культурный и, вѣроятно, ваши спутники были тоже не дикари?

— Изъ дальнѣйшаго вы увидите, что одинъ изъ нихъ былъ врачъ, одинъ учитель и два торговца.

— Ну вотъ... Между тѣмъ картина, которую вы только-что нарисовали, перенесла меня къ жизни первобытныхъ людей, къ пещернымъ жителямъ и, во всякомъ случаѣ, къ дикарямъ. Такимъ образомъ, война слизала всю культуру...

— Вы предвосхитили мои мысли, и я, чтобы не повторяться, забѣгая немного впередъ, тутъ же приведу рядъ фактовъ, безусловно подтверждающихъ правильность вашихъ взглядовъ. За шашлыкомъ мы разговорились, при чемъ оказалось, что армянскій врачъ окончилъ русскій университетъ и прекрасно говоритъ по-русски. И вотъ что онъ мнѣ разсказалъ. Преслѣдуемый турками, зарѣзавшими предварительно изнасилованную ими жену, докторъ скрылся въ горы, гдѣ встрѣтился съ учителемъ и торговцами. Я съ трудомъ

сдержалъ слезы, когда докторъ передавалъ о перенесенныхъ страданіяхъ, дѣлая паузы отъ спазмъ, душившихъ его горло. Послѣ долгихъ скитаній онъ и его спутники добрались какъ-то къ морю и, укрываясь въ разныхъ ущельяхъ берега, натолкнулись близъ Трапезонда на грека-контрабандиста, который взялся на лодкѣ доставить ихъ въ Нахичевань на Дону, съ платою впередъ по сто рублей съ человѣка. Торговцы при бѣгствѣ успѣли захватить съ собою вмѣстѣ триста рублей слишкомъ, но грекъ требовалъ четыреста рублей. Послѣ долгихъ переговоровъ онъ, наконецъ, согласился, что въ Нахичевани онъ получитъ не только недостающую сумму, но еще сто рублей, въ обезпеченіе чего ему выдана была расписка. И въ то время, какъ гдѣ-то возлѣ Трапезонда совершалась эта сдѣлка, Измаилъ узналъ, что нерѣдко бѣглые армяне пристаютъ для отдыха въ глухихъ ущельяхъ близъ нашего курорта. А узнавъ объ этомъ, онъ рѣшилъ ѣхать, чтобы „рѣзать нѣмцевъ". Я до сихъ поръ не знаю, чѣмъ онъ руководствовался, — тѣмъ ли, что хочетъ вступить добровольцемъ въ армію, или Измаилъ подлежитъ призыву и ѣдетъ, чтобы присоединиться къ кавказской арміи, которая, по его словамъ, отправлена на европейскій театръ военныхъ дѣйствій. Какъ бы то ни было, а онъ сталъ искать случая и натолкнулся на грека, припугнувъ котораго выдачею, добился, что контрабандистъ взялъ съ насъ всего по десяти рублей.

— А что же вызвало дикую сцену?

— Нападеніе на грека?

— Да, да.

— Дѣло въ томъ, видите ли, что грекъ обязался довезти, какъ я говорилъ, до Нахичевани. Между тѣмъ, пушечная канонада въ направленіи къ Новороссійску показала, что путь прегражденъ. Тогда мои спутники дальше ѣхать отказались, заставили грека пристать къ берегу, гдѣ и потребовали возвратить половину условленной платы, такъ какъ, по ихъ расчетамъ, проѣхали только половину дороги.

— Позвольте, а развѣ лично грекъ не соглашался везти дальше?

— Вотъ тутъ-то и юридическій казусъ. Грекъ не только соглашался плыть до Нахичевани, но настаивалъ на этомъ. Но у Измаила явилось подозрѣніе, что онъ всѣхъ насъ выдастъ туркамъ, получивъ отъ послѣднихъ болѣе солидную мзду. Такъ что, собственно говоря, грекъ былъ совершенно

правъ и не обязанъ былъ возвращать деньги. Но на берегу явилось безвыходное положеніе. На лодкѣ не нужны были деньги, а на сушѣ безъ нихъ нельзя было двинуться. И вотъ, по праву сильнаго, набросились на грека и формальнымъ образомъ ограбили его. Условія, вызванныя войной, сдѣлали то, что культурные люди въ точности скопировали дикарей.

— Но почему же грекъ радовался и жалъ руки?

— Онъ, несомнѣнно, думалъ, что его убьютъ, потому что самъ грекъ при тѣхъ же условіяхъ, нужно думать, не остановился бы предъ такою мѣрою, а ему вдругъ еще половина денегъ оставлена!

— Да, это вѣроятнѣе всего... Я удовлетворенъ объясненіями. Продолжайте дальше вашу захватывающую „Одиссею", а я вамъ еще налью чаю.

— Не откажусь... Ну-съ, хорошо... Солидно покрѣпившись шашлыкомъ, который ѣли съ лавашемъ, а затѣмъ чаемъ, вскипяченнымъ въ громадномъ жестяномъ чайникѣ, не знаю, гдѣ взятомъ, мы одѣлись въ просохшія одежды и стали собираться въ путь. При этомъ выяснилось, что мы находимся въ мѣстности между Новороссійскомъ и Геленджикомъ. А такъ какъ въ направленіи перваго слышалась канонада, то, по совѣту Измаила, было рѣшено перебраться черезъ горы къ станицѣ Абинской и тамъ сѣсть въ поѣздъ. Но для того, чтобы узнать дорогу, Измаилу надо было разыскать какого-то кабардинца, живущаго по рѣчкѣ. Греку, въ свою очередь, оказалось необходимымъ повидаться съ какимъ-то грекомъ, также обитавшимъ въ этихъ мѣстахъ, и, когда смерклось, оба они, уже какъ пріятели, отправились въ поиски. Вотъ въ это-то время я разговорился съ докторомъ и узналъ то, о чемъ вамъ только что сообщилъ. Измаилъ и грекъ отсутствовали такъ долго, что явилось подозрѣніе, не бѣжали ли они отъ насъ. Лишь поздно ночью возвратился Измаилъ съ красивымъ кабардинцемъ, вызвавшимся быть нашимъ проводникомъ, съ платою по пяти рублей съ человѣка, кромѣ Измаила, съ котораго ничего не бралъ. О торгѣ не могло быть, конечно, рѣчи, и мы согласились, но съ тѣмъ, что деньги кабардинецъ получитъ лишь въ станицѣ. Проводникъ обидѣлся за недовѣріе и хотѣлъ уже уйти отъ насъ. Намъ не оставалось ничего больше дѣлать, какъ дать деньги впередъ, въ чемъ, впрочемъ, не раскаялись. Грекъ вовсе не возвратился, и мы ушли въ его отсутствіе.

Ночь была еще темнѣе предыдущей. Ничего не видя, мы, держась другъ за друга, гуськомъ слѣдовали за кабардинцемъ. Въ долинѣ рѣки было тихо, но сверху, съ крутыхъ береговъ, до насъ долеталъ какой-то тревожный шумъ.

— Нордъ-остъ! — обернувшись, воскликнулъ шедшій передо мною докторъ, — онъ насъ измучитъ... И, дѣйствительно, какъ только взобрались мы на гору, мгновенно на насъ набросились, казалось, легіоны темныхъ духовъ и стали трепать своими черными крыльями. Деревья, въ паническомъ ужасѣ шумя листьями, пригибались къ самой землѣ, словно стараясь укрыться подъ нее отъ свирѣпыхъ ударовъ бросавшагося съ горъ леденящаго вѣтра. Мы, кутаясь и инстинктивно нагнувъ, какъ бодающіеся быки, головы, старались противодѣйствовать напору стихіи. Но, задыхаясь отъ свирѣпыхъ ударовъ вѣтра, вынуждаемы были очень часто останавливаться и прилегать къ землѣ, поворачиваясь въ противоположную нордъ-осту сторону, чтобы отдышаться и чуть-чуть согрѣться...

Вѣхинъ взглянулъ на часы и спохватился:

— Батюшки, да вѣдь мнѣ скоро пора на поѣздъ!

— А не переночевать ли вамъ у меня?

— Къ сожалѣнію, не могу, — срокъ билету приходитъ... Наконецъ, Измаилъ... Но все же я закончу хотя немногими словами. Мучились мы, покуда не перевалили черезъ горы. При спускѣ было много легче. Въ концѣ концовъ мы добрались до станицы и станціи „Абинской". Въ этотъ моментъ какъ разъ шли поѣзда изъ Новороссійска, биткомъ набитые пассажирами, бѣжавшими въ паническомъ ужасѣ въ Екатеринодаръ отъ турецкой канонады. Если бы вы видѣли, какой страхъ отражался на ихъ лицахъ, какая растерянность! Съ невѣроятнымъ трудомъ удалось намъ втиснуться въ одинъ изъ такихъ поѣздовъ. Путешествіе по желѣзной дорогѣ неинтересно... Скажу только, что покуда я добрался до вашего города, три ночи не спалъ, почти не ѣлъ, а въ поѣздахъ ѣхалъ стоя.

Вѣхинъ поднялся и сталъ прощаться.

Я высказалъ желаніе ѣхать съ нимъ на вокзалъ и повидаться тамъ съ Измаиломъ.

Красивый горецъ, явившись къ поѣзду въ бѣломъ одѣяніи, въ какомъ я встрѣтилъ его впервые на Кавказѣ, былъ крайне пораженъ моимъ присутствіемъ. Не зная, какъ выразить свое удовольствіе, онъ улыбался, оскаливая свои бѣлые

зубы, крѣпко жалъ мнѣ руку, хлопалъ по плечу и, наконецъ, сказалъ:

— Ѣдимъ!.. Будэмъ шашликъ кушать...

— Да куда же вы ѣдете?..

— Нэмца рэзать буду... Наши пошелъ вся, и я идотъ...

Тутъ дали первый звонокъ, и Вѣхинъ съ Измаиломъ, расцѣловавшись со мною, поспѣшили на перронъ.

III.

Съ вокзала я возвращался на конкѣ, гдѣ сразу окунулся въ волны человѣческой жизни, которую, безвыходно сидя въ кабинетѣ, почти забылъ. Вагонъ, еле освѣщенный закоптѣлымъ фонаремъ, напоминалъ улей. Казалось, жужжали всѣ пассажиры, и надо было внимательно вслушаться, чтобы догадаться, о чемъ идетъ бесѣда. Но, спустя немного, слухъ оріентировался и сталъ полностью воспринимать людскую рѣчь.

— Скоро ли война закончится?! — долетаетъ до меня чье-то вопросительное восклицаніе. — А зачѣмъ ей кончаться? — отвѣчаетъ другой голосъ. — Какъ „зачѣмъ"?! — возмутился вопрошавшій. — Да такъ, — слышится спокойный отвѣтъ и поясненіе, — ею очень и очень многіе довольны.— „Довольны"?! — Что вы все удивляетесь? Ну, возьмите хотя бы торговцевъ, — да они благословляютъ небо за кровопролитіе и будутъ крайне огорчены прекращеніемъ его. Торговцы, батенька мой, по трупамъ ближнихъ своихъ идутъ къ безумнымъ богатствамъ... — Да-а-а, — соглашается кто-то, — ужъ и наживаются! — Денегъ много завелось, — вступилъ какой-то басъ, — одни наживаются на самой войнѣ, попросту — грабятъ тамъ, а другіе — здѣсь. Виданное ли дѣло, чтобы брилліанты да алмазы дочиста скупали? А сейчасъ ювелиры торгуютъ такъ, какъ никогда за всю свою жизнь! — Все дамы! — категорически откликнулся изъ темнаго угла хриплый пассажиръ, — особенно офицерскія жены, — мужья на фронтѣ за родину кровь свою пролив а онѣ здѣсь шелки, бархаты, брилліанты скупаютъ да за ботинки по сто рублей платятъ! — А другимъ ѣсть нечего, — послышался женскій голосъ, — вотъ, мужъ мой на службѣ — 60 руб. въ мѣсяцъ получаетъ, теперь десять добавили — семьдесятъ. Ну и что же? Пошли вчера троимъ дѣтямъ ботинки покупать, — тридцать пять рублей вынь да положь!

Половина мѣсячнаго жалованья! Да квартира тридцать рублей!.. — Это еще дешево, — перебилъ другой женскій голосъ. — Мы не въ городѣ живемъ, а въ дачной мѣстности, — отвѣтилъ первый женскій голосъ, — мужъ каждый день пѣшкомъ десять верстъ дѣлаетъ въ городъ и обратно, — потому что ѣздить не на что... Да вѣдь, надо еще пить-ѣсть, отапливаться. А цѣны на все такія, что приступу нѣтъ... Мукомолы, булочники, торговцы топливомъ — по семи шкуръ дерутъ! Невозможныя цѣны и на овощи, на яйца, на молоко, на мясо и на фрукты, — всѣ грабятъ! — А по-моему такъ, — вмѣшался свирѣпый мужской голосъ, — взять бы всѣхъ этихъ торговцевъ да въ сырой подвалъ запереть, пускай-ка знаютъ, какъ голодать да холодать! А подохнутъ тамъ, — осиновый колъ въ спину — и шабашъ!

Въ это время вагонъ прибылъ къ пункту, гдѣ мнѣ надо было пересѣсть на трамвай.

Не отошла еще моя голова отъ сплошного вопля на конкѣ, какъ въ вагонѣ трамвая наткнулся на трагическое извѣстіе. Пассажиры съ захватывающимъ интересомъ слушали сообщеніе двухъ дамъ съ заплаканными глазами, только что встрѣтившихъ, какъ выяснилось, поѣздъ съ первыми бѣженцами изъ Галиціи и Царства Польскаго.

— То, что мы видѣли, — тихимъ голосомъ, сквозь слезы говорила одна изъ нихъ, — трудно передать словами. Среди нихъ есть, напримѣръ, недавніе богачи, — теперь не только нищіе, но и потерявшіе всю семью... — Слезы стали душить даму, и она умолкла. — Я бы всѣмъ совѣтовала побывать тамъ, — заговорила еще тише другая дама, — и не только для сильныхъ впечатлѣній, а чтобы какъ-нибудь помочь ужасающему, невиданному горю... Многихъ бѣженцевъ нечеловѣческія страданія сдѣлали почти безумными... Особенно матери, потерявшія дѣтей... Нѣтъ, это ужасно!.. Больше ничего не могла сказать и вторая дама, и ее стали душить слезы. Пассажиры были удручены. Видимо, новый, незнакомый еще ужасъ сильно ударилъ по давно окаменѣвшимъ нервамъ, и они встрепенулись, какъ когда-то реагировали на свѣдѣнія о войнѣ, теперь мало кого трогавшей.

Возвратившись домой, я чувствовалъ себя словно въ угарѣ. Въ головѣ у меня все спуталось. Разсказъ Вѣхина, разговоры на конкѣ, сообщеніе дамъ въ вагонѣ трамвая и ихъ слезы. И отъ всѣхъ этихъ тяжкихъ впечатлѣній

жизни былъ тотъ же выводъ, къ которому пришелъ Шкворневъ, а за нимъ и Вѣхинъ: „исчезъ человѣкъ“. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ не было видно человѣка. Людское существованіе было пропитано звѣрскимъ жестокосердіемъ. Тѣ же низмѣнные инстинкты, которые вскрылись на Кавказѣ въ моментъ объявленія войны, то же безчеловѣчіе, о которомъ говорилъ Семенъ Борисовичъ, не только оказались присущими культурнымъ центрамъ, но развились въ нихъ еще болѣе роскошнымъ букетомъ. Наглая спекуляція, безцеремонная нажива, открытый грабежъ, животное пресыщеніе и изысканная роскошь, съ одной стороны, и голодъ, нищета, зависть и ненависть — съ другой. И больше ничего! Ни намека на рыцарство или благородство въ тылу войны! Она, эта война, не создала никакой почвы для проявленія не только высокихъ качествъ, но даже элементарной порядочности или человѣчности.

Но, быть можетъ, это обывательское пристрастіе? Быть можетъ, мрачная характеристика является плодомъ зависти къ малѣйшей состоятельности?

Желая получить отвѣты на эти вопросы, я сталъ просматривать газеты за $1^1/_2$ года войны и слѣдить за текущей прессой.

И что же? Пресса всѣхъ воюющихъ странъ, т. е. почти всего міра, выбивалась изъ силъ, чтобы показать „высокій патріотизмъ“, „безкорыстіе и самоотверженіе народовъ“, вызванные войной. Но, увы, она не могла выудить ни единаго факта благородства въ тылу! Газеты, наоборотъ, пестрѣли фактами сдиранія шкуры съ населенія. Сто процентовъ наживы считается самою низкою нормою, и кто пользуется такою „незначительною“ надбавкой, считается чуть ли не другомъ человѣчества, потому что подавляющее большинство выжимаетъ 200, 300, 400, 500 и даже болѣе процентовъ чистой прибыли. Кромѣ того, постоянно сообщалось о сокрытіи товаровъ, съ цѣлью еще большаго повышенія на нихъ цѣнъ. По стопамъ богатыхъ спекулянтовъ шли и всѣ другіе: мелкіе торговцы, базарныя торговки, торгующіе крестьяне и крестьянки — все это рвало, сколько только возможно. Одновременно шла квартирная спекуляція. Домовладѣльцы побили, кажется, рекордъ надъ всѣми. Повысивъ цѣны до размѣровъ безумныхъ, они въ то же время квартиръ не ремонтировали и старались или вовсе не топить ихъ, или топить возможно меньше. Все это мнѣ было такъ противно,

что я рѣшилъ опять и опять скрыться въ кабинетъ. Мнѣ хотѣлось только воочію увидѣть еще одинъ новый ужасъ войны — бѣженцевъ.

Я посѣтилъ станцію, куда прибылъ первый поѣздъ съ бѣженцами, вскорѣ послѣ проливного дождя. Станціонные пути, занимавшіе громадное пространство, представляли сплошное болото. Среди него стояли тамъ и сямъ товарные вагоны, а на окраинахъ болота виднѣлись высокія черныя кучи, напоминавшія тѣ грязныя кучи, которыя весною и осенью нагребаются дворниками на улицахъ городовъ. Я такъ и думалъ, что это свалки нечистотъ. Но, всмотрѣвшись въ кучи, я издали уже замѣтилъ, что онѣ шевелятся. Тогда, преодолѣвъ болотныя препятствія, я пробрался къ кучамъ и увидѣлъ, что онѣ состоятъ изъ грязнаго тряпья, въ которомъ укрываются всѣхъ возрастовъ обоего пола люди. На лицахъ большинства изъ нихъ какъ бы застылъ ужасъ. Измученные нервы ихъ возбуждались при малѣйшей тревогѣ. Вопросы, вызывавшіе воспоминанія о пережитомъ, влекли за собою у женщинъ слезы и истерическіе припадки, а у мужчинъ — сильнѣйшее волненіе, сопровождавшееся иногда проклятіями. Видомъ своимъ всѣ бѣженцы напоминали нищихъ, и съ трудомъ вѣрилось, что среди нихъ есть недавніе богачи. Не успѣлъ я получить отвѣтъ на заданный мною вопросъ одному болѣе или менѣе спокойному поляку у первой кучи, какъ ко мнѣ подбѣжалъ возбужденный незнакомый студентъ и схватилъ меня за руку со словами: „Идите, посмотрите, что тамъ дѣлается!“—„Гдѣ?“ — спросилъ я. — „Въ поѣздахъ“. И студентъ повлекъ меня. Пройдя нѣсколько путей, мы достигли товарныхъ вагоновъ. Въ одномъ изъ нихъ лежали двое мужчинъ, на одного изъ которыхъ взобрался ребенокъ. — „Вы видите, видите?!“ — сквозь слезы воскликнулъ студентъ. — „Но въ чемъ дѣло?“—„Да вѣдь это лежатъ умершіе, трупы!“— „Что вы?!“ — „Клянусь вамъ! И неизвѣстно отъ чего они умерли...“ У меня, что называется, кровь застыла въ жилахъ, а студентъ тянулъ уже меня въ другое мѣсто, къ товарнымъ вагонамъ на другой линіи. Тамъ, подъ однимъ изъ вагоновъ, почти въ водѣ лежалъ трупъ полураздѣтой женщины. У этого трупа сидѣла онѣмѣвшая отъ горя дѣвушка. Страданія ея, повидимому, уже перешли границу слезъ. Она воспаленными глазами смотрѣла на дорогіе останки, быть можетъ, матери, и не отвѣчала ни на какіе вопросы. — „Что же дѣлать? что дѣлать?!“—безнадежно обратился ко мнѣ студентъ. — „Право не

знаю, — отвѣчалъ я, — полиціи, вѣроятно, прежде всего надо заявить...“ — „Да здѣсь бѣгаетъ совершенно растерянный и, что удивительно, съ заплаканными глазами околоточный надзиратель, но онъ также не знаетъ, что дѣлать...“ — „А если бы въ городскую управу обратиться?“—„Удачная мысль... Я сейчасъ туда отправлюсь“.—И студентъ оставилъ меня, но, встрѣтившись съ полицейскимъ чиновникомъ, возвратился съ нимъ обратно. Молодой, взволнованный околоточный надзиратель заявилъ, что сейчасъ ему изъ полицейскаго участка по телефону сообщили, что уже образовалась общественная организація, которая и возьметъ въ свое вѣдѣніе и взрослыхъ и, главнымъ образомъ, дѣтей бѣженцевъ, покуда же что ему предстоитъ отправить трупы въ покойницкую при больницѣ, а ребенка — въ пріютъ. Околоточный далъ свистокъ. Появился городовой, которому и приказано было смотрѣть за трупами, дѣвушкой и ребенкомъ впредь до особаго распоряженія. Затѣмъ, обращаясь къ намъ, онъ сказалъ: „Мнѣ приказано до смѣны находиться у телефона“. Кивнувъ головой, околоточный быстро направился къ вокзалу, а меня студентъ повлекъ опять, чтобы познакомить съ какимъ-то „несчастнѣйшимъ евреемъ“. Послѣдній сидѣлъ на мокромъ тряпьѣ у одной изъ кучъ. Худое тѣло его прикрывало заплатанный во многихъ мѣстахъ черный лоснящійся балахонъ. Обутъ онъ былъ въ грязные бѣлые чулки и рваныя туфли. На головѣ виднѣлась старая ермолка, изъ-подъ которой на виски спускались длиннѣйшіе „пейсы“. Это былъ типичнѣйшій представитель ветхозавѣтнаго юго-западнаго еврейства. Я вступилъ съ нимъ въ бесѣду и тутъ только узналъ, что еврей — слѣпой. Открытые глаза не позволяли сразу замѣтить это. Семидесятипятилѣтній Хаимъ охотно сообщилъ мнѣ о своей судьбѣ. Онъ жилъ съ женой своей, Ревеккой, въ Галиціи, близъ русской границы. Его зять, Лазарь, выходецъ изъ Подольской губерніи, содержалъ тамъ, на большой проѣзжей дорогѣ корчму. У Лазаря, кромѣ жены, — дочери Хаима и Ревекки, — было еще шестеро дѣтей. Но, не взирая на большую семью, всѣ жили хорошо, потому что Лазарь, кромѣ торговли въ корчмѣ, арендовалъ еще землю, продавалъ проѣзжимъ сѣно и овесъ и занимался торговлею хлѣбомъ. Когда началась война, то корчма много разъ переходила изъ рукъ въ руки. И каждому завоевателю Лазарь съ женою Рахилью преподносили хлѣбъ и соль. — „А цо жъ зробижь, — пояснялъ на польско-украинской смѣси Хаимъ, — кеды усп

кажутъ, што голову зрѣжутъ?“ Три раза благополучно прошло безпристрастное отношеніе къ завоевателямъ, а на четвертый разъ послѣдовала гибель Лазаря: его разстрѣляли. Хотѣли то же сдѣлать и съ Хаимомъ, уже поставили его подъ выстрѣлы, но тутъ кто-то обратилъ вниманіе, что Хаимъ слѣпъ, и его отпустили. Семья, понятно, была разорена въ конецъ и убѣжала изъ своего гнѣзда. Кой-какъ добралась она до желѣзной дороги и нѣкоторое время ѣхала вмѣстѣ въ товарныхъ вагонахъ. Послѣдніе такъ были переполнены, что пассажиры прямо задыхались. Ужасъ положенія усугублялся еще тѣмъ, что среди ѣдущихъ не только были тяжко больные разными болѣзнями, включая и заразныя, но нѣкоторые умирали дорогою, и приходилось везти трупы, покуда ихъ не выносили изъ вагоновъ. Иногда эти трупы быстро разлагались, и въ вагонахъ распространялась ужасающая вонь. На одной изъ станцій объявлена была продолжительная остановка. Голодные, измученные пассажиры бросились изъ вагоновъ, чтобы добыть себѣ хоть кусокъ хлѣба, размять закоченѣвшіе члены и подышать чистымъ воздухомъ. Ушла и Рахиль со всѣми дѣтьми, исключая средняго сына, Мошки, который остался при Хаимѣ. Поѣздъ стоялъ на отдаленныхъ отъ вокзала путяхъ. То ли пассажиры ослышались, то ли измѣнено было распоряженіе, но только онъ отправленъ былъ много ранѣе, чѣмъ ожидали, и масса пассажировъ осталась на вокзалѣ. Поднялись крики, послышались вопли, но паровозъ не слушалъ ничего и все болѣе и болѣе ускорялъ ходъ. Нѣкоторые, даже дѣти, стали прыгать изъ вагоновъ и, должно быть, или совсѣмъ погибли, или были искалѣчены. Что сдѣлалось съ Рахилью и дѣтьми — гдѣ они? — Хаимъ ничего не зналъ. На открытыхъ, но ничего не видящихъ глазахъ старика показались слезы, и онъ умолкъ. Я же, пришибленный его повѣствованіемъ, чувствовалъ себя словно разбитымъ параличемъ и нѣкоторое время не могъ вымолвить ни слова. Съ чувствомъ негодованія смотрѣлъ я на какого-то оборваннаго съ землистымъ цвѣтомъ лица бѣженца, который, сидя на корточкахъ, улыбался.—„Чего вы смѣетесь?“ — не вытерпѣлъ, наконецъ, я.— „Развѣ то, — отвѣчалъ улыбавшійся, что онъ говоритъ, — горе? Чего же онъ плачетъ?“ — „Какъ, неужели вы находите смѣшною его ужасную судьбу?“ — „Смѣшного, конечно, мало, но и страшнаго немного. А, вотъ, послушайте, что съ тѣми толпами произошло, среди которыхъ бѣжалъ и я. Моя партія шла и ѣхала густою

толпою по узкому полѣсскому шоссе. По обѣ стороны его топкое непроходимое болото, такъ что свернуть никуда невозможно. Мы совершенно напоминали овецъ: когда ихъ гонятъ гуртовщики, онѣ не только прижимаются, но и лѣзутъ другъ на друга. Нашими гуртовщиками были нѣмцы, шедшіе сзади по пятамъ. Ихъ, конечно, надо было остановить. Но какъ? Единственнымъ средствомъ являлось противопоставленіе силѣ такой же силы, другими словами — надо было послать артиллерію по тому же самому шоссе, по которому шли мы, занявъ путь во всю его ширину. Въ концѣ концовъ артиллерію пустили, а что произошло съ подавляющимъ большинствомъ бѣженцевъ, — предоставляю судить вамъ. Скажу лишь, что все мое семейство — жена, дѣти, сестра и мать — погибли. Они или раздавлены, или утонули въ болотѣ — не знаю. Самъ я тоже полетѣлъ въ болото, но какъ-то уцѣпился за траву у подножія шоссейной насыпи и чудомъ спасся, какъ спаслись и еще нѣкоторые..."

Мой чичероне — студентъ — отвернулся и вытеръ рукавомъ слезы. Я тоже ощутилъ теплую влагу на глазахъ.

— Надо что-нибудь дѣлать, — шепнулъ я студенту.

— Да, — тихо отвѣчалъ онъ, — только выслушивать подобные разсказы невозможно.

Мы ушли, чтобы въ городѣ примкнуть къ организаціи по оказанію помощи бѣженцамъ. Но, подходя къ вокзалу встрѣтили громаднѣйшій товарный поѣздъ, биткомъ набитый людьми.—„Неужели еще бѣженцы?" — обратился я къ студенту. — „Вѣроятно", — отвѣтилъ онъ. Какъ только поѣздъ остановился, тотчасъ же прежде всего послышался дѣтскій плачъ; затѣмъ изъ вагоновъ стали выпрыгивать сотни оборванныхъ, истомленныхъ людей обоего пола, державшихъ на рукахъ или ведшихъ полуголыхъ дѣтей.—„Бѣженцы?"—спросилъ одного изъ пассажировъ студентъ. — „Да, — послѣдовалъ отвѣтъ, — сотни двѣ дѣтей привезли, родители которыхъ въ неизвѣстности".—„Что же дѣлать?!"—опять съ отчаяніемъ воскликнулъ студентъ. —„Не знаю, — отвѣчалъ я, — это океанъ мукъ и страданій, — какъ же и чѣмъ помочь?.." Мы молча направились къ трамваю и уѣхали въ городъ.

Всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ. То проходили передо мною картины разстрѣла несчастнаго Лазаря, то видѣлъ я, какъ прицѣливаются въ слѣпого Хаима, то мелькала предо мною мечущаяся и растерянная Рахиль, которую со всѣхъ сторонъ обступили дѣти, то, наконецъ, я видѣлъ раз-

давленные на шоссе трупы взрослыхъ и дѣтей и слышалъ вопли засасываемыхъ болотомъ людей. И всю ночь и на другой день голову мою, казалось, сверлила мысль объ этихъ несчастныхъ и абсолютно невинныхъ жертвахъ, не имѣющихъ къ войнѣ никакого иного отношенія, кромѣ жительства на территоріи, охваченной кровавою бойнею. За что постигла ихъ такая ужасающая участь, много худшая, чѣмъ судьба воиновъ? Послѣдніе знаютъ, куда и на что идутъ, какъ знаютъ и о грозящей имъ опасности. Они такъ или иначе защищаются, сами нападаютъ на непріятеля, преслѣдуютъ, бьютъ его. А эти несчастныя жертвы войны — бѣженцы?.. Совершенно беззащитные и безпомощные, они неожиданно подверглись смертельной опасности и потеряли все, что было для нихъ дорогого, что составляло ихъ жизнь! Нѣтъ ничего удивительнаго, что они проклинали всѣхъ и вся, и это обстоятельство оттолкнуло отъ бѣженцевъ общество. Впрочемъ, скоро вообще наступилъ кризисъ, такъ какъ свыкшіеся со всѣми ужасами нервы очень быстро прекратили реагировать и на это чудовищное явленіе. Вмѣстѣ съ другими остылъ и я и опять заперся въ своемъ кабинетѣ.

IV.

Весною 1916 года я получилъ большое письмо, написанное совершенно незнакомымъ почеркомъ. Взглянувъ на подпись, я узналъ, что оно было отъ Вѣхина. Первыя же строчки привели меня въ крайнее изумленіе: Семенъ Борисовичъ писалъ изъ усадьбы Шкворневой. „Какимъ образомъ онъ тамъ очутился?“ — задался я вопросомъ и впился, какъ говорится, въ посланіе. Содержаніе его было слѣдующее „Изъ дальнихъ странствій возвратясь“, я, немного оправившись, считаю долгомъ своимъ прежде всего написать вамъ. Но, право, затрудняюсь, — съ чего начать? За время нашей разлуки у меня накопилась такая масса матеріала, что, кажется, я могъ бы написать цѣлую книгу. Какъ же можно вмѣстить все это въ одномъ письмѣ? Ограничусь поэтому самымъ, съ моей точки зрѣнія, существеннымъ, изложивъ и его въ краткомъ видѣ. Начну, пожалуй, съ собственной персоны. Я уже болѣе мѣсяца обрѣтаюсь въ лазаретѣ Шкворневой, устроенномъ въ память Ильи Петровича. Иниціаторомъ была, конечно, Леночка, которая лично и осуществил свою идею при полномъ, конечно, сочувствіи Маріи Ва-

сильевны. Ниже я болѣе подробно сообщу объ этомъ лазаретѣ, какъ и о Леночкѣ, а теперь возвращаюсь къ себѣ. Моя болѣзнь явилась слѣдствіемъ отравленія на фронтѣ ядовитыми газами. Это одинъ изъ послѣднихъ перловъ современной культуры. Надъ нимъ работали выдающіеся представители науки, и потому названное изобрѣтеніе химиковъ великолѣпно отравляетъ людей. Лично я спасся какимъ-то чудомъ. Глотнувъ яда, я почувствовалъ сильную тошноту, потомъ началась рвота, далѣе — жестокій кашель, потемнѣніе сознанія и паденіе. Меня сочли за мертваго и потащили, какъ трупъ, въ ближайшій тылъ. Къ счастью, въ тотъ моментъ, когда я упалъ, денщикъ обмоталъ всю мою физіономію своею грязною, понятно, онучею, которую предварительно смочилъ водою. Это солдатское изобрѣтеніе и спасло меня отъ немедленной смерти, но, кажется, не предохранило отъ путешествія къ праотцамъ въ недалекомъ будущемъ. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ чувствую себя отвратительно. Помимо ядовитыхъ газовъ, наукою изобрѣтена еще горящая жидкость, которая также дѣйствуетъ великолѣпно, истребляя, какъ мухъ, воюющихъ. Вообще букетъ современной культуры распускается на войнѣ пышнѣе и пышнѣе. Одновременно съ отравленіемъ на сухопутномъ фронтѣ, въ моря и океаны пущены подводныя лодки, губящія всѣхъ и вся, безъ всякаго исключенія. Отправляются ко дну не только безобидные пассажиры, каковые заполняли, напримѣръ, „Лузитанію“, но даже персоналъ Краснаго Креста, находящагося подъ защитою чуть ли не всего міра: вы, конечно, знаете, что „Португалія“ потоплена на Черномъ морѣ въ яркій солнечный день, когда нельзя было не разсмотрѣть, что идетъ судно съ цѣлью оказанія медицинской помощи всѣмъ безъ исключенія больнымъ и раненымъ воинамъ. Все это дѣлается съ одобренія представителей христіанства. На-дняхъ я прочелъ проповѣдь двухъ нѣмецкихъ пасторовъ: лейпцигскаго, Цайбеля, и берлинскаго, Фрица Филиппи. Первый изъ нихъ, между прочимъ, говорилъ: „Когда наши пушки разятъ сыновъ Аполліона (т. е. сатаны); когда наши удивительныя подводныя лодки, являющіяся орудіемъ божественной мести, посылаютъ на дно моря тысячи враговъ — мы не можетъ не сознавать, что у насъ есть высшая миссія. Намъ предопредѣлено наказать нечестивцевъ всѣми средствами, находящимися въ нашихъ силахъ. Страданія ихъ дадутъ намъ радость. Ихъ вопли отчаянія не тронутъ нѣмецкаго

сердца. Съ адомъ не можетъ быть компромисса. Служителямъ сатаны нѣтъ пощады. Не будетъ жалости ни для французовъ, ни для русскихъ, ни для англичанъ. Божественный Промыслъ осудилъ ихъ на гибель". А второй проповѣдывалъ еще, кажется, лучше: „Точно такъ, — говорилъ онъ, — какъ Всевышній предалъ Своего Сына на распятіе, дабы могло совершиться искупленіе, Германіи предопредѣлено распять человѣчество, дабы осуществить спасеніе послѣдняго. Родъ человѣческій можетъ быть спасенъ только кровью, огнемъ и мечомъ.

Прежде всѣхъ въ самомъ началѣ войны такъ „спасена" была Бельгія, а потомъ — Сербія, отъ которой также ничего не осталось. Упомянувъ о Сербіи, не могу удержаться, чтобы не отмѣтить подлаго поступка по отношенію Россіи со стороны Болгаріи. На этой странѣ, между прочимъ, выяснилась вся ничтожность, такъ называемой, „народной воли". Весь народъ, помнящій избавленіе его отъ Турціи, не желалъ, говорятъ, воевать съ нами, но достаточно было кучки авантюристовъ, изъ каковыхъ состоитъ болгарское правительство, достаточно какого-то Фердинанда, Радославова и небольшой ихъ к-о, чтобы „весь" этотъ „народъ" не только пошелъ противъ Россіи, но и заключилъ союзъ съ Турціей! Однако, я такъ разболтался, что, если буду продолжать въ такомъ же духѣ, не предвидится конца моему письму. Перехожу теперь къ дѣлу, которое тѣсно связано съ нашимъ лазаретомъ. Какъ я уже сказалъ, иниціатива лазарета принадлежитъ Леночкѣ. Она возбудила этотъ вопросъ въ день водруженія памятника Ильѣ Петровичу на его могилѣ. Къ слову сказать, до сихъ поръ на этомъ памятникѣ нѣтъ соотвѣтствующей надписи. Я предлагаю такую: „nec, propter vitam, vivendi perdere causas". Не откажите высказать вашъ взглядъ. И Маріи Васильевнѣ, и Леночкѣ изреченіе это нравится (онѣ находятъ, что оно прекрасно характеризуетъ покойнаго), но настаиваютъ, чтобы былъ сдѣланъ переводъ на русскій языкъ. Я такъ перевелъ: „лучше не жить, чѣмъ утратить все, что составляло правду и смыслъ жизни". Но, мнѣ думается, по-латыни выходитъ это торжественнѣе. Кто захочетъ, кто дѣйствительно заинтересуется надписью, — найдетъ переводчика. Не такъ ли? Опять я свернулъ въ сторону. Возвращаюсь. Марія Васильевна охотно уступила подъ лазаретъ весь свой домъ и перебралась съ Леночкой въ небольшой флигель. Съ жаромъ принялась Елена Алексѣевна за обору-

дованіе лазарета и въ то же время написала письма всѣмъ тѣмъ изъ нашей кавказской компаніи, которые были на войнѣ. А на войнѣ оказались не только я съ Измаиломъ, но и Тычининъ, Ораловъ, Воротынская, Лабазина и даже.. Володя! Изъ нихъ я и Тычининъ были, конечно, врачами, Ораловъ и Володя — прапорщики, а Воротынская и Лабазина — сестрами милосердія. Въ письмахъ своихъ Леночка заклинала всѣми святыми, чтобы каждый, кто бы ни заболѣлъ изъ помянутыхъ лицъ или былъ раненъ — обязанъ проситься въ ея больницу, гдѣ ручается за самый тщательный уходъ. А мнѣ она въ шутку написала, что если я явлюсь, то тотчасъ же получу мѣсто старшаго врача. Но эта шутка превратилась въ серьезную дѣйствительность, — я старшій врачъ оригинальнаго лазарета! Оригинальность его состоитъ въ томъ, что лазаретъ предназначенъ для больныхъ и раненыхъ всѣхъ безъ исключенія воюющихъ народовъ. Леночка хотѣлъ осуществить въ лазаретѣ идею братства людей, а получилась всемірная... ненависть... Впрочемъ — пріѣдете — узнаете. Пріѣхать же вы обязаны, какъ о томъ вамъ далѣе написано самою Еленою Алексѣевной. И этотъ пріѣздъ вызывается не только горячимъ желаніемъ видѣть васъ, но и крайне важнымъ дѣломъ. Мы прежде всего просимъ васъ привезти намъ болѣе или менѣе сноснаго врача или врачиху. Говорю „сноснаго", потому что „настоящаго" врача для нашего лазарета теперь не найти, а придется пользоваться молодежью, такъ называемыми, „лѣкарями", „заурядъ-врачами", выпущенными экстренно. Они, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ лишь смутное представленіе о медицинѣ, и въ то же время, спекулируя, — какъ и всѣ теперь, — своею профессіею, запрашиваютъ неимовѣрныя суммы. Кромѣ того, купите и привезите къ намъ, по прилагаемому при семъ списку, медикаменты. Какъ видите, мы поручаемъ вамъ и надѣемся, что вы выполните, дѣло важное. Покуда же что, въ ожиданіи вашего пріѣзда, крѣпко жму руку и передаю перо Леночкѣ". Приписка послѣдней была такова: „Тысячу тысячъ разъ простите за мое безсовѣстное молчаніе. Но, ей-Богу, я была страшно занята. При личномъ свиданіи, которое, я глубоко вѣрю, состоится и скоро, все вамъ сообщу. Теперь же скажу, что настроеніе мое ужасное. Оно характеризуется слѣдующимъ не знаю кому принадлежащимъ стихотвореніемъ:

„Жизнь безобразная,
пошлая, праздная;

съ мелкою радостью,
съ крупнымъ грѣхомъ,
съ разною гадостью,
съ ложью, и зломъ,
съ мелкими ссорами,
съ крупной враждой,
съ долгими сборами
къ жизни иной.
Жизнь безшабашная
съ мукой, съ тоской —
драма ль ты страшная,
фарсъ ли пустой?."

Пріѣзжайте же, ради Бога, и не откажите исполнить все то, о чемъ проситъ васъ Семенъ Петровичъ".

Въ поискахъ за врачами и за медикаментами я въ теченіе цѣлаго мѣсяца не могъ исполнить просьбу Леночки и Вѣхина и не отвѣчалъ на письмо въ надеждѣ, что вотъ-вотъ все сдѣлаю и уѣду къ нимъ въ деревню. Но вышло нѣсколько иначе.

Въ одно раннее майское утро того же 1916 года, когда солнце не показалось еще изъ-за городскихъ громадъ, въ сонной тиши покрытой сплошной тѣнью улицы послышался желѣзный стукъ лошадиныхъ копытъ. Приближаясь, онъ дѣлался все слышнѣе и слышнѣе, пока рѣзко не оборвался у самаго дома; вслѣдъ за тѣмъ въ прихожей моей квартиры раздался робкій, тихій звонокъ.

Выглянувъ въ отворенное окно, я увидѣлъ на парадномъ крыльцѣ стоявшаго спиною ко мнѣ худого, сутуловатаго, съ забинтованной шеей господина въ формѣ, казалось, военнаго врача и поспѣшилъ отворить дверь. Въ ней стоялъ незнакомецъ съ желтоватымъ, смертельнаго цвѣта лицомъ и глубоко впалыми глазами.

— Опять не узнаете? — хриплымъ голосомъ спросилъ онъ и отрекомендовался: — Вѣхинъ...

— Неужели Семенъ Борисовичъ?

— „Я тотъ, которому внимали" вы всего четыре мѣсяца тому назадъ, — измѣнился?

— Неузнаваемы! Что съ вами? Вы больны?

— Все раскажу, а вы мнѣ чистосердечно отвѣтьте — могу я у васъ остановиться на самое кроткое время?

— Опять вы съ вашими сантиментальностями! Конечно. Живите, сколько вздумается. Какъ и въ первый пріѣздъ, кромѣ удовольствія, вы ничего мнѣ не доставите.

— Спасибо.

Вѣхинъ спустился съ крыльца, расплатился съ извозчикомъ и взялъ съ экипажа небольшой чемоданъ и свертокъ. Послѣдній онъ тотчасъ передалъ мнѣ со словами:

— Это вамъ подарокъ отъ Елены Алексѣевны — деревенскіе цвѣты, которые вы такъ любите.

— Отъ Леночки?

— Да, да.

Въ сверткѣ оказались великолѣпныя розы, тщательно обложенныя влажнымъ мхомъ и совершенно сохранившіяся.

— Какая прелесть! — не могъ удержаться я отъ восклицанія, — не знаю, право, какъ и благодарить милую дѣвушку.

— А она требуетъ благодарности.

— Готовъ все для нея сдѣлать.

— Ловлю васъ на словѣ: вы должны исполнить ея просьбу, изложенную въ посланномъ вамъ письмѣ, — пріѣхать къ ней въ деревню.

— Это я охотно исполню.

— Она просила, чтобы вы пріѣхали сейчасъ же, вмѣстѣ со мною.

— А когда вы собираетесь?

— Если успѣю все сдѣлать, то сегодня же...

— Чего вы такъ спѣшите?

— Да вѣдь покуда что, я тамъ единственный врачъ...

— Ну, ладно, и я постараюсь такъ устроить дѣла, что уѣду съ вами, а вы садитесь пить кофе и разскажите все, что произошло съ вами съ января и по настоящее время.

— Нѣтъ, „всего“ не успѣю, а изложу ту часть повѣсти, которая тѣсно связана съ моимъ къ вамъ пріѣздомъ. Остальное въ деревнѣ.

— Какъ вамъ удобнѣе, такъ и излагайте.

Я налилъ Вѣхину кофе. Сѣвъ за столъ, онъ молча выпилъ первый стаканъ, а за вторымъ облокотился, подперевъ руками голову, и тихо заговорилъ:

— Бѣдный Шкворневъ погибъ, убѣжденный, что по части звѣрства наука и цивилизація сказали свое послѣднее слово. Но онъ глубоко ошибся. Христіанская нація, среди населенія которой наибольшій, кажется, во всемъ мірѣ процентъ соціалистовъ и ученыхъ, чуть не ежедневно открываетъ и немедленно примѣняетъ смертоубійственныя орудія, оружія и вещества. Шкворневъ не дожилъ до подводныхъ лодокъ, не дожилъ до горящихъ, прослоенныхъ сѣрою пуль,

огнемъ пронизывающихъ человѣческое тѣло и причиняющихъ неминуемую, страдальческую кончину; онъ не дожилъ, наконецъ, до отравляющихъ, удушающихъ газовъ, объектомъ воздѣйствія которыхъ, какъ я писалъ уже вамъ, сдѣлался и я. Эта отрава измѣнила меня до неузнаваемости...

Вѣхинъ отпилъ нѣсколько глотковъ кофе, какъ бы обдумывая дальнѣйшее изложеніе, и послѣ небольшой паузы продолжалъ:

— Не знаю, какъ у другихъ, но у меня, при всякаго рода убійствахъ путемъ отравы, всегда рисуется картина изъ Гамлета, когда нѣкій злодѣй подкрадывается къ спящему королю и пускаетъ въ его ухо ядъ цикуты. Всякаго рода убійства отвратительны, но все же тѣ изъ нихъ, которыя совершаются орудіемъ или оружіемъ, требуютъ извѣстнаго мужества, ловкости, сообразительности и, въ большинствѣ случаевъ, сопровождаются рискомъ. Но развѣ трудно безъ всякаго риска пустить ядовитый газъ? Поэтому въ литературѣ всѣхъ народовъ отравитель всегда являлся символомъ низкаго, трусливаго злодѣя. Сознательно употребляю прошедшее время, потому что, если одна изъ самыхъ культурнѣйшихъ націй, въ лицѣ ея просвѣщеннѣйшихъ представителей, снизошла до отравы, гордясь своимъ открытіемъ, значитъ сто кратъ правъ былъ покойный Шкворневъ, что нынѣ „исчезъ человѣкъ“.

Вѣхинъ вдругъ схватился одною рукою за грудь, закрылъ глаза и умолкъ. Испуганный, я нѣсколько секундъ не зналъ, что мнѣ предпринять, а затѣмъ, опомнившись, подалъ Семену Борисовичу стаканъ воды. Онъ открылъ глаза и, замѣтивъ мою растерянность, сказалъ:

— Не тревожьтесь.. Это у меня часто... Отрава, главнымъ образомъ, отразилась на сердцѣ и, кромѣ того, у меня, какъ говорятъ деревенскія бабы, „все нутро печетъ“. Но я привыкъ къ такому состоянію. Это сейчасъ пройдетъ...

Дѣйствительно, выпивъ полстакана воды, Вѣхинъ оправился и продолжалъ:

— На чемъ, бишь, я остановился?.. Да, вспомнилъ!.. Но философіи, пожалуй, довольно — перейду къ дѣлу. Прежде всего нѣсколько подробнѣе, чѣмъ въ письмѣ, нарисую картину моего отравленія. Вечеромъ, наканунѣ утра, когда меня отравили, я верхомъ отправился на позицію, расположенную въ 15 верстахъ отъ штаба. Погода была дивная. Заходившее солнце, словно громадный, бездымный пожаръ, горѣло за большимъ сосновымъ боромъ; отблескъ зарева, пробираясь между

стволами, золотилъ многочисленныя озера и изумрудныя поляны на опушкѣ лѣса, по которой шелъ мой путь. Поэтическая тишь засыпавшей природы время отъ времени нарушалась отдаленнымъ буханьемъ, пушекъ; и это буханье, звонкимъ эхомъ отдаваясь въ лѣсахъ, не производило впечатлѣнія ужаса: нужно думать, что психика, настроенная камертономъ величія и красоты Божьяго міра, отстраняла мысль о смерти. Когда, прибывъ на позицію, я сообщилъ о своемъ впечатлѣніи, мнѣ заявили, что непріятель, дѣйствительно, стрѣляетъ почему-то вяло, какъ бы неохотно.

Побесѣдовавши на фронтѣ съ фельдшерами, я, въ виду поздняго времени, рѣшилъ заночевать въ резервѣ и до глубой ночи разговаривалъ съ офицерами на темы, не имѣвшія никакого отношенія къ войнѣ. Такому мирному настроенію способствовало то обстоятельство, что часовъ съ 12-ти ночи стрѣльба со стороны непріятеля вовсе прекратилась. Хотѣлось думать, что ласкающая природа, серебристый свѣтъ послѣдней четверти луны съ высоты яснаго неба, легкій, освѣжающій вѣтерокъ смягчили зачерствѣвшія души людей, и они рѣшили хотя на время заглушить въ себѣ звѣря. Легли мы спать, вѣроятно, около 2-хъ часовъ ночи. Черезъ нѣсколько времени вдругъ до слуха моего донеслась сильнѣйшая канонада. Я думалъ сначала, что это сонъ. Но въ тотъ же моментъ послышались ошеломляющіе крики: „ребята, — отравляютъ!.. Пропадаемъ! Нѣмцы окопы берутъ“. Я вскочилъ съ постели, спѣшно надѣлъ сапоги, схватилъ мундиръ и, напяливая его на ходу, инстинктивно устремился вслѣдъ за бѣжавшими солдатами. Совершенно незамѣтно очутившись у окоповъ, я, заглянувъ въ нихъ, обмеръ: тамъ въ предсмертныхъ мукахъ корчились люди, а другіе люди докалывали ихъ штыками, пронизывая туловища, черепа, глаза... Въ тотъ же моментъ, съ крикомъ „ура“, въ окопы вскочили солдаты, съ которыми я прибѣжалъ, и стали колоть коловшихъ. Образовалась какая-то кровавая людская каша, при видѣ которой волосы становились дыбомъ. Не знаю, что предпринялъ бы я, если бы не почувствовалъ сильнѣйшаго запаха, напоминавшаго горѣвшую сѣру. Кто-то сунулъ мнѣ въ руку респираторъ и крикнулъ: „скорѣе надѣвайте!.“ Я надѣлъ, и респираторъ тотчасъ же покрылся какимъ-то желтымъ налетомъ; вслѣдъ за тѣмъ у меня начался сильнѣйшій кашель, тошнота, рвота, а что дальше — не помню. Очнулся я въ палатѣ и нѣкоторое время не понималъ, почему я въ ней нахожусь.

Но вотъ какъ изъ-подъ земли выросъ солдатъ. Онъ мнѣ и сообщилъ всѣ подробности потрясающаго событія. Непріятель, замѣтивъ, что ночной вѣтерокъ потянулъ на наши окопы, рѣшилъ воспользоваться имъ для отравы. Съ цѣлью успокоенія насъ, онъ, изготовляя ядъ, прекратилъ каконаду, возобновивъ ее, когда удушающіе газы были пущены на окопы. Спустя немного, непріятель послалъ узнать о дѣйствіи отравы. Когда наши дозорные пробирались въ резервъ, чтобы сообщить объ отравленіи, непріятель приблизился къ окопамъ и, увидя обезсиленныя муками жертвы, сталъ ихъ докалывать. Потомъ, какъ я уже сказалъ, наши солдаты ихъ перекололи. Въ результатѣ около чехырехъ тысячъ нашихъ солдатъ погибло отъ отравы и уничтожены всѣ пришедшіе нѣмцы. Все это произошло, приблизительно, въ теченіе одного часа времени.

Семенъ Борисовичъ опять схватился за грудь.

— Прилягте и отдохните, — посовѣтовалъ я ему.

— Пожалуй...

— Вы бы уснули.

— Врядъ ли я усну, хотя можетъ быть...

Вѣхинъ легъ на диванъ, потянулся, зѣвнулъ и сказалъ

— Надо же вамъ закончить вторую часть повѣсти. Стали меня возить изъ лазарета въ лазаретъ. Въ одно изъ такихъ путешествій, въ глухую холодную полночь случилось крушеніе поѣзда. Около десяти человѣкъ раненыхъ было убито, а болѣе сотни искалѣчены вторично. Ихъ съ трудомъ удалось извлечь изъ-подъ обломковъ въ щепы разбитыхъ вагоновъ. Но стоитъ ли разсказывать объ этомъ эпизодѣ? На войнѣ ежедневно гибнутъ сотни тысячъ человѣческихъ жизней, гибнутъ смертью, сравнительно съ ужасами которой какое-то крушеніе съ горстью пострадавшихъ почти идиллическая картинка. И я не буду распространяться объ этомъ случаѣ, который, при современномъ полномъ обезцѣненіи человѣческой жизни возбуждаетъ улыбку. Въ концѣ концовъ, я попалъ въ одинъ изъ московскихъ лазаретовъ, и моя фамилія была пропечатана въ газетахъ. Елена Алексѣевна, тщательно слѣдящая за убитыми и ранеными, наткнулась на мою особу и тотчасъ же написала поразительной искренности и теплоты письмо, въ которомъ уговаривала меня при первой возможности перевестись въ ея лазаретъ, въ деревню. Пріѣхалъ же я къ вамъ потому, что намъ необходимъ до зарѣза еще врачъ, а также крайне нужны медикаменты. Отъ васъ же мы не получили никакого отвѣта на наше письмо.

— Простите, пожалуйста, но до сихъ поръ я не нашелъ врача и не могу достать нѣкоторыхъ медикаментовъ.

— Я знаю, какъ трудно это исполнить, но, можетъ быть, самъ успѣшнѣе справлюсь съ этимъ дѣломъ. Меня, видите ли, вызвали въ вашъ городъ, дабы я, какъ отравленный, сдѣлалъ докладъ. Въ такой странной популярности моей повинны газеты, приписавшія мнѣ преувеличенныя познанія насчетъ удушливыхъ газовъ. Въ томъ ученомъ обществѣ, гдѣ буду дѣлать сообщеніе, я и позондирую почву относительно врача. Помимо этого, мнѣ придется запастись не только медикаментами, но и такими предметами, какъ чай, сахаръ, кофе для нашихъ учрежденій. Словомъ, заботъ полонъ ротъ.

— А покуда усните.

— Постараюсь. Дѣйствительно, необходимо отдохнуть, — въ вагонѣ была такая давка, что о снѣ не могло быть и рѣчи.

— Вотъ видите, вы обязательно должны уснуть.

Я вышелъ изъ столовой, прикрывъ за собою дверь. Всѣ мои помыслы, какъ магнитомъ, притягивались къ Вѣхину. Онъ представлялся мнѣ возставшимъ изъ гроба Шкворневымъ. Въ лицѣ Семена Борисовича предо мною опять предстала воплощенная война и опять потрясла всю мою нервную систему. Я зашагалъ по кабинету, ища точки опоры для взволнованныхъ мыслей, но такъ ничего и не нашелъ до самаго пробужденія Вѣхина.

— А я, пожалуй, опоздалъ, — сказалъ онъ, выходя изъ столовой.

— Не безпокойтесь, — сказалъ я, взглянувъ на часы, — вѣдь только девять съ половиною утра.

— Позвольте умыться... Гдѣ тутъ у васъ?

Я показалъ Семену Борисовичу ходъ въ ванную.

Не больше какъ черезъ полчаса онъ, умывшись и одѣвшись, отправился по всѣмъ своимъ дѣламъ, пообѣщавъ не опоздать къ обѣду.

V.

Но Вѣхинъ сильно запоздалъ. Онъ возвратился, когда совсѣмъ уже стемнѣло, и въ такомъ настроеніи, что я не рѣшился даже съ нимъ заговорить. Семенъ Борисовичъ сгорбился, съежился, словно несъ на себѣ непосильную ношу. То и дѣло хватался онъ за грудь и кашлялъ.

— Извините, что заставилъ отдѣльно для себя подавать

обѣдъ, но меня задержали, — глухо буркнулъ Вѣхинъ, садясь за столъ.

— Да что вы, Семенъ Борисовичъ...

Вѣхинъ еле прикасался къ блюдамъ и лишь набросился на чай. Мнѣ казалось уже, что онъ за что-нибудь обидѣлся на меня, но послѣ второго стакана крѣпчайшаго чая моя тревога была разсѣяна.

— Простите меня за мою мрачность, — нарушилъ тяжкое молчаніе Семенъ Борисовичъ, — но я такъ взволнованъ, такъ потрясенъ впечатлѣніями дня, что, право, проклинаю себя за то, что пріѣхалъ въ городъ.

— А что такое произошло?

Вѣхинъ легъ на диванъ, подложилъ руку подъ голову и, глядя въ потолокъ, еле слышнымъ хриплымъ голосомъ заговорилъ:

— Какъ только явился я въ ученое общество, сразу окунулся въ ужасы войны, раздвоившіе мою душу. Послѣ моего доклада объ отравленіи удушливыми газами, мнѣ вдругъ предложили принять участіе въ засѣданіи комиссіи, на которую возложена разработка вопроса объ изготовленіи у насъ всѣхъ тѣхъ ядовитыхъ газовъ и жидкостей, какіе имѣются уже у нѣмцевъ! Я возмутился: — „Какъ, и мы будемъ подражать врагу во всѣхъ его гнусностяхъ?!“ — „Придумайте что-либо иное, — отвѣчали мнѣ, — вы можете распоряжаться своею жизнью, но не имѣете права губить жизнь другихъ: непріятель травитъ нашихъ воиновъ, сжигаетъ ихъ живьемъ, а мы будемъ его охранять? Ужъ лучше прямо заявили бы себя сторонникомъ идеи Л. Н. Толстого о непротивленіи злу насиліемъ“... Я не могъ ничего на это отвѣтить... Дѣйствительно, безъ противовѣса, врагъ изведетъ насъ. И я принялъ участіе въ комиссіи по изготовленію ядовъ и отравъ, а когда вышелъ изъ засѣданія, ощутивъ сильный конфузъ, отъ котораго, вѣроятно, никогда не избавлюсь. Въ душѣ моей сидятъ два Вѣхина: одинъ изъ нихъ коритъ меня: „Какъ же ты шатокъ въ своихъ взглядахъ! Проповѣдуешь о рыцарствѣ и благородствѣ въ состязаніяхъ народовъ, а самъ участвуешь въ комиссіи по изготовленію отравъ?“ Другой же Вѣхинъ говоритъ: „Или надо категорически отрицать войну, не признавая ее ни при какихъ обстоятельствахъ, или, считаясь съ дѣйствительностью, съ происходящею уже войною, необходимо всѣми средствами охранять свою армію, являющуюся органическою частью народа. Если на отраву ты не

отвѣтишь тѣмъ же, значитъ ты своихъ воиновъ сознательно посылаешь на гибель... О какомъ рыцарствѣ и благородствѣ можетъ быть рѣчь, когда непріятель пользуется всѣми безчеловѣчными средствами для достиженія цѣли? И не успѣлъ я очнуться отъ этой борьбы двухъ Вѣхиныхъ, какъ получилъ еще ударъ обухомъ по головѣ отъ своихъ коллегъ. Въ ученомъ обществѣ мнѣ указали рядъ докторовъ обоего пола, къ которымъ можно обратиться съ предложеніемъ занять мѣсто въ больницѣ Шкворневыхъ. Я побывалъ у всѣхъ и ни съ однимъ не сговорился. Оказалось, что эти представители медицины усвоили себѣ тотъ же принципъ, что и торговцы, фабриканты, землевладѣльцы и т. д., а именно: „если теперь не заработать, то когда же заработать? На 250 руб. въ мѣсяцъ, больше чего не въ силахъ платить Шкворнева, при готовой, помните, квартирѣ и столѣ, никто не только не согласился, а почти обижались за „оскорбленіе"! Запрашивали, — легко сказать, — по 500 р. въ мѣсяцъ лица, не стоящія, съ медицинской точки зрѣнія, мѣднаго гроша. Это, главнымъ образомъ, тѣ изъ старыхъ ужъ коллегъ, которые въ мирное время, вслѣдствіе своей безталанности и отсутствія знаній, не имѣли никакой практики.

Семенъ Борисовичъ сильно закашлялся и повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Спустя немного, онъ вдругъ схватился съ дивана и воскликулъ.

— Ѣдемъ отсюда! крѣпко прошу васъ.

— Какъ, сейчасъ?

— Да, съ ночнымъ поѣздомъ. Медикаменты, которыхъ я не могъ достать, намъ пришлютъ, а относительно докторовъ подумаемъ и будемъ вести переписку.

— Ну хорошо, ѣдемъ.

— Спасибо.

Сборы мои были недолги. Мы во-время прибыли на вокзалъ, сѣли въ стоявшій уже поѣздъ и, войдя въ купэ, тотчасъ же подняли верхніе диваны, гдѣ можно было спать, не опасаясь, что попросятъ сидѣть.

Не знаю черезъ сколько времени, я былъ разбуженъ хлопаньемъ дверей, суетливымъ стукомъ многочисленныхъ ногъ и громкими разговорами.

Поѣздъ стоялъ у какой-то, повидимому, большой станціи, давшей много новыхъ пассажировъ.

Въ наше купэ вошли двѣ пассажирки. Я не могъ ихъ разсмотрѣть, такъ какъ передъ сномъ мы потушили электри-

чество, а спутницы были настолько деликатны, что, не желая насъ тревожить, говорили шопотомъ и устраивались при свѣтѣ коридорныхъ лампочекъ, проникавшемъ черезъ открытую дверь. Послѣдняя скоро была затворена, и купэ погрузилось въ тьму. Когда поѣздъ двинулся и во всемъ вагонѣ водворилась тишина, до слуха моего сталъ доноситься тихій разговоръ пассажирокъ, являющійся, несомнѣнно, продолженіемъ ранѣе начатой бесѣды.

— Вы напрасно, моя милая, такъ безнадежно себя настроили, — начала одна изъ нихъ, — слова нѣтъ, что посланныя вамъ судьбою испытанія тяжки, но теперь сотни тысячъ, милліоны людей также страдаютъ, но всѣмъ, по мѣрѣ силъ и возможности, оказывается та или иная помощь... У меня тоже два сына на войнѣ...

— Мнѣ ничѣмъ нельзя помочь, — прошептала другая женщина, — ничѣмъ...

— Почему? — Развѣ, кромѣ смерти, есть такое горе, чтобы нельзя было ему помочь?

— Есть... Какъ женщина, вы согласитесь со мною, когда разскажу все, что я пережила. О томъ, что я вамъ сообщу, можно говорить лишь во тьмѣ, не видя того, кому передаешь... Но, быть можетъ, вы желаете спать?

— Нѣтъ, моя дорогая, я такъ взволнована всѣмъ, что видѣла въ баракахъ для бѣженцевъ, и, особенно, внѣ бараковъ, подъ открытымъ небомъ, гдѣ встрѣтила васъ, что не можетъ быть рѣчи о снѣ.

— Но то, что вы видѣли, ничто сравнительно съ ранѣе нами пережитымъ... То, что я разскажу, можетъ совсѣмъ разстроить васъ...

— Пожалуйста, не думайте объ этомъ...

— Я должна вамъ все разсказать... Вы будете единственная свидѣтельница, и я умоляю васъ, если вамъ удастся узнать... Впрочемъ, это яснѣе будетъ, когда я разскажу... Да, да... Слушайте, будьте снисходительны къ моей рѣчи, она можетъ быть не совсѣмъ связная.

— Говорите не стѣсняясь, моя милая...

— Хорошо... Спасибо вамъ... Мои родные были мелкіе шляхтичи, не богатые, но и не бѣдные — средняго достатка. У насъ была небольшая усадьба... Я окончила гимназію и поступила въ музыкальное училище... Мой братъ, моложе меня — мнѣ 20 лѣтъ — былъ въ седьмомъ классѣ гимназіи... У меня былъ женихъ — сынъ управляющаго сосѣд-

нимъ имѣніемъ... Онъ окончилъ университетъ и хорошо игралъ на роялѣ... Онъ прапорщикомъ на войнѣ... На каникулы я и братъ пріѣхали въ деревню... Тамъ день и ночь слышалась отдаленная канонада. Къ ней такъ привыкли, что спокойно спали... Но въ одну темную ночь мы были разбужены яркимъ заревомъ, освѣтившимъ весь нашъ домъ, и такою стрѣльбою, что, казалось, она происходитъ уже въ самой деревнѣ... Не отдавая себѣ отчета, ничего спросонья не соображая, я, босая, въ ночной юбкѣ, наброшенной на рубаху, выбѣжала во дворъ и увидѣла, прежде всего, что пылаетъ усадьба родныхъ моего жениха. Я побѣжала туда, чтобы помочь старикамъ... Но не успѣла сдѣлать и половины пути, какъ увидѣла, что горитъ уже вся деревня... Навстрѣчу мнѣ съ воплями и криками бѣжали объятые ужасомъ люди; грохотъ орудій сливался съ плачемъ дѣтей, ржаніемъ лошадей, мычаніемъ коровъ, тревожнымъ блеяньемъ овецъ... Увлеченная толпою я побѣжала назадъ и къ ужасу своему увидѣла, что горитъ и наша усадьба.

— Боже мой, Боже мой! — послышалось подавленное восклицаніе слушательницы.

Между тѣмъ разсказчица продолжала:

— Толпа замедлила мой путь и, когда я достигла своей усадьбы, отъ нея остались однѣ дымящіяся развалины, среди которыхъ торчали трубы да черныя обгорѣлыя бревна. Я, сколько было силъ, стала звать своего отца, мать, брата, — но никто не откликался.

Разсказчица умолкла. Среди наступившей тишины послышалось тихое всхлипываніе и слова слушательницы:

— Успокойтесь, родная... Не надо больше... Потомъ разскажете...

— Когда „потомъ“? — послѣ паузы, сквозь слезы заговорила разсказчица, — „потомъ“, быть можетъ, и не будетъ... Я теперь, сейчасъ, должна разсказать. Вотъ, уже могу... Вслѣдъ за людскимъ потокомъ я побѣжала въ лѣсъ. Была слабая надежда — не тамъ ли укрылись мои родные? Въ это время, какъ изъ ведра, полилъ дождь. Зарево потухло, и жуткая тьма въ лѣсу оглашалась нечеловѣческими криками, рыданьями, мольбой и проклятіями... Вдругъ кто-то, бѣжавшій сзади, схватилъ меня за шею, повалилъ на землю, ладонью закрылъ мой ротъ... Я стала рваться, укусила его за руку... Онъ сталъ душить меня, а потомъ... нѣсколько разъ изнасиловалъ...

— Господи, Царь небесный! — воскликнула слушательница.

Разсказчицу душили слезы. Опять наступила пауза. Слышались тихіе поцѣлуи и ласковыя слова слушательницы:

— Дорогая моя, милая, страдалица... Что же дѣлать?.. Богъ не оставитъ васъ... Пресвятая Дѣва Марія утѣшитъ васъ... Не теряйте бодрости, не отчаивайтесь...

Пауза была длинная. Я думалъ, что повѣствованіе кончилось, но разсказчица опять заговорила:

— Это еще не все и не самое ужасное...

— Что же можетъ быть ужаснѣе?..

— То, что далѣе услышите отъ меня... Я потеряла сознаніе и очнулась только въ какой-то избѣ... Когда я открыла глаза, то увидѣла двухъ женщинъ въ бѣлыхъ повязкахъ. Долгое время я ничего не соображала и расширенными, полными удивленія глазами смотрѣла на нихъ... Потомъ вспомнила все происшедшее со мною и зарыдала. Женщины, вѣроятно, поняли меня... По крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ сказала: „онъ убитъ"... Больше я ничего не помню... Вторично очнулась я въ ваннѣ, въ больницѣ для душевно-больныхъ. Потомъ, не помню какъ и зачѣмъ, я очутилась въ поѣздѣ, который привезъ меня туда, гдѣ вы меня нашли... На-дняхъ я почувствовала себя очень нехорошо и зашла къ женщинѣ-врачу. И знаете, что она мнѣ сказала? „Вы — беременны и заражены сифилисомъ"...

— Господи, Творецъ Небесный!..

— Да, да... „Вы беременны и заражены сифилисомъ"... Развѣ можно мнѣ помочь?

— Можно, милая, можно, дорогая моя... Я буду васъ лѣчить, а когда возвратится вашъ женихъ, на колѣняхъ буду умолять его...

— О чемъ? Развѣ я виновата?.. Онъ, конечно, пойметъ, но я сама не хочу... Родить отъ какого-то звѣря, быть можетъ — разбойника, сифилитическаго ребенка и затѣмъ заразить моего любимаго безцѣннаго человѣка?..

— Моя дорогая, повторяю, можно вылѣчиться. Если и онъ васъ любитъ такъ, какъ вы его, все уладится — вѣрьте мнѣ... Любовь — великое дѣло. Она можетъ залѣчить самыя ужасныя раны, утѣшить самое ужасное горе, уничтожить всѣ страданья... Голубушка моя, если въ переживаемое время невиданныхъ мукъ и страданій всего человѣчества не вмѣшается горячая, искренняя любовь, — это человѣчество должно погибнуть...

Послышался легкій стукъ и частые, горячіе поцѣлуи... И сейчасъ же выяснилось, что разсказчица опустилась на колѣни и цѣлуетъ руки слушательницы.

— Встаньте, моя милая, — говорила послѣдняя — встаньте.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ на колѣняхъ цѣловать ваши руки. Вы — моя спасительница. Я была совсѣмъ близка къ самоубійству... Повѣрите ли, что у меня была мысль броситься подъ этотъ же поѣздъ. Я не сомнѣвалась, что вы отвернетесь отъ меня, когда узнаете... Правда, я не виновата, но мало ли на свѣтѣ невинно-гибнущихъ? „Беременная сифилитичка!"... Этого слишкомъ достаточно, чтобы отвернуться... Но ваша любовь спасла меня отъ гибели, вселила въ меня вѣру и надежду. Спасибо, спасибо вамъ, моя безцѣнная, дорогая! Только мать, одна мать могла бы такъ отнестись къ своей погибшей дочери.

— Но встаньте, родная, садитесь рядомъ со мною, успокойтесь... Пріѣдемъ ко мнѣ — все обдумаемъ.

Послышались тихія, радостныя слезы. Меня тоже душили спазмы. Хотѣлось плакать и цѣловать руки какой-то сердечной женщины.

Наступила тишина.

Проснувшись на зарѣ, я никого уже не засталъ въ купэ и задался вопросомъ — не во снѣ ли представилась мнѣ изложенная бесѣда?

Спросилъ Вѣхина, онъ тоже все это слышалъ и былъ сильно разстроенъ.

Проводникъ также засвидѣтельствовалъ, что „на послѣдней остановкѣ изъ вашего купэ ушли сѣвшія ночью — видная дама съ просѣдью и какая-то бѣдно одѣтая красивая дѣвушка".

VI.

Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ остановился на глухомъ разъѣздѣ, гдѣ мы вышли изъ вагона, чтобы ѣхать на лошадяхъ.

— Ну-съ, двигаемся, — сказалъ Вѣхинъ, — экипажъ вонъ. Я взглянулъ въ направленіи, указанномъ врачемъ, и увидѣлъ у стѣны высокой уже, хотя еще зеленоватой, ржи бричку, толстаго кучера въ красной рубахѣ на облучкѣ и большую красивую гнѣдую лошадь.

— А далеко усадьба?

— Версты полторы-двѣ...

— Вы не согласитесь ли пройтись пѣшкомъ? Ужъ больно утро прекрасное. Вамъ не трудно?

— Ничуть, съ удовольствіемъ пройдусь, а кучеръ повезетъ вещи.

— Ну, вотъ и отлично.

— Семенъ! — крикнулъ Вѣхинъ, — возьмите вотъ здѣсь чемоданъ и корзину и поѣзжайте, а мы пѣшкомъ пойдемъ межою.

— Слушаю-съ! — отвѣтилъ кучеръ.

Перейдя рельсы, мы тотчасъ же очутились среди моря хлѣбовъ, надъ которымъ высился ярко-голубой небесный куполъ.

Востокъ уже подернулся густымъ желтымъ флеромъ, и оттуда тянуло легкимъ, прохладнымъ вѣтеркомъ. Онъ будилъ рожь, а она лѣниво, нехотя, чуть-чуть качала колосьями и, опять выпрямлясь, засыпала, какъ только стихалъ вѣтеръ. Изъ ближайшихъ рощъ, лѣсовъ и садовъ, темными пятнами высившихся надъ рожью, вѣтерокъ время отъ времени доносилъ раскатистыя трели соловьевъ; въ этотъ художественный хоръ иногда вклинивались отрывистые крики перепеловъ и дергачей.

— Боже, какъ хорошо! — не могъ удержаться я отъ восторга, когда брызнули первые лучи солнца, позолотили хлѣбный океанъ, а сотни жаворонковъ, разбуженные животворнымъ свѣтиломъ, вознеслись къ небесамъ, и конкурируя съ соловьями, заполнили чистый, утренній воздухъ своими раздольными пѣснями.

Вѣхинъ закашлялся, взглянулъ на меня и отвѣчалъ на мое восклицаніе:

— Да, съ внѣшней стороны недурно, но каково внутреннее содержаніе этой природы?

— Я васъ не понимаю.

— Отлично, конечно, понимаете и, вѣроятно, раздѣляете точку зрѣнія Дарвина! Въ дѣйствительности вѣдь во всемъ мірѣ отъ зари до зари происходитъ одинъ ужасъ, сплошное пожираніе однихъ другими. Вотъ эти „нѣжныя“ пѣвчія птички, разные соловьи, жаворонки и другія, которыя такъ трогаютъ сантиментальныя сердца, являются для разныхъ насѣкомыхъ такими же страшными звѣрями, какъ для насъ, положимъ, львы и тигры и даже еще страшнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, когда птица раскрываетъ ротъ, чтобы прямо

проглотить насѣкомое, что должно бы чувствовать послѣднее, если бы ему доступно было какое-либо чувство? Но въ этотъ самый моментъ, когда красивая птичка пожираетъ насѣкомое, на нее, въ свою очередь, нападаетъ, предположимъ, коршунъ, кошка, орелъ, змѣя и тоже пожираетъ. А въ то же время и этихъ пожирателей подстерегаютъ другіе и т. д. И надъ всѣми этими губящими другъ друга земноводными, пернатыми, четвероногими стоитъ всепожирающій, самый ужасный звѣрь — человѣкъ. Я ненавижу этихъ слюнявыхъ, сантиментальныхъ писателей и ученыхъ, которые, какъ говорится, „ищутъ человѣка". Въ каждомъ негодяѣ, не исключая палача, такой профессіоналъ-филантропъ найдетъ что-либо, напоминающее человѣчность, или, вѣрнѣе, выдумаетъ и начинаетъ размазывать, распинаться, дабы доказать, что, молъ, если поискать, то непремѣнно разыщешь въ каждой двуногой скотинѣ что-то цѣльное, хорошее. Но все это ложь! Я пришелъ къ глубочайшему убѣжденію, что не Богъ сотворилъ міръ, а дьяволъ, тотъ самый, котораго архангелъ Михаилъ по повелѣнію Божію низвергъ въ преисподнюю. Обозленный онъ, летя въ бездонную пропасть, придумалъ: „Ну, хорошо же, я, подъ твоею фирмою, сотворю міръ, при чемъ по образу и подобію Твоему создамъ злѣйшаго изъ звѣрей — человѣка! Онъ скомпрометируетъ Твое божественное имя". И Сатана достигъ своей цѣли. Стоитъ побывать на театрѣ современной войны, чтобы убѣдиться, что нѣтъ болѣе безчувственнаго и безсердечнаго созданія, какъ человѣкъ. И развѣ Богъ, всемилостивый, вселюбящій Богъ — могъ создать такое существо? Никоимъ образомъ! Только дьяволъ могъ придумать подобное злое двуногое животное... А еще недавно были наивные люди, мечтавшіе о братствѣ и равенствѣ народовъ...

Вѣхинъ, приложивъ руку къ горлу, сильно раскашлялся и остановился. Я, идя вслѣдъ за нимъ по узкой межѣ, вынужденъ былъ сдѣлать то же самое. Между тѣмъ, солнце яркимъ свѣтомъ облило хлѣбное море; сильнѣе и сильнѣе заливались жаворонки: вѣтеръ доносилъ густой запахъ сирени.

— Вѣроятно, усадьба близко, что чувствуется такой сильный сиреневый запахъ? — обратился я къ Вѣхину, когда онъ откашлялся.

— А вотъ, влѣво чудная нѣмецкая усадьба.

— Нѣмецкая?

— Да. „Патріоты“ ее, конечно, пріобрѣли уже за безцѣнокъ. Вообще, это дошлый народъ. Подъ видомъ борьбы съ „нѣмецкимъ засильемъ“, они, знай, нипочемъ скупаютъ великолѣпныя, культурныя имѣнія. Разсказываютъ, будто одинъ помѣщикъ, пріобрѣвъ по невозможно низкой цѣнѣ громадное владѣніе у нѣмца, подсылалъ затѣмъ къ нему агентовъ, предлагая нѣмцу „перекупить“ у него, помѣщика, его, нѣмца, владѣніе, но за цѣну, въ десять разъ превышающую сумму, затраченную помѣщикомъ. Отсюда ясно, что борьба „патріотовъ“ идетъ не съ цѣлью избавиться отъ нѣмцевъ, а лишь, чтобы обогатиться за ихъ счетъ... А вонъ и усадьба Шкворневыхъ, — неожиданно закончилъ свою рѣчь Семенъ Борисовичъ.

Я взглянулъ въ указанномъ Вѣхинымъ направленіи. Словно бы изъ нѣдръ глубокаго ржаного океана мгновенно выдвинулась бѣлая, освѣщенная солнцемъ церковь. На ней ярко горѣлъ золотой крестъ. Неподалеку отъ церкви темнѣлъ паркъ, на окраинѣ котораго краснѣла желѣзная крыша. А Вѣхинъ пояснялъ: „то большой каменный домъ Шкворневыхъ, гдѣ теперь лазаретъ, а сзади дома — порядочный флигель, куда переселились Марія Васильевна и Леночка. Вы же будете занимать комнату въ „докторской“, т. е. въ моей квартирѣ, помѣщающейся въ зданіи лазарета“. Какъ только мы вышли изъ ржи, такъ, словно на ладони, открылась церковь, видная съ основанія до вершины, и помѣщичья усадьба. Сквозь рѣшетку, ограждавшую храмъ, виднѣлась сидѣвшая на скамеечкѣ старуха.

— Это сидитъ мать Ильи Петровича, — пояснилъ Семенъ Борисовичъ, — сидитъ она со времени похоронъ его ежедневно, отъ утренней зари до заката солнца... Мы прежде всего къ ней и пойдемъ.

Старуха сначала не узнала меня, но, когда я назвалъ свою фамилію, вспомнила, подвинулась на край скамеечки и просила „присѣсть“. Я и Вѣхинъ исполнили ея просьбу.

— Вотъ гдѣ послѣднее жилище моего сына, — тихо сказала Марія Васильевна, указывая на могилу, и заговорила: — — Скажите, за что его убили? Кому и какое зло онъ сдѣлалъ? Старуха достала изъ ридикюля носовой платокъ, вытерла слезы и продолжала еще тише и какъ бы забывъ о насъ:—Боже, за что же такая кара? Зачѣмъ Ты, милосердный, дозволяешь проливать такую массу крови? — Затѣмъ она перевела взоръ на насъ и какъ бы пояснила: — Нѣтъ теперь христіанства...

Могъ ли Сынъ Божій предвидѣть, что на той горѣ, гдѣ онъ былъ распятъ за грѣхи людей, на той горѣ, что дала намъ крестъ, какъ знакъ христіанства, на горѣ Голгоѳѣ будутъ христіанами вмѣстѣ съ мусульманами поставлены пушки для истребленія христіанъ?.. Родной мой сыночекъ... Если бы ты всталъ...

Но въ это время въ ограду вошла Леночка, которая увидѣла насъ изъ окна. Съ рѣдкою сердечностью она пожала мнѣ руку и расцѣловалась.

— Что же вы застряли здѣсь? Я ждала-ждала васъ и прибѣжала.

Я съ грустью смотрѣлъ на милую дѣвушку. Она была худа, блѣдна, а въ ея большихъ глазахъ отражались и тоска и страданіе.

— Ну, что у васъ въ больницѣ? — спросилъ Вѣхинъ.

— Ахъ, — махнула рукой Леночка, — и не спрашивайте!.. Турки и армяне опять чуть не поубивали другъ друга, а поляки и евреи ужасно ругались... Русскіе же устроили скандалъ за то, что „чужихъ“ такъ кормятъ и такъ за ними ухаживаютъ, какъ и за „своими“, т. е. за ними, русскими. Они требуютъ, если не изгнанія изъ больницы всѣхъ чужестранцевъ и своихъ инородцевъ, то, во всякомъ случаѣ, о наивозможномъ сокращеніи пищи и удобствъ: нѣмцамъ, австрійцамъ, кавказцамъ, туркамъ, армянамъ, евреямъ.

— А не говорилъ ли я вамъ, что именно къ этому, т. е. къ ненависти, дѣло идетъ, что война у всѣхъ разожгла самые низменные, животные инстинкты, и ни о какомъ братствѣ народовъ даже и мечтать нечего. Нѣкоторые „братство“ видятъ даже въ томъ, что во время перемирія воюющіе не ѣдятъ другъ друга. Но при этомъ они не принимаютъ во вниманіе того, что „миролюбіе“ мгновенно переходитъ въ звѣрское ожесточеніе, лишь только скомандуютъ истреблять другъ друга По-моему, лучше ужъ все время быть свирѣпымъ, чѣмъ колоть другъ друга, предварительно расцѣловавшись... А она, — обращаясь ко мнѣ продолжалъ Вѣхинъ, — думала устроить въ своей больницѣ рай для всѣхъ народовъ, объединеныхъ свободой, равенствомъ и любовью...

Наступило молчаніе. Леночка прервала его предложеніемъ отправиться въ лазаретъ, а затѣмъ во флигель — обѣдать.

Знакомство съ лазаретомъ, раскупорка и сортировка привезенныхъ медикаментовъ, обѣдъ — совершенно незамѣтно

заняли весь день, и не успѣлъ я оглядѣться, какъ наступилъ чудный майскій вечеръ. Послѣ вечерняго чая Леночка, я и Семенъ Борисовичъ вышли на балконъ флигеля, расположеннаго въ паркѣ. Мы молча любовались природою, какъ вдругъ до слуха нашего стали долетать вопли и душу щемящее пѣніе:

Кормилецъ нашъ,
Поилецъ нашъ
Ба-а-тюшка!
На кого же ты насъ
Ост-а-вилъ,
Ба-а-тюшка?

— Бабы на кладбищѣ воютъ по умершимъ воинамъ, своимъ кормильцамъ, — тихо шепнулъ мнѣ Вѣхинъ.

— Это невыносимо... Я не могу...

Леночка ушла съ балкона.

— Проклятая война отравляетъ всякое существованіе! — почти воскликнулъ Семенъ Борисовичъ.

Мы отправились въ квартиру Вѣхина и, удрученные тяжкимъ настроеніемъ, улеглись спать. Однако, сонъ бѣжалъ нашихъ глазъ, я и Семенъ Борисовичъ ворочались на своихъ кроватяхъ. Между тѣмъ часы пробили двѣнадцать. Докторъ осторожно поднялся съ кровати и тихо босыми ногами направился къ окну.

— Не спится, Семенъ Борисовичъ? — спросилъ я его.

— И вы не спите? — отвѣтилъ онъ вопросомъ и прибавилъ: — а я рѣшилъ затворить окно, полагая, что безсонница является слѣдствіемъ яркаго луннаго свѣта, громкаго пѣнія соловьевъ и сильнаго запаха сирени.

— Не лучше ли походить намъ по парку? Моціонъ вѣдь способствуетъ сну, — не такъ ли?

— Блестящая мысль! Идемъ...

Мы быстро одѣлись и отправились въ паркъ. Луна стояла въ зенитѣ. Ея лучи, пробираясь между листьевъ деревъ, пестрили аллеи серебристыми переплетами и пятнами. Весенній воздухъ, насыщенный ароматами сирени, дрожалъ отъ дружныхъ трелей соловьевъ, доносившихся изъ таинственной чащи мелкихъ кустовъ. Столѣтній паркъ, казалось, застылъ въ поэтическихъ грезахъ, — ни одинъ листокъ не колыхался на его мощныхъ деревьяхъ. Не хотѣлось ни о чемъ разговаривать, и мы долгое время колесили по дорожкамъ. Въ одномъ мѣстѣ Вѣхинъ вдругъ остановился и произнесъ совершенно непонятную для меня фразу: „За такую

любовь можно погибнуть"... Я недоумѣнно взглянулъ на него. Семенъ Борисовичъ, взявъ меня подъ руку, сказалъ:

— Смотрите.

— Куда?

— Черезъ рѣшетку парка.

Я нагнулъ немного голову и увидѣлъ ярко освѣщенную лунным свѣтомъ церковь и могильные памятники въ ея оградѣ.

— Что же вызвало у васъ мысль о любви? — спросилъ я.

— Развѣ вы никого не видите на кладбищѣ?

— Нѣтъ.

— Взгляните немного правѣе, на могилу Ильи Петровича.

— Теперь вижу бѣлую фигуру, словно изваяніе, креста.

— Это Леночка, — еле слышно шепнулъ Вѣхинъ.

— Леночка?!

— Тсс!.. Мать всѣ дни сидитъ, а она — въ лунныя ночи.

— И вы думаете, что это вызывается любовью?

— Безумною любовью, любовью безъ словъ... Она никому и никогда не говорила и не говоритъ о ней, скрываетъ ее, какъ драгоцѣнный даръ, боится, чтобы какъ-нибудь она не была загрязнена...

Въ это время дѣвушка медленно опустилась на колѣни и приложила голову къ могилѣ. Затѣмъ она поднялась и быстро пошла къ выходу.

— Сейчасъ пойдетъ черезъ поле въ рощу, — сказалъ Вѣхинъ, — она страдаетъ безсонницею и въ хорошія ночи ходитъ очень далеко. Я боюсь этихъ ея одинокихъ прогулокъ и слѣжу за нею: Богъ его знаетъ, что можетъ случиться... Пойдемъ вслѣдъ за нею и будто бы случайно нагонимъ ее въ рощѣ.

Мы ускорили шаги и черезъ небольшую калитку вышли изъ парка въ поле. Здѣсь совершенно другой сказочный міръ. Насъ охватило просторомъ и свѣжестью. Необъятное поле нѣжилось въ лунномъ свѣтѣ и оглашалось криками перепеловъ, дергачей и кузнечиковъ. Среди хлѣба серебристою лентою извивалась узкая проселочная дорога; на ней бѣлѣлась фигура Леночки, направлявшейся къ темнѣвшей рощѣ. Мы тихо пошли по этой же дорогѣ. Когда дѣвушка повернула съ дороги къ рощѣ, Вѣхинъ окликнулъ ее:

— Елена Алексѣевна! — И пояснилъ: — въ рощѣ она, не узнавъ насъ, можетъ испугаться.

Дѣвушка остановилась.

— Откуда вы? — изумилась она.

— Не спалось, — покривилъ душою Семенъ Борисовичъ, — мы и пошли черезъ паркъ въ поле погулять... Видимъ, — вы бѣлѣете...

— Почему же я?

— А кому же больше?.. Да вѣдь помните? — я васъ встрѣчалъ уже здѣсь.

— Ахъ, да...

— Вамъ тоже не спалось.

— И не спалось да и когда же погулять?

— Вѣрно...

— Впрочемъ, уже поздно, пора домой, — сказала Елена Алексѣевна и повернула назадъ.

Казалось, она была не совсѣмъ довольна. Возможно, что дѣвушкѣ хотѣлось быть самой съ собой послѣ посѣщенія могилы незабвеннаго покойника, а мы вторгались въ ея духовный міръ. Такъ это, или иначе, но она во всю дорогу не проронила ни единаго слова. Я былъ крайне смущенъ этимъ обстоятельствомъ и почувствовалъ большое облегченіе, когда достигли усадьбы, гдѣ Леночка, протянувъ мнѣ руку, улыбнулась и сказала:

— Простите меня за мое настроеніе.

Затѣмъ обратилась къ Вѣхину:

— А вы слишкомъ хорошо меня знаете, чтобы уже привыкнуть къ моему мраку.

— Я удивился бы обратному, то есть, если бы вы были веселы, — буркнулъ Семенъ Борисовичъ.

И мы разошлись.

Весь слѣдующій день прошелъ для меня также безцѣльно. Леночка и Вѣхинъ были заняты въ лазаретѣ, а Марія Васильевна сидѣла въ церковной оградѣ у могилы сына. Даже за обѣдомъ не удалось поговорить, такъ какъ въ лазаретъ привезли новыхъ раненыхъ. Я рѣшилъ съ ночнымъ поѣздомъ уѣхать обратно, о чемъ и заявилъ за вечернимъ чаемъ. Леночка сильно взволновалась и стала уговаривать, чтобы я остался, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ. То же говорила и старуха. Семенъ Борисовичъ доволенъ былъ и одною недѣлею. Но я упорно заявилъ, что долженъ ѣхать ночью и не позже.

— Когда же вы еще пріѣдете? — спросила Елена Алексѣевна.

— Послѣ войны.

— Послѣ войны? А развѣ вы знаете, когда она окончится?

— Не знаю, но не сомнѣваюсь, что когда-нибудь окончится.

— Нѣтъ, вы обязательно пріѣзжайте еще во время войны чтобы прожить до ея конца, и тогда мы всею прежнею компаніей отправимся опять на Кавказъ.

— Возможно, что и такъ сдѣлаю.

— Даю вамъ слово, что, если долго проживете у насъ, убѣдитесь, что не всегда у меня мертвящее настроеніе.

— А я полагаю, — мрачно вставилъ Вѣхинъ, — что къ концу войны изъ нашей компаніи мало останется въ живыхъ...

— Не каркайте, докторъ! — остановилъ я его, — замѣтивъ, что дѣвушка поблѣднѣла, — почему вы такъ безнадежно смотрите на будущее?

— Извиняюсь...

Лепочка и Вѣхинъ проводили меня на разъѣздъ, и съ ночнымъ поѣздомъ я уѣхалъ во-свояси.

И. П. Бѣлоконскій.

НАЦІОНАЛЬНОСТИ И ГОСУДАРСТВО.

> Гдѣ-нибудь имѣются еще народы и племена, но не у насъ, друзья; у насъ имѣются только государства. Государство? Что это? Такъ называется холоднѣйшее изъ всѣхъ холодныхъ чудовищъ. И лжетъ оно холодно; изъ устъ его ползетъ ложь: „Я, государство, и есть народъ".
>
> *Ницше.*

I.

Со свойственной ему рѣжущей ухо откровенностью и совершенно вѣрно охарактеризовалъ Ницше отношенія государства конца XIX столѣтія къ народностямъ и національностямъ. Одною изъ наиболѣе яркихъ и наименѣе привлекательныхъ чертъ всемогущаго Левіаѳана, на рубежѣ XIX и XX вѣковъ, является именно такое пренебрежительное, отрицательное отношеніе къ входящимъ въ его составъ народностямъ.

Мало кѣмъ сознавалось въ прошломъ, что изъ конституціонныхъ переворотовъ государство обыкновенно выходило гораздо болѣе могущественнымъ; при падающемъ абсолютизмѣ государственная власть разслаблялась, обезсиливалась внутренней борьбой классовъ и партій; при упроченіи конституціи соціально-правовыя силы, образующія и поддерживающія государственную власть, получали вновь возможность (и при томъ лучше обоснованную) сплотиться и окрѣпнуть, подавляя и уничтожая всѣ противодѣйствующіе имъ факторы и стимулы. А среди послѣднихъ всегда оказывались интересы тѣхъ народностей и національностей, которыя имѣли несчастье оставаться въ меньшинствѣ.

Среди различныхъ научныхъ дисциплинъ долго господствовалъ ошибочный предразсудокъ, согласно которому историческое развитіе народовъ во второй половинѣ XIX столѣтія происходило подъ знакомъ національнаго единенія. При этомъ неизмѣнно ссылались на два историческихъ примѣра: Италію

и Германію, гдѣ дѣйствительно имѣло мѣсто грандіозное національное объединеніе. Изъ этого дѣлался выводъ, что конституціонное государство имѣетъ своимъ идеаломъ подобное объединеніе или консолидацію своего внутренняго, соціальнаго состава; естественнымъ дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ построеніи должно было быть признаніе возможности насильственнаго объединенія, разъ таковое не создавалось добровольно, мирнымъ путемъ; такъ оно въ дѣйствительности почти всегда случалось.

Пока какая-нибудь народность находилась въ меньшинствѣ, она всѣми силами держалась за высоко-культурный принципъ равенства (или, вѣрнѣе, равноправія). Еще Фихте провозглашалъ право „всякой народности жить и свободно развивать свои силы, не нарушая такихъ же правъ другихъ народностей". Но какъ только данная народность достигала самостоятельности или превращалась изъ меньшинства въ большинство, такъ немедленно же забывалась вторая часть формулы („обязанность блюсти и не нарушать права другихъ народностей"). Таковъ уже фатальный законъ развитія національнаго самочувствія; самостоятельность и сила (въ особенности количественное преобладаніе) чрезвычайно способствуютъ развитію національнаго эгоизма, принимающаго во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ форму націонализма, а зачастую, въ худшихъ случаяхъ, и форму крикливаго и агрессивнаго шовинизма. Какъ націонализмъ, такъ и шовинизмъ ничего общаго, конечно, не имѣютъ съ указанной только что формулой національнаго равноправія; даже какъ разъ наоборотъ, они представляются прямыми отрицаніями правового равенства; утверждая превосходство даннаго народа (своего, конечно!), они оправдываютъ этимъ насиліе надъ прочими народностями, покореніе, подчиненіе, угнетеніе и всякое зло, во имя такого, часто вовсе не доказаннаго и не существующаго превосходства болѣе сильнаго или просто даже болѣе значительнаго по численности народа.

Наиболѣе яркій историческій примѣръ въ этомъ отношеніи мы имѣемъ именно въ исторіи Германіи. Во время наполеоновскаго разгрома нѣмецкихъ государствъ и въ первыя десятилѣтія послѣ этихъ войнъ одухотвореніе Германіи представляло собой красивую картину пробудившагося національнаго самосознанія; стоитъ вспомнить удивительно сильныя „Рѣчи къ нѣмецкому народу" Фихте; молодое національное движеніе дышало бодростью, жизнерадостностью, увѣренностью

въ своемъ будущемъ величіи. И нѣтъ сомнѣнія, что именно въ немъ мы имѣемъ историческій залогъ, послѣдовавшаго въ 60-хъ годахъ и завершившагося въ 1870 году національнаго объединенія. Но какъ только Германія объединилась и окрѣпла, какъ только національныя мечты стали дѣйствительностью, такъ начали проявляться съ безпощадной суровостью національная надменность и высокомѣріе, въ видѣ отвратительнаго угнетенія только что завоеванныхъ Эльзаса-Лотарингіи, Шлезвига-Гольштиніи и ранѣе того пріобрѣтенныхъ польскихъ провинцій.

Въ теченіе второй половины XIX столѣтія національное самомнѣніе нѣмцевъ росло и закрѣплялось въ зависимости отъ роста физическаго могущества Германской имперіи (какъ военной силы, такъ и экономическаго ея благосостоянія), достигнувъ наканунѣ міровой войны невѣроятныхъ размѣровъ; нѣтъ сомнѣнія, что эта національная самоувѣренность была однимъ изъ сильнѣйшихъ стимуловъ (пожалуй, наименѣе симпатичныхъ, оттолкнувшимъ отъ нѣмцевъ большинство нейтральныхъ странъ), подстрекавшимъ Германію къ войнѣ.

Однимъ изъ слѣдствій такой національной самоувѣренности является, напр., вѣра въ божественное предопредѣленіе даннаго народа; „мы лучше другихъ, слѣдовательно, мы именно носители всечеловѣческаго идеала, именно нашъ народъ имѣетъ всемірно-историческое призваніе или общечеловѣческую задачу установить и упрочить просвѣщеніе или религію, науку или государственность (послѣднее чаще всего). Таково какъ разъ понятіе нѣмцевъ о ихъ „культурѣ“ и государственности.

Такую же идею сверхнаціональности, предопредѣленности національнаго призванія наши славянофилы заимствовали, какъ вѣрно отмѣтилъ еще Вл. Соловьевъ [1]), отъ нѣмцевъ. Духовное вліяніе германскаго міровоззрѣнія на славянофиловъ было очень сильно; они выросли на гегельянствѣ и долгое время питались исключительно имъ. Оттуда же пришла къ нимъ идея государственнаго всемогущества.

На такое вліяніе нѣмецкаго національнаго и государственнаго міровоззрѣнія указывалъ, напр., Драгомановъ, настаивая въ 70-хъ гг. на тѣсной зависимости отъ Берлина идеаловъ „обрусѣнія окраинъ“; какимъ яростнымъ нападкамъ

---

[1]) Россія и Европа, Національный вопросъ въ Россіи, стр. 79; Собр. соч. Вл. С. Соловьева, т. V, 1888.

нашихъ охранителей подвергался за это бѣдный Драгомановъ Какъ часто ему напоминали тогдашніе защитники стараго режима не только объ основномъ сходствѣ германскаго и русскаго государственнаго строя, но и о необходимой политической зависимости идеологіи монархизма отъ государственнаго строя абсолютизма.

Нельзя, однако, забывать, что всякая денаціонализація меньшинства большинствомъ (разныя руссификаціи, германизаціи и т. д.) преслѣдуетъ подъ покровомъ націоналистической идеологіи, извѣстныя практическія цѣли; нѣкоторая часть правящаго и угнетающаго большинства всегда непосредственно выигрываетъ отъ подобной политики; одни дѣлаютъ на этомъ карьеру, пріобрѣтаютъ власть, выдвигаются по службѣ; другіе наживаются, эксплоатируя разныя монополіи и иныя преимущества; третьи, наконецъ, пользуются болѣе тонко-продуманными средствами, пріобрѣтая за счетъ населенія меньшинства земельную собственность или другія выгодныя привилегіи, и т. д.; однимъ словомъ, при такой политикѣ всегда и неизбѣжно возникаетъ особый классъ пособниковъ и поощрителей, лично выгадывающихъ отъ нея, рѣдко отличающихся идейнымъ развитіемъ и нравственными идеалами, но зато всегда крикливыхъ, беззастѣнчивыхъ, политически вліятельныхъ. Благодаря этому, имъ обыкновенно легко объединять вокругъ себя менѣе сознательные слои населенія, не отдающіе себѣ отчета въ послѣдствіяхъ и нравственныхъ качествахъ политики угнетенія меньшинства. Щедринъ, съ присущимъ ему остроуміемъ, хорошо описалъ этотъ типъ въ своихъ „Ташкентцахъ“.

Національная самоувѣренность никогда не позволяетъ большинству понимать психологію меньшинства; большинство, вслѣдствіе своей убѣжденности въ превосходствѣ, не можетъ уразумѣть, что и у меньшинства могутъ быть свои интересы, любовь къ своей литературѣ, своимъ культурнымъ начинаніямъ, своему языку, религіи или политической организаціи. Какъ часто еще недавно приходилось слышать у насъ недоумѣнія насчетъ малороссовъ: какъ могутъ они, молъ, увлекаться какимъ-то Шевченкомъ, когда „у насъ“ есть Пушкинъ и Толстой!

Ко всему этому, къ несчастью, не рѣдко примѣшиваются и стратегическія соображенія: подчиненіе окраинъ проповѣдуется во имя защиты государственныхъ границъ; меньшинству, живущему вдоль этихъ границъ, въ такихъ случаяхъ

приходится особенно тяжко; иногда завоеванія совершались даже съ единственною цѣлью устройства подобныхъ „буферовъ“, при чемъ въ расчетъ принимались только интересы большинства, неизмѣнно именуемые тогда государственными, общеимперскими и т. п. Стоитъ вспомнить прошлое разорванной Польши или завоеваннаго Эльзаса.

Есть, такимъ образомъ, общечеловѣческія черты торжествующаго націонализма, свойственныя всякому національному большинству и пріобрѣтаемыя имъ немедленно при превращеніи изъ меньшинства. Но рядомъ съ этими общими чертами имѣются, конечно, и индивидуальныя. Каждый народъ восполняетъ подробности общей схемы націонализма по-своему, благодаря чему въ иныхъ случаяхъ могутъ получиться и значительныя, видимыя отступленія, хотя, повторяемъ, суть націонализма повсюду и всегда остается одна и та же. Такъ, напр., націонализмъ германскій имѣетъ свои отличительныя черты въ гораздо большей злобности и презрѣніи къ подчиненнымъ народностямъ, въ высокомѣріи и даже зависти къ другимъ расамъ и культурамъ; кромѣ того, нѣмцы отличаются въ національныхъ вопросахъ, какъ и въ другихъ областяхъ, чрезвычайной систематичностью, что приводитъ ихъ также къ злопамятности; они не прощаютъ подвластнымъ народностямъ ни малѣйшаго проявленія самостоятельности; примѣняемыя ими системы денаціонализаціи поэтому гораздо болѣе опасны для угнетаемыхъ народовъ.

Въ сравненіи съ нѣмецкимъ, русскій націонализмъ болѣе мелоченъ, болѣе безсистеменъ, а потому и болѣе поверхностенъ, преходящъ, менѣе злобивъ и менѣе глубокъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣмецкій націонализмъ оказывалъ въ прошломъ значительное вліяніе на русскихъ націоналистовъ. Происходило это слѣдующими путями: во 1-хъ, совпаденіемъ въ теченіе всего XIX вѣка идеаловъ государственности: во 2-хъ, непосредственными родственными и дружескими династическими отношеніями между Берлиномъ и Петроградомъ; подъ этимъ знакомъ, напр., всегда обсуждался въ былое время польскій вопросъ; въ 3-хъ, во многія царствованія (за исключеніемъ, пожалуй, Александра III) нѣмецкое вліяніе проникало черезъ разныхъ нѣмцевъ, состоявшихъ на службѣ русскаго правительства и бывшихъ наиболѣе преданными слугами самодержавія; далеко не случайно выбирали нѣкоторые монархи своихъ помощниковъ среди прибалтійскихъ нѣмецкихъ фамилій, и нисколько не удивительно, что послѣдніе руководство-

вались въ своей дѣятельности германскими идеалами. Наконецъ, въ 4-хъ, сюда слѣдуетъ присоединить сознательное и дальновидное стремленіе берлинскаго правительства создавать и подерживать затрудненія роста могущества русскаго государства; нѣмцы прекрасно знаютъ, что чѣмъ больше внутри Россіи несогласія, національныхъ раздоровъ, недовольныхъ и неудовлетворенныхъ народностей, тѣмъ слабѣе и безпомощнѣе она во внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ; слабость Россіи неизбѣжно подчиняла ее Германіи и въ прошломъ дѣлала ее послушнымъ орудіемъ въ рукахъ государственныхъ дѣятелей Берлина. Нисколько не удивительно поэтому, что по ту сторону нашего западнаго рубежа всегда старательно подрывали и подтачивали взаимныя дружескія сношенія различныхъ народностей Россіи.

Германскіе политики, Бисмаркъ въ томъ числѣ, нѣсколько разъ проговаривались, что нѣмцамъ выгодна внутренняя рознь Россіи. Слѣдуетъ однако замѣтить, что не всѣ ихъ расчеты оправдывались. Съ одной стороны, всякія „руссификаціи“ и національное угнетеніе въ Россіи всегда отличались безсистемностью и не были взаимно координированы, что лишало ихъ внутренней силы; съ другой же стороны, онѣ никогда не встрѣчали сочувствія общественнаго мнѣнія (какъ то, наоборотъ, часто имѣло мѣсто въ самой Германіи). Просвѣщенная часть русскаго общества неизмѣнно отстранялась отъ націонализма и шовинизма, не получавшихъ, благодаря этому, соціальной поддержки, а одному правительству, административными и законодательными мѣропріятіями въ этомъ вопросѣ не было возможности справиться; огромная масса населенія, крестьянства по преимуществу, оставалась совершенно безучастной въ дѣлѣ національной травли, не проявляя ни малѣйшаго интереса ни въ ту, ни въ другую сторону.

Этимъ легко объясняется, напр., малый успѣхъ Каткова и его послѣдователей среди широкихъ слоевъ русскаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, теперь становятся понятными причины недовольства правительства газетными нападками на Германію и ея государственно-правовой строй; здѣсь сказывалась не только, какъ думали прежде, боязнь дипломатическихъ осложненій съ нашей западной сосѣдкой или нѣмое преклоненіе предъ ея военной мощью, но и нѣчто гораздо болѣе глубокое — духовное сродство двухъ политическихъ системъ, построенныхъ на однихъ и тѣхъ же идеологическихъ принципахъ.

Въ тѣ времена, второй половины XIX вѣка, русскій на-

ціонализмъ только еще расправлялъ свои крылья, дѣлалъ первые шаги дѣтскаго возраста. Только очень дальновидные дѣятели, какъ, напр., Драгомановъ, предвидѣли опасность его дальнѣйшаго развитія; Драгоманова не слушали, идеи націонализма казались слишкомъ далекими и невозможными космополитическому міросозерцанію нашей передовой интеллигенціи. Космополитизмъ тогда считался даже характерной чертой русскаго человѣка, при чемъ однако забывалось, что именно характерно, русскія воззрѣнія по политическимъ и соціальнымъ условіямъ еще вовсе не были формулированы. Даже на рубежѣ XX вѣка русскій гражданинъ имѣлъ все еще весьма смутное представленіе о національныхъ вопросахъ и положеніи народностей въ государствѣ, а многіе интеллигентскіе круги просто игнорировали всю эту область, считая, какъ будто, ниже своего достоинства заниматься такими пустяками [1].

Положенія дѣлъ кореннымъ образомъ измѣнилось въ первое десятилѣтіе новаго вѣка. Произошло это какъ-то вдругъ, совсѣмъ неожиданно, наподобіе волшебной метаморфозы. Оказалось, что націоналистовъ и шовинистовъ въ Россіи гораздо больше, чѣмъ можно было предполагать, а пропаганда ихъ могла быть болѣе дѣйствительной и болѣе опасной. Еще въ первые годы столѣтія, многіе, въ особенности старики, просто не вѣрили въ пробужденіе націонализма среди русскихъ; они еще держались прежняго предразсудка, что русскій человѣкъ всегда космополитъ, а націонализмъ для него, явленіе искусственное, привитое правительственной политикой. Съ появленіемъ Госуд. Думы и упроченіемъ дѣятельности политическихъ партій стало скоро очевиднымъ, что мы имѣемъ дѣло съ гораздо болѣе глубокими явленіями соціальнаго развитія народа, а главное — съ послѣдствіями общественнаго пробужденія болѣе широкихъ слоевъ населенія къ сознательной государственной жизни.

Нѣкоторые мыслители полагаютъ, что мы все же имѣли дѣло съ переходнымъ явленіемъ, своего рода „дѣтской болѣзнью“, переживаемой всякимъ пробуждающимся народомъ, и что со временемъ исчезнутъ или затушуются націоналистическія тенденціи, проявившіяся за послѣднее десятилѣтіе. Утвержденіе это однако пока обосновано только на туманныхъ

---

[1]) См., напр., данныя, приводимыя въ статьѣ Е. Колосова, относительно Лаврова, „Голосъ минувшаго“, 1916, май-іюнь (5—6).

предположеніяхъ и требуетъ еще дальнѣйшаго фактическаго подтвержденія.

За революціонные мѣсяцы націоналисты, какъ и другія контръ-революціонныя силы, припрятались, но это вовсе еще не значитъ, что они исчезли съ политической арены или что идеи, ими защищавшіяся, сами собою умерли. Наивно было бы убаюкивать себя внѣшнимъ національнымъ замиреніемъ; принципы націонализма, наоборотъ, теперь же требуютъ отпора и опроверженія, при чемъ борьба должна вестись по всей линіи, главнымъ образомъ путемъ разъясненія массамъ и широкимъ слоямъ населенія всѣхъ вредныхъ и развращающихъ сторонъ націонализма и угнетенія національнаго меньшинства. Необходимо помнить, что по многимъ историческимъ причинамъ націоналистически настроенныя группы обыкновенно бываютъ довольно культурны, обладая большимъ запасомъ идей и умѣньемъ обращаться съ политическими средствами и доводами; чаще всего, пользуясь непросвѣщенностью массъ, они ведутъ свою пропаганду и объединяютъ вокругъ себя послѣдователей путемъ взыванія къ личному эгоизму, пугая разными, иногда самыми невѣроятными жупелами. Эгоизмъ господствующей національности всегда можетъ быть источникомъ угнетенія меньшинства; разжигая эгоистическія страсти, націоналистическая пропаганда находитъ себѣ часто фактическую опору среди извѣстныхъ классовъ населенія; личныя выгоды всегда звучатъ заманчиво для слабохарактерныхъ и безвольныхъ людей. Опасность же націоналистическаго эгоизма для національнаго меньшинства и малыхъ народностей слишкомъ очевидна, чтобы на ея разъясненіи приходилось особо останавливаться.

Итакъ, необходимо теперь же всѣмъ партіямъ и гражданамъ, которымъ дорога завоеванная свобода, вооружиться противъ возможнаго возрожденія націонализма, какъ одной изъ могущественнѣйшихъ контръ-революціонныхъ и реакціонныхъ силъ. Не должно обманываться или успакаиваться временнымъ отсутствіемъ націоналистическихъ тенденцій, а наоборотъ, путемъ дѣятельной пропаганды и всѣми силами и средствами бороться противъ идей націонализма; у послѣдняго слѣдуетъ отнять почву для роста и развитія, а достигается это лишь двумя средствами: съ одной стороны, просвѣщеніемъ, литературой, пропагандой идей національнаго равноправія и общей свободы, а съ другой — правовымъ обезпеченіемъ всѣмъ національностямъ возможно полной самостоя-

тельности и самоопредѣленія, путемъ созданія соотвѣтствующихъ конституціонныхъ нормъ. Рядомъ съ равноправіемъ гражданскимъ должно прочно стать и равноправіе національное; гражданское равноправіе неизбѣжно требуетъ признанія національнаго самоопредѣленія, другими словами — національная свобода есть необходимое слѣдствіе свободы гражданской; одна безъ другой существовать не можетъ.

II.

Однимъ изъ наиболѣе часто употребляемыхъ жупеловъ, которыми господствующее въ государствѣ большинство повсюду и всегда старается запугивать мало образованныхъ и политически еще не зрѣлыхъ согражданъ, является указаніе на сепаратизмъ національностей меньшинства, т. е. на ихъ сознательное стремленіе отдѣлиться отъ даннаго государственнаго цѣлаго, въ видахъ образованія самостоятельной государственной единицы; при этомъ малосвѣдущимъ людямъ грезится немедленная гибель ихъ отечества, распадъ или завоеваніе ихъ государства и т. д.

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что примѣры отдѣленія одной какой-либо народности и образованія ею самостоятельнаго цѣлаго встрѣчались въ исторіи довольно часто, но всѣ они всегда бывали слѣдствіемъ предварительно пережитаго данной народностью гнета въ государствѣ, въ составѣ коего она ранѣе того находилась; ей плохо тамъ жилось; гнетъ, ею испытывавшійся, усиливалъ стремленіе къ отдѣленію, а стремленіе это, въ свою очередь, увеличивало гнетъ, и такъ далѣе во все возрастающей прогрессіи, пока наконецъ не совершилось само отпаденіе, иногда сопровождавшееся опасными революціонными конфликтами.

Нѣчто подобное имѣетъ мѣсто и при конституціонныхъ эволюціяхъ государства; представители стараго режима также всегда пугаютъ современниковъ разными ужасами паденія или распада государства, сопровождающими будто бы конституціонную реформу. Противоядіе же въ обоихъ случаяхъ одно и то же: правовая свобода и равноправіе.

При національномъ равноправіи центробѣжныя силы немедленно же теряютъ свое значеніе и уступаютъ поле силамъ центростремительнымъ по той простой соціальной причинѣ, что для малыхъ народностей и національностей гораздо выгоднѣе находиться въ единеніи съ большими и между собой

чѣмъ бороться за свое существованіе отдѣльно и самостоятельно; въ единеніи—сила, гласитъ жизненный принципъ американской федераціи. Хорошимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить именно эта послѣдняя; въ Сѣв. Америкѣ XVIII вѣка царили общая рознь и несогласіе отдѣлившихся отъ Англіи колоній, пока, наконецъ, имъ не удалось объединиться такой общей государственной формой, которая, создавая центральное правительство, все же сохраняла и обезпечивала каждой колоніи полную внутреннюю самостоятельность. Болѣе современнымъ и еще болѣе грандіознымъ примѣромъ государственнаго строительства, идущаго по тому же пути и развивающагося по тѣмъ же принципамъ, является нынѣшняя Великобританская имперія.

Конституціонная свобода и національное равноправіе никогда не отталкивали народностей отъ того государства, къ которому привязывала ихъ историческая судьба; какъ разъ наоборотъ, онѣ еще сильнѣе сплочивали ихъ въ одно государственное цѣлое. Такимъ образомъ, сепаратизмъ отдѣльныхъ народностей грозилъ опасностью отпаденія только при существованіи внѣшняго гнета на данную народность; чѣмъ сильнѣе становился гнетъ, тѣмъ, естественно, сильнѣе бывало стремленіе притѣсняемой народности отъ него избавиться; лучшимъ же средствомъ защиты и въ большинствѣ случаевъ, пожалуй, единственнымъ представлялось именно отдѣленіе.

Итакъ, съ сепаратизмомъ бороться не трудно; самое его существованіе (если утвержденія правящаго большинства не выдуманы вовсе и не являются сознательною ложью) доказываетъ, что въ положеніи данной народности не все обстоитъ благополучно. Съ точки зрѣнія здравой правительственной политики требуется тогда, во 1-хъ, разслѣдованіе причинъ недовольства, а во 2-хъ, принятіе мѣръ къ устраненію, при чемъ единственнымъ дѣйствительнымъ противоядіемъ, какъ было сказано выше, можетъ служить бо́льшая свобода національнаго самоопредѣленія.

Государство, угнетающее малыя народности, меньше всего можетъ претендовать на титулъ правового государства, или кичиться своей конституціонной культурой. Положеніе это относится къ Германіи и Россіи въ равной мѣрѣ, если мы, напр., вспомнимъ прошлое раздѣленной ими Польши. Такъ, еще во время турецкихъ осложненій и войны 70-хъ годовъ,

Драгомановъ писалъ [1]), по поводу нападокъ нашей націоналистической печати на турецкій правительственный режимъ [2]): „Нельзя выступать противъ турецкаго мусульманскаго фанатизма, требовать жертвъ отъ населенія Россіи, всѣхъ религій и племенъ, и въ то же время заставлять разновѣрцевъ въ смѣшанныхъ бракахъ съ православными крестить дѣтей въ православіе, стѣснять право службы католиковъ и евреевъ, обученіе католиковъ въ университетахъ, не позволять евреямъ свободнаго жительства во всей странѣ..., воспрещать родной языкъ, совершать насилія надъ совѣстью и племенными особенностями милліоновъ людей...; невозможно выдавать себя защитникомъ реформъ Турціи, требовать ихъ даже вооруженной рукой и морить въ тюрьмахъ людей, теоретически протестовавшихъ противъ подлаго угнетенія массъ въ Россіи“.

Примѣры изъ исторіи двухъ послѣдующихъ царствованій, Александра III и Николая II изобилуютъ подробностями весьма опасной для Россіи націоналистической политики, возстановившей противъ русскихъ многія народности и національности; опасность же подобной розни и непріязни сказалась съ особой силой во время современной войны, когда русскому народу пришлось напрячь всѣ свои силы въ борьбѣ съ могущественнымъ врагомъ, охотно пользовавшимся этимъ средствомъ разжиганія у насъ національной вражды.

Основнымъ принципомъ правового государства должно неизмѣнно быть предоставленіе каждой народности жить и развиваться для самое себя, а не для какой-нибудь „государственности“, правящей національности, совершенно торжественно тому, какъ въ конституціонномъ государствѣ не можетъ быть правового порабощенія однихъ гражданъ другими (напр. крѣпостного права).

По существу своему стремленіе національностей къ самостоятельности почти повсюду носитъ одинъ и тотъ же характеръ, благодаря чему разные „сепаратизмы“ различныхъ народностей тождественны; сравните только сепаратизмъ поляковъ Познани и б. Царства Польскаго, литовцевъ и малороссовъ, финляндцевъ, грузинъ, остзейцевъ и т. д., и повсюду вы легко усмотрите не только черты сходства, но и полнаго тождества сущности подобныхъ стремленій. Различіе заключа-

---

[1]) Политич. сочиненія, изд. подъ редакц. Гревса и Кистяковскаго, т. 2, стр. 104.

[2]) Тѣ же упреки вполнѣ примѣнимы къ нападкамъ нашихъ шовинистовъ на Англію во время бурской войны.

ется только въ разномѣрной интенсивности, которая всегда обусловливается степенью испытываемаго народностью гнета. Временами, впрочемъ, нѣкоторыя народности выдѣляются въ болѣе привилегированное положеніе, когда центральной власти и правящему большинству это представляется выгоднымъ, при чемъ выгода обычно состоитъ въ желательности притѣсненія какой-либо другой народности. Исторія Австріи даетъ тому массу примѣровъ [1]), самымъ же разительнымъ въ этомъ отношеніи представляется примѣръ австрійскихъ поляковъ.

Либерализмъ XIX столѣтія заботился почти исключительно о положеніи индивида въ государствѣ, а не о національностяхъ; о послѣднихъ у него были довольно примитивныя понятія, унаслѣдованныя при томъ отъ временъ абсолютизма. Сюда относится между прочимъ идея государственнаго единства, не обработанная и не понятая либералами прошлаго вѣка, и просто перенятая ими отъ государства стараго режима. Тамъ идея эта имѣла совсѣмъ иное значеніе; государственное единство утвердилось и проповѣдывалось въ противоположность феодальному строю; разрушенную государственную храмину среднихъ вѣковъ надо было собрать, объединить и возстановить, уничтоживъ противогосударственныя притязанія феодаловъ. Абсолютизмъ исполнилъ эту задачу „собиранія государства", объединилъ государственныя силы и страшно ихъ централизовалъ. Лишь когда закончились эти процессы, началось развитіе силъ центробѣжныхъ.

Винить либерализмъ въ непониманіи положенія народностей и значенія національнаго движенія, конечно, не приходится. Его задача, укрѣпленіе гражданской свободы, была не менѣе важная, а прочное ея обоснованіе должно было предшествовать обезпеченію правъ народностей; такъ слагалась исторія всѣхъ конституціонныхъ государствъ. Зато иначе обстоитъ дѣло теперь, когда гражданская свобода уже имѣетъ свое историческое и теоретическое обоснованіе, когда существо и значеніе ея для всѣхъ ясны. Нынѣ должны быть ясны и тѣ послѣдствія, къ которымъ она приводитъ, а среди прочихъ, какъ было указано, имѣется и требованіе національнаго самоопредѣленія; къ несчастью, именно это послѣднее положеніе еще и въ наши дни не вполнѣ сознается современными либералами, уже не говоря о консерваторахъ.

---

[1]) См., напр., Р. Ширингеръ, „Національная проблема", Петроградъ, 1909, стр. 52.

Въ передовыхъ культурныхъ государствахъ много было сдѣлано и многое уже достигнуто въ отношеніи упроченія національнаго равноправія, но еще очень многое остается додѣлать. Самымъ обычнымъ явленіемъ въ этой области представляется пріобрѣтеніе равноправія и національной автономіи, одной какой-либо національностью, рядомъ съ господствующимъ большинствомъ, въ ущербъ, конечно, прочимъ, остающимся въ меньшинствѣ. За судьбу такой достигшей равноправія національности слѣдуетъ, понятно, радоваться, но совершенно очевидно, что это представляется весьма недостаточнымъ, половинчатымъ рѣшеніемъ вопроса; положеніе прочихъ народностей можетъ даже ухудшиться, вслѣдствіе давленія, становящагося такимъ образомъ двойнымъ. Также нельзя забывать и о взаимныхъ отношеніяхъ народностей. Совершенно недостаточно обезпечить ихъ только отъ гнета большинства или центра. Необходимо также, чтобы конституція установила мирныя и равноправныя взаимныя отношенія національностей и народностей и при томъ независимо отъ ихъ количественнаго состава, дабы ни одна большая народность не могла угнетать меньшую. Одна изъ крупнѣйшихъ задачъ конституціоннаго строительства нашего времени заключается какъ разъ въ нахожденіи такой формы государственнаго строя, которая гарантировала бы именно національное равноправіе внутри государства.

Слишкомъ многіе теоретики-націоналисты и государствовѣды и слишкомъ часто забываютъ этотъ основной принципъ общаго равноправія всѣхъ національностей; отстаивая права той или другой національности, они естественно склонны забывать объ интересахъ другихъ, меньшихъ народностей, въ особенности, если таковыя находятся въ территоріальномъ соприкосновеніи съ защищаемой ими національностью; вспомнимъ, напр., несправедливое отношеніе поляковъ къ евреямъ въ Польшѣ и къ украинцамъ въ Галиціи, или споры старофинновъ со шведами въ Финляндіи. Защита правъ и интересовъ своей собственной національности дѣлаетъ всегда честь ея представителямъ и въ политической борьбѣ неизмѣнно полезна, но при обязательномъ условіи: уваженія нуждъ и интересовъ прочихъ народностей, имѣющихъ такое же нравственное и юридическое право на самостоятельное національное самоопредѣленіе. Сколь многія польскія партіи, напр., повинны въ непониманіи этого важнаго начала; защищая свои права, часто онѣ угнетали другія народности.

Національное самоопредѣленіе впервые въ русской литературѣ защищалось Герценомъ, посвятившимъ ему не одну страницу своего „Колокола“. Еще болѣе энергично и съ большимъ знаніемъ дѣла, оно защищалось Драгомановымъ, при чемъ защита строилась не только, какъ у Герцена, на общихъ началахъ гражданской свободы, но и во имя интересовъ соціально-экономическихъ и культурныхъ. Въ работахъ Драгоманова, къ тому же впервые ясно указывается взаимная зависимость вопросовъ національныхъ и соціальныхъ; соціальные и національные интересы взаимно переплетаются и всегда тѣсно соприкасаются; національныя вражда и ненависть часто совпадаютъ съ непріязнью соціальной, съ борьбой классовой (вспомнимъ, напр., соціальную національную борьбу въ Чехіи, въ теченіе XIX столѣтія); такъ, нерѣдко за спиной національной розни можно, если пристально приглядѣться, разсмотрѣть ненависть классовую. Но не слѣдуетъ въ этомъ отношеніи дѣлать крайнихъ выводовъ, встрѣчаемыхъ у нѣкоторыхъ партійныхъ писателей; послѣдніе иногда утверждаютъ, что національный вопросъ является вообще только слѣдствіемъ или отраженіемъ классовой борьбы, что, конечно, абсолютно не вѣрно; каждый изъ этихъ вопросовъ имѣетъ совершенно самостоятельное идеологическое бытіе.

За послѣднія десятилѣтія національное движеніе во всѣхъ странахъ и почти на всѣхъ материкахъ сдѣлало огромные успѣхи и стало уже несомнѣннымъ факторомъ, съ которымъ правительственной политикѣ приходится серьезно считаться. Оно проявилось на Дальнемъ Востокѣ, въ Китаѣ и въ Японіи, сильно развилось въ Индіи и въ Персіи, стало предъявлять свои права въ Турецкой имперіи и въ Египтѣ, наконецъ, выступило наружу и во многихъ европейскихъ государствахъ. За послѣдніе годы предъ войной національное движеніе все яснѣе кристаллизовалось въ опредѣленныя, внѣшнія формы; сначала это становилось замѣтнымъ внутри отдѣльныхъ національныхъ единицъ или народностей (самый обычный путь національнаго самоопредѣленія), но весьма скоро начинали проявляться и международныя тенденціи единенія и сплоченія національностей, на почвѣ общихъ интересовъ борьбы за самостоятельность и самоопредѣленіе. Такъ, напр., созывались разные конгрессы (младо-египтянъ, армянъ, ирландцевъ и др.); иногда національности пользовались другими международными конгрессами (напр. „мирными“, въ частности 1910 г. стокгольмскимъ, 1912 г. женев-

скимъ и др.); такимъ образомъ складывалась своего рода взаимопомощь и устанавливались общія для угнетаемыхъ національностей организаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ все прочнѣе обосновывалось среди нихъ сознаніе необходимости взаимной помощи и общей борьбы за самостоятельность.

Въ 1911 г. въ Парижѣ образовалось даже общее бюро, Office des Nationalités, издававшее особый журналъ, „Annales des Nationalités". Въ 1913 г. бюро созвало „международный конгрессъ національностей", на которомъ обсуждался, главнымъ образомъ, вопросъ объ учрежденіи общаго союза, Union des Nationalités; это доказываетъ, насколько потребность такого единенія уже назрѣла. Параллельно съ этимъ организовалось другое учрежденіе, тоже въ Парижѣ, Ligue internationale pour la défense du Droit des peuples (выросшая изъ сліянія прежде существовавшихъ уній: Union pour l'action morale и Union pour la vérité); лига также имѣла свой печатный органъ „Cahiers Mensuels". Наконецъ, нѣкоторые университетскіе факультеты обратили особое вниманіе на изученіе національнаго вопроса во всей его широтѣ; такъ, въ Парижѣ Ecole des hautesétudes sociales посвятила ему особые курсы профессоровъ Seignobos и Letaconnaux (семестры 1912 г.), опубликованные затѣмъ въ „Bibliothéque générale des sciences sociales" (Paris, Alcan, 1913).

Приведенные факты свидѣтельствуютъ намъ не только о ростѣ національныхъ движеній разныхъ странъ, но и о складывавшемся сознаніи ихъ общей солидарности. Такой процессъ развитія національнаго движенія весьма скоро выяснилъ основныя начала національнаго вопроса вообще. Нынѣ ихъ можно считать ясно опредѣлившимися. Сюда относятся, во 1-хъ, опасность всякой централизаціи и необходимость созданія въ государственномъ строѣ нѣкотораго ей противовѣса; во 2-хъ, опасность неизбѣжно вызываемаго централизаціей роста бюрократическаго самодовлѣнія; бюрократіи централизованнаго государства національное самоопредѣленіе всегда бываетъ невыгоднымъ; въ 3-хъ, наконецъ, въ правовомъ государствѣ не должно быть господствующей національности („государственной"), привилегированной, подавляющей своими правами прочія, меньшія національности; всѣ онѣ должны быть равноправными.

Политическая аксіома въ данномъ случаѣ гласитъ: „чѣмъ больше давленіе государственной національности на прочія и чѣмъ большая ея привилегированность, тѣмъ больше

будетъ существовать въ данномъ государствѣ противленія и сепаратизма меньшихъ и тѣмъ болѣе таковыя будутъ опасны правящему большинству".

III.

Что же такое представляетъ собой національность?

Насчетъ этого вопроса въ научной литературѣ до сихъ поръ еще существуетъ большая контроверза; много копьевъ ломали на этомъ поприщѣ представители государствовѣдѣнія, не находя удовлетворительнаго выхода; къ несчастью, нерѣдко сюда примѣшиваются вопросы политическіе, естественно окрашивающіе научный споръ въ специфическіе цвѣта.

Многіе государствовѣды, и даже такіе видные, какъ, напр., покойный Іеллинекъ, приходятъ поэтому къ скороспѣлому заключенію, что невозможно вообще установить объективные признаки понятія національности; по мнѣнію Іеллинека, существо націи (отождествляемой въ данномъ случаѣ съ терминомъ національность) динамической природы; всякое ея опредѣленіе всегда должно поэтому носить субъективный характеръ, въ которомъ находятъ себѣ яркое отраженіе политическія условія мѣста и времени. Съ такой пессимистической точкой зрѣнія въ наши дни врядъ ли можно согласиться.

Первое научное опредѣленіе націи или національности дано было исторической школой, придававшей особое значеніе идеѣ „народнаго духа" или народной души (Volksseele Volksgeist); ей нужно были эти понятія о народномъ духѣ или душѣ для обоснованія исторической необходимости національнаго государства въ противовѣсъ наслѣдію наполеоновскихъ временъ, принципу лечитизма, во имя котораго считалось возможнымъ какъ угодно дѣлить народы, дарить части ихъ обездоленнымъ монархамъ, давать другія части въ приданое, продавать, обмѣнивать территоріи и т. д. Особенно страдала отъ этого Германія, раздѣленная на тысячу мелкихъ княжествъ и раздираемая сотнями различныхъ претендентовъ прежнихъ священной и наполеоновской имперій; естественно поэтому, что именно здѣсь пробудилось ранѣе всего національное самосознаніе. Послѣднее находило себѣ оправданіе и обоснованіе въ ученіяхъ исторической школы.

Весьма скоро, однако, стало яснымъ, что въ конструкціяхъ исторической школы имѣется слишкомъ много мета-

физическихъ элементовъ, годившихся для политической борьбы, того времени, но не выдержавшихъ впослѣдствіе научной критики [1]); понятія народной души или духа слишкомъ неопредѣленны, безформенны и неуловимы.

Въ отличіе отъ исторической психологическая и эмпирическая школы довольствуются простымъ перечнемъ національностей въ государствѣ, не объясняя ни самого понятія, ни положенія и правъ этихъ національностей. Школа же экономическаго матеріализма слишкомъ часто смѣшиваетъ понятія классовой борьбы съ борьбой національной, не выясняя существа послѣдней.

Иногда, наконецъ, предлагалась компромиссная формула, — понятіе, такъ наз., „чувства единства" (Sentiment of unity) — часто встрѣчаемый терминъ въ англо-саксонской литературѣ), объединенія людей на почвѣ чувства взаимной привязанности; такое единеніе и должно служить объясненіемъ единства національности. Толкованіе это, однако, нельзя признать достаточнымъ и удовлетворительнымъ; въ лучшемъ случаѣ можно лишь допустить, что указанное „чувство единства" является слѣдствіемъ осознанія народностью своего національнаго единства или своей національной личности, не объясняя намъ существа понятія національности.

Что среди всякой національности существуетъ единеніе, или „чувство единства", въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; такое чувство объединенности составляетъ психологическій цементъ данной національности; чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ сплоченнѣе является сама національность, и наоборотъ; но самое это чувство еще не объясняетъ ни существа національнаго единенія, ни возникновенія такого единенія.

Для отвѣта на послѣдніе вопросы необходимо предварительно разсмотрѣть тѣ факторы, которые вызываютъ національное объединеніе, другими словами, которые создаютъ національность.

Человѣчество, съ древнихъ временъ, раздѣлено на расы, а расы — на племена и народности; изученіе ихъ происхожденія и отличительныхъ признаковъ составляетъ предметъ различныхъ наукъ, — исторіи, археологіи, этнографіи, антропологіи, соціологіи, дающихъ намъ путеводную нить къ изслѣдованію происхожденія государства. Историческая эпоха

[1]) У насъ ученія исторической школы были восприняты славянофилами, при чемъ у нихъ особенно ясно выступилъ метафизическій характеръ понятій народной души и народнаго духа.

застаетъ человѣчество уже живущимъ среди различныхъ государствъ. Интенсивность борьбы за существованіе и многія другія соціальныя причины не позволяли человѣку жить внѣ государства. Соціальная его жизнь между тѣмъ продолжала дифференцироваться, осложняться, развиваться, принимая все болѣе сложныя формы.

Среди другихъ соціальныхъ явленій за послѣднее столѣтіе стало замѣтнымъ новое — образованіе національностей, складывающихся изъ отдѣльныхъ народностей, помимо государственности, зачастую даже вопреки ея стремленіямъ или велѣніямъ. При подробномъ разсмотрѣніи этого процесса можно подмѣтить цѣлый рядъ факторовъ, способствующихъ появленію и росту національнаго движенія; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ внѣшній характеръ, другія — внутренній, принадлежа скорѣе къ области явленій психической жизни человѣка.

Къ первой категоріи относятся слѣдующіе факторы: 1. Физическій, указывающій на физическое сродство данной группы людей, у которыхъ, естественно, складывается и схожая психика, общее міровоззрѣніе и т. д.; 2. Близко къ этому стоитъ другой факторъ, расовый, объясняющій намъ сходства черепа, роста, цвѣта волосъ, глазъ и кожи и т. д. (иногда его называютъ этнографическимъ факторомъ); онъ, конечно, также оказываетъ воздѣйствіе на психику и общественную жизнь человѣка. 3. Третьимъ факторомъ въ этой области является территоріальное общеніе, географическое сожительство, создающее непосредственное соприкосновеніе людей, принадлежащихъ къ одному и тому же или даже разнымъ племенамъ; здѣсь могутъ существовать вліянія одного племени на другое или происходить сліянія, смѣшенія, а иногда и наоборотъ, вслѣдствіе слишкомъ большихъ противоположностей, раздоры, разъединенія и раздѣлы (образованіе новыхъ народностей).

Гораздо болѣе сложны факторы второй категоріи. На первый планъ слѣдуетъ поставить государственно-властный, политическій факторъ, какъ оказывающій въ этой области наибольшее видимое вліяніе (хотя онъ далеко не самый могущественный); государство является наиболѣе сильной соціальной организаціей и потому, естественно, стремится подчинить себѣ всѣ проявленія соціальной жизни; государственной властью, т. е. принужденіемъ охотно пользуются тѣ классы или группы гражданъ, которыя въ данномъ госу-

дарствѣ стоятъ у власти, правятъ, господствуютъ. Другимъ факторомъ слѣдуетъ считать экономическую общность интересовъ (марксисты придаютъ именно ему исключительное значеніе, забывая о прочихъ). Близко съ нимъ соприкасается общность происхожденія; послѣдній факторъ можно формулировать даже нѣсколько шире, какъ общее историческое прошлое, общія судьбы, пережитыя данной народностью (то, что нѣмцы называютъ Schicksalsgemeinschapt); изъ нихъ вырастаютъ тѣ элементы сродства духа или души народности, которые историческая школа, вѣрно подмѣтивъ, ошибочно считала единственнымъ объясненіемъ понятія національности или націи. Іеллинекъ, напр., считаетъ даже, что этотъ признакъ единенія составляетъ существо даннаго понятія; онъ утверждаетъ (Allg. Staatslehre. 1913, S 117), что нація не есть вовсе естественное образованіе, а лишь историко-соціальное [1]). Другими факторами единенія представляются общность права, въ особенности права обычнаго и правовыхъ традицій, общность языка, общность религіи или культа, общность литературы, и общность культуры (Kulturgemeinschaft), способствующіе созданію, всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности, національнаго самосознанія. Вѣрно отмѣтилъ ростъ послѣдняго покойный Лампрехтъ въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ; поставивъ эти факторы въ центръ своего опредѣленія націи, онъ допускаетъ однако нѣкоторую крайность, забывая про другіе фокторы, въ особенно факторъ экономическій.

Трудно сказать a priori, который изъ названныхъ факторовъ имѣетъ большій вѣсъ и большее значеніе; въ одномъ случаѣ одинъ, въ другомъ другой; ихъ взаимная роль и значеніе опредѣляются только историческимъ изслѣдованіемъ прошлаго данной народности; большею частью они дѣйствуютъ идеально и всѣ вмѣстѣ, хотя могутъ встрѣчаться случаи, когда одинъ изъ нихъ выдвинется и пріобрѣтетъ особое, мѣстное и временное значеніе. Въ данномъ отношеніи необходимо, впрочемъ, помнить, что національность и государство далеко не совпадаютъ и требуютъ не только научнаго разграниченія соотвѣтствующихъ понятій, но и возможности самостоятельнаго развитія своихъ политическихъ цѣлей и задачъ.

---

[1]) Das historische in uns ist das nationale, а послѣднее образуетъ націю, говоритъ О. Бауеръ, а за нимъ и большинство нѣмцевъ; O. Bauer, Die Nationalitätenfrage, 1908, S. 108.

Какъ указывалъ еще Ренанъ, политическое объединеніе всегда представляется высшею, наиболѣе цѣнною цѣлью всякой національности, какъ только таковая въ состояніи ясно опредѣлять свои собственные задачи и интересы. Очень близко къ этому подходитъ „соборная личность“ Вл. Соловьева. Но національность можетъ существовать и безъ политическаго и государственнаго объединеніе, хотя интересы ея, конечно, всегда будутъ отъ этого страдать и подвергаться опасности угнетенія и притѣсненія со стороны другихъ національностей.

Таковы факторы, создающіе единеніе національности, возбуждающіе въ гражданахъ то „чувство единства“, о которомъ мы говорили выше. По разнымъ внѣшнимъ, физическимъ причинамъ народы земного шара раздѣлены на народности, болѣе или менѣе отличающіяся другъ отъ друга. Это дѣленіе также далеко не совпадаетъ съ распредѣленіемъ народовъ по государствамъ.

Подъ дѣйствіемъ вышеуказанныхъ разнообразныхъ факторовъ народности постепенно начинаютъ пробуждаться къ сознательной жизни, т. е. къ сознанію своихъ собственныхъ интересовъ, совершенно аналогично тому, какъ въ извѣстные историческіе періоды пробуждается къ сознательной жизни индивидъ-гражданинъ. Одновременно возникаетъ и стремленіе къ независимости, самостоятельному опредѣленію своихъ интересовъ; это послѣднее чувство мы называемъ національнымъ самосохраненіемъ, самопредѣленіемъ, при чемъ обѣ стороны его, и осознаніе своихъ интересовъ, и стремленіе къ независимости, политически одинаково важны. Такимъ образомъ легко провести грань между понятіями народности и національности: первое — понятіе этнографическое, второе—соціальное; другими словами, это народность, пробудившаяся къ самосохраненію и самоепредѣленію. Именно такимъ сохраненіемъ своихъ интересовъ и нуждъ и стремленіемъ къ самоопредѣленію національность и отличается отъ народности, и именно въ этомъ сознаніи она черпаетъ свою политическую силу; только такое сохраненіе можетъ служить источникомъ ея послѣдующаго развитія и автономіи. Народность всегда пассивнаго характера, національность, наоборотъ, имѣетъ характеръ активный, дѣйствительный.

Понятно поэтому, почему національное чувство или сознаніе всегда пребываетъ въ интеллигенціи данной народности: интеллигенція есть та часть послѣдней, которая первая, благодаря образованію и культурѣ, приходитъ къ осо-

знаненію своихъ интересовъ. Такимъ образомъ, для развитія національнаго движенія требуется извѣстная степень культурнаго и образовательнаго развитія народности.

Послѣднее когда-то обезпечивалось религіей; вспомнимъ первыя времена христіанства или мусульманства; да и теперь еще на Дальнемъ Востокѣ религія играетъ въ этомъ отношеніи не малую роль, создавая единство національнаго міросозерцанія. На Западѣ такое значеніе религіознаго фактора въ наши времена сильно подточено свободой вѣроисповѣданія и терпимостью, подорвавшимъ прозелитическія тенденціи церквей.

Весьма видную роль зато и до сихъ поръ играетъ языкъ. Современныя историческія изслѣдованія насъ все болѣе убѣждаютъ въ томъ значительномъ вліяніи, которое оказывалъ языкъ на развитіе отдѣльныхъ народностей, даже въ далекомъ прошломъ, уже не говоря о болѣе позднихъ временахъ[1]). Недаромъ утверждаютъ представители современныхъ національностей разныхъ странъ, что „языкъ является для народности лучшей границей, чѣмъ горы и рѣки, вслѣдствіе чего охраненіе его чистоты и неприкосновенности представляется ея священной обязанностью, болѣе важною, чѣмъ охрана территоріи". Потеря самостоятельнаго языка всегда свидѣтельствуетъ намъ о потерѣ данной народностью своей національной окраски; оно и понятно почему: языкъ является однимъ изъ наиболѣе чуткихъ орудій проявленія сознательности человѣка. Національность, перестающая себя сознавать, превращается обратнымъ процессомъ (регрессомъ) въ народность, а дальнѣйшее развитіе такихъ регрессивно-дѣйствующихъ факторовъ всегда приводитъ сначала къ умаленію, а потомъ и исчезновенію всякихъ обособляющихъ признаковъ данной народности, зачастую даже внѣшнихъ, этнографическихъ, т. е. къ ея полному исчезновенію.

Но и здѣсь не слѣдуетъ дѣлать преувеличеній; языкъ все же не единственный факторъ единенія народности и превращенія ея въ національность; мы видѣли выше, гдѣ рядомъ и параллельно съ этимъ дѣйствуютъ многіе другіе факторы, не менѣе важные.

Съ другой стороны, хорошо извѣстно, что въ политической борьбѣ противъ такой національной самостоятельности и всякаго національнаго движенія господствующее большин-

---

[1]) Труды А. А. Шахматова по исторіи русскаго языка являются въ этомъ отношеніи лучшимъ доказательствомъ.

ство или правящіе классы чаще всего прибѣгаютъ къ подавленію именно національнаго развитія языка; это представляется лучшимъ средствомъ денаціонализаціи, если только таковая можетъ быть успѣшно проводима вообще, такъ какъ во многихъ случаяхъ языкъ упорно не поддается насилованію. Такая притѣснительная политика проводится установленіемъ разныхъ привилегій въ пользу „государственнаго языка", т. е. попросту языка господствующаго большинства или, еще проще, путемъ разнообразныхъ запретовъ или ограниченій употребленія національнаго языка (запрещенія обученія дѣтей родному языку или его употребленія при богослуженіи и т. п.). Отсюда вытекаетъ огромное значеніе школы въ дѣлѣ развитія національнаго движенія; она не только развиваетъ населеніе вообще, дѣлая его болѣе сознательнымъ, но и укрѣпляетъ употребленіе національнаго языка.

О политической роли языка можно судить по безчисленнымъ историческимъ примѣрамъ; еще ассирійскій царь Саргонъ хвастался, въ своихъ извѣстныхъ подписяхъ, что „привелъ завоеванные народы къ одному языку", т. е. заставилъ ихъ воспринять языкъ своего государства; такой же примѣръ мы имѣемъ въ древней исторіи американскихъ инковъ; современная исторія знаетъ тысячи подобныхъ же случаевъ.

Языкъ представляется лучшимъ консолидирующимъ средствомъ развитія національнаго движенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, знаніе чужихъ языковъ всегда являлось лучшимъ средствомъ сближенія національностей, взаимнаго ихъ познаванія и установленія дружескихъ отношеній.

Въ исторіи борьбы національныхъ языковъ съ языками „государственными" мы также видимъ постоянно оправдывающейся вышеуказанную политическую истину: чѣмъ больше бываетъ давленіе государственнаго языка, тѣмъ больше возрастаетъ противленіе языковъ національныхъ; во многихъ случаяхъ политика угнетенія оказывалась наилучшимъ стимуломъ развитія притѣсняемой народности.

Въ сравненіи съ только что разобранными факторами право играетъ нѣсколько меньшую роль; оно является скорѣе слѣдствіемъ, чѣмъ стимуломъ и причиной соціальнаго развитія человѣка; только въ рѣдкихъ случаяхъ идетъ оно впереди, направляя соціальное развитіе.

Подведемъ теперь итоги сказанному.

И въ наше время еще у многихъ государствовѣдовъ

можно часто встрѣтить полное смѣшеніе понятій о народѣ, націи и національности; обычнѣе всего народъ и нація противополагаются, одно какъ юридическое, другое какъ соціологическое понятіе, нація же и національность чаще всего смѣшиваются, какъ синонимы[1]), что совершенно невѣрно. Среди одного и того же народа могутъ жить многія національности, каждая имѣющая свой собственный языкъ, но у національности можетъ быть всего одинъ только, собственный ея, національный языкъ; въ отличіе отъ этого, народности, т. е. еще не осознавшія себя единицы могутъ и не имѣть своего языка; подобное состояніе (безъ обособленнаго языка) всегда однако временно; оно свидѣтельствуетъ либо о еще не достигнутомъ національномъ развитіи, либо же о состояніи упадка, когда, напр., начались процессы ассимиляціи или разложенія.

Народъ есть понятіе юридическое, которымъ обозначается единство соціальнаго субстрата даннаго государства; совокупность гражданъ, безъ различія этнографическаго, соціальнаго, національнаго и т. д., входящихъ въ составъ даннаго государства; „русскій народъ", слѣдовательно, — это всѣ граждане, населяющіе Россію, великороссы и малороссы, евреи, армяне, татары и т. д.

Въ отличіе отъ этого, терминъ нація обозначаетъ единство этнографическое, независимо отъ ея государственнаго или юридическаго состава. Слово это, впрочемъ, очень мало употребительно въ русскомъ языкѣ; можно, напримѣръ, говорить о нѣмецкой націи временъ Фихте, раздѣленной на множество мелкихъ государствъ; то же относится къ итальянскимъ республикамъ, народы которыхъ составляли общую итальянскую націю. Въ общеупотребительномъ значеніи слова ему обычно придается одинъ трудно опредѣляемый признакъ, извѣстной величины даннаго соціальнаго единенія, именуемаго націей; предполагается, что нація сравнительно большая единица; къ малымъ единеніямъ терминъ этотъ какъ будто неприложимъ; но совершенно очевидно, однако, что невозможно найти точнаго критерія разграниченія; обстоятельство это неизбѣжно колеблетъ чистоту и значеніе даннаго понятія.

Думается, что именно въ силу этихъ соображеній тер-

---

[1]) Примѣръ такого смѣшенія мы имѣемъ въ брошюрѣ В. М. Устинова, „Идея національнаго государства", Харьковъ, 1906, стр. 10 и слѣд.

минъ нація понемногу выходитъ изъ научнаго обихода государствовѣдѣнія и соціологіи и все чаще замѣняется гораздо болѣе опредѣленнымъ понятіемъ народности. Таковая обозначаетъ единство и совокупность этнографическія (иногда такое единство именуется также физіологическимъ); въ русской юридической терминологіи этому соотвѣтствуетъ слово инородцы, когда законодатель по тѣмъ или другимъ соображеніямъ придаетъ данной народности отличительные правовые признаки, т. е. удѣляетъ ей особое правовое положеніе (со спеціальными правами и обязанностями); въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ соотвѣтственныя правовыя нормы носили въ прошломъ ярко ограничительный характеръ, обособляя въ невыгодномъ отношеніи инороддевъ отъ прочихъ гражданъ страны [1]). Этнографическое дѣленіе на народности почти никогда и нигдѣ не совпадало съ государственнымъ понятіемъ народа; въ составѣ одного и того же народа могутъ жить очень многія народности, и наоборотъ, одна народность можетъ быть раздроблена на многіе народы — государства.

Въ отличіе отъ народности, національность предполагаетъ единство духовное, всегда обоснованное на единствѣ этнографическомъ (или физіологическомъ), но представляющее вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣчто большее: сознаніе своего единства, своихъ нуждъ и интересовъ, своего духовнаго объединенія. Національность есть народность, достигшая національнаго (своего собственнаго) самосознанія, пробудившаяся къ сознательной жизни. Національное пробужденіе народности необходимо предполагаетъ возникновеніе политическихъ требованій (напр. автономіи по отношенію къ тому государственному (народному) цѣлому, въ составъ котораго данная народность входитъ, а равно и извѣстное культурное развитіе, безъ котораго невозможно, конечно, національнаго пробужденія. Культурное развитіе предполагаетъ обычно уже хорошо сложившійся національный языкъ, который, въ свою очередь, содѣйствуетъ развитію литературы и поэзіи. Всѣ эти факторы, какъ мы выше указывали, въ сильной мѣрѣ способствуютъ объединенію, сплоченію и общности данной народности, превращая ее въ національность и обезпечивая ей необходимую самостоятельность въ государствѣ, т. е. среди

1) Подробнѣе объ инородцахъ см. мою статью въ „Новомъ энц. словарѣ" Брокгауза-Ефрона, т. XIX.

прочаго народа, въ составѣ котораго историческая судьба заставила ее жить и развиваться.

Національность ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать съ націонализмомъ. Большинство народовъ составляется не изъ одной, а изъ многихъ національностей; каждая изъ послѣднихъ естественно склонны развивать въ своей средѣ эгоистическія стремленія и идеалы, совершенно аналогично индивиду, предоставленному самому себѣ и освобожденному отъ соціальныхъ, нравственныхъ и правовыхъ сдержекъ. Задачей правового государства и является установленіе равновѣсія и равнодѣйствующей какъ между интересами индивида и цѣлаго общества, такъ и между отдѣльными національностями; къ несчастью, это послѣднее далеко еще не достигнуто въ большинствѣ государствъ. Дѣло въ томъ, что бо́льшія національности почти повсюду пользуются извѣстными преимуществами положенія господствующихъ, правящихъ, опредѣляющихъ волю и политику даннаго народа - государства, и естественно, что такое положеніе эксплоатируется ими въ эгоистическихъ цѣляхъ, т. е. въ подавленіе меньшей братіи въ свою собственную пользу. Подобныя политика и стремленія, такое направленіе государственной, политической или правовой дѣятельности бо́льшей, правящей, „государственной" національности, называются націонализмомъ. Характерными чертами таковаго являются, съ одной стороны, преобладаніе эгоистическихъ интересовъ одной, правящей національности, а съ другой — подавленіе или угнетеніе этими интересами интересовъ и нуждъ меньшихъ національностей. Другими словами, націонализмъ есть политическое отрицаніе національнаго равноправія, и при томъ отрицаніе активное, т. е. стремящееся, уничтожить всякіе зачатки или поползновенія къ установленію такого равноправія и въ будущемъ. Когда націонализмъ принимаетъ внѣшнія формы крикливости, агрессивности, беззастѣнчиваго эгоизма, — его именуютъ шовинизмомъ. Послѣдній является, слѣдовательно, крайнимъ отрицаніемъ не только національнаго равноправія, но и возможности существованія правового строя въ государствѣ. Націонализмъ, взывая къ худшимъ чувствамъ человѣка, его эгоизму и самомнѣнію, всегда опасенъ пренебреженіемъ интересовъ меньшихъ національностей и народностей, и только слишкомъ часто проявляетъ склонность къ переходу въ шовинизмъ, объединяя вокругъ политическихъ лидеровъ наименѣе культурные элементы господствующей національности.

Національность можетъ быть, слѣдовательно, націоналистически настроенной, воинственной, агрессивной, угнетающей, и наоборотъ, мирной, не желающей вреда другимъ національностямъ и стремящейся жить въ дружбѣ съ сосѣдями. Націоналистически настроенной можетъ быть не только правящая, господствующая національность (что на практикѣ встрѣчается чаще всего, конечно), но и малая національность, не пользующаяся еще господствующимъ положеніемъ. Факторами развитія націонализма въ этомъ послѣднемъ случаѣ являются обыкновенно процессы повышенной борьбы за существованіе, упорное нежеланіе, напр., правящаго большинства признать права и интересы меньшинства, могутъ легко возбуждать среди послѣдняго націоналистическія чувства ненависти, зависти, злобы; иногда же націонализмъ меньшей національности развивается вслѣдствіе случайнаго подчиненія ей еще меньшей національности, также требующей себѣ признанія и равноправія [1]).

Указанныя опредѣленія касаются также часто-употребительныхъ прилагательныхъ, національный и націоналистическій; между ними, какъ видимъ, существуетъ большая разница: первое опредѣляетъ отношенія къ національностямъ, второе — къ націонализму; признакомъ второго, слѣдовательно, всегда является нѣкоторая активность, агрессивность, отрицательное отношеніе (въ той или другой формѣ) и другимъ національностямъ или народностямъ.

Каждая національность отличается своими индивидуальными, національными чертами, составляющими въ совокупности ея „національное лицо“ [2]); и каждой изъ нихъ свое національное лицо особенно дорого, какъ одно изъ высшихъ благъ современной культуры. Цивилизація нашего времени и огромное развитіе самосознанія народовъ могущественно способствуютъ росту національныхъ движеній, т. е. вышеуказаннымъ процессамъ пробужденія народностей и превращенія ихъ въ сознательныя національности. Особенно же сильнымъ толчкомъ въ этомъ направленіи, несомнѣнно, явится переживаемая нами міровая война и революціонное движеніе.

Такимъ образомъ національная самостоятельность или автономія все рѣзче выступаетъ какъ одинъ изъ необходи-

---

[1]) Ср. статью В. Волковича, Введеніе въ психологію націи: „Журн. М-ва Нар. Просв.“, іюнь 1916 г.

[2]) Поучительные примѣры даетъ намъ В. М. Устиновъ, назв. брошюра, въ особ. стр. 16 и сл.

мѣйшихъ элементовъ государственнаго строительства. Государственной организаціи все больше и все чаще приходится считаться съ требованіями автономіи и самоопредѣленія и въ смыслѣ, конечно, прочнаго обезпеченія національнаго равноправія.

IV.

Основнымъ, не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію, политическимъ началомъ государственности представляется гарантированіе народу, составляющему данное государство, полной безопасности извнѣ и мирнаго развитія внутри. Обѣ эти цѣли государственности достижимы лишь, когда гражданинъ чувствуетъ полную удовлетворенность и правовое обезпеченіе своего существованія. Пока такой обезпеченности и удовлетворенности нѣтъ, напр., въ періоды революціонныхъ движеній или обостренной конституціонной борьбы, никогда не устанавливается внѣшняго могущества, переживающаго подобные кризисы государства; въ такіе эпохи всегда пріостанавливалось и внутреннее развитіе государства.

Мирное внутреннее развитіе государства и народа возможно, въ свою очередь, только при существованіи двухъ, при томъ прочно установленныхъ правовыхъ принциповъ и только эти два принципа создаютъ для гражданина указанную удовлетворенность; мы имѣемъ въ виду равноправіе гражданское и равноправіе національное. Выше была указана тѣсная взаимная зависимость этихъ двухъ началъ, изъ которыхъ одно логически должно подразумѣвать второе. На практикѣ, однако, дѣло обстоитъ, къ несчастью, не столь просто; тогда какъ первое, равноправіе гражданское, уже въ большинствѣ государствъ считается политической аксіомой его внѣшняго могущества и мирнаго внутренняго развитія, второе, равноправіе національное, далеко еще не обезпечивается въ должной мѣрѣ. Для перваго существуетъ цѣлый рядъ правовыхъ институтовъ и гарантій, функціонирующихъ въ государственномъ строѣ очень успѣшно. Въ теченіе XIX столѣтія система такихъ гарантій хорошо развилась и упрочилась въ конституціонномъ строѣ, достигнувъ большаго совершенства. Не такъ благополучно обстоитъ дѣло съ обезпеченіемъ второго равноправія; правда, что идея его исторически гораздо моложе; національный вопросъ выдвинулся съ особой силой лишь къ концу минувшаго вѣка, и не успѣла еще сложиться

ясная система гарантій національнаго равноправія; многое въ этой области находится въ стадіи обсужденія, обработки фактической неиспытанности. Еще для слишкомъ многихъ національный эгоизмъ представляется въ видѣ желательнаго и полезнаго политическаго идеала, какъ „здоровая“ цѣль политическаго реализма, а денаціонализація малыхъ и слабыхъ народностей не только какъ нѣчто возможное, но и какъ желательное благо.

Такое положеніе вещей легко объяснимо, впрочемъ, не одной молодостью національнаго вопроса; практически многимъ классамъ въ государствѣ бываетъ выгодной націоналистическая политика угнетенія и денаціонализаціи. Такая политика защищается по преимуществу крупными землевладѣльцами и дворянствомъ, всегда и повсюду являющимися опорой корсерватизма и реакціи, а зачастую и духовенствомъ, въ тѣхъ государствахъ, гдѣ еще не утвердилась свобода вѣроисповѣданій. Но настоящей движущей пружиной неизмѣнно выступаетъ правящая бюрократія, которой политика угнетенія національностей всегда выгодна, какъ источникъ власти и наживы. Чиновничество повсемѣстно являлось поэтому главнымъ орудіемъ націонализма, если и не всегда его одухотворителемъ.

Мелкая буржуазія и крестьянство обычно относятся довольно равнодушно къ національному вопросу; только въ рѣдкихъ случаяхъ бываютъ они непосредственно заинтересованы въ притѣсненіи той или другой національности, главнымъ образомъ, на почвѣ экономической конкуренціи. Нѣсколько чаще встрѣчаются примѣры другого рода, когда націоналистическія партіи пользуются темнотой, непросвѣщенностью и невѣжествомъ крестьянства, возбуждая его разными нелѣпыми слухами и пропагандой ненависти къ той или другой народности; именно на этой почвѣ возникаютъ такъ называемые погромы. Подобные печальные факты, конечно, лишь затемняютъ, а не разъясняютъ національный вопросъ и всегда подтачиваютъ внутреннее благосостояніе и развитіе народа-государства.

Рабочіе классы, какъ одинъ изъ наиболѣе сознательныхъ элементовъ населенія, относятся въ большинствѣ случаевъ не только терпимо, но и прямо сочувственно къ народностямъ и національному движенію.

Въ государственномъ строительствѣ по данному вопросу можно исходить изъ двухъ противоположныхъ прин-

циповъ, характеризуемыхъ исторически какъ системы германская и англійская; первая состоитъ въ подавленіи всякаго національнаго движенія, въ подчиненіи меньшихъ народностей безусловной, волѣ большинства, правящей національности; сами нѣмцы окрестили подобную политику, выраженіемъ Völkermord; германскимъ идеаломъ всегда было полное обезличеніе гражданина во имя всемогущества государства и политической дисциплины, а такое обезличеніе обнимало eo ipso и національное самосознаніе. Англійская система, наоборотъ, поддерживаетъ, удовлетворяетъ и защищаетъ принципъ національнаго самоопредѣленія; такое отношеніе вытекаетъ для Великобританіи какъ изъ абсолютнаго признанія гражданской свободы, такъ и изъ бережнаго отношенія къ началу самоуправленія во всѣхъ его разнообразныхъ видахъ. Лучшимъ примѣромъ послѣдняго навсегда останется дарованіе Англіей государственной автономіи (т. е. самоуправленія въ высшей политической мѣрѣ) южноафриканскимъ республикамъ, Оранжевой, и Трансваалю, послѣ ихъ возстанія и войны 1900 года; вмѣсто дальнѣйшаго угнетенія, онѣ пріобрѣли государственность и право національнаго самоопредѣленія изъ рукъ побѣдителей.

Присматриваясь ближе къ средствамъ, употребляемымъ въ государственномъ строительствѣ для созданія гарантій самоопредѣленію національностей, можно сразу подмѣтить, что наиболѣе простымъ способомъ представляется административное (и даже государственное) раздѣленіе національностей, дабы каждая могла удовлетворять свои правовыя нужды самостоятельно и раздѣльно, какъ бы замыкаясь въ отдѣльное соціальное и правовое бытіе. Но, къ несчастью, такое положеніе легче провозгласить, чѣмъ провести въ жизнь; полное раздѣленіе національностей рѣдко гдѣ возможно, нарушая государственныя связи и единства даннаго народа; между тѣмъ именно послѣднее въ большинствѣ случаевъ вовсе нежелательно (даже въ тѣхъ случаяхъ, когда практически оно было бы возможно) и не только въ видахъ преклоненія предъ престижемъ государственности и государственнаго единства, но главнымъ образомъ въ интересахъ самихъ національностей. Большинство изъ нихъ обычно столь мало и слабо, что необходимо требуетъ себѣ единенія съ большими въ борьбѣ за существованіе; для большинства изъ нихъ, стало быть, государственныя связи съ большими національностями и выгодны и необходимы, лишь бы

изъ такой связи не проистекало угнетенія ихъ собственнаго національнаго развитія.

Территоріальное разграниченіе національностей зачастую также непримѣнимо или даже невозможно. Особенно много затрудненій возникаетъ въ этомъ отношеніи при существованіи національной черезполосицы. Примѣръ послѣдней мы имѣемъ во многихъ мѣстностяхъ Австро-Венгріи. Въ такихъ случаяхъ приходится искать выходъ въ такъ наз. персональномъ принципѣ, допускающемъ гораздо большую свободу національнаго самоопредѣленія. Это же средство примѣняется и въ тѣхъ случаяхъ, когда данное національное меньшинство живетъ среди большинства островами (напр. Spachinseln Австріи); каждый подобный островъ выдѣляется въ самоуправляющуюся единицу. Персональный принципъ гораздо болѣе радикальное средство, чѣмъ начало территоріальнаго раздѣленія; націоналисты поэтому его очень боятся; этимъ, напр., объясняется, что торжество территоріальнаго начала въ Австріи всегда совпадало съ усиленіемъ реакціи, и наоборотъ, въ эпохи соціальныхъ реформъ предпочтеніе отдавалось началу персональному.

Наиболѣе труднымъ является вопросъ организаціи національнаго самоуправленія въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣсколько національностей живутъ въперемежку другъ съ другомъ, въ одной и той же мѣстности, иногда даже въ однихъ и тѣхъ же поселеніяхъ (напр. евреи многихъ государствъ). Территоріальный принципъ тогда вовсе не примѣнимъ, но и проведеніе персональнаго начала встрѣчаетъ огромныя затрудненія. Судья или администраторъ въ этихъ случаяхъ никогда не знаетъ a priori національность гражданина, съ которымъ имѣетъ дѣло, и долженъ ставить ему предварительный вопросъ: quo jure vivis? Конечно, это предполагаетъ еще большую индивидуализацію національнаго права; каждому гражданину дается возможность совершенно автономно опредѣлять свою національность, подобно тому, какъ въ правовомъ государствѣ ему предоставляется свободно опредѣлять свое вѣроисповѣданіе или мѣстожительство.

Указанныя начала, однако, рѣшаютъ вопросъ только въ принципѣ, даютъ, такъ сказать, лишь общее направленіе національной политики. На практикѣ возникаютъ всегда тысячи мелкихъ вопросовъ касательно подробностей организаціи данной государственной системы или административнаго строя.

Опытъ многонаціональныхъ государствъ (въ особенности Австріи) ясно доказываетъ, что всякую административную систему, въ защиту правъ національностей, необходимо строить снизу; всѣ попытки обезпеченія такихъ правъ исключительно изъ центра (путемъ соотвѣтственной организаціи центральныхъ органовъ, парламента, правительства и т. д.) неизмѣнно оказывались неудачными и никогда не приводили къ желанной цѣли, такъ какъ не удовлетворяли нуждъ и интересовъ на мѣстахъ; даже благожелательный центръ (а такой встрѣчается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ) не въ состояніи помочь національному горю, разъ внизу административной системы не установлено необходимыхъ гарантій національной самостоятельности. Именно на мѣстахъ, среди провинціальнаго управленія, слѣдовательно, должна быть обезпечена въ первую голову національная свобода, свобода частныхъ, національныхъ ассоціацій и самостоятельность національнаго права, при чемъ національная свобода гражданина ни въ коемъ случаѣ не должна ставиться въ зависимость отъ количественнаго преобладанія той національной группы, къ которой онъ принадлежитъ.

Знаменитая ст. 19 австрійскаго основного закона 1867 г. гласитъ: „Каждая народность имѣетъ право охранять и развивать свою національность и свой языкъ". Если бы она имѣла подъ собой реальную почву и достаточныя правовыя гарантіи, она, несомнѣнно, представляла бы прекрасное опредѣленіе важнѣйшаго правового принципа, касательно положенія національностей въ государствѣ. Къ несчастью, какъ хорошо извѣстно, именно правовыхъ гарантій ей никогда недоставало, благодаря чему она никогда не находила себѣ необходимаго осуществленія въ государственной и административной практикѣ. Судьба названной ст. 19 лишь доказываетъ, насколько недостаточно одного принципіальнаго провозглашенія національнаго равноправія, безъ одновременнаго созданія гарантій въ самомъ государственномъ строѣ и административной системѣ. Каждому гражданину должна быть обезпечена правовая возможность опредѣленія своей національности; производится такое опредѣленіе припиской къ той или другой національной общинѣ или національной самоуправляющейся единицѣ. Затѣмъ гражданину должно быть обезпечено и другое право, не только первичнаго выбора національности, но и свободнаго перехода отъ одной къ другой, по собственному усмотрѣнію; совершенно анало-

гично тому, какъ современное правовое государство не считаетъ возможнымъ запрещать перемѣны вѣроисповѣданія или подданства (напр., эмиграцію), оно не должно препятствовать переходамъ гражданъ отъ одной національности къ другой.

Опредѣленіе національности предполагаетъ обязательно свободу языка; каждый гражданинъ долженъ имѣть право употреблять, какъ въ офиціальномъ, такъ и въ частномъ своемъ обиходѣ любой національный языкъ; онъ долженъ также имѣть право воспитывать и обучать своихъ дѣтей въ любой школѣ и любому языку, по свободному своему усмотрѣнію.

Нѣсколько бо́льшія затрудненія вызываетъ вопросъ о національномъ правѣ; свобода опредѣленія его въ принципѣ также должна быть признана полностью. На практикѣ, однако, возникаютъ сомнѣнія при столкновеніяхъ различныхъ правовыхъ системъ. Чисто-мѣстныя нужды каждой національности легко могутъ удовлетворяться ея національнымъ правомъ; осуществленіе принципа самоуправленія для этого вполнѣ достаточно; примѣняется же право въ такихъ случаяхъ мѣстными національными органами. Очень часто бываетъ, однако, что одновременно затрагиваются интересы или нужды нѣсколькихъ національностей; тогда дѣятельность однихъ національныхъ органовъ недостаточна, иначе сейчасъ же возникнутъ конфликты и столкновенія. Каждая національность естественно будетъ стремиться отдавать предпочтеніе своимъ собственнымъ интересамъ, за счетъ и въ ущербъ сосѣдямъ. Нельзя забывать, что именно подобное примѣненіе одного національнаго права въ ущербъ другому всегда являлось источникомъ національныхъ ссоръ и розни, а таковыхъ-то и слѣдуетъ избѣгать для обезпеченія внутренняго мира государства. Требуется, слѣдовательно, нѣчто большее: установленіе равновѣсія между отдѣльными національными интересами, нахожденіе между ними равнодѣйствующей; такое равновѣсіе можетъ быть достигнуто лишь при функціонированіи особыхъ органовъ, поставленныхъ надъ органами отдѣльныхъ національностей; но, понятно, что при этомъ каждой національности должно быть обезпечено, въ той или другой мѣрѣ, участіе въ составленіи данныхъ общихъ органовъ. Достигается такое участіе лучше всего пропорціональнымъ представительствомъ, при которомъ во вниманіе принимается пропорціональная величина каждой от-

дѣльной національности; этотъ порядокъ долженъ примѣняться къ организаціи всѣхъ общихъ органовъ, какъ низшихъ и мѣстныхъ, такъ и центральныхъ и высшихъ. Но при этомъ обязательно огражденіе интересовъ меньшинства, тѣхъ слабыхъ и малыхъ національностей, которыя всегда находятся подъ Дамокловымъ мечомъ возможныхъ притѣсненій большихъ и сильныхъ. Наиболѣе существенной гарантіей въ этой области является строгое ограниченіе дѣятельности вышеуказанныхъ смѣшанныхъ и общихъ органовъ только дѣлами, въ которыхъ замѣшаны общіе нѣсколькимъ національностямъ интересы и соотв. запрещеніе вмѣшательства въ дѣла чисто-національныя; послѣднія представляются исключительному вѣдѣнію національныхъ органовъ. Въ случаѣ спора о компетенціи или оспариванія какой-либо національностью общенаціональнаго значенія даннаго дѣла, онъ долженъ разрѣшаться высшей инстанціей, въ составѣ которой національные интересы также гарантированы. Кромѣ того могутъ примѣняться различныя судебныя гарантіи разсмотрѣнія такихъ споровъ: устности, гласности, состязательнаго начала.

Такимъ образомъ въ административной системѣ государствъ со смѣшаннымъ національнымъ составомъ должны параллельно существовать два ряда органовъ: одинъ рядъ національный, для удовлетворенія національныхъ нуждъ и интересовъ, другой рядъ — надъ-національный, смѣшаннаго состава, для разрѣшенія общихъ нѣсколькимъ національностямъ вопросовъ и дѣлъ. Первый рядъ органовъ будетъ всегда носить мѣстный характеръ, второй рядъ, наоборотъ, скорѣе отличается нѣкоторыми признаками централизаціи, обобщая мѣстные интересы; элементъ централизаціи, однако, долженъ быть всегда сдерживаемъ и органичиваемъ, такъ какъ его преобладаніе опасно для интересовъ мѣстныхъ. Параллельно съ этимъ должна существовать особая система органовъ надзора и разрѣшенія вышеуказанныхъ споровъ и сомнѣній, касательно заинтересованности той или другой національности.

Всѣмъ названнымъ требованіямъ лучше всего отвѣчаютъ мелкія, самостоятельныя, національныя общинныя единицы. Чѣмъ болѣе пестрымъ представляется національный составъ данной мѣстности, тѣмъ мельче должны быть національныя самоуправляющіяся единицы, въ цѣляхъ возможно полнаго національнаго разграниченія народностей.

Интересно отмѣтить, что начало это въ точности со-

впадаетъ съ одной общей тенденціей развитія современнаго государства, повсемѣстно замѣтной; мы имѣемъ въ виду стремленіе къ созданію возможно-мелкихъ самоуправляющихся единицъ вообще. Практика большинства государствъ доказываетъ пользу мелкихъ самоуправляющихся единицъ; чѣмъ онѣ мельче, тѣмъ ближе онѣ стоятъ къ населенію, тѣмъ лучше онѣ въ состояніи удовлетворять мѣстныя нужды. Въ государствахъ съ пестрымъ національнымъ составомъ существуетъ, такимъ образомъ, лишній стимулъ къ созданію подобныхъ мелкихъ самоуправляющихся единицъ, съ приданіемъ имъ лишь національнаго характера. Національный же ихъ составъ опредѣляется, какъ указано выше, либо просто территоріально, либо же на основаніи персональнаго принципа.

Такова необходимая административная структура правового государства съ много-національнымъ составомъ. Остается упомянуть о порядкѣ удовлетворенія общаго принципа, національнаго равноправія, вытекающаго, какъ мы видѣли, изъ самого существа современной государственности, признанія самоцѣнности человѣческой личности.

Мы выше уже указывали, что національная свобода есть лишь естественное и необходимое развитіе гражданской свободы въ правовомъ государствѣ. Гражданская свобода обезпечиваетъ гражданину извѣстный комплексъ „неотъемлемыхъ“ правъ, нѣкоторую правовую область, въ предѣлы которой государство не можетъ вмѣшиваться. Ограниченіемъ свободы индивида можетъ быть только такая же свобода его сосѣда; равновѣсіе этихъ индивидуальныхъ свободъ составляетъ то, что прежде называлось „общественнымъ интересомъ“, общимъ благомъ, соціальнымъ строемъ. Комплексъ правъ, составляющихъ гражданскую свободу, въ различныхъ государствахъ и различныя времена, конечно, весьма часто колебался въ своемъ содержаніи; иногда рамки его значительно расширялись, временами же суживались и сокращались. Соотношеніе и равновѣсіе между индивидуальной свободой и соціальными нуждами (т. е. ограниченіями этой свободы въ пользу общества) устанавливаются не только конституціей (опредѣляющей общее направленіе и предѣлы ограниченій), но и обыкновеннымъ законодательствомъ. Разъ гражданинъ лично имѣетъ право участвовать въ осуществленіи этой важной функціи государственной власти (путемъ избирательнаго права и благодаря другимъ институтамъ), ему такія ограниченія его личной свободы не страшны. При

абсолютизмѣ или при ограниченномъ избирательномъ правѣ индивидъ не можетъ чувствовать подобнаго обезпеченія своей свободы; для этого существуетъ слишкомъ большой произволъ правительства или эгоистическое преобладаніе интересовъ одного какого-нибудь правящаго класса или сословія. При всеобщемъ и равномъ избирательномъ правѣ эти опасности устраняются. Такимъ путемъ обезпечивается ему тотъ комплексъ правъ, называемый гражданской свободой, который ограждаетъ автономность развитія его духовной жизни. Для современнаго культурнаго человѣка это составляетъ, конечно, наиболѣе цѣнное благо, охраняющее его индивидуальное бытіе и неприкосновенность его гражданской личности.

При этомъ автономія индивидуальнаго развитія предполагаетъ для гражданина свободу выбора и опредѣленіе духовныхъ цѣнностей его собственной жизни; каждый человѣкъ воленъ, по своему усмотрѣнію, выбирать свою религію, свое общеніе съ другими людьми (такъ наз. свобода ассоціацій) и т. д., и т. д.

Къ несчастью, слишкомъ рѣдко отмѣчается при этомъ, что такое самоопредѣленіе гражданина (а послѣднее едва ли не является самой главной политической аксіомой правового государства) безусловно предполагаетъ автономію въ вопросахъ національныхъ. Мы видѣли выше, что національность опредѣляется, какъ сознающая свои нужды и духовные интересы народность, а сознаніе такихъ интересовъ и нуждъ создаетъ стремленіе къ ихъ автономному удовлетворенію. Понятно, что стремленія эти находятъ себѣ выраженіе въ психикѣ и міросозерцаніи отдѣльныхъ индивидовъ, составляющихъ данную народность или національность. У правового государства нѣтъ возможности принципіальнаго отрицанія такого автономнаго самоопредѣленія національныхъ интересовъ.

Возьмемъ практическій примѣръ: правовой строй, напр., признаетъ за гражданиномъ свободу образованія; каждый гражданинъ можетъ самъ получать образованіе или давать его своимъ дѣтямъ по собственному усмотрѣнію. Правовое государство признаетъ, напр.. свободу вѣроисповѣданій, представляя гражданамъ также совершенно свободный выборъ церкви, вѣроисповѣданія и т. д. Аналогично этому должна опредѣляться и національная свобода. Нельзя говорить о еврейскомъ равноправіи, признавая, съ одной стороны,

равноправіе вѣроисповѣданія и образованія (національную школу и языкъ) и отрицая, съ другой, проявленія того же равноправія въ области національной автономіи. На основаніи какого принципа, напр., можно отрицать употребленіе украинскаго языка въ украинской школѣ? Конечно, не на началахъ правового государства, а лишь опираясь на такъ наз. „общегосударственные интересы", т. е. интересы правящаго класса, господствующаго большинства, — принципъ абсолютно противорѣчащій, какъ мы видѣли теоріи правового государства, такъ какъ имъ отрицается для нѣкоторыхъ категорій гражданъ (паріевъ меньшинства) свобода духовнаго самоопредѣленія. Вѣдь именно этимъ путемъ и этими же средствами отрицалась въ свое время гражданская свобода вообще и защищались институты абсолютизма.

Національная свобода, другими словами, обозначаетъ автономію національнаго самоопредѣленія, самостоятельность удовлетворенія духовныхъ нуждъ и интересовъ, составляющихъ сущность національной жизни. Но несомнѣнно, что такая автономія опасна для правящаго большинства, откуда и проистекаютъ его стремленія къ подавленію, угнетенію, ограниченію меньшинства, другихъ національностей.

Національное равноправіе прежде всего на практикѣ обыкновенно предполагаетъ свободу языка, по вполнѣ понятнымъ причинамъ. Мы указывали выше, что именно языкъ является наиболѣе приспособленнымъ орудіемъ осознаніи національныхъ интересовъ. Равноправіе же языковъ въ государствѣ предполагаетъ равноправіе его: 1) въ школѣ, 2) въ самоуправленіи (общинныхъ органахъ и общественныхъ организаціяхъ), 3) въ коронной администраціи (провинціальныхъ государственныхъ органахъ), 4) въ судѣ, 5) въ арміи, и 6) въ законодательствѣ. Въ первыхъ четырехъ равноправіе легче всего достижимо, въ послѣднихъ двухъ, наоборотъ, оно встрѣчаетъ упорное противодѣйствіе правящаго большинства, пользующагося разными благовидными аргументами (въ родѣ необходимости „объединенія арміи „командным языкомъ", или „единства" государственной власти, находящей себѣ выраженія въ законодательствѣ, и т. п.).

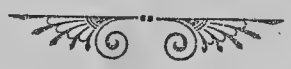
Не надо кромѣ того забывать, что государственный строй долженъ въ разной мѣрѣ защищать всѣ національности, входящія въ составъ даннаго народа, а не одну или двѣ изъ нихъ (какъ то иногда имѣло мѣсто, напр., въ Австріи, по отношенію къ полякамъ). Между всѣми національно-

стями должно быть установлено и равновѣсіе и равноправіе, при чемъ государственное строеніе обязательно должно быть начато снизу, съ мѣстнаго управленія и самоуправленія. Тамъ должно сначала быть установлено полнѣйшее равноправіе, а затѣмъ уже должны быть созданы извѣстныя гарантіи и правовые институты въ строѣ центральныхъ государственныхъ органовъ, какъ для обезпеченія того же національнаго равноправія, такъ и для необходимаго равновѣсія между отдѣльными національностями.

Къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ приводитъ національное равноправіе, свидѣтельствуетъ намъ лучше всего активная роль, принадлежащая англійскимъ колоніямъ въ современной войнѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣмцы разсчитывали на распаденіе Великобританіи имперіи и искренно вѣрили въ торжество колоніальнаго сепаратизма; исторія войны, съ перваго ея дня, показала какъ разъ обратное: какъ только метрополія оказалась въ опасности, автономныя колоніи, одна за другой, стали заявлять о своемъ желаніи ей помочь и людьми, и деньгами; даже прежде столь недовольная Индія не отставала отъ другихъ въ выраженіи чувствъ преданности. Величайшимъ торжествомъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей должно было быть сознаніе достигнутыхъ въ этомъ отношеніи результатовъ, а достигнуты они были лишь благодаря основному принципу англійскаго государственнаго строительства — широкому и неизмѣнному признанію начала автономіи, естественно обнимающаго собой и національныя свободу и равноправіе.

Бар. **С. А. Корфъ.**



СТИХОТВОРЕНІЯ.

Когда закрывъ глаза и погружаясь въ мракъ, —
Такъ прошлое яснѣе выступаетъ, —
Я слышу разумъ мнѣ твердитъ: „Не такъ, не такъ...“
А сердце все въ быломъ благословляетъ...

Холодный разумъ мой, жестокій, для тебя
Ошибки памятны... ты мнѣ простить не можешь,
Что чувствомъ жилъ я, жизнь мою губя,
И совѣсть ты мою болѣзненно тревожишь...

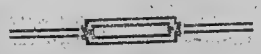
Но къ сердцу обратясь, я вижу свѣтъ живой
Во тьмѣ прошедшаго... и все тамъ сердцу мило,
И если бъ только день вернуть изъ жизни той, —
Наперекоръ уму, все бъ сердце повторило.

* * *

Давно спустилась ночь, а я сижу у входа
Жилища своего. Мнѣ сладокъ этотъ часъ.
Люблю тебя, великая Природа,
Безмолвною, въ сіяньи звѣздныхъ глазъ,
Съ короной мѣсяца, текущаго къ звѣздамъ
И серебро роняющаго въ воды.

Тогда я чувствую, что небо — свѣтлый храмъ,
Храмъ Вѣчности, Безсмертья и Свободы...
И вѣрить я готовъ, что, на землѣ томясь,
Въ исканьяхъ и тоскѣ по свѣтлому чертогу,
Его почую я въ послѣдній жизни часъ,
И духъ мой, духъ отдамъ не смерти я, а Богу.

Филаретъ Черновъ.



ПОКУШЕНІЕ НА ВЗЛОМЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Мэри Чолмондей.

Она стояла у своего низкаго съ шероховатыми дребезжащими стеклами окна и смотрѣла на равнину. Выпалъ снѣгъ, небольшой, но достаточный для того, чтобы придать отпечатокъ унынія безпредѣльной равнинѣ, разстилавшейся за четырьмя бревенчатыми стѣнами ея лачуги.

Сѣдина рано появилась въ ея пышныхъ волосахъ, а также извѣстная сосредоточенность въ ея полныхъ спокойной энергіи глазахъ. Это спокойное, энергическое лицо показывало, что она не поддалась унынію; однако, этимъ вечеромъ, когда она стояла въ ожиданіи возвращенія мужа, — ея сердце сжалось какимъ-то недобрымъ предчувствіемъ.

Книги, письма, бесѣда съ людьми въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ — все это будетъ почти цѣликомъ отнято у нея. Она знала, что дѣлала, когда, вопреки желанію родителей, она, южанка, выходила замужъ за сѣверянина когда она покинула дѣятельную городскую, знакомую ей жизнь и связала свою жизнь съ мужемъ, слѣдуя за нимъ на край свѣта. Она была выше его по рожденію, по воспитанію, образованію, но она никогда не жалѣла о томъ, что сдѣлала. Сожалѣнія были на его сторонѣ по отношенію къ ней, потому что онъ сознавалъ, что принесъ ей бѣдность, къ которой ей трудно привыкать. Она же сожалѣла только объ одномъ, о томъ, что она не имѣла дѣтей. Если бы у нихъ были дѣти, то возможно, что стѣны ея бревенчатой лачуги въ этой пустынѣ казались бы имъ менѣе суровыми. Дѣти придали бы имъ настоящій домашній уютъ.

Мысли ея механически приняли обычное направленіе, когда она смотрѣла вдаль изъ своего низенькаго окна. Но тутъ внезапно восторгъ овладѣлъ всѣмъ ея существомъ, онъ увеличивался, увеличивался такъ, что она должна была облокотиться на окно, почти изнемогая отъ радости: наконецъ,

у нея будетъ ребенокъ! Сразу она едва осмѣливалась поверить этому, такъ какъ время шло, появившаяся было надежда не оправдывалась, обращалась въ сомнѣніе, сомнѣніе въ страшное отчаяніе, но теперь она уже узнала: у нея будетъ ребенокъ! Что значитъ для нея теперь зима! Ничего другого, какъ только ступень къ радости. Старый міръ разрушенъ, начинается новый. У нея будетъ ребенокъ весною! Она не смѣла раньше говорить объ этомъ мужу. Но сегодня вечеромъ, когда они вдвоемъ будутъ сидѣть у огня, она скажетъ ему.

Она стояла неподвижно въ темнотѣ сумерокъ, стараясь быть спокойной. Наконецъ, въ далекомъ пространствѣ, она увидѣла пятно, появившееся на краю горизонта. Это ея мужъ верхомъ на лошади. Сколько разъ она видѣла его, появлявшагося тамъ, на краю свѣта, какъ она видитъ его теперь! Она зажгла лампу и поставила ее на окно. Въ очагѣ она раздула огонь до пламени; свѣтъ отъ него забѣгалъ по бревенчатымъ стѣнамъ, увѣшаннымъ дешевыми картинами и дорогими фотографіями, которыя напомнили ей, что она имѣетъ братьевъ, сестеръ, родителей тамъ далеко, въ одномъ изъ тѣхъ южныхъ городовъ, гдѣ разгорѣлась страшная война.

Ея мужъ отвелъ коня въ конюшню и вошелъ въ домъ. Она прижалась головой къ его плечу, потомъ занялась приготовленіемъ ужина; а онъ, уставшій, сѣлъ за маленькій столъ.

— Тяжело было тебѣ собирать подати этотъ разъ? — спросила она.

Ея мужъ былъ сборщикъ податей.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ разсѣянно. — Впрочемъ, да, немного! Но я собралъ все, даже недоимки. Это составило большую сумму.

Повидимому, онъ думалъ о чемъ-то другомъ. Она прекратила разговоръ, видя, что его что-то безпокоитъ.

— Сегодня я услыхалъ новости въ Филипсѣ, — сказалъ онъ, — которыя мнѣ совсѣмъ не нравятся. Если бы я узналъ ихъ раньше и если бы я могъ найти, гдѣ перемѣнить лошадь, я бы поѣхалъ прямо въ N. Но было уже слишкомъ поздно и не безопасно, а ты могла бы безпокоиться, не случилось ли со мной что-нибудь, если бы я не вернулся къ ночи со всѣми этими деньгами. Я поѣду завтра чуть свѣтъ.

Они заговорили о дѣлѣ, которое звало его въ ближайшій городъ, находящійся въ тридцати миляхъ разстоянія, и гдѣ были отданы на проценты ихъ маленькія сбереженія, которымъ

теперь грозитъ опасность, какъ теперь оказывается. Кто тамъ остался живъ, что тамъ осталось нетронутымъ за это время, когда недошедшая еще сюда война между сѣверомъ и югомъ все больше и больше разгорается? Она еще не пришла къ нимъ, но она подобна землетрясенію, которое поглощаетъ цѣлые города въ одной части Европы, а въ другой части ея заставитъ только задребезжать чайную чашку на полкѣ въ какомъ-нибудь домишкѣ, не опрокинувъ ея. Подобно этому, и до нихъ докатилась война.

— У меня все-таки есть надежда — сказалъ онъ, но лицо его было мрачно. — Я представить себѣ не могу, какъ это возможно, чтобы мы потеряли то малое, что у насъ есть. Господь одинъ знаетъ, какъ тяжко было съэкономить это. Но все-таки быстрота и совмѣстныя хлопоты съ Рейнольдомъ, вѣроятно, помогутъ мнѣ спасти наши сбереженія.

Говорилъ онъ разсѣянно, точно думалъ о чемъ-то другомъ. Затѣмъ началъ вынимать изъ кожаной сумки различные мѣшочки съ деньгами.

— Могу я помочь тебѣ сосчитать?

Она часто помогала ему въ этомъ.

Они пересчитали грязныя бумажныя деньги и сложили ихъ назадъ въ мѣшочки, на которыхъ были наклеены ярлыки.

— Вѣрно, — сказалъ онъ.

— Но вѣдь ты не сможешь передать деньги въ казначейство завтра, если ты ѣдешь въ N?

— Я это знаю, — сказалъ онъ, глядя на нее, — объ этомъ я думалъ все время съ тѣхъ поръ, какъ услыхалъ непріятныя для насъ извѣстія. Мнѣ не нравится оставлять тебя съ такой большой суммой денегъ въ домѣ, но я долженъ.

Она замолчала. За себя она не боялась, но это были казенныя деньги, не свои. Она не была нервозной женщиной, но она всегда раздѣляла съ мужемъ извѣстный страхъ передъ этими пузатыми мѣшками и всегда была счастлива, когда видѣла его вернувшимся благополучно — онъ никогда не ѣздилъ по одной и той же дорогѣ, когда ѣздилъ вносить деньги въ казначейство. Въ эти жестокія времена, когда люди ходятъ вооруженными, не слѣдуетъ, чтобы кто-нибудь зналъ, что при васъ находится большая сумма денегъ.

Онъ осматривалъ мѣшки и хмурился.

— Я не боюсь, — сказала она.

— Собственно и нужды нѣтъ бояться, — сказалъ онъ

минуту спустя. — Если я ихъ оставлю завтра утромъ, то всѣ будутъ думать, что я увезъ ихъ для взноса. Только...

Фразы онъ не кончилъ, но она знала, что пришло ему въ голову: это страшная пустынность равнины. И тутъ же послышался острый волчій вой.

— Я не боюсь, — повторила она.

— Я буду въ отлучкѣ только одну ночь, — сказалъ онъ.

— Я часто проводила цѣлую ночь одна.

— Я знаю, — отвѣтилъ онъ, — но тѣмъ не менѣе не хорошо оставлять тебя одну съ такими деньгами.

— Никто не будетъ знать, что онѣ останутся здѣсь.

— Это вѣрно, но кое-кто знаетъ, что я собралъ большую сумму.

— А тѣ будутъ думать, что ты уѣхалъ вносить ихъ, какъ всегда.

— Да! — проговорилъ онъ съ усиліемъ.

Онъ всталъ и подошелъ къ своему ящику съ инструментами.

„Если я скажу ему теперь, — подумала она, — но это заставитъ его еще больше безпокоиться обо мнѣ. Возможно, что онъ откажется ѣхать, а онъ долженъ ѣхать. Нѣтъ, я не скажу ему, пока онъ не вернется назадъ“.

Рѣшеніе не говорить ему вызвало у нея такое ощущеніе, точно она голой рукой схватила кусокъ желѣза на морозѣ. Она не знала, что это будетъ такъ болѣзненно.

„Нѣтъ, все-таки не скажу ему“, — подумала она.

Ея мужъ вынулъ инструменты, съ помощью ихъ поднялъ въ полу доску и положилъ въ это отверстіе деньги, а сбоку свои незатѣйливыя драгоцѣнности, какъ онѣ были — въ жестяной бисквитной коробочкѣ. Потомъ онъ опустилъ доску и плотно прибилъ ее. На этомъ мѣстѣ лежалъ маленькій мѣховой коврикъ, и она опять разостлала его. Убравъ инструменты, онъ подошелъ и сталъ противъ нея. Онъ не замѣтилъ происшедшую въ ней перемѣну, а она опустила глаза изъ боязни выдать себя.

— Завтра я уѣду рано, еле забрезжитъ разсвѣтъ и возвращусь до заката солнца послѣзавтра. Я знаю, что это безразсудно, но мнѣ будетъ легче, если ты пообѣщаешь мнѣ одну вещь.

— Что именно?

— Не выходить изъ дому и не пускать въ домъ рѣшительно никого ни подъ какимъ предлогомъ за то время, когда я буду отсутствовать.

— У меня не будетъ надобности выходить изъ дому.

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ рукой.

— Обѣщай мнѣ: что бы ни случилось, ты не впустишь никого въ домъ во время моего отсутствія, — повторилъ онъ.

— Обѣщаю.

— Поклянись!

Она колебалась.

— Поклянись ради меня, — настаивалъ онъ.

— Клянусь, что я не впущу въ домъ никого, ни подъ какимъ предлогомъ до тѣхъ поръ, пока ты не вернешься, — сказала она, улыбаясь, ему.

Онъ вздохнулъ, бросился на стулъ и далъ волю своей страшной усталости, которая овладѣла имъ.

На слѣдующее утро онъ уѣхалъ, едва начало разсвѣтать, но раньше онъ принесъ ей такое количество топлива, которое было бы достаточно на нѣсколько дней. Ночью выпало больше снѣга, мелкаго какъ соль, но однако не настолько, чтобъ затруднить ѣзду. Она приглядывалась къ нему, когда онъ уѣзжалъ, и старалась заглушить внутренній голосъ, который говорилъ ей, что она никогда больше не увидитъ, не услышитъ его. Она боролась съ этимъ голосомъ, но онъ подымался все настойчивѣе: „Ты слышала его голосъ, чувствовала его поцѣлуи въ послѣдній разъ; онъ никогда не увидитъ своего ребенка“. Она призвала на помощь всю свою энергію и принялась за работу.

Она привыкла быть одной. У нея было достаточно работы и уборки въ маленькомъ домѣ, который весною, благодареніе Богу, пріобрѣтетъ настоящій уютъ. Вечеръ насталъ скорѣе, чѣмъ она ожидала. Она позапирала всѣ двери, наложила болты, закрыла ставни на окнахъ. Она дѣлала все увѣренно, какъ дѣлала это много разъ раньше.

Потомъ, окончивъ свою работу, она взяла самую новую изъ своихъ красиво переплетенныхъ книгъ, недавно присланныхъ изъ Новаго Орлеана и начала читать:

„Qui, sans doute, tout meurt; ce monde est un grand rêve,
Et le peu de bonheur qui nous vient en chemin,
Nous n'avons pas plus tôt ce roseau dans la manain
Que le vent nous l'enlève [1]).

---

[1]) О, да! все умираетъ; этотъ міръ мечта, —
И немного счастья, которое мы находили на пути, —
Точно тростинка, попадавшая въ наши руки,
Которую тотчасъ же вѣтеръ вырываетъ у насъ.

Съ наступленіемъ ночи поднялась вьюга, она прошла мягко по снѣгу и тронула будто осторожной рукой двери и окна. Она могла слышать, какъ вьюга подходила издалека, уходила со вздохомъ, опять возвращалась со стономъ, безпріютная и съ отчаяніемъ завывала вокругъ дома.

„J'ai vu sous le soleil tomber bien d'autres choses.
Que les feuilles das bois et l'écume des eaux
Bien d'autres s'en aller que le parfum des roses
Et le chant des oiseaux [1]).

Этотъ вѣтеръ принесетъ еще больше снѣгу. Она невольно отложила книгу и стала прислушиваться.

Какъ похожъ звукъ вѣтра на движущіеся шаги, медленно ступающіе, подкрадывающіеся къ дому! Ей уже представилось, что чья-то рука тронула ставни, а теперь уже старается налечь на ручку двери.

Настала минута напряженнаго молчанія, при которомъ вѣтеръ будто удерживалъ дыханіе и прислушивался снаружи, какъ она прислушивалась внутри. И за симъ слабый отчетливый ударъ въ дверь.

Она не подвинулась.

— Это вѣтеръ, — сказала она себѣ, но она чувствовала, что это не вѣтеръ.

Ударъ повторился слабый, но требовательный, такой, который не потерпитъ отказа.

Она похолодѣла. Она предполагала, что страхъ — это волненіе головное. Она не ожидала такой медленной парализаціи всего тѣла.

У нея едва нашлось силы пробраться къ окну и чуть-чуть раздвинуть ставни. Прижавъ свое лицо къ уголку оконнаго стекла, она могла различить, при свѣтѣ снѣга, часть человѣческой фигуры, закутанной въ шинель.

Она крѣпче притворила ставню.

Онъ постучалъ снова и уже сильнѣе. Какая нужда была въ соблюденіи тишины, если на протяженіи миль и миль кругомъ не найдется существа, которое бы могло услышать что-либо, развѣ только случайная бродячая собака.

Она положилась на свою отвагу, видя, что только въ ней и есть спасеніе, и пошла къ двери.

---

[1]) Я видѣлъ подъ солнцемъ, какъ падали многія вещи, —
Не только лѣсные листья и водяная пѣна,
Многое другое исчезало, — не только ароматъ розъ
И пѣніе птицъ.

— Кто тамъ? — спросила она.

Мужской голосъ, слабый и болѣзненный, отвѣтилъ:

— Впустите меня!

— Я не могу впустить васъ!

Короткое молчаніе.

— Я прошу васъ, впустите меня, — сказалъ онъ опять.

— Я сказала вамъ, что не могу впустить. Кто вы такой?

— Я раненый солдатъ. Я старался вернуться къ моимъ товарищамъ въ N. — Онъ назвалъ поселеніе въ пятидесяти миляхъ на сѣверъ. — Я заблудился и теперь не могу двигаться дальше.

Сердце ея колебалось между подозрѣніемъ и состраданіемъ.

— Я одна во всемъ домѣ, — сказала она. — Мужъ уѣхалъ и заставилъ меня обѣщать ему, что я не впущу въ домъ никого ни подъ какимъ предлогомъ во время его отсутствія.

— Итакъ, мнѣ остается умереть у вашихъ дверей, — сказалъ голосъ, — я не въ состояніи двигаться дальше.

Снова наступило молчаніе.

— Опять пошелъ снѣгъ, — проговорилъ онъ.

— Я знаю, — отвѣтила она, и онъ услыхалъ смущеніе въ ея голосѣ.

— Отворите дверь и посмотрите на меня: могу ли я вамъ причинить какой-либо вредъ?

Она отворила дверь и стала на порогѣ, заступая входъ. Онъ стоялъ, облокотившись на дверной косякъ, какъ это часто дѣлалъ ея мужъ, разговаривая съ ней лѣтними вечерами. Что-то въ его осанкѣ, такъ похожей на ея мужа, страшно поразило ее. Ну что, если и ея мужъ взываетъ теперь также напрасно о помощи?..

Человѣкъ повернулъ лицо къ ней. Оно было изнурено, со впалыми щеками, обезображено страданіемъ, нехорошее лицо. Правая рука была на перевязи подъ истрепанной шинелью. Казалось, онъ изнемогаетъ...

— Мой мужъ никогда не проститъ мнѣ, — сказала она, подавляя слезы.

Онъ молчалъ. Изъ ночной темноты неслись хлопья снѣгу которые падали на его суровое, отталкивающее лицо, на его забинтованную руку.

Внезапное движеніе состраданія превозмогло все. Она жестомъ указала ему, чтобы онъ вошелъ въ домъ, и заперла за нимъ дверь засовомъ. Она усадила его на стулъ мужа у

огня. Онъ же едва ли отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ. Онъ былъ пораженъ и сидѣлъ, глядя то на нее, то на огонь. Когда она спросила, какого онъ полка, онъ не отвѣтилъ ей.

Она подала ему тотъ ужинъ, который приготовила для себя. Онъ началъ ѣсть, сначала съ трудомъ, потомъ съ жадностью...

Постепенно онъ сталъ приходить въ себя.

— Я чувствовалъ, что я кончаюсь, когда я стучался къ вамъ, — повторялъ онъ нѣсколько разъ.

Она перевязала его рану, которая, повидимому, не была глубокой, наложила свѣжій бандажъ и поправила перевязь. Онъ принималъ все это, какъ должное.

За кухней въ комнаткѣ она устроила ему постель изъ ковровъ и одѣялъ. Когда она вернулась назадъ въ комнату, она нашла его поднявшимся на ноги и разсматривавшимъ маленькій, нарисованный красками, портретъ президента Линкольна, который стоялъ на каминѣ. Она повела и показала ему постель, совѣтуя ему лечь. Онъ безпрекословно повиновался ей. Черезъ нѣсколько минутъ она тихонько подошла къ двери комнатки и прислушалась. Его тяжелое, правильное дыханіе сказало ей, что онъ заснулъ.

Она вернулась въ кухню и сѣла у огня.

— Дѣйствительно ли онъ уснулъ? Не было ли это все притворствомъ — и рана, и то, что онъ разсказывалъ, и страшное изнеможеніе? Не попала ли она въ западню? Ахъ! Что она надѣлала, что надѣла!

Теперь она почувствовала въ себѣ полную раздвоенность: съ одной стороны, она, спокойная, осторожная, безстрашная, увидѣла, что позволила себя обмануть, несмотря на то, что ее предупреждали, что на ея чувствительности играли, что воспользовались ею и даже не искусно воспользовались, она сознала, что не послушалась мужа, нарушила данную ему торжественную клятву, и, если деньги будутъ украдены, это послужитъ поводомъ къ разрыву съ мужемъ, и она покроетъ безчестіемъ и мужа и себя. Она уже не сомнѣвалась, что деньги будутъ украдены.

Съ другой же стороны, она говорила себѣ: „я не могла поступить иначе! Кто-то произвелъ его на свѣтъ. Какая-то женщина кричала отъ радости и муки, когда онъ рождался. Онъ бы умеръ, если бы я не взяла его къ себѣ. Я не могла поступить иначе!“

Въ продолженіе долгихъ часовъ она сидѣла у огня, не рѣшаясь подняться наверхъ въ свою комнату и лечь въ постель.

Только разъ она встала, чтобы взять пистолетъ мужа съ камина. Ихъ была пара; одинъ изъ нихъ онъ взялъ съ собой и, видимо, вопреки своей привычкѣ, онъ взялъ и пороховницу, такъ какъ ея не было на гвоздѣ. Оба пистолета всегда держались заряженными, но по какой-то злой случайности — тотъ, который остался, былъ не заряженъ. Она могла поклясться, что два дня тому назадъ она видѣла, какъ мужъ зарядилъ его. Что это? Зачѣмъ еще и эта тревога обрушивается на нее.

Она достала порохъ и пули изъ шкафа, зарядила пистолетъ, насыпала пороху и положила его на столъ возлѣ себя.

Такъ какъ ночь сдѣлалась очень тиха, то ея слухъ, казалось ей, такъ обострился, что она могла слышать малѣйшее движеніе въ пространствѣ. Дрова въ очагѣ трещали и съ шумомъ падали. Большіе часы въ углу тикали, подымая и опуская цѣпочку, какъ это имъ и подобаетъ. Бревенчатыя стѣны коробились и слегка потрескивали. Маленькіе домашніе звуки еще болѣе подчеркивали внѣшнюю тишину. Вдругъ среди ея ухо уловило какой-то очень слабый, какъ бы сдерживаемый звукъ, точно мышь скребется подъ поломъ, или кротъ роется подъ землею. Потомъ звукъ прекратился... Это, вѣроятно, представилось ея разстроенному воображенію. Но нѣтъ — опять послышался. Откуда только идетъ этотъ звукъ?

А человѣкъ въ сосѣдней комнатѣ!

Она взяла лампу и осторожно прошла узкій коридорчикъ, ведущій къ двери комнатки возлѣ кухни. Громкое ровное дыханіе человѣка было слышно отчетливо черезъ щели плохо прилаженной двери. Подозрительно было, что оно какъ-будто слишкомъ громко. Она прислушивалась. Неужели это дыханіе — притворство? Она тихонько открыла дверь и вошла, прикрывая рукой свѣтъ отъ лампы.

Она наклонилась къ спящему человѣку. По первому взгляду сердце ея упало, такъ какъ оказалось, что онъ не снялъ своихъ сапогъ. Но когда она ближе присмотрѣлась къ нему, ея подозрѣнія исчезли. Онъ лежалъ на спинѣ съ измученнымъ лицомъ, обращеннымъ къ ней, съ открытымъ ртомъ, въ которомъ виднѣлись испорченные зубы. Это былъ сонъ человѣка, находящагося въ совершенномъ изнеможеніи. Несомнѣнно, онъ спалъ.

Она выскользнула изъ комнатки, оставя дверь полуоткрытой, и вернулась въ кухню.

Едва она сѣла, какъ снова послышался тотъ звукъ. Она теперь знала, что онъ идетъ отъ входной двери. Кто-то ковыряетъ въ замкѣ.

И теперь, когда спящій человѣкъ былъ внѣ ея наблюденія, она опять заподозрила его.

Да спалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ? Онъ не снялъ сапогъ. Когда она, приготовивши ему постель, вернулась въ комнату, она нашла его стоящимъ передъ каминомъ. Не вынулъ ли онъ зарядъ изъ пистолета, когда ея не было въ комнатѣ? А что какъ вдругъ онъ встанетъ и отворитъ двери своимъ сообщникамъ?

Ея мысль работала ясно, холодно и неотступно. Она взяла было пистолетъ, но опять положила. Ей нужно было болѣе безшумное орудіе. Она взяла большой складной ножъ своего мужа изъ открытаго ящика для инструментовъ и осторожно пошла снова къ кровати спящаго. Она была способна убить его — конечно она убьетъ его, а пистолетъ будетъ имѣть для того — другого.

Но онъ все еще спалъ тяжелымъ сномъ. Когда она увидѣла его, опять ея подозрѣнія пропали. Она видитъ, что онъ спитъ.

Она потрясла его за плечо, сначала тихо, потомъ съ возрастающей силой, пока онъ не проснулся со стономъ. Тогда только она вспомнила, что трясла его за больную руку. Онъ увидѣлъ ножъ въ ея рукѣ и поднялъ свою лѣвую руку, какъ бы желая отразить ударъ.

— Прислушайтесь, — прошептала она надъ самымъ его ухомъ. — Не говорите ничего. Кто-то пытается вломиться въ нашъ домъ. Вы должны встать и помочь мнѣ.

Онъ смотрѣлъ на нее, сначала ничего не понимая, потомъ мало-по-малу пришелъ въ сознаніе. Пища и сонъ подкрѣпили его. Онъ сѣлъ въ постели.

— Снимите мои сапоги, — сказалъ онъ шопотомъ, — я старался снять ихъ, но не могъ.

Послѣднее подозрѣніе ея исчезло. Она перерѣзала шнурки ножомъ и стащила съ него сапоги. Они пристали къ его ногамъ, и куски шерстяныхъ носковъ снялись съ сапогами. Пока она трудилась надъ сапогами, онъ прошепталъ:

— И кому это нужно ломиться сюда? Здѣсь вѣдь и взять нечего.

— Взять-то есть что: здѣсь есть хорошая сумма денегъ.

— Боже мой! Гдѣ же?

— Подъ поломъ въ кухнѣ?

— Вы увѣрены, что они знаютъ, гдѣ находятся деньги? Много ли ихъ тамъ?

— Я не знаю.

— Хорошо! Мы это скоро узнаемъ, — сказалъ человѣкъ. Онъ оживился, расхрабрился. — Есть ли у васъ пистолеты?

— Есть одинъ.

— Принесите его, но не дѣлайте шуму, смотрите!

Она тихо вышла и вернулась съ пистолетомъ. Она хотѣла дать его ему въ руки, но онъ отстранилъ ее.

— Я не могу имъ пользоваться, — сказалъ онъ, — при моей рукѣ на перевязи. Я погляжу, что смогу я сдѣлать лѣвой рукой и ножомъ. Умѣете ли вы стрѣлять?

— Да!

— Хорошо! Сколько времени можетъ выдержать дверь?

Оба они вышли въ коридорчикъ, держась близко одинъ другого, прислушиваясь къ шуму за дверью. Было ясно: ломаютъ замокъ.

— Я не думаю, чтобы дверь выдержала болѣе минуты.

— Теперь вотъ что, — сказалъ онъ, — я пойду и стану внизу на лѣстницѣ и ударю ножомъ второго человѣка, если будетъ второй. Перваго я оставлю вамъ. Снѣгъ немного отсвѣчиваетъ, и можно будетъ увидѣть того, кто отворитъ дверь. Не медлите, стрѣляйте, какъ только войдетъ онъ, и не останавливайтесь, продолжайте стрѣлять, пока онъ не повалится. Смотрите, не ошибитесь и не выстрѣлите въ меня. Теперь внимательно глядите, куда я пойду и гдѣ стану. Когда я буду на мѣстѣ, загасите лампу.

Онъ говорилъ съ ней, какъ мужчина говоритъ со своимъ товарищемъ. То, что она можетъ быть испугана, онъ не принималъ въ расчетъ. Ступая по кошачьи, подкрадываясь, спустился онъ по лѣстничкѣ и прислонился къ стѣнѣ. Затѣмъ онъ вытянулъ раза два свою лѣвую руку, какъ бы желая испытать ее, лизнулъ черенокъ ножа и кивнулъ ей головой.

Она немедленно загасила лампу.

Сдѣлалось темно, и только слабая полоска свѣта черезъ щель обрисовывала дверь. Въ этой полоскѣ что-то двигалось. Звукъ отмыканья замка крючкомъ замолкъ. Другой звукъ послѣдовалъ за нимъ, новый, не похожій на прежній, точно что-то, будучи уже открытымъ, дергалось.

„Болтъ удержитъ“,— ск[illegible] она себѣ тотчасъ же, но только теперь вспомнила, что кольц[illegible], которое держало болтъ, нѣсколько дней тому назадъ отв[illegible]нтилось. Теперь онъ подастся.

И онъ подался!

Дверь отворилась тихо, и чел[illegible]вѣкъ вошелъ.

Она ясно увидѣла его въ [illegible]т[illegible] отъ снѣга.

Безъ малѣйшаго колебанія она выстрѣлила разъ—другой. Онъ упалъ и дѣлалъ усилія подн[illegible]ся, а она стрѣляла и стрѣляла. Онъ старался стать на кол[illegible]ни, она стрѣляла. Наконецъ, онъ медленно, точно утомившись, опустилс[illegible] лицомъ къ стѣнѣ.

Человѣкъ, стоявшій внизу лѣстницы, [illegible]ступилъ и глянулъ черезъ отворенную дверь.

— Богъ мой! Онъ былъ одинъ, — воскликнулъ онъ.

Тогда онъ подошелъ къ лежащему чел[illegible]вѣку и повернулъ его на спину.

— Умеръ, — сказалъ онъ почти ласково. — По-дѣломъ ему!

Онъ былъ въ маскѣ.

Грубая лѣвая рука сорвала твердую маску съ лица.

Женщина приблизилась и глянула черезъ плечо.

— Знаете вы его? — спросилъ человѣкъ.

Нѣсколько минутъ она не отвѣчала, а пистолетъ, который такъ хорошо исполнилъ свое дѣло, выпалъ съ трескомъ изъ ея парализованныхъ рукъ.

— Онъ мнѣ чужой, — сказала она, глядя въ упоръ на мертвое лицо свое мужа.

Пер. съ англійскаго Л. Д.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЕЧЕРЪ.

Темнѣетъ... И тишью и тѣнью
Овѣянъ задумчивый садъ, —
Такъ ласково пахнетъ сиренью,
И золотомъ липы горятъ.

Темнѣетъ... За синею далью
Зарей догораетъ весна,
Спокойной старинной печалью
Душа неизбывно полна.

Темнѣетъ... И тѣни ночныя
Къ землѣ возвращаются вновь...
Откуда надежды былыя?
Откуда былая любовь?

Почіетъ покой благодатный,
Какъ сумракъ, на чуткихъ цвѣтахъ.
Темнѣетъ... Но день незакатный
Какъ будто восходитъ въ мечтахъ.

* * *

Осеннимъ вечеромъ, при ровномъ свѣтѣ лампы,
Засиживаюсь я за маленькимъ столомъ.
Спятъ мирно на стѣнахъ портреты и эстампы, —
Покой и тишина, уснуло все кругомъ.

Другая жизнь теперь. Забыто все дневное.
Ужъ гдѣ-то въ первый разъ пропѣли пѣтухи...
Какъ хорошо въ тиши, съ довѣрчивой душою,
Читать наивные старинные стихи.

Задумчиво курить, изъ узкаго стакана
Медлительно тянуть холодное бордо,
И думать ласково о нѣжной, свѣтлой, странной
Любви Тургенева къ Полинѣ Віардо.

Семенъ Астровъ.

ГОРОДЪ И ГОРЫ.

Романъ Хозе Марія Эса де-Квейрозъ.

Переводъ З. Журавской.

(Продолженіе [1].)

VI.

Подъ конецъ іюля пошли дожди, освѣжившіе воздухъ, и я ужъ начиналъ подумывать объ осуществленіи своего замысла — совершить паломничество по европейскимъ городамъ, которое до этого времени соблазны міра и плоти заставляли меня откладывать. Но Хасинто, невѣдомо съ чего, присталъ ко мнѣ, чтобъ я ходилъ съ нимъ ежедневно часа въ четыре къ г-жѣ д'Оріоль. И я понялъ, что принцъ мой, подобно божественному Ахиллу, который никогда не сидѣлъ подъ шатромъ и возлѣ бѣленькой, глупенькой и капризной Бризеиды безъ своего друга Патрокла, и въ пріютѣ любви не можетъ обойтись безъ утѣшительной помощи дружбы. Бѣдный Хасинто! Еще съ утра условливался онъ по телефону съ г-жей д'Оріоль объ этомъ часикѣ сладкаго отдыха. И мы всегда находили красавицу подготовленной и одной въ ея салонѣ на Лиссабонской улицѣ, гдѣ едва хватало мѣста для насъ двухъ, гдѣ мы задыхались отъ множества цвѣтовъ въ корзинахъ и въ гротахъ съ золотыми рѣшетками, гдѣ всѣ полы были застланы звѣриными шкурами и заставлены японскими уродцами или обюссоновскими ширмочками, образовавшими уютные уголки для задушевной бесѣды. Свернувшись клубочкомъ въ лакированномъ бѣломъ плетеномъ креслѣ, среди подушекъ, надушенныхъ индійскою вервеной, съ романомъ на колѣняхъ, г-жа д'Оріоль ждала своего друга, въ пассивной и лѣнивой позѣ, напоминавшей о востокѣ и гаремахъ. Но шелковыя платья помпадуръ свѣтлыхъ цвѣтовъ дѣлали ее похожей также и на маркизу изъ Версаля, наскучившую великимъ вѣкомъ. Иной разъ она одѣвалась въ темную парчу съ блистающимъ широкимъ поясомъ, словно венеціанка, изукрасившая себя для Дожа. Мое вторженіе въ интимность этихъ часовъ уединенія вдвоемъ ни-

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", іюль—августъ, стр. 209.

сколько не смущало ея; наоборотъ, она рада была появленію новаго вассала, новой пары глазъ, которые любовались ею. Я для нея былъ «cher Fernandes».

Но едва она раскрывала губки алѣе свѣжей раны и начинала щебетать, какъ меня обволакивала атмосфера парижской жизни, съ всѣми ея шумами и голосами. Она умѣла говорить лишь о себѣ, а она была краткимъ резюме того общественнаго класса, къ которому она принадлежала, и жизнь ея была лишь краткимъ резюме парижской жизни. И жизнь эта, съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ, заключалась въ томъ, чтобъ утонченнѣйшимъ образомъ украшать и лелѣять свое прекрасное тѣло, блистать въ салонахъ, выбирать матеріи и озабоченно совѣщаться съ модными портными; кататься по Лѣсу, сидя въ своей викторіи неподвижно, какъ восковое изваяніе; пудрить свои обнаженныя плечи, ужинать крылышкомъ бекаса, проталкиваться сквозь толпу гостей на балахъ, засыпать усталой, съ насыщеннымъ тщеславіемъ, утромъ мелькомъ просматривать газеты за чашкой шоколада, и отъ времени до времени бросать мужу: «Ахъ, это ты?...» А въ сумерки вздыхать на софѣ въ объятіяхъ кого-нибудь, кому она вѣрна. Въ этомъ году софа была абонирована моимъ другомъ Хасинто. И всѣ эти разнообразныя требованія, предъявляемыя къ ней городомъ и кастой, она съ улыбкой выполняла. Съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ, она такъ часто улыбалась, что по угламъ ея рта образовались уже не изглаживавшіяся двѣ складочки. Но иныхъ признаковъ утомленія не было ни на кожѣ ея, ни въ душѣ.

Въ ея записной книжечкѣ, въ спискѣ знакомыхъ, было до трехъ тысячъ именъ, и все изъ высшаго дворянства. У этого блестящаго круга знакомыхъ заимствовала она и свои идеи, проникавшія туда вмѣстѣ съ рисовой пудрой, которую она употребляла съ дѣтства. Въ политикѣ она была на сторонѣ правителей; всѣ же прочіе «ужасы»: республику, соціализмъ, демократію, которая никогда не умывается, смѣясь отбрасывала отъ себя легкимъ движеніемъ вѣера. Великимъ постомъ она носила на своей шляпкѣ терновый вѣнецъ, ибо для людей знатнаго происхожденія это были дни скорби и покаянія. И о каждой новой книгѣ, о каждой картинѣ говорила и судила именно такъ, какъ принято было на той недѣлѣ судить и говорить въ ея кругу. Никогда въ жизни она не запутывалась въ сѣтяхъ страсти. Всѣ свои расходы аккуратно записывала въ тетрадку, переплетенную въ зеленый плюшъ. Религіей ея души, болѣе истинной, чѣмъ та которую она выносила на показъ людямъ, въ церковь св. Филиппа до Руль, былъ культъ священнаго порядка. Зимой, когда подъ ударами мостовъ начинали замерзать глупые ребятишки, она съ трогательною заботливостью приводила въ порядокъ свои костюмы для

катанья на конькахъ, и туалеты для благотворительныхъ баловъ, ибо г-жа д'Оріоль была добрая душа и принимала участіе во всѣхъ благотворительныхъ базарахъ, лотереяхъ и концертахъ, устраиваемыхъ герцогинями, или дамами ея круга. Весной же она методически и задешево продавала свои зимніе туалеты торговкѣ. Парижъ недаромъ любовался ею, она была прекраснѣйшимъ цвѣткомъ парізіанизма.

Такъ мы и проводили іюльскіе полдневные часы въ гостиной, пропитанной ароматомъ этого тонкаго цвѣтка, въ то время, какъ другіе цвѣты увядали и вѣшали головки отъ жары и пыли. Но и въ этомъ благоуханіи Хасинто не находилъ успокоенія своей душѣ. Съ терпѣливой медлительностью, съ которой мы карабкаемся на всѣ Голгоѳы, какими бы дорогими коврами онѣ ни были прикрыты, онъ взбирался на лѣстницу г-жа д'Оріоль, отлогую и уставленную зелеными пальмами.

Когда прелестное созданье разсыпало передъ нимъ всѣ чары своего кокетства, какъ павлинъ распускаетъ хвостъ, онъ вяло дергалъ себя за усы, съ видомъ человѣка, который майскимъ утромъ, когда на заборахъ поютъ малиновки, присутствуетъ при панихидѣ въ церкви, задрапированной траурнымъ крепомъ. И въ поцѣлуѣ, который онъ на прощанье запечатлѣвалъ на прелестной ручкѣ, всякій разъ чувствовалось облегченіе.

Но всякій день, набродившись досыта по комнатамъ, пересмотрѣвъ кучу газетъ и равнодушно выслушавъ всѣ сообщенія по телефону, Хасинто звалъ меня и съ явнымъ усиліемъ надъ собой говорилъ мнѣ:

— Пойдемъ къ г-жѣ д'Оріоль. Мнѣ надо бы сдѣлать пять-шесть визитовъ, но я не въ состояніи, это такъ скучно. Пойдемъ лучше къ г-жѣ д'Оріоль. Тамъ, по крайней мѣрѣ, тихо и прохладно.

Въ одинъ изъ такихъ дней мы встрѣтили на лѣстницѣ мужа г-жи д'Оріоль. Я уже зналъ его въ лицо, Хасинто какъ-то показалъ мнѣ его въ Муленъ-Ружъ, ужинающимъ съ танцовщицами. Это былъ упитанный вялый молодой человѣкъ, бѣлый, какъ свѣжее свиное сало, съ уже замѣтной лысиной, которую онъ непрерывно гладилъ толстыми пальцами, унизанными кольцами.

Въ этотъ день онъ былъ, однакожъ, красенъ, какъ ракъ, ужасно возбужденъ и теребилъ свои перчатки. Онъ остановился передъ Хасинто и, не подавая ему руки, пренебрежительно махнулъ рукой по направленію къ верхней площадкѣ.

— Вы туда? Вы найдете Жанну въ прескверномъ настроеніи. Мы только что жестоко съ ней поссорились.

Онъ снова дернулъ за перчатку, соломеннаго цвѣта, уже лопнувшую въ двухъ мѣстахъ.

— Мы живемъ каждый по-своему, не стѣсняя другъ друга — отлично. Но во всемъ же должна быть мѣра и предѣлъ. Она моя жена и носитъ мое имя не могу же мириться съ тѣмъ, что она, съ вѣдома всего Парижа, становится любовницей моего... лакея. Нѣтъ, это уже слишкомъ. Если она намѣрена заводить романы съ лакеями, пускай ѣдетъ въ провинцію, въ свой замокъ Ла Карбелль... Тамъ она можетъ дѣлать все, что хочетъ. Такъ я ей и сказалъ... Она бѣсновалась, какъ тигрица...

Онъ потрясъ руку Хасинто, который былъ «человѣкомъ его круга», и стремительно побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, украшенной цвѣтами. Мой принцъ постоялъ на ступенькахъ и медленно провелъ рукой по свисавшимъ усамъ. Потомъ взглянулъ на меня взглядомъ, до того насыщеннымъ отвращеніемъ ко всему на свѣтѣ, что ничто уже не могло сдѣлать міръ и людей еще противнѣе для него.

— Мы все-таки пойдемъ наверхъ, не правда ли?

Наконецъ, мое завѣтное желаніе сбылось. Я путешествовалъ, побывалъ во всѣхъ сколько-нибудь извѣстныхъ городахъ Европы. Тридцать четыре раза, потѣя и кряхтя, я укладывалъ и снова распаковывалъ свои чемоданы. Одиннадцать дней я провелъ въ вагонѣ, среди пыли и дыма, задыхаясь, кашляя, обливаясь потомъ, на каждой станціи выскакивая, чтобы проглотить отвратительный теплый лимонадъ, послѣ котораго меня мутило. Сорокъ разъ, изнемогая отъ усталости, я поднимался вслѣдъ за лакеемъ по незнакомой лѣстницѣ новаго отеля и обводилъ нерѣшительнымъ взглядомъ незнакомую и непривѣтливую комнату. Сорокъ ночей я провелъ безъ сна на непривычныхъ мнѣ постеляхъ и вскакивалъ съ испугомъ, чтобы на незнакомомъ языкѣ спросить кофе, варенаго на молокѣ и отдававшаго лакрицей, и принять тепленькую ванну, отъ которой пахло иломъ. Восемь разъ у меня выходили жестокія пререканія съ кучерами, которые стремились ограбить меня. Я потерялъ за это время шляпную картонку, пятнадцать носовыхъ платковъ, три пары кальсонъ и два сапога, одинъ бѣлый, а другой лакированый, и оба съ правой ноги. Болѣе, чѣмъ за тридцатью табль д'отами я уныло дожидался, когда до меня, наконецъ, дойдетъ бефъ а ля модъ, уже холодный и съ остывшею подливкой, и когда лакей подастъ мнѣ бутылку бордо, отъ котораго я, отвѣдавъ его, отворачивался съ кислою гримасой. Набожно приглушая шагъ, я проходилъ подъ мраморными и гранитными сводами двадцати девяти соборовъ. Съ мучительной болью въ спинѣ

я осмотрѣлъ сорокъ музеевъ и въ нихъ сто четыре залы, доверху увѣшанныя и установленныя Христами, героями, нимфами, святыми, принцессами и принцами, изображеніями битвъ, зелеными лугами, голыми мужчинами и женщинами... И на все это истратилъ около шести тысячъ франковъ. Я могъ сказать о себѣ, что я путешествовалъ.

И, наконецъ, въ благословенный октябрьскій день, когда впервые палъ на землю иней, я съ умиленной радостью узрѣлъ вновь еще спущенныя занавѣси на окнахъ № 202. Я потрепалъ швейцара по плечу. На лѣстницѣ, гдѣ мнѣ пахнулъ въ лицо теплый, душистый воздухъ, напомнившій мнѣ о Флоренціи, я чуть не задушилъ въ своихъ объятіяхъ Грильо.

— Ну, что Хасинто?

— Его милость не въ духѣ. Вернулись поздно съ бала у герцогини де Лошъ. Праздновали помолвку м-ль де Лошъ. Передъ тѣмъ, какъ лечь въ постель, его милость скушали еще чайнаго мороженаго. Потомъ схватились за голову и вскрикнули:

— Какая скука! О, какая скука!

Взявъ ванну и напившись шоколаду, уже въ десять часовъ, въ отличномъ настроеніи, въ тепломъ мягкомъ шлафрокѣ, я ворвался въ спальню моего принца и кинулся къ нему съ раскрытыми объятіями.

— Здравствуй, Хасинто.

— Здравствуй, бѣглецъ.

Мы обнялись еще и еще разъ. Затѣмъ я отодвинулъ его отъ себя, чтобъ заглянуть ему въ лицо и въ душу. Въ какой-то розовой фуфайкѣ, обшитой куньимъ мѣхомъ, блѣдный и вялый, съ уныло свисавшими внизъ усами, сутулый, словно уже согнувшійся подъ страшной тяжестью этого дня, стоялъ передо мной мой принцъ. Я улыбнулся, чтобъ и его заставить улыбнуться.

— Ну что, Хасинто? Какъ тебѣ жилось тутъ безъ меня?

— Какъ въ могилѣ, — былъ спокойный отвѣтъ. И двѣ складки по угламъ его рта залегли еще глубже.

Я засмѣялся принужденно.

— Скучалъ?

У него вырвался такой искренній стонъ, что я невольно обнялъ его и прижалъ къ себѣ, чтобъ перелить въ него хоть каплю той веселости, которой наградилъ меня Господь.

Съ этого утра Хасинто началъ откровенно говорить съ своимъ Зэ Фернандесомъ о томъ, какъ онъ скучаетъ, какъ ему надоѣла жизнь. Онъ тщательно анализировалъ свою тоску, старался разобраться въ ней, въ надеждѣ исцѣлиться, познавъ причину зла. И не

разставался съ Книгой Мудрости Соломона, возилъ ее съ собой въ каретѣ по Парижу. И часто вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ восклицалъ отъ всей души: «Vanitas vanitatem». А потомъ лежалъ на диванѣ, кутаясь въ теплый шлафрокъ, перелистывая Шопенгауера и подставляя ноги педикюру. Рядомъ стояла чашечка тончайшаго фарфора и въ ней дымилось кофе, настоящее мокка, присланное изъ пустыни, но и оно казалось моему другу недостаточно крѣпкимъ и ароматичнымъ. По временамъ онъ клалъ книгу на грудь и обводилъ сострадательнымъ взглядомъ педикюра, словно соображая, какое горе могло бы огорчить этого человѣка — у каждаго вѣдь имѣется свое горе. Навѣрное, всю жизнь возиться съ чужими ногами довольно непріятное занятіе... И на прощанье улыбнулся педикюру и такъ дружески, такъ ласково сказалъ ему: «Прощайте, другъ мой», словно хотѣлъ сказать: «Прощай, товарищъ по несчастью».

Это былъ лучшій и самый занятный періодъ его скуки. Хасинто, наконецъ нашелъ для себя въ жизни благородное занятіе — проклинать жизнь. И для того, чтобъ имѣть право проклинать ее во всѣхъ видахъ, онъ заполнялъ свою жизнь новой роскошью, новыми умственными интересами, новыми гуманитарными порывами и сверхчеловѣческой жаждой знанія.

№ 202 въ эту зиму ослѣплялъ своимъ блескомъ. Мой принцъ давалъ балы и праздники, напоминающіе пиры Геліогабала, о которыхъ повѣтствуетъ Historia August. Онъ угостилъ своихъ пріятельницъ знаменитымъ обѣдомъ, на которомъ все было розовое: мебель, стѣны, электрическія лампочки, сервировка стола, хрусталь, ледъ и шампанское, и даже рыба, жаркое и овощи, которые подавали лакеи въ розовыхъ ливреяхъ, а съ потолка, задрапированнаго розовымъ газомъ, сыпались розовые лепестки... Восхищенный Парижъ рукоплескалъ: «Браво, Хасинто!» А принцъ мой, заложивъ руки въ карманы, стоялъ передо мной и, торжествуя, восклицалъ: «Ну развѣ не правъ я, что тутъ можно умереть со скуки?».

Затѣмъ слѣдовалъ приступъ туманитаризма: мой принцъ построилъ госпиталь для стариковъ, въ деревнѣ, среди зелени, и другой — для слабогрудыхъ дѣтей, на побережьѣ Адріатики. Затѣмъ сталъ увлекаться теософіей и устраивалъ ужасающіе опыты, съ цѣлью «изслѣдовать таинственныя проявленія движущей силы». И, наконецъ, съ отчаянія соединилъ свой кабинетъ особымъ телеграфнымъ проводомъ съ редакціею лондонскаго «Таймса», чтобы въ немъ, точно въ сердцѣ, пульсивировала вся общественная жизнь Европы.

И послѣ каждаго такого опыта, весело разводя руками, онъ торжествующе кричалъ мнѣ: «Вотъ видишь, Зэ Фернандесъ, смертная скука и ничего больше». И вновь бросался за Соломона и за

Шопенгауэра. У него была одна вѣра — пессимизмъ; богатый и вліятельный апостолъ этой вѣры, онъ все предпринималъ, чтобы доказать ея истинность. Въ этомъ году мой принцъ пилъ жизнь полною чашей.

Однакожъ, къ началу зимы и это перестало занимать его, и онъ цѣлыми днями зѣвалъ и лѣниво ощупывалъ свое лицо, словно ощупывая черепъ. И поминутно говорилъ о смерти, какъ объ освобожденіи. Однажды въ сумерки, въ библіотекѣ, онъ даже сильно напугалъ меня, начавъ разсказывать ледянымъ тономъ о внезапныхъ смертяхъ, легкихъ и безболѣзненныхъ, отъ прикосновенія къ заряженному электричествомъ проводу, или же отъ ціанистаго кали. Чортъ побери! изящный свѣтскій пессимизмъ моего друга неожиданно началъ проявлять волю къ самоутвержденію.

Онъ и ходилъ теперь, какъ будто упираясь, какъ быкъ, котораго ведутъ на бойню. Онъ ужъ не ждалъ отъ жизни никакого удовлетворенія и даже больше не жаловался на мучительность жизни: «Мнѣ все, все равно, Зэ Фернандесъ», — вяло вздыхая, говорилъ онъ. Съ одинаковымъ равнодушіемъ онъ вышелъ бы на балконъ, чтобы принять изъ рукъ народа царскую корону, или усѣлся бы въ старое кресло, чтобы отдохнуть. Разъ все безплодно, все — только иллюзія, обманъ, не все ли равно — тратить силы на кипучую работу, или же пребывать въ бездѣйствіи? У него появился жестъ, ужасно раздражавшій меня — привычка пожимать плечами. Когда ему предлагали на выборъ два мнѣнія, два блюда, два пути, онъ пожималъ плечами — не все ли равно? . . И даже, когда ему нужно было зажечь спичку, развернуть газету, словомъ, сдѣлать самый пустякъ, но только сдѣлать, онъ проявлялъ такую нерѣшительность, словно всѣ его члены и душа были опутаны невидимой веревкой, сковывавшей всѣ его движенія.

Очень непріятное воспоминаніе оставило во мнѣ 10-е января, день рожденія Хасинто. Рано утромъ м-мъ Трэвъ прислала ему поздравительное письмецо и съ нимъ корзину орхидей, азалій, камелій и ландышей. Это напомнило ему, какой сегодня день. И, выпустивъ на цвѣты клубъ сигарнаго дыма, онъ съ презрительнымъ смѣхомъ замѣтилъ:

— Итакъ, я уже тридцать четыре года нахожусь въ этомъ сумасшедшемъ домѣ.

Я предложилъ созвать друзей по телефону, чтобы выпить шампанскаго за здоровье новорожденнаго, но Хасинто только повелъ ноздрями: «О, нѣтъ! Это такая скука . .» — И крикнулъ Грильо:

— Сегодня меня ни для кого нѣтъ дома, понимаешь: *ни для кого*. Говори всѣмъ, что я уѣхалъ въ Марсель, въ деревню... умеръ.

Къ завтраку на столѣ чернаго дерева въ библіотекѣ скопилась груда визитныхъ карточекъ, писемъ и телеграммъ. Много было прислано и цвѣтовъ, въ роскошнѣйшихъ корзинахъ, съ красивѣйшими лентами, Хасинто сравнивалъ ихъ съ тѣми цвѣтами, которыя кладутъ на гробъ. Эфраимъ прислалъ ему занятный столикъ, который можно было принизить до ковра и поднять чуть не до потолка — зачѣмъ, невѣдомо, — но и этотъ затѣйливый подарокъ ни на минуту не заинтересовалъ новорожденнаго.

Послѣ завтрака мы никуда не пошли, такъ какъ дождь лилъ ручьями, а лѣниво сидѣли у камина и грѣли ноги у огня. Я, признаться, сладко вздремнулъ... Меня разбудили торопливые шаги Грильо. Онъ несъ подарокъ отъ эрцгерцога — серебряный, съ инкрустаціей изъ драгоцѣннаго кедроваго дерева ящикъ съ безцѣннымъ чаемъ, собраннымъ по листику на плантаціяхъ Кіангъ-Су чистыми руками молодыхъ дѣвушекъ и доставленный съ почетомъ, подобающимъ святой реликвіи, караваномъ черезъ всю Азію. Я взглянулъ на Хасинто, онъ сидѣлъ, углубившись въ кресло и рѣзалъ ножницами бумагу. Мнѣ вдругъ стало безумно жаль его: собрать у себя столько книгъ, накопить столько знаній, соединить вокругъ себя столько завоеваній науки, быть баловнемъ друзей, цивилизаціи, Парижа — и все лишь для того, чтобы въ день своего рожденія сидѣть уныло въ креслѣ и отъ скуки рѣзать бумагу!.. Чтобъ разогнать дремоту и тоску, я предложилъ выпить божественнаго чаю: самое подходящее занятіе для такого дня, когда дождь стучитъ въ стекла, а въ каминѣ пылаетъ яркій огонь. Хасинто согласился, и лакей внесъ столикъ Эфраима, который могъ бы тутъ же сослужить намъ службу. Но, когда принцъ мой, къ моему ужасу, взвинтилъ его чуть не до потолка, онъ ужъ потомъ, какъ ни старался, не могъ спустить его обратно, на сколько-нибудь человѣческую высоту. И лакей вновь унесъ его, словно какое-то химерическое сооруженіе, пригодное только для великановъ.

Чай былъ сервированъ на другомъ столикѣ, со множествомъ ложечекъ, чашечекъ, ситечекъ, лампочекъ и пр., придававшихъ чаепитію, которое въ домѣ моей тетки Висенціи было такимъ уютнымъ и простымъ занятіемъ, значительность какого-то торжественнаго обряда. Памятуя особливую цѣнность этого чая, я съ благоговѣніемъ поднесъ его къ губамъ. Напитокъ былъ безцвѣтный и безвкусный, пахнувшій мальвами и муравьями. Хасинто попробовалъ, сплюнулъ и выругался... Такъ мы и не пили чаю въ этотъ день...

Помолчали... Задумчиво глядя въ огонь, я говорилъ:

— А что-то наши строительныя работы въ Тормесѣ? Церковь... Интересно знать, выстроена ли уже церковь.

Хасинто снова взялся за бумагу и за ножницы.

— Не знаю. Я больше не получалъ извѣстій отъ Сильверіо... Понятія не имѣю, гдѣ теперь кости моихъ предковъ... Непріятная исторія!..

Близился часъ зажиганія огней и обѣда. Я черезъ Грильо велѣлъ нашему повару изготовить сладкую рисовую кашу и вывести на ней корицею иниціалы Хасинто и число, по милому обычаю нашей далекой родины. И моему принцу это страшно понравилось.

— Aroz dolce? Сладкій рисъ... Чудесно. Я ужъ цѣлую вѣчность не ѣлъ рисовой каши... съ тѣхъ поръ, какъ умеръ дѣдушка.

Но когда подали сладкій рисъ — какое разочарованіе! Передъ нами было монументальное сооруженіе, образецъ высокаго кулинарнаго искусства. Нѣчто въ родѣ массивной египетской пирамиды, поднимающейся вверхъ изъ вишневаго сиропа, съ вершиной, исчезающей подъ глазированными фруктами, которыми были выложены бока пирамиды; а на вершинѣ ея красовалась графская корона, изъ шоколада и мандаринныхъ корокъ. А иниціалы и число, которые такъ просто и серьезно выглядѣли, когда ихъ дѣлали изъ толченой корицы, были начерчены на краяхъ блюда... засахаренными фіалками. Съ нѣмымъ ужасомъ взирали мы на это испорченное кушанье. Хасинто поднялъ бокалъ шампанскаго и прошепталъ, словно на языческой тризнѣ:

— Ad manes (нашимъ усопшимъ).

Послѣ этого мы перешли въ библіотеку, чтобы напиться кофе поуютнѣе у камелька. За окномъ вѣтеръ завывалъ, словно въ горномъ ущельѣ; стекла дрожали и звенѣли подъ яростно хлеставшимъ ихъ дождемъ. Грустная ночь для бѣдняковъ, у которыхъ нѣтъ хлѣба и пріюта. Въ моей родной деревнѣ между долиной и холмами, быть можетъ, такъ же воетъ буря. Но тамъ, подъ защитой кирпичной кровли, у очага, надъ которымъ виситъ горшокъ съ горячими углями, каждый кутается плотнѣе въ длинный плащъ и придвигается ближе къ огню. А для тѣхъ, у кого нѣтъ дровъ и угля, есть Джаонъ дасъ Квинтасъ и тетушка Висенція, или священникъ; эти знаютъ всѣхъ бѣдняковъ по имени и ужъ заранѣе разсчитываютъ на ихъ, когда посылаютъ въ лѣсъ за дровами, или затопляютъ печку. Ахъ, маленькая Португалія, какъ ты ласкова къ бѣднякамъ!

Я вздыхалъ, Хасинто зѣвалъ... Со скуки оба мы стали просматривать газеты и журналы, которыхъ Грильо притащилъ цѣлую

пачку — парижскіе и лондонскіе, еженедѣльные и ежемѣсячные, съ иллюстраціями и безъ нихъ...Хасинто лѣниво развертывалъ газету и отбрасывалъ ее въ сторону, едва пробѣжавъ перечень событій, а иллюстрированные журналы безцеремонно разрѣзывалъ пальцемъ, зѣвалъ надъ иллюстраціями и придвигался все ближе къ огню.

— Пустота... нечего читать...

Внезапно, словно возмущенный этой удручающей скукой, поработившей его, онъ вскочилъ, какъ невольникъ, сбросившій оковы, и выпрямился, суровымъ, властнымъ взоромъ озираясь вокругъ, какъ бы требуя отъ этого № 202, въ которомъ онъ собралъ столько даровъ цивилизаціи, чтобъ онъ вызвалъ въ немъ интересъ, хотя на минуту далъ радость его томящейся душѣ. Но № 202 остался безучастнымъ, ни единый лучъ свѣта не озарилъ его нѣмого, блестящаго великолѣпія; и только дождь стучалъ о стекла да за окномъ завывалъ вѣтеръ.

Мой принцъ уныло потащился въ кабинетъ и принялся перебирать всѣ аппараты, предназначенные облегчать и услаждать ему жизнь: телеграфъ, телефонъ, фонографъ, радіометръ, графофонъ, микрофонъ, пишущую машину, счетную машину, электрическій печатный станокъ, магнетическіе приборы, трубки, провода... Такъ кающійся, ища помощи, ходитъ отъ одного алтаря къ другому... Но хитрая механика молчала, холодно блестя, и ни единое колесико не завертѣлось, ни единая пластинка не дрогнула, чтобы потѣшить господина.

Только монументальные часы, показывавшіе время всѣхъ столицъ и движеніе всѣхъ планетъ, сжалились и пробили полночь, возвѣщая моему другу, что еще одинъ день отошелъ въ вѣчность со всѣми его тяготами, еще на одинъ день сократилось иго жизни, подъ которымъ онъ сгибался въ дугу... Принцъ-счастливчикъ рѣшилъ, что пора идти спать и читать на ночь... Съ минуту онъ стоялъ въ нерѣшимости, оглядывая свою роскошную библіотеку, изъ семидесяти тысячъ томовъ, груды новыхъ книгъ, валявшихся въ углахъ, въ ожиданіи, когда ихъ занесутъ въ каталогъ и поставятъ на полки... Дергая себя за усы, онъ нерѣшительно подошелъ къ полкѣ историческихъ сочиненій; потянулся было къ блеску византійской имперіи, потомъ къ французской революціи, потомъ, пожавъ плечами, отвернулся отъ нея, провелъ рукою по томамъ, повѣствовавшимъ о возвышеніи Аѳинъ и разрушеніи Коринѳа...

Потомъ неожиданно повернулся къ поэтамъ, сіявшимъ въ свѣтленькихъ сафьянныхъ переплетахъ съ золотыми буквами на корешкахъ. Но ни одинъ изъ шести тысячъ не умѣлъ привлечь его, и онъ безнадежно обратился къ біологамъ... Полка естествознанія, одна-

кожъ, имѣла такой суровый и массивный видъ, что бѣдный Хасинто со страхомъ отступилъ, словно передъ неприступной цитаделью. И полѣзъ по лѣстницѣ наверхъ, въ воздушныя высоты астрономіи. Онъ снималъ звѣзды съ мѣстъ, переставлялъ міры; цѣлая солнечная система полетѣла на полъ. Испуганный Хасинто поспѣшилъ спуститься внизъ и началъ перелистывать новыя книги, еще безъ переплетовъ. Бралъ ихъ, заглядывалъ, отбрасывалъ, разрушалъ цѣлыя нагроможденія доктринъ, шагалъ черезъ проблемы, попиралъ ногами религіозныя ученія. Онъ чуть не по уши зарылся въ книги въ желаніи найти для себя подходящую, и кончилъ тѣмъ, что, споткнувшись о книги, самъ свалился и остался сидѣть на полу, пугливо озираясь на эти разбросанныя книги, лежавшія, словно трупы погибшихъ бойцовъ... И, наконецъ, съ какимъ-то отвращеніемъ отвернулся отъ нихъ, перешелъ къ отдѣленію газетъ, взялъ съ полки старый № «Diario di Lissabon», и пошелъ наверхъ къ себѣ — уснуть, забыться...

VII.

Въ концѣ этого мрачнаго и тоскливаго лѣта, однажды утромъ, когда я нѣжился въ постели, любуясь блѣднымъ солнышкомъ, заглядывавшимъ въ окно, въ дверяхъ моей комнаты появился Хасинто въ костюмѣ изъ бѣлой фланели.

Подошелъ къ моей кровати и торжественнымъ тономъ, словно возвѣщая мнѣ о своей смерти, или о своей женитьбѣ, неожиданно объявилъ:

— Зэ Фернандесъ, я ѣду въ Тормесъ.

Я вскочилъ съ постели съ такой стремительностью, что почтенная тяжелая кровать донъ Гальяона вся закачалась подо мною.

— Въ Тормесъ? Хасинто, ты кого-нибудь убилъ?

Улыбаясь моему волненію, мой принцъ-счастливчикъ вынулъ изъ кармана письмо и прочелъ мнѣ слѣдующія строки, которыя онъ, повидимому, успѣлъ уже заучить наизусть, столько разъ онъ ихъ перечитывалъ:

«Преславный и пресвѣтлый господинъ. Съ превеликимъ удовольствіемъ честь имѣю довести до вашего свѣдѣнія, что на этой недѣлѣ работы по постройкѣ церкви будутъ закончены...»

— А! отъ Сильверіо?

— Да, отъ Сильверіо... — «закончены. И, слѣдовательно, почтенные останки славныхъ предковъ вашей милости могутъ быть вскорѣ перенесены въ церковь св. Іосифа, съ разрѣшенія нашего священника (который пользуется этимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать вашей милости свое почтеніе)... Всеподданнѣйше ожидаю

милостивыхъ распоряженій вашей милости касательно этой высокоторжественной и печальной церемоніи».

Я всплеснулъ руками.

— Ты хочешь присутствовать при перенесеніи останковъ?

Хасинто сунулъ письмо въ карманъ.

— Тебѣ не кажется, что это долгъ мой? Не столько передъ предками — мнѣ до костей ихъ мало дѣла — сколько передъ дѣдушкой Гальяономъ. Я и его не зналъ, но домъ весь полонъ имъ: ты вотъ спишь на его кровати, я до сихъ поръ ношу его часы... Не могу же я предоставить носильщикамъ и Сильверіо переносить его останки въ новое мѣсто упокоенія. Я уважаю требованія приличія... словомъ, я рѣшилъ ѣхать. И ѣду. И ты ѣдешь со мной.

Я сунулъ ноги въ туфли и запахнулъ шлафрокъ.

— Но извѣстно ли тебѣ, добрый мой Хасинто, что домъ твой въ Тормесѣ необитаемъ?

Онъ съ испугомъ раскрылъ широко глаза.

— Необитаемъ... да? Ужасенъ?

— Ужасенъ — нѣтъ, я не сказалъ бы... Но слуги, которые тамъ живутъ уже тридцать лѣтъ, спятъ на соломѣ, ѣдятъ свой «кальдо» [1]) тутъ же на очагѣ, а въ комнатахъ сушатъ маисъ. Если не ошибаюсь, единственная мебель, уцѣлѣвшая въ Тормесѣ — шкафъ и фортепіано изъ японскаго лакированнаго дерева, безъ одной ножки и безъ клавишей.

Мой бѣдный принцъ вздохнулъ уныло, какъ бы покоряясь судьбѣ.

— Ну что жъ. Alca jacta est. И такъ какъ мы ѣдемъ только въ апрѣлѣ, времени хватитъ для того, чтобы настлать полы и вставить окна. Я вышлю отсюда кровати и ковры. А обойщика можно выписать изъ Лиссабона. Мы возьмемъ съ собой книгъ, машинку для изготовленія искусственнаго льда. Кстати, это будетъ прекрасный случай хоть одно изъ моихъ владѣній въ Португаліи привести нѣсколько въ порядокъ и сдѣлать обитаемымъ. Ты не находишь? Вѣдь онъ стоитъ того... Домъ, выстроенный въ 1410 году... вѣдь это еще во времена существованія Византіи!

Я задумчиво намыливалъ себѣ лицо, готовясь бриться. Мой принцъ медленно закуривалъ, не отходя отъ моего туалетнаго стола и вглядываясь въ меня съ пристальностью, смущавшей меня.

---

[1]) Мясной супъ изъ четырехъ сортовъ мяса: говядины, курятины, свинины и сальхихо (мясной колбасы) съ мелко нарѣзанной свѣжей капустой, нѣчто въ родѣ нашихъ лѣнивыхъ щей — очень вкусное и питательное, національное португальское блюдо.

Наконецъ, словно пережевывая полученное впечатлѣніе и стараясь извлечь изъ него какъ можно больше смысла, онъ раздѣльно выговорилъ:

— Итакъ, Зэ Фернандесъ, ты находишь, что это, несомнѣнно, долгъ мой ѣхать въ Тормесъ?

Я съ изумленіемъ повернулъ къ нему намыленное лицо.

— Да вѣдь это ты самъ выдумалъ, Хасинто, относительно долга. Не я же. Это тебѣ пришла такая блестящая мысль, мой милый. И не уступай никому этой чести.

Онъ бросилъ папиросу и началъ ходить по комнатѣ, натыкаясь на стулья, стукаясь о витыя колонки старой кровати донъ Гальяона, словно лодка, сорвавшаяся съ якоря и брошенная въ открытое бурное море. И, наконецъ, причалилъ къ письменному столу, на которомъ я разставилъ, въ порядкѣ нѣжности моихъ къ нимъ чувствъ, цѣлую галлерею моихъ присныхъ, отъ карточки отца моего до фотографіи нашей овчарки Карохо.

Застегивая подтяжки, я искоса поглядывалъ на принца. Никогда еще я не видалъ его такимъ увядшимъ, поношеннымъ, потертымъ... Такъ вотъ онъ, послѣдній потомокъ сильнаго, энергичнаго рода Хасинто — скелетъ безъ мускуловъ и крови, безъ энергіи и воли. Потомокъ волосатыхъ Хасинто, которые, разбивъ мавровъ возлѣ Саладо и кастильянцевъ подъ Вальверде, по возвращеніи въ Тормесъ, даже не снимая желѣзныхъ доспѣховъ, спѣшили обрабатывать свои поля и подвязывать виноградъ. Тѣ были сильные, могучіе, какъ дубы. А этотъ — не Хасинто — Хасинтикуло, съ гладкою кожей, насквозь продушенной духами, съ коротенькой душой, запутавшейся въ философскихъ терминахъ, нерѣшительный, скованный, томящійся...

— Зэ Фернандесъ, кто эта маленькая, толстенькая крестьяночка?

Въ рукахъ у него была фотографія въ почетной рамкѣ изъ краснаго плюша.

— Прошу почтительнѣй, сеноръ Хасинто... Осторожнѣе, почтеннѣйшій. Это моя кузиночка и крестница Джоаннина, изъ Сандосима, изъ дому Флоръ да Мальва.

— Флоръ да Мальва — значитъ изъ рода Коннетабля Нунъ д,Альваресъ [1]).

— То Флоръ да Роза, что ты! Родъ Коннетабля назывался

---

[1]) Великій Коннетабль, Нуно Альваресъ Перейра, оруженосецъ короля Іоанна, родоначальникъ послѣдней династіи, царствовавшей въ Португаліи.

Флоръ да Роза и Алемтехо... Однако, какъ у тебя въ головѣ перепуталось все португальское.

Мой принцъ поставилъ фотографію на мѣсто и снова принялся ощупывать себѣ лицо, словно мертвую голову. И вдругъ рѣшительно воскликнулъ:

— Ну, все равно. Alea jacta est. Итакъ, мы ѣдемъ въ Сьерру... И больше нечего раздумывать... За дѣло. Надо сбираться въ Португалію.

Онъ схватился за ручку двери, словно за черную печать, замыкающую, скрѣпившую собой велѣніе Судьбы, и въ коридорѣ кликнулъ Грильо такимъ повелительнымъ голосомъ, какого я никогда не слыхалъ у него, какъ полководецъ, который велитъ бить тревогу, войскамъ сниматься съ лагеря и съ развѣвающимися знаменами идти въ походъ.

Въ это утро онъ обнаружилъ лихорадочную дѣятельность, напоминавшую мнѣ торопливость человѣка, глотнувшаго касторки. Онъ написалъ Сильверію, велѣлъ ему вычистить домъ, настлать полы тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и вставить стекла. А послѣ завтра пошелъ въ библіотеку, вызывать по телефону директора «Транспортной Компаніи», чтобы условиться съ нимъ относительно перевозки мебели.

Директоръ поспѣшилъ явиться лично. Это былъ человѣкъ, точно соскочившій съ плаката своей компаніи, въ темномъ дорожномъ костюмѣ, въ гетрахъ на бѣлыхъ башмакахъ, съ кожаной сумкою черезъ плечо и съ многоцвѣтною розеткою въ петлицѣ, объединявшею ленточки экзотическихъ орденовъ, полученныхъ имъ въ Мадагаскарѣ, Никарагуа, Персіи и прочихъ неправдоподобныхъ государствахъ, и свидѣтельствовавшихъ объ универсальности его услугъ. Какъ только мой пріятель назвалъ мѣсто назначенія: «Тормесъ на Дуро», онъ съ улыбкою превосходства протянулъ руку, словно показывая, что дальнѣйшія разъясненія излишни.

— Тормесъ... Parfaitement. Parfaitement.

Онъ на колѣнѣ сдѣлалъ маленькую запись въ своей записной книжкѣ, я подивился его знакомству съ глухими уголками Португаліи и ея старыми господскими усадьбами... Но онъ уже сунулъ книжку обратно въ карманъ. Теперь «почтеннымъ господамъ» оставалось только упаковать мебель, вещи, драгоцѣнности, а онъ пришлетъ за ними ящики, на которыхъ большими буквами густыми чернилами выведены будутъ наши имена.

— Тормесъ, parfaitement. Линія. Сѣверная Испанія—Медина—Саламанка... Parfaitament. Тормесъ. Чрезвычайно живописное мѣсто. Старинное, историческія воспоминанія...

Онъ отвѣсилъ намъ низкій, до полу поклонъ, рискуя свернуть

себѣ шею, и вышелъ изъ библіотеки аршинными шагами, свидѣтельствовавшими объ его быстротѣ и исполнительности.

— Ты видишь, какъ это здѣсь дѣлается легко и быстро... Въ Португаліи это была бы цѣлая трагедія. Все-таки, Парижъ одинъ на свѣтѣ.

И затѣмъ началась колоссальная укладка всего, необходимаго моему принцу для того, чтобы прожить мѣсяцъ въ суровой горной мѣстности: кроватей съ пружинными матрацами, никелированныхъ ваннъ и душей, карсельныхъ лампъ, низкихъ дивановъ, портьеръ, ковровъ и пр., пр. Изъ магазиновъ со всѣхъ концовъ города присылали ежедневно ящики и тюки, пакеты ужасающей величины; коридоры были завалены соломой и оберточной бумагой, заглушавшей наши шаги.

Поваръ лихорадочно закупалъ и укладывалъ всевозможныя печи и посуду, банки съ консервами, съ трюфелями, пузатыя бутылки съ минеральной водой. Страшась грозъ, особенно сильныхъ въ горахъ, Хасинто пріобрѣлъ громоотводъ. Съ ранняго утра въ саду и на дворѣ стучали молотками, забивая гвозди. И когда со двора выѣзжалъ фургонъ, увозившій уже заколоченные ящики, мнѣ вспоминалось геродотовское описаніе выступленія персовъ въ походъ. Хасинто наблюдалъ въ окно за всѣми этими приготовленіями.

— Смотри, Зэ Фернандесъ, какъ все это легко и быстро дѣлается... Мы покидаемъ нашъ № 202, чтобъ ѣхать въ горы и тамъ найдемъ снова № 202. А все-таки Парижъ одинъ на свѣтѣ.

Покидая Парижъ, Хасинто снова проникался любовью къ нему, снова тщательно одѣвался по утрамъ, украшалъ петлицу букетикомъ, весело садился въ коляску, чтобы ѣхать въ Лѣсъ, и съ удовольствіемъ раскланивался и съ черною ассирійской бородой Эфраима, и съ безупречнымъ проборомъ г-жи Верганъ, и съ психологомъ въ фіакрѣ, и съ графиней де Трэвъ въ новой коляскѣ на восьми рессорахъ... А затѣмъ собиралъ друзей и организовалъ по телефону импровизированный ужинъ у Вуазена, или у Виньона, гдѣ онъ съ нетерпѣніемъ голоднаго развертывалъ салфетку и тщательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы бургундское было въ мѣру согрѣто. Въ Буффѣ и въ Нувотэ онъ теперь снова хохоталъ, какъ школьникъ, надъ устарѣлыми шутками и стереотипными гримасами стереотипнѣйшихъ комедіантовъ, смѣнившихъ его еще въ дѣтствѣ, до войны, при Наполеонѣ Третьемъ.

Снова въ теченіе двухъ недѣль листки его записной книжки едва вмѣщали все, что ему слѣдовало сдѣлать въ продолженіе дня. На маскарадѣ у принцессы Кравонъ-Роганъ, гдѣ онъ появился, одѣтый Фридрихомъ II Швабскимъ, онъ всѣхъ поразилъ великолѣпіемъ своего

костюма. Я тоже былъ тамъ въ костюмѣ Мосоде Форкадо. А въ обществѣ «изслѣдователей эзотерическихъ религій» онъ произнесъ блестящую рѣчь на тему о необходимости построить на Монмартрѣ храмъ Будды.

Къ изумленію моему, онъ даже снова началъ говорить о «цивилизаціи въ крупномъ масштабѣ», какъ бывало въ школьные годы. И велѣлъ уложить свой старый телескопъ, чтобы использовать его въ Тормесѣ. Я уже начиналъ серьезно опасаться, какъ бы онъ тамъ у насъ, на Сьеррѣ, не выстроилъ настоящаго города... Однажды утромъ онъ пришелъ ко мнѣ въ комнату очень взбудораженный. Оказывается, мы забыли книги. Какъ же мы будемъ жить въ глуши безъ книгъ? Мой принцъ рѣшилъ тотчасъ же заполнить свой досугъ въ горахъ изученіемъ естественныхъ наукъ, и мы оба собственноручно принялись бросать на дно объемистаго новаго ящика, одинъ за другимъ, двадцать пять томовъ Плинія. А затѣмъ охапками таскать туда же геологію, минералогію, ботанику... А сверху положили воздушный слой астрономіи. И, чтобъ придать устойчивость этимъ шаткимъ наукамъ, свободныя мѣста въ ящикѣ заложили метафизикой.

Но когда послѣдній ящикъ былъ забитъ и погруженъ на послѣдній фургонъ «Транспортной Конторы», какъ только этотъ послѣдній фургонъ выѣхалъ за ворота, все возбужденіе Хасинто сразу улеглось,какъ пѣна въ бакалѣ шампанскаго. Тянулись уже тепленькіе дни мартовскихъ идъ. И снова неудержимая зѣвота моего друга и хозяина раздавались по всему дому; снова диваны скрипѣли подъ тяжестью его тѣла, когда онъ, смертельно утомленный усталостью и скукой, вытягивался на нихъ, въ надеждѣ обрѣсти забвенье и покой. Снова онъ ощупывалъ пальцами свое исхудалое лицо и въ сумерки разсказывалъ мнѣ въ библіотекѣ о способахъ наиболѣе безболѣзненной и скорой смерти. Наконецъ, однажды, увидавъ его лежащимъ на диванѣ, сложивъ руки на груди, словно его собственный надгробный памятникъ, я взбѣсился и принялся трясти его, крича:

— Послушай, да проснись же! Ѣдемъ въ Тормесъ. Вѣдь домъ, навѣрное, уже готовъ. Тамъ все блистаетъ новизной и чистотой. И кости твоихъ предковъ стосковались по могилѣ. Вставай. Пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ, а мы съ тобою будемъ жить. Чортъ побери! Вѣдь сегодня ужъ 5-е апрѣля. Самое время ѣхать въ горы.

Мой принцъ постепенно вышелъ изъ своей неподвижности и сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы стряхнуть апатію.

— Сильверіо такъ больше и не написалъ мнѣ... Но, разумѣется, тамъ все должно быть ужъ готово... Слуги, навѣрно, есть... и поваръ выписанъ изъ Лиссабона... Я возьму съ собой только

Грильо, да еще Анатоля, который такъ чудесно чиститъ сапоги и подаетъ надежды стать недурнымъ мозольнымъ операторомъ. Сегодня воскресенье... (онъ вынулъ часы) уже четыре... Отлично. Мы ѣдемъ въ субботу.

И, какъ бы скрѣпляя это геройское рѣшеніе, онъ вдругъ вскочилъ съ дивана.

— Итакъ, въ субботу. Ты увѣдомишь Сильверіо.

Мы приступили къ самому тщательному и внимательному изученію путеводителя, и тонкій палецъ Хасинто неустанно блуждалъ по картѣ желѣзныхъ дорогъ между Парижемъ и Тормесомъ. Выбирая салонъ-вагонъ для столь рискованной поѣздки, мы дважды обошли депо на Орлеанскомъ вокзалѣ, обрызганные грязью изъ-подъ ногъ стремительно шагавшаго впереди насъ начальника станціи. Одинъ вагонъ не нравился моему принцу мрачностью цвѣта обивки. Другой былъ имъ отвергнутъ изъ-за узкости уборной. Больше всего заботило его, гдѣ мы будемъ брать ванну по утрамъ. Я предложилъ захватить съ собой резиновый «tub»... Хасинто нерѣшительно вздохнулъ... Но всего ужаснѣй для него была пересадка въ Мединѣ дель Кампо. Ночью, въ темнотѣ, въ Старой Кастиліи! Напрасно «Общество желѣзныхъ дорогъ Сѣверной Испаніи и Саламанки» присылало ему успокоительныя телеграммы, завѣряя, что его уже будетъ ждать другой салонъ-вагонъ, который еще въ Ирунѣ прицѣпятъ къ португальскому поѣзду, и вагонъ превосходный, хорошо освѣщенный, натопленный и съ ужиномъ, которымъ угощаетъ его одинъ изъ его директоровъ — донъ Эстебанъ Кастильо, нашъ частый гость въ № 202, веселый шумный собесѣдникъ и другъ кипучихъ винъ.

Хасинто провелъ рукой по лицу.

— А подушки, а мѣха и шубы? А книги, которыя будутъ съ нами? Кто же перенесетъ все это съ ирунскаго поѣзда на саламанкскій?

Тщетно я увѣрялъ его, что мадинскіе носильщики самые аккуратные и самые проворные во всей Европѣ. Онъ бормоталъ:

— Все-таки, въ Испаніи, ночью...

Ночь на маленькой станціи, вдали отъ столицы, безъ электричества, безъ телефона, безъ полиціи, представлялась ему чреватой всякими опасностями. Онъ успокоился только тогда, когда знакомый намъ извѣстный профессоръ астрономіи на городской обсерваторіи установилъ, что ночь, на которую выпадаетъ эта остановка, будетъ лунная.

Въ пятницу закончилась, наконецъ, организація этого историческаго путешествія. Суббота началась добрымъ предзнаменованіемъ. День выпалъ ярко солнечный. Я только кончилъ упаковывать въ мяг-

кую бумагу фотографіи милыхъ дѣвочекъ, услаждавшихъ мое существованіе за послѣдніе двадцать семь мѣсяцевъ въ Парижѣ и называвшихъ меня: «mon petit chon ... mon rat cheri», когда вошелъ Хасинто съ дивнымъ букетомъ орхидей въ петлицѣ. Онъ былъ блѣденъ и очень возбужденъ.

— Ну, хочешь на прощанье прокатиться по Лѣсу?

И мы поѣхали прощаться. Я съ наслажденіемъ покачивался на мягкихъ подушкахъ нашей викторіи. И почти жалѣлъ, что не могу вѣчно кататься такъ, подъ мѣрный топотъ дивныхъ лошадей, въ блестящей лакированной коляскѣ, по макадаму глаже мрамора, межъ красивыхъ цвѣточныхъ клумбъ и выложенныхъ изумруднымъ дерномъ лужаекъ, раскланиваясь съ изящными и милыми людьми, которые пьютъ шоколадъ въ чашкахъ изъ севрскаго фарфора, ѣдутъ, развалясь на шелковыхъ подушкахъ и прикрывая ноги тысячными пледами, и не спѣша, безпечно, граціозно пьютъ солнечное тепло и свѣтъ. Въ Лѣсу гармонически переливались краски: голубая, зеленая и золотая. Ни единой пяди сѣрой земли не нарушало правильности словно полированныхъ аллей; зелень всюду была дисциплинирована, подстрижена и вымыта, объ этомъ заботилось государство. Птицы едва позволяли себѣ оживлять пейзажъ легкимъ щебетаньемъ, и то естественнѣй его казался скрипъ новенькихъ сѣделъ подъ очаровательными амазонками. У Арменонвильскаго павильона мы встрѣтили м-мъ де Трэвъ, приласкавшую обоихъ насъ очаровательной улыбкой не въ мѣру яркихъ губъ. За нею, словно черная тѣнь ея, вынырнула талмудическая борода Эфраима, тоже сверкавшая отъ утренняго смазыванія брильянтиномъ, высоко на звенящемъ фаэтонѣ. Въ аллеѣ Акацій намъ встрѣтились другіе друзья Хасинто, и всѣ руки, посылавшія намъ дружески привѣтственные жесты, были въ свѣжихъ желто-соломенныхъ, гри-перль или сиреневыхъ перчаткахъ. Тодель пронесся мимо насъ, блеснувъ огромнымъ колесомъ велосипеда. Дорнанъ покачивался въ креслѣ-качалкѣ подъ кустомъ бѣлаго терна и сосалъ толстую сигару, придумывая сенсаціонныя риѳмы. Дальше мы увидали психолога, который не замѣтилъ насъ — онъ съ чувствомъ и кокетливо убѣждалъ въ чемъ-то, видимо, очень важномъ, обладательницу изящной каретки, изъ которой пахло альковомъ, но которой толстый кучеръ съ окладистою бородой придавалъ видъ порядочности и приличія.

Герцогъ де Маризакъ жестомъ остановилъ насъ, опрашивая Хасинто, участвуетъ ли онъ сегодня вечеромъ въ живыхъ картинахъ у Вергановъ. Мой принцъ угрюмо буркнулъ: «Нѣтъ, я уѣзжаю ... на югъ ...» Маризакъ выразилъ сожалѣніе — вечеръ будетъ блестящій. Живыя картины на сюжеты изъ священной и римской исторіи ...

Г-жа Верганъ будетъ изображать Магдалину съ обнаженными руками, грудью и ногами, осушающую своими волосами ноги Спасителя. Христа изобразитъ юный красавецъ, родственникъ де Трэвовъ, служащій въ военномъ министерствѣ. Въ числѣ другихъ картинъ будетъ Лукреція въ постели и возлѣ нея Тарквиній, тыкающій ножемъ въ простыню. А затѣмъ будутъ ужинать, за отдѣльными столиками, каждый въ своемъ костюмѣ. Самъ онъ тоже будетъ участвовать въ одной картинѣ, вмѣстѣ съ г-жею де Мальбъ. Чудесная картина! Мертвая Агриппина и около нея Неронъ, изучающій ея формы, восхищаясь однѣми и неодобрительно отвертываясь отъ другихъ... Впрочемъ, рѣшено, что Неронъ изъ вѣжливости долженъ восхищаться всѣми формами м-мъ де Мальбъ...

Словомъ, все это будетъ колоссально и чрезвычайно поучительно.

Мы простились съ веселымъ Маризакомъ и велѣли кучеру ѣхать домой. Хасинто, морща лобъ, погрузился въ угрюмое молчаніе и скрестилъ руки на груди, словно укрощая бурю чувствъ, боровшихся въ его груди, гдѣ зрѣли важныя рѣшенія... Въ заключеніе онъ тряхнулъ головой, описавъ тріумфальную арку, и шепнулъ:

— А не легко, все-таки разстаться съ Европой!..

VIII.

Въ концѣ концовъ, мы все-таки уѣхали. Подъ вечеръ, въ тихій, туманный, сумеречный часъ покидали мы № 202. Мы съ Хасинто сѣли въ автомобиль. Грильо и Анатоль въ извозчичій фіакръ, доверху заваленный книгами, пальто, дождевиками, подушками, бутылками съ минеральной водой, кожаными саквояжами, портпледами и пр. и пр. Сзади, скрипя, тащился омнибусъ, съ нашими вещами — цѣлыхъ тридцать два мѣста. На вокзалѣ Хасинто, въ дополненіе къ захваченнымъ нами книгамъ, купилъ всѣ №№ газетъ, вышедшихъ въ этотъ день, всѣ иллюстрированные журналы, продававшіеся въ киоскѣ, и еще массу книгъ, а кромѣ того, пробочникъ весьма сложнаго устройства и вида очень недружелюбнаго. Начальникъ движенія и секретарь Компаніи, которой принадлежала дорога, торжественно ввели насъ въ нашъ вагонъ-салонъ, и мы устроились, какъ дома. Я поспѣшилъ замѣнить шляпу мягкой дорожной шапочкой и надѣть туфли. Пронзительный свистокъ прорѣзалъ тьму. Замелькали мимо оконъ огни города. Парижъ сверкнулъ еще разъ, другой, третій и исчезъ во тьмѣ. Хасинто бросился къ окну, вплотную прижался носомъ къ стеклу, но мы были уже въ провинціи, во мракѣ. Мой принцъ устало откинулся на подушки.

— Какую авантюру мы затѣяли, Зэ Фернандесъ!

До Шартра мы оба молча перелистывали иллюстрированные журналы. Въ Орлеанѣ въ наше купэ постучался проводникъ, почтительно прося разрѣшенія приготовить намъ постели. Разбитый до послѣдней степени четырнадцатью мѣсяцами цивилизованной жизни, я уснулъ мгновенно и проснулся только, когда Грильо принесъ намъ шоколадъ. За окнами моросилъ дождикъ; небо казалось толстымъ слоемъ грязной ваты. Оказалось, что Хасинто вовсе и не ложился, такъ онъ не довѣрялъ дорожной койкѣ: простыни показались ему недостаточно тонкими и какъ будто немного влажными. Невыспавшійся, злой, въ бѣломъ фланелевомъ халатѣ, обмакивая сухарикъ въ шоколадъ, онъ сердито ворчалъ:

— Ужасно! Только дождя и недоставало.

Въ Біаррицѣ мы оба одновременно, лѣниво заявили:

— Это Біаррицъ.

Хасинто, глядѣвшій на платформу сквозь затуманенное каплями дождя стекло, узналъ издали журавлиную походку и ястребиный носъ историка Данжона. Мудрецъ въ клѣтчатыхъ панталонахъ, шагалъ рядомъ съ шарообразной дамой, которая вела на лентѣ длинношерстую собачку. Хасинто поспѣшилъ спустить стекло и окликнуть историка, радуясь, что нашелъ знакомаго, который словно приближалъ его къ Парижу и къ № 202... Но поѣздъ уже тронулся, и платформа потонула въ туманѣ и ручьяхъ дождя.

На мосту Бидассоа, гдѣ, по словамъ Хасинто, уже кончалась человѣческая жизнь и начинались рифы и подводные камни дикости, мой бѣдный принцъ вздохнулъ уныло:

— Теперь адью. Теперь ужъ мы въ Испаніи...

А я уже пилъ полной грудью дивный воздухъ моей благодатной родины и, возмущенный, вихляя бедрами и щелкая пальцами, какъ кастаньетами, запѣлъ ему соотвѣтствующую моменту «Петенеру»:

A la puerta de mi casa,
Ay Soled d Soleda... á... á... á...

Хасинто съ мольбой протянулъ ко мнѣ руки:

— Зэ Фернандесъ, имѣй же жалость къ больному и огорченному другу.

— Ирунъ. Ирунъ.

Въ этомъ Ирунѣ насъ накормили отличнымъ завтракомъ, ибо надъ нами, какъ нѣкій вездѣсущій Богъ, бдѣло общество Сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ. Затѣмъ, начальникъ станціи самолично перевелъ насъ въ другой салонъ-вагонъ, обитый съ иголочки новенькимъ оливковымъ атласомъ, но такой маленькій, что добрую половину нашихъ портфлеевъ, книгъ, пальто и саквояжей пришлось пе-

ренести въ купэ спальнаго вагона, гдѣ Анатоль и Грильо въ шотландскихъ шапочкахъ и съ толстыми сигарами въ зубахъ, перебранивались между собою. — «Baen viaye! Gracias! Servidores!» И поѣздъ нашъ, шипя и свистя, въѣхалъ въ Пиринеи.

Подъ впечатлѣніемъ дождя, который все окутывалъ сѣрою пеленой, и однообразія горъ, словно выроставшихъ изъ-подъ земли и громоздившихся другъ на дружку, расплываясь въ туманѣ, я снова сладко задремалъ; и, когда, наконецъ, раскрылъ сами собой слипавшіяся вѣки, увидѣлъ, что Хасинто сидитъ въ углу, не глядя въ книгу, на которой переплелись его худые пальцы, и смотритъ въ пространство, съ глубокимъ уныніемъ человѣка, который ѣдетъ въ изгнаніе. Внезапно, онъ съ досадой отшвырнулъ отъ себя книгу, нахлобучилъ на голову мягкую войлочную шляпу и всталъ съ такой рѣшительностью, что я ужъ испугался было, а вдругъ онъ остановитъ поѣздъ, спрыгнетъ на рельсы и черезъ землю басковъ и Наварру бѣгомъ побѣжитъ въ Елисейскія Поля. Я отогналъ дремоту и окликнулъ его: «Послушай, братецъ . . .» Но бѣдный другъ мой отъ скуки только перемѣнилъ мѣсто и взялъ новую книгу, — но и въ другой уголъ дивана принесъ съ собою ту же скуку . . .

Смеркалось. Тьма сгущалась за окномъ; вѣтеръ и дождь къ вечеру все усиливались, и, чѣмъ темнѣе становилось за окномъ, тѣмъ большая тревога овладѣвала моимъ принцемъ. Вырванный изъ объятій цивилизаціи и насильно вытащенный на лоно природы, онъ уже чувствовалъ себя отданнымъ во власть безпощадныхъ стихій. И взволнованно разспрашивалъ меня о Тормесѣ.

— Ночами тамъ, навѣрно, жутко, — да, Зэ Фернандесъ? Непроглядная тьма, страхъ одиночества . . . А докторъ . . . Есть тамъ, по крайней мѣрѣ, докторъ?

Неожиданно поѣздъ остановился. Дождь громче застучалъ по стекламъ. Надъ широкой равниной ревѣла, завывая, буря. За окномъ блеснулъ свѣтъ фонаря и вдругъ погасъ. Хасинто топнулъ ногой. Какой ужасъ! . . Я пріотворилъ дверь купэ. Изъ всѣхъ оконъ высовывались испуганныя головы.

Влажный вѣтеръ хлестнулъ меня по лицу, едва не сорвалъ шапки, я поскорѣй захлопнулъ дверь . . . Медлительно тянулись нѣмыя и тоскливыя минуты . . . въ отчаяніи мы протирали пальцами запотѣвшія стекла, въ надеждѣ разглядѣть что-нибудь въ темнотѣ. Внезапно поѣздъ дрогнулъ и преспокойно загромыхалъ дальше.

Вскорѣ заблестѣли блѣдные огоньки маленькой станціи, похожей на казарму. Кондукторъ въ клеенчатомъ плащѣ, съ котораго ручьями стекала вода, по лѣсенкѣ влѣзъ къ намъ въ салонъ-вагонъ, и сообщилъ, наскоро процѣлкивая щипцами наши билеты, что

поѣздъ идетъ съ большимъ опозданіемъ и въ Мединѣ мы, пожалуй, ужъ не захватимъ поѣзда, который идетъ въ Саламанку.

— Какъ же намъ быть тогда...

Клеенчатый плащъ отдѣлился отъ окна и скользнулъ въ темноту, оставивъ послѣ себя запахъ сырости и смазочнаго масла. И началась новая мука. А что, если саламанскій поѣздъ и вправду ушелъ безъ насъ? Салонъ-вагонъ нашъ идетъ вѣдь только до Медины. Тамъ насъ отцѣпятъ и выплюнутъ наши безцѣнныя тѣла вмѣстѣ съ нашими безцѣнными душами и двадцатью тремя мѣстами багажа, не считая ручного, прямо въ грязь, въ сутолоку мединскаго вокзала, въ дождь и ненастье.

— О, Зэ Фернандесъ! провести ночь въ Мединѣ!

Ночь въ Мединѣ представлялась моему принцу верхомъ всякихъ злоключеній: грязная «фонда», запахъ чесноку, кровожадные клопы, ползающіе по грязнымъ простынямъ изъ грубаго бумажнаго холста... Я самъ встревожился и не сводилъ взгляда съ часовой стрѣлки, между тѣмъ какъ Хасинто, распахнувъ окно, несмотря на дождь, высунулъ голову и напряженно вглядывался въ темноту, въ надеждѣ увидать огни мединскаго вокзала и терпѣливо ожидающій насъ поѣздъ.

Потомъ онъ откинулся на подушки и, вытирая мокрые усы и бороду, принялся клясть Испанію. Локомотивъ пыхтѣлъ, какъ тяжело больной, борясь со встрѣчнымъ вѣтромъ, разгуливавшимъ на просторѣ безкрайной равнины. Мы оба вздрагивали при каждомъ свисткѣ. Медина?.. Нѣтъ? Навѣрно, какая-нибудь промежуточная маленькая станція, гдѣ поѣздъ остановился, только передохнуть; подъ навѣсомъ платформы уныло двигались сонныя фигуры, закутанныя, въ нахлобученныхъ на головѣ шляпахъ; огоньки фонарей мигали тускло, словно на похоронахъ.

Хасинто съ силой хлопнулъ себя по колѣну.

— Чортъ побери! да чего жъ онъ стоитъ, этотъ проклятый поѣздъ? Вѣдь здѣсь никто даже не вышелъ. Охъ, ужъ эта мнѣ Испанія!..

Колоколъ зазвонилъ, словно на панихиду. И снова мы помчались навстрѣчу тьмѣ и бурѣ.

Я кротко принялся читать захваченный съ собою изъ Парижа «Jornal de Commercio». Хасинто бѣшено шагалъ изъ угла въ уголъ, безпощадно вонзая каблуки въ коверъ и ворча, какъ разъяренный звѣрь. Такъ прошелъ, минута за минутой, часъ, показавшійся намъ вѣчностью. Снова заблестѣли вдали, въ туманѣ, огоньки. Застучали колеса, переѣзжая черезъ рельсы и стрѣлки, затряслись вагоны... Наконецъ, Медина!.. Сверкнула грязноватой бѣлизной стѣ-

на вокзала. Кто-то съ силою рванулъ дверь снаружи, и бородатый господинъ въ испанскомъ плащѣ освѣдомился, нѣтъ здѣсь ли донъ Хасинто...

— Скорѣй, скорѣй!.. Поѣздъ въ Саламанку сейчасъ отходитъ. Que non hay un moraento, coballeres! Que no ha un numento.

Я хватаю свое пальто и бѣгу, какъ одурѣлый. За мной Хасинто, даже безъ пальто. Страшно взволнованные, мы выскакиваемъ на платформу и бѣжимъ черезъ рельсы, по лужамъ, по грязи, спотыкаясь о вещи, разбросанныя по платформѣ, увлекаемые человѣкомъ въ плащѣ и подталкиваемые вѣтромъ, врываемся въ другую дверь, которая съ трескомъ захлопывается за нами... Мы оба еле отдышались... Стали оглядываться. Мы находились въ довольно просторномъ салонъ-вагонѣ, обитомъ зеленымъ сукномъ, такъ поглощавшимъ свѣтъ, что лампочки едва мерцали. Я отворилъ дверь и протянулъ руки, чтобы принять изъ рукъ носильщиковъ, проворнѣйшихъ во всей Европѣ, наши книги и чемоданы, портпледы и пальто, какъ вдругъ, безмолвно, безъ единаго свистка и предупрежденія, хотя бы словеснаго, поѣздъ тронулся... Мы оба кинулись къ окну съ яростнымъ крикомъ:

— Стойте! Стойте! А наши вещи? Наши пледы?.. Сюда! Къ намъ!... Грильо!

Вѣтеръ унесъ нашъ крикъ въ пространство. И снова потянулась черная, какъ ночь, равнина безъ конца и края, подъ проливнымъ дождемъ. Хасинто, задыхаясь отъ ярости, потрясалъ кулаками.

— Ну и желѣзныя дороги здѣсь! Нѣтъ, каковы канальи!.. Такія вещи могутъ происходить только въ Испаніи... Что же теперь будетъ? Вещи, натурально, погибли... Ни сорочки ночной, ни зубной щетки...

Я успокаивалъ взволнованнаго друга.

— Послушай, мнѣ помнится, я видѣлъ двухъ носильщиковъ, собиравшихъ наши вещи. Грильо, навѣрное ужъ, не отпустилъ ихъ однихъ. Но второпяхъ они, понятно, всѣ вещи перенесли въ его купэ... Напрасно мы не взяли съ собой Грильо въ нашъ вагонъ-салонъ. Тогда можно было бы сыграть и партію въ скэтъ.

И здѣсь все та же желѣзнодорожная Компанія, какъ вездѣсущая богиня, заботилась о томъ, чтобъ намъ было удобно ѣхать, ибо возлѣ дверей уборной мы увидѣли корзинку, съ приготовленнымъ для насъ холоднымъ ужиномъ и съ визитною карточкой на крышкѣ, на которой донъ Эстебанъ нацарапалъ карандашемъ нѣсколько милыхъ словъ: «à d. Sacintho, y su egregio, gue les dê gusto».

Я понюхалъ корзину. Оттуда вкусно пахло дичью. И оба мы немножко успокоились, увѣровавъ въ богиню, которая должна была сберечь и наши вещи.

— Ты голоденъ, Хасинто?

— Нѣтъ. Но обозленъ до крайности. Я внѣ себя. И жестоко усталъ.

Дѣйствительно, послѣ всѣхъ волненій этого вечера и всѣхъ превратностей судьбы, такъ зло подшутившей надъ нами, насъ манило одно — постели, такія бѣлыя и мягкія, такъ привѣтливо раскрывшія намъ объятія. Пока я раздѣлся и легъ, мой принцъ, не раздѣваясь, только укутавъ ноги моимъ пальто, единственной нашей покрышкой, уже величаво похрапывалъ.

Ужъ поздно утромъ и далеко отъѣхавъ отъ Медины, я увидалъ возлѣ своей постели, при свѣтѣ дня, смягченномъ толстыми зелеными занавѣсами таможенный мундиръ и шапку, изъ-подъ которой ея обладатель почтительно освѣдомился:

— Vossas excellencias não teem nadardecrarar? Имѣете, что предъявить, господа? Какъ? Съ вами вовсе нѣтъ вещей? Ни единаго саквояжика?

Родной языкъ! Я дома! Съ безконечною нѣжностью я шепнулъ въ отвѣтъ:

— Здѣсь у насъ нѣтъ съ собою никакихъ вещей. Будьте добры, справьтесь, въ какомъ отдѣленіи сидитъ Грильо... негръ... Онъ гдѣ-то позади насъ, въ первомъ классѣ. У него и ключи, и все... у Грильо.

Таможенный мундиръ исчезъ безшумно, словно добрый духъ. А я опять уснулъ, и мнѣ снился Гвіаэнсъ, гдѣ тетушка Висенсія, въ бѣломъ платкѣ, скрещенномъ на груди, хлопотала, не покладая рукъ, спѣша заколоть въ честь прибывшихъ тучнаго тельца или жирнаго поросенка.

Когда я, наконецъ, проснулся, кругомъ было безмолвіе и тишина. Чистенькая, тихая станція, увитая ползучими бѣлыми розами; розы въ саду, маленькій прудъ, подернутый зеленой ряской, дремлющій подъ двумя цвѣтущими мимозами, съ которыхъ свѣшивались золотистыя гроздья. Блѣдный мальчикъ въ пальто медоваго цвѣта задумчиво глядѣлъ на поѣздъ, тыкая палочкой въ землю и налегая на нее, такъ что она гнулась въ дугу. У садовой ограды сидѣла поджавъ подъ себя ноги, старушка, поставивъ передъ собой корзину яицъ, и считала мѣдныя деньги, лежавшія у нея на колѣняхъ. На крышѣ сушились тыквы. А надо всѣмъ этимъ раскинулось глубокое синее небо, по которомъ я такъ стосковался.

Я тряхнулъ за плечо Хасинто.

— Проснись же, другъ. Ты дома.

Онъ вытащилъ ноги изъ-подъ моего пальто, провелъ рукою по усамъ и, не торопясь, подошелъ къ окну, которое я распахнулъ, чтобъ познакомиться съ своею родиной.

Такъ вотъ она какая, Португалія... Пахнетъ недурно.

Понятно, хорошо, оселъ ты этакій.

Тихонько прозвонилъ колокольчикъ на станціи, и поѣздъ покатился дальше, легко, спокойно, безъ толчковъ, словно для собственнаго удовольствія, словно онъ и посвистывалъ отъ удовольствія видѣть такую красоту земли и неба.

Мой принцъ безутѣшно развелъ руками.

— Что же это такое? Ни сорочки чистой, ни щетки... хоть бы капельку одеколону!.. Я вступаю въ Португалію небритымъ и немытымъ...

— Въ Регоа остановка, тамъ мы успѣемъ вызвать Грильо и взять всѣ наши вещи... Ты лучше на рѣку-то погляди.

Мы спускались по отлогому скату горы, мимо утесовъ, поднимавшихся изъ глубокихъ, заросшихъ виноградомъ ущелій. Снизу, на выступѣ скалы бѣлѣла старинная господская усадьба, замершая въ аристократическомъ покоѣ, съ прозрачной, словно кружевной часовенкой подъ апельсинными деревьями, отягченными желтыми плодами. Внизъ по рѣкѣ, такой лѣнивой и медлительной, что воды ея даже не плескались объ утесы, плыла на всѣхъ парусахъ большая лодка, нагруженная боченками съ виномъ. Дальше виднѣлись еще ущелья, оливковыя рощи и бѣлые утесы, вершинами тянувшіеся къ солнцу, въ безпредѣльность лазури. Хасинто гладилъ и безъ того гладкіе усы.

— Такъ это Дуро? Интересно. Даже величественно, право. Но, знаешь, Зэ Фернандесъ, вотъ теперь такъ я здорово проголодался.

— Я тоже.

Мы раскупорили корзину дона Эстебана и нашли въ ней цѣлое пиршество: ветчина, жареная баранина, куропатки, еще какое-то холодное жаркое, двѣ бутылки благороднаго золотого амонтильядесъ и двѣ бутылки ріоха, горѣвшаго огнемъ андалузскаго солнца. За ветчиной Хасинто горько оплакивалъ свою ошибку. Забросить такъ Тормесъ, родовую усадьбу, историческую, позволить ему сдѣлаться необитаемымъ... Какое счастье въ такое теплое, солнечное утро проѣхать черезъ горы, и найти свой домъ чистенькимъ, уютнымъ, цивилизованнымъ!... Чтобъ подбодрить Хасинто, я ему напомнилъ, что въ рукахъ Сильверіо и со всѣми этими ящиками, набитыми всякой цивилизаціей, которые мы туда отправи-

ли изъ Парижа, домъ въ Тормесѣ показался бы хорошъ и Эпикуру. Но Хасинто хотѣлось, чтобъ это былъ настоящій дворецъ, дворецъ въ пустынѣ... Въ такихъ разговорахъ мы уничтожили и куропатку, и я сталъ откупоривать бутылку амонтильядо, какъ вдругъ поѣздъ остановился. Я выглянулъ въ окно, — Регоа! Мой принцъ тотчасъ же отложилъ въ сторону ножъ и вилку, чтобы идти звать Грильо и потребовать отъ него наши чемоданы.

— Погоди, Хасинто, — остановилъ я его. — Еще успѣемъ. Поѣздъ стоитъ здѣсь часъ. Сперва поѣшь, какъ слѣдуетъ. Зачѣмъ портить нашъ вкусный завтракъ такимъ неудобоваримымъ матерьяломъ, какъ чемоданы. Грильо и самъ придетъ къ намъ.

И я даже задернулъ занавѣску, такъ какъ за окномъ стоялъ рослый патеръ, съ окуркомъ сигары въ зубахъ, и безцеремонно смотрѣлъ на наше пиршество. Но, когда вы выпили вино и закусили фруктами и Хасинто сталъ аккуратно рѣзать тоненькими ломтиками сыръ, а Грильо все еще не являлся, мнѣ и самому показалось это страннымъ, и я хотѣлъ выйти, чтобъ подогнать лѣнивыхъ слугъ... Но въ это время поѣздъ тронулся, все такъ же тихо, безъ звонковъ, какъ онъ и подошелъ къ платформѣ станціи. Это разсердило моего принца.

— Ну вотъ, опять мы безъ гребней и щетокъ... А я хотѣлъ перемѣнить рубашку. Это все ты, Зэ Фернандесъ.

— Да, чортъ же его зналъ... Онъ всегда тутъ стоитъ цѣлую вѣчность... А сегодня не успѣетъ остановиться, какъ ужъ катитъ дальше... Ничего не подѣлаешь, Хасинто. Ну, не бѣда. Черезъ два часа мы будемъ ужъ въ Тормесѣ. Право, не стоило надѣвать чистую рубашку, чтобы ѣхать въ горы. Дома мы оба передъ обѣдомъ примемъ ванну... навѣрно, ванна уже поставлена...

Чтобы утѣшить себя, мы выпили по рюмочкѣ божественнаго ликера Хинхонъ. А затѣмъ, распахнувъ настежь окна, чтобъ дышать дивнымъ воздухомъ родины, и растянувшись на диванахъ, закурили сигары, нѣсколько штукъ у насъ еще осталось, и начали говорить о Тормесѣ. Сильверіо, конечно, уже ждетъ насъ съ лошадьми на станціи.

— А долго намъ придется ѣхать на лошадяхъ? Дорога все время идетъ въ гору?

— Да. Ѣхать надо около часа. Ничего, времени у насъ хватитъ и на то, чтобъ вымыться, и погулять передъ обѣдомъ, и осмотрѣть твои владѣнія. Милѣйшій Мельхіоръ, твой управляющій, конечно, пожелаетъ, чтобъ его хозяинъ торжественно и по всей формѣ вступилъ во владѣніе своимъ помѣстьемъ. А вечеромъ насъ угостятъ всѣми прелестями старой португальской кухни.

Хасинто заранѣе улыбался, предвкушая удовольствіе.

— Посмотримъ, какого повара мнѣ откопалъ Сильверіо. Я настаивалъ, чтобъ это былъ извѣстный поваръ и знатокъ португальской кухни, но чтобы въ то же время онъ умѣлъ готовить что-нибудь попроще и изъ французскихъ блюдъ, — ну, напримѣръ, индѣйку, фаршированную трюфелями, или бифштексъ съ подливкой изъ мозговъ... Досадно, что ты не останешься погостить у меня, а проѣдешь прямо въ Гвіаэнсъ.

— Ну, дорогой мой въ субботу вѣдь день рожденія тетушки Лисенсіи, — большое торжество, семейный праздникъ. Но я скоро вернусь. Недѣли черезъ двѣ я снова пріѣду въ Тормесъ и тогда мы кутнемъ вмѣстѣ. И, разумѣется, буду присутствовать при обрядѣ перенесенія останковъ предковъ.

Хасинто указалъ рукой въ окно.

— А это что за большой домъ тамъ, на горѣ, съ башенкой?

Я самъ не зналъ. Должно быть, усадьба какого-нибудь недоросля съ новѣйшими замашками. Тормесъ, — тотъ совсѣмъ въ другомъ родѣ, массивный и квадратный, страшно прочной постройки, но безъ башни.

— А со станціи его видно?

— Нѣтъ. Вѣдь онъ высоко, на горѣ, и окруженъ деревьями.

Хасинто, очевидно, не терпѣлось увидать скорѣй усадьбу предковъ. Онъ поминутно взглядывалъ на часы. Еще тридцать минутъ. Еще пятнадцать... И съ наслажденіемъ впивалъ въ себя воздухъ и свѣтъ, шепча съ восторгомъ новообращеннаго:

— Какая тишина, какой покой!..

— Половина четвертаго. Сейчасъ пріѣдемъ, Хасинто.

Я перекинулъ черезъ плечо пальто, сунулъ въ карманъ сохраненный мной №. «Хорналъ до Коммерсію» и оба, стоя у окна, мы съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали, когда же, наконецъ, покажется маленькій полустанокъ Тормесъ, конечная цѣль и предѣлъ нашихъ дорожныхъ испытаній. Наконецъ, мы увидали ее, скромную и привѣтливую, на берегу рѣки, подъ группою утесовъ, съ узенькимъ палисадникомъ, въ которомъ росли подсолнечники, два высокихъ фиговыхъ дерева, бросавшихъ тѣнь на дворникъ, и Сьеррой, поросшей густымъ лѣсомъ на заднемъ планѣ... На платформѣ я съ удовольствіемъ увидѣлъ объемистое пузо и румяныя щеки начальника станціи, свѣтловолосаго Пимента, моего товарища по начальной школѣ въ Прагѣ. Лошади, навѣрное, ждутъ въ тѣни, подъ фигами.

Едва остановился поѣздъ, какъ оба мы радостно выпрыгнули

на платформу. Толстякъ Пимента уже катился ко мнѣ шарикомъ, привѣтливо крича:

— Viva, другъ Зэ Фернандесъ.

— Здорово, другъ Пиментаонъ [1]). О, какой у тебя чудесный видъ! Слушай, Пиментинха... А Сильверіо здѣсь?

— Нѣтъ... Сильверіо уже два мѣсяца тому назадъ уѣхалъ въ Кастелло до Виде, къ своей матери, которую быкъ поднялъ на рога.

Я испуганно покосился на Хасинто.

— Что ты такое говоришь! А управитель Мельхіоръ?.. Развѣ за нами не присылали лошадей?

Изумленный толстякъ въ раздумьи поднялъ желтыя, какъ кукуруза, брови.

— Нѣтъ... Ни лошадей, ни Мельхіора я не видѣлъ... Мельхіоръ, говоришь?.. Я уже цѣлую вѣчность не видѣлъ Мельхіора...

Станціонный сторожъ, не спѣша, направился къ станціонному колоколу, чтобы подать сигналъ къ отправленію поѣзда. Мы оглядѣлись. На платформѣ не видать было ни слугъ нашихъ, ни чемодановъ. И мы оба одновременно вскрикнули съ испугомъ:

— А гдѣ же Грильо? И гдѣ вещи?

Мы бѣжали вдоль поѣзда, отчаянно крича:

— Грильо! Грильо!.. Анатоль. Анатоль!..

Въ надеждѣ, что Анатоль и Грильо спятъ мертвымъ сномъ, мы вскакивали на подножки, заглядывали въ отдѣленія и путали мирно сидѣвшихъ пассажировъ все тѣмъ же крикомъ:

— Грильо, ты здѣсь? Грильо, откликнись же.

Въ одномъ купэ третьяго класса, откуда неслись звуки мандолины какой-то шутникъ уже кричалъ, передразнивая насъ:

— Братцы, неужто же ни у кого здѣсь нѣтъ сверчка? Вотъ этимъ господамъ до зарѣзу нуженъ сверчокъ [2]).

Зазвонилъ колоколъ.

— Пиментинха, да погоди же. Неужто же ты не задержишь поѣзда? А какъ же нашъ багажъ?

И я рѣшительно потащилъ толстяка къ багажному вагону, чтобъ самолично вынулъ изъ багажнаго вагона наши двадцать три мѣста. Но передъ нами были только бочки, плетеныя корзины, кувшины съ масломъ и судукъ, обвязанный веревками... Хасито, поблѣднѣвъ, закусилъ губы. У Пиментинхи глаза вылѣзли на лобъ.

---

[1]) Окончаніе „аонъ" — увеличительное и означаетъ: большой, толстый окончаніе „инха" — уменьшительное, ласкательное.

[2]) Grillo — сверчокъ.

— Послушай, не могу же я изъ-за васъ столько времени задерживать поѣздъ... Колоколъ прозвонилъ...

И поѣздъ, выпустивъ струю красиваго, свѣтлаго дыма, скрылся за крутымъ бокомъ утеса. Вокругъ все стало еще тише и пустыннѣе. Что же это такое? — мы въ горахъ, безъ вещей, безъ Анатоля, безъ управителя, безъ лошадей и безъ всякой цивилизаціи. Я спасъ только свѣтлое лѣтнее пальто и номеръ «Хорналъ до Коммерсіо» а мой пріятель — тросточку. Этимъ и ограничивалось все наше достояніе.

Пиментаонъ сострадательно озиралъ насъ своими маленькими, заплывшими жиромъ, добрыми глазками. Ища сочувствія, я разсказалъ ему о нашей ураганной пересадкѣ въ Мединѣ, подъ дождемъ и въ темнотѣ, о Грильо, очевидно, унесенномъ ливнемъ, о двадцати трехъ мѣстахъ багажа, застрявшихъ гдѣ-то на промежуточной станціи, или, можетъ быть, посланныхъ въ Мадридъ, о томъ, что съ нами нѣтъ даже носового платка...

— Даже носового платка! Ты только подумай!

— Досадно, каррамба. Очень досадно, — сочувственно пыхтѣлъ Пиментаонъ. — Какъ же вы теперь будете?..

— Какъ? Очевидно, придется карабкаться въ квинту на четверенькахъ... если только мы не раздобудемъ здѣсь пару ословъ.

Тутъ сторожъ вспомнилъ, что поблизости, на мызѣ, собственно, принадлежавшей къ Тормесу, у его кума, арендатора, есть кобыла и осликъ... И услужливо побѣжалъ на мызу, а я и принцъ мой, опустились на скамью, убитые, измученные, словно послѣ кораблекрушенія. Толстякъ Пимента стоялъ передъ нами, засунувъ руки въ карманъ, и растерянно бормоталъ:

— Досадно, чортъ возьми. Каррамба, очень непріятно...

Дуро, пригрѣтый майскимъ солнышкомъ, лѣниво катилъ свои воды, безшумно омывая скалистый островокъ. На другомъ берегу рѣки тянулись Сьерра, мягкими уступами; въ глубинѣ горнаго оврага ютилась маленькая деревушка, въ которой домики словно испуганно жались другъ къ дружкѣ. Просторъ и тишина кругомъ безмѣрные. Въ этой скалистой пустынѣ даже воробьи на крышѣ казались довольно большими птицами, а ужъ шарообразная и пузатая фигура начальника станціи буквально заслоняла собой горизонтъ.

— Готово, баринъ. Сейчасъ приведутъ. Вотъ только сѣделки для лошади не могъ раздобыть для вашей милости.

Что за чудный малый, этотъ сторожъ! Онъ ужъ успѣлъ сбѣгать на мызу и притащить оттуда пару разрозненныхъ и заржавленныхъ шпоръ. А невдолгѣ спустя появились и осликъ съ привязаннымъ къ его спинѣ вьючнымъ сѣдломъ, рыжепѣгая лошадь, мальчикъ

подростокъ и охотничья собака. Мы дружески пожали потную руку Пиментинхи. Лошадь я предоставилъ владѣльцу Тормеса, самъ сѣлъ на ослика, и мы принялись карабкаться на гору, которая не стала ни глаже, ни менѣе крутой, чѣмъ въ тѣ времени, когда по ней карабкались Хасинто XIV вѣка, въ тяжелыхъ, желѣзомъ окованныхъ сапогахъ. Вскорѣ послѣ того, какъ мы переѣхали шаткій мостикъ, въ которомъ прыгали всѣ доски, мой принцъ, внезапно обострившимся взоромъ хозяина замѣтилъ, какъ отягчены плодами вѣтви оливковыхъ деревьевъ. И оба мы позабыли о пропавшихъ вещахъ, поглощенные несравненной красотой нашей благословенной Сьерры.

Какъ блестяще, какъ вдохновенно создалъ ее божественный художникъ, выращивающій изъ земли горы!! Съ какой нѣжной заботой онъ оберегалъ ее, какъ щедро наполнялъ сокровищами ея нѣдра! Какъ высоко вознесъ ея вершины, купающіяся въ яркомъ свѣтѣ солнца. Какъ величаво и прекрасно все въ его многолюбимой Португаліи. Крутокаменные бока ея ущелій поросли лѣсомъ такимъ густымъ и ровнымъ, такимъ изумрудно зеленымъ, что кажется — то мягкій мохъ, въ которомъ такъ бы вотъ и покатался. Съ холмовъ, тянущихся двумя грядами по обѣ стороны глубоко врѣзанной дороги, свисаютъ на дорогу вѣтви деревъ, которыя, переплетаясь, словно зеленый шатеръ защищаютъ отъ солнца ѣздока и пѣшехода, и струятъ благоуханіе, лишь только ихъ крыломъ задѣнетъ птица. Сквозь простоявшую вѣка ограду, которая, вмѣстѣ съ плющемъ оберегаетъ пашни, пробились толстые, похожіе на змѣи корни деревьевъ, въ свою очередь обвитые плющемъ. Изъ каждой трещины между камнями, на каждомъ бугоркѣ земли растутъ цвѣты. Бѣлыя скалы грѣютъ на солнышкѣ свои оголенные бока, отполированные вѣтромъ; другія, одѣтыя колючимъ терновникомъ въ цвѣту, вытянулись впередъ, словно изукрашенный носъ галеры; тамъ и сямъ, на вершинахъ, виднѣется какъ будто выросшая изъ разсѣлины скалы хибарка, кривая и приплюснутая, невѣдомо какъ ухитрившаяся вскарабкаться туда наверхъ, и побѣги дикаго винограда и еще какихъ-то ползучихъ растеній, посѣянныхъ залетнымъ вѣтромъ на камнѣ, свѣшиваются ей на лицо, точно спутанныя космы волосъ. Всюду струятся и журчатъ оплодотворяющія воды... Свѣтлоокіе рѣзвые ручейки кидаются подъ ноги нашей лошади и ослику и, захлебываясь, пересмѣиваются съ мелкими камешками; своевольные горные ручьи съ шумомъ падаютъ съ утеса на утесъ; въ ущельяхъ внизу горятъ и сверкаютъ на солнцѣ отдѣльныя тонкія струйки воды, прямыя и трепетныя, какъ натянутыя серебряныя струны. Мѣстами источникъ, пойманный человѣкомъ, бѣжитъ и льется по трубѣ, готовый напоить и человѣка и скотину... Мѣстами цѣлая вер-

щина горы представляетъ собою поле, распаханное подъ посѣвъ, а надъ полемъ распростеръ свои вѣтви вѣковой толстоствольный дубъ, какъ хозяинъ и сторожъ. Въ укрытыхъ отъ вѣтра неглубокихъ оврагахъ зеленѣютъ молодыя поросли апельсинныхъ деревьевъ. Дороги, огороженныя циклопическими стѣнами, окаймляютъ тучные луга, на которыхъ пасутся коровы и овцы, другія дорожки, поуже и стиснутыя межъ болѣе высокихъ стѣнъ, подъ густымъ навѣсомъ зелени ведутъ въ прохладную лѣсную тишь. Мы миновали горную деревушку изъ десятка домиковъ, спрятанныхъ въ тѣни фиговыхъ деревьевъ; изъ черепичныхъ крышъ шелъ дымъ, смолистый, бѣлый, — здѣсь топятъ еловыми шишками. На дальнихъ вершинахъ поверхъ густой и темной зелени сосенъ, тяжелымъ покровомъ одѣвшимъ всѣ эти вершины, поблескивали бѣлыя часовенки, одинокія обители. Въ ущельяхъ тамъ и сямъ позвякивали колокольчики стадъ . . .

Хасинто, ѣхавшій на своей кобылкѣ впереди, пробормоталъ:

— Какая красота!

И я, слѣдуя за нимъ на ослѣ, какъ Санхо Панса за Кихотомъ, вторилъ ему:

— Какая красота!

Молоденькія вѣточки фамильярно и ласково трогали наши плечи. Поверхъ колючихъ изгородей, усыпанныхъ ежевикой, тянулись къ намъ вѣтвями яблони, предлагая зеленые незрѣлые плоды, за отсутствіемъ зрѣлыхъ. Призрачно горѣли на солнцѣ всѣ окна стараго дома съ крестомъ на конькѣ, мимо котораго мы проѣзжали. Одно время насъ сопровождалъ своею пѣсенкой черный дроздъ, перепархивая съ вѣтки на вѣтку и съ дерева на дерево. Спасибо тебѣ, милая птичка! Спасибо, ласковыя яблони! Мы дома, мы дома! Мы вернулись и больше не уѣдемъ отъ тебя, привѣтливая Сьерра, благодатная Сьерра, дышащая плодородіемъ и покоемъ, благословеннѣйшая среди Сьерръ!

Медленно подвигаясь впередъ, среди всѣхъ этихъ чудесъ, мы, наконецъ добрались до буковой аллеи, всегда плѣнявшей меня своей суровой, аристократической красотой. Парень, провожавшій насъ, подхлестнулъ ослика и лошадь, чтобы подбодрить ихъ, свистнулъ собакѣ, бѣжавшей за нимъ по пятамъ, и объявилъ: «Пріѣхали, господа!» И, вправду, въ глубинѣ аллей уже виднѣлся порталъ усадьбы съ гранитнымъ гербомъ на фронтонѣ, пережившимъ уже нѣсколько столѣтій, обросшимъ мхомъ и вывѣтрившимся отъ непогоды. Псы въ усадьбѣ заливались, какъ бѣшеные. И когда мы — Хасинто

на своей взмыленной лошаденкѣ и я, на ослѣ Санхо Панса, подъѣхали къ усадьбѣ, навстрѣчу намъ спустился, по сбитымъ каменнымъ ступенямъ стариннаго крыльца упитанный мужчина, безъ пиджака и безъ жилета, бритый, какъ патеръ, и прикрикнулъ на собакъ, оскалившихся на моего принца. Это былъ управитель Мельхіоръ... Какъ только онъ узналъ меня, лицо его расплылось въ широкую гостепріимную улыбку, которой для красоты не хватало только зубовъ. Но когда я сказалъ ему, что свѣтлоусый господинъ, сошедшій съ лошади и потирающій себѣ икры, владѣлецъ Тормеса, добрѣйшій Мельхіоръ отпрянулъ отъ меня въ страхѣ и ужасѣ, словно увидалъ привидѣніе.

— Возможно ли? Господи Боже!... Да какъ же это?..

И, подъ аккомпаниментъ ворчанья псовъ, растерянно жестикулируя, онъ намъ повѣдалъ вещи, отъ которыхъ Хасинто, въ свою очередь, пришелъ въ такой безмѣрный ужасъ, какъ будто стѣны дома грозили обрушиться и задавить его. Мельхіоръ вовсе и не ждалъ его превосходительства... Г. Сильверіо еще въ мартѣ уѣхалъ въ Кастелло да Вида къ своей матери, которую быкъ поднялъ на рога... Должно быть ошибка какая-нибудь вышла... письма затерялись, что ли... Потому донъ Сильверіо разсчитывалъ, что его превосходительство пріѣдутъ только въ сентябрѣ, къ сбору винограда... Работы по ремонту дома идутъ, только не очень быстро... помаленьку... Крыша въ южномъ флигелѣ все еще не перекрыта, и въ окнахъ не вездѣ вставлены стекла... Пресвятая Богородица! какъ же тутъ жить, когда въ домѣ ни одной порядочной постели нѣтъ?

Хасинто скрестилъ руки на груди, его душилъ безмолвный гнѣвъ. И, не выдержавъ, вскрикнулъ гнѣвно:

— А ящики? Ящики, высланные мной изъ Парижа, еще въ февралѣ, четыре мѣсяца тому назадъ?

Узенькіе глазки бѣднаго Мельхіора налились слезами. Ящики? Онъ ничего не получалъ... никакихъ ящиковъ не присылали... Онъ безпомощно оглядывался, щупалъ карманы своихъ панталонъ... Ящики?.. Нѣтъ, ящиковъ онъ не видалъ.

— Что же мнѣ теперь дѣлать, Зэ Фернандесъ?

Я пожалъ плечами.

— По-моему, голубчикъ, тебѣ не остается ничего иного, какъ ѣхать вмѣстѣ со мной въ Гвіаэнсъ... Но это еще добрыхъ два часа ѣзды. Такъ, что сейчасъ мы съ тобой осмотримъ домъ, скушаемъ курочку, которую нашъ добрый другъ Мельхіоръ зажаритъ намъ на вертелѣ, выспимся гдѣ-нибудь, хоть на соломѣ, а завтра утречкомъ, по холодку, поѣдемъ къ тетушкѣ Висенсіи.

Съ гнѣвной рѣшимостью Хасинто возразилъ:

— Да, завтра я уѣду, но только не въ Гвіаэнсъ, а назадъ, на станцію . . . и потомъ въ Лиссабонъ.

Глубоко разобиженный, онъ по истертымъ каменнымъ ступенямъ поднялся на крыльцо. Вдоль всего фасада большого зданія шла веранда подъ бревенчатымъ навѣсомъ, поддерживаемая гранитными столбами, межъ которыхъ стояли ящики съ цвѣтами. Въ нихъ цвѣли гвоздики. Я сорвалъ одну, желтую, и вслѣдъ за Хасинто вошелъ въ комнаты, по которымъ онъ проходилъ, тихонько ужасаясь про себя:

— Небитаемо. Какая мерзость запустѣнія! Какая подлость была такъ запустить домъ!

Комнаты, огромныя, пустыя, гулкія, съ почернѣвшими отъ времени и запущенности стѣнами, производили самое безотрадное впечатлѣніе; въ нихъ было холодно, какъ въ ледникѣ, мебели никакой — развѣ въ углу забытая корзина или топоръ на кучѣ досокъ. Высокіе потолки штучнаго дерева мѣстами разошлись, и въ образовавшіяся трещины сіяло голубое небо. Окна безъ стеколъ были заложены тяжелыми ставнями, придерживаемыми засовами, и абсолютно не пропускали свѣта. Мѣстами подъ нашими шагами скрипѣлъ и гнулся ветхій полъ.

— Ужасно! Возмутительно! — ворчалъ Хасинто.

Въ иныхъ комнатахъ на старый паркетъ кой-гдѣ наложены были заплаты изъ некрашенныхъ досокъ, и стѣны, свѣже покрытыя штукатуркой, сверкали почти оскорбительною бѣлизной. Но и здѣсь мутныя, замазанныя мѣломъ и перепачканныя руками стекольщиковъ стекла почти не пропускали свѣта.

Мы добрались, наконецъ, до послѣдней комнаты, огромной, съ шестью окнами, меблированной шкафомъ и короткими сѣрыми нарами въ углу. И здѣсь остановились, съ унылою покорностью судьбѣ, сложивъ на нары все, что у насъ осталось отъ двадцати трехъ мѣстъ багажа — мое пальто, палку Хасинто и № «Хорналъ до Коммерсіо». Въ зіяющія дыры оконъ потоками вливался горный воздухъ, и свободно гулялъ въ комнатѣ вѣтеръ, пропитанный запахомъ свѣжей земли. Съ наръ виденъ былъ сосновый лѣсъ, вѣнчавшій вершину горы, спускаясь и по отлогому скату, слово ряды солдатъ, съ прямыми, рослыми, вѣчанными темными султанами зелени офицерами во главѣ. Еще дальше, на другомъ берегу, фіолетилась мягкими тонами Сьерра, и надо всѣмъ этимъ раскинулось ясное небо, безоблачное, чистое, прекрасное невыразимо. А снизу, изъ долины, доносился голосъ пастуха, пѣвшаго грустную народную пѣсенку.

Хасинто медленно подошелъ къ окну и опустился на камен-

ное креслице въ оконной нишѣ, совершенно разбитый своей неудачей, не въ силахъ примириться съ этимъ полнымъ отсутствіемъ культуры. Я пощупалъ нары, постучалъ по нимъ пальцемъ — онѣ были жестки и холодны, точно гранитъ. И, вспомнивъ о толстыхъ пружинныхъ матрацахъ и пуховикахъ № 202, далъ волю справедливому негодованію:

— Но, чортъ возьми! куда же могли дѣваться ящики? .. Какъ могли затеряться тридцать ящиковъ вещей, такихъ огромныхъ?

Хасинто съ горечью пожалъ плечами.

— Застряли гдѣ-нибудь на товарной станціи ... Навѣрное, въ той же злополучной Мединѣ ... Безпечность желѣзнодорожныхъ служащихъ, лѣность Сильверіо ... Дикость, варварство ... что же тутъ говорить?

Я влѣзъ на другое каменное кресло въ той же нишѣ и ахнулъ отъ восторга.

— Боже! какая красота!

Послѣ выразительной паузы мой принцъ, смотрѣвшій, подперевъ рукою подбородокъ, задумчиво шепнулъ:

— Да, хорошо ... Изумительно хорошо ... И тишина какая ...

Подъ окномъ изумрудилась буйная зелень огорода, кудрявая капуста, бобы на грядкахъ, огромные кочни салата, тыквы. На высокой площадкѣ надъ долиной царилъ открытый токъ, убитый, но неровный; изъ долины, отъ лѣсного ручья уже поднимался легкій туманъ. Весь этотъ уголъ дома выходилъ на апельсинную плантацію. Изъ безыскусственнаго, почти скрытаго подъ вьющимися розами фонтана бѣжала длинная, блестящая струйка воды.

— Мнѣ неудержимо хочется выпить глотокъ этой воды, — самымъ серьезнымъ тономъ объявилъ Хасинто.

— Мнѣ тоже ... Давай спустимся въ садъ. Кстати, заглянемъ по дорогѣ въ кухню и посмотримъ, что подѣлываетъ нашъ цыпленокъ.

Мы вернулись на веранду. Уже нѣсколько примирившись съ коварною судьбой, мой принцъ тоже сорвалъ гвоздику. Черезъ низкую дверь съ толстою крѣпкой рамой мы нырнули въ комнату, всю перемазанную мѣломъ и, вмѣсто крыши, прикрытую лишь балками, съ которыхъ съ шумными чириканьемъ слетѣла стая воробьевъ.

— Какой ужасъ! — негодующе проворчалъ Хасинто.

Спустившись по темной каменной лѣстницѣ, мы углубились въ темный же, большими каменными плитами мощеный коридоръ, заставленый огромными ларями, въ которыхъ могъ бы умѣститься урожай цѣлой провинціи. Коридоръ велъ въ такую же огромную

кухню, въ которой все было черное, и дерево, и камень, все покрыто густымъ блестящимъ налетомъ сажи, копившейся вѣками. И, среди этой черноты, въ углу, горѣлъ огонь, казалось, прямо на полу, и дымъ отъ него черезъ рѣшетку шелъ наружу, расплываясь между апельсиновыхъ деревьевъ. Въ колоссальной печи, гдѣ когда-то предки Хасинто коптили огромные окорока и жарили цѣлыя четверти быковъ, теперь виднѣлась пыльная груда корзинъ и всякой утвари. Свѣтъ проникалъ въ кухню лишь черезъ дверь, настежъ отворенную и выходившую въ маленькій садикъ, гдѣ росла капуста сафой вперемѣшку съ прелестными жонкилями. У очага суетилось нѣсколько женщинъ, которыя, треща безъ умолку, ощипывали только что зарѣзанныхъ цыплятъ, рѣзали лукъ, мѣшали ложками въ кастрюляхъ. При нашемъ появленіи всѣ смолкли; отъ женщинъ отдѣлилась грузная фигура и раскраснѣвшееся бритое лицо растерянняго Мельхіора, который принялся всѣми богами клясться, завѣряя насъ, что «обѣдъ поспѣетъ вмигъ, не успѣете ваше превосходительство «Отче нашъ» прочесть»...

— А какъ насчетъ кроватей, Мельхіоръ?

Бѣднякъ пробормоталъ что-то сконфуженно насчетъ того, что «развѣ на полу постлать»...

— Ладно. Можно и на полу, — утѣшилъ я его. — На одну ночь... если простыни чистыя...

— За простыни-то я ручаюсь... Но все-таки обидно... хоть бы матрацъ волосяной... Хоть бы телячью ногу припасли... Я ужъ подумывалъ было — и кумушкѣ вотъ говорилъ, что, можетъ, ихъ превосходительства переночуютъ у Сильверіо. Тамъ есть желѣзныя кровати и умывальники... Но только это далеконько, — съ милю ходьбы, и дорога неважная...

Хасинто добродушно успокоилъ его.

— Не огорчайтесь, Мельхіоръ, какъ-нибудь мы и здѣсь переночуемъ. Вѣдь только ночь одну... Я все же предпочту остаться ночевать въ Тормесѣ, въ усадьбѣ моихъ предковъ.

Мы вышли на площадку въ углу сада, упирающуюся въ группу высскихъ скалъ; въ разсѣлинахъ ужъ золотилась рожь. Мой принцъ припалъ устами къ роднику и съ наслажденіемъ напился ледяной воды, потомъ вытеръ губы кудрявой зеленью салата и, подпрыгнувъ, сорвалъ съ вѣтки и съѣлъ нѣсколько вишенъ. Затѣмъ мы прошли черезъ старое точило, крыши котораго почти не видно было, столько на ней сидѣло бѣлыхъ голубей, и, не спѣша, стали спускаться по отлогой тропинкѣ, вырубленной въ скалѣ. Мой принцъ всѣмъ восхищался — и полями маиса, и вѣковыми дубами, поса-

женными еще его прадѣдами, и хижинами, разсѣянными по опушкѣ лѣса внизу.

Затѣмъ мы второй разъ вошли въ буковую аллею и въ феодальный порталъ, подъ лай собакъ, теперь ужъ не кидавшихся на насъ, какъ будто онѣ почуяли господина. Хасинто находилъ, что въ фасадѣ его усадьбы есть что-то «старо-дворянское». Но особенно нравилась ему длиннѣйшая аллея, прямая и широкая, словно для того созданная, чтобы по ней скакали кавалькады рыцарей и пажей. Увидавъ съ веранды новую каменную церковь, только что отстроенную, онъ похвалилъ «этого лѣнтяя Сильверіо» за то, что онъ хоть о храмѣ Божьемъ позаботился.

— Эта веранда тоже милая, — мелькомъ замѣтилъ онъ, вдыхая ароматъ гвоздики. — Надо будетъ только поставить на нее нѣсколько большихъ креселъ, пару плетеныхъ дивановъ...

Вернувшись «въ свою комнату», мы оба усѣлись на каменныхъ сидѣньяхъ въ оконной нишѣ, наслаждаясь сладкимъ покоемъ сумерекъ, медленно спускавшихся на горы и долъ, и изрѣдка обмѣниваясь замѣчаніями. Надъ нами ярко горѣла Венера, предвѣстница ночи. Хасинто никогда не удостаивалъ особаго вниманія эту искристую звѣзду, на нашемъ христіанскомъ небѣ увѣковѣчившую память языческой богини, никогда не слѣдилъ неспящимъ взоромъ за постепеннымъ засыпаніемъ природы. И надвигающіяся тѣни ночи, устало замирающій шелестъ листвы, одинъ за другимъ гаснущіе огоньки въ окнахъ хижинъ, покровъ тумана, въ который кутаются захолодавшія ущелья, сонный перезвонъ колокольчиковъ въ оврагахъ, ласковое журчанье водъ и тихій шопотъ потемнѣвшей травы — все это имѣло для него прелесть откровенія. Изъ этого окна, выходившаго на горы, онъ какъ будто смотрѣлъ въ иную жизнь, которая полна не однимъ только человѣкомъ и шумомъ его суетливой дѣятельности. И вздыхалъ, какъ человѣкъ, наконецъ, обрѣвшій покой.

Очарованіе было нарушено приходомъ Мельхіора, явившагося съ пріятной вѣстью, что ужинъ на столѣ. Столъ былъ накрытъ въ другой комнатѣ, еще болѣе голой и пустой, до того, что мой сверхцивилизованный принцъ въ нѣмомъ ужасѣ замеръ на порогѣ. У почернѣвшей отъ копоти стѣны стоялъ столъ, накрытый грубой скатертью; два огарка въ жестяныхъ подсвѣчникахъ озаряли толстыя тарелки изъ желтаго фаянса, оловянныя ложки и желѣзныя вилки. Толстенные стаканы хранили фіолетовый налетъ вина, которое годами наливали въ нихъ. Глиняная миска, наполненная до краевъ оливками, удовлетворила бы и Діогена; въ корку непочатаго каравая хлѣба воткнутъ былъ здоровеннѣйшій ножъ. Для принца моего при-

двинули къ столу феодальное кресло съ прямой, жесткой кожаной спинкой, съ изъѣденнымъ червями деревомъ — послѣднюю драгоцѣнность, уцѣлѣвшую отъ дѣдовской мебели; обивка на немъ давно расползлась и въ трещины вылѣзалъ волосъ.

Гигантскаго роста служанка, съ пышной грудью, колыхавшейся подъ цвѣтистымъ платкомъ, концы котораго перекрещивались на ея таліи, вошла, тяжелою поступью гренадера, еще горячая и потная отъ огня очага, неся дымящуюся миску съ супомъ. За ней шелъ Мельхіоръ съ кувшиномъ вина, извиняясь, что, въ виду краткости срока, даннаго на приготовленіе обѣда, супъ вышелъ жидковатый... Хасинто усѣлся на дѣдовское кресло и минутъ пять, къ нѣмому ужасу бѣднаго Мельхіора, кончикомъ скатерти усердно вытиралъ черную вилку и оловянную ложку. Потомъ недовѣрчиво отвѣдалъ супу — это былъ куриный бульонъ, пахнувшій очень вкусно — и поднялъ на меня, его товарища по испытаніямъ, блестящій, изумленный взоръ. Съѣлъ одну ложку, другую, третью — и, улыбнулся съ удивленіемъ:

— Чудесный супъ!

Супъ и вправду былъ чудесный. Онъ веселилъ сердце и почки; запахъ его могъ умилить до слезъ; я трижды съ одинаковымъ рвеніемъ принимался за новую порцію этого «*кальдо*».

— Я тоже съѣмъ еще тарелочку, — рѣшительно и убѣжденно объявилъ Хасинто. — Ну и проголодался же я!.. Царь Небесный! Словно я нѣсколько лѣтъ ничего не ѣлъ.

Мы съѣли супъ весь дочиста и съ интересомъ глядѣли на дверь, въ ожиданіи слѣдующаго лакомаго блюда, которое и не замедлила внести та же дородная служанка; щеки ея теперь пылали ярче прежняго, а ноги ступали еще грузнѣй. Она поставила на столъ большое блюдо, полное черезъ край рисомъ съ бобами. Вотъ досада!.. Въ Парижѣ Хасинто терпѣть не могъ бобовъ... Однакожъ, все-таки попробовала, и снова глаза его радостно блеснули, и пессимизмъ, снова омрачившій его лицо, исчезъ безслѣдно. Второй разъ онъ уже поднесъ ко рту вилку, нагруженную высоко, словно возъ сѣна, и, смакуя кушанье съ медлительностью лакомки-монаха, знающаго толкъ въ ѣдѣ, воскликнулъ:

— Превосходно! Такіе бобы — да! ихъ можно ѣсть! Такіе я люблю. Что за бобы! Одинъ восторгъ.

И онъ началъ громко восхвалять Сьерру, и поваренное искусство женщинъ, за болтовней не забывающихъ помѣшать ложкою въ кастрюлѣ, и Мельхіора, руководившаго приготовленіемъ этого пира...

— Такого риса съ бобами не найдешь въ Парижѣ, другъ Мельхіоръ.

Добрякъ радостно улыбался всѣмъ своимъ просіявшимъ теперь лицомъ.

— Ваше превосходительство шутить изволите... Это что за ѣда! — такъ про всякъ день, для батраковъ... Зато теперь сеноръ Хасинто у насъ поздоровѣютъ, растолстѣютъ...

Добрякъ былъ искренно увѣренъ, что владѣлецъ усадьбы гдѣ-то тамъ, въ Парижѣ, вдали отъ жирныхъ мясъ Тормеса, терпѣлъ лишенія и голодалъ...

И, дѣйствительно, принцъ мой уплеталъ за обѣ щеки такъ, словно его, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ не кормили и, каждый разъ, какъ накладывалъ себѣ на тарелку новую порцію, вновь разсыпался въ похвалахъ. Подрумяненный пѣтушокъ, зажаренный на вертелѣ, съ салатомъ, на который Хасинто еще въ саду заглядывался, исторгли у него ликующій возгласъ: «Это божественная трапеза». Но ничто такъ не восхищало его, какъ мѣстное, тормесское вино, которое длинной струею наливалъ намъ Мельхіоръ изъ пузатаго зеленаго кувшина — вкусное, освѣжающее, бодрящее вино, веселящее сердце и поднимающее нервы. Разглядывая на свѣтѣ сальной свѣчи толстый стаканъ, по краямъ котораго пузырилась алая пѣна, мой принцъ восторженно цитировалъ Виргилія:

—Quo te carmina dicam, Rhaetica? Кто сумѣетъ найти достойныя слова для восхваленія тебя, прелестное вино родной намъ Сьерры?

А такъ какъ я не могъ перенести, чтобы кто-нибудь перещеголялъ меня классическимъ образованіемъ, то и я, въ свою очередь, порылся въ своей памяти и началъ восхвалять прелести сельской жизни.

— Hanc olim veteres vitam Coluere Sabini... Такъ жили древніе сабиняне... Такъ жили Римъ и Ромулъ... Такъ возростала храбрая Этрурдія... Такъ Римъ сталъ чудомъ міра...

А Мельхіоръ, недвижно, держась рукой за ручку виннаго кувшина, недоумѣло и благоговѣйно внималъ намъ, широко раскрывъ глаза.

Въ заключеніе Мельхіоръ, заботившійся о насъ, какъ истинное Провидѣніе, или какъ добрый ангелъ, добылъ для насъ еще и табаку. И, такъ какъ за время нашего ужина на землю ужъ спустилась ночь, мы вновь усѣлись у невставленныхъ оконъ — полю-

боваться дивнымъ лѣтнимъ небомъ. И принялись краснорѣчиво и благодушно философствовать.

— Въ городѣ, — говорилъ Хасинто, — звѣздъ и не видишь, — ихъ вытѣснили газовые и электрическіе фонари...

— И потому, — подхватилъ я, — тамъ никогда не приходишь въ соприкосновеніе съ вселенной, что одно только краситъ жизнь и придаетъ ей цѣну. А вотъ, въ горахъ, гдѣ нѣтъ ни шестиэтажныхъ громадъ, ни копоти, ни дыма, застилающихъ отъ насъ небо, ни заботъ, которыя, какъ свинцовыя гири, пригнетаютъ душу къ землѣ — Хасинто и Зэ Фернандесъ, оба свободные, сытые и довольные, куря сигары на каменной скамеечкѣ въ оконной нишѣ, глядятъ на звѣзды, и звѣзды глядятъ на нихъ. Однѣ недвижно, безучастно, съ царственнымъ равнодушіемъ. Другіе съ любопытствомъ, съ интересомъ, мигаютъ, словно шлютъ привѣтъ, словно хотятъ открыть намъ свои тайны...

— Хасинто, что это за звѣздочка, — вонъ тамъ, надъ конькомъ крыши?

— Не знаю... А вотъ та, Зэ Фернандесъ, надъ лѣсомъ пиній? Ты знаешь, какъ она зовется?

— Нѣтъ, не знаю.

Не знали оба. Я потому, что вышелъ изъ кимбрскаго университета круглымъ невѣждой; онъ — потому, что у него въ библіотекѣ было собрано больше трехсотъ томовъ по астрономіи, а это такая гора научныхъ свѣдѣній, черезъ которую не перевалить человѣку, отъ которой ему даже не отколоть кусочка. Но не все ли намъ равно было, звалась ли эта звѣзда Сиріусомъ или Альдебараномъ? Онѣ — несчетные міры, и мы, ничтожныя песчинки въ нашемъ мірѣ — сотворены одною волей, мельчайшія частицы одного и того же цѣлаго, управляемся одними и тѣми же законами, идемъ къ одному и тому же концу... Все существующее, отъ созвѣздія до человѣка, отъ человѣка до листочка клевера, и отъ листочка клевера до шумящаго моря — единый великій организмъ, въ которомъ, какъ пульсирующая въ сердцѣ кровь, обитаетъ одинъ и тотъ же Богъ.

И малѣйшій трепетъ жизни, пробѣжавшій по одной изъ фибръ великаго тѣла, отдается и во всѣхъ остальныхъ, даже въ тѣхъ, что на видъ неодушевлены, безжизненны. Когда солнце, котораго я не вижу, и не увижу никогда, гаснетъ за горизонтомъ, вотъ эта тоненькая вѣточка лимоннаго дерева въ нашемъ саду трепещетъ жуткимъ трепетомъ предсмертной агоніи. И, если я, вотъ здѣсь, въ Тормесѣ, топну ногою объ полъ, содрогнется необъятный Сатурнъ, дрожь пробѣжитъ по всей вселенной...

Хасинто стукнулъ кулакомъ по подоконнику.

— Ну, разумѣется! — воскликнулъ я. — Солнце дрогнуло.

Такъ мы долго еще сидѣли и философствовали и о несчетности міровъ, и о томъ, что на каждомъ изъ нихъ живутъ свои Хасинто и Зэ Фернандесы, свои Ньютоны и Декарты, и, будь они страшилища на видъ, или существа прелести невыразимой, по консистенціи тверже гранита или же легче, чѣмъ эѳиръ, — все это мыслящія существа... И гдѣ-нибудь, быть можетъ, на томъ же Сатурнѣ, другіе два пріятеля смотрятъ на землю и бесѣдуютъ о томъ же, о чемъ мы сейчасъ... — пока Хасинто не подалъ мнѣ реплики аппетитнѣйшимъ зѣвкомъ:

— Можетъ быть... я умираю, спать хочу.

— Я тоже спать хочу. Но все-таки нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ поболтать часокъ въ горахъ, глядя на звѣзды... Такъ ты завтра ѣдешь со мной?

— Разумѣется, Зэ Фернандесъ. Я въ томъ увѣренъ, какъ Декартъ въ своемъ существованіи. «Мыслю, слѣдовательно, бѣгу отсюда». Да что же мнѣ тутъ дѣлать — въ этомъ полуразвалившемся старомъ домѣ, безъ единой кровати, кресла, книги? Не можетъ же человѣкъ жить однимъ только рисомъ съ бобами? Поживу въ Лиссабонѣ, потолкую съ моимъ повѣреннымъ, Сезимброй, дождусь, пока кончится перестройка дома, пока разыщутъ ящики — надо же мнѣ хоть чистое бѣлье имѣть, чтобы присутствовать на церемоніи перенесенія останковъ предковъ.

— Ахъ да, правда, останки...

— И Грильо надо разыскать. Что за оселъ! И куда только онъ могъ дѣваться?

Бродя по безконечной залѣ, при мерцающемъ свѣтѣ догорѣвшей сальной свѣчки, отъ которой остался только фитиль, алѣвшій, словно кончикъ сигары, мы погрустили объ участи вѣрнаго Грильо. Что съ нимъ сталось? Выбросили ли его, вмѣстѣ съ вещами, въ грязь въ Мединѣ — или же онъ, вмѣстѣ съ Анатолемъ, заснулъ такъ крѣпко, что пропустилъ пересадку и укатилъ дальше въ Мадридъ? То или другое было одинаково убійственно для моего принца.

— Да нѣтъ же! Слушай, Хасинто. Если Грильо остался въ Мединѣ, онъ выспится гдѣ-нибудь на скамьѣ и утречкомъ, чуть свѣтъ, двинетъ сюда, въ Тормесъ, вмѣстѣ съ твоими двадцатью тремя сундуками. И завтра утромъ ты найдешь его на станціи, вмѣстѣ съ вещами, въ поѣздѣ, который долженъ везти тебя въ Опорто.

— А если онъ уѣхалъ въ Мадридъ?

— Тогда онъ, все равно, пріѣдетъ въ Тормесъ, въ теченіе этой недѣли. И, по прибытіи сюда, найдетъ приказъ — слѣдовать

за тобою въ Лиссабонъ... Такъ что остается только выяснить менѣе интересный вопросъ, какъ поступить съ моимъ багажемъ? Если ты завтра утромъ найдешь Грильо на станціи, вели ему отложить изъ моихъ вещей черный чемоданъ, парусиновый мѣшокъ съ туалетными принадлежностями и шляпную картонку. Грильо знаетъ. И скажи толстопузому Пиментѣ, чтобы онъ далъ мнѣ знать въ Гвіаэнсъ, что мои вещи у него. А если Грильо изъ Мадрида явится со всѣми вещами прямо въ Тормесъ, пусть мои вещи останутся у Мельхіора. Впрочемъ, я завтра самъ поговорю съ Мельхіоромъ.

Хасинто яростно дернулъ себя за воротничекъ.

— Но какъ же я поѣду въ Лиссабонъ? Я два дня не мѣнялъ рубашки — у меня зудитъ все тѣло... Хоть бы платокъ носовой чистый! Хоть бы зубная щетка!

Я покровительственнымъ жестомъ протянулъ къ нему руки.

— Будетъ все, голубчикъ Хасинто, все устроится. Завтра утречкомъ я поднимусь пораньше, часовъ въ шесть, и къ десяти буду уже въ Гвіаэнсѣ, до жары. И сейчасъ же отправлю тебѣ съ какимъ-нибудь мальчишкой саквояжъ съ бѣльемъ. Пожалуй, мои сорочки и кальсоны будутъ тебѣ широковаты, но вѣдь такой бѣднякъ, какъ ты, не можетъ претендовать на хорошій фасонъ и элегантность. Мальчишка, если поторопится, можетъ быть здѣсь ужъ двумъ часамъ, такъ что ты успѣешь перемѣнить бѣлье передъ тѣмъ, какъ ѣхать на станцію... А я тебѣ въ саквояжъ положу и зубную щетку.

— О, Зэ Фернандесъ! И губку тоже. И флаконъ одеколону...

— Лавандовой воды, чудесной, домашняго приготовленія — тетушка Висенсія на этотъ счетъ у насъ мастерица...

Мой принцъ вздохнулъ, подавленный моимъ великодушіемъ и своимъ жалкимъ положеніемъ.

— Ну, пойдемъ спать, я совсѣмъ разбитъ всѣми этими переживаніями.

Какъ разъ въ эту минуту Мельхіоръ робко пріоткрылъ дверь и доложилъ, что «постели ихъ превосходительствамъ готовы». И пошелъ впередъ, высоко держа маленькую керосиновую лампочку, а мы за нимъ. И что же увидали наши, только что осіянные звѣздами взоры. Въ двухъ комнатахъ, раздѣленныхъ каменною открытой аркой, были постланы на скамьяхъ двѣ постели. Въ головахъ одной, болѣе широкой, приготовленной для владѣльца Тормеса, на опрокинутой бочкѣ изъ-подъ зерна, стояла свѣчка въ жестяномъ подсвѣчникѣ, а въ ногахъ, на треножникѣ, глиняная поли-

рованная миска, изображавшая собою умывальникъ; я былъ свой, уроженецъ горъ, и мнѣ не дали ни свѣчи, ни миски.

Мой сверхъ-культурный другъ задумчиво ткнулъ пальцемъ въ приготовленную для него постель. И, очевидно, убѣдившись, что мягче она отъ этого не сдѣлается, такъ и остался стоять, нагнувшись надъ матрацомъ и растерянно проводя пальцемъ по лицу.

— Хуже всего, — пробормоталъ онъ, наконецъ, со вздохомъ, — хуже всего, что у меня нѣтъ ни туфель, ни ночной рубашки. Не могу же я спать въ крахмальной.

Я догадался призвать на помощь Мельхіора. Достойный человѣкъ снова изобразилъ собою Провидѣніе и притащилъ Хасинто пару тяжелыхъ деревянныхъ туфель, а, для того, чтобы прикрыть его изнѣженное тѣло, — широчайшую ночную рубашку, принадлежащую его супругѣ, сотканную точно изъ пакли и жесткую, какъ власяница, съ прошивками, твердыми и колючими, какъ деревянная рѣзьба.

Въ утѣшеніе моему принцу я напомнилъ ему о томъ, что и Платонъ, когда онъ писалъ своего «Симпозіона», и Васко де Гама, когда онъ огибалъ мысъ Горнъ, не имѣли мягкаго ложа. Жесткое ложе придаетъ твердость душѣ, другъ Хасинто... И лишь въ одеждѣ кающагося приходишь къ раю.

— Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь почитать? — неожиданно обратился ко мнѣ Хасинто. — Я не могу уснуть безъ книги.

— Почитать? У меня? Единственное, что у меня было, это — старый номеръ «Хорналь до Коммерсіо».

Я разорвалъ пополамъ чудодѣйственный листъ и братски подѣлился имъ съ Хасинто, при чемъ ему достались объявленія, которыя онъ принялъ съ благодарностью... И тотъ, кто не видалъ Хасинто, владѣльца Тормеса, изнѣженнаго парижанина, сидящаго на краю нары, прикрытыхъ жесткимъ соломенымъ тюфякомъ, сунувъ босыя ноги въ огромныя деревянныя туфли, утопая въ жесткихъ складкахъ коломъ стоящей женской сорочки изъ бумажнаго холста и при свѣтѣ сальнаго огарка читающаго о часахъ отхода пароходовъ въ обрывкѣ старой газеты, — тотъ не можетъ себѣ представить картины полнаго унынія.

Удалившись въ свой спартанскій альковъ, я сладко потянулся и только было началъ разстегивать жилетъ, какъ меня окликнулъ мой принцъ.

— Зэ Фернандесъ!

— Что?

— Ты мнѣ пришли также и крючекъ, чтобы застегивать башмаки.

Я съ наслажденіемъ вытянулся на жесткомъ ложѣ, прошепталъ молитву на сонъ грядущій и потянулся за оторванною половиной «Торговаго Журнала».

— Зэ Фернандесъ!

— Ну! что еще?

— Ты и зубного порошку пришли... и напильничекъ для ногтей... И книжку, непремѣнно, — лучше всего романъ.

Газета уже выпала изъ моихъ ослабѣвшихъ рукъ. А изъ сосѣдняго алькова Хасинто, уже погасившій свѣчу, зѣвая, все еще звалъ шопотомъ:

— Зэ Фернандесъ!

— Что тебѣ?

— Пиши мнѣ въ Лиссабонъ, Отель Браганца... Хорошо, что хоть простыни, по крайней мѣрѣ, чистыя... и пахнутъ хорошо...

IX.

Чуть свѣтъ я всталъ, тихонечко, чтобъ не будить Хасинто, который спалъ сномъ праведника, скрестивъ руки на груди, и уѣхалъ въ Гвіаэнсъ.

Недѣлю спустя, придя однажды утромъ съ поля домой завтракать, я наткнулся въ передней на мои сундуки, по которымъ я такъ стосковался, привезенные молодымъ парнемъ со станціи, «съ привѣтомъ отъ сенора Пиментиньа».

Я невольно вспомнилъ о своемъ принцѣ. И на радостяхъ послалъ телеграмму въ Лиссабонъ, въ отель Браганца: «Ты здѣсь? Спѣшу сообщить, что Грильо и цивилизація прибыли. Ура! Обнимаю».

И только лишь еще черезъ недѣлю, пріятно проведенную въ уборкѣ спаржи, которую я самъ же и сажалъ въ огородѣ тетушки Висенсіи передъ поѣздкою въ Парижъ, я обратилъ вниманіе на то, что Хасинто такъ и не прислалъ отвѣтной телеграммы. И вновь послалъ ему открытку, гласившую:

«Ты здѣсь? Чего молчишь? Неужто такъ увлекся развлеченіями «Байксы». Я совсѣмъ оспаржился. Отвѣчай, когда пріѣдешь. Погода дивная. 23 градуса въ тѣни. А что почтенные останки?..»

Затѣмъ пришелъ храмовой праздникъ Пречистой Дѣвы Скалъ, а съ новолунія началась рубка лѣса въ Коркасѣ; потомъ

---

[1]) Лиссабонъ расположенъ амфитеатромъ и построенъ на горѣ; онъ распадается на „Альта", верхній городъ и „Байкса" — нижній городъ, аристократическую часть, въ которой находится бульваръ „Авенида", театры и пр.

тетка Висенсія объѣлась свѣжей кровяной колбасой и захворала, и мнѣ некогда было думать о Хасинто. Но въ свободныя минуты я, все же дивился его молчанію и его возмутительной неблагодарности.

Однажды, возвращаясь отъ кузиночки Джоаннины, я заѣхалъ въ Сандосимъ, къ Маноэлю Рико, выпить стаканчикъ бѣлаго вина, котораго, если разъ выпьешь, такъ ужъ будетъ всегда тянуть къ нему.

Напротивъ двери кузницы, сидѣлъ на скамейкѣ, разставивъ ноги, Северо, лучшій коновалъ въ цѣлой Сьеррѣ, племянникъ тормесскаго управителя Мельхіора и жевалъ табакъ. Я спросилъ для него вторую кружку вина; онъ потрепалъ по холкѣ мою лошадь, которую недавно вылѣчилъ отъ простуды. Я спросилъ, что подѣлываетъ Мельхіоръ, и Северо мнѣ разсказалъ, что наканунѣ онъ обѣдалъ у дядюшки и разговаривалъ съ фидальго.

— Возможно ли? Значитъ, сеноръ донъ Хасинто вернулся въ Тормесъ?

— Да онъ оттуда и не уѣзжалъ. Онъ уже пять недѣль живетъ безвыѣздно въ Тормесѣ. И, навѣрно, останется тамъ до винограда. Вотъ когда у насъ пойдутъ пиры! Впрочемъ, у насъ и теперь живутъ шикарно.

Батюшки! вотъ такъ фунтъ! Хасинто въ Тормесѣ! Я такъ взвинтился, что на другой же день, въ воскресенье, не убоявшись и жары, примчался въ Тормесъ. Какъ только на меня залаяли собаки, откуда-то изъ хлѣва выбѣжала, въ высоко подоткнутой юбкѣ, свояченица Мельхіора...

— А гдѣ сеноръ Хасинто?..

— Сеноръ Хасинто въ полѣ, вмѣстѣ съ Сильверіо и съ Мельхіоромъ.

— А сеноръ Грильо, негръ?

— Его я видѣла недавно въ фруктовомъ саду; онъ тамъ вмѣстѣ съ французомъ рветъ лимончики.

Въ окнахъ сверкали на солнцѣ только что вставленныя чистенькія стекла. Въ одномъ изъ уголковъ двора я замѣтилъ чанъ съ известью и другой, съ краской. Къ стѣнѣ была прислонена лѣстница, высокая, до самой крыши. Возлѣ другой стѣны, на кучѣ соломы, очевидно, вынутой изъ ящиковъ, въ которыхъ были упакованы вещи, спали двѣ кошки.

«Ладно, — подумалъ я, — Вотъ вамъ и воцареніе цивилизаціи».

Я поставилъ свою лошадь въ конюшню и поднялся по каменнымъ ступенямъ.

На верандѣ, на кучѣ планокъ, блистала новизной на солнцѣ

цинковая ванна. Полы внутри дома были починены и чисто вымыты. Отъ свѣже выбѣленныхъ стѣнъ вѣяло холодомъ, словно отъ стѣнъ монастыря. Съ безцеремонностью истаго горца, я черезъ три комнаты, всѣ съ раскрытыми настежъ дверями, прошелъ въ ту, гдѣ, по моимъ предположеніямъ, долженъ былъ обитать Хасинто. Видимо, здѣсь и обиталъ мой принцъ: на деревянныхъ колкахъ, вбитыхъ въ стѣну, висѣли различныя принадлежности туалета; желѣзная кровать стыдливо прятала свою дѣвственную строгость подъ бархатнымъ одѣяломъ, въ уголкѣ между стѣной и табуреткой, на которой стоялъ все тотъ же жестяной подсвѣчникъ и лежалъ томикъ Донъ-Кихота. На умывальникѣ изъ самаго простого дерева съ желтыми разводами — имитація бамбука — едва умѣщались, такъ онъ былъ малъ, умывальная чашка, кувшинъ и крохотный кусочекъ мыла; тутъ же, на полочкѣ, прибитой къ стѣнкѣ, аккуратно были разложены щетки, ножницы, гребень, маленькое дешевенькое зеркальце и стояла бутылочка лавандовой воды, присланная мною изъ Гвіаэнса. Три окна, не завѣшанныхъ гардинами, не скрывали красоты Сьерры и свободно впускали ласковый, теплый воздухъ, пропитанный смолистымъ запахомъ лѣсовъ и розъ въ саду. Напротивъ этой комнаты, дверь въ дверь, была другая, такъ же просто обставленная — очевидно, мой принцъ позаботился приготовить ее для своего Зэ Фернандеса. Я тотчасъ же повѣсилъ на колокъ свой блестящій шелковый пыльникъ.

Зато въ огромномъ залѣ, гдѣ мы въ первый вечеръ пріѣзда философствовали и любовались звѣздами, Хасинто, видимо, устроилъ мѣсто занятій и отдохновенія. Здѣсь стояли большія плетеныя кресла, простыя, но удобныя, съ налокотниками, и даже съ такой роскошью, какъ подушки въ ситцевыхъ наволочкахъ. На огромномъ столѣ простого дерева и, видимо, мѣстной работы, я полюбовался мѣдною лампочкой, монастырской чернильницей съ цѣлымъ ассортиментомъ гусиныхъ перьевъ и вазочкой — изъ тѣхъ, какія ставятъ въ церквяхъ, полной гвоздикъ. Между двухъ оконъ стоялъ окованный желѣзомъ прадѣдовскій комодъ съ накладными фанерками и на немъ розоватаго мрамора ясли, въ которыхъ три Царя-пастыря съ пастушескими сумками гнали растрепанныхъ барашковъ къ Младенцу-Іисусу съ гигантской короной на головѣ, протягивающему имъ руки изъ пещеры. Вдоль другой стѣны тянулись полки, на которыхъ стояли два черныхъ портрета въ черныхъ рамкахъ, лежали два ружья и книги — Плутархъ, Виргилій, Одиссея, Эпиктетъ, Записки Фруасара. По стѣнамъ чинно были разставлены новенькіе, свѣже отполированные стулья. И въ одномъ углу стояло нѣсколько дубинокъ.

Все блистало чистотой и порядкомъ; окна были прикрыты ставнями отъ солнца; полъ опрысканъ водой, и отъ него, въ мягкомъ полусвѣтѣ шла пріятная прохлада. Благоухали гвоздики въ вазочкѣ. Ни звука кругомъ, ни въ домѣ, ни въ поляхъ. Тормесъ дремалъ, убаюканный полдневнымъ солнцемъ и воскреснымъ отдыхомъ. Сразу отдохнувшій въ этой полумонастырской тишинѣ, я усѣлся въ одно изъ креселъ, взялъ со стола томикъ Виргилія и, наудачу раскрывъ его, прочелъ, пародируя бросившійся въ глаза мнѣ стихъ:

Fortunate Iacinthe, chic inter arva nota.
Et fontes sacros, frigus captabis opacum.

«Поистинѣ, счастливый Хасинто! Въ родныхъ поляхъ, среди источниковъ, священныхъ для тебя, ты, наконецъ, обрѣлъ и тѣнь, и миръ...»

Я началъ читать дальше и не замѣтилъ, какъ уснулъ, разморенный жарой и двухчасовой ѣздой верхомъ. Меня разбудилъ голосъ друга. Освободившись изъ его мощныхъ объятій, я сталъ разглядывать его и не могъ не сравнить Хасинто съ растеніемъ, которое росло чахлымъ и блѣднымъ среди ковровъ и шелковыхъ подушекъ, но, когда его вынесли на воздухъ и на солнце и щедро полили водой, тотчасъ ожило, пустило новые ростки и зазеленѣло, словно весной. Хасинто уже теперь не горбится на ходу. Поверхъ холодной блѣдности сверхцивилизованнаго человѣка, горный воздухъ и простая жизнь на лонѣ природы уже успѣли положить легкій налетъ загара, и сквозь тонкую кожу теперь проступалъ смуглый румянецъ, удивительно мѣнявшій лицо моего друга. За эти шесть недѣль онъ страшно возмужалъ. Въ пелусонныхъ, мечтательныхъ глазахъ, которые въ Парижѣ всегда смотрѣли вдаль отъ міра, теперь горѣлъ задорный и самоувѣренный огонь. Передо мною былъ истый южанинъ, который съ упоеніемъ любуется красотой окружающаго міра. Даже усы у него закручивались сами собой и ужъ не обвисали книзу. И пальцы не скользили растерянно-уныло по лицу. Словомъ, передо мной стоялъ переродившійся Хасинто. Я даже испугался чуточку вѣдь этого новаго принца мнѣ придется изучать заново, подмѣчать его новыя мысли и повадки.

Онъ весело пожалъ плечами, которыя теперь стали гораздо шире. И, шагая изъ угла въ уголъ по заплатанному въ нѣсколькихъ мѣстахъ паркету, теперь уже твердою, увѣренною поступью, началъ разсказывать мнѣ, какъ послѣ моего отъѣзда изъ Тормеса онъ проснулся, выкупался въ колодѣ, изъ которой поятъ лошадей, надѣлъ чистое бѣлье, присланное мной, и вдругъ почувствовалъ, что

его «какъ будто расколдовали». На завтракъ съѣлъ огромную яичницу съ колбасой — чудесная была яичница! А потомъ пошелъ бродить по горамъ, наслаждаясь покоемъ и свободой... А потомъ выписалъ изъ Опорто кровать и пару вѣшалокъ. И вотъ... какъ видишь...

— Такъ ты здѣсь остаешься на все лѣто?

— Ну, на все лѣто — врядъ ли. Но на мѣсяцъ, на два... Пока меня здѣсь кормятъ такою удивительною колбасой, пока вода, которую я пью изъ горсти, или изъ капустнаго листа, кажется мнѣ такой божественно-вкусной...

Я опустился въ кресло и смотрѣлъ на моего принца широко раскрытыми, навѣрно, даже глупо выпученными глазами. А онъ, нимало не смущаясь, завертывалъ въ салфетку крупно накрошенный табакъ, который онъ бралъ изъ суповой миски, и продолжалъ разсказывать.

— Я сегодня чуть свѣтъ ушелъ въ горы... Поймалъ чудесныхъ четыре форели... тамъ, внизу, въ горномъ ручьѣ, который протекаетъ долиною Серанды. Вотъ у насъ и обѣдъ есть...

Но мнѣ интересно было знать всѣ детали его перерожденія.

— Такъ въ Лиссабонъ ты, значитъ, и не ѣздилъ?.. А я туда телеграфировалъ...

— Ахъ, что за вздоръ! Телеграфировалъ! Да на кой мнѣ твой Лиссабонъ? Я былъ тамъ, наверху, у источника Лиры, сидѣлъ въ тѣни большого дерева, sub tegmine — ужъ не знаю, чего, и читалъ божественнаго Виргилія... А кромѣ того я устраивалъ свой дворецъ. Ты думаешь, Зэ Фернандесъ? За три недѣли мы здѣсь настлали всѣ полы, вставили окна, выбѣлили стѣны, даже стулья вотъ поставили... Тутъ всѣ работали — и я. Я самъ бѣлилъ здѣсь стѣны, огромнѣйшею кистью. Видѣлъ ты мои ясли, сирѣчь, столовую?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ пойдемъ и полюбуемся тѣмъ, сколько красоты можетъ быть въ простотѣ, варваръ ты этакій!

Хасинто привелъ меня въ ту же самую комнату, гдѣ мы ѣли съ нимъ такой вкусный рисъ съ бобами, но только теперь она тоже была вся прибрана и выбѣлена заново, съ широкою каймой внизу, выкрашенною свѣтло-сѣрой краской — я узналъ тонкій вкусъ Хасинто. Столъ былъ покрытъ тончайшей гвимаренской скатертью съ бахромой, спускавшейся до полу. Посерединѣ, на толщенной фаянсовой тарелкѣ блестѣлъ желтый пѣтухъ... На такихъ самыхъ тарелкахъ, съ такими точно пѣтухами подаютъ бобы пахарямъ на ужинъ послѣ трудового дня...

На дворѣ залаяли собаки. Хасинто выбѣжалъ на веранду, съ проворствомъ, изумившимъ меня. Да и любопытства такого къ мелочамъ жизни раньше я въ немъ не замѣчалъ. Положительно, невидимая сѣть, опутывавшая его въ Парижѣ, была разорвана. Въ эту минуту вошелъ Грильо, въ холщевой курткѣ, въ каждой рукѣ по бутылкѣ бѣлаго вина. И просіялъ, увидавъ въ «квинтѣ» своего милаго «Сіо Фернандеса». Но его честное лицо ужъ не лоснилось, какъ въ Парижѣ, веселымъ, радостнымъ блескомъ чернаго дерева. Мнѣ даже показалось, что онъ сгорбился за это время... Когда я поинтересовался узнать причину, онъ пожалъ плечами и выпятилъ нижнюю губу.

— Молодому барину нравится здѣсь — ну, значитъ, и мнѣ нравится... Воздухъ здѣсь, и вправду, очень хорошій, Сіо Фернандесъ, воздухъ очень хорошій...

И онъ унылымъ жестомъ поставилъ передо мной тарелку грубаго фаянса, положилъ ножъ съ костяной ручкой и поставилъ на столъ деревянную доску для хлѣба, напомнившую мнѣ монастырскую трапезную... И тихонько прибавилъ:

— Но харчи не важные, Сіо Фернандесъ, харчи неважные.

Хасинто вернулся съ пачкой газетъ въ рукахъ.

— Это былъ почтальонъ. Какъ видишь, я здѣсь не вовсе ужъ отрѣзанъ отъ цивилизованнаго міра. Я выписалъ газеты... Но, конечно, не «Фигаро» и скучнѣйшее «Revue des deux Mondes». Спеціальныя изданія, — по вопросамъ сельскаго хозяйства... Чтобъ знать, какъ ухаживаютъ за пчелами... Quidfaciat iaetas segetes.... Впрочемъ, эти благородныя знанія я могъ бы почерпнуть и изъ «Георгики» Виргилія, о которой ты, разумѣется, не имѣешь понятія.

Я засмѣялся.

— Ого! Не имѣю понятія? Я-то! Nos quoqua gens sumus et nostrum Virgilium sabemus.

Но преображенный другъ уже высунулся въ окно и захлопалъ въ ладоши, какъ Катонъ, призывая слугъ.

— Анна Бакейра! стаканъ воды изъ стараго ключа. Только стаканъ выполощите хорошенько.

Я снова засмѣялся.

— Хасинто, а углекислыя воды? А фосфорно-кислыя? А стерилизованныя? А содовая?.. а...

Мой принцъ пренебрежительно пожалъ плечами и съ наслажденіемъ выпилъ стаканъ воды, — ледяной, родниковой, отъ которой моментально вспотѣлъ стаканъ, поданный ему красивой молодою женщиной. Я, впрочемъ, заинтересовался главнымъ образомъ

подательницей. Что за глаза! Какая глубина, какая строгость взгляда! Какая прелесть и гармонія въ изгибѣ бедръ этой латинской нимфы!..

Едва успѣло скрыться за дверью это дивное видѣніе, какъ я воскликнулъ:

— Хасинто, и я тоже хочу воды. И, если исполнять приказы будетъ эта красавица, мнѣ каждыя пять минутъ будетъ чего-нибудь хотѣться... Что за глаза! Фигура... Чортъ возьми! Да, вѣдь, это — олицетворенная поэзія горъ...

Хасинто равнодушно улыбнулся.

— Зачѣмъ такъ фантазировать, Зэ Фернандесъ? Мы не въ Аркадіи. Она красива, несомнѣнно, но красота ея чисто животная... И поэзіи, чуткости, да, въ сущности, даже и красоты въ этой молодой женщинѣ не больше, чѣмъ въ красивой, молодой коровѣ. Къ ней какъ разъ подходитъ ея имя — Анна Бакейра[1]). Она добросовѣстно работаетъ, отлично перевариваетъ пищу, рожаетъ здоровыхъ дѣтей. На то ее и создала природа такой сильной и здоровой, и она отлично выполняетъ свою жизненную задачу. Но супругу ея, повидимому, этого недостаточно, потому что онъ здорово колотитъ ее... Онъ тоже красивый самецъ... Нѣтъ, дорогой мой, Сьерра удивительная, я ей благодаренъ за многое... Но женская половина человѣчества здѣсь, къ сожалѣнію, пребываетъ въ полуживотномъ состояніи, а мужская — въ состояніи высоко развитаго эгоизма... Это и дѣлаетъ всѣхъ здѣшнихъ такими настоящими, такими неподдѣльными. И это меня утѣшаетъ, Зэ Фернандесъ.

Не торопясь, наслаждаясь тишиной, прохладой и просторомъ огромнаго стараго дома, мы вернулись въ залу, которую Хасинто уже окрестилъ «библіотекой». Я увидалъ въ углу полуоткрытый ящикъ и вдругъ, захлебнулся отъ любопытства.

— А ящики, Хассинто?.. Вся эта масса ящиковъ, биткомъ набитыхъ всякой цивилизаціей? Ты что-нибудь узналъ о нихъ? Откопалъ, гдѣ они?

Мой принцъ замедлилъ шагъ и самодовольно хлопнулъ себя по бедру.

— Ну, разумѣется. Ты помнишь этого агента — такой маленькій человѣчекъ въ клѣтчатомъ костюмѣ съ дорожною сумкой черезъ плечо, который приходилъ къ намъ въ № 202? Еще мы съ тобой тогда такъ восхищались его толковостью, находчивостью и его знаніемъ географіи... Помнишь? Едва лишь я упомянулъ

---

[1]) Baqueira по португальски корова.

о Тормесѣ, какъ онъ вскричалъ, что знаетъ, гдѣ это, и что-то записалъ у себя въ книжечкѣ... Тормесъ? Parfaitement. Tres bien. Très pittoresque! И вотъ, представь себѣ, всѣ мои вещи онъ изволилъ отправить въ Альба-де-Тормесъ въ Испанiи. И онѣ всѣ теперь лежатъ въ Испанiи.

Я разочарованно почесалъ подбородокъ.

— Ну, знаешь, это... это ужъ... Такой опытный человѣкъ, такой знающiй, прогрессивный... Послать въ Испанiю!.. Но ты, конечно, ужъ телеграфировалъ, чтобъ ихъ переслали сюда?

— Нѣтъ. Послѣ, можетъ быть... Дай мнѣ побаловать себя — вставать на зарѣ и имѣть одну только щетку для волосъ, мой милый Зэ Фернандесъ.

Я подмигнулъ Хасинто.

— Въ Парижѣ ихъ у тебя было девять штукъ.

— Какое девять! Двадцать. Можетъ быть, даже тридцать. И я ихъ вѣчно путалъ. И никогда не могъ найти той, которая мнѣ была нужна... И никогда въ Парижѣ не умѣлъ причесать волосъ, какъ слѣдуетъ. Это все равно, какъ съ моей библiотекой. У меня книгъ было такъ много, что я никогда ни одной не могъ прочесть. И съ моими дѣлами: они такъ тяготили меня, что я ничего путнаго не въ состоянiи былъ сдѣлать.

Подъ вечеръ, когда жара спала, мы по извилистымъ тропинкамъ обошли все имѣнiе моего друга, тянувшееся на двѣ мили черезъ горы и долы. Съ того далекаго дня, когда мой принцъ почувствовалъ себя такимъ несчастнымъ въ людномъ и охраняемомъ полицiей лѣсу Монморанси, мнѣ ни разу не случилось быть съ нимъ вдвоемъ на лонѣ природы. Какъ быстро онъ сроднился съ этой горной природой, отъ которой привычка и теорiя столько лѣтъ удаляли его, какой идиллической любовью къ ней проникнулся за эти нѣсколько недѣль! Теперь его ужъ не пугала «убiйственная сырость» на лугу; онъ не злился на вѣтви, фамильярно задѣвавшiя его, и безмолвiе горъ ужъ не пугало его, какъ символъ безлюдiя мiра. Увѣренно и радостно ступалъ онъ ногами, обутыми въ грубые деревенскiе башмаки, по мягкой землѣ, словно чувствуя себя въ родной стихiи. Безъ всякой надобности сходилъ съ убитой и прямой тропинки и продирался сквозь тѣсно переплевшiяся вѣтви, чтобы почувствовать на лицѣ прикосновенiе нѣжной молодой зелени. Взобравшись на гору, онъ досадливо махнулъ мнѣ рукой, — чтобъ я не мѣшалъ ему наслаждаться тишиной, такъ что я притаилъ дыханiе; и дважды я подмѣтилъ, какъ онъ прислушивался

къ болтовнѣ ручья, тихонько усмѣхаясь, словно понималъ, что разсказываетъ ему этотъ журчащій горный ручеекъ.

И всю дорогу философствовалъ съ энтузіазмомъ новообращеннаго, которому хочется всѣхъ обратить въ свою вѣру.

— Какъ здѣсь легко дышать! И умъ здѣсь точно сбрасываетъ путы. Какъ глубоко, какъ мощно все живетъ здѣсь!.. Ты думаешь, Зэ Фернандесъ, что природа только живетъ, не мысля...

— Я ничего подобнаго не говорилъ, Хасинто.

— Ну, такъ я тебѣ скажу, что ты судишь очень грубо и узко.

— Часъ отъ часу не легче. Но вѣдь я же...

— Нѣтъ, нѣтъ. Ты этого не понимаешь. Жизнь вѣдь не ограничивается мышленіемъ, мой ученый докторъ...

— Да я вовсе не докторъ.

— Жизнь, — это, по существу, воля и движеніе. Вотъ этотъ самый кусокъ пашни заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ импульсовъ, еще не выявленныхъ силъ, которыя найдутъ высшее свое выраженіе въ формѣ. Нѣтъ, твоя философія до крайности груба...

— Ахъ, чортъ! да я же ничего...

— И затѣмъ, дорогой мой, ты погляди, какое здѣсь неисчерпаемое разнообразіе формъ. И всѣ онѣ прекрасны.

Онъ съ силой стиснулъ мнѣ руку и заставилъ оглядѣться вокругъ.

— Ты посмотри: въ природѣ ты не встрѣтишь ни монотонности, ни повтореній. Ты не найдешь двухъ листиковъ плюща, которые были бы абсолютно схожи. А въ городѣ, наоборотъ: одинъ домъ рабски копируетъ другой, и на всѣхъ лицахъ ты читаешь то же равнодушіе, или тревогу. И мысли въ городѣ штампованныя, какъ монеты. И даже личное, интимное, иллюзіи у всѣхъ однѣ и тѣ же... Сверхъоднородность — кошмаръ городовъ. А здѣсь? Ты только погляди вотъ на этотъ каштанъ. Я три недѣли каждый день смотрю на него, и каждый день онъ кажется мнѣ новымъ. Тѣнь облака, дождь, солнце, вѣтеръ, тучи, — все мѣняетъ его выраженіе, и всегда оно одинаково ново и интересно. Общеніе съ нимъ никогда не можетъ утомить...

— Одно досадно, что онъ говорить не можетъ.

Хасинто даже отшатнулся отъ меня, и глаза его загорѣлись.

— Какъ, говорить не можетъ? Да онъ все время говоритъ, не умолкая. Только, конечно, не говоритъ пошлостей и общихъ мѣстъ и не болтаетъ вздора о теоріяхъ. Но всякій разъ, какъ я прохожу мимо него, онъ открываетъ мнѣ новую правду, или подсказываетъ мнѣ интересную мысль... Да не далѣе, какъ сегодня, когда я шелъ съ рыбной ловли... я сталъ противъ него, и тотчасъ

онъ мнѣ разсказалъ, какъ онъ живетъ, не зная ни усилій, ни труда, ни жадности, заѣдающей человѣка, не заботясь о пищѣ и одеждѣ, какъ божье дитя... Эта-то спокойная увѣренность въ завтрашнемъ днѣ и придаетъ ему такую прелесть и величавость. Ты не находишь этого?

Я съ улыбкой согласился. Меня радовали не эти округленныя метафоры и незрѣлая метафизика, выросшая въ тѣни каштана, а отрадная дѣйствительность, крывшаяся подъ ними: примиреніе съ жизнью моего милаго Хасинто, его, такъ сказать, воскресеніе изъ мертвыхъ, выходъ изъ гробницы пессимизма, въ которой онъ, спеленутый, какъ мумія, пребывалъ столько лѣтъ.

Ну, и уморилъ же меня въ тотъ день мой принцъ! Онъ таскалъ меня за собой по всей Сьеррѣ, бѣгомъ взбирался на вершины, словно надѣясь открыть за ними новый міръ. И огорчался только, что не знаетъ названій деревьевъ и ползучихъ растеній, обвивавшихъ скалы... И неустанно перелистывалъ меня, какъ ботаническій словарь.

— Сколько я прослушалъ лекцій на своемъ вѣку, учился, кажется, у всѣхъ европейскихъ ученыхъ, книгъ у меня уйма, а вотъ дошло до дѣла, такъ не знаю, что это за дерево, не то черемуха, не то пробковое...

— Это каменный дубъ, Хасинто.

Уже вечернія тѣни ложились на горы, когда мы, утомленные, возвратились домой. Мой другъ притихъ въ вечерней тишинѣ, молчалъ и лишь вздыхалъ тихонько, отъ полноты блаженства. Потомъ, съ глубокой серьезностью выговорилъ:

— Ты говоришь, что природа не мыслитъ...

— Опять? Послушай, это скучно. Я же...

— Но именно потому, что мысль подавлена въ ней, она живетъ дольше и лучше насъ. Мы, бѣдные, не можемъ заглушить нашу мысль, но можемъ воспитать ее и помѣшать ей изощряться въ придумываніи новыхъ наслажденій, которыя не даютъ наслажденія, и недостижимыхъ цѣлей... Вотъ у этихъ деревьевъ, у этихъ горъ должны учиться мы, Зэ Фернандесъ, жить въ мирномъ царствѣ грезъ, ничего не желать, ничего не бояться и предоставить міру жить своею жизнью и убаюкивать насъ своимъ отдаленнымъ шумомъ... Ты не находишь этого, Зэ Фернандесъ?

— Возможно. Но для этого надо вѣдь жить въ монастырѣ, имѣя темпераментъ святаго Бруно, или же имѣть сто сорокъ тысячъ контосъ годоваго дохода и зваться Хасинто... А затѣмъ, позволь тебѣ напомнить, что мы уже нѣсколько часовъ на ногахъ, я до смерти усталъ и голоденъ, какъ волкъ.

— Тѣмъ вкуснѣе покажутся тебѣ ферели и бараньи жаркое, которыя насъ ожидаютъ.

— Вотъ это хорошо, что ожидаютъ. Кто же на тебя стряпаетъ?

— Крестница Мельхіора. Отличная кухарка. Вотъ ты увидишь, какой она варитъ куриный супъ съ рисомъ. А утки жареныя — объѣденье? Сама она чудовище. Карлица, съ раскосыми глазами, одинъ черный, другой зеленый...

И вправду, Горацій посвятилъ бы оду поданному барашку; жареному на вертелѣ изъ вишневаго дерева. Да и въ форель, и во все прочее вложено было столько вдохновенія, а мягкій, теплый лѣтній вечеръ, вливавшійся въ окно, окуталъ насъ такою бархатною нѣгой, что я совсѣмъ размякъ и, когда мы послѣ обѣда, перешли въ другую комнату пить кофе, я опустился въ кресло, самое просторное, съ самыми мягкими подушками, и даже застоналъ отъ наслажденія.

Обтеръ усы, обмокнутые въ кофе, и съ улыбкой спросилъ Хасинто:

— А помнишь, какъ мы съ тобой въ Парижѣ ходили, согнувшись въ три погибели подъ гнетомъ пессимизма, и плакались, что все только иллюзія и скорбь.

Мой принцъ, который, послѣ жареной баранины, пришелъ въ еще болѣе веселое настроеніе, шагая большими шагами по комнатѣ, свертывалъ папироску и восклицалъ:

— О, какой глубокомысленный оселъ этотъ Шопенгауэръ! И еще большимъ осломъ былъ я, который такъ имъ увлекался. И, все же, — онъ помѣшалъ ложечкой въ чашкѣ, — пессимизмъ для страждущихъ — очень утѣшительная теорія, такъ какъ онъ отнимаетъ индивидуальность у страданія, обобщаетъ его, превращаетъ его въ законъ природы. И тѣмъ отнимаетъ у него обидный характеръ личной несправедливости, враждебнаго отношенія злой судьбы именно къ тебѣ. Вѣдь насъ особенно ожесточаетъ горе, когда мы видимъ, что ближнему живется хорошо, или воображаемъ, что онъ радуется жизни, и думаемъ, что вотъ, ему везетъ, а насъ преслѣдуетъ горе и неудачи, хотя и мы рождены для счастья. Развѣ кто сталъ бы огорчаться своею хромотой, если бы все человѣчество хромало? И какой душу раздирающій ревъ ярости поднялъ бы тотъ, кто очутился бы среди метелей и снѣговъ, нарочно для него ниспосланныхъ, въ то время, какъ всѣ прочіе люди наслаждались бы ароматнымъ тепломъ весны...

— Я думаю! Тутъ всякій взвылъ бы объ обиды...

— Для лѣнтяевъ пессимизмъ очень хорошъ, ибо онъ прида-

етъ смягчающій характеръ такому непріятному недостатку, какъ лѣнь. Если все въ жизни приноситъ лишь страданіе, и всѣ усилія напрасны, такъ стоитъ ли стараться, добиваться чего-нибудь? Впрочемъ, всѣ лирики и теоретики пессимизма, отъ Соломона до злобнаго Шопенгауера проповѣдуютъ свою доктрину лишь затѣмъ, чтобы замаскирвать собственное униженіе, окружая свои маленькія огорченія и неудачи ореоломъ чуть ли не божественнаго происхожденія.

Милѣйшій Шопенгауэръ начинаетъ разводить свой шопенгауэризмъ, когда онъ еще былъ философомъ безъ издателя и учителемъ безъ учениковъ. Въ тѣ годы онъ страждетъ невыразимо отъ всякихъ выдуманныхъ ужасовъ: деньги свои прячетъ подъ поломъ, чтобы ихъ не украли; счета пишетъ по-гречески; живетъ въ подвалѣ, изъ опасенія пожара; въ дорогу беретъ съ собою цинковую кружку, чтобы случайно не пить изъ стакана, изъ котораго пилъ прокаженный... Шопенгауеръ въ юности, — мрачнѣйшій шопенгауэристъ... Но какъ только онъ достигъ извѣстности, какъ только нервы его успокоились, онъ весь перемѣнился: въ Франкфуртѣ не было болѣе оптимистически настроеннаго обывателя, болѣе довольной физіономіи и человѣка, умѣющаго лучше и полнѣе наслаждаться благами жизни и духа...

А тутъ, другой, израильтянинъ, педантъ,—король Іерусалима? Когда онъ убѣждаетъ въ томъ, что все въ мірѣ, — тлѣнъ и суета? На семьдесятъ пятомъ году, когда его трясущія руки уже не въ силахъ обнимать, и триста женъ въ его сералѣ являются для него лишь смѣшной ненужностью. Тутъ-то онъ и разливается въ цвѣтистыхъ жалобахъ и пѣсняхъ. Все въ мірѣ тлѣнъ и суета и томленіе духа... И нѣтъ ничего прочнаго подъ солнцемъ... А верни этому восточному султану его мужскую силу, куда бы дѣвались и жалобы! Съ устъ его полилась бы снова звенящая и торжествующая Пѣснь Пѣсней любви...

И долго еще, въ ночномъ безмолвіи Тормеса, мой другъ иронизировалъ надъ пессимизмомъ, но я уже не слушалъ его,—я уснулъ.

Меня разбудилъ громкій, искренній смѣхъ. Хасинто, присѣвъ на краешекъ кресла, читалъ Донъ-Кихота и хохоталъ, какъ школьникъ.

Двѣ недѣли я прожилъ у него въ горномъ уединеніи, дожидаясь обряда перенесенія останковъ его предковъ — «почтенныхъ костей», какъ ихъ благоговѣйно называлъ Сильверіо, на другой день пришедшій завтракать къ намъ въ необычайно яркой желтой бархатной курткѣ, обшитой синимъ шелкомъ. Церемонія перенесенія останковъ

требовала скромности и простоты, ибо и сами останки были, такъ сказать, безличны.

— Понимаете, эчеленца, — говорилъ Сильверіо, обтирая салфеткой широкое, вспотѣвшее лицо и пышную черную бороду, дѣлавшую его похожимъ на турка, — тамъ такая каша... О! простите, я очень извиняюсь... Когда церковь обрушилась, все такъ перемѣшалось, что мы ужъ не могли разобрать, кому какая кость принадлежитъ. Да мы, правду сказать, и раньше то не знали, какіе, собственно, предки эчеленца покоились въ старой часовнѣ. Вѣдь она была очень древняя, и предки-то эти самые, разумѣется, все люди весьма почтенные, давно истлѣли... А тутъ вдругъ, обвалъ, катастрофа... Я пораскинулъ умомъ и рѣшилъ: заказать столько гробовъ, сколько мы нашли череповъ подъ развалинами. А череповъ мы нашли семь съ половиной... т. е. семь взрослыхъ и одинъ маленькій, какъ отъ ребенка. и положили въ каждый гробъ по черепу, А затѣмъ... думали-думали, какъ намъ тутъ быть. И ничего умнѣе не придумали, какъ положить къ каждому черепу приличное количество костей. Вотъ пусть сеноръ Фернандесъ скажетъ, — ну, развѣ не умно придумано?.. Что же намъ было больше дѣлать?.. Правда, не всѣ кости нашлись, тамъ и сямъ не хватаетъ, гдѣ сустава, гдѣ колѣнной чашки... И черепъ, можетъ быть, отъ другого скелета... Ну такъ вѣдь этого жъ никто не знаетъ, кромѣ Господа Бога. Словомъ, сдѣлали, какъ умѣли, какъ только могли лучше... Въ день Страшнаго Суда ужъ всѣ эти фидальго тамъ сами разберутся, гдѣ чьи кости.

Всѣ эти ужасныя вещи онъ говорилъ смиренно, почти благоговѣйно, поглядывая то на меня, то на моего принца черными, хитренькими, масляными глазками.

— Отлично, — сказалъ я. — Вы поступили совершенно правильно, дружище. Всѣ эти предки и для насъ анонимы. Обидно только, что тутъ же примѣшались и останки почтеннаго дѣдушки Гальяона. Это страшно обидно.

— Да ничуть не бывало! — вскричалъ Хасинто. — Я вѣдь, собственно, ради него и ѣхалъ въ Тормесъ, а онъ, оказывается, вовсе и не похороненъ здѣсь... И къ счастью для него.

Сильверіо поддакивалъ, качая лысой головой.

— Мы не имѣли удовольствія... Гмъ. Гмъ. Я хочу сказать, эчеленца, что сеноръ Гальяонъ не удостили опочить здѣсь. Уже сто лѣтъ, сеноръ Фернандесъ, уже сто лѣтъ въ этой часовнѣ не хоронили ни одного фидальго изъ дома Хасинто.

— Гдѣ же онъ похороненъ?

Мой принцъ пожалъ плечами.

— Кто жъ его знаетъ... Гдѣ-нибудь возлѣ церкви, въ одномъ изъ своихъ безчисленныхъ имѣній... У него было ихъ такъ много...

— Прекрасно, — заключилъ я. — Разъ дѣло идетъ о чьихъ-то невѣдомыхъ костяхъ, безъ датъ и безъ именъ, обряду погребенія костей приличествуетъ быть самымъ простымъ и скромнымъ.

— Самымъ простымъ и скромнымъ,—подтвердилъ Сильверіо.

И, дѣйствительно, обрядъ перенесенія останковъ древнихъ предковъ вышелъ очень скромнымъ. Рано утромъ, когда туманъ въ ущельяхъ еще не разсѣялся, могильщики и наши работники изъ усадьбы вынесли изъ старой церкви св. Іосифа восемь гробиковъ, прикрытыхъ всѣ однимъ покровомъ, краснымъ бархатнымъ, годнымъ скорѣй для праздника, чѣмъ для обряда похоронъ; да и очертаній гробовъ не видно было подъ множествомъ бѣлыхъ и алыхъ розъ. И въ утреннемъ туманѣ, смягчающемъ звуки, церковный колоколъ звонилъ тихо и нѣжно, словно жалоба птички. Впереди шелъ рослый дѣтина въ кружевной мантилькѣ клирошанина, благоговѣйно неся въ рукѣ серебряное старое Распятіе. Повязавъ шею огромнымъ, синимъ въ клѣтку носовымъ платкомъ, согбенный отъ старости пономарь задумчиво размахивалъ кадильницей, а добрый пастырь церкви св. Іосифа, сунувъ въ закрытый требникъ указательный палецъ, вмѣсто закладки, медленно шевелилъ губами, шепча слова молитвы, звучавшія, какъ ласка. За послѣднимъ гробикомъ, самымъ маленькимъ, въ которомъ лежалъ дѣтскій черепъ, шелъ Хасинто, а возлѣ него я, въ его парижскомъ черномъ сюртукѣ, наскоро вынутомъ изъ чемодана, такъ какъ я только наканунѣ вспомнилъ, что у меня нѣтъ подходящаго костюма, а въ Гвіаэнсъ посылать было ужъ поздно.

За нами важно шествовалъ Сильверіо, въ крахмальной сорочкѣ съ выпяченной впередъ колоссальной манишкой, по которой развѣвалась его пышная, черная, какъ смоль, борода. Во фракѣ, съ отвислой нижней губою и повѣшеннымъ на квинту носомъ, весь какой-то обвислый и унылый, шагалъ Грильо съ огромнымъ вѣнкомъ изъ розъ и плюща на рукѣ. Шествіе замыкалъ Мельхіоръ, окруженный кучкою женщинъ, утопавшихъ въ тѣни своихъ черныхъ головныхъ платковъ и перебиравшихъ пальцами зерна четокъ, перемежая «Ave Maria» съ протяжными вздохами, такими горестными, словно онѣ были совсѣмъ убиты кончиною этихъ давно истлѣвшихъ предковъ. Погребальное шествіе спускалось въ горныя ущелья, поднималось на крутые скаты, скользило по уступамъ, а впереди блестѣло, порой искрясь на солнцѣ, когда лучъ солнцѣ пробивался сквозь туманъ, большое серебряное Распятіе. И вѣтви ивы и черемухи, свисая внизъ, словно ласкали красный бархатъ гроба.

Мѣстами вслѣдъ за нами бѣжалъ ручеекъ, поблескивая въ зеленой травѣ и захлебываясь, журчалъ, словно усердно молясь вмѣстѣ съ нами; когда мы проходили мимо крестьянскихъ домиковъ, тонувшихъ въ зелени, насъ привѣтствовали пѣтухи громкимъ кукареку.

За ключемъ Лиры мы, щадя нашего добраго стараго патера, пошли напрямикъ полемъ, на которомъ ужъ колыхались высокіе, почти созрѣвшіе колосья, перемѣшанные съ алымъ макомъ. Туманъ разсѣялся; свѣтило солнце; подъ вѣтромъ, разогнавшимъ его, золотыми волнами ходила рожь, и въ этихъ золотыхъ волнахъ, словно алые маки, покачивались гробы, покрытые краснымъ бархатомъ, и, какъ гигантскій макъ, алѣлъ на солнцѣ огненно-красный зонтикъ, который пономарь держалъ надъ патеромъ.

Хасинто тихонько подтолкнулъ меня локтемъ.

— Какое у насъ праздничное шествіе!.. совсѣмъ не похоже на похоронное... Ты оглядись вокругъ... Какая красота!

Передъ новой часовней, господствовавшей надъ долиной Карисы, на еще не утрамбованной, совсѣмъ пустой площадкѣ, два парня у дверей часовни держали пучки восковыхъ свѣчей, которыя Сильверіо, со свойственной ему торжественностью, роздалъ всѣмъ. Внутри часовни желтый мерцающій свѣтъ восковыхъ свѣчей сразу поглотила ослѣпительная бѣлизна только что выбѣленныхъ стѣнъ и яркій дневной свѣтъ, вливавшійся въ большія окна. Обходя гробы, поставленные теперь на обвитыя черной матеріей дроги, патеръ шепталъ молитвы по-латыни, а женщины изъ-подъ черныхъ платковъ, вздыхая, шептали: «Аминь» и почтительно всхлипывали. Затѣмъ всѣ мы продефилировали передъ моимъ принцемъ, который стоялъ, застѣнчиво прислонясь къ двери, а рядомъ съ нимъ Сильверіо, давя пластронъ сорочки своею ассирійской бородой, склонивъ голову и сомкнувъ вѣки, словно едва удерживая слезы.

Въ притворѣ принцъ мой преспокойно закурилъ папироску, взятую у Мельхіора.

— Ну, Зэ Фернандесъ, какъ тебѣ понравилось наше маленькое торжество?

— Очень по-деревенски, очень мило, трогательно... въ общемъ, прелестно.

Патеръ уже успѣлъ переодѣться въ ризницѣ, натянуть на себя легкое просторное пальто изъ альпага и надѣть шляпу, старую, съ огромными полями, принесенную клирошаниномъ изъ дому въ коленкоровомъ мѣшкѣ. Хасинто поблагодарилъ его за труды и милое гостепріимство, оказанное имъ останкамъ предковъ въ то время, пока строилась часовня. А ласковый старикъ съ бѣлымъ лицомъ и молодымъ румянцемъ на щекахъ, ясно улыбаясь и показывая чудес-

нѣйшіе зубы, благодарилъ Хасинто за то, что тотъ пріѣхалъ издалека, чтобы, какъ добрый правнукъ, воздать почесть останкамъ своихъ предковъ.

— Ну, предки-то ужъ очень дальніе, да и перемѣшались всѣ между собой, — усмѣхнулся Хасинто.

— Тѣмъ болѣе заслуги съ вашей стороны. Похоронить скончавшагося дѣда, — это такъ обыденно. Но кости пра-пра-дѣдовъ...

— Въ особенности, ваше преподобіе, когда вы ничего о нихъ не знаете, сдѣлали ли они что-нибудь доброе на своемъ вѣку...

Старикъ шутливо погрозилъ ему пухлымъ пальцемъ.

— Ну, кто знаетъ, кто знаетъ. Можетъ быть, это все были чудеснѣйшіе люди. Когда такъ долго живешь на свѣтѣ, какъ я, такъ начинаешь понимать, что въ мірѣ нѣтъ ничего безполезнаго. Еще вчера я прочиталъ въ газетѣ, что дождевые черви, и тѣ приносятъ пользу: удобряютъ землю и прорываютъ ее всю, прежде чѣмъ придетъ земледѣлецъ съ плугомъ. Вотъ видите: дождевой червь и тотъ полезенъ... И ничего нѣтъ въ мірѣ безполезнаго... У меня въ саду росла бодяга, и я досадовалъ все, зачѣмъ такая дрянь растетъ. А потомъ догадался, нарвалъ ея, настоялъ на спиртѣ и теперь натираюсь ею отъ ревматизма... Такъ то. Ваши предки жили здѣсь, работали, страдали. Значитъ, свою долю пользы приносили. И, ужъ конечно, если мы лишній разъ помолимся за души ихъ, это можетъ быть только полезно всѣмъ, и имъ, и намъ.

Такъ, мирно бесѣдуя, мы подошли къ группѣ дубовъ, въ тѣни которыхъ стояла старая кобыла патера, ибо старикъ теперь уже не состояніи былъ подолгу ходить по горнымъ тропинкамъ, какъ бывало. Хасинто предупредительно подержалъ ему стремя. И кобыла побѣжала мелкой рысцой, неся своего господина, почти исчезавшаго подъ необъятнымъ краснымъ зонтикомъ; а мы съ Хасинто вернулись домой черезъ Сьерру да Ломбинья и маисовыми полями, все ускоряя шаги, ибо мнѣ было нестерпимо душно и тѣсно въ черномъ сюртукѣ Хасинто.

— Ну, слава Богу, предки, наконецъ, успокоились. Намъ остается послѣдовать примѣру патера и прочесть «Отче нашъ» за упокой ихъ душъ... Если только я не забылъ...

— Не безпокойся, Хасинто, тетушка Висенсія помолится и за меня, и за тебя. Она всегда вмѣсто меня читаетъ всѣ молитвы...

IX.

Однажды подъ вечеръ мы съ Хасинто сидѣли въ саду у фонтана, а садовникъ Мануэль, стоя на лѣсенкѣ, приставленной къ вы-

сокому апельсинному дереву, осторожно снималъ, одинъ за другимъ, золотистые плоды.

— Странно... — сказалъ Хасинто: — я въ жизни своей не посадилъ ни одного дерева.

— А, между тѣмъ, какой-то философъ — не помню какой, — говоритъ, что не можетъ быть настоящимъ человѣкомъ тотъ, кто не посадилъ дерева, не родилъ сына, или не написалъ книги. Такъ что, если ты хочешь быть настоящимъ человѣкомъ, торопись. Ты, поди, и цвѣтовъ никогда не поливалъ?

— Нѣтъ, поливалъ... въ Парижѣ, лѣтомъ. Но сѣять и садить не приходилось. Послушайте, Мануэль, что теперь можно сѣять?

Мануэль, съ полною корзиною апельсиновъ въ рукахъ, осклабился почтительно и весело:

— Сѣять, баринъ? Кто жъ теперь сѣетъ? Теперь ужъ время жать. Глядите, токъ уже утрамбовали для маиса.

— Да, да, конечно... Но зачѣмъ же непремѣнно маисъ или ячмень? Можно бы, напримѣръ, посадить персиковыя деревья вонъ у той стѣны.

Усмѣшка расползлась по всему лицу Мануэля.

— Когда жъ это взойдетъ-то, баринъ? Къ Рождеству развѣ. Теперь можно сажать только капусту въ огородѣ, портулакъ, шпинатъ, — ну, пожалуй, и поздніе бобы, если землю взять очень сырую...

Но мой принцъ кротко отмахнулся отъ этихъ слишкомъ обыденныхъ овощей.

— Хорошо, Мануэль. Возьмите себѣ апельсиновъ, для вашихъ дѣтей.. Да побольше.

Но честолюбивая мечта самому вырастить дерево крѣпко засѣла въ сердцѣ и головѣ Хасинто. Ему уже представлялся Тормесъ, весь заросшій деревьями, посаженными его отечески заботливой рукой. И онъ допытывался у меня, какія деревья растутъ всего скорѣе.

— Эвкалиптусъ, Хасинто, колючій, смѣшной эвкалиптусъ. Онъ за шесть лѣтъ вырастаетъ въ большое дерево.

— Такъ долго, Зэ Фернандесъ!..

Ему хотѣлось бы, чтобъ до зимы, до его возвращенія въ Парижъ, изъ посаженной имъ собственноручно косточки выросло большое вѣтвистое дерево.

— Ты говоришь: дубу надо расти лѣтъ тридцать, чтобъ стать тѣнистымъ?.. Боже!.. Да черезъ тридцать лѣтъ онъ будетъ бросать тѣнь ужъ на мою могилу.

— И то не плохо. И укрывать въ тѣни твоихъ дѣтей, Хасинто.

— Дѣтей? Да гдѣ жъ мнѣ взять ихъ?

— Дѣти растутъ, какъ и каштаны. Надо сперва посѣять. Здѣсь на этотъ счетъ почва благодатная. За девять мѣсяцевъ растеньице готово. И, чѣмъ оно нѣжнѣй и меньше, тѣмъ больше радости отъ него.

Но онъ уныло шепталъ, обхвативъ руками колѣни:

— Такъ долго, Зэ Фернандесъ...

Потребность создавать и творить такъ томила его, что онъ неожиданно заинтересовался животными. И не какими-нибудь оленями или павлинами, въ качествѣ изящнаго украшенія парка, а самымъ обыкновеннымъ домашнимъ скотомъ — овцами, коровами. Мечталъ о томъ, чтобъ развести вокругъ Тормеса зеленые луга, провести воду съ горъ, выписать изъ Англіи лучшихъ коровъ, выстроить для нихъ хлѣвъ со множествомъ отдѣльныхъ стойлъ, изъ стекла и желѣза, съ отличной вентиляціей, завести ферму, дѣлать сыры — бри, камамберъ, гуломмые... Какъ это вкусно для десоерта! Какая польза для страны! Можно развить здѣсь новую промышленность...

Я пробовалъ расхолодить его, высчитавъ, что, съ такими затѣями, каждый сыръ обойдется ему чуть ли не двѣсти тысячъ рейсовъ, а въ Опорто за него не дадутъ больше тостаона[1]). И если высчитать расходы на упаковку, этикетки, фрахтъ и пр. и пр., то на каждомъ кругѣ сыра онъ понесетъ убытокъ приблизительно въ 190, 950 рейсовъ. Но и это его не испугало.

— Превосходно. Мы будемъ, въ такомъ случаѣ, изготовлять только по одному сыру въ субботу и съѣдать его въ воскресенье.

Онъ тотчасъ же позвалъ Сильверіо и Мельхіора и началъ совѣщаться съ ними, какъ тутъ скорѣй устроить ферму. Преградъ для него не существовало. Скала? — Ее можно взорвать. Два поля, которыя можно бы соединить, раздѣлены долиной? Какъ это скучно! Ну, ее засыпемъ. Сильверіо только вздыхалъ, вытирая потъ съ потемнѣвшей лысины. Бѣдный Сильверіо! Какъ ему хорошо и покойно жилось безъ барина. А теперь изволь потѣть въ іюньскую жару надъ составленіемъ смѣтъ на такія чудовищныя суммы, что у Сильверіо глаза лѣзли на лобъ. Напрасно я его утѣшалъ, говоря, что у Хасинто денегъ хватитъ: для него измѣнить видъ Сьерры — все равно, что другому починить крыльцо. Сильверіо еще безутѣшнѣе хлопалъ себя длинными руками по жирнымъ ляжкамъ.

— Въ томъ-то и бѣда, сеноръ Фернандесъ. То-то и худо, что у сенора Хасинто слишкомъ много денегъ. Не будь у него такой уймы денегъ, не сталъ бы онъ швырять ихъ за окно. А ему, что ни

---

[1]) Около 100 рейсовъ.

вздумается — вынь да положь. Ну, поѣхалъ бы въ Монтеморъ. Вѣдь, у него другое имѣніе, въ Монтеморѣ, на берегу Мондехо — не то, что здѣсь, горы да пропасти. Тамъ такой садъ можно развести, что и въ Опорто такихъ не видали. Или Беллейра — вы не знаете Беллейры? Вѣдь это же цѣлое графство, мѣстность тамъ ровная, домъ съ башенкой, луга... Тамъ не то что коровъ, а хоть индѣекъ разводи!

— Но что же дѣлать, Сильверіо, когда Хасинто пристрастился къ Сьеррѣ? При томъ же это его родовое помѣстье, гдѣ еще въ четырнадцатомъ столѣтіи хозяйничали его предки...

Сильверіо съ горя даже забылъ свою обычную почтительность.

— Ахъ, что за вздоръ, сеноръ Фернандесъ! Отъ васъ ли это слышу? Такія мысли — въ вѣкъ свободы и равенства! Можно ли говорить о предкахъ и объ аристократіи, когда мы идемъ прямымъ путемъ къ республикѣ! Мы почитайте «Секуло», сеноръ Фернандесъ... И посмотрѣлъ бы я на сенора дона Хасинто зимой, въ туманъ, когда здѣсь льютъ дожди. Вѣдь по утрамъ тутъ у насъ зимою каждый день туманъ ползетъ съ рѣки, холодъ пронизываетъ до костей, вѣтеръ дубы ломаетъ. А дожди? Отъ однихъ дождей можно повѣситься. Да и не по здоровью это сенору дону Хасинто — онъ вѣдь не очень крѣпокъ... Нѣтъ, въ Монтеморъ! Уговорите его переѣхать въ Монтеморъ. Вы его другъ, онъ васъ послушаетъ — уговорите его ѣхать въ Монтеморъ.

Но, на несчастье для Сильверіо, Хасинто уже пустилъ корни въ Сьерру, и любовные, крѣпкіе корни. Какъ вѣтка отъ дерева, перенесеннаго изъ одной страны въ другую, посаженная снова въ родную почву, онъ набирался силъ и соковъ и преображался въ сельскаго жителя, почти въ растительное существо, сросшееся съ родной землей, какъ тѣ деревья, которыя онъ такъ любилъ.

Больше всего его привязывало къ Сьеррѣ то, что онъ нашелъ здѣсь все, чего ему не доставало въ городѣ — дни, полные кипучей дѣятельности, полные такого захватывающаго интереса, что въ каждый день онъ окунался словно въ живительный источникъ, или въ атмосферу пышнаго празднества.

Съ ранняго утра, въ шесть часовъ, когда я еще блаженно потягивался на матрацѣ, набитомъ свѣжими листьями маиса, въ коридорѣ раздавались тяжелые шаги его подбитыхъ гвоздями башмаковъ. Напѣвая вполголоса, не очень въ тонъ, но весело, какъ дроздъ на вѣткѣ, онъ распахивалъ мою дверь уже въ шляпѣ съ широкими обвислыми полями и съ палкою въ рукѣ, готовый идти бродить по горамъ. И начиналъ всегда съ одной и той же новости:

— А знаешь, я сегодня чудесно выспался, дружище. Прямо,

какъ говорится, спалъ сномъ праведника. Утро-то какое дивное! Въ пять часовъ я, какъ растворилъ окно, — чуть не вскрикнулъ отъ восторга.

Онъ такъ спѣшилъ, что даже не позволялъ мнѣ вымыться, какъ слѣдуетъ и, когда я принимался выравнивать проборъ, этотъ бывшій владѣлецъ тридцати девяти щетокъ, возмущенно протестовалъ противъ такой безплодной траты времени, въ деревнѣ позволительной лишь женщинамъ.

Но, какъ только мы, выйдя изъ платановой аллеи, начинали подниматься по бѣлѣющимъ въ росистой травѣ извилистымъ горнымъ тропинкамъ, онъ уже не спѣшилъ, а шагалъ медленно и важно, словно въ храмѣ. И увѣрялъ, что это «противъ всякой эстетики, философіи и религіи — спѣшить, когда идешь полями». При его буколической чувствительности, которая все крѣпла въ немъ и обострялась, его радовалъ каждый проблескъ красоты въ воздухѣ или на землѣ. Онъ могъ цѣлое утро бродить по лѣсу, переходя отъ одного ствола пиніи къ другому, съ наслажденіемъ вдыхая смолистый пряный воздухъ и погружая ноги въ прошлогоднія сухія иглы и шишки — могъ часами сидѣть на террасѣ, молча, и слушать тишину. И, когда я, старый горецъ, не восторгался такъ же пламенно, какъ онъ, мой принцъ негодовалъ, словно поэтъ, который видитъ лавочника, зѣвающаго надъ Шекспиромъ и Мюссе.

Возвращаясь домой, мы находили окна уже отпертыми, шторы спущенными, полъ спрыснутымъ свѣжей водой отъ жары и отдыхали послѣ завтрака въ библіотекѣ, въ блаженномъ ничегонедѣланіи.

Впрочемъ, отдыхалъ я одинъ; принцъ мой и тутъ не оставлялъ своей радостной и кипучей дѣятельности. Въ часъ, когда даже воробьи дремлютъ на вѣткахъ, когда и солнце на небѣ стоитъ недвижно и словно спитъ въ вѣнцѣ лучей, Хасинто, не ощущая ни малѣйшей потребности вздремнуть, брался за книгу. За «свою книгу», — ибо этотъ владѣлецъ тридцати тысячъ томовъ, переродившись въ Тормесѣ, постигъ наслажденіе читать одну лишь книгу. Сперва онъ читалъ Донъ-Кихота и, какъ ребенокъ, хохоталъ надъ умными словами, которыя говорилъ жирный Санхо, сидѣвшій, растопыривъ ноги, на ослѣ. Теперь взялся за Одиссею и былъ внѣ себя отъ восторга, что открылъ такое сокровище, какъ старика Гомера.

— О, Зэ Фернандесъ, какъ это могло случиться, что я дожилъ до такихъ лѣтъ, не прочитавъ Гомера?

— Что жъ, у тебя было другое чтеніе, болѣе современное... «Фигаро», «Жоржъ Онэ»...

— Ты читалъ «Иліаду»?

— Нѣтъ, голубчикъ, могу похвастать, что я не читалъ «Иліады».

Мой принцъ сверкнулъ глазами.

— Извѣстно тебѣ, что сдѣлалъ Алкивіадъ, когда однажды, въ портикѣ храма, софистъ наглю принялся хвастать тѣмъ, что не читалъ «Иліады»?

— Нѣтъ.

— Онъ поднялъ руку и далъ ему звонкую затрещину.

— Не смѣть, Алкивіадъ. Зато я читалъ «Одиссею».

— Ну ужъ, навѣрно, черезъ пятое въ десятое, поверхностно и невнимательно.

Хасинто объявилъ, что онъ самъ прочтетъ, вмѣстѣ со мною, эту несравненную книгу и будетъ, такъ сказать, моимъ вожатымъ. Я засмѣялся и улегся на плетеномъ диванчикѣ. Онъ сѣлъ за столъ, прямой и строгій, раскрылъ книгу съ торжественностью первосвященника, берущаго въ руки святую книгу заклинаній, и началъ съ глубоко прочувствованной вступительной пѣсни... Казалось, море, искрящееся и звенящее, катило вѣчно лазурныя волны подъ бѣлыми взмахами крыльевъ чаекъ, тихо плескалось о песокъ, съ шумомъ билось о мраморныя скалы божественной Эллады... Чудился даже соленый запахъ моря, вдвойнѣ освѣжающій въ эту іюньскую жару. Коварныя выдумки хитроумнаго Одиссея и его неземныхъ спутниковъ, дивныя жалобы и неугасимая тоска по далекой отчизнѣ, лукавыя выдумки и увертки, которыми онъ обманывалъ боговъ, водилъ за носъ героевъ и ухитрялся перехитрить судьбу, были вдвойнѣ очаровательны здѣсь, въ Тормесѣ, гдѣ не было нужды въ хитростяхъ и обманѣ, гдѣ жизнь текла спокойно, ровно, гдѣ каждый день всходило то же солнце и тѣ же воды омывали поля пшеницы и маиса, на которыхъ, не торопясь, наливались и зрѣли золотые колосья...

Убаюканный пѣвучей и однообразной декламаціей моего друга, я закрывалъ глаза, и мнѣ мерещился то сердитый ревъ Полиѳема, то фигура хитроумнаго Одиссея въ красной шапкѣ и съ длиннымъ весломъ въ рукахъ, искусствомъ своей рѣчи очаровывающаго князей, то счастливые берега Эллады и небо, вѣчно синее, отражающееся въ лазурномъ морѣ, и надъ моремъ трепетный бѣлый парусъ въ поискахъ береговъ Итаки...

Послѣ сіесты, Хасинто снова отправлялся бродить по полямъ и строить планы, какъ онъ заведетъ на Сьеррѣ культурныя хозяйства и превосходно оборудованныя мастерскія. Больше всего увлекала его идея сада — особеннаго, имъ самимъ придуманнаго сада, гдѣ посаженныя на грядкахъ овощи всѣхъ сортовъ, обычныя и экзотическія, будутъ окаймлены трельяжами изъ ползучихъ розъ, бордюрами

изъ гвоздикъ, лаванды, георгинъ и левкоевъ. Всюду будетъ проведена вода, въ канавкахъ, вымощенныхъ мелкимъ плитнякомъ. Надъ дорожками сплетутся въ густой навѣсъ вырѣзные листья винограда, вьющагося по каменнымъ столбамъ... Онъ даже начертилъ планъ этого изумительнаго сада краснымъ карандашемъ на огромномъ листѣ бумаги и показалъ Сильверіо и Мельхіору. Одинъ посмѣивался и почесывалъ себѣ затылокъ; другой трагически сурово морщилъ брови.

Но этотъ планъ, какъ и планъ сыроварни, усовершенствованнаго птичника и голубятни, до того населенной, что все небо должно было казаться бѣлымъ и живымъ отъ голубиныхъ крыльевъ, не выходили за предѣлы нашихъ разговоровъ во время послѣобѣденнаго отдыха, и чертежи Хасинто платонически копились на столѣ между мѣдной чернильницей и вазочкой съ цвѣтами.

Не стучалъ заступъ о камень, дробя скалу, не визжала пила, ни одинъ камень не былъ сдвинутъ съ мѣста, чтобъ свершить это чудо. Мечтанія моего друга разбивались о гладкій, какъ шаръ, упрямый и лукавый черепъ Мельхіора, о спокойный отпоръ Сильверіо, говорившаго, что, до окончанія жатвы и сбора винограда, объ этомъ нечего и думать. А Мельхіоръ, посмѣиваясь, совѣтовалъ отложить всѣ постройки до января, по пословицѣ:

«У добраго хозяина только въ январѣ стучитъ топоръ плотника на дворѣ».

А такъ какъ для Хасинто всего милѣе было строить планы, то онъ особенно и не настаивалъ.

Въ первое время, по прибытіи въ Тормесъ, мой принцъ пугливо сторонился отъ всѣхъ обитателей своей усадьбы, даже отъ поденщиковъ и слугъ. И никогда не вступалъ съ ними въ разговоры. При встрѣчѣ съ ними, онъ лишь привѣтливо имъ улыбался, низко кланялся и такъ учтиво снималъ шляпу, словно передъ какой-нибудь важной особой. Но теперь, послѣ нѣсколькихъ недѣль жизни въ горахъ, когда онъ уже немного освоился съ хозяйствомъ, онъ сталъ охотно заговаривать съ рабочими, разспрашивать, давать совѣты, допытываться: «Ты куда идешь? Чей это скотъ? А какъ тебя зовутъ?», хвалить, благодарить. Мой принцъ теперь гордился тѣмъ, что онъ знаетъ названія всѣхъ полей, всѣхъ родниковъ и изучилъ границы своего помѣстья.

— Ты видишь вонъ тотъ лѣсной ручей подъ елями? Онъ ужъ не мой теперь — онъ принадлежитъ Альбукверкесу.

Вечерами мы не засиживались долго, и вечера проходили пріятно. Мой принцъ сталъ такъ нетребователенъ; все его забавляло: мои разсказы о Гвіаэнсѣ, о тетушкѣ Висенсіи, о патерѣ,

о нашихъ родственникахъ въ Флоръ да Малыва, о любовныхъ похожденіяхъ мѣстныхъ героевъ и о тяжбахъ изъ-за межи или водопровода онъ готовъ былъ слушать безъ конца. Порой мы ссорились за партіей триктрака... Но больше всего онъ любилъ, пройдя черезъ всѣ комнаты, вплоть до послѣдней, выходившей окнами во фруктовый садъ, открыть окно и долго стоять молча, прислушиваясь къ страстнымъ трелямъ соловья...

XI.

На другой день, послѣ чтенія Одиссеи, я уѣхалъ въ Гвіаэнсъ. И съ тѣхъ поръ чуть не каждый день навѣщалъ моего принца, такъ что кобыла моя, подвозя меня къ усадьбѣ и чуя близость знакомаго стойла, ржала отъ радости, словно возвращалась домой, а тетушка Висенсія уже начала ревновать меня къ этому «принцу», о которомъ я столько ей разсказывалъ и такъ расхваливалъ его. И въ одно прекрасное утро, не безъ ироніи, выразила желаніе познакомиться съ нимъ.

— Любопытно мнѣ поглядѣть на твоего Хасинто. Ты бы когда-нибудь привезъ показать мнѣ это чудо изъ чудесъ.

Я засмѣялся.

— Не бойтесь, тетечка, въ день своего рожденія я ужъ, во всякомъ случаѣ, привезу его къ обѣду. Мы устроимъ маленькій праздникъ, танцы на открытомъ воздухѣ и пригласимъ всѣхъ хорошенькихъ дамочекъ, какія только имѣются по сосѣдству. Какъ знать, можетъ быть, которая-нибудь изъ нихъ и парижанина сумѣетъ забрать подъ башмакъ.

Дѣйствительно, пора было владѣльцу Тормеса познакомиться съ мѣстнымъ обществомъ и особенно съ нашими красавицами горъ — вѣдь въ Тормесѣ онъ жилъ совсѣмъ монахомъ, а безъ вѣчно-женственнаго мужчина дичаетъ и, какъ одиноко растущее дерево, обрастаетъ грубой корой.

— Все это хорошо, Хасинто, — и твоя любовь къ природѣ, и отказъ отъ условностей цивилизаціи. Но, другъ мой, тебѣ не хватаетъ женщины.

Онъ, смѣясь, согласился:

— Да, это правда. Женщины недостаетъ здѣсь. Но ваши провинціальныя дамы... Не знаю мнѣ кажется, что онѣ должны походить на овощи — питательные, вкусные, очень полезные для кухни, но все же овощи и только. А женщины должны походить на цвѣты... Вѣдь нельзя же требовать граціи, изящества и

аромата отъ кочна капусты или рѣпы... Врядъ ли ваши здѣшнія дамы покажутся мнѣ очень интересными.

— Я опишу ихъ тебѣ... Ближайшая твоя сосѣдка, дочь дона Теотоніо, при всемъ моемъ уваженіи къ свѣтлѣйшему роду Барбедосъ, дѣйствительно, пугало. Сестра Альбергаріаса изъ помѣстья дона Доха тоже не соблазнила бы и святого Антонія. Она тонка и суха, какъ засохшій стручекъ гороха — и вправду похожа на овощъ. Дона Беатриса Беллозо... она очень красива, но до чего несносна своимъ умничаніемъ!.. Она напоминаетъ героинь Камильо. Ты не читалъ Камильо? И хорошо сдѣлалъ. И этотъ тонъ трагической актрисы! И замучаетъ вопросами... А, впрочемъ, все-таки, красивыя... Ну, кто жъ еще? Двѣ дочки Джоаона Ройоэнсъ — веселенькія, свѣженькія, здоровенькія, настоящіе цвѣточки — тетушка Висенсія отъ нихъ въ восторгѣ. Затѣмъ, жена доктора Алипіо — красавица. Ослѣпительно хороша, смѣю тебя увѣрить. Но, увы! — супруга доктора Алипіо, а ты вѣдь отрекся отъ обязанностей цивилизаціи. Впрочемъ, она и сама по себѣ примѣрная жена и безъ ума отъ своихъ ребятишекъ... прелестныя дѣтишки! настоящіе два ангелчка Мурильо... Кто же еще? Мелло Реболло изъ Сандефима — очень мила, прелестнѣйшіе волосы... чудная рукодѣльница, варенья варитъ, какъ монашка стараго режима... Была еще одна красивая, Джулія Лобо, но ея уже нѣтъ на свѣтѣ... Вотъ и всѣ, кажется. То-есть, я еще не назвалъ тебѣ прекраснѣйшей изъ всѣхъ — моей кузиночки Джоаннины изъ Флоръ да Мальва. Вотъ эта прелесть, такъ ужъ прелесть!

— Какъ же ты-то не влюбился въ нее, Зэ Фернандесъ?

— Мы съ ней росли, какъ братъ съ сестрой. Тутъ забываешь о разницѣ пола. Ея мать — единственная сестра тетушки Висенсіи и умерла очень молодой. Джоаннина съ малыхъ лѣтъ жила у насъ въ Гвіаэнсѣ. Ея отецъ, дядюшка Адріанъ, милѣйшій человѣкъ, ученый, изслѣдователь древности, коллекціонеръ... Онъ собираетъ всевозможныя вещи: шпоры, колокола, печати, пряжки... у него преинтересныя коллекціи. Онъ давно собирается въ Тормесъ, привѣтствовать сосѣда... Но бѣдняга страдаетъ почками, и верхомъ ему ѣздить не разрѣшается. А иначе изъ Флоръ да Мальва сюда не проѣдешь.

Мой принцъ потянулся.

— Ну, разумѣется, я самъ сочту долгомъ сдѣлать визиты твоимъ дядюшкѣ и тетушкѣ. Да и сосѣдямъ тоже. Но только погодя. Сейчасъ я слишкомъ занятъ собственными подданными.

И вправду, Хасинто велъ себя, какъ основатель королевства. По всей его усадьбѣ стучалъ топоръ и визжала пила: ремонтирова-

лись жилища поденщиковъ и арендаторовъ; очень ужъ старыя ломали и на ихъ мѣстѣ строили новые дома, просторнѣй и свѣтлѣе. Въ кабачкѣ, что за церковью, было шумно и людно отъ плотниковъ и каменщиковъ, и Педро, засучивъ рукава, едва успѣвалъ наливать стаканы изъ пузатаго кувшина. И разговору здѣсь только и было, что о затѣяхъ новаго барина.

Каждое утро Хасинто, который завелъ себѣ двѣ верховыхъ лошади, самъ объѣзжалъ постройки и самолично надзиралъ за ними. И я съ тревогой убѣждался, что принца моего вновь начинаетъ обуревать страсть вводить цивилизацію. Первоначальный планъ постройки съ каждымъ днемъ расширялся; онъ то и дѣло вводилъ новшества — стекла въ окнахъ, вмѣсто обычныхъ ставень, хотя подрядчикъ добросовѣстно ставилъ ему на видъ, что черезъ мѣсяцъ, все равно, ни одного стекла не останется — нашъ народъ не привыкъ вставлять стекла въ окна; вмѣсто обычныхъ балокъ, требовалъ лѣпныхъ потолковъ и едва удержался, чтобы не завести повсюду электричества.

Разъ на прогулкѣ онъ пресерьезно началъ меня увѣрять, что наши мужики лишь оттого такъ грязны, что имъ негдѣ, какъ слѣдуетъ, помыться, и не худо бы въ каждомъ домѣ устроить ванну. Я сдержался, но мнѣ казалось, что и деревья, и вода, и колода, изъ которой мы поили нашихъ лошадей, и даже вѣтеръ добродушно посмѣиваются надъ моимъ принцемъ.

Заботясь о чистотѣ тѣла, онъ не забывалъ и запросовъ души.

Выписалъ отъ своего парижскаго архитектора планъ образцовой школы, мечталъ о библіотекѣ съ отдѣломъ иллюстрированныхъ изданій — для тѣхъ, кому уже поздно учиться читать, о дѣтскомъ пріютѣ, гдѣ онъ по утрамъ самъ будетъ возиться съ ребятишками, предложилъ нашему аптекарю въ Гвіаэнсѣ открыть въ Тормесѣ отдѣленіе, подъ руководствомъ практиканта, крестника тетушки Висенсіи.

— Ты бы еще театръ завелъ, — смѣялся я.

— Театръ — нѣтъ. Но волшебный фонарь — обязательно. Надо же показать этимъ бѣднымъ людямъ хотя столицы міра, Африку и кой-что изъ исторіи.

Не я одинъ, даже дядюшка Адріанъ пришелъ въ восторгъ отъ этой трогательной заботливости о народѣ и, позабывъ о своемъ ревматизмѣ, пребольно хлопнулъ по колѣну:

— Вотъ это, Джоанниночка, настоящій мужчина!

Популярность моего принца росла на Сьеррѣ съ каждымъ днемъ. Женщины, при встрѣчахъ съ нимъ, кланялись, оглядывались ему вслѣдъ, и въ ихъ обычномъ: «Съ Божьей помощью, милости-

вый господинъ», слышалось искреннее пожеланіе. Дѣти, которымъ онъ бросалъ серебряныя монетки, скоро перестали дичиться его и, гдѣ бы онъ ни появился, копошились около него, какъ муравьи. Когда, однажды подъ вечеръ, лошадь Хасинто споткнулась о камень на дорогѣ; на другой день нѣсколько крестьянъ сами вырыли камень и заровняли это мѣсто, чтобы «добрый баринъ» больше не подвергался опасности.

Его всѣ и звали «добрымъ бариномъ». Радовались, что онъ по воскресеньямъ ходитъ въ церковь, приносили ему подарки — цвѣтовъ, жирную утку, яйца. А онъ по праздникамъ одарялъ женщинъ пирогами и сластями, а мужчинъ угощалъ бѣлымъ виномъ. И я даже не улыбался, когда Мельхіоръ разсказывалъ мнѣ, что Джоанъ Торрадо, старый чудакъ, съ длинной бѣлой бородой, собиратель травъ, немного знахарь, немного гадатель, всѣхъ увѣряетъ, будто «добрый баринъ», — не кто иной, какъ король Себастіанъ, вернувшійся въ свою родную Португалію [1].

XII.

Пришелъ сентябрь и съ нимъ день моего рожденія, 3-е сентября, пришедшійся на воскресенье. Съ ранняго утра я стоялъ на балконѣ и смотрѣлъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ пріѣхать мой Хасинто. Но онъ пріѣхалъ только къ завтраку и сразу всѣхъ очаровалъ. Мнѣ понавезъ подарковъ: булавку съ сапфиромъ для галстуха, портсигаръ матоваго золота съ вѣточкой яблони изъ розовой эмали и разрѣзной ножикъ для книгъ, старинный, китайскій. А для тетушки Висенсіи серебряную чашечку для святой воды, нѣкогда принадлежавшую принцессѣ Ламбалль (бѣдняжка врядъ ли знала, кто такая была принцесса Ламбалль). За завтракомъ Хасинто привелъ въ восторгъ тетушку своимъ богатырскимъ аппетитомъ, — онъ всего бралъ по два раза: и гусиныхъ потроховъ, и рису, и бифштекса съ луковымъ соусомъ, и увѣрялъ, что онъ нигдѣ еще не ѣлъ такъ вкусно.

Завтракъ прошелъ превесело, въ разговорахъ о стройкѣ въ Тормесѣ, о дѣтскомъ очагѣ, который тоже умилялъ тетушку Висенсію, объ урожаѣ, о кузинѣ Джоаннинѣ, которая, къ сожалѣнію, не могла пріѣхать, такъ какъ у дядя Адріана сдѣлался вередъ пониже спины, и она не могла оставить его. Послѣ завтрака тетушка уда-

---

[1] Себастіанъ, король португальскій 1557—1578 (палъ въ войнѣ съ маврами), въ битвѣ подъ Кассръ-эль-Кебиромъ. Тѣла его не нашли и не хотѣли вѣрить, что онъ погибъ. Въ народѣ и понынѣ живетъ вѣра, что онъ когда нибудь вернется, непремѣнно въ туманный день. Иные съ этимъ связываютъ мысль о свѣтопредставленіи.

лилась въ кухню, готовиться къ парадному обѣду, а я повелъ Хасинто смотрѣть мои владѣнія и уморилъ его до того, что онъ, по возвращеніи домой, только успѣлъ снять сапоги, повалился на диванъ и заснулъ какъ убитый. Но мнѣ спать было некогда. Я поспѣшилъ провѣрить, приготовила ли Гертруда въ комнатѣ для гостей щетки, воду и вышитыя полотенца съ кружевами, чтобы гости по пріѣздѣ могли очиститься и стряхнуть съ себя дорожную пыль. И время было, во дворъ уже въѣзжала первая карета.

— Тетя Висенсія, поторопись! Донъ Теотоніо пріѣхалъ... къ счастью, безъ дочери. Послѣди за Мануэлемъ, гладокъ ли у него проборъ и хорошо ли накрахмаленъ галстухъ... Ну, посмотримъ, какъ пройдетъ нашъ праздникъ.

Увы мнѣ! праздникъ мой прошелъ далеко не блестяще. Когда въ гостиную вошелъ мой принцъ, въ изящнѣйшемъ парижскомъ смокингѣ съ бѣлой розой въ петличкѣ, въ бѣломъ жилетѣ шалью, и въ свободно повязанномъ бѣломъ шелковомъ галстухѣ, заколотомъ черной жемчужиной, — всѣ гости были уже въ полномъ сборѣ: донъ Теотоніо, Рикардо Беллозо, докторъ Алипіо, толстый Мелло Ребелло изъ Сандофима, оба брата Альбегаріасъ изъ Квинта да Лоха, и всѣ стояли кучкой посрединѣ комнаты. А на диванѣ и въ креслахъ вокругъ тетушки Висенсіи въ кружокъ усѣлись дамы: Беатриче Беллозо въ огромнѣйшемъ шиньонѣ и бѣломъ воздушномъ платьѣ, отъ котораго сама она казалась еще воздушнѣй и худѣй; дѣвицы Ройоонсъ, румяныя, какъ наливныя яблочки, тоже въ бѣломъ; супруга доктора Алипіо, въ черномъ, роскошная, какъ деревенская Венера... При появленіи Хасинто всѣ разговоры сразу смолкли, и воцарилась тишина, словно, дѣйствительно, вошелъ принцъ царской крови. Всѣ взоры сосредоточились на моемъ бѣдномъ другѣ. Я торопливо представлялъ его всѣмъ по порядку; онъ всѣмъ учтиво кланялся и мило улыбался, говоря милыя слова, но мужчины были на рѣдкость сдержанны, а дамы жались къ тетушкѣ, словно испуганныя овцы къ пастуху.

Донъ Теотоніо, крутя свои густые, сѣдые генеральскіе усы, задалъ Хасинто неожиданный вопросъ:

— Вы къ намъ прямо изъ Вѣны?

— О, нѣтъ! Я изъ Парижа. Я лѣтъ пятнадцать не былъ въ Вѣнѣ.

Гидальго протянулъ какъ-то разочарованно: «А-а!» и умолкъ, словно ждалъ другого отвѣта. Къ счастью, Мануэль доложилъ, что обѣдъ поданъ, и тетушка подозвала къ себѣ безмолвнымъ жестомъ моего принца, чтобы онъ предложилъ ей руку. Всѣ двинулись въ столовую.

Супъ ѣли въ такомъ торжественномъ и тягостномъ молчаніи, что я, спѣша нарушить его, наудачу, забывъ, что я у себя дома, воскликнулъ:

— Что за чудесный супъ!

— Дивный! — эхомъ отозвался Хасинто. Гости смущенно промолчали. По счастью, тетушка Висенсія съ своею ласковой улыбкой замѣтила, что Хасинто, повидимому, нравится португальская кухня. Обрадовавшись, я вскричалъ:

— Еще бы! Онъ въ восторгѣ отъ нея, послѣ каждаго блюда пальчики облизываетъ... Не удивительно. Онъ столько лѣтъ прожилъ въ Парижѣ, вдали отъ щедрой Лузитаніи...

И я началъ сыпать разсказами о томъ, какъ въ Новый годъ поваръ намъ подалъ сладкій рисъ, будто «по-португальски» — кажется, чуть ли не съ гусиными печенками и съ трехцвѣтнымъ флагомъ на верхушкѣ пирамиды, какъ однажды эрцгерцогъ Казиміръ прислалъ намъ рыбу изъ Далматіи, которая потомъ застряла въ лифтѣ, и мы пытались выудить ее крючкомъ, сдѣланнымъ изъ шпильки принцессы... Хасинто всячески поддерживалъ меня, но всѣ наши попытки оживить разговоръ, всѣ наши остроумныя словечки не встрѣчали отклика, не достигали цѣли. Всѣ сидѣли, какъ замороженные, а упоминаніе о шпилькѣ, видимо, скандализовало дамъ. Тетушка Висенсія съ невиннымъ видомъ замѣтила мнѣ: — «Мой мальчикъ! можно ли объ этомъ разсказывать?» — Даже шампанское не развязало языковъ. Хасинто предложилъ тостъ за меня, я за него, за его возвращеніе на родину. Донъ Теотоніо налилъ себѣ рюмку портвейна и, поднявъ ее въ руку, а другой рукой опершись на стокъ, почтительнымъ, почти благоговѣйнымъ голосомъ, обращаясь къ Хасинто, произнесъ:

— Это тостъ, между нами. За отсутствующаго!

И осушилъ рюмку съ торжественностью верховнаго жреца, совершающагося возліяніе. Хасинто выпилъ, недоумѣвая... Въ гостиной, докторъ Алипіо, держа въ одной рукѣ чашку кофе, а въ другой дымящуюся сигару, съ хитрымъ видомъ шепнулъ мнѣ: «Надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, здѣсь, въ Гвіаэнсѣ, у насъ не будутъ стоять висѣлицъ»... А донъ Теотоніо, съ такимъ же хитрымъ видомъ, увлекъ Хасинто въ уголокъ, — и тутъ лишь выяснилось, что онъ объясняетъ неожиданный пріѣздъ Хасинто въ Тормесъ политическою миссіей, съ цѣлью энергичнѣйшей пропаганды возведенія на тронъ вновь сына изгнаннаго короля, донъ Мигуэля. Я понялъ теперь, почему были такъ сдержанны всѣ мои гости, принадлежавшіе, по большей части, къ либеральной партіи, которая связывала съ молодымъ бо-

гачемъ идею стараго самодержавія и боялась, какъ бы онъ не повредилъ ей своимъ вліяніемъ на предстоявшихъ выборахъ.

Я чуть не пролилъ кофе на полъ, когда сообразилъ, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ, вы серьезно думаете, что Хасинто мигуэлистъ, что онъ ради этого и пріѣхалъ въ Тормесъ?

Толстый Мелло Ребелло нагнулся къ самому моему уху: — Утверждаютъ даже, будто самъ принцъ донъ Мигуэль тоже находится въ Тормесѣ.

— Да... подъ видомъ лакея, — подхватилъ докторъ Алипіо.

То же подтвердилъ и Рикардо Беллозо, случайно подошедшій къ намъ. Чортъ побери! ужъ не Батиста ли они принимали за принца? Ребелло вспомнилъ, какъ его дядюшку, Джоана Баца Ребелло, палачъ разрубилъ на куски въ темницѣ въ Алмеидѣ, и неподдѣльно трусилъ, какъ бы и ему не пришлось пострадать за свою преданность низверженной династіи... Къ намъ подходилъ Хасинто. Я поспѣшилъ увлечь его къ дамамъ, а мужчинъ усадилъ за карты. Но дамы жеманились, робѣли, обмахивались вѣерами. Скоро мнѣ и самому пришлось сѣсть за карточный столъ, замѣнивъ Мануэля Альбергаріа, страдавшаго желудкомъ и увѣрявшаго, что обѣдъ «доканалъ его». Онъ вышелъ подышать воздухомъ на балконъ. Всѣ стали жаловаться на жару. Я велѣлъ открыть окна. Беллозо запыхтѣлъ вдругъ, словно задыхался и объявилъ:

— Какая духота!.. Навѣрное, будетъ гроза.

Докторъ Алипіо, которому до дому было больше часа ѣзды, да и лошадь у него была пугливая, тревожно выглянулъ въ окно и сказалъ:

— И, въ самомъ дѣлѣ, будетъ дождь.

Вѣтви мимозъ за окнами шумѣли подозрительно; занавѣски раздувались неровно. Пожилыя дамы вдругъ всполошились... Домой, домой!.. Молодыя не очень торопились: онѣ расположились уютно въ гостиной на диванахъ и хохотали до слезъ, слушая разсказъ Хасинто, съ которымъ онѣ уже успѣли подружиться, о томъ, какъ онъ пріѣхалъ въ Тормесъ безъ вещей, безъ слугъ, даже безъ зубной щетки, и спалъ въ ночной рубашкѣ жены управителя. Но мужья и тетушки торопили ихъ, кричали въ окно кучерамъ:

— Спусти верхъ коляски, Діого. Педро! зажги же фонари.

Горничныя въ дверяхъ стояли, нагруженныя шалями и манто. Я одолжилъ одной изъ барышень, которой предстояло сидѣть на козлахъ, мой непромокаемый плащъ. Донъ Теотоніо, которому было недалеко до дому, завладѣвъ моимъ принцемъ, въ чемъ-то горячо убѣждалъ

его, выразительно жестикулируя. А на прощанье, натягивая черныя перчатки, торжественно сказалъ ему:

— Итакъ, любезный кузенъ и другъ, дай Богъ, чтобъ наша встрѣча и все, что будетъ дальше, принесли счастье нашей родинѣ.

— Чортъ его побери, этого Теотоніо! — говорилъ мнѣ Хасинто, поднимаясь по лѣстницѣ, послѣ того, какъ мы проводили гостей. — Ты знаешь, что онъ забралъ себѣ въ голову? Что я мигуэлистъ и пріѣхалъ въ Тормесъ, чтобы пропагандировать здѣсь возстановленіе въ правахъ принца Мигуэля.

— И что же ты?

— Я такъ былъ пораженъ, что даже не могъ разъяснить ему его ошибки.

Въ гостиной тетушка Висенсія безутѣшно бродила среди яркихъ огней, освѣщавшихъ слишкомъ быстро опустѣвшую комнату. И сокрушалась:

— Что же это? И ужинъ пропалъ даромъ! А я приготовила такое чудное желе съ портвейномъ . . .

Мы посвятили ее въ недоразумѣніе и посмѣялись вмѣстѣ. Хасинто снова было напугалъ тетушку, принявшись увѣрять ее, что онъ отнюдь не монархистъ, а соціалистъ, но въ это время раздался оглушительный раскатъ грома, и тетушка, вдоволь наахавшись по поводу «бѣдненькихъ барышенъ Ройоонсъ», которыя навѣрное промокнутъ въ открытой коляскѣ, даже не спрятавъ серебра, побѣжала къ себѣ зажигать свѣчи передъ алтаремъ и молиться, перебирая четки, вмѣстѣ съ своею приближенной горничной Гертрудой, святой Варварѣ, чтобъ она отвела грозу.

XIII.

На другой день послѣ завтрака мы съ Хасинто верхомъ поѣхали съ визитомъ къ дядѣ Адріану. Я съ большимъ любопытствомъ, почти съ волненіемъ ждалъ встрѣчи моего принца съ кузиной Джоанниной, красой и гордостью нашего рода. Тетушка Висенсія пѣла ей такія хвалы, что я даже сердился: когда очень нахваляютъ человѣка, узнавъ его, непремѣнно разочаруешься. Мнѣ вспоминалось, какъ Хасинто, найдя меня какъ-то карточку кузины Джоаннины, спросилъ: «А кто эта миленькая крестьяночка?». . . Впрочемъ, тогда она и была «милой крестьяночкой», не больше, дѣвочкой-подросткомъ, выросшей въ горахъ. А теперь ей уже двадцать пятый годъ; она научилась думать и чувствовать и жизнь души утонышила и облагородила ея черты. Интересно, какъ она понравится моему принцу . . .

День былъ безоблачный, но солнце не очень жгло, словно ласкало. Хасинто впервые видѣлъ нашу долину и находилъ въ ней сход-

ство съ картинами французской школы XVIII столѣтія, такою свѣжестью и миромъ дышало все вокругъ — и нѣжный коверъ зелени, и бѣлые домики на веселомъ зеленомъ фонѣ. И лошади шли не спѣша, словно поддаваясь вліянію этого тихаго лѣтняго утра. Откуда-то вѣяло нѣжнымъ запахомъ невидимыхъ лѣсныхъ цвѣтовъ... Я придержалъ коня и хлыстомъ указалъ Хасинто на долину.

— Гляди, вонъ тамъ, у горнаго ручья, за рядомъ вязовъ, — тамъ уже начинаются владѣнія дядюшки Адріана. Какіе у него, братъ, персики! — лучшіе во всей Португаліи. И какое варенье варитъ изъ нихъ кузиночка! Я непремѣнно попрошу ее, чтобъ она прислала тебѣ и корзину персиковъ, и варенья.

Мой другъ смѣялся.

— Экій ты вымогатель!

Мнѣ вспомнилась пѣсенка, сочиненная однимъ студентомъ, моимъ пріятелемъ по университету въ Коимбрѣ, и я сталъ напѣвать:

Manda lhe un Servo querado
„Bem hajas dona formosa,
Et que lhe éntregna um annel.
E com o annel uma Rosa"

Хасинто разсмѣялся еще звончѣй:

— Ну, Зе Фернандесъ, это слишкомъ уже щедрая оплата за корзину персиковъ и банку варенья.

По дорогѣ я все-таки не утерпѣлъ, чтобъ не заѣхать въ кабачекъ друга Торто, у котораго хранилось для избранныхъ гостей чуднѣйшее бѣлое вино. Хасинто возмущался, что я пью вино днемъ и послѣ завтрака, но, все-таки по моимъ настояніямъ, отвѣдалъ ароматнаго, золотистаго вина, налитаго намъ толстобрюхимъ Мануэлемъ изъ пузатаго зеленаго кувшина. И въ свою очередь, восхитился.

— Прелестное вино... Непремѣнно надо пріобрѣсти боченокъ для Тормеса... Отличное вино.

За дверью кабачка густой и хриплый басъ торжественно провозгласилъ:

— Благословеніе Господне отцу бѣдныхъ!

Въ рамкѣ двери появился необычнаго вида старикъ съ длинными бѣлыми волосами и бородой, изъ-за которой почти не видно было краснаго, какъ кирпичъ, лица, съ узловатою дубиной въ рукѣ и ботаническимъ ящикомъ, подвѣшеннымъ черезъ плечо.

— Отъ Террадо, нашъ мѣстный пророкъ...

Я протянулъ ему руку; онъ пожалъ ее, но не сводя глазъ съ Хасинто. Я велѣлъ подать третій стаканъ и представилъ ему моего друга.

— Это владѣлецъ Тормеса, который дѣлаетъ столько добра бѣднякамъ.

— Руку! — вскричалъ старикъ, протягивая къ нему свою волосатую, почти черную руку. Хасинто торопливо снялъ перчатку... Джоанъ Торрадо долго разглядывалъ его руку и задумчиво бормоталъ:

— Королевская рука. Щедро дающая... Не часто теперь можно увидать такую руку. — Потомъ взялъ стаканъ изъ рукъ Торто, медленно выпилъ, отеръ себѣ бороду, подтянулъ ремень пояса и стукнулъ посохомъ объ землю: — Благословенъ Господь и Іисусъ Христосъ, направившій меня этой дорогой. Мой день не пропалъ даромъ, я видѣлъ человѣка...

Болѣе часа провели мы въ кабачкѣ, бесѣдуя съ чудаковатымъ, умнымъ старикомъ, сыпавшимъ предсказаніями и метафорами, искренно вѣрившимъ, что душа обожаемаго всей Португаліей короля Себастіана можетъ возродиться и нынѣ, въ иномъ тѣлѣ... Было уже три часа, когда мы подъѣхали къ длинному дому съ двумя невысокими квадратными башенками, съ голубыми маркизами на окнахъ. Въ тѣни вѣковаго каштана у террасы, обнаженные корни котораго лежали на землѣ, ждалъ мальчикъ, держа въ поводу ослика.

Черезъ старинныя желѣзныя ворота мы въѣхали въ подъѣздную аллею, обсаженную старыми деревьями. Дворовой песъ Тритонъ, звеня цѣпью, выскочилъ было изъ будки, но тотчасъ успокоился, увидавъ стараго друга Зэ Фернандеса. Мы спѣшились и по дорожкѣ, усыпанной гравіемъ, прошли въ фруктовый садъ, гдѣ я разсчиталъ найти кузину. Всюду журчала чистая, прозрачная вода въ каменныхъ желобахъ. Стволы деревьевъ обвивали ползучія розы. Посерединѣ круглаго пруда, только что вычищеннаго, высоко билъ фонтанъ, въ прудѣ плескались золотыя рыбки. На каменной скамьѣ у пруда стояла корзина только что срѣзанныхъ георгинъ. Но кузины здѣсь не было. Садовникъ сказалъ мнѣ, что барышня прошла въ виноградникъ.

Но и въ виноградникѣ мы не нашли Джоаннины и направились въ домъ черезъ огородъ, въ которомъ овощи росли вперемѣшку съ цвѣтами, какъ мечталъ завести у себя Хасинто. На террасѣ съ каменными перилами, обсаженной кустами бѣлаго жасмина, стеклянная дверь въ комнаты была открыта настежъ. Кругомъ царила тишина. Даже канарейка въ клѣткѣ безмолвствовала.

— Странно! — вскричалъ Хасинто. — Совсѣмъ, какъ мои ясли. И стулья точно изъ моей гостиной.

Дѣйствительно, на старинномъ комодѣ съ античными бронзовыми украшеніями стояли «ясли», точь-въ-точь, какъ у Хасинто. И обитые кожей стулья съ высокими спинками и вытисненнымъ на нихъ гербами, увѣнчанными кардинальской шапкой, были тѣ же.

— Богъ мой! — нетерпѣливо воскликнулъ я. — Неужто въ этомъ домѣ нѣтъ людей?

Я громко захлопалъ въ ладоши. То же безмолвіе, запахъ цвѣтовъ и тишина, изрѣдка нарушаемая прыжками канарейки съ жердочки на жердочку.

— Совсѣмъ замокъ Спящей Красавицы. Ты крикни.

— Нѣтъ, чортъ возьми! Лучше войдемъ.

Но въ растворенной двери неожиданно показалась Джоаннина, розовая отъ воздуха и движенія, въ свѣтломъ платьѣ, въ ореолѣ пышныхъ золотистыхъ волосъ, сверкая бѣлизной точеной шейки въ вырѣзѣ платья, сверкая блескомъ черныхъ глазъ, съ пухленькимъ розовымъ ребенкомъ на рукахъ, сыномъ садовника, одѣтымъ въ одну только рубашечку съ голубымъ поясомъ.

Такъ увидалъ Хасинто въ это сентябрьское утро, въ усадьбѣ Флоръ да Мальва ту, кого онъ въ маѣ, когда цвѣли чайныя розы, увезъ въ свою усадьбу, какъ свою возлюбленную и жену...

Прошло пять лѣтъ. Мой принцъ ужъ не похожъ на прежняго Хасинто. Да онъ теперь и не послѣдній въ родѣ, — «Хасинто и Точка» — какъ онъ бывало говорилъ: Онъ «далъ побѣги» какъ выражается Грильо, — у него уже есть теперь другой Хасинто, маленькій, и мой большой пріятель, и толстенькая, розовая Терезита, моя крестница. Хасинто сталъ отличнѣйшимъ хозяиномъ, самъ управляетъ своими помѣстьями, ведетъ съ рабочими хозяйственные разговоры, дивя ихъ подчасъ своей опытностью, даже завелъ бухгалтерскую книгу, хоть и маленькую. Онъ побывалъ и въ Монтеморѣ, и въ Беллейрѣ, реставрировалъ и омеблировалъ обѣ усадьбы, чтобы «заранѣе устроить своимъ дѣтямъ гнѣздышко». И, вмѣстѣ съ семейнымъ счастьемъ обрѣлъ такое душевное равновѣсіе, что я порой даже завидую ему. Но мнѣ иной разъ жаль прежняго Хасинто, моего блѣднаго аристократическаго принца, который жилъ теоріями и мечтами...

За два мѣсяца до рожденія маленькой Терезиты по платановой аллеѣ, скрипя колесами, проѣхалъ длинный рядъ телѣгъ, запряженныхъ быками и нагруженныхъ безчисленными ящиками. То были пропавшія безъ вѣсти вещи, увезенныя въ Альба де Тормесъ, что въ Испаніи и только черезъ годъ доставленныя адрессату. «Бѣда! — подумалъ я, — теперь у бѣднаго Хасинто, навѣрно, будетъ рецидивъ паризіанизма». Но всѣ почти затѣйливыя ухищренія цивизаціи, внушавшія мнѣ такой страхъ, были отправлены въ амбаръ, а въ комнаты взяты только ковры, мягкія кресла и диваны. Я приписалъ эту воздержанность вліянію кузиночки Джоаннины, любившей Тормесъ въ его суровой наготѣ, но она увѣрила меня, что такъ распорядился

самъ Хасинто. Недѣли черезъ двѣ я снова испугался, — изъ Лиссабона пріѣхалъ мастеръ съ помощника ставить телефонъ.

— Зачѣмъ, Хасинто? Телефонъ? Въ Тормесѣ?!

Онъ объяснилъ, словно оправдываясь:

— Онъ будетъ проведенъ въ домъ тестя... Ну, ты же понимаешь...

Это было разумно и по-родственному. Затѣмъ, протянулся еще проводъ — въ Бальверде.

— Нельзя же... надо же имѣть возможность позвать доктора.

И это было хорошо, предусмотрительно. Но вотъ, однажды утромъ въ Гвіаэнсѣ меня разбудили испуганные крики тетушки Висенсіи. Оказалось, пріѣхалъ незнакомый человѣкъ, съ какими-то таинственными проволоками и буравитъ стѣну... Я едва успокоилъ тетушку, поклявшись ей, что эта машина не принесетъ съ собою въ домъ ни шума, ни болѣзней и не накликаетъ грозы. Но самъ поспѣшилъ въ Тормесъ. Хасинто улыбался, пожимая плечами.

— Какъ же быть-то? Въ Гвіаэнсѣ и аптека, и мясникъ... и ты, наконецъ...

И это было мило. Но я рѣшилъ: теперь пропало дѣло. Черезъ мѣсяцъ бѣдная Джоаннина будетъ застегивать себѣ лифъ при помощи машинки... Однако, прогрессъ, внесенный въ домъ прибытіемъ парижскихъ ящиковъ, не пошелъ дальше. Душевное равновѣсіе, обрѣтенное моимъ принцемъ, установилось прочно.

Не разъ за эти годы Хасинто собирался съѣздить въ Парижъ провѣтриться, показать свѣтъ Джоаннинѣ и ликвидировать № 202. Но кузиночку пугало длинное путешествіе по желѣзной дорогѣ, шумъ города и блестящія Елисейскія Поля.

— Намъ такъ здѣсь хорошо! — говорила она. — Здѣсь воздухъ такой дивный...

Поѣздка была отложена до апрѣля. А въ апрѣлѣ кузиночка уже ходила въ распускныхъ платьяхъ и предпочитала лежанье на диванѣ даже прогулкамъ, не то, что ѣздѣ по желѣзной дорогѣ. И пришлось мнѣ самому ѣхать въ Парижъ, чтобъ ликвидировать квартиру.

Тамъ все было по-старому, — только въ пыли и въ запустѣніи. И люди словно припылились, немножко постарѣли, поблекли, и увяли, но оставались все тѣ же, какъ и бесѣды ихъ, и интересы. И какъ же я былъ счастливъ вернуться въ свою родную Сьерру, въ горы, и въ милую семью своего принца, котораго теперь поистинѣ можно было назвать принцемъ Счастливчикомъ.

КОНЕЦЪ.

ЗАКОНЪ О ВЫБОРАХЪ ВЪ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ.

Воистину не легкая задача легла на Временное Правительство въ первые же дни революціи — задача въ возможно короткій срокъ вызвать къ жизни Учредительное Собраніе, построенное на началахъ неизвѣданнаго еще Россіей, исключительнаго по своей демократичности избирательнаго права. Эта задача была формулирована уже въ актѣ, опубликованномъ 3 марта и образовавшемъ Временное Правительство перваго состава. Въ числѣ руководящихъ основаній дѣятельности этого перваго революціоннаго кабинета актъ 3 марта упоминалъ о немедленной подготовкѣ „къ созыву на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія Учредительнаго Собранія, которое установитъ форму правленія и конституцію страны". Рѣшительнымъ шагомъ на пути подготовки Учредительнаго Собранія должна была быть выработка избирательнаго закона, который не только въ основныхъ своихъ чертахъ, но и во всѣхъ деталяхъ отвѣчалъ бы исторической важности того учрежденія, къ созданію котораго онъ былъ направленъ. Временное Правительство не рѣшилось поручить выработку такого исключительнаго по своей важности закона ни одному изъ тѣхъ учрежденій, которыя были въ его распоряженіи. Оно предпочло создать спеціально для разработки проекта избирательнаго закона особое учрежденіе, достаточно авторитетное въ глазахъ всѣхъ вліятельныхъ слоевъ населенія. Такъ возникло Особое Совѣщаніе для изготовленія проекта положенія о выборахъ въ Учредительное Собраніе. Составъ этого Совѣщанія и основныя начала его организаціи были опредѣлены постановленіемъ Временнаго Правительства 25 марта, но лишь черезъ два мѣсяца, а именно 25 мая, Совѣщаніе приступило къ своимъ трудамъ. Совѣщаніе состояло изъ предсѣдателя и его товарищей, назначенныхъ Временнымъ Правительствомъ, и двухъ категорій членовъ: съ одной стороны, въ него вошли спеціалисты по вопросамъ государственнаго права и статистической науки, назначенные Правительствомъ, а съ другой стороны — политическіе и

общественные дѣятели, представляющіе главныя политическія и національно-политическія теченія Россіи, приглашенные Правительствомъ, но не по собственному выбору, а по указаніямъ соотвѣтственныхъ организацій. Окончательно составъ Особаго Совѣщанія опредѣлился слѣдующимъ образомъ: помимо предсѣдателя, въ него вошло 75 членовъ (изъ нихъ 13 назначенныхъ Правительствомъ спеціалистовъ и 63 представителя различныхъ политическихъ организацій) и, кромѣ того, замѣстителя представителей этихъ организацій. Во главѣ составленнаго такимъ образомъ законосовѣщательнаго учрежденія поставленъ былъ Временнымъ Правительствомъ Ф. Ф. Кокошкинъ, имя котораго достаточно извѣстно въ наукѣ государственнаго права. Товарищами предсѣдателя утверждены были Правительствомъ кандидаты, намѣченные на эти должности самимъ Особымъ Совѣщаніемъ, а именно представитель народныхъ соціалистовъ В. А. Мякотинъ и представитель соціалъ-демократовъ меньшевиковъ В. Н. Крохмаль. Секретаремъ Совѣщанія избранъ былъ Н. Н. Авиновъ, а помощниками его — Э. Э. Понтовичъ (представитель с. р. и с. д.) и В. И. Дзюбинскій (представитель Сибири).

Особое Совѣщаніе для подготовки ряда спеціальныхъ вопросовъ выдѣляло изъ своего состава комиссіи: одна изъ нихъ предусмотрѣна была постановленіемъ Временнаго Правительства создавшимъ особое совѣщаніе, — это комиссія редакціонная; другія устанавливались самимъ Совѣщаніемъ по мѣрѣ того, какъ ставилась на очередь та или другая область избирательной системы: въ эту категорію входятъ комиссіи объ условіяхъ осуществленія активнаго и пассивнаго избирательнаго права, объ избирательныхъ системахъ, о выборахъ отъ арміи и флота, о выборахъ на окраинахъ и др. И комиссіи, и общее собраніе Совѣщанія работали въ Маріинскомъ дворцѣ, при чемъ общее собраніе Совѣщанія собиралось въ залѣ общаго собранія бывшаго Государственнаго Совѣта.

Вотъ на это-то Совѣщаніе, въ составъ котораго вошелъ рядъ лучшихъ нашихъ юристовъ (назову имена бар. Б. Э. Нольде, Н. И. Лазаревскаго, В. М. Гессена, М. М. Винавера, В. А. Маклакова, В. Д. Набокова и др.), и легла задача — въ возможно краткій срокъ изготовить проектъ закона о выборахъ въ Учредительное Собраніе. Совѣщаніе поспѣшило въ первую голову разработать и представить Временному Правительству проектъ той части положенія о выборахъ, которой опредѣлялись бы всѣ необходимыя подготовительныя къ выборамъ дѣйствія: опредѣленіе круга избирателей, составленіе избирательныхъ списковъ, созданіе учрежденій, завѣдующихъ выборами, словомъ, выработало рядъ постановленій, которыя позволили бы на мѣстахъ приступить къ подготовкѣ выборовъ

еще до завершенія всего положенія о выборахъ. Эти первыя главы перваго раздѣла избирательнаго закона были незамедлительно разсмотрѣны Временнымъ Правительствомъ и утверждены 20 іюля въ редакціи, почти совпадающей съ редакціей, принятой Особымъ Совѣщаніемъ. 11 сентября получили утвержденіе Временнаго Правительства остальныя главы перваго раздѣла и весь второй раздѣлъ (о выборахъ на окраинахъ), а 23 сентября — и третій раздѣлъ избирательнаго закона, посвященный выборамъ отъ арміи и флота.

Переходя къ разсмотрѣнію въ общихъ чертахъ закона о выборахъ въ Учредительное Собраніе, я долженъ отмѣтить прежде всего общій его „духъ", основное направленіе всѣхъ его конкретныхъ постановленій. Извѣстныя обязательства относительно содержанія избирательнаго закона Временное Правительство взяло на себя при самомъ своемъ образованіи, о чемъ, впрочемъ, мнѣ уже пришлось упомянуть. Такимъ обязательствомъ явилась знаменитая четырехчленная формула демократическаго избирательнаго права — права всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго. Извѣстно, однако, что принципъ всеобщности избирательнаго права въ конкретныхъ своихъ осуществленіяхъ допускаетъ рядъ колебаній, при томъ въ предѣлахъ довольно широкихъ. То осуществленіе, которое всеобщность права выбирать получила въ нашемъ законѣ, оставляетъ позади почти всѣ достиженія въ этой области передовыхъ культурныхъ демократій. Но и въ тѣхъ областяхъ избирательной системы, которыя четырехчленной формулой не обнимаются, нашъ законъ неизмѣнно стремится найти наиболѣе передовое разрѣшеніе встрѣчающихся ему по дорогѣ вопросовъ, поскольку таковое оказывается совмѣстимымъ съ культурнымъ уровнемъ широкихъ круговъ Россіи. Словомъ, и въ общихъ своихъ чертахъ, и въ детальныхъ постановленіяхъ нашъ избирательный законъ достигаетъ предѣла демократичности, перейти который не сумѣли бы, пожалуй, и болѣе насъ искушенные въ политической жизни народы.

Какъ же опредѣляется нашимъ закономъ кругъ гражданъ, имѣющихъ право участвовать въ выборахъ?

Всеобщность избирательнаго права въ принципѣ предполагаетъ участіе въ выборахъ всего населенія. Но нѣтъ, конечно, страны, гдѣ этотъ принципъ осуществлялся бы въ полной мѣрѣ. Мнѣ уже пришлось упомянуть, что въ нашемъ законѣ число этихъ ограниченій сведено къ возможному минимуму. Въ двухъ вопросахъ наблюдается рѣшительное расхожденіе закона о выборахъ въ Учредительное Собраніе съ типическимъ избирательнымъ правомъ конституціонныхъ государствъ: во-первыхъ, онъ предоставляетъ

какъ право выбирать, такъ и право быть избираемымъ женщинамъ наравнѣ съ мужчинами, во-вторыхъ, онъ предоставляетъ участіе въ выборахъ гражданамъ, состоящимъ на дѣйствительной военной службѣ.

Дарованіе политическихъ правъ женщинамъ, наравнѣ съ мужчинами является пока что достояніемъ очень немногихъ государствъ-піонеровъ въ области передовыхъ культурныхъ достиженій. Женское избирательное право осуществлено въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверно-Американской федераціи, въ Австраліи, а въ Европѣ — въ Норвегіи и Финляндіи. Въ принципѣ нѣтъ никакихъ основаній, кромѣ вѣками укоренявшагося предразсудка, къ лишенію женщинъ политическихъ правъ. Та степень духовной культуры, которой достигла современная женщина, заставляетъ признать лишеніе ея права принимать участіе въ общественной жизни принципіально ничѣмъ не оправдываемой несправедливостью. Такимъ образомъ, предоставленіе нашимъ избирательнымъ закономъ права голосованія всѣмъ гражданамъ „безъ различія пола“ можно только привѣтствовать.

Предоставленіе участія въ политическихъ выборахъ войску вообще вызываетъ значительно болѣе сомнѣній; опытъ послѣднихъ мѣсяцевъ въ Россіи сомнѣній этихъ во всякомъ случаѣ не разсѣялъ. Всякая государственная власть должна имѣть въ своемъ распоряженіи физическую силу для поддержанія принудительнаго характера своихъ велѣній; поскольку такой физической силой является армія, всякое ослабленіе послѣдней должно разсматриваться какъ ослабленіе государства. Между тѣмъ предоставленіе политическихъ избирательныхъ правъ солдатамъ и офицерамъ, со всѣми необходимыми послѣдствіями такого предоставленія, т. е. съ организаціей внутри арміи особаго избирательнаго механизма, съ широкимъ допущеніемъ въ предѣлы арміи предвыборной политической борьбы, не можетъ не отозваться губительно на боевой мощи арміи, на томъ основномъ ея качествѣ, въ которомъ весь смыслъ ея существованія. Вотъ почему законодательства всѣхъ государствъ, военная организація которыхъ построена на тѣхъ же приблизительно правовыхъ основахъ, на которыхъ утверждается военная служба въ Россіи, отказываютъ военнослужащимъ въ правѣ участія въ политическихъ выборахъ (исключенія дѣлаются иногда лишь для нѣкоторыхъ категорій военнослужащихъ, при томъ съ извѣстными ограниченіями). Опыты предоставленія избирательныхъ правъ арміи производились во Франціи въ моменты яркихъ революціонныхъ вспышекъ, но они носили совершенно случайный характеръ и длительнаго значенія во всякомъ случаѣ не имѣли.

Въ дальнѣйшемъ мнѣ придется упомянуть о томъ, въ какую форму облекались эти французскіе опыты. Соображенія, заставляющія отстранять армію отъ активнаго участія въ политической жизни страны, должны пріобрѣтать особое значеніе во время войны: предвыборная борьба, политическая агитація, даже если она ограничивается предметами, лежащими внѣ внутренней организаціи арміи, особенно губительно могутъ отозваться на воинскихъ частяхъ, либо находящихся въ сферѣ боевыхъ дѣйствій непріятеля, либо готовящихся вступить въ эту сферу. Несмотря на всю вѣскость приводимыхъ въ пользу лишенія военнослужащихъ избирательныхъ правъ соображеній, законъ о выборахъ въ Учредительное Собраніе предоставляетъ право голоса всему составу арміи и флота, при чемъ объяснительная записка къ закону мотивируетъ такое отступленіе отъ типическаго избирательнаго права конституціонныхъ государствъ во-первыхъ, соображеніями справедливости, требующими предоставить участіе въ строительствѣ государства Россійскаго всѣмъ защитникамъ отечества, а во-вторыхъ, безпримѣрной въ исторіи численностью нашихъ вооруженныхъ силъ, въ составъ которыхъ входитъ значительная часть взрослаго мужского населенія страны.

Итакъ, въ противность большинству иностранныхъ законодательствъ, нашъ законъ о выборахъ въ Учредительное Собраніе не лишаетъ права участія въ выборахъ ни женщинъ, ни военнослужащихъ и тѣмъ въ значительной мѣрѣ приближаетъ избирательное право къ фактической его всеобщности. Но достичь этой фактической всеобщности онъ, конечно, не можетъ. Не требуетъ особыхъ поясненій лишеніе участія въ выборахъ малолѣтнихъ: ясно, что участіе въ политической жизни страны предполагаетъ извѣстное умственное развитіе и житейскую опытность, наличность которыхъ гарантируется лишь достиженіемъ опредѣленнаго возраста. Въ установленіи такого возраста различныя законодательства значительно между собой расходятся. Нѣкоторыя южно-американскія государства, а также нѣкоторые кантоны швейцарской федераціи предоставляютъ избирательныя права гражданамъ, достигшимъ 18 лѣтъ; швейцарская федерація и большинство входящихъ въ нее кантоновъ, а также Венгрія устанавливаютъ политическое совершеннолѣтіе въ 20 лѣтъ, цѣлый рядъ культурныхъ государствъ, въ ихъ числѣ — Англія, Франція, Соединенные Штаты Америки и др. — въ 21 годъ, нѣкоторыя государства (напр. Австрія, Пруссія) — въ 24 года, наконецъ, рядъ государствъ (Бельгія, Германія) — въ 25 лѣтъ. Послѣ большихъ споровъ, при чемъ крайними возрастными предѣлами, между которыми нужно было выбирать, намѣчались 17 и 21 годъ, Особое Совѣщаніе остановилось на 20 годахъ для граждан-

скаго населенія и на возрастѣ, установленномъ для послѣдняго досрочнаго призыва, для военнослужащихъ. Собственно говоря, по существу между 20-лѣтнимъ возрастомъ и 21 годомъ особаго различія нѣтъ, но, если принять во вниманіе, что по нашимъ законамъ гражданское совершеннолѣтіе наступаетъ съ достиженіемъ 21 года, т. е. что съ этого возраста индивидъ признается полноправнымъ, дѣеспособнымъ членомъ гражданскаго оборота, то невольно возникаетъ вопросъ, не цѣлесообразнѣе ли было бы слить воедино политическое совершеннолѣтіе съ гражданскимъ, другими словами, признать необходимымъ условіемъ права выбирать въ Учредительное Собраніе достиженіе 21 года.

Кромѣ гражданъ, не достигшихъ 20-лѣтняго возраста, по вполнѣ понятнымъ причинамъ не участвуютъ въ выборахъ, душевнобольные, а также глухонѣмые, находящіеся подъ опекой.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ законодательствомъ всѣхъ культурныхъ странъ законъ о выборахъ въ Учредительное Собраніе лишаетъ избирательнаго права лицъ, запятнавшихъ свое доброе имя гражданина. Сюда относятся лица, совершившія указанныя въ законѣ преступныя дѣянія, злостные банкроты, дезертиры. Кругъ преступленій, учиненіе которыхъ служитъ основаніемъ къ лишенію избирательнаго права, опредѣляется закономъ двоякаго рода признаками во 1-хъ тяжестью наказанія, къ которому присужденъ преступникъ (избирательныхъ правъ лишаются присужденные къ каторжнымъ работамъ, къ ссылкѣ на поселеніе, къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія, и нѣкоторымъ другимъ наказаніямъ), въ 2-хъ, перечисленіемъ преступленій, хотя и не влекущихъ за собой правопораженія, т. е. менѣе тяжкихъ, но представляющихся позорными: сюда относится большая часть посягательствъ имущественнаго характера (кража, мошенничество и др.), кромѣ такихъ, которыя не заключаютъ въ себѣ элемента позорящаго характера, напр., кража, совершенная вслѣдствіе крайности. Къ лишенію избирательнаго права приводятъ и проступки противъ избирательнаго права. Для военнослужащихъ перечень преступныхъ дѣяній, совершеніе которыхъ влечетъ за собою лишеніе избирательнаго права, пополняется указаніемъ на рядъ преступленій, предусмотрѣнныхъ воинскимъ и военно-морскимъ уставами о наказаніяхъ.

Устанавлимаемая закономъ утрата избирательныхъ правъ не безсрочна, а временна. Особое Совѣщаніе приняло во вниманіе, что безсрочность правопораженій встрѣчаетъ рѣшительныя возраженія въ современной наукѣ уголовнаго права и, руководствуясь примѣрами новѣйшихъ западно-европейскихъ избирательныхъ законовъ, установило нѣсколько сроковъ, истеченіе которыхъ, послѣ отбытія нака-

занія, ведетъ къ возстановленію избирательныхъ правъ. Въ зависимости отъ тяжести совершенныхъ преступленій срокъ этотъ опредѣляется въ десять, въ пять и въ три года по отбытіи наказанія.

Наконецъ, законъ вводитъ одно ограниченіе всеобщности избирательнаго права, имѣющее остро-политическій характеръ. Я имѣю въ виду лишеніе избирательныхъ правъ членовъ царствовавшаго въ Россіи дома. Ограниченіе это было включено въ законъ уже въ послѣдней стадіи его обсужденія, т. е. во Временномъ Правительствѣ, при чемъ, судя по проникшимъ въ газеты свѣдѣніямъ, инициатива принадлежитъ бывшему министру земледѣлія В. М. Чернову. Правда оно выдвигалось уже въ Особомъ Совѣщаніи, но было большинствомъ Совѣщанія отвергнуто. Меньшинство представило тогда особое мнѣніе по этому вопросу, подписанное въ первую голову членомъ Особаго Совѣщанія отъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ М. В. Вишнякомъ. Доводы этого особаго мнѣнія оказались уваженными, и та несправедливость, устраненіе которой привѣтствовалъ на страницахъ „Вѣстника Европы" К. К. Арсеньевъ [1]), была Временнымъ Правительствомъ допущена. Въ защиту лишенія избирательныхъ правъ членовъ царствовавшаго въ Россіи дома особое мнѣніе М. В. Вишняка выдвигало, конечно, соображенія чистѣйшей политической цѣлесообразности: оно указывало на необходимость принять такія предупредительныя мѣры, которыя гарантировали бы сохраненіе добытой въ борьбѣ свободы и юридическое закрѣпленіе фактической республики. Такой предупредительной мѣрой и должна была служить оговорка, о которой идетъ рѣчь. Соображенія эти нисколько не лишаютъ силы тѣ доводы, которые приводились въ Совѣщаніи въ пользу дарованія избирательныхъ правъ членамъ дома Романовыхъ. Явной несправедливостью является созданіе въ условіяхъ правового государства группы гражданъ, политически безправныхъ. Явной политической ошибкой именно съ точки зрѣнія публично-правовыхъ идеаловъ, которые исповѣдуются партійными группами, выдвинувшими особое мнѣніе Вишняка, является юридическое обособленіе опредѣленной категоріи лицъ, обособленіе, которое не можетъ пройти незамѣченнымъ.

Для того, чтобы имѣть право выбирать, нужно быть занесеннымъ въ списки по данному избирательному участку, и кромѣ того не утратить ко времени производства выборовъ своего избирательнаго права.

---

[1]) К. К. Арсеньевъ, „Учредительное Собраніе и петроградскіе районные выборы. — Двѣ стороны медали", „Вѣстникъ Европы", 1917 г., кн. 4—6, стр. 662—663.

Условія пассивнаго избирательнаго права, т. е. права быть избраннымъ въ члены Учредительнаго Собранія, тѣ же, что и условія права выбирать, т. е. избирательнаго права активнаго. Въ одномъ отношеніи пассивное избирательное право даже шире права активнаго: оно допускаетъ не только избраніе по данному избирательному округу лица, внесеннаго въ избирательные списки другого округа, напр., избраніе въ Петроградѣ лица, занесеннаго въ избирательные списки г. Тифлиса, но и избраніе лица, вовсе не внесеннаго въ избирательные списки, лишь бы оно пользовалось по закону избирательнымъ правомъ.

Таковы ограниченія, которыми нашъ избирательный законъ обставилъ начало всеобщности избирательнаго права. Мнѣ остается указать на то, что цѣлый рядъ ограниченій, которыя зачастую включаются въ избирательные законы, у насъ не нашелъ себѣ осуществленія. Законъ о выборахъ въ Учредительное Собраніе не установилъ такъ называемаго ценза осѣдлости, требующаго для включенія въ избирательные списки опредѣленнаго срока прожитія въ избирательномъ округѣ [1]). Законъ не лишаетъ затѣмъ избирательнаго права лицъ, состоящихъ подъ попечительствомъ (такое лишеніе имѣетъ мѣсто, напр., въ австрійскомъ и германскомъ правѣ), а равно и состоящихъ подъ опекой расточителей. Законъ не лишаетъ избирательнаго права лицъ, пользующихся общественной или частной благотворительностью. Законъ не устраняетъ отъ участія въ выборахъ и милиціи (соотвѣтствующія представителей мѣстной администраціи постановленія, имѣющія цѣлью обезопасить выборы отъ возможныхъ административныхъ давленій, имѣются, напр., въ англійскомъ законодательствѣ). То же самое нужно сказать и относительно пассивнаго избирательнаго права: нашъ избирательный законъ, въ противность весьма многимъ избирательнымъ системамъ, допускаетъ избраніе въ члены Учредительнаго Собранія лицъ, состоящихъ на государственной или общественной службѣ, при томъ безотносительно къ тому, какую должность они занимаютъ. По мнѣнію Совѣщанія тѣ опасенія относительно возможности давленія на избирателей со стороны кандидатовъ — должностныхъ лицъ, которыя находятъ себѣ отраженіе въ избирательномъ правѣ англійскомъ или французскомъ, парализуются у насъ демократичностью началъ, на которыхъ реорганизовано все наше мѣстное управленіе: въ нашихъ условіяхъ,

---

[1]) Этотъ видъ ценза исключаетъ изъ числа избирателей лицъ, живущихъ отхожими промыслами и въ силу этого передвигающихся съ мѣста на мѣсто.

по мнѣнію Совѣщанія, избраніе мѣстныхъ должностныхъ лицъ можетъ быть во многихъ отношеніяхъ даже желательнымъ. Что же касается общаго вопроса о возможности совмѣщать званіе члена Учредительнаго Собранія съ занятіемъ должностей на государственной или общественной службѣ, то разрѣшеніе его Совѣщаніе рѣшило предоставить самому Учредительному Собранію.

Очертивъ кругъ избирателей, при томъ исключительный по величинѣ діаметра, Особое Совѣщаніе остановилось на избирательной системѣ, которую должно было положить въ основу всего выборнаго механизма. Выбирать нужно было между двумя системами — мажоритарной и пропорціональной.

Для рѣшенія вопроса объ избирательной системѣ была образована особая комиссія, которая послѣ оживленнаго обмѣна мнѣній остановилась на системѣ пропорціональной. Взглядъ комиссіи раздѣлило и общее собраніе Совѣщанія. Такимъ образомъ выборы въ Учредительное Собраніе будутъ производиться по системѣ пропорціональной.

Идея пропорціонализма съ первыхъ же недѣль революціи пріобрѣла у насъ значительное количество сторонниковъ. Чисто академическому обсужденію ея достоинствъ и недостатковъ въ курсахъ конституціоннаго права, съ оперированіемъ надъ цифровыми примѣрами изъ политической жизни безконечно далекихъ отъ насъ по своему культурному уровню государствъ (Бельгіи, швейцарскихъ кантоновъ), пришло на смѣну разсмотрѣніе тѣхъ конкретныхъ условій русской общественной жизни, которыя могли оказать вліяніе на рѣшеніе вопроса о цѣлесообразности осуществленія пропорціонализма въ Россіи. Эти-то конкретныя условія и способствовали рѣшительному торжеству пропорціонализма. Конечно, не слѣдуетъ забывать, что въ самой идеѣ пропорціональныхъ выборовъ кроется столь располагающее къ ней здоровое этическое начало — начало справедливости допущенія къ общественному строительству не только большинства, но и меньшинства, вѣрнѣе всѣхъ меньшинствъ, сообразно ихъ удѣльному политическому вѣсу. Но такова ужъ судьба всѣхъ публично-правовыхъ принциповъ; для ихъ торжества, помимо стороны принципіальной, такъ безконечно важна сторона практическая — всѣ тѣ сложныя и текучія обстоятельства, которыя въ своей совокупности даютъ политическую конъюнктуру момента. Наша революція съ первыхъ же дней своихъ ярко намѣтила по существу взаимно исключающія другъ друга политическія теченія, очень быстро скристаллизовавшіяся въ организованныя политическія партіи. Распыленіе политически-активныхъ круговъ населенія на партіи шло съ голокружительной быстротой; въ процессѣ все раз-

вивавшагося партійнаго антагонизма заострялись партійные лозунги, призывно падавшіе въ аморфную, далекую отъ подлинной партійности массу. Эти лозунги, часто оторванные отъ своихъ политическихъ корней, превращавшіеся въ какіе-то фетиши, несли за собой массамъ тотъ духъ партійной обособленности, антагонизма, часто партійной ненависти, который такъ опредѣленно проявлялся въ партійныхъ центрахъ, какъ роковое, трагическое слѣдствіе политическаго несовершеннолѣтія — въ лучшемъ случаѣ, дикой темноты — въ худшемъ.

Единство страны разбилось и въ этомъ фактѣ — психологическая предпосылка того успѣха пропорціонализма, который у насъ рѣшительно опредѣлился. Потому что лишь пропорціонализмъ, не лишающій представительства всѣ группы меньшинства, могъ обезпечить пріятіе Учредительнаго Собранія всѣми политическими партіями, отъ малыхъ до великихъ, лишь пропорціонализмъ могъ обезпечить авторитетъ Учредительнаго Собранія, столь намъ необходимый.

Система пропорціональныхъ выборовъ была осуществлена у насъ при реформѣ городского и земскаго избирательнаго права въ ближайшія же недѣли вслѣдъ за государственнымъ переворотомъ. Затѣмъ, вопросъ о пропорціонализмѣ всталъ уже примѣнительно къ выборамъ въ Учредительное Собраніе. Въ средѣ Особаго Совѣщанія, вырабатывавшаго проектъ избирательнаго закона, сразу же опредѣленно намѣтилось меньшинство убѣжденныхъ мажоритаристовъ и большинство сторонниковъ пропорціональныхъ выборовъ. Въ преніяхъ, какъ въ комиссіи по избирательной системѣ, такъ и въ общемъ собраніи Совѣщанія, исчерпаны были, кажется, всѣ возможные доводы за и противъ какъ той, такъ и другой системы.

Система выборовъ по большинству голосовъ подкупаетъ своей технической простотой, долговременностью примѣненія на практикѣ въ подавляющемъ большинствѣ культурныхъ государствъ, чрезвычайной доступностью для воспріятія весьма мало искушенныхъ въ политической жизни слоевъ населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она предоставляетъ населенію значительно болѣе широкій просторъ въ проявленіи индивидуальныхъ симпатій къ тѣмъ или инымъ кандидатамъ, чѣмъ система выборовъ пропорціональныхъ, система выборовъ партійныхъ par excellence. Затѣмъ мажоритарная система тѣснѣе связываетъ депутата съ избравшимъ его населеніемъ, ярче подчеркиваетъ лежащее въ основѣ его обязанностей представительство воли его избирателей. Эта связь депутата съ пославшимъ его округомъ особенно энергично отмѣчалась сторонниками выборовъ по большинству голосовъ, потому что всѣ они рекомендовали систему

мажоритарныхъ одноименныхъ выборовъ, при которыхъ каждый избирательный кругъ посылаетъ одного депутата и, слѣдовательно, вся страна подраздѣляется на большое число мелкихъ избирательныхъ округовъ. Система выборовъ мажоритарныхъ по списку, когда избирательный округъ избираетъ по большинству голосовъ не одного, а нѣсколькихъ депутатовъ, не встрѣчаетъ вообще сочувствія, такъ какъ при значительныхъ территоріальныхъ границахъ округа недостатки мажоритарной системы проявляются особенно четко. А недостатки эти весьма существенны. Основной, принципіальный недостатокъ системы выборовъ по большинству голосовъ заключается въ томъ, что система эта оставляетъ не представленными всѣ политическія теченія, какъ бы значительны они ни были, представители которыхъ голосовали въ меньшинствѣ. Недостатокъ этотъ, весьма существенный самъ по себѣ, долженъ вызвать особенно серьезныя сомнѣнія, когда дѣло идетъ о выборахъ въ Учредительное Собраніе, призванное разрѣшить цѣлый рядъ основныхъ вопросовъ нашего государственнаго бытія. Тутъ желательно выслушать всѣ мало-мальски вліятельныя политическія и національныя теченія и дать имъ возможность принять участіе въ правовомъ строительствѣ государства. Вызывающая большія нареканія въ странахъ съ однороднымъ національнымъ составомъ, какъ лишающая представительства политическія образованія меньшинства, мажоритарная система особенно нежелательна въ областяхъ съ пестрымъ національнымъ составомъ, гдѣ невозможность получить представителя отъ значительно болѣе компактной группы, чѣмъ, группа политическая, — отъ группы обособленной національности, будетъ чувствоваться значительно острѣе. А національныхъ меньшинствъ, при этнографической пестротѣ цѣлаго ряда мѣстностей Россіи, у насъ достаточно! — Помимо принципіальныхъ соображеній политической справедливости въ пользу принятія пропорціональной системы говорило и одно чисто практическое соображеніе, весьма, впрочемъ, существенное. Какъ я уже указывалъ, сторонники мажоритарныхъ выборовъ единодушно рекомендовали систему выборовъ одноименныхъ, а эта система предполагала образованіе мелкихъ избирательныхъ круговъ внѣ существующихъ у насъ крупныхъ административныхъ дѣленій. Равенство избирательнаго права требуетъ неизмѣнности численнаго соотношенія избирателей и представляющихъ ихъ депутатовъ во всѣхъ избирательныхъ округахъ. Если въ одномъ избирательномъ округѣ одинъ депутатъ будетъ приходиться на 100.000 избирателей, а въ другомъ на 20.000, то очевидно, что объ равномъ избирательномъ правѣ говорить не придется. Но какъ разъ правильное опредѣленіе территоріаль-

ныхъ границъ избирательныхъ округовъ предполагаетъ такое состояніе данныхъ о численности и составѣ населенія не только по губерніямъ, но и по уѣздамъ, которыя наша статистика дать не можетъ. А пускаться въ предварительныя статистическія изысканія отдѣльныхъ мѣстностей значило бы на неопредѣленное время затягивать созывъ Учредительнаго Собранія. Въ силу этихъ соображеній серьезнымъ преимуществомъ пропорціональной системы выборовъ по спискамъ, въ условіяхъ нашей дѣйствительности, являлась возможность принять за избирательные округа готовыя административныя единицы — губерніи.

Итакъ, результатъ голосованія вопроса о той системѣ, которая должна быть положена въ основу выборовъ въ Учредительное Собраніе, показалъ, что въ средѣ Особаго Совѣщанія пропорціоналисты были въ рѣшительномъ большинствѣ: изъ 36 членовъ, принимавшихъ участіе въ голосованіи, за пропорціональную систему высказалось — 27, а противъ — только 9.

Посмотримъ теперь, какъ опредѣляетъ нашъ избирательный законъ самую процедуру выборовъ.

Для производства выборовъ страна дѣлится на избирательные округа. По общему правилу границы избирательнаго округа совпадаютъ съ границами губерніи. Лишь въ видѣ исключенія, въ единичныхъ случаяхъ, законъ присоединяетъ къ одной губерніи части сосѣдней (напр. къ Минской губ. присоединяются незанятыя непріятелемъ части Виленской и Ковенской губ.), либо выдѣляетъ части губерніи въ самостоятельные избирательные округа (напр. Петроградъ и Москву), либо соединяетъ нѣсколько губерній въ одинъ избирательный округъ (напр. изъ всѣхъ губерній и областей Закавказья образованъ одинъ Закавказскій округъ). Каждый избирательный округъ выбираетъ столько членовъ Учредительнаго Собранія, сколько указано въ приложенномъ къ закону расписаніи (отъ 1 до 36[1]). Выборы производятся по избирательнымъ участкамъ: каждый избирательный округъ для подачи голосовъ дѣлится на избирательные участки, при чемъ значеніе такихъ участковъ чисто техническое (въ каждомъ избирательномъ участкѣ баллотируются одни и тѣ же, выставленные по всему округу кандидаты). Для осуществленія выборовъ законъ создаетъ спеціальныя учрежденія: участковыя избирательныя комиссіи, затѣмъ уѣздныя и городскія, окружныя и наконецъ, всероссійскую по дѣламъ о

---

[1]) Въ тѣхъ избирательныхъ округахъ, которые выбираютъ меньше пяти депутатовъ, примѣняется не пропорціональная, а мажоритарная система выборовъ.

выборахъ комиссію. Къ работамъ по подготовкѣ выборовъ привлекаются закономъ и существующіе исполнительные органы земскаго и городского самоуправленія — городскія и волостныя земскія управы. Участковыя избирательныя комиссіи состоятъ изъ членовъ, избираемыхъ городскими или волостными земскими управами. Уѣздныя и городскія[1]), а также окружныя по дѣламъ о выборахъ комиссіи состоятъ съ одной стороны изъ представителей земскаго и городского самоуправленія, а съ другой — изъ представителей суда. Въ уѣздныхъ и городскихъ комиссіяхъ этотъ судейскій элементъ имѣетъ перевѣсъ, что объясняется административно-судебнымъ характеромъ функцій, лежащихъ на этихъ комиссіяхъ: они являются первой инстанціей, разсматривающей обжалованія первоначальныхъ стадій выборнаго производства. Кромѣ этихъ обязанностей уѣздныхъ и городскихъ комиссій, на этихъ комиссіяхъ, а также на комиссіяхъ окружныхъ лежитъ рядъ функцій распорядительнаго характера, функціи по опредѣленію результатовъ выборовъ и др. Въ Петроградѣ и Москвѣ обязанности комиссіи городскихъ и окружныхъ сосредоточены въ вѣдѣніи столичныхъ по дѣламъ о выборахъ комиссіи. Всероссійская по дѣламъ о выборахъ комиссія состоитъ изъ членовъ, назначенныхъ Временнымъ Правительствомъ по представленію Особаго Совѣщанія, разрабатывавшаго проектъ избирательнаго закона; на ней лежитъ рядъ обязанностей распорядительнаго и инструкціоннаго характера. Наконецъ, для разрѣшенія всѣхъ сомнѣній, возникающихъ въ связи съ примѣненіемъ положенія о выборахъ, образовано особое присутствіе изъ сенаторовъ въ составѣ правительствующаго сената.

Выборная процедура начинается составленіемъ избирательныхъ списковъ. Обязанность эта возлагается закономъ на городскія и волостныя земскія управы, при чемъ списки составляются отдѣльно по каждому избирательному участку. Не позднѣе, чѣмъ за 40 дней до начала выборовъ, списки должны быть объявлены во всеобщее свѣдѣніе. Избиратели и представители мѣстной административной власти могутъ на всѣ неправильности, допущенныя при составленіи списковъ, жаловаться въ городскія и волостныя земскія управы; тѣ жалобы, которыя управа не найдетъ возможнымъ удовлетворить, она препровождаетъ въ уѣздную или городскую комиссію; рѣшенія послѣдней могутъ быть обжалованы въ окружный судъ по административному отдѣленію.

Слѣдующая стадія выборнаго производства состоитъ въ заявле-

---

[1]) Городскія по дѣламъ о выборахъ комиссіи образовываются лишь въ городахъ губернскихъ и городахъ съ населеніемъ свыше 15.000 чел.

нія кандидатскихъ списковъ. Кандидатскіе списки заявляются окружнымъ комиссіямъ группами избирателей не позднѣе, чѣмъ за 30 дней до выборовъ. Каждый кандидатскій списокъ долженъ быть подписанъ не менѣе, чѣмъ 100 избирателями, пользующимися правомъ участія въ выборахъ по данному округу; къ кандидатскому списку должны быть приложены заявленія всѣхъ кандидатовъ о ихъ согласіи баллотироваться. Одно и то же лицо можетъ выставить свою кандидатуру въ нѣсколькихъ избирательныхъ округахъ, но не свыше пяти. Заявленные кандидатскіе списки окружной комиссіей регистрируются, нумеруются въ порядкѣ ихъ поступленія и затѣмъ объявляются во всеобщее свѣдѣніе.

Вотъ эти офиціально заявленные, зарегистрированные и объявленные кандидатскіе списки и полагаются въ основу выборовъ. Нашъ законъ остановился на системѣ связанныхъ списковъ, заключающейся въ томъ, что избирателю предоставляется подавать свой голосъ за одинъ изъ кандидатскихъ списковъ, не внося въ него никакихъ поправокъ, перестановокъ, никакихъ, словомъ, измѣненій. Система эта, находящая себѣ примѣненіе въ Сербіи при выборахъ въ скупщину, а съ 1911 г. и въ Баденѣ при мѣстныхъ выборахъ, встрѣчала и встрѣчаетъ въ литературѣ довольно единодушное осужденіе: дѣйствительно, она до крайности стѣсняетъ свободу каждаго избирателя проявить свои личныя симпатія или антипатіи по адресу отдѣльныхъ, конкурирующихъ на выборахъ кандидатовъ. Такъ какъ „группами заявителей" кандидатскихъ списковъ въ рѣшительномъ большинствѣ случаевъ будутъ партійныя организаціи, то въ конечномъ счетѣ каждый отдѣльный избиратель сможетъ высказаться на выборахъ не за тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ лицъ, а лишь за тѣ или другія партіи, тогда какъ кандидатовъ будутъ намѣчать партійные комитеты. Несмотря на этотъ недостатокъ системы связанныхъ списковъ, весьма, надо сознаться, существенный, наше Положеніе о выборахъ восприняло эту систему по той причинѣ, что всякая другая система при низкомъ культурномъ уровнѣ широкихъ круговъ избирателей, при слабомъ распространеніи среди нихъ даже простой грамотности, неизбѣжно повела бы къ массовой порчѣ избирательныхъ записокъ, а стало быть и къ массовому аннулированію голосовъ избирателей.

Итакъ, въ основу голосованія полагаются офиціально заявленные кандидатскіе списки. Сама процедура голосованія должна протекать слѣдующимъ образомъ.

Для осуществленія своего права принять участіе въ голосованіи каждому избирателю необходимы: избирательная записка, именное удостовѣреніе и конвертъ. Избирательныя записки должны

быть по внѣшнему виду однообразны, при чемъ образецъ ихъ устанавливается окружной комиссіей. Каждая избирательная записка (заготовляются онѣ по распоряженіямъ окружныхъ комиссій) должна содержать въ себѣ одинъ изъ заявленныхъ кандидатскихъ списковъ, нумеръ этого списка и названіе предложившей его организаціи, если списокъ снабженъ таковымъ. Именныя удостовѣренія изготовляются городскими или волостными земскими управами и должны заключать въ себѣ имя, отчество, фамилію избирателя, его адресъ, избирательный участокъ и нумеръ, подъ которымъ избиратель значится въ избирательномъ спискѣ. Конверты для избирательныхъ записокъ должны быть однообразны, непрозрачны и снабжены печатью окружной, уѣздной или городской комиссіи.

Каждый избиратель получаетъ у себя на дому не позднѣе, чѣмъ за 7 дней до выборовъ, именное удостовѣреніе и избирательныя записки, по одной на каждый изъ заявленныхъ кандидатскихъ списковъ. Что же касается конвертовъ, то они вручаются избирателю уже въ самомъ помѣщеніи участковой избирательной комиссіи.

Участковыя избирательныя комиссіи для пріема избирательныхъ записокъ будутъ открыты въ теченіе 3 дней — 12, 13 и 14 ноября, при чемъ первые два дня въ городахъ съ 9 час. утра до 9 часовъ вечера, въ волостяхъ — съ 8 час. утра до 8 час. вечера, а въ третій денъ — только до 2 часовъ дня: законъ разсчитываетъ, что участковыя комиссіи смогутъ, приступивъ къ подсчету голосовъ сразу по окончаніи голосованія, при удачѣ закончить этотъ подсчетъ къ вечеру того же дня.

Подача избирательной записки должна производиться каждымъ избирателемъ непремѣнно лично, при чемъ для подачи этой установленъ слѣдующій порядокъ. Каждый избиратель вручаетъ одному изъ членовъ участковой избирательной комиссіи свое именное удостовѣреніе и получаетъ конвертъ для вложенія избирательной записки. Самое вложеніе записки въ конвертъ онъ долженъ произвести въ спеціально отведенныхъ для этого закрытыхъ помѣщеніяхъ, которыя должны быть устроены въ каждомъ избирательномъ помѣщеніи. Затѣмъ заклеенный конвертъ передается избирателемъ предсѣдателю участковой комиссіи, который опускаетъ конвертъ въ избирательный ящикъ. Такова самая процедура голосованія.

Послѣ окончанія голосованія участковая комиссія производитъ подсчетъ голосовъ по избирательному участку, уѣздная или городская комиссія производятъ на основаніи матеріаловъ, пересланныхъ изъ участковыхъ комиссій, подсчетъ голосовъ по уѣзду или городу, наконецъ, окружная комиссія производитъ общую сводку

голосовъ, поданныхъ во всемъ избирательномъ округѣ, и распредѣляетъ депутатскія мѣста между кандидатскими списками.

Въ этомъ окончательномъ опредѣленіи результатовъ голосованія — вся сущность пропорціональной системы выборовъ. При системѣ выборовъ мажоритарныхъ опредѣлить результаты голосованія не трудно: избранными должны считаться тѣ, кто получилъ на выборахъ большинство голосовъ. Другое дѣло при выборахъ пропорціональныхъ: тутъ приходится идти къ опредѣленію результатовъ голосованія путемъ вычисленій, порой довольно сложныхъ. Разъ мы отказываемся признать избраннымъ того, кто получилъ большинство голосовъ, передъ нами неизбѣжно встаетъ вопросъ, какое же число голосовъ нужно получить, чтобы обезпечить за собой депутатское мѣсто? Число это называется обычно избирательнымъ частнымъ или, по терминологіи нашего Положенія о выборахъ, избирательнымъ знаменателемъ и для опредѣленія его существуетъ нѣсколько способовъ, какъ испытанныхъ, такъ и не испытанныхъ на практикѣ. Наиболѣе простымъ способомъ является слѣдующій: общее число голосовъ, поданныхъ за всѣ списки, дѣлится на число подлежащихъ избранію депутатовъ. Полученное отъ этого дѣленія частное и является избирательнымъ знаменателемъ. Для опредѣленія числа депутатскихъ мѣстъ, причитающихся каждому списку, остается раздѣлить число поданныхъ за списокъ голосовъ на избирательный знаменатель. Существеннымъ недостаткомъ этого способа опредѣленія результатовъ голосованія является то, что при немъ почти неизбѣжно нѣсколько депутатскихъ мѣстъ остается не распредѣленными и для ихъ распредѣленія приходится прибѣгать къ мѣрамъ, нарушающимъ начало пропорціональности. Этого недостатка избѣгаетъ принятая нашимъ избирательнымъ закономъ система, предложенная въ свое время бельгійскимъ ученымъ д'Ондтомъ и осуществленная избирательнымъ правомъ бельгійскимъ и вюртомбергскимъ. Зато она значительно сложнѣе. Для полученія избирательнаго знаменателя по системѣ д'Ондта числа голосовъ, полученныхъ каждымъ кандидатскимъ спискомъ, дѣлятся послѣдовательно на рядъ натуральныхъ чиселъ — 1, 2, 3, 4 и т. д. Полученныя отъ этихъ дѣленій частныя располагаются въ порядкѣ ихъ убывающей величины и за избирательный знаменатель принимается то частное, которое стоитъ на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ числу подлежащихъ избранію отъ даннаго избирательнаго округа депутатовъ. Число причитающихся каждому кандидатскому списку депутатскихъ мѣстъ опредѣляется путемъ дѣленія числа полученныхъ этимъ спискомъ голосовъ на избирательный знаменатель.

Система д'Ондта не настолько сложна и искусственна, чтобы

её нельзя было пояснить безъ такихъ математическихъ выкладокъ, которыя не спеціалистъ можетъ принять только на вѣру. Дѣленіе чиселъ голосовъ, полученныхъ отдѣльными кандидатскими списками, для отысканія избирательнаго знаменателя на 1, 2, 3 и т. д., что составляетъ отличительную особенность системы д'Ондта, можетъ быть оправдано слѣдующей цѣпью умозаключеній. Если бы въ нашемъ распоряженіи было всего одно подлежащее распредѣленію между кандидатскими списками депутатское мѣсто, мы должны были бы предоставить его списку, собравшему наибольшее число голосовъ. Если у насъ имѣется и второе мѣсто, то мы его должны будемъ предоставить списку, собравшему слѣдующее по величинѣ число голосовъ, но при одномъ условіи, а именно — если число голосовъ, собранныхъ этимъ вторымъ спискомъ, превышаетъ число голосовъ, полученныхъ первымъ спискомъ, дѣленное на 2, такъ какъ въ противномъ случаѣ оба депутатскихъ мѣста долженъ будетъ получить первый списокъ. Если мы имѣемъ возможность предоставить спискамъ и третье мѣсто, то его получитъ третій по величинѣ числа собранныхъ имъ голосовъ списокъ, но при условіи, если число это не превышаетъ числа голосовъ, полученныхъ первымъ спискомъ, дѣленнаго на 3, и числа голосовъ, полученныхъ вторымъ спискомъ, дѣленнаго на 2. Продолжая наше разсужденіе примѣнительно къ четвертому, пятому и т. д. депутатскому мѣсту, мы безъ труда подведемъ логическій фундаментъ подъ довольно загалочное на первый взглядъ дѣленіе собранныхъ кандидатскими списками чиселъ голосовъ послѣдовательно на 1, 2, 3, 4 и т. д.

Конечно, примѣненіе системы д'Ондта требуетъ извѣстнаго интеллектуальнаго минимума у тѣхъ лицъ, которымъ это примѣненіе поручается. Особое Совѣщаніе, вырабатывавшее проектъ избирательнаго закона, будемъ надѣяться, основательно предполагало, что въ губернскихъ городахъ, гдѣ должно имѣть мѣсто окончательное опредѣленіе результатовъ голосованія по всему избирательному округу, удастся безъ труда найти людей съ соотвѣтственнымъ умственнымъ цензомъ.

По выясненіи числа депутатскихъ мѣстъ, причитающихся каждому списку, избранными въ члены Учредительнаго Собранія считается соотвѣтственное число занесенныхъ въ списки кандидатовъ въ порядкѣ этого занесенія.

Общая сводка результатовъ выборовъ по всѣмъ избирательнымъ округамъ, т. е. составленіе списка лицъ, избранныхъ въ члены Учредительнаго Собранія, принадлежитъ всероссійской комиссіи.

Таковъ порядокъ выборовъ, осуществляемый какъ общее правило. До нѣкоторой степени обособленное положеніе занимаютъ въ

избирательномъ законѣ постановленія, опредѣляющія порядокъ выборовъ отъ арміи и флота. Къ суммарному обзору этихъ постановленій мы теперь и перейдемъ.

Разработка правилъ, опредѣляющихъ процедуру выборовъ отъ арміи и флота, являлась задачей особенно трудной. Мнѣ уже пришлось выше указывать на то, что въ этой области никакихъ прочныхъ правовыхъ „прецедентовъ" въ распоряженіи разрабатывавшаго проектъ избирательнаго закона Особаго Совѣщанія не было. Участіе въ политическихъ выборахъ арміи во Франціи сколько-нибудь длительнаго значенія не имѣло. Во всѣхъ случаяхъ, когда воинскіе чины надѣлялись избирательнымъ правомъ, а это имѣло мѣсто какъ въ 1849 г., такъ и въ 1871 г., голоса ихъ принимались въ расчетъ не по мѣсту нахожденія той воинской части, къ которой они принадлежали, а по мѣсту ихъ „гражданской осѣдлости"; другими словами, поданные солдатами въ мѣстѣ стоянки ихъ гарнизона голоса послѣ подсчета присоединялись къ результатамъ голосованія въ соотвѣтственныхъ департаментахъ, къ которымъ солдаты принадлежали.

Нашъ законъ положилъ въ основу выборовъ отъ арміи и флота другія начала. На фронтѣ имъ образованы самостоятельные избирательные округа, а во всѣхъ тыловыхъ избирательныхъ округахъ военнослужащіе обособляются лишь отчасти: для нихъ составляются въ воинскихъ частяхъ самостоятельные избирательные списки и голосуютъ они въ особыхъ воинскихъ участковыхъ избирательныхъ комиссіяхъ. Такимъ образомъ, въ тылу обособленіе воинскихъ частей проявляется лишь въ первоначальной стадіи выборнаго производства, во всѣхъ дѣйствіяхъ, производимыхъ въ воинскомъ избирательномъ участкѣ. На фронтѣ это обособленіе проведено уже по всѣмъ инстанціямъ выборной процедуры.

Для производства выборовъ въ войсковомъ районѣ образовано пять фронтовыхъ избирательныхъ округовъ: Сѣвернаго фронта, Западнаго, Юго-Западнаго, Румынскаго и Кавказскаго. Во флотѣ образовано два флотскихъ избирательныхъ округа — Балтійскій и Черноморскій. Во всѣхъ этихъ избирательныхъ округахъ дѣйствуютъ особыя учрежденія по дѣламъ о выборахъ: въ войсковыхъ районахъ — комиссіи фронтовыя, армейскія и полковыя; во флотскихъ районахъ — комиссіи флотскія и судовыя. Всѣ эти комиссіи состоятъ изъ представителей соотвѣтственныхъ воинскихъ и флотскихъ организацій. Обязанности фронтовыхъ комиссій соотвѣтствуютъ обязанностямъ общегосударственныхъ окружныхъ комиссій, обязанности армейскихъ — комиссій уѣздныхъ комиссій, обязанности полковыхъ комиссій — обязанностямъ участковыхъ избирательныхъ

комиссій и городскихъ и волостныхъ управъ (за исключеніемъ составленія избирательныхъ списковъ, которые составляются полковыми канцеляріями). Въ общихъ чертахъ процедура голосованія въ воинскихъ избирательныхъ округахъ аналогична процедурѣ выборовъ въ округахъ „гражданскихъ": та же система заявленія кандидатскихъ списковъ, та же система голосованія, та же система опредѣленія результатовъ выборовъ (по способу д'Ондта). Во флотскихъ же округахъ — выборы мажоритарные.

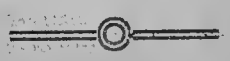
Мнѣ остается закончить мой бѣглый обзоръ содержанія избирательнаго закона указаніемъ на рядъ карательныхъ постановленій, направленныхъ къ огражденію свободы и правильности выборовъ. Эти постановленія стремятся обезпечить свободу предвыборной агитаціи каждой партіи или группы, выставившей свой кандидатскій списокъ; обезпечить избирателямъ возможность свободно участвовать въ выборахъ; оградить дѣятельность органовъ, подготовляющихъ и производящихъ выборы отъ всякихъ насильственныхъ посягательствъ, препятствующихъ ихъ дѣятельности; обезпечить правильность голосованія и установленія результатовъ выборовъ.

Положеніе о выборахъ въ Учредительное Собраніе является избирательнымъ закономъ во многихъ частяхъ своихъ весьма совершеннымъ. Но дѣйствительное осуществленіе его предполагаетъ извѣстное соотвѣтствіе правовой культуры, въ немъ запечатлѣнной, правовой культурѣ тѣхъ широчайшихъ общественныхъ круговъ, которые призываются претворять его въ жизнь.

Нельзя надѣяться на то, чтобы русская политическая дѣйствительность позволила избирательному механизму продѣлать всю сложнѣйшую выборную процедуру безъ всякихъ уклоненій отъ путей, намѣченныхъ закономъ. Остается высказать пожеланіе, чтобы эти отклоненія свелись къ возможному минимуму, чтобы въ основныхъ своихъ контурахъ выборная процедура осуществила бы нормы, установленныя для нея закономъ.

Отклонившись отъ путей, проложенныхъ закономъ, мы не сможемъ дойти до авторитетнаго Учредительнаго Собранія, а только авторитетное Учредительное Собраніе сумѣетъ установить прочныя правовыя формы государственнаго общежитія, силой права побороть хаосъ безбрежнаго торжества стихійныхъ силъ.

А. Н. Макаровъ.



ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАПРОСЫ ПРОЛЕТАРІАТА.

ЖИВОПИСЬ, СКУЛЬПТУРА.

I.

Расширеніе художественныхъ запросовъ въ рабочей средѣ не уступаетъ по интенсивности жаждѣ знанія. Десять лѣтъ тому назадъ единственнымъ изъ искусствъ, доступнымъ рабочему въ той или иной мѣрѣ, былъ театръ. Не только о развитіи творческихъ силъ, но и о простомъ доступѣ въ область живописи или музыки рабочій мечтать не могъ. Передъ войной же рабочія организаціи стали все больше и больше удѣлять времени эстетическому воспитанію массы, и массовикъ не оставался въ долгу, а шелъ навстрѣчу организаціямъ. Особенно регулярно наладились художественныя экскурсіи. Рѣдкій рабочій, болѣе или менѣе прикосновенный къ организаціи, не побывалъ въ Эрмитажѣ, въ музеѣ Александра III, на картинныхъ выставкахъ. Нѣтъ номера газеты, въ которомъ не сообщалось бы объ экскурсіи: вчера золотосеребренники или печатники, сегодня булочники или деревообдѣлочники, завтра металлисты и т. д.

Вотъ картинка. „Еще въ передней видно было, — описываетъ хроникеръ рабочей газеты, — что большинство раздѣвающейся публики — рабочіе. Когда же я вошелъ въ залы выставочнаго помѣщенія, то былъ пораженъ необычайнымъ наплывомъ ихъ. Вотъ большая группа, окружившая руководителя, вотъ отдѣльныя кучки рабочихъ, самостоятельно разсматривающихъ картины, а вонъ здѣсь и тамъ разсыпались одиночки. Куда ни посмотришь— вездѣ пролетарій. „Товарищъ, вы откуда?“ — спрашиваю одного.— „Я металлистъ. А вы?“ — „Тоже“. Изъ слѣдующихъ вопросовъ узнаю, что здѣсь, кромѣ металлистовъ, еще рабочіе изъ нѣсколькихъ клубовъ. „Едва открылась первая въ сезонѣ XII осенняя выставка картинъ, — читаемъ въ другомъ номерѣ, — какъ рабочія организаціи одна за другой стали устраивать туда экскурсіи“.

„Попробуйте теперь пойти на выставку въ праздничный день утромъ, — читаете далѣе, — вы увидите тамъ полное „засиліе ея рабочими“. А. Н. Бенуа недаромъ отмѣтилъ въ свое время тяготѣніе рабочей демократіи къ живописи; ее понимаютъ рабочіе. „Онъ можетъ радоваться — мечта его исполнилась. Пускай же теперь этотъ критикъ заговоритъ о томъ, чтобы рабочимъ давали возможность широко посѣщать всѣ выставки, чтобы пускали туда за минимальную плату, какъ экскурсіи, такъ и отдѣльныхъ членовъ рабочихъ организацій“.

„Міръ искусства“, „союзъ русскихъ художниковъ“, постоянная выставка современнаго искусства — вездѣ рабочіе. Нѣмецкій рабочій — по свидѣтельству д-ра Левенштейна — мечтаетъ о картинахъ настоящей художественной цѣнности, которыми была бы украшена обстановка его жилища. До этого, конечно, въ Россіи далеко. Но художественныя экскурсіи привлекаютъ симпатіи все больше и больше. Вотъ, напр., экскурсія членовъ общества „Знаніе“ въ музей Александра III. Даже въ двѣ экскурсіи музей не осмотрѣнъ — назначается еще третья экскурсія. Или экскурсія булочниковъ въ Эрмитажъ. Явившіеся рабочіе разбиваются на нѣсколько группъ численностью по 20—30 чел., у каждой группы свой руководитель. Начинаютъ съ египетскаго отдѣла въ нижнемъ этажѣ Эрмитажа. Осматривая гробницы, саркофаги, муміи, живопись на муміяхъ, другія произведенія египтянъ, рабочіе улавливаютъ религіозный характеръ этого искусства съ его тайной смерти. И тутъ же — какая противоположность! — искусство греческое, гдѣ все радуется, свѣтитъ, о смерти и не вспоминая. Поражаются искусствомъ грековъ, передавшимъ тончайшую игру мускуловъ мужского тѣла съ одной стороны, необычайную красоту женскую, — съ другой. Аѳина-Палладэ, Афродита, рядъ другихъ статуй удивляютъ, поражаютъ рабочихъ совершенствомъ исполненія. Такъ, переходя изъ этажа въ этажъ, рабочіе учатся, подготовляютъ себя къ другимъ выставкамъ, такъ что, приходя туда, нерѣдко уже сами въ состояніи отнестись къ нимъ критически. Недаромъ, напр., VII осенняя выставка „начинающимъ“ нравилась; побывавшіе же уже на экскурсіяхъ говорили: „Картинъ много, а смотрѣть нечего“ — вопреки любезности администраціи, открывшей широкій доступъ и рабочимъ организаціямъ, и рабочимъ одиночкамъ.

Правда, первое время отсутствовало руководство. То руководитель не обладалъ достаточнымъ художественнымъ образованіемъ, то рабочіе переходили изъ музея Александра III въ союзъ русскихъ художниковъ и т. д., и каждый разъ новый руководитель, съ новыми взглядами, такъ что въ то время можно было услышать такія сужденія среди рабочихъ:

— Да какой это руководитель, коли говоритъ все по книжкѣ.

— Дѣйствительно, не изъ важныхъ. Но хорошо, что хоть и такой есть, а то вѣдь всѣ мы здѣсь, какъ въ лѣсу.

Лишь мало-по-малу образовалась группа руководителей, внесшихъ и извѣстный планъ, и извѣстную програму въ дѣло эстетическаго воспитанія рабочихъ. Вотъ что сообщаютъ намъ они.

II.

Интересъ къ живописи пробудился въ рабочей массѣ, главнымъ образомъ, послѣ 1905 года. И до того, конечно, воскресныя школы и вечерніе классы (особенно въ селѣ Смоленскомъ) устраивали для своихъ слушателей-рабочихъ посѣщенія музеевъ. Но эти посѣщенія носили характеръ скорѣе обзора достопримѣчательностей Петрограда, попытки иллюстрировать картинами тѣ или иные уроки по исторіи, нежели знакомства съ искусствомъ, какъ таковымъ.

Какъ возникъ интересъ къ искусству въ рабочихъ массахъ? Лекторамъ, читавшимъ лекціи въ рабочихъ клубахъ, руководителямъ курсовъ для рабочихъ, вечернихъ школъ и т. п. пришлось считаться съ стремленіемъ рабочихъ въ музеи, какъ съ объективнымъ фактомъ. Отъ нихъ рабочіе потребовали организаціи экскурсій въ музеи, и пришлось ихъ организовывать съ тѣми скудными средствами, какія были подъ руками. Людей, интересующихся искусствомъ въ Петроградѣ, было, конечно, не такъ ужъ мало, но такихъ, которые готовы были бы безвозмездно подѣлиться съ рабочими своими знаніями, было мало, слишкомъ мало. Вспомнимъ о томъ повальномъ опустошеніи въ рядахъ с.-д. интеллигенціи, которое произвелъ 1905 годъ. Лица, близкія къ рабочему классу, желавшія работать при новыхъ, измѣнившихся условіяхъ, насчитывались десятками. Но и изъ послѣднихъ, склонныхъ къ новой работѣ, кромѣ готовности жертвовать временемъ, требовавшей знаній, часто очень спеціальныхъ, — и изъ нихъ было слишкомъ мало такихъ, которыя обладали нужными знаніями по искусству. Для путешествія по музею со слушателями, вѣдь нужно не только знать исторію искусства. Нужно знать хорошо данный музей, его систему (или безсистемность), нужно познакомиться съ произведеніями искусства въ данномъ музеѣ находящимися, съ ихъ сюжетами, авторами, техникой, исторіей созданія и т. д., и т. д. Нужна предварительная критическая работа, выборъ наиболѣе типическихъ для опредѣленной эпохи произведеній. Нужно еще умѣть передавать свои знанія; зная своего слушателя, умѣть его заинтересовать, увлечь предметомъ настолько, чтобы, уходя, онъ жалѣлъ, что время пролетѣло слишкомъ быстро, чтобы онъ пришелъ въ музей снова и снова.

Такихъ людей было мало. И, однако, нужно было начинать дѣло, такъ какъ требованія рабочихъ были слишкомъ настойчивы.

Знакомство рабочихъ съ искусствомъ находилось у насъ въ условіяхъ слишкомъ мало благопріятныхъ. Только Академія Художествъ не чинила рабочимъ подъ руководствомъ лектора никакихъ препятствій, не ставила никакихъ ограниченій. Правда, этотъ музей большую часть года занятъ всевозможными выставками, такъ что онъ мало доступенъ именно по этой причинѣ. Но другіе музеи ввели для рабочей демократіи рядъ ограниченій, очень больно ударившихъ по ней. Начало положилъ Эрмитажъ, во главѣ котораго стоялъ человѣкъ истинно образованный — графъ Д. П. Толстой. Однако, составъ служащихъ въ Эрмитажѣ, далеко не съ симпатіей смотрѣлъ на вторженіе демократіи въ эти дворцовыя залы. Рабочимъ усиленно подчеркивали, что это не національный музей, а лишь часть дворца, милостиво открытая для плебса. Рабочіе могли посѣщать Эрмитажъ лишь по воскресеньямъ. И именно по воскресеньямъ разрѣшалось давать объясненія лишь 2 часа (отъ 10 до 12 ч.); остальные 3 часа рабочіе могли бродить лишь по 1—2 человѣка. Служители старой школы съ бритыми физіономіями дипломатовъ достаточно вѣжливы: хотя нѣтъ-нѣтъ и у нихъ прорвется грубый окрикъ на рабочихъ. Но абсолютно невыносимъ былъ старшой надъ лакеями, совершенно невоспитанный и дерзкій юнецъ, гулявшій по заламъ не въ лакейскомъ, а уже въ чиновничьемъ фракѣ. Храненіе платья — офиціально безплатное. Но на самомъ дѣлѣ вѣшалки и въ Эрмитажѣ и въ музеѣ Александра III сдавались служителямъ за многія тысячи рублей въ аренду. Создавалось лицемѣрное положеніе, когда просить на чай не смѣютъ, но тѣмъ, кто не даетъ, такъ или иначе умѣютъ выразить неудовольствіе. Съ тѣхъ поръ, какъ рабочіе догадались, что нужно оплачивать „безплатное“ храненіе платья и собираютъ пятаки на вѣшалку и чаевыя, прежнія придирки „снизу“ какъ рукой сняло. Зато стали прижимать сверху. Да, большую любовь къ дѣлу должны были имѣть руководители рабочихъ, еженедѣльно проглатывавшіе порцію оскорбительной любезности высшихъ и придирчивой грубости низшихъ, и наградой для нихъ было то чувство, которое переживалъ руководитель, когда видѣлъ, что рабочіе, впервые подошедшіе къ произведеніямъ искусства, восприняли великую радость, которую даетъ ихъ нетлѣнная красота. Нужно сказать, что Эрмитажъ открылъ свои двери для группъ на цѣлый день (отъ 10 до 3-хъ ч.) но... въ понедѣльникъ, когда не только рабочіе, но и средне-учебн. заведенія не могли устраивать экскурсій. Школы еще такъ-сякъ, а рабочіе — нѣтъ.

Лучше обстояло дѣло въ музеѣ Александра III. Здѣсь тоже велась полицейская регистрація руководителей (точный адресъ, званіе, имя, отчество, фамилія, кому даются объясненія). Здѣсь до послѣднихъ дней (когда, по примѣру Эрмитажа, стали разрѣшать объясненія по воскресеніямъ лишь отъ 10 до 12 час., а не до 3-хъ час., какъ было раньше) отношеніе къ рабочимъ было хорошее и достойное Національнаго Музея. Имъ не чинили нарочитыхъ придирокъ, и рабочіе могли быть только благодарны администраціи въ лицѣ П. И. Нерадовскаго и его товарищей, что здѣсь не завелись порядки Эрмитажа. Но и здѣсь рабочіе видѣли себя вынужденными дѣлать сборъ „на вѣшалку". Деньги давали они охотно и острили: „на государственную бѣдность и нашъ пятачишка", „обѣднѣлъ императорскій Эрмитажъ" и т. п.

Ни музей Александра III, ни Эрмитажъ ничего, съ своей стороны, не сдѣлали для регулярнаго и безплатнаго руководства по своимъ галлереямъ. Рабочіе никогда не пользовались указаніями и объясненіями служащихъ этихъ музеевъ. Съ одной стороны, это, быть можетъ, было и лучше, такъ какъ, естественно, что служащіе музеевъ или чиновники, или узкіе спеціалисты въ извѣстной области искусства. Но, съ другой стороны, рабочимъ ни разу не были даны объясненія завѣдывающими отдѣловъ этихъ музеевъ. И опять приходится похвалить Академію Художествъ, дѣлавшую это неоднократно.

Руководительскій трудъ въ музеяхъ былъ всегда безплатнымъ; тѣ сборы, которые дѣлались среди рабочихъ, шли на „чаевыя" и „на вѣшалку". Въ одномъ изъ музеевъ служители никакъ не могли понять, какъ это руководитель изъ году въ годъ, каждое воскресенье отъ 10 до 3-хъ бродитъ 5 часовъ по музею, читая рабочимъ лекціи по исторіи искусства, и не получаетъ за то ни отъ какого начальства жалованія. Имъ казалось это прямо непонятнымъ:

— Ну а тѣ, другіе, тоже — безплатно? — спрашивали его служители о товарищахъ его по работѣ.

— Тоже безплатно.

И люди 20-го числа удивлялись. Врядъ ли могли понять это и эрмитажные „бароны", получавшіе за свое „служеніе искусству" и чины, и ордена, и жалованіе. Путешествіе по музею, хотя и прерываемое черезъ каждыя 50 минутъ десятиминутнымъ отдыхомъ — трудъ немалый и для слушателей, и для руководителя. Недостаткомъ въ постановкѣ рабочихъ экскурсій по музеямъ являлась почти полная невозможность читать предварительную лекцію. Такая лекція, сообщающая заранѣе всѣ необходимыя общія свѣдѣнія, была бы большимъ подспорьемъ при прогулкѣ въ музеѣ. Но лишь немногіе рабочіе „классы" могли устраивать это: лекторъ сперва

читалъ лекцію объ извѣстномъ періодѣ искусства, а потомъ бесѣдовалъ о томъ же предъ картинами.

Но устройство лекцій хотя бы объ ассирійскомъ или фламандскомъ искусствѣ не такъ-то легко было по закону 4-го марта. И вотъ приходилось утомлять рабочихъ лекціей въ самомъ музеѣ съ иллюстрированіемъ ея тѣми картинами, которыя являлись наиболѣе типичными. Бесѣда проходила живо и интересно. Рабочіе съ живымъ и неослабѣвающимъ интересомъ слушали и смотрѣли картины. Это одни изъ лучшихъ слушателей въ музеѣ. Они болѣе дисциплинированы, чѣмъ, напримѣръ, ученики средне-учебныхъ заведеній. Тѣ быстро и легко утомляются и для нихъ 10 минутъ перерыва послѣ 50 м. лекціи необходимы безусловно. Рабочіе же жадны на впечатлѣнія и объясненія. Въ кои-то вѣки они еще разъ попадутъ сюда съ руководителемъ. И вотъ, приходится усаживать ихъ во время перерыва насильно, требовать, чтобы они отдыхали; такъ какъ дальше понадобятся еще ихъ силы. Чтобы явиться въ музей издалека, съ далекихъ окраинъ, нужно бываетъ иногда рабочему потратить не одинъ часъ ходьбы. Но интересъ къ предмету заставляетъ пренебрегать усталостью за недѣлю, раннимъ вставаніемъ въ праздникъ и т. д.

III.

Въ 1913—14 гг. интересъ къ искусству былъ уже настолько великъ въ рабочей средѣ, что наличные руководители положительно изъ силъ выбивались. Рабочіе черезъ посредство клубовъ и союзовъ предъявляли требованія, чтобы ихъ знакомили не только съ музеями, но и съ выставками. А то, дескать, все изучаемъ мы исторически, а въ явленіяхъ текущей художественной жизни разобраться не въ силахъ.

— Что такое кубизмъ и футуризмъ въ живописи, каково ихъ значеніе для искусства, какова будущность? Покажите намъ выставку Наталіи Гончаровой, — просили они.

— Ахъ, товарищи, — отвѣчалъ имъ одинъ ихъ наиболѣе популярныхъ руководителей, — конечно, пойдемъ и на Гончарову поглядѣть, но раньше, въ предыдущее воскресеніе, посмотримъ-ка въ музеѣ Александра III конецъ передвижничества и начало болѣе новыхъ теченій. А то мы, не учивши ариѳметики, прямо хотимъ войти въ область высшей математики. Если для царей нѣтъ особыхъ путей въ геометріи, то и для насъ невозможно внѣ исторіи понять возникновеніе т. н. кубизма...

У Гончаровой побывали. Творчество ея, отразившее эволюцію новѣйшаго искусства, было оцѣнено рабочими довольно вѣрно.

— А вѣдь умѣетъ писать, но кривляется, Боже мой, до чего кривляется.

„Футуристскій“ аэропланъ надъ идущимъ внизу поѣздомъ вызвалъ общій смѣхъ. Намѣренное упрощеніе рисунка у Гончаровой вызвала обмѣнъ мнѣній.

— Ну, такъ-то и мы, пожалуй, нарисуемъ. Совсѣмъ, какъ дѣтская тетрадка.

— Нарисуемъ, можетъ быть. Ну а красокъ такихъ не найдемъ, нѣтъ...

Интересны были и прогулки по выставкамъ „Союза русскихъ художниковъ“ и др., но сравнительно были рѣдки. Главная работа всегда падала на музеи; да и на тѣ силъ не хватало.

Что касается руководительскаго персонала, то онъ объединенъ былъ, нѣсколько случайно, гостепріимнымъ убѣжищемъ г-на и г-жи С Сами—люди любящіе искусство и тонко его знающіе—г-да С. давали постоянный пріютъ собраніямъ руководителей рабочихъ по музеямъ.

Кружокъ, постоянно у нихъ собиравшійся, составился, по преимуществу, изъ лицъ, читавшихъ одновременно лекціи въ рабочихъ клубахъ и другихъ просвѣтительныхъ рабочихъ организаціяхъ, членовъ лекторскаго бюро. Затѣмъ къ нимъ примкнули немногіе представители учащейся молодежи, молодой доцентуры. Меньше всего было офиціальныхъ педагоговъ. Кружокъ всегда строго держался принципа — вести работу исключительно для рабочей массы. Секція руководителей по музеямъ естественно-историческимъ поставлена была блестяще; здѣсь удалось полностью обслуживать всѣ запросы рабочихъ группъ. Не такъ много силъ было въ секціи художественной. Единственное исключеніе сдѣлали члены кружка, согласившись давать объясненія группамъ народныхъ учителей. Такое грандіозное предпріятіе, какъ съѣздъ по народному образованію 1913—14 гг., было обслужено всѣми наличными силами кружка. Кромѣ учителей, кружокъ обслуживалъ всегда лишь рабочихъ (клубы, профессіональные союзы, школы и т. п.).

Первымъ началъ работу по демократизаціи художественныхъ знаній осенью 1904 г. С. Г. Сватиковъ. Вернувшись тогда изъ-за границы г. Сватиковъ рѣшилъ ввести искусство въ кругозоръ русскаго рабочаго. И въ этомъ смыслѣ онъ натолкнулся въ рабочей средѣ Петрограда на живую серьезную потребность, на жадный запросъ. Первыя группы, прошедшія съ нимъ послѣдовательно музей Александра III и Эрмитажъ, были организованы имъ еще осенью 1904 года. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 10 лѣтъ, у него не было ни одного воскресенья, или праздника, когда бы онъ не совершалъ съ той или иной группой рабочихъ прогулки по музеямъ столицы. Въ 1905 году такихъ прогулокъ почти не было. Но съ весны 1906 года музеи Петрограда регулярно видѣли въ своихъ залахъ новыхъ посѣти-

телей — рабочихъ, которые съ широко открытыми глазами, съ душою, готовою для новыхъ воспріятій, знакомились съ сокровищами искусства, бывшими ранѣе предметомъ интереса высшихъ классовъ. Въ 1906—1908 гг. много работалъ въ музеяхъ г. Акимовъ-Махновецъ, умѣвшій найти языкъ, особенно близкій рабочему классу, и освѣтить ярко эпоху, къ которой относится данное произведеніе искусства. Съ 1909 года начинаетъ работать педагогъ Б. П. Брюлловъ, внучатый племянникъ знаменитаго Карла Брюллова. Затѣмъ примыкаютъ П. Б. и Н. В. Шаскольскіе, В. Н. Дрентельнъ, Розенталь, В. И. Жуковскій и друг. Въ 1912 г. возникаютъ „эрмитажные" кружки среди студентовъ университета и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ, члены которыхъ (далеко, однако, не всѣ) примыкаютъ къ работѣ кружка. Въ общей сложности, въ распространеніи художественныхъ знаній въ средѣ рабочихъ приняло разновременно участіе человѣкъ 30—40.

Кружокъ пытался внести планомѣрность въ работу, выработалъ послѣдовательную программу занятій, которая была одобрена рабочими просвѣтительными обществами.

Напримѣръ, осмотръ музея Александра III распредѣлялся на два раза. Въ первый разъ проходилась исторія русской живописи до 60-хъ годовъ, т. е. до школы передвижниковъ; во второй разъ, начиная съ 60-хъ годовъ, до нашихъ дней. Затѣмъ переходили къ исторіи искусства другихъ народовъ, начиная съ греческой скульптуры въ нижнемъ этажѣ Академіи Художествъ. Продолженіе въ отдѣлѣ греческихъ статуй въ Эрмитажѣ. Затѣмъ — отдѣлъ южно русскихъ раскопокъ — также въ нижнемъ этажѣ Эрмитажа. Послѣ того показывали верхніе этажи Эрмитажа въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва школы итальянская и испанская, затѣмъ — голландская, фламандская, нидерландская и нѣмецкая, наконецъ — англійская и французская. Такимъ образомъ, полный курсъ составляли восемь посѣщеній, и каждое изъ этихъ посѣщеній носило законченный характеръ, такъ что рабочіе, не имѣвшіе возможности принять участіе во всѣхъ посѣщеніяхъ, выбирали ихъ по желанію.

IV.

Въ докладѣ, прочитанномъ на первомъ съѣздѣ по женскому образованію, состоявшемся еще въ 1912 году, руководительница Лиговскаго народнаго дома, гр. С. В. Панина отмѣтила слабый интересъ рабочаго населенія Лиговскаго района к. художественнымъ выставкамъ.

— Рабочіе не умѣютъ вовремя остановиться, всегда хотятъ захватить все: музей Александра III, такъ всѣ залы, Эрмитажъ — такъ оба этажа, — писала она, — и эта масса впечатлѣній ложится на непривычныя къ такой работѣ головы какой-то тяжестью". У

экскурсантовъ все, спутывается, и въ результатѣ „какъ будто ничего не понравилось“, мало что запомнилось. Рѣдко-рѣдко кто запомнитъ большое количество видѣнныхъ имъ картинъ. Естественно, и въ направленіяхъ разбираются рабочіе смутно, новыя „исканія“ имъ мало понятны.

— Это и я бы такъ намазалъ, — слышится иногда замѣчаніе передъ новой картиной.

Пессимизмъ гр. С. В. Паниной, конечно, имѣлъ подъ собою почву въ 1912 году. Не говоря о томъ, что районъ Лиговскаго народнаго дома — районъ, гдѣ слой рабочей интеллигенціи наиболѣе тонокъ, сама докладчица подчеркивала, что наблюденія ея относились больше всего къ группѣ мелкихъ ремесленниковъ и ремесленницъ, мелкихъ торговцевъ и извозопромышленниковъ, группѣ, которая наиболѣе глуха ко всѣмъ проявленіямъ красоты. Совсѣмъ другая картина тамъ, гдѣ рабочая интеллигенція пустила прочные корни. Въ такомъ районѣ нѣтъ большаго огорченія, чѣмъ малочисленность аудиторіи на лекціи, посвященной живописи. „Чувствуется отъ этой малочисленности неловко, — говорятъ рабочіе, — такъ мы убоги по части знанія искусства, такъ рѣдко эти знанія намъ преподносятся, и такъ досадно мало посѣтителей“. Вмѣстѣ съ тѣмъ лекція уже не воспринимается безъ критики въ рабочей средѣ. То лекція страдаетъ, по ихъ мнѣнію, тѣмъ, что лекторъ „старался быть простымъ во что бы то ни стало“, то у него времени не осталось, чтобы поговорить о самомъ существенномъ.

Безспорно, „новыя“ формы рабочимъ говорятъ мало. „Живопись для меня имѣетъ цѣну та, которая не отклоняется отъ дѣйствительной жизни“, писалъ одинъ рабочій С. В. Паниной. И таковъ вкусъ рабочаго интеллигента вообще. Въ оцѣнкѣ художниковъ „союза молодежи“ рабочіе экскурсанты были единодушны.

— Этакъ-то писать и мы умѣемъ, — говорили одни.

— Лучше бы совсѣмъ сюда не ходить, — вторили другіе. Ихъ картины казались рабочимъ шарадами, разгадать которыя можно лишь съ помощью каталога, и, то и дѣло, передъ картинами происходили такія сценки:

— Какъ вы думаете, товарищи, что здѣсь изображено? — показывалъ рабочимъ руководитель картину.

— Вѣрно, рабочій станокъ, — догадывался какой-то смѣльчакъ, подмѣтивъ нѣчто похожее на пилу. Другихъ желающихъ высказаться нѣтъ. Даже положеніе руководителя трудное. Каково же удивленіе рабочихъ, когда этотъ рабочій станокъ оказывается въ каталогѣ... портретомъ автора.

Рабочій-критикъ такъ и писалъ въ рабочей газетѣ о работѣ Бурлюковъ, Малевичей и др. „сокрушителей“: „что это, какъ не пощечина художественному вкусу зрителя; на выставкѣ почти нѣтъ работъ, на которыхъ можно было бы разъяснить то художественное направленіе, представителями котораго являются художники“.

Зато мало-мальски художественныя произведенія выставокъ рабочему и понятны, и близки. Чувствуется связь съ прекраснымъ, завоевывающимъ жизнь, и во взглядѣ, и въ короткой фразѣ, и во вниманіи, съ какимъ слушается руководитель. Здѣсь все — жизнь, все — обьектъ интереса, все будитъ благодатныя какія-то настроенія. Какъ и слѣдуетъ ожидать, картины, наиболѣе говорящія, если не уму, то душѣ рабочаго — картины, трудовой жизни, тѣ самыя, которыя такъ рѣдки на нашихъ выставкахъ, по крайней мѣрѣ, удачныя по настроенію, проникающему картину, особенно, конечно, жизнь собственно фабричная. Такъ, на выставкѣ картинъ передвижниковъ какая картина останавливала вниманіе рабочихъ? Картина Брюллова, изображавшая либавскій проволочный заводъ въ ходу съ шумомъ станковъ и блескомъ раскаленнаго желѣза, съ одной стороны, и работающими въ этой атмосферѣ, въ этомъ жару рабочими съ другой... Близокъ рабочимъ Богдановъ-Бѣльскій своими картинами крестьянской жизни.

Конечно, сюжетъ картины не обязательно долженъ быть взятъ изъ міра труда, чтобы приковать къ себѣ вниманіе рабочаго. Мѣрка его шире. На выставкѣ картинъ „союза русскихъ художниковъ“ произведенія К. Коровина мало трогали рабочихъ, не западали глубоко въ душу. Рабочіе находили, что въ нихъ мало тепла, бодрости, что они не задѣвали интимныхъ сторонъ ихъ души. Но въ то же время они находили картины этого художника образцомъ мастерства, которое въ состояніи удовлетворить самый изысканный вкусъ. Въ работахъ Н. Крымова рабочіе не находили этой смѣлости, выразительности, мастерства, но зато находили много внутренняго содержанія. И. Е. Рѣпинъ, вообще, близокъ имъ и дорогъ. Когда художникъ какъ-то появился въ аудиторіи рабочихъ, посѣтителей Лиговскаго народнаго дома, то его встрѣтила бурная овація. Однако, когда непремѣнное условіе всякаго крупнаго художественнаго произведенія отсутствуетъ, то они это чувствуютъ даже у Рѣпина. Картина „17-го октября 1905 года“, занимавшая центральное мѣсто на передвижной выставкѣ, не волновала рабочихъ экскурсантовъ. По ихъ словамъ, картинѣ не доставало самаго главнаго, самаго нужнаго для художественнаго произведенія — искренности. Ту же искусственность находили они въ другой большой картинѣ Рѣпина „Поединокъ“; несмотря на внѣшнее ма-

терство, драматическій сюжетъ ея не давалъ имъ впечатлѣнія драматичности.

Правда, не массовикъ еще чувствуетъ столь неразрывную связь съ творческимъ исканіемъ прекраснаго. Мы говоримъ о рабочемъ интеллигентѣ. Но здѣсь опредѣленный активный интересъ, опредѣленный художественный вкусъ не подлежитъ сомнѣнію. Если массовикъ рабочій еще слабо пріобщенъ къ искусству, если еще предстоитъ вторгнуться въ его жизнь со всѣми художественными радостями, то въ средѣ рабочей интеллигенціи мы встрѣчаемся съ любопытнымъ явленіемъ — умѣніемъ смотрѣть картину.

V.

Быть можетъ, инстинктивно чувствуя это, молодые художники уже начинаютъ отражать художественные вкусы рабочихъ. Въ этомъ отношеніи характерна была хотя бы выставка высшаго художественнаго училища при Академіи Художествъ въ 1913 году. Обращали вниманіе рабочіе сюжеты. Вотъ, напримѣръ, стачка: у кирпичнаго зданія съ фабричной трубой — толпа рабочихъ; надъ толпой на бочкѣ — ораторъ въ красной рубашкѣ. Вотъ маленькая чайная: и самодовольный, грубый хозяинъ и хрупкая фигура бѣлой рабыни, и трехрублевка — эмблема правъ каждаго посѣтителя на дѣвушку. Худо ли, хорошо ли, правдиво или не правдиво это написано, знаменательны сюжеты. И рабочіе шли въ Академію Художествъ, и надо было видѣть впечатлѣніе, какое на нихъ производила картина.

Отъ такого вниманія къ чужому творчеству до самостоятельныхъ творческихъ опытовъ одинъ шагъ. Разумѣется, изъ разныхъ областей искусства живопись или музыка труднѣе всего даются въ мозолистыя руки труженика фабричнаго станка.

Гр. С. В. Панина отмѣчала въ своемъ докладѣ, что лишь изрѣдка на вопросъ: „Зачѣмъ хотите учиться рисовать“ рабочіе, ученики Лиговскаго народнаго дома, отвѣчали:

— Просто люблю рисовать.

— Люблю рисованіе, какъ искусство.

— Хочу рисовать картины красками съ натуры.

— Рисовать весело и интересно.

Большею частью, слѣдовали отвѣты утилитарнаго свойства. Постепенно наиболѣе способные забывали утилитарную цѣль — набить руку для черченія или облегчить рисованіемъ свои техническія занятія, — увлекались искусствомъ безкорыстно, но все же сказать, что они любятъ искусство для искусства, гр. С. В. Панина не рѣшилась. На вопросъ, предложенный какъ-то въ про-

стомъ разговорѣ всей группѣ: „могъ ли бы кто-нибудь изъ нихъ бросить все остальное и заняться исключительно живописью?“, никто не откликнулся, хотя любители рисованія по собственному почину не только разъ въ недѣлю удѣляли этому искусству три часа времени подъ руководствомъ преподавательницы, но очень часто приносили въ классъ свои домашнія работы, доказывавшія степень ихъ увлеченія. „Очевидно, въ нихъ еще крѣпко сидитъ чувство, — говорила докладчица, — что это не дѣло, а баловство, что такъ, въ свободныя минуты, это интересно и весело, да, можетъ быть, для чего-нибудь и пригодится, но сдѣлать это цѣлью жизни не представляютъ себѣ возможнымъ. Нужно много времени, чтобы убѣдиться въ серьезномъ значеніи искусства“.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что даже въ районѣ не столь темномъ, какъ районъ Лиговскаго народнаго дома, знаменателенъ даже не рабочій талантъ, а намекъ на талантъ, могущій впослѣдствіи проявиться. Есть и живописцы-самоучки, и самоучки музыканты, но домашними средствами добиться здѣсь результата не легко.

Однако, хотя творчество рабочихъ въ этой области не можетъ быть значительно, послѣдніе годы отмѣчены фактами не малаго значенія. Такъ, въ 1914 г. петроградскій рабочій написалъ оперу, которая обратила вниманіе выдающихся композиторовъ.

1913 годъ далъ намъ выставку картинъ рабочихъ, устроенную и открытую осенью въ залѣ училища живописи на Мясницкой. Уже давно въ Москвѣ на Пречистенкѣ существуютъ образовательные курсы для рабочихъ, и при нихъ классъ рисованія и живописи, въ которомъ можно видѣть за картонами и мольбертами, съ карандашемъ или кистью въ рукахъ, рабочихъ всѣхъ профессій: пекарей, сапожниковъ, мясниковъ.

Выставка и представляла собой лучшія изъ этихъ работъ, около 50 картинъ и 100 набросковъ карандашемъ. Конечно, наброски карандашемъ здѣсь лучше картинъ. Рабочій еще скорѣе рисовальщикъ, чѣмъ живописецъ. И самая выставка — еще первая ласточка, если не считать прошлой, устроенной на самыхъ курсахъ. Но надо видѣть „публику“ — свою, столь отличную отъ обычной, гордую выступленіемъ своего брата-рабочаго въ такой необычной до сихъ поръ для него обстановкѣ.

„Мы жалуемся, что ослабѣло искусство, — говоритъ А. С. Голубкина, русскій скульпторъ нашего времени. — Да знаетъ ли кто-нибудь, какая въ трудовыхъ людяхъ сила, въ ихъ художественной работѣ? Классъ изъ интеллигентной молодежи никогда не даетъ той свѣжести, индивидуальности, упорства, какое я видѣла

въ рабочихъ на вечернихъ Пречистенныхъ курсахъ въ Москвѣ. Мы работали въ коридорѣ, работы запихивались подъ лѣстницу и каждый разъ ломались, условія были нестерпимыя, а они послѣ цѣлаго дня тяжелаго труда такъ и горѣли. Бывало, скажешь одному:

— Бросьте, не выйдетъ.

А онъ стиснетъ зубы.

— Не брошу, — говоритъ.

И не бросилъ, и добился, и нашелъ самого себя.

Какія работы были у насъ къ веснѣ! Помню одинъ бюстъ такъ, повѣрьте, мнѣ такого не сдѣлать. Теперь не стало и этой мастерской въ коридорѣ да и не годится такая. При большой выдержкѣ всему можетъ научиться въ Москвѣ рабочій человѣкъ. Только скульптурѣ не можетъ. А ихъ приходило ко мнѣ человѣкъ 80 за эту зиму, все просились въ ученики".

Характерно то, что опыты эти не только обратили на себя вниманіе художественныхъ критиковъ, но даровитый художникъ Н. Д. Полѣновъ отозвался о нихъ прямо съ восторгомъ. Характерно то, что нарождается рабочій-художникъ, рабочій-музыкантъ, рабочій-декламаторъ, даже какъ единичное явленіе; что не „добрыя чувства", не „благоразуміе" „образованныхъ людей" въ основѣ этого эстетическаго движенія, а иниціатива самого рабочаго; что если Петербургъ идетъ впереди, то и провинція не остается въ сторонѣ отъ этого движенія.

При современныхъ условіяхъ труда, оставляющихъ такъ мало досуга для чтенія, музеи, выставки, въ живой, наглядной формѣ, знакомя рабочаго съ пріобрѣтеніями искусства, науки, отчасти и замѣняютъ чтеніе. Здѣсь-то и даетъ себя знать та черта, которая — въ противовѣсъ прежнему времени — красной нитью мелькаетъ въ рабочихъ художественныхъ исканіяхъ. И пѣніе, и музыка, и живопись, и поэзія — все здѣсь сосредоточивается, въ конечномъ счетѣ, въ томъ пучкѣ солнечныхъ лучей, внѣ согласованія съ которымъ и эффектъ пропадаетъ — въ идеалѣ, возникающемъ изъ рабочей дѣйствительности, идеалѣ цѣлостнаго, гармоничнаго человѣка. Весь способъ мышленія современнаго рабочаго, его психики, его духовныя особенности, — все это обусловливаетъ не одно пониманіе искусства, но именно свое пониманіе, подъ своимъ угломъ зрѣнія. Вотъ, скажемъ, г. Блокъ, пришедшій въ такой восторгъ отъ фабричнаго театра, увѣряетъ насъ, что въ тѣ рѣдкія для него минуты, когда ему удается слышать музыку „дѣйствительно", онъ для жизни не пригоденъ... глухъ и нѣмъ для этого міра. Ему даже извѣстно доподлинно, что въ высшій моментъ художественнаго творчества жизни не надо, жизнь постыла.

Рабочій-интеллигентъ такъ не скажетъ. Здѣсь жизнь, соціальная жизнь — прежде всего. Искусство безъ жизни, соціальной жизни, непонятно. Въ звукахъ пѣсни — контрасты жизни, въ тонахъ картины — печаль и радость. Въ прежнее время рабочій шелъ въ театръ, чтобы „забыть“ угнетающую дѣйствительность, теперь идетъ, чтобы разобраться въ ней.

VI.

Вотъ коллекціи „картинъ“, сбываемыхъ тысячами нѣкоторыми печатными фирмами и въ деревнѣ, и на фабрикѣ. Конечно, городская цивилизація даетъ народу по преимуществу лубокъ. Техника этихъ картинъ низка. Нарисованы онѣ нелѣпо, раскрашены пятнами, цѣлыми тонами красокъ. Сюжеты безсодержательны. Однако, умалять престижъ фабрики и здѣсь едва ли приходится.

Въ крестьянской хатѣ ни одного передняго угла вы не видѣли пустымъ. Но въ чемъ состояла эта эстетическая пища до самыхъ послѣднихъ дней?

Послѣ иконъ, на первомъ мѣстѣ вѣшались картины духовнаго содержанія, т. е. тѣ же образа на бумагѣ. За ними непосредственно слѣдовали портреты царя и всего дома Романовыхъ. Послѣднее время появились картины военнаго содержанія, по преимуществу, карикатуры патріотическаго характера. Рядомъ съ этимъ иллюстраціи сказокъ, иллюстраціи пѣсенъ, не старинныхъ, а новѣйшихъ; изрѣдка картины видового, географическаго характера.

Все это, конечно, безвкусіе. Фабрика живыми нитями связана съ деревней, и вкусъ рабочаго часто мало возвышается надъ этимъ. Но достаточно войти въ жилище типичнаго пролетарія, чтобы уловить и разницу. Картины духовнаго содержанія отсутствуютъ. Давно отмѣчено равнодушіе рабочаго къ религіознымъ сюжетамъ. О портретахъ царя и всего дома Романовыхъ и говорить нечего. Зато стѣна украшена сѣтью художественныхъ открытокъ.

И не только въ столичныхъ, но въ провинціальныхъ фабричныхъ центрахъ это имѣетъ мѣсто. Чѣмъ больше книгъ, брошюръ, газетъ въ рабочемъ кварталѣ, тѣмъ больше репродукцій, художественно-выполненныхъ открытокъ, даже фотографій съ произведеній скульптуры и архитектуры.

Правда, не только уѣздный, но и губернскій рабочій не можетъ видѣть произведенія искусства, какъ таковыя. Чтобы видѣть чистое искусство, надо жить въ крупныхъ городахъ. Города же губернскіе, — не только уѣздные, — не устраиваютъ у себя выставки картинъ художниковъ. Но тутъ-то мы

и подходимъ къ вопросу: какъ приблизить искусство къ широкому міру труда?

Однимъ изъ способовъ популяризаціи изобразительныхъ искусствъ были бы передвижныя выставки; есть даже надежда на образованіе выставки изъ подлинныхъ картинъ выдающихся художниковъ. „Художникъ Н. А. Касаткинъ, — констатировалъ Л. М. Армондъ на съѣздѣ по вопросамъ организаціи разумныхъ развлеченій для населенія Харьковской губерніи, — положилъ ей основаніе, пожертвовалъ свои картины московскому союзу потребительныхъ обществъ. Это варіанты картинъ „Кто?“ и „Соперницы“, находящихся въ Третьяковской галлереѣ. Н. А. Касаткинъ надѣялся привлечь въ эту коллекцію часть тѣхъ картинъ, оставшихся отъ передвижной выставки 1904 года, которая ставила своей задачей ознакомленіе провинціи съ работами настоящихъ художниковъ. Было тогда собрано около 300 картинъ. Въ 1915 же году въ Волоколамскомъ уѣздѣ Московской губ. уже путешествовала по ярмаркамъ выставка, подобранная московскимъ союзомъ потребительнаго общества. Особые впечатлѣніе произвели репродукціи историческихъ картинъ Иванова. Несмотря на высокую расцѣнку, оказалось не мало желающихъ ихъ купить.

Конечно, организація выставокъ изъ подлинныхъ картинъ — дѣло сложное. Среди художниковъ, проникнутыхъ широкими взглядами на искусство, найдутся желающіе подѣлиться матеріаломъ; но желающихъ все же окажется ограниченное число. Столичные художники не везутъ даже въ большіе города своихъ картинъ, мотивируя это тѣмъ, что не оплачиваются расходы по перевозкѣ. Подлинныя картины еще долго останутся рѣдкимъ гостемъ на фабрикѣ, на заводѣ. Но разъ это такъ, — передвижныя выставки должны составляться изъ репродукцій.

У насъ въ Россіи репродукцій, художественно выполненныхъ въ краскахъ, немного. Но все же онѣ есть. Обычно онѣ и недостаточно крупны, и недостаточно дешевы. Но покупка черезъ просвѣтительныя учрежденія, кооперативы и пр., должна обезпечить и художественность работы, и размѣръ, и дешевизну.

Народъ любитъ изобразительное искусство, и надо торопиться укрѣплять эту любовь всѣми средствами культуро-просвѣтительной работы.

Л. Клейнбортъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА

Борьба въ Ирландіи за гомруль вступаетъ въ новый фазисъ. Читателямъ извѣстно, что въ 1914 году, какъ разъ къ моменту, когда началась великая война, Ирландія получила гомруль; но введеніе закона, подписаннаго королемъ, было отложено до заключенія мира. Теоретически вопросъ, изъ-за котораго Ирландія боролась такъ долго, былъ разрѣшенъ, но фактически это было не такъ. Сѣверная провинція т. е. Ольстеръ, попрежнему заявила, что не принимаетъ гомруля. И когда законъ былъ отложенъ, Ольстеръ заявилъ, что это почетныя „похороны." Я позволю себѣ привести нѣсколько цифръ. Онѣ очень скучны, но безъ нихъ трудно понять положеніе дѣлъ въ Ирландіи. Населеніе острова состоитъ, какъ извѣстно, изъ коренныхъ ирландцевъ, католиковъ и потомковъ англійскихъ и шотландскихъ завоевателей. Ирландцы-католики живутъ густо въ трехъ южныхъ провинціяхъ, а протестанты въ сѣверной провинціи, или въ Ольстерѣ. Но національности нигдѣ не составляютъ абсолютно сплошного населенія. На югѣ живутъ протестанты, а на сѣверѣ есть значительное католическое населеніе, какъ это видно изъ слѣдующей таблички, показывающей отдѣльныя графства Ольстера и составъ ихъ населенія.

ГРАФСТВА.	Населеніе	Католич. населеніе	% католиковъ	% протестантовъ
Энтримъ	193.864	39.761	20,5	79,5
Бельфастъ	386.947	93.224	24,09	75,91
Даунъ	204.303	64.485	31,56	68,44
Лондондерри	99.845	41.478	41,54	58,46
Детти	40.780	22.923	65,21	43,79
Арма.	120.291	54.526	45,33	54,67
Тайронъ	142.665	79.015	55,39	44,61
Фермана	61.836	34.740	56,18	43,82

Вы видите изъ этой таблички, что въ трехъ графствахъ въ Ольстерѣ (Детри, Тайронъ и Фермана) католики составляютъ большинство, а въ остальныхъ очень замѣтное меньшинство (20—45%). Ольстерцы протестанты говорятъ: „Мы не хотимъ гомруля".

Католики-ольстерцы заявляютъ: „Мы требуемъ гомруль“. Протестанты-ольстерцы говорятъ: „Если вы даете гомруль Ирландіи, то выдѣлите насъ. Мы не хотимъ быть подъ дублинскимъ парламентомъ“. „Какое право вы имѣете насъ выдѣлять, заявляютъ католики трехъ графствъ, — когда мы составляемъ большинство?“ И вотъ когда въ видѣ разрѣшенія ирландскаго вопроса предложено было clean cut, т. е. выдѣленіе протестантскихъ графствъ Ольстера изъ вѣдѣнія дублинскаго парламента, — возникъ споръ, какія графства выдѣлить. Повторился тотъ же самый споръ, какъ на Иллирійскомъ побережьѣ между словенцами и итальянцами. И мнѣ припоминаются слова Кассія въ шекспировскомъ Юліи Цезарѣ:

How many ages hence
shall this... scepe be acted ovr,
in statas unborn, and accents yet uknown?

Во всякомъ случаѣ „сцена“ еще будетъ происходить до тѣхъ поръ, покуда будетъ считаться національный вопросъ...

Ольстерскіе протестанты заявляютъ что не допустятъ, гомруля. Нельзя сказать, чтобы они были противъ отдѣльнаго парламента. Даже напротивъ: никто такъ не обличаетъ англичанъ, какъ ольстерцы. Никто такъ краснорѣчиво не доказываетъ, какъ они, что британскій парламентъ въ состояніи справиться съ областными вопросами. Ольстеръ ничего не имѣетъ противъ отдѣльнаго ирландскаго парламента, но желаетъ, чтобы онъ находился въ ихъ рукахъ. Всякій націонализмъ воинственъ по натурѣ своей и желаетъ быть абсолютнымъ хозяиномъ на опредѣленной территоріи. Какъ читателямъ извѣстно, въ 1916 году на пасху произошелъ мятежъ въ Дублинѣ. Обусловленъ онъ былъ тѣмъ, что крайняя націоналистическая партія, или синнъ-фейнеры была убѣждена, что теперь гомруля уже не будетъ. Мятежъ былъ подавленъ, вожди казнены, повстанцы отправлены въ каторгу. Подавляющее большинство населенія Ирландіи было тогда противъ синнъ-фейнеровъ, считая ихъ націоналистическій идеалъ — возвращенія къ XI вѣку, — романтическимъ и неосуществимымъ. Если бы правительство, послѣ того какъ подавленъ былъ мятежъ, ввело гомруль — Ирландія была бы замирена. Правительство такъ и хотѣло сдѣлать, но наткнулось опять на націонализмъ Ольстера. Сѣверная провинція имѣетъ многихъ защитниковъ въ высшихъ сферахъ Англіи. И вотъ, несмотря на разумные совѣты наиболѣе видныхъ государственныхъ дѣятелей, вопросъ о введеніи въ Ирландіи принятаго уже закона о самоуправленіи былъ снова отложенъ. Между тѣмъ расправы съ синнъ-фейнерами пробудили симпатіи ирландцевъ. Населеніе, отнесившееся несочувственно къ крайнимъ націоналистамъ, начало сме-

трѣть на нихъ, какъ на мучениковъ за народное дѣло. И о перемѣнѣ настроенія въ Ирландіи показалъ такой чувствительный барометръ, какъ мѣстные выборы. Читатели, вѣроятно, знаютъ, что нѣтъ болѣе дисциплинированной политической партіи, чѣмъ ирландскіе націоналисты. Кандидатъ, рекомендованный парламентской ирландской партіей, принимается и не встрѣчаетъ противниковъ Появленіе другого кандидата означаетъ крупный расколъ въ настроеніи на мѣстѣ; на дѣлѣ такой кандидатъ означаетъ катастрофу для націоналистической партіи. Именно это произошло въ Ирландіи въ послѣднее время. Въ февралѣ состоялись дополнительные выборы въ Роскомонѣ. Этотъ округъ много лѣтъ былъ представленъ въ парламентѣ націоналистомъ О'Келли феніемъ стараго типа, участвовавшимъ въ возстаніи шестидесятыхъ годовъ. О'Келли давно уже представляетъ собою развалину. Онъ былъ паралитикъ; но партійная дисциплина была такъ сильна, что на выборахъ никто не выступилъ противъ О'Келли И вотъ старый феній умеръ. Парламентская партія рекомендовала Роскомону своего кандидата, населеніе выставило другого кандидата. Пленкета, или графа Пленкета мѣстнаго помѣщика, ревностнаго католика, синнъ-фейнера. Графскій титулъ дарованъ Пленкету папой за ревностное служеніе дѣлу католической вѣры. Идеалы графа Пленкета сформированы старинными монастырскими лѣтописями о жизни Ирландіи въ X и въ XI вѣкахъ. У Пленкета были два сына, принимавшіе участіе въ возстаніи синнъ-фейнеровъ и разстрѣлянные тогда. Политическая программа, выставленная графомъ Пленкетомъ, была фантастична: избранный коммонеръ долженъ оставаться въ Ирландіи. Если это сдѣлаютъ всѣ ирландскіе коммонеры, то этимъ самымъ провозглашена будетъ независимость Ирландіи. Тогда придется убѣдить только городскіе совѣты да судъ, чтобы они не имѣли никакого дѣла съ Англіей; затѣмъ надо провозгласить государственнымъ языкомъ гельскій языкъ. Конечно, это языкъ почти вымершій; конечно, его почти никто никогда не понимаетъ; но надо только примѣнить усиліе и мертвый языкъ станетъ живымъ: національность, желающая быть самостоятельной, должна имѣть языкъ.

Въ Роскомонѣ произошла большая борьба на выборахъ между націоналистами и синнъ-фейнерами. И въ результатѣ графъ Пленкетъ вышелъ побѣдителемъ. Онъ дѣйствительно не поѣхалъ въ Лондонъ и остался въ Ирландіи, представляя собою весь парламентъ синнъ-фейнеровъ. Результаты выборовъ должны быть учтены, какъ вотумъ недовѣрія націоналистической партіи, — писалъ тогда дублинскій корреспондентъ „Nation". Черезъ два мѣсяца послѣ выборовъ въ Роскомонѣ произошли дополнительные выборы въ дру-

гомъ ирландскомъ округѣ, въ Лонгфордѣ. Парламентская націоналистическая партія рекомендовала избирателямъ своего кандидата; но синнъ-фейнеры выставили другого: Макъ-Гинреса, отбывающаго теперь срокъ въ каторжной тюрьмѣ за участіе въ возстаніи 1916 года. Парламентская ирландская партія напрягла всѣ усилія. Она двинула въ Лонгфордъ своихъ лучшихъ ораторовъ, пользовавшихся еще недавно абсолютнымъ авторитетомъ. Въ самый послѣдній моментъ католическіе епископы, поддерживавшіе націоналистовъ, выпустили посланіе противъ нихъ. Собственно говоря, они выступили противъ какого бы то ни было проекта раздѣленія Ирландіи, но такъ какъ парламентскіе націоналисты готовы были признать временное выдѣленіе шести ольстерскихъ графствъ, лишь бы гомруль былъ введенъ немедленно, то епископское посланіе учтено было, какъ осужденіе политики парламентской партіи. Въ этомъ посланіи находилась даже такая фраза: „Ирландію уже продали". Католическіе епископы въ Ирландіи, какъ и въ восьмидесятыхъ годахъ, стали на сторону партіи, пользующейся въ данный моментъ наибольшимъ вліяніемъ среди населенія. И въ результатѣ въ Лонгфордѣ, какъ и въ Роскомонѣ, синнъ-фейнеры одержали побѣду, избраннымъ оказался Макъ-Гиннесъ.

Правительство тогда рѣшило дѣйствовать. Ллойдъ-Джорджъ выступилъ съ рѣчью, въ которой предложилъ: 1) немедленно ввести гомруль тамъ, гдѣ населеніе желаетъ: 2) назначить спеціальную комиссію для выясненія финансовыхъ отношеній Англіи и Ирландіи; 3) окончательное исключеніе сѣверо-восточныхъ графствъ Ольстера, предоставивъ имъ возможность, впослѣдствіи, если они пожелаютъ, присоединиться къ гомрулю. Одинъ изъ наиболѣе видныхъ ораторовъ партіи націоналистовъ сравнилъ тогда Ирландію съ Польшей. На это сравненіе Ллойдъ-Джорджъ отвѣтилъ: „Предположимъ, Германія сказала бы Польшѣ: „Мы охотно готовы дать самоуправленіе тѣмъ полякамъ, которые желаютъ этого". Предположимъ дальше, что часть населенія, напримѣръ, саксонцы, сказали бы: „Мы не поляки. Поляки — католики, а мы протестанты. Мы не хотимъ быть подъ польскимъ парламентомъ, а предпочитаемъ оставаться подъ германской властью, если же вы насъ заставите признать польскій парламентъ, то мы будемъ сражаться противъ васъ".

— Что вы скажете синнъ-фейнерамъ, сражающимся противъ вашей власти? — спросилъ Диллонъ.

— Вы спрашиваете, что я сказалъ бы имъ? А вотъ что, — отвѣтилъ Ллойдъ-Джорджъ, — Я скажу имъ: „Вы можете имѣть самоуправленіе для вашей страны, если пожелаете; но мы не хо-

тимъ помѣстить подъ вашей пятой людей, не желающихъ видѣть васъ во главѣ правительства.

Затѣмъ Ллойдъ-Джорджъ продолжалъ аналогію:

— Предположимъ, Германія сказала бы полякамъ: „Мы дадимъ вамъ всякую возможность установить самоуправляющуюся польскую единицу. Если вы можете лишь сговориться съ саксонцами, мы установимъ одинъ парламентъ для васъ всѣхъ. Скажетъ ли кто-нибудь послѣ этого, что Германія желаетъ угнетать Польшу?

Ольстерцы заявили, что готовы признать неизбѣжное зло, т. е. существованіе дублинскаго парламента, но требуютъ, чтобы шесть графствъ Ольстера были бы выдѣлены окончательно и навсегда (clean cut). Націоналисты, имѣя передъ собою пораженія въ Роскомонѣ и въ Лонгфордѣ, заявили, что ни въ коемъ случаѣ не могутъ принять „clean cut“. Ирландія должна быть одна и недѣлима. Съ своей стороны, синнъ-фейнеры объявили, что не примутъ гомруль даже и для всей Ирландіи, такъ ихъ идеалъ ихъ — независимая Ирландская республика.

Тогда правительство предложило проектъ, который давно уже рекомендовался нѣкоторыми ирландцами. Въ 1902 году для разрѣшенія земельнаго вопроса въ Ирландіи собранъ былъ „конвентъ“ изъ представителей отъ помѣщиковъ и фермеровъ, выработавшій проектъ выкупа, который сталъ потомъ закономъ. Теперь такой же „конвентъ“, составленный изъ представителей всѣхъ ирландскихъ партій, включая и синнъ-фейнеровъ, долженъ выработать проектъ ирландской конституціи. Другими словами, „конвентъ“ долженъ явиться своего рода учредительнымъ собраніемъ. Проектъ „конвента“ былъ набросанъ во время парламентскаго засѣданія 20 мая. Первымъ ораторомъ выступилъ Ллойдъ-Джорджъ. Онъ указалъ на то, что многіе министры предложили за послѣдніе годы рядъ проектовъ для разрѣшенія ирландскаго вопроса. И всѣ эти проекты терпѣли неудачу. Обусловливается это многими причинами, но самой главной среди нихъ является то, что проекты исходили отъ британскаго правительства. И вотъ теперь оно рѣшило обратиться къ ирландцамъ, чтобы они сами выработали для себя проектъ управленія. До сихъ поръ законодательная работа по ирландскому вопросу распредѣлялась такъ: британское правительство вырабатывало проекты, а Ирландія оставляла за собою критику ихъ. Пусть теперь ирландцы сами скажутъ, что они хотятъ. Пусть, — по выраженію Ллойдъ-Джорджа, — представители Эрина выкуютъ проектъ своей конституціи. Аналогичный опытъ былъ уже продѣланъ нѣсколько разъ въ предѣлахъ Британ-

ской имперіи и каждый разъ давалъ блестящіе результаты. Опытъ подобнаго рода удался въ Канадѣ, въ Австраліи и въ Южной Африкѣ. Самыя трудныя проблемы разрѣшаются удовлетворительно, если за дѣло берутся представители всего народа. Въ Канадѣ и въ южн. Африкѣ вопросъ былъ разрѣшенъ, хотя мы имѣли конфликтъ разныхъ національностей. Въ Канадѣ были французы и англичане, а въ южн. Африкѣ — голландцы и англичане. Въ южн. Африкѣ, кромѣ того, вопросъ о конституціи приходилось разрѣшать, вскорѣ послѣ трехлѣтней войны. „Знамена каждой національности тамъ были еще мокры отъ крови бойцовъ", — по выраженію Ллойдъ-Джорджа. И тѣмъ не менѣе тамъ здравый смыслъ восторжествовалъ надъ національными предубѣжденіями. Что было сдѣлано въ Австраліи, Канадѣ и южной Африкѣ, — можетъ быть повторено въ Ирландіи.

„Британское правительство намѣрено поэтому немедленно созвать „конвентъ", состоящій изъ представителей отъ всякихъ ирландцевъ, чтобы они выработали и представили парламенту проектъ конституціи для себя, — продолжалъ Ллойдъ-Джорджъ. — Въ конвентъ должны войти „представители отъ всѣхъ учрежденій, всѣхъ классовъ, вѣроисповѣданій и всѣхъ оттѣнковъ политической мысли". Въ „конвентѣ" должны быть націоналисты (рэдмондисты), независимые націоналисты (о'Брайонисты), ольстерцы, южные ольстерцы и синнъ-фейнеры. Въ конвентъ должны войти также представители отъ графскихъ совѣтовъ и муниципалитетовъ, отъ церквей, трэдъюніоновъ, торговыхъ палатъ, ученыхъ учрежденій; словомъ, вся ирландская жизнь въ разныхъ проявленіяхъ должна быть представлена. Делегаты будутъ избраны разными корпораціями и учрежденіями. Что же касается предсѣдателя конвента, то онъ будетъ по назначенію отъ правительства. И если конвентъ выработаетъ проектъ конституціи для Ирландіи, какъ составной части Британской имперіи, правительство приметъ этотъ проектъ и проведетъ соотвѣтственный законъ. Правительство, конечно, станетъ обсуждать ту часть проекта, которая будетъ говорить о финансовыхъ отношеніяхъ между Англіей и Ирландіей.

— Мы не желаемъ англійскихъ денегъ, — замѣтилъ коммонеръ Хилли, представляющій въ парламентѣ отдѣльную ирландскую партію „хиллистовъ", состоящую теперь изъ него одного. — Намѣрено ли британское правительство критиковать ту часть проекта конституціи, гдѣ будетъ говориться о томъ, какъ намъ расходовать свои деньги?

— Я могу обѣщать отъ имени правительства, — продолжалъ Ллойдъ-Джорджъ, — что если конвентъ выработаетъ проектъ конституціи для Ирландіи, то онъ будетъ осуществленъ.

„По мнѣнію перваго министра, чтобы конвентъ могъ дать благіе результаты, засѣданія его должны происходить негласно. Ллойдъ-Джорджъ сослался на прецеденты: Соединенные Штаты выработали свою конституцію при закрытыхъ дверяхъ. То же самое было въ Канадѣ и въ южн. Африкѣ. Обсужденіе печатью засѣданій, покуда они происходятъ, можетъ оказать такое же давленіе на членовъ конвента, какъ на присяжныхъ во время разбора дѣла. (Въ Англіи, какъ извѣстно, газеты не имѣютъ права комментировать судебнаго процесса, покуда присяжными не вынесенъ приговоръ. Нарушеніе этого постановленія составляетъ преступленіе, извѣстное подъ названіемъ contempt of court.) „Открытыя засѣданія конвента повели бы къ появленію въ газетахъ статей, что тотъ или другой делегатъ измѣнилъ дѣлу, — объяснялъ Ллойдъ-Джорджъ. — А это создало бы ядовитую атмосферу и заранѣе обрекло бы конвентъ на неудачу". Первый министръ указалъ дальше на то, что разрѣшеніе ирландскаго вопроса является такою настоятельною необходимостью, что къ нему надо приступить немедленно, несмотря на войну. Впервые, въ исторіи ирландскаго народа ему самому предложено выработать желательную конституцію. Ллойдъ-Джорджъ указалъ дальше на то, что необходимость конвента признается теперь всѣми политическими партіями въ Англіи и фактически всею печатью. За то, чтобы Ирландія выработала сама свою конституцію высказались также Канада, Австралія и Африка.

Вождь націоналистовъ, Рэдмондъ, борется за гомруль болѣе тридцати лѣтъ. За это время произошли большія перемѣны. Двадцать лѣтъ тому назадъ націоналисты, во время алмазнаго юбилея королевы Викторіи, заявили, что радость Англіи ихъ не касается. „Ирландская парламентская партія находитъ необходимымъ заявить, что она не признаетъ возможнымъ участіе въ празднованіи шестидесятилѣтняго юбилея царствованія королевы, — читаемъ мы въ манифестѣ, изданномъ націоналистами въ 1897 году. — Это празднованіе устроено не только потому, что желаютъ почтить личныя и общественныя качества монарха. Главнымъ образомъ, это праздникъ государственный. Онъ долженъ ознаменовать торжество принциповъ самоуправленія и институтовъ, въ основу которыхъ заложена воля народа; затѣмъ, онъ знаменуетъ также прогрессъ благосостоянія, культуры и развитія націи. Мы понимаемъ чувство тѣхъ счастливцевъ, которые добились всего этого. Должны ли мы, ирландцы, присоединиться къ нимъ? Мы, какъ представители народа, должны теперь прежде всего вспомнить о родной странѣ. Что дѣлать Ирландіи на этомъ праздникѣ? Имѣетъ ли она

основаніе ликовать? Царствованіе Викторіи ознаменовалось для нея многими бѣдствіями, первоначальная причина которыхъ — унія. Ирландія управлялась не по волѣ народа, а противъ нея, по системѣ централизаціи, строго осужденной въ Англіи". Такъ читаемъ мы въ манифестѣ 1897 года. Съ тѣхъ поръ отношенія Ирландіи и Англіи значительно улучшились. Въ 1897 году Ирландія получила самое широкое мѣстное самоуправленіе. Въ 1902 году разрѣшенъ былъ земельный вопросъ. Затѣмъ послѣ 1907 года Ирландія убѣдилась, что не британское правительство стоитъ на пути осуществленія гомруля. Отношеніе націоналистовъ къ Англіи измѣнилось, и, когда началась великая война, вождь націоналистовъ заявилъ, что интересы Британской имперіи и Ирландіи въ отношеніи къ Германіи тождественны.

Нарастаніе синнъ-фейнерства въ Ирландіи отразилось и въ рѣчи Рэдмонда по поводу проекта созвать конвентъ. Вождь націоналистовъ указалъ прежде всего на то, что предполагаемый конвентъ долженъ быть абсолютно независимымъ и свободнымъ собраніемъ. Каждый членъ конвента долженъ быть совершенно свободенъ изложить свой взглядъ и свой проектъ. Необходимо, чтобы конвентъ представлялъ рѣшительно всѣ оттѣнки политической мысли въ Ирландіи. Конвентъ долженъ быть свободенъ въ томъ смыслѣ, что всякій планъ, предложенный кѣмъ-либо, подлежитъ обсужденію. Вождь націоналистовъ имѣлъ въ виду, конечно, проектъ независимой Ирландіи, который будетъ внесенъ синнъ-фейнерами, если они примутъ приглашеніе. — „Повидимому, правительство имѣетъ въ виду именно такую свободу", — прибавилъ Рэдмондъ. „Конвентъ долженъ быть не только свободнымъ, но и представительнымъ собраніемъ". Заявленіе Ллойдъ-Джорджа вполнѣ удовлетворило Рэдмонда. „Каждый классъ, каждое вѣроисповѣданіе и каждое большое учрежденіе должны быть соотвѣтственно представлены въ конвентѣ. Было бы фатально собрать только политическихъ дѣятелей. Вождь націоналистовъ, въ свою очередь, перечислилъ, кто долженъ быть представлять городскіе совѣты Ирландіи, графскіе совѣты, торговыя палаты, трэдъ-юніоны, разныя вѣроисповѣданія, университеты, корпораціи учащихъ, ученыя профессіи, всѣ политическія партіи и ирландскіе пэры". Рэдмондъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы его собственная партія имѣла ограниченное число представителей, но желалъ бы для синнъ-фейнеровъ самаго полнаго представительства. Рэдмондъ хотѣлъ бы также, чтобы Ольстеръ былъ представленъ возможно полнѣе. Въ конвентѣ необходимы только люди, желающіе, чтобы онъ далъ какіе-нибудь результаты. И если признано будетъ, что участіе въ кон-

вентѣ старыхъ борцовъ, отстаивавшихъ гомруль въ теченіе тридцати лѣтъ и больше, можетъ помѣшать продуктивности работы, то онъ, Рэдмондъ, съ радостью будетъ стоять въ сторонѣ. (Тутъ со всѣхъ скамей въ парламентѣ раздались восклицанія: „О, нѣтъ!“ „Ваше участіе необходимо!“ и т. д.). Дальше Рэдмондъ высказался за то, чтобы въ конвентѣ, кромѣ выборныхъ членовъ, было также немного по назначенію. Вождь націоналистовъ такъ мотивировалъ свое предложеніе. Во-первыхъ, въ конвентъ должны войти желательные члены, которые, если ихъ не назначить, не могли бы быть избраны. Во-вторыхъ, пусть путемъ назначенія нѣкоторыхъ членовъ правительство усилитъ въ конвентѣ представителей отъ ольстерскихъ націоналистовъ. „Я хочу, чтобы въ конвентѣ справедливо представлены были бы всѣ партіи. Что же касается ольстерцевъ, то мнѣ хотѣлось бы, чтобы они имѣли въ конвентѣ возможно болѣе сильную партію, гораздо болѣе сильную чѣмъ ту, на которую они могли бы разсчитывать путемъ выборовъ“. Рэдмондъ вполнѣ одобрилъ также предложеніе, чтобы предсѣдатель конвента былъ назначенъ правительствомъ. „Я не вижу даже иной возможности“, — сказалъ вождь націоналистовъ. Правительство, вѣроятно, найдетъ для этого великаго государственнаго дѣятеля, стоящаго въ сторонѣ отъ всѣхъ партій. Успѣхъ конвента зависитъ отъ такта предсѣдателя, отъ его безпристрастности и твердости. „Примиреніе между всѣми ирландскими политическими партіями является величайшимъ благословеніемъ, которое небо можетъ послать острову, — закончилъ Рэдмондъ. — Для осуществленія также соглашенія я готовъ сдѣлать всякія жертвы“. Читатель видитъ, что вождь націоналистовъ радостно привѣтствовалъ конвентъ. Но духъ крайней нетерпимости сейчасъ же проявился, какъ только поднялся вождь ольстерцевъ, сэръ Джонъ Лонсдэль. Въ апрѣльской книжкѣ новаго журнала, выходящаго въ Лондонѣ — „The Polish Review“ — помѣщена интересная статья коммонера Робертсона: „The Racial Delimitation of Poland“. Авторъ, говоря о крайней національной нетерпимости и о чрезмѣрно широкихъ требованіяхъ, предъявляемыхъ нѣкоторыми народностями, добивающимися самоопредѣленія, замѣчаетъ: „Мы должны постоянно помнить, что процентъ тупыхъ людей среди угнетенныхъ народностей такъ же великъ, какъ и среди угнетателей. Пожалуй даже этотъ процентъ среди угнетенныхъ выше, такъ какъ политическое преслѣдованіе атрофируетъ иногда проницательность. Основной проблемой при разрѣшеніи сложныхъ политическихъ вопросовъ является не устраненіе такихъ глупцовъ, а забота о томъ, чтобъ они не взяли

верхъ“ [1]). Эти слова припоминаются мнѣ каждый разъ при выступленіяхъ Ольстера. Сэръ Джонсъ Лонсдэль началъ съ отгадыванія скрытыхъ мотивовъ націоналистовъ. „Они, — строилъ онъ догадки, — согласились пойти въ конвентъ только потому, что питаютъ надежды навязать Ольстеру противъ его воли проектъ гомруля. Они думаютъ, что, принявъ участіе въ конвентѣ, создадутъ положеніе, при которомъ Ольстеру невозможно будетъ больше сопротивляться противъ введенія отдѣльнаго парламента. Другими словами, націоналисты отказываются принять выдѣленіе шести ольстерскихъ графствъ (clean cut), т. е. слѣдовать тѣмъ путемъ, идя которымъ могутъ заслужить наше довѣріе“. По мнѣнію сэра Джона націоналисты добиваются не компромисса съ оранжистами, а полнаго подчиненія послѣднихъ. Ольстеръ не хочетъ отдѣльнаго парламента въ Дублинѣ и не будетъ подчиняться ему. Ллойдъ-Джорджъ и Асквитъ дали обѣщанія Ольстеру, что его не заставятъ противъ воли признать дублинскій парламентъ. Гдѣ эти обѣщанія? Они не совмѣстимы съ созывомъ конвента. Если ужъ такъ необходимо, то пусть дадутъ гомруль тремъ южнымъ провинціямъ и двумъ графствамъ Ольстера. Что же касается шести остальныхъ графствъ, то ихъ надо выдѣлить немедленно. Въ то же время необходимо ввести въ Ирландіи, кромѣ дублинскаго парламента, еще такой совѣтъ, который вѣдалъ бы дѣлами всѣхъ четырехъ провинцій. Собственно говоря, гомруль въ Ирландіи не только не надобенъ, но и не желателенъ, такъ какъ подвергаетъ опасности всю Британскую имперію, — утверждалъ сэръ Джонсъ. Что касается конвента, то націоналисты, повидимому, заранѣе отказываются отъ всякаго проекта, построеннаго на раздѣленіи Ирландіи. Съ другой стороны, оранжисты признаютъ только проектъ, признающій выдѣленіе шести графствъ. „Мы признаемъ это, какъ minimum нашихъ требованій, — продолжалъ сэръ Джонъ Лонсдэйль. — Уже оно является большой жертвой съ нашей стороны. Дальнѣйшихъ уступокъ мы не намѣрены дѣлать“. По мнѣнію оратора, конвентъ совершенно безполезенъ, такъ какъ только подчеркнетъ существующій разладъ въ Ирландіи. Читатель видитъ, съ какими непреодолимыми трудностями приходится встрѣчаться законодателю, желающему раздѣлить территорію согласно національностямъ, населяющимъ ее.

Всѣмъ извѣстна роль, которую игралъ Карсонъ въ исторіи борьбы противъ гомруля. Онъ организовалъ въ Ольстерѣ армію для оказанія вооруженнаго сопротивленія гомрулю. Онъ ввезъ контрабандой наканунѣ войны оружіе въ Ольстеръ. Онъ явился ви-

---

1) „Polish Review“, № 2, p. 111.

новникомъ того, что синнъ-фейнеры тоже вооружились, продѣлавъ то, что собирался сдѣлать Карсонъ. Теперь, когда Карсонъ въ министерствѣ, онъ болѣе остороженъ въ выборѣ словъ, когда приходится говорить о мятежѣ. Карсонъ тоже высказался по поводу созыва конвента. По мнѣнію оратора, если кто сдѣлалъ до сихъ поръ уступки, такъ только ольстерцы. Если конвентъ надобенъ, то ольстерцы изъ патріотизма примутъ въ немъ участіе; но они соберутся только для заявленія, что вопросъ о гомрулѣ невозможно разрѣшить, если не выдѣлить шесть графствъ. Если конвентъ приметъ предложеніе ольстерцевъ, то его засѣданія будутъ продуктивны. Въ противномъ случаѣ, т. е. если конвентъ не признаетъ „clean cut", работа его будетъ безполезна.

Другими словами, Ольстеръ заранѣе диктуетъ конвенту резолюцію. Такую же непримиримость проявили крайне лѣвые націоналисты, т. е. синнъ-фейнеры. Они не имѣютъ своихъ ораторовъ въ парламентѣ; поэтому могли высказаться только въ Дублинѣ. Они поставили четыре условія, при принятіи которыхъ британскимъ правительствомъ синнъ-фейнеры готовы принять участіе въ конвентѣ:

1) Конвентъ можетъ высказаться за полное отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи;

2) Англійское правительство обязуется ратифицировать постановленіе конвента о формѣ правленія въ Ирландіи;

3) Конвентъ состоитъ изъ лицъ, свободно избранныхъ всѣмъ совершеннолѣтнимъ населеніемъ Ирландіи;

4) Ирландцы, осужденные за дублинское возстаніе 1916 года, должны быть приравнены къ военноплѣнными.

Что касается послѣдняго пункта, то даже консервативная печать признаетъ необходимость общей амнистіи, если желательно, чтобы конвентъ далъ какіе-нибудь результаты. Первый и второй пункты признаются совершенно непріемлемыми. Британское правительство готово признать Ирландію, какъ автономную единицу, входящую въ составъ имперіи, но ни въ какомъ случаѣ какъ независимую республику. И тутъ, конечно, британское правительство руководится не имперіалистическими соображеніями. Надо взглянуть лишь на карту, чтобы понять угрозу, какой явилось бы для Англіи существованіе слабой независимой республики на западѣ отъ нея. Такая слабая республика во время войны можетъ быть захвачена сильнымъ врагомъ, какъ была захвачена Бельгія. Въ такомъ случаѣ, всѣ великіе порты на западномъ берегу Англіи были бы блокированы и отрѣзаны отъ Атлантическаго океана.

Есть основанія предполагать, что населеніе Ирландіи готово

проявить гораздо бо́льшую терпимость къ конвенту, чѣмъ многіе ея политическіе дѣятели. „Можно сказать, не впадая въ преувеличеніе, что проектъ конвента поразилъ населеніе Дублина своею неожиданностью, — пишетъ корреспондентъ „Daily Chronicle“.— Раньше, когда поднимался вопросъ о конвентѣ, предполагалось, что они будетъ состоять изъ 40—50 членовъ; но никто не думалъ, что въ совѣщаніяхъ примутъ участіе представители отъ трэдъ-юніоновъ, торговыхъ палатъ и всѣхъ политическихъ партій, съ синнъ-фейнеровъ включительно“. „Повидимому, юніонисты, какъ изъ Ольстера, такъ и изъ южныхъ провинцій, въ концѣ-концовъ, пошлютъ своихъ представителей въ конвентъ, — пишетъ дублинскій корреспондентъ „Times“. — Отношеніе синнъ-фейнеровъ остается не выясненнымъ. Только лѣвое, республиканское крыло ихъ рѣшительно высказалось противъ конвента... Около семидесяти процентовъ всѣхъ синнъ-фейнеровъ готово принять конвентъ“. „Мы перепробовали одинъ планъ за другимъ, чтобы добиться разрѣшенія ирландскаго вопроса, покуда наконецъ не остановились на методѣ, освященномъ давностью, на методѣ, при помощи котораго затруднительные вопросы подобнаго рода разрѣшались уже не разъ, говоритъ дублинскій корреспондентъ „Manchester Guardian“. Въ подобныхъ случаяхъ хорошо обратиться къ прецедентамъ. Мы убѣдимся тогда, что слѣдуя имъ, — добьемся благихъ результатовъ“. Прецеденты указываютъ, что конвентъ не долженъ быть многочисленнымъ собраніемъ. Федеральный конвентъ, выработавшій конституцію Соединенныхъ Штатовъ, состоялъ лишь изъ пятидесяти пяти членовъ. Канадскій конвентъ, разрѣшившій и квебекскую проблему“, т. е. вопросъ о французскомъ населеніи, состоялъ изъ тридцати трехъ членовъ. Южно-африканскій конвентъ, выработавшій федеративную конституцію, которая объединила въ одинъ союзъ капскую колонію, Наталь и двѣ бывшія республики съ голландскимъ населеніемъ, — состоялъ также изъ тридцати трехъ представителей. „Ирландскій конвентъ, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, — говоритъ корреспондентъ „Manchester Guardian“, — долженъ быть болѣе многочисленъ; но не болѣе, чѣмъ учредительное собраніе, выработавшее конституцію Сѣверо-Американской республики. Авторъ защищаетъ также засѣданія при закрытыхъ дверяхъ. Онъ ссылается на прецедентъ въ южной Африкѣ. Историкъ южно-африканскаго союза говоритъ: конвентъ совѣщался при закрытыхъ дверяхъ. Трудно усомниться въ правильности подобной мѣры. Вопросы, подлежавшіе обсужденію, были до такой степени деликатны, мнѣніе относительно ихъ такъ раздѣлилось въ странѣ, страсти такъ обострились, что врядъ ли соглашеніе было бы достигнуто, если бы

спорные пункты дебатировались открыто. Теперь хорошо извѣстно, что страсти въ конвентѣ не разъ чрезвычайно обострялись. Дѣятельность его была плодотворна вслѣдствіе отсутствія у нѣкоторыхъ возможность „играть для галлерей". Публика признала разумность и необходимость спокойнаго отношенія, и потому мирилась съ закрытыми засѣданіями конвента. Хотя корреспондентъ „Manchester Guardian" сомнѣвается нѣсколько въ томъ, чтобы всякіе, легко поддающіеся возбужденію кельты проявили бы такую же выдержку и такое же терпѣніе, какъ флегматичные голландцы, но онъ вѣритъ, что конвентъ „можетъ дать благопріятные результаты".

Вѣковой споръ въ Ирландіи теперь трудно разрѣшить потому, что тамъ наступательный націонализмъ столкнулся съ оборонительнымъ; наступательный націонализмъ, представленный оранжистами, никакъ не можетъ, помириться съ тѣмъ, что не они будутъ господствовать. И такъ какъ ни „наступательные", ни „оборонительные" націоналисты не занимаютъ въ Ирландіи (какъ и въ другихъ странахъ) совершенно обособленныхъ клѣточекъ, то „clean cut" (рѣшеніе національнаго вопроса въ зависимости отъ территоріи) совершенно невозможенъ. И если конвентъ въ Ирландіи, какъ желаютъ всѣ друзья Эрина, дастъ удовлетворительные результаты; если представителямъ всѣхъ партій дѣйствительно удастся выработать одну конституцію для всего острова, то это будетъ означать конецъ оранжизма, редмондизма и синнъ-фейнерства, т. е. конецъ наступательнаго и оборонительнаго націонализма. Вмѣсто этого народится одна народность, представленная изъ разныхъ этническихъ элементовъ, объединенныхъ общимъ желаніемъ создать дружной работой одну общую культуру.

Юнсо.

КНИГА О ДАЛМАЦІИ.

La Dalmazia. Sua italianita, suo valore per la liberta d'Italia nell' Adriatico. Geneva.
(*Далмація.* Сборникъ статей.)

Ни для кого не составляетъ секрета, что въ широкихъ кругахъ итальянскаго общества весьма популярно требованіе присоединенія Далмаціи. Выставленное вначалѣ небольшой и маловліятельной группой націоналистовъ изъ L'Idea Nazionale оно съ теченіемъ времени стало захватывать и болѣе демократическую часть итальянской общественности, такъ что въ настоящее время открытыхъ противниковъ аннексированія Далмаціи можно пересчитать по пальцамъ: въ спеціально созданномъ комитетѣ. „Pro Dalmazia" мы встрѣчаемъ представителей патріотическихъ партій, начиная отъ явныхъ имперіалистовъ и кончая республиканцами и соціалъ-реформистами. По далматинскому вопросу имѣется въ Италіи довольно богатая литература — за и противъ аннексіи. Мы остановимся здѣсь лишь на сборникѣ „Далмація", гдѣ въ сжатой и конспективной формѣ обосновываются „права" Италіи по отношенію къ Далмаціи.

Далмація, какъ извѣстно, страна съ явно преобладающимъ славянскимъ населеніемъ. Офиціальная австрійская статистика утверждаетъ, что въ 1910 году всѣхъ итальянцевъ въ Далмаціи насчитывалось не больше 20 тысячъ человѣкъ. Если даже согласиться съ однимъ изъ участниковъ сборника, г. Александромъ Дуданомъ утраивающимъ это количество, то и тогда шестидесяти тысячамъ итальянцевъ будетъ противостоять шестисотъ тысячное сербохорватское большинство. Тѣмъ не менѣе, редакція сборника въ предисловіи возмущается существованіемъ итальянцевъ (соціалистовъ), утверждающихъ, что Далмація — славянская земля. Не то, чтобы націоналисты отрицали этнически-славянскій характеръ страны, но они указываетъ, что національная однородность населенія отнюдь не является аргументомъ противъ господства другого національнаго меньшинства.

Пишущему эти строки пришлось въ прошломъ году передать на столбцахъ „Русскихъ Вѣдомостей" любопытный публицистическій

эпизодъ: полемику итальянской печати съ англійской — въ лицѣ Стэда изъ „Timesa“, — выступавшей въ очень осторожной формѣ, противъ далматинскихъ притязаній Италіи. Офиціозъ „Giornale d'Itali“ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвелъ этнографическій доводъ ссылкой на то, что онъ совершенно утратилъ свой raisop d'être и не примѣняется къ международной политикѣ. „Если рѣшать всѣ проблемы по національному принципу, — не безъ ехидства писала газета, — то Англіи первой пришлось бы отказаться отъ многаго“...

Категорически отметая въ сторону, какъ несущественный, національной принципъ, авторы сборника очень охотно толкуютъ объ историческихъ традиціяхъ — выплываютъ даже воспоминанія объ императорскомъ Римѣ, владѣвшемъ Далмаціей, о Венеціи, господствовавшей тамъ въ XVIII вѣкѣ, о высокой латинской культурѣ, преобладающей надъ „варварскими ордами“ славянъ, о языкѣ искусствѣ и даже... географіи! Такъ открывающая сборникъ статьи посвящена именно анализу географическаго характера Далмаціи, при чемъ доказывается, что она является естественнымъ продолженіемъ Италіи, самой природой созданнымъ барьеромъ противъ Балканъ...

Но самымъ боевымъ доводомъ служитъ такъ называемый „далматскій иррендетизмъ“: завоеваніе Далмаціи предстаетъ въ ореолѣ освобожденія итальянскихъ „братьевъ“, изнывающихъ отъ австро-славянскаго гнета. Объ этомъ гнетѣ стоитъ сказать пару словъ.

Итальянское меньшинство въ Далмаціи является элементомъ городскимъ, буржуазно-собственниками, въ противовѣсъ крестьянской массѣ славянства. Это соціальное положеніе всегда обезпечивало итальянскому меньшинству политическое господство въ Далмаціи. Въ первые полвѣка австрійскаго владычества въ Далмаціи это господство, даже по признанію г. А. Дудана, было абсолютнымъ: всѣ общественные посты, муниципальныя должности, депутатскія кресла были въ рукахъ итальянцевъ (такъ при первыхъ выборахъ въ мѣстный сеймъ они получили изъ общаго количества 42-хъ мѣстъ 28). Національная борьба, по свидѣтельству того же г. Дудана, имѣла чисто классовой характеръ: „Если иногда была вражда между крестьянами и собственниками, то это была не расовая, а классовая вражда, вызванная скаредностью или лихоимствомъ кое-какихъ собственниковъ. И здѣсь, быть можетъ, можно сдѣлать упрекъ итальянской буржуазіи въ томъ, что она своевременно не озаботилась принятіемъ необходимыхъ экономическихъ мѣръ для улучшенія положенія крестьянъ (стр. 71). Тотъ же авторъ неоднократно разсказываетъ, какъ итальянцы пользовались покровительствомъ вѣнскаго правительства, какъ поддерживало оно ихъ господство въ Далмаціи. Г. Иллирикусъ въ своей брошюрѣ (см. ниже)

нѣсколько подробнѣе касается этой щекотливой темы и картинно заявляетъ, что „австрійское правительство для итальянскихъ политиковъ въ Далмаціи знало однѣ улыбки и попеченія, въ благодарность за что тѣ доносили въ Вѣну на славянское меньшинство въ сеймѣ какъ на измѣнниковъ имперіи (22).

Съ тѣхъ поръ, однако, какъ австрійскій имперіализмъ принялъ опредѣленный балканскій курсъ, австрійская политика въ Далмаціи получила „славянофильскую“ и анти-итальянскую окраску. Съ 90-хъ годовъ итальянцы стали терять постепенно одну позицію за другой, такъ что къ настоящему времени они оказались господами лишь въ одной Зарѣ, всѣ же остальные муниципалитеты, большинство мѣстъ въ сеймѣ, всѣ мѣста въ рейхсратѣ ими утеряны. Но какую бы поддержку центральная власть ни стала оказывать славянскому элементу въ Далмаціи, объяснять только этимъ пораженіе итальянцевъ, разумѣется, нельзя. Тутъ дѣйствовало, прежде всего, другое явленіе: переходъ славянскаго населенія Далмаціи, выражаясь языкомъ Отто Бауэра, къ историческому существованію, ростъ національнаго самосознанія. Ничтожное меньшинство населенія десятилѣтіями правило и владѣло далматинской землей, опираясь на центральную власть. Когда же массы начали просыпаться къ сознательной жизни и стремиться занять подобающее имъ мѣсто, меньшинство почувствовало себя „угнетеннымъ“ и стало упрекать славянъ Вѣной, съ которой они жили столько времени въ тѣсномъ содружествѣ!.. Если бы для итальянскихъ націоналистовъ, дѣйствительно, вопросъ о Далмаціи стоялъ, какъ ирредентистскій, они выдвинули бы программу защиты національнаго меньшинства — и только. Въ дѣйствительности же они, какъ мы знаемъ, хотятъ другого: господства этого меньшинства въ самой абсолютной формѣ — на почвѣ территоріальной аннексіи. Націоналисты не смущаются и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ случаѣ присоединенія Далмаціи, тамъ неизбѣжно разовьется славянскій ирредентизмъ. Вздоръ! — утѣшаетъ итальянцевъ г. Аттило Тамаро. — Если и возникнетъ такое движеніе, оно не будетъ борьбой за свободу и возсоединеніе отечества, такъ какъ и Далмація — наша, итальянская земля. И тогда „всякая репрессія была бы работой наиболѣе элементарной и наиболѣе святой національной защитой“. (190). Наконецъ, этотъ ирредентизмъ, — продолжаетъ развивать свою аргументацію тотъ же авторъ, — невозможенъ, такъ какъ ему не на кого будетъ опереться: Сербія будетъ такъ истощена послѣ своихъ войнъ, ей столько придется устраивать внутри страны, что ей будетъ не до поддержки далматинскаго движенія. Къ тому же Сер-

бія будетъ нуждаться въ Италіи: въ ея капиталахъ, дипломатической помощи и т. п. Далѣе, г. Тамаро обращаетъ вниманіе на религіозную вражду между далматинскими сваванами: православными сербами и католиками-хорватами и думаетъ, что въ будущемъ эта рознь приметъ сербо-болгарскій характеръ. Послѣ пораженія Австріи возможно образованіе двухъ славянскихъ государствъ — Сербіи и Хорватіи, „и будетъ обязанностью итальянской дипломатіи сильно этому содѣйствовать“ (101); въ этомъ счастливомъ случаѣ оба государства будутъ оспаривать другъ у друга право на Далмацію, что, разумѣется, будетъ только на руку итальянцамъ. Авторъ надѣется также на естественный процессъ ассимиляціи, хотя признаетъ, что кое-гдѣ „въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ необходима будетъ энергичная политика, чуждая интернаціональныхъ сентиментальностей“... Вообще г. Тамаро, — надо ему отдать справедливость, — не сентименталенъ! „Хотя Далмація является страной, чья исторія параллельна и идентична Италіи, — пишетъ онъ, — проблема, относящаяся къ ней, должна разсматриваться, какъ проблема колоніальная“ (188).

Другой авторъ, деп. Фоскари (теперь тов. министра колоній) разсматриваетъ проблему о Далмаціи со стратегической стороны и приходитъ, конечно, къ выводу, что „Италія должна завладѣть — и во что бы то ни стало, какой угодно цѣной — архипелагомъ Далмаціи и морскимъ склономъ Динарскихъ Альпъ... Если бы не хватало всѣхъ другихъ мотивовъ (для аннексіи) — историческихъ, географическихъ и пр., — стремленіе къ овладѣнію Далмаціей вполнѣ оправдывалось бы стратегическими соображеніями“.

На эту „стратегію“ меланхолически отзывается въ своей книжкѣ [1]) г. Иллирикусъ, напоминая, Далмаціи на всемъ протяженіи ея исторической жизни приходилось выполнять весьма разнообразныя „стратегическія“ функціи: то она была для Венеціи барьеромъ противъ Турціи; то для Франціи — этапомъ и базой для наполеоновскаго марша на востокъ; то для австрійцевъ — защитой противъ Италіи, теперь „стратегія“ входитъ въ новую орбиту. Вообще, брошюра г. Иллирикуса, при всей націоналистической ограниченности кругозора ея автора, интересна своими фактическими указаніями и разоблаченіемъ имперіалистскихъ притязаній Италіи.

Раф. Григорьевъ.

---

[1]) Illiricus. Dalmazia e Italia. Consigli et avvenittenti. Roma.

ЛѢТОПИСЬ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Колебанія въ настроеніи массъ. — „Сговоръ“ на Государственномъ Совѣщаніи. — Послѣднія событія.

Поскольку все сумбурное, анархическое и, по самой своей природѣ, контръ-революціонное совершается у насъ подъ знакомъ „большевизма“, постольку два момента останутся чрезвычайно интересными для характеристики этановъ этого стихійнаго движенія: іюльское „возстаніе“ большевиковъ и „Корниловскій заговоръ“. Природа „іюльскаго возстанія“ болѣе или менѣе ясна, тогда какъ пресловутый „заговоръ Корнилова“ до сихъ поръ полонъ непроясненныхъ туманностей. Но въ данномъ случаѣ мы лишь хотимъ отмѣтить, что оба эти печальные момента сильно отразились на настроеніи рабочихъ и солдатскихъ массъ и отразились различно.

Послѣ іюльскихъ дней престижъ большевистскихъ агитаторовъ сразу упалъ, такъ какъ провокаціонный характеръ ихъ дѣятельности (вольный или невольный) обрисовался достаточно ярко. Но, уличивъ главарей движенія въ неблаговидныхъ намѣреніяхъ, правительство не использовало своей побѣды и не сумѣло „субъективную увѣренность“ и рядъ документальныхъ данныхъ, убѣдительныхъ лишь въ общей ихъ сводкѣ, оформить въ строгій и выдержанный обвинительный актъ. Какова бы ни была истинная природа Корниловскаго заговора, одно остается несомнѣннымъ: что лишь искреннее негодованіе противъ бездѣйствія революціонной власти могло дать не особенно умному, прямолинейному генералу столько сторонниковъ въ командномъ составѣ и въ странѣ, не пріучившейся еще быстро разбираться въ психологіи событій. „Корниловщина“ есть, конечно, своеобразная попытка военнаго самосуда, опытъ водворенія твердой власти на мѣсто власти формальной и на практикѣ безсильной. Въ результатѣ Корниловское предпріятіе не только не создало этой „твердой власти“, не только не укрѣпило позиціи Правительства, но вызвало въ запуганныхъ

„контръ-революціей“ темныхъ массахъ рѣзкое реакціонное теченіе и новую явную тягу къ тѣмъ, кто именуетъ себя единственными „друзьями народа“ — къ большевикамъ. Престижъ этихъ „невинно оклеветанныхъ“ поднялся тѣмъ выше, что они, въ своихъ органахъ, совершенно правильно учли возможность и близость попытки военнаго переворота, о которой въ обществѣ слухи были и ранѣе, но большой прессой замалчивались. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ отдать большевисткимъ лидерамъ полную справедливость за ихъ дальнозоркость.

И нужно сказать, что волна новаго стихійнаго увлеченія полновѣсными въ своей пустотѣ и легкопріемлемости лозунгами оказалась еще значительнѣе первой. Разочарованіе въ практическихъ талантахъ болѣе умѣренныхъ соціалистическихъ партійныхъ дѣятелей и организацій еще болѣе усилило позицію „крайней лѣвой“. Несознательныя массы дифференцируются, конечно, не по партійнымъ программамъ, а по темпераментамъ; и естественно, что острое недовольство укладомъ жизни толкаетъ ихъ къ тѣмъ, чья критика звучитъ рѣзче и опредѣленнѣе и кто менѣе стѣсняется дарить ихъ обѣщаніями, особенно обѣщаніемъ скораго „демократическаго мира“ и немедленнаго „чернаго передѣла“.

Приписывать колебанія въ настроеніи массъ и царящую по всему пространству Россіи анархію исключительно дѣятельности и вліянію агитаціи большевиковъ и подобныхъ имъ антигосударственныхъ элементовъ, значило бы толковать событія слишкомъ упрощенно. Не одни революціонные агитаторы создали въ Россіи революцію, — какъ бы ни была значительна доля ихъ непосредственнаго участія, — не одни контръ-революціонные элементы большевисткаго толка губятъ положительныя завоеванія этой революціи. Гораздо глубже — въ бездонной некультурности русскаго народа, въ безграничной апатичности и невыдержанности русской интеллигенціи — коренятся истинныя причины печальнаго исхода февральской революціи. Общество, оказавшееся достаточно сильнымъ и единодушнымъ въ критикѣ стараго строя, проявило себя неспособнымъ къ грандіозной созидательной работѣ, предъ нимъ развернувшейся. Общественнаго подъема хватило едва на два-три мѣсяца, затраченные, главнымъ образомъ, на ликованье, на партійную перегруппировку, на дебаты, на ликвидацію внѣшнихъ остатковъ стараго режима. Тяжелое наслѣдіе сказалось; сорная трава, посѣянная долгими годами реакціи, принесла тучный плодъ и уже грозитъ заглушить всходы революціоннаго творчества.

Конечно, при нашей удивительной (мы бы сказали — отвратительной) слабонервности, усиливаемой вліяніемъ специфической

петроградской истеріи, мы всегда склонны преувеличивать наши несчастія: Россія не погибла и погибнуть не должна. Единственное, что не можетъ подлежать безстрастной оцѣнкѣ, что нельзя обсуждать даже съ простымъ спокойствіемъ обозрѣвателя, это — событія на нашемъ фронтѣ; ибо вся дальнѣйшая судьба Россіи связана съ тѣмъ или инымъ исходомъ войны. Но если событія эти печальны и грозятъ развиться еще печальнѣе, если съ этой стороны угроза сильна и страшна, то мы все же не должны проходить мимо твердо установленнаго факта, что процессъ оздоровленія арміи продолжается, что давно уже не было мѣста позорнымъ братаніямъ, и рѣже становятся случаи массоваго ухода частей съ позиціи. Спорны и недоказательны обвиненія, которыя бросались армія по поводу рижскаго прорыва, и врядъ ли кто рѣшится сдѣлать хоть въ чемъ-нибудь упрекъ флоту, стойко боровшемуся при занятіи нѣмцами острововъ Эзеля и Даго. Пока сепаратный миръ Россіи или миръ за счетъ Россіи есть только недостойная угроза, пока армія не утратила хотя бы пониженной сопротивляемости, — рано говорить о гибели Россіи, хотя и пора предупреждать о возможности такого ужаснаго исхода.

Іюльскіе безпорядки, явно провоцированные крайними элементами большевистскихъ организацій, подорвали престижъ не только этихъ организацій, но и органовъ революціонной демократіи, въ которыхъ Временное Правительство пыталось найти себѣ моральную поддержку. Сдѣлалось болѣе чѣмъ когда-нибудь яснымъ, что самочинныя петроградскія организаціи, какъ бы ни относиться къ ихъ роли въ ходѣ революціи, не могутъ выражать воли не только всей Россіи, но даже и ея трудовыхъ классовъ. Съ другой стороны, и представительныя учрежденія стараго режима — Государственная Дума и Совѣтъ — тѣмъ менѣе могли дать въ глазахъ демократіи оправдывающую санкцію мѣропріятіямъ Правительства.

Все это вынуждало власть искать опоры болѣе прочной и апеллировать ко всей странѣ, въ лицѣ кого-нибудь, хотя бы временнаго, хотя бы въ срочномъ порядкѣ созваннаго представительнаго органа. Такимъ „земскимъ соборомъ“ и должно было явиться экстренно созванное въ Москвѣ на двѣнадцатое августа Государственное Совѣщаніе.

Цѣлью этого Совѣщанія былъ, во-первыхъ, сговоръ партій и различныхъ общественныхъ организацій на единой государственной платформѣ, а во-вторыхъ, использованіе случая, въ торжественной обстановкѣ, со всѣмъ авторитетомъ демократической власти, оповѣстить странѣ о грозящей ей смертельной опасности, если она немедленно, и въ полномъ единеніи, не поддержитъ дружно свое Правительство признаніемъ, совѣтомъ и помощью.

Государственному Совѣщанію предшествовало нѣсколько съѣздовъ и частныхъ совѣщаній, достаточно доказавшихъ, что если Правительству и удастся выполнить вторую задачу, то задача первая — сплоченіе живыхъ силъ страны, не можетъ быть достигнута. Рѣзче всего выяснилось это на происходившемъ въ Москвѣ съѣздѣ торгово-промышленныхъ дѣятелей, гдѣ одинокіе призывы къ классовому объединенію заглушались цѣлымъ каскадомъ рѣзкихъ, жесткихъ и непримиримыхъ словъ по адресу демократіи и ея организацій. Тою же классовой нетерпимостью звучали рѣчи противнаго лагеря. Если П. П. Рябушинскій говорилъ о воцарившейся въ Россіи „шайкѣ политическихъ шарлатановъ", о невозможности давать деньги завѣдомымъ расточителямъ и высказывалъ надежду, что „костлявая рука голода и народной нищеты схватитъ за горло друзей народа, членовъ разныхъ комитетовъ и совѣтовъ", — то въ отвѣтъ на это изъ другихъ залъ и предварительныхъ съѣздовъ къ нему неслись возгласы о предательствѣ буржуазіи и капиталистовъ и о наступающемъ часѣ насильственно лишить ихъ и помѣщиковъ ихъ главнаго оружія — капитала и земли. И весьма неувѣренно и слабо звучали примирительныя ноты на первомъ совѣщаніи общественныхъ дѣятелей въ Москвѣ, на три дня опередившемъ Государственное Совѣщаніе.

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что съ перваго же момента залъ государственнаго Большого театра, гдѣ собрался этотъ историческій „Земскій Соборъ", рѣзко раздѣлился на двѣ стороны: на „правую" и „лѣвую". Правда, проявилось это главнымъ образомъ лишь въ знакахъ вниманія, которыми Совѣщаніе сопровождало рѣчи представителей каждой стороны, и ни къ какимъ особо рѣзкимъ инцидентамъ не повело. Даже наоборотъ: кульминаціоннымъ моментомъ совѣщанія былъ моментъ, когда признанный представитель революціонной демократіи, Церетели, протянулъ руку Бубликову, представителю торгово-промышленнаго класса. Но внѣшній холодъ неслагавшихся отношеній какъ бы заранѣе предупреждалъ, что не можетъ быть достигнуто соглашеніе между представителями страны, стихійно погрязающей въ раздорахъ.

Какъ уже сказано выше, Правительство имѣло и другую важную цѣль, — сказать странѣ всю правду о ней самой безъ прикрасъ, безъ оговорокъ, безъ смягченій и преувеличеній. Правду эту мы выслушали въ полной высокаго паѳоса и исключительной убѣжденности рѣчи А. Ф. Керенскаго, въ краснорѣчивыхъ цифрахъ, приведенныхъ другими министрами, въ словахъ представителей арміи, общественныхъ организацій и органовъ трудовой демократіи. Пусть не всегда сходны были выводы и рѣзко противорѣчили другъ

другу совѣты, — правда все же была сказана, и правда тяжелая, потрясающая: развалъ арміи, продовольственная разруха страны, близость полной анархіи и отсутствіе національнаго единенія. Этой жестокой правды не искупало и обѣщаніе Правительства „кровью и желѣзомъ“ возстановить порядокъ и спасти честь Россіи. Потому не искупало, что обѣщанія эти въ однихъ не встрѣчали вѣры, въ другихъ — сочувствія: за мощными и грозными словами чувствовался трепетъ власти, висящей въ воздухѣ и не знающей, на кого она можетъ увѣренно опереться.

Устами А. Ф. Керенскаго, а также министровъ Н. Д. Авксентьева, С. Н. Прокоповича и П. В. Некрасова Правительство наложило Государственному Совѣщанію свою программу оздоровленія тыла и фронта и управленія страной. Въ области военнаго управленія оно выдвинуло впередъ возсозданіе дисциплины въ арміи, при условіи сохраненія войсковыхъ комитетовъ, дисциплинарныхъ судовъ и назначаемыхъ военнымъ министромъ комиссаровъ. Въ области внутренняго управленія—принципъ широкаго самоуправленія оно желало согласовать съ центральнымъ надзоромъ за соблюденіемъ законности. Въ области экономической, осудивъ всѣ анархическія попытки вмѣшательства рабочихъ въ управленіе промышленными предпріятіями, оно обѣщало рядъ практическихъ мѣръ для поднятія производительности труда, введеніе трудовой повинности и контроля государства надъ производствомъ. Въ области земельныхъ отношеній, оно отказалось отъ всякой коренной ломки до рѣшенія Учредительнымъ Собраніемъ аграрнаго вопроса въ его цѣломъ; это заявленіе было тѣмъ характернѣе, что тутъ же, за министерскимъ столомъ, сидѣлъ министръ земледѣлія. В. М. Черновъ. Налоговая безпощадность и усиленная экономія опредѣляли программу финансовую. Въ цѣломъ программа практическихъ мѣропріятій Правительства настолько явно диктовалось требованіями жизни, что могла бы легко объединить всѣ государственно мыслящіе элементы страны. Но какъ не чувствовалось довѣрія къ силѣ Правительства, такъ не чувствовалась увѣренность и въ томъ, что развитую имъ программу оно дѣйствительно сможетъ осуществить. За его заявленіями не слышалось авторитета общенаціональной поддержки, и именно въ ней ему явно отказывали во имя междупартійныхъ и междуклассовыхъ раздоровъ, вызываемыхъ господствомъ интересовъ личныхъ надъ гражданскимъ признаніемъ настойчивыхъ требованій общаго блага страны.

Возможно, впрочемъ, что Государственное Совѣщаніе могло бы дать и практическій результатъ. Не измѣняя принципамъ коалиціонности, власть могла путемъ болѣе правильной и пропор-

ціональной перегруппировки министерскихъ портфелей ослабить враждебность оппозиціи справа и освободить себя отъ ложной зависимости отъ крайнихъ лѣвыхъ элементовъ. Вопросъ о реорганизаціи власти уже стоялъ, такимъ образомъ, весьма остро передъ Временнымъ Правительствомъ и передъ страной, когда рѣзкій шагъ генерала Корнилова, поддержаннаго одобреніемъ правыхъ элементовъ, вмѣшался въ начавшее уже налаживаться равновѣсіе и сразу измѣнилъ соотношеніе силъ, — не къ выгодѣ страны и не въ пользу порядка.

Такъ называемый мятежъ генерала Корнилова былъ ликвидированъ въ какіе-нибудь два-три дня совершенно. Но послѣдствія его сказались сосвоей тяжестью, рѣзко усиливъ престижъ антигосударственныхъ элементовъ и вызвавъ въ революціонныхъ партіяхъ революціонныхъ и организаціяхъ то радикальное настроеніе, которое, по старойтерминологіи, именуется полѣвѣніемъ.

Въ связи съ этимъ возникла весьма безплодная идея созыва новаго „демократическаго совѣщанія" въ Петроградѣ, которое, по мысли большевиковъ, должно было „выдѣлить изъ своего состава" новое Правительство. Къ этому моменту, въ связи съ отставкой всего правительства и образованіемъ своеобразной „директоріи" или „пятерки", отношенія и настроенія настолько спутались, что трудно было бы точно установить, какія надежды связывались съ созывомъ демократическаго Совѣщанія и кому оно было нужно.

Результаты демократическаго совѣщанія оказались довольно неожиданными, такъ какъ въ общемъ оно отчасти благодаря впервые выступившимъ на немъ, въ качествѣ самостоятельной политической силы, кооператорамъ, отразило натискъ большевизма и проявило извѣстную долю государственности.

Продолжая отчитываться передъ различными суррогатами парламента, правительство А. Ф. Керенскаго не измѣняло линіи коалиціонныхъ соглашеній. Послѣ долгихъ и трудныхъ переговоровъ было образовано новое министерство, въ составъ котораго вошли представители торгово-промышленнаго класса. Будь это сдѣлано раньше, возможно, что Корниловскій заговоръ не имѣлъ бы мѣста. Теперь же, въ связи съ ростомъ максималистскаго вліянія въ рабочихъ и солдатскихъ слояхъ, лучшимъ доказательствомъ котораго могутъ служить муниципальные районные выборы въ Москвѣ, задачи новаго состава Правительства тѣмъ болѣе усложнились, что и самый составъ его не является многообѣщающимъ, и врядъ ли способенъ сплотить вокругъ себя всѣ государственно-мыслящіе слои населенія. Скорѣе всего Правительству придется столкнуться съ новой, еще

болѣе сильной вспышкой стихійнаго недовольства, которое вновь будетъ односторонне приписано только преступной агитаціи. Не поможетъ въ данномъ случаѣ и небрежно и произвольно созванный „преднарламентъ", съ перваго же дня засѣданія опредѣлившійся, какъ абсолютно никого не удовлетворяющая, третья по счету, говорильня.

Все это заставляетъ думать, что пути спасенія Россіи остаются прежними. Дальній, окольный путь сложной культурной просвѣтительной работы, глубокой вспашки, которая когда-нибудь, хотя бы много позже, чѣмъ намъ насущно нужно, принесетъ свои плоды. Какъ ни странно, во время пожара дома, говорить объ противопожарныхъ средствахъ, — другого непреложнаго, несомнѣннаго пути у насъ все равно нѣтъ, и если сейчасъ намъ со всей серьезностью грозитъ внутренняя анархія, внѣшній позоръ и униженье, то должны же мы теперь же думать о будущемъ, возможно близкомъ возрожденьи и прокладывать ему пути. И, затѣмъ, оптимистическими очами мы можемъ видѣть еще и другой, ближайшій путь, единственно могущій спасти насъ даже и отъ анархіи и отъ позора постыднаго мира: путь общественнаго, національнаго подъема, никогда не закрытый для впечатлительной, мечущейся души русскаго народа.

Этого подъема не вызвало великое счастье, которое мы пережили въ мартѣ, сверженіе стараго режима. Какъ ни страшно, какъ ни постыдно, но намъ приходится теперь возлагать наши послѣднія надежды на пробужденье общественной совѣсти и возрожденье народнаго патріотизма подъ раскаты новой, на насъ надвинувшейся грозы: столицѣ молодой Россійской республики грозитъ нашествіе врага.

За полгода нашей „свободы" мы уже не разъ переходили отъ отчаянія къ надеждѣ и обратно къ отчаянію. Нужны героическія усилія, чтобы, пошатнувшись въ своей вѣрѣ еще разъ, не полетѣть безнадежно подъ уклонъ. Но если ходъ свершающейся исторіи требуетъ отъ всѣхъ насъ героизма, то это значитъ только, что герои должны явиться, что они непремѣнно явятся. И развѣ великая война и великая революція уже не показали намъ много разъ, на что способенъ въ критическій моментъ самый средній человѣкъ?

Вотъ почему мы вѣримъ. Не вѣрить — значило бы не любить Россіи.

Предыдущія строки писаны въ серединѣ октября. Вѣчность отдѣляетъ насъ теперь отъ этой даты. За двѣ недѣли передъ нами разверзлась пропасть, куда рухнули всѣ надежды. Если мо-

жетъ великій оптимистъ найти какое-нибудь утѣшеніе, то лишь одно: мы дошли до грани паденія, хуже быть не можетъ; значитъ ждать можно лишь лучшаго. Увы, это лучшее ничей разумъ-провидецъ предначертать не сумѣетъ!

Гдѣ тотъ невозмутимый Несторъ, который могъ бы буква за буквой, день за днемъ, нанизывать на страницы памяти текущія событія. У насъ нѣтъ для этого ни достаточной изолированности отъ политическаго хаоса, ни душевнаго спокойствія. Строки эти пишутся въ Москвѣ въ день похоронъ жертвъ ужасной безпримѣрной междоусобной брани, обратившей старую столицу Россіи въ калѣку, разрушившей ея храмы и историческія святыни, начертавшей кровью на кремлевскихъ стѣнахъ отходную революціи и свободы. Опозоренные, одураченные передъ лицомъ всего міра, мы живемъ въ вихрѣ разнузданной стихіи, не угадывая завтрашняго дня, ожидая всего ужаснѣйшаго, — погрома, рѣзни, голода, не говоря уже о великомъ стыдѣ сепаратнаго мира, предписаннаго намъ разрушителями и предателями родины.

Было ли все это неожиданностью? Конечно, нѣтъ. Давно пугавшую мысль мы лишь старались отдалить, какъ гонитъ запомогшій человѣкъ мысль о смерти. Но вотъ смерть передъ нами,— и мы безсильны прогнать ее усиліемъ воли или крестнымъ знаменіемъ; болѣзнь сковала наши руки. Еще не потухшая мысль пытается заглянуть въ будущее, но и тамъ безрадостно. И быть можетъ единственное, что намъ сейчасъ осталось, это — отвлеченье отъ событій дня, попытка взглянуть уже оттуда, какъ сдѣлаетъ это будущій историкъ смутнѣйшихъ дней Россіи.

Мы не склонны принять за данное, что большевистскій заговоръ былъ заранѣе обдуманъ и подготовленъ въ деталяхъ. Силою вещей и слабостью правителей была подготовлена только смута. Усталость, мечта о мирѣ, разруха продовольственнаго аппарата — вотъ основа переворота, толчкомъ къ которому могло быть и простое предательство и фанатическій призывъ. Не приходится доказывать, что масса солдатъ, обезпечившая господство сумасброднымъ лозунгамъ, не отвѣтственна за нихъ. Сегодня она стихійно смела послѣднія основы порядка и государственности, завтра она такимъ же дикимъ натискомъ смететъ все, что поставятъ передъ ней новые хозяева положенія, уже не властные ею управлять. Въ революціи уже не осталось ни зерна творческой силы; даже разрушительная сила ея слабѣетъ, такъ какъ разрушено уже все. Россія у разбитаго корыта.

У насъ осталась лишь одна неразрушенная крѣпость: идея революціи. Революція погибла — идея живетъ. Альфонсъ Ламар-

тинъ въ „Жирондистахъ“ пишетъ: „Мысль, самая святая, самая справедливая, самая набожная, пройдя черезъ несовершенное человѣчество, является въ лохмотьяхъ и крови. Даже тѣ, которые произвели эту мысль, не узнаютъ ея болѣе и отворачиваются отъ нея. Но преступленію не дано унижать истину; она переживаетъ все, даже свои жертвы. Кровь, обагряющая людей, не пятнаетъ идею, и, несмотря на эгоизмъ, унижающій ее, несмотря на подлости, опутывающія ее, и на преступленія, которыя ее безчестятъ, — оскверненная революція очищается, приходитъ къ самосознанію, торжествуетъ и будетъ торжествовать“.

Правда, утѣшаться сознаніемъ, что идея не умерла, будутъ лишь тѣ, кто возродятъ ее, и не намъ, ее ранившимъ на смерть, искать спасенья въ цитатѣ изъ Ламартина! Въ устахъ нашихъ это лишь жестъ игрока, покидающаго игорный залъ, гдѣ онъ оставилъ все свое состояніе...

Хроника событій въ краткихъ словахъ такова. Наканунѣ большевистскаго возстанія совѣтъ министровъ обсуждалъ создавшееся положеніе, при чемъ выяснилось съ несомнѣнностью, что Правительство не имѣетъ рѣшительно никакихъ силъ ни предупредить, не остановить ходъ событій. Послѣднимъ проявленіемъ мужества власти былъ отказъ оставить Зимній дворецъ, который защищался горстью юнкеровъ и женскимъ батальономъ. Дворецъ былъ взятъ силой артиллеріи, разграбленъ, члены Временнаго Правительства подвергнуты оскорбленіямъ и заключены въ Петропавловскую крѣпость. На свободѣ остался лишь А. Ф. Керенскій, уѣхавшій на фронтъ, и С. Н. Прокоповичъ, арестованный и отпущенный наканунѣ. Днемъ позже министры-соціалисты были освобождены и сочли для себя непозорнымъ принять это освобожденіе, хотя остальные министры остались въ крѣпости. Петроградъ безъ сопротивленія перешелъ во власть большевиковъ, а попытка Керенскаго, явившагося съ войсками, заявившими о вѣрности Временному Правительству, окончилась тяжелой неудачей. Всѣдъ затѣмъ Петроградъ оказывается подъ неограниченной диктатурой Ленина-Ульянова и Троцкаго-Бронштейна, въ ихъ качествѣ „народныхъ комиссаровъ“, возглавляющихъ однородное большевистское правительство.

Борьба въ Москвѣ оказалась упорнѣе, кровополитнѣе и ярче отблесками воцарившейся въ Россіи анархіи. Въ теченіе пятишести дней не прекращалась въ Москвѣ ружейная, пулеметная и орудійная стрѣльба. Кремль, занятый отрядомъ большевитскихъ

войскъ, былъ отбитъ горстью юнкеровъ, которые держались нѣсколько дней въ Кремлѣ, Александровскомъ училищѣ, городской думѣ и нѣсколькихъ мелкихъ пунктахъ города Подошедшая артиллерія большевиковъ подвергла безжалостному разстрѣлу не только эти укрѣпленные и защищаемые пункты, но и весь обывательскій центръ Москвы. Отъ огня снарядовъ погибло нѣсколько зданій, повреждены историческіе памятники, выбиты стекла въ тысячѣ домовъ и убито еще неподсчитанное количество народа, въ томъ числѣ много юношей, юнкеровъ, студентовъ и гимназистовъ, записавшихся въ ряды бѣлой гвардіи.

Въ обѣихъ столицахъ большевиками и анархистами были заняты типографіи всѣхъ газетъ, не исключая и соціалистическихъ. Въ Москвѣ разрушена телефонная станція, возстановить дѣятельность которой до окончанія войны врядъ ли представится возможнымъ. Въ данный моментъ хроника дня оканчивается занятіемъ Государственнаго банка и фактическимъ прекращеніемъ операцій всѣхъ другихъ банковъ. Хроника провинціи грозитъ быть столь же богатой ужасами. Какъ всегда, событія сильно опередятъ этотъ очеркъ, и тѣмъ больше у насъ основаній ограничиться этой краткайшей сводкой послѣднихъ дней октября и первыхъ ноября.

Дурная сказка сбылась. Мы стоимъ передъ невѣдомымъ...

М. А. Осоргинъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Военный переворотъ и большевистская партія. — Дѣятельность Временнаго Правительства. — Война и внѣшняя политика. — Мирные декреты новыхъ правителей. — Переговоры на фронтѣ и политическія фантазіи. — Освобожденіе Палестины.

Россійская республика быстро проваливается куда-то внизъ, и ошеломленные обыватели начинаютъ смутно сознавать, что странѣ дѣйствительно грозитъ гибель, которую столько разъ предсказывали члены Временнаго Правительства и солидарные съ ними политическіе дѣятели. Къ несчастью, часто повторявшіеся призывы къ спасенію Россіи раздавались какъ бы въ пустомъ пространствѣ, вызывая лишь безсильную панику среди разрозненной и растерянной

массы населенія. Наконецъ ожидаемый провалъ совершился. Власть вырвана изъ рукъ Временнаго Правительства и попала въ распоряженіе предпріимчивыхъ фанатиковъ и фантазеровъ, къ которымъ присоединились разныя подозрительныя личности, бывшіе черносотенцы, дезертиры, завѣдомые германскіе шпіоны, даже обыкновенные жулики и громилы, переодѣтые въ солдатскіе мундиры. И этотъ унизительный для Россіи переворотъ произведенъ тѣми же сознательными рабочими и солдатами, которые восемью мѣсяцами раньше съ такимъ единодушіемъ и самоотверженіемъ совершили великій подвигъ освобожденія Россіи отъ царскаго самовластія. И тѣ же обыватели, которые возмущались жестокостью царскихъ слугъ, разстрѣливавшихъ мирныхъ жителей изъ пулеметовъ съ крышъ и чердаковъ, съ изумленіемъ узнали о несравненно большей жестокости, проявленной представителями свободной демократіи по отношенію къ защитникамъ республиканскаго Временнаго Правительства, — о звѣрской расправѣ съ женскимъ ударнымъ батальономъ, о разстрѣлахъ юнкеровъ и офицеровъ, о бомбардировкѣ Зимняго дворца, московскаго Кремля и Успенскаго собора.

Какъ могла произойти эта рѣзкая перемѣна въ настроеніи рабочихъ и солдатскихъ массъ? Откуда эти порывы озлобленія противъ своихъ же согражданъ и противъ собственнаго своего отечества? Мы видимъ теперь плоды настойчивой, систематической пропаганды извѣстныхъ идей, направленныхъ къ возбужденію ненависти и вражды противъ такъ называемыхъ буржуазныхъ классовъ и особенно противъ „капиталистовъ", какъ главныхъ будто бы виновниковъ и вдохновителей губительной міровой войны. Народная психика обогатилась новымъ запасомъ словъ, заимствованныхъ изъ лексикона западно-европейской соціалъ-демократіи, и соотвѣтствующія этимъ словамъ понятія безъ всякой провѣрки непосредственно переносятся на явленія русской дѣйствительности, имѣющей очень мало общаго съ условіями заграничнаго соціальнаго быта. Всѣ заговорили у насъ о буржуазіи, капитализмѣ, пролетаріатѣ, „интернаціоналѣ", даже диктатурѣ пролетаріата, и въ сочетаніяхъ этихъ новыхъ понятій находили разгадку совершающихся событій. Умы, не обремененные знаніями и неспособные отнестись критически къ проповѣдуемымъ имъ теоріямъ, легко усваивали новые взгляды, возлагающіе на кого-то отвѣтственность за необычайныя бѣдствія русской жизни.

На мучительные вопросы современности получаются теперь простые и ясные отвѣты. Почему война тянется уже четвертый годъ и никакъ не можетъ кончиться? Потому что она выгодна капиталистамъ и умышленно затягивается буржуазіею изъ корыст-

ныхъ видовъ. Кто вообще затѣялъ войну и кто поддерживаетъ ее въ Европѣ? Имперіалисты, капиталисты и зависящія отъ нихъ правительства. Кто заставляетъ Россію воевать? Наши союзники англичане и французы. Кто стоитъ за немедленный всеобщій миръ? Рабочій пролетаріатъ, преимущественно германскій. Чѣмъ вызывается непомѣрная дороговизна предметовъ продовольствія, общее экономическое разстройство и разореніе страны? Спекуляціями капиталистовъ и буржуазіи.

Изъ этого упрощеннаго пониманія фактовъ вытекаютъ столь же опредѣленные, простые и ясные практическіе выводы. Если во всемъ виноваты капиталисты и буржуазія, то съ ними надо безпощадно бороться, а этотъ лозунгъ классовой борьбы въ просторѣчіи сводится къ общедоступной формулѣ: расправиться своимъ судомъ съ буржуями, капиталистами, евреями, громить банки и помѣщичьи усадьбы. Такимъ образомъ соціалистическіе принципы перерождаются на русской почвѣ въ прямые или косвенные призывы къ стихійнымъ погромамъ, и проповѣдь крайнихъ лѣвыхъ въ послѣднемъ итогѣ сливается съ погромною агитаціею черносотенцевъ.

Искусственно возбужденная злоба противъ буржуазіи, противъ помѣщиковъ и капиталистовъ, имѣетъ въ своей основѣ сильнѣйшую жажду внѣшняго мира, возстановленію котораго мѣшаютъ будто бы цензовые элементы русскаго общества. А такъ какъ самоопредѣляющаяся демократическая армія желаетъ во что бы то ни стало прекращенія военныхъ дѣйствій, то она идетъ за тѣми, кто обѣщаетъ ей скорый миръ, и возстаетъ противъ тѣхъ, кто признаетъ неизбѣжнымъ продолженіе войны въ силу принятыхъ на себя Россіею обязательствъ передъ союзниками. Этимъ объясняется неожиданно быстрый и рѣшительный успѣхъ большевистскаго возстанія 25 октября, устроеннаго подъ флагомъ петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ при участіи рабочей „красной гвардіи", войскъ петроградскаго гарнизона и части кронштадтскихъ моряковъ.

Временное Правительство было низвергнуто съ такою же легкостью, съ какою въ свое время была опрокинута царская власть. Оно было въ сущности безсильно съ самаго начала, такъ какъ вооруженная сила ему не подчинялась, а находилась въ распоряженіи совѣтовъ и ихъ исполнительныхъ комитетовъ. Предполагаемая опора этого правительства, буржуазія, оказалась чѣмъ-то неопредѣленнымъ, расплывчатымъ, лишеннымъ всякаго единства и всякой организаціи, и потому не могла оказать никакого противодѣйствія враждебному натиску черносотенно-соціалистической коалиціи, опирающейся на армію. Зажиточное городское населеніе,

чиновничество, представители свободныхъ профессій, значительная часть интеллигенціи, крупные и средніе землевладѣльцы, причисляются къ буржуазіи такъ же точно, какъ и торгово-промышленные дѣятели, фабриканты, заводчики и банкиры, а въ дѣйствительности между различными категоріями этихъ общественныхъ группъ очень мало общаго. Даже торгово-промышленный классъ не обнаруживаетъ признаковъ внутренней сплоченности или солидарности, легко соглашается на широкія уступки рабочимъ и выдѣляетъ изъ своей среды представителей разныхъ партій, не исключая и соціалистическихъ; всѣмъ извѣстны крупные капиталисты, заводчики и фабриканты, не уклоняющіеся, въ случаѣ надобности, отъ совмѣстной политической работы съ крайними лѣвыми (гг. Терещенко, Коноваловъ и др.) или участвующіе въ соціалистическихъ издательствахъ и другихъ подобныхъ предпріятіяхъ. Буржуазіи, какъ опредѣленнаго сознательнаго класса, у насъ не существуетъ; имѣются только отдѣльные, разрозненные ея элементы, ничѣмъ между собою не связанные и едва намѣчающіе свои особыя общественно-политическія тенденціи. Сословныя дворянскія организаціи, считавшіяся оплотами реакціи при старомъ режимѣ, исчезли или скрылись безслѣдно при первомъ толчкѣ революціи, ибо онѣ пользовались вліяніемъ только благодаря поддержкѣ враждебнаго народу правительства.

Неорганизованность и безсиліе нашихъ среднихъ классовъ, неправильно обозначаемыхъ терминомъ буржуазіи, сказались особенно ярко въ томъ обстоятельствѣ, что дѣятельная повсемѣстная пропаганда идей крайнихъ лѣвыхъ и въ частности большевиковъ не встрѣчала никакого противовѣса и систематически овладѣвала умами народныхъ массъ, какъ будто другихъ взглядовъ кромѣ архи-соціалистическихъ, нѣтъ и не можетъ быть. Представители болѣе умѣренныхъ или болѣе разумныхъ воззрѣній, выступавшіе въ печати и въ публичныхъ собраніяхъ, обращались лишь къ своей собственной публикѣ, сочувствіе которой было имъ заранѣе обезпечено; они не пытались или не могли соперничать съ противниками и оставляли за ними полную свободу дѣйствій, такъ что руководство всѣмъ демократическимъ движеніемъ перешло цѣликомъ въ руки беззастѣнчивыхъ демагоговъ, проповѣдниковъ анархическаго соціализма и перманентной революціи. Получилось такое впечатлѣніе, какъ будто вся Россія сдѣлалась сразу соціалистическою и готовится вступить на путь коренныхъ общественныхъ и экономическихъ переворотовъ, о которыхъ не смѣютъ еще мечтать самые смѣлые соціалисты-революціонеры западно-европейскихъ странъ.

Временное Правительство спокойно наблюдало, какъ отда-

лются отъ него народныя массы и какимъ злобнымъ недовѣріемъ и раздраженіемъ проникается къ нему рабочій классъ; оно ничего не предпринимало и противъ прямыхъ призывовъ къ возстанію, которые по законамъ всѣхъ государствъ преслѣдуются судомъ, какъ подстрекательство къ совершенію преступныхъ насилій. Правительство очнулось только послѣ неудавшагося іюльскаго мятежа; но, сверхъ ожиданія, оно вздумало тогда прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ беззаконія, которыя наиболѣе возмущали оппозицію при старомъ режимѣ. Не имѣя уже никакой реальной власти надъ арміею и надъ народными массами, оно пожелало возстановить смертную казнь для свободныхъ гражданъ-солдатъ, административную ссылку для безпокойныхъ полноправныхъ обывателей, право произвольнаго закрытія непріятныхъ оппозиціонныхъ газетъ и даже совершенно невозможное въ принципѣ и неосуществимое на практикѣ право высылки отдѣльныхъ лицъ „за предѣлы Россійскаго государства", какъ будто чужія страны обязаны принимать у себя русскихъ гражданъ, неудобныхъ или нежелательныхъ почему-либо для своего правительства. Отнимать у кого-либо право проживать въ своемъ отечествѣ, заставлять его искать такую страну, которая приняла бы его въ свои предѣлы, — значитъ, въ сущности, отнимать у него всѣ права человѣка и гражданина, объявлять его безправнымъ, внѣ закона. Устанавливать такую карательную или предупредительную мѣру и при томъ безъ суда, по усмотрѣнію отдѣльныхъ министровъ, при офиціальномъ господствѣ всеобщей гражданской свободы, — это до того чудовищно, что не хотѣлось бы вѣрить въ возможность серьезнаго обсужденія чего-либо подобнаго со стороны компетентныхъ участниковъ Временнаго Правительства. Когда возстановлена была старая система беззаконныхъ репрессій, невольно являлся вопросъ: кто будетъ осуществлять ее? Временное Правительство было для этого слишкомъ слабо и при томъ, будучи по существу и даже по названію только временнымъ, оно не могло претендовать на полномочія, которыхъ народъ ему не давалъ; оно создавало лишь опасный прецедентъ для своихъ преемниковъ и тѣмъ самымъ лишало себя права протестовать противъ однородныхъ репрессивныхъ мѣропріятій своихъ противниковъ, если бы послѣдніе временно восторжествовали. Вновь повторилась безцѣльная игра съ печатью: большевистскія газеты запрещались и на слѣдующій же день выходили подъ новымъ названіемъ, чтобы потомъ опять подвергнуться запрещенію и получить новое наименованіе. А послѣ переворота 25 октября то же самое продѣлали большевики со всѣми непріязненными имъ изданіями, какъ „буржуазными", такъ и соціалистическими, и началась та же безсмысленная

раздражающая комедія съ вынужденною перемѣною фирмъ: запрещенная „Рѣчь“ превратилась сначала въ „Нашу Рѣчь“, затѣмъ въ „Свободную Рѣчь“ и „Вѣкъ“; закрытыя „Биржевыя“ переименовались въ „Утреннія Вѣдомости“, которыя, въ свою очередь, возродились въ видѣ „Жизни“; „День“ ядовито назвался „Ночью“. Этотъ принудительный газетный маскарадъ имѣетъ уже характеръ прямого издѣвательства надъ печатью, наглядно показывая ей все ея безправіе въ новой „свободной“ Россіи; въ этомъ отношеніи смѣнявшіеся республиканскіе министры явились лишь простыми подражателями старой власти.

Какъ это ни грустно, но надо признать, что передовая русская интеллигенція, органомъ которой считалось коалиціонное правительство А. Ф. Керенскаго, доказала на дѣлѣ свою полную политическую несостоятельность. Теперь выясняется, что и въ дѣлѣ Корнилова оно дѣйствовало неправильно и слишкомъ опрометчиво, обвиняя публично цѣлый рядъ нашихъ лучшихъ и наиболѣе заслуженныхъ генераловъ въ „мятежѣ“, безъ достаточныхъ къ тому фактическихъ основаній. Этимъ оно оттолкнуло отъ себя и весь командный составъ арміи, послѣ того, какъ потеряло уже всякую точку опоры въ солдатскихъ массахъ; въ то же время оно страшно усилило недовѣріе солдатъ и рабочихъ къ высшему офицерству и дало новое оружіе злобной большевистской агитаціи противъ мнимыхъ замысловъ контръ-революціи. Имена Корнилова, Каледина Деникина и другихъ отданы были на растерзаніе демократической черни; создалась особая категорія заподозрѣнныхъ лицъ, подъ названіемъ Корниловцевъ, и по ироніи судьбы эта кличка примѣнялась потомъ къ тѣмъ, кто публично выступилъ противъ него и предалъ его суду. Привлекая извѣстныхъ лицъ къ отвѣтственности, власть, однако, не заботилась о скорѣйшемъ выясненіи фактовъ, которые ставятся имъ въ вину. Правосудіе было вообще слабой стороною управленія А. Ф. Керенскаго, несмотря на присутствіе въ составѣ его министерства многихъ видныхъ юристовъ-практиковъ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ. Ни одно изъ судебно-политическихъ дѣлъ, начатыхъ революціоннымъ правительствомъ, не было доведено до конца; слѣдствіе по дѣламъ бывшихъ министровъ, заключенныхъ въ Петропавловскую крѣпость, тянулось въ теченіе восьми мѣсяцевъ безъ опредѣленнаго результата; одинъ изъ подсудимыхъ успѣлъ уже умереть, двое другихъ, по газетнымъ вѣдѣніямъ, подверглись душевному разстройству, и до сихъ поръ еще неизвѣстно въ точности, начнется ли когда-нибудь процессъ по этимъ дѣламъ. Съ такою же поразительною медленностью велось дѣло большевиковъ, участвовавшихъ въ іюльскомъ возстаніи:

главные дѣятели были выпущены подъ залогъ или поручительство; другіе скрывались и спокойно проживали въ предѣлахъ Петрограда и его окрестностей, и только нѣкоторые не столь значительные участники просидѣли въ заключеніи до послѣдняго большевистскаго переворота, когда они сразу попали на крупные правительственные посты. Русское общество такъ и не дождалось гласнаго суда надъ Щегловитовымъ съ компаніей, и никто не знаетъ, почему нельзя было устроить этотъ судъ въ долгій сравнительно періодъ существованія Временнаго Правительства. Для публики осталось неяснымъ, въ какихъ именно преступленіяхъ были уличены бывшіе царскіе министры и насколько справедливы были предположенія о виновности большевисткихъ вождей въ тяжкой государственной измѣнѣ. То обстоятельство, что Щегловитовъ могъ быть освобожденъ послѣ восьмимѣсячнаго заключенія, невольно вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія въ правильности дѣйствій чрезвычайной комиссіи, не сумѣвшей въ столь продолжительный срокъ закончить слѣдствіе и установить степень виновности главнаго обвиняемаго. Частыя колебанія и противорѣчія въ дѣятельности правительства, неопредѣленность и перемѣнчивость его общей программы, склонность откладывать необходимыя рѣшенія и мѣропріятія, проявлялись и въ другихъ областяхъ государственной жизни; въ этомъ смыслѣ огромное практическое значеніе имѣла друкратная отсрочка выборовъ въ Учредительное Собраніе. Нѣтъ сомнѣнія, что при твердомъ желаніи и надлежащей энергіи эти выборы могли быть вполнѣ подготовлены къ первоначально назначенному сроку, и въ такомъ случаѣ мы, по всей вѣроятности, избѣгли бы многихъ позднѣйшихъ опасностей и несчастій, вызванныхъ крайнею неустойчивостью общаго положенія.

Когда послѣ московскаго государственнаго и петроградскаго демократическаго совѣщаній открылся третій „предпарламентъ“, въ видѣ „Временнаго совѣта Россійской республики“, затянувшійся внутренній кризисъ казался уже безвыходнымъ.

Въ день открытія Совѣта, 7-го октября, г. Троцкій-Бронштейнъ, отъ имени большевиковъ произнесъ обвинительную рѣчь противъ правительства и заявилъ о своемъ удаленіи, вмѣстѣ со всѣми членами его партіи, изъ состава предпарламента, при чемъ въ угрожающемъ тонѣ намекнулъ на „бдительность и мужество“ рабочихъ массъ. Демонстративный уходъ г. Троцкаго и его группы изъ зала засѣданій предвѣщалъ уже новую попытку осуществленія тѣхъ воинственныхъ плановъ, о которыхъ откровенно говорили большевистскія газеты. Что же дѣлало правительство? Оно продолжало свою прежнюю тактику неопредѣленнаго выжиданія.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, М. И. Терещенко, въ своемъ обзорѣ внѣшней политики, 16 октября, повторилъ старыя, хорошо извѣстныя истины о необходимой солидарности съ союзниками, о преимуществахъ наступательнаго подъема на фронтѣ, о невозможности подчиниться германскимъ требованіямъ, но не указалъ путей къ желательному окончанію войны. „Нельзя нашей родинѣ оставаться одинокою, — объяснялъ министръ, — и та группировка силъ, которая въ настоящее время создалась, для насъ цѣлесообразна. Все человѣчество жаждетъ мира, но въ Россіи никто не допуститъ такого мира, который былъ бы унизителенъ для нея и нарушалъ бы государственные интересы нашей родины". Несмотря на свои частичные успѣхи, германцы „не являются побѣдителями, ибо имъ не удалось осуществить свой планъ сокрушенія противниковъ"; они стремятся „отдѣлить Россію отъ запада путемъ созданія небольшихъ буферныхъ государствъ, экономически слабыхъ и тяготѣющихъ къ Германіи"; они думаютъ завладѣть Курляндіею, „но тутъ Россія должна твердо сказать: лишиться выхода въ незамерзающее Сѣверное море — этого Россія не допуститъ". По словамъ министра, „война велась самимъ русскимъ народомъ" и союзники признаютъ чрезвычайно важную роль Россіи въ составѣ коалиціи. Мы не можемъ согласиться на „полное самоопредѣленіе" Литвы и Латвіи, ибо „Россія безъ незамерзающей гавани въ Балтійскомъ морѣ вернется къ временамъ до-петровскимъ". Что касается нейтрализаціи проливовъ, то безъ разоруженія державъ она „явится возвращеніемъ къ положенію несравненно худшему, чѣмъ до войны". Было бы также по меньшей мѣрѣ несправедливо „отрѣзать Румынію отъ моря". Вообще „Временное Правительство утверждаетъ, что голосъ Россіи есть голосъ великой державы, которую слушаютъ союзники, какъ они слушали ее раньше". „Россія останется великимъ государствомъ, что бы съ нею ни случилось. Мы должны защищать ее всѣ вмѣстѣ".

Трудно было бы въ принципѣ спорить противъ этихъ заявленій министра иностранныхъ дѣлъ. Конечно, для Россіи было бы въ высшей степени желательно получить обратно Литву и Курляндію, сохранить свободный выходъ въ незамерзающее Сѣверное море, спасти цѣлость и независимость Румыніи и Сербіи, наконецъ поддержать значеніе и авторитетъ Россіи въ ряду великихъ державъ; но какъ достигнуть этого при полномъ внутреннемъ развалѣ и при сознательномъ бездѣйствіи арміи, подчиняющейся своимъ выборнымъ комитетамъ и совѣтамъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ? Болѣе полугода тянется безнадежная военно-политическая путаница на фронтѣ; наши вооруженныя силы перестали служить общимъ ин-

тересамъ государства и сдѣлались орудіями партійной междоусобной борьбы; мы испытываемъ всѣ бѣдствія войны, безъ военныхъ дѣйствій противъ непріятеля, и эта безконечная канитель никакъ не можетъ привести къ какой-нибудь опредѣленной развязкѣ.

Заявленія г. Терещенко объ иностранной политикѣ дали новый матеріалъ для обвиненій „буржуазіи" и Временнаго Правительства въ безцѣльномъ затягиваніи войны и въ пассивномъ подчиненіи союзнымъ имперіалистамъ. Наканунѣ переворота, 24 октября, въ засѣданіи Временнаго Совѣта Республики, министръ-предсѣдатель, упомянувъ о прокламаціяхъ „скрывшагося государственнаго преступника Ульянова-Ленина" и о призывахъ рабочей печати къ вооруженному выступленію, сообщилъ, что „въ настоящее время существуетъ то состояніе столицы, которое на языкѣ судебной власти и закона именуется состояніемъ возстанія". „Въ дѣйствительности, — продолжалъ А. Ф. Керенскій, — это есть попытка поднять чернь противъ существующаго порядка вещей, сорвать Учредительное Собраніе и раскрыть русскій фронтъ передъ сплоченными полками Вильгельма. Вся сознательная демократія и ея центральные исполнительные комитеты, всѣ армейскія организаціи и все, чѣмъ гордится и должна гордиться свободная Россія, разумъ, совѣсть и честь великой русской демократіи протестуютъ противъ этого".

Разумѣется, совѣсть и честь противника, располагающаго военной силой, представляютъ плохія гарантіи для безоружной власти, обладающей лишь хорошими намѣреніями и сознаніемъ своей отвѣтственности; поэтому министръ-предсѣдатель ожидалъ поддержки отъ предпарламента, который съ своей стороны могъ оказать эту поддержку только въ видѣ обычныхъ словесныхъ резолюцій. Партія народной свободы и группа кооператоровъ предложили слѣдующую формулу: „Временный совѣтъ россійской республики, выслушавъ сообщеніе министра-предсѣдателя, заявляетъ, что въ борьбѣ съ предательствомъ родины и дѣла революціи, прибѣгнувшимъ предъ лицомъ врага и наканунѣ Учредительнаго Собранія къ организаціи открытаго возстанія въ столицѣ, окажетъ правительству полную поддержку и требуетъ принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ для подавленія мятежа".

Большинствомъ 123 противъ 102 голосовъ при 26 воздержавшихся, была принята другая формула, внесенная народными соціалистами, меньшевиками и соціалистами-революціонерами „Подготовляющееся за послѣдніе дни вооруженное выступленіе, имѣющее цѣлью захватъ власти, грозитъ вызвать гражданскую войну, создаетъ благопріятныя условія для погромнаго движенія и мобилизаціи черносотенныхъ контръ-революціонныхъ силъ

и неминуемо влечетъ за собою срывъ Учредительнаго Собранія, новую военную катастрофу и гибель революціи въ обстановкѣ паралича хозяйственной жизни и полнаго развала страны. Почва для успѣха указанной агитаціи создана, помимо объективныхъ условій войны и разрухи, промедленіемъ въ проведеніи неотложныхъ мѣръ, и потому прежде всего необходимъ немедленный декретъ о передачѣ земли въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ и рѣшительное выступленіе во внѣшней политикѣ съ предложеніемъ союзникамъ провозгласить условія мира и начать мирные переговоры. Для борьбы съ активнымъ проявленіемъ монархическаго и погромнаго движенія необходимо немедленное принятіе мѣры къ ихъ ликвидаціи и созданіе для этой цѣли въ Петроградѣ комитета общественнаго спасенія изъ представителей городского самоуправленія и органовъ революціонной демократіи, дѣйствующихъ въ контактѣ съ Временнымъ Правительствомъ".

На слѣдующій день Временное Правительство уже не существовало, и „демократическая чернь" водворила свою власть отъ имени и по уполномочію созваннаго въ Петроградѣ Всероссійскаго съѣзда Совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Скрывшійся, по словамъ А. Ф. Керенскаго, „государственный преступникъ Ульяновъ-Ленинъ" вовсе не скрывался, а дѣйствовалъ уже въ качествѣ главы новаго демократическаго правительства, получившаго названіе Совѣта народныхъ комиссаровъ. Вмѣсто Ленина скрылся Керенскій; большинство министровъ было арестовано и заключено въ Петропавловскую крѣпость, при чемъ изъ нихъ соціалисты были вскорѣ освобождены въ силу своей предполагаемой близости къ большевикамъ. Министерство Ленина и Троцкаго, которое еще недавно было предметомъ шутливыхъ предсказаній въ „Сатириконѣ", стало безспорнымъ фактомъ: недаромъ Россію называли страною неограниченныхъ возможностей. У насъ легко и просто совершается то, чего и не снилось западно-европейскимъ мудрецамъ.

Новый „народный комисаръ по иностраннымъ дѣламъ" долженъ былъ тотчасъ приступить къ исполненію большевистскихъ обѣщаній немедленнаго мира и опубликованія тайныхъ союзныхъ договоровъ. По предложенію большевистскаго правительства, Всероссійскимъ съѣздомъ Совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ 26 октября принятъ единогласно слѣдующій декретъ о мирѣ:

„Рабочее и крестьянское правительство, созданное революціей 24—25 октября и опирающееся на Совѣты рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ предлагаетъ всѣмъ воюющимъ наро-

дамъ и ихъ правительствамъ начать немедленно переговоры о справедливомъ демократическомъ мирѣ.

Справедливымъ или демократическимъ миромъ, котораго жаждетъ подавляющее большинство истощенныхъ, измученныхъ и истерзанныхъ войной рабочихъ и трудящихся классовъ всѣхъ воюющихъ странъ — миромъ, котораго самымъ опредѣленнымъ и настойчивымъ образомъ требовали русскіе рабочіе и крестьяне послѣ свержения царской монархіи, — такимъ миромъ правительство считаетъ немедленный миръ безъ аннексій (т. е. безъ захвата чужихъ земель, безъ насильственнаго присоединенія чужихъ народностей) и безъ контрибуцій.

Такой миръ предлагаетъ правительство Россіи заключить всѣмъ воюющимъ народамъ немедленно, выражая готовность сдѣлать безъ малѣйшей оттяжки тотчасъ же всѣ рѣшительные шаги впредь до окончательнаго утвержденія всѣхъ условій такого мира полномочными собраніями народныхъ представителей всѣхъ странъ и всѣхъ націй.

Подъ аннексіей или захватомъ чужихъ земель правительство понимаетъ сообразно правовому сознанію демократіи вообще и трудящихся классовъ въ особенности всякое присоединеніе къ большому или сильному государству малой или слабой народности безъ точно, ясно и добровольно выраженнаго согласія и желанія этой народности, независимо отъ того, когда это насильственное присоединеніе совершенно, независимо также отъ того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая въ границахъ даннаго государства нація. Независимо, наконецъ, отъ того, въ Европѣ или въ далекихъ заокеанскихъ странахъ эта нація живетъ.

Если какая бы то ни была нація удерживается въ границахъ даннаго государства насиліемъ, если ей, вопреки выраженному съ ея стороны желанію — все равно, выражено ли это желаніе въ печати, въ народныхъ собраніяхъ, въ рѣшеніяхъ партій или возмущеніяхъ противъ національнаго гнета — не представляется права свободнымъ голосованіемъ, при полномъ выводѣ войска присоединяющей или вообще болѣе сильной націи, рѣшить безъ малѣйшаго принужденія вопросъ о формахъ государственнаго существованія этой націи, то присоединеніе ея является аннексіей, т. е. захватомъ и насиліемъ.

Продолжать эту войну изъ-за того, какъ раздѣлить между сильными и богатыми націями захваченныя ими слабыя народности, правительство считаетъ величайшимъ преступленіемъ противъ человѣчества и торжественно заявляетъ свою рѣшимость немедленно подписать условія мира, прекращающаго эту войну на указанныхъ равно справедливыхъ для всѣхъ безъ изъятія народностей условіяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство заявляетъ, что оно отнюдь не считаетъ вышеуказанныхъ условій мира ультимативными, т. е. сообщается разсмотрѣть и всякія другія условія мира, настаивая лишь на возможно болѣе быстромъ предложеніи ихъ какой бы то ни было воюющей страной и на полнѣйшей ясности, на безусловномъ исключеніи всякой двусмысленности и всякой тайны при предложеніи условій мира.

Тайную дипломатію правительство отмѣняетъ, со своей стороны выражая твердое намѣреніе вести всѣ переговоры совершенно открыто передъ всѣмъ народомъ, приступая немедленно къ полному опубликованію тайныхъ договоровъ, подтвержденныхъ или заключенныхъ правительствомъ помѣщиковъ и капиталистовъ съ февраля по 25 октября 1917 года. Все содержаніе этихъ тайныхъ договоровъ, поскольку оно направлено, какъ это въ большинствѣ случаевъ бывало къ доставленію выгодъ и привилегій русскимъ помѣщикамъ и капиталистамъ, къ удержанію или увеличенію аннексій великороссовъ, правительство объявляетъ безусловно и немедленно отмѣненнымъ.

Обращаясь съ предложеніемъ къ правительствамъ и народамъ всѣхъ странъ начать немедленно открытые переговоры о заключеніи мира, правительство выражаетъ съ своей стороны готовность вести эти переговоры, какъ посредствомъ письменныхъ сношеній, по телеграфу, такъ и путемъ переговоровъ между представителями разныхъ странъ или на конференціи таковыхъ представителей. Для облегченія такихъ переговоровъ правительство назначаетъ своего полномочнаго представителя въ нейтральныя страны.

Правительство предлагаетъ всѣмъ правительствамъ и народамъ всѣхъ воюющихъ странъ немедленно заключить перемиріе, при чемъ со своей стороны считаетъ желательнымъ, чтобы это перемиріе было заключено не меньше, какъ на три мѣсяца, т. е. на такой срокъ, въ теченіе котораго вполнѣ возможно, какъ завершеніе переговоровъ о мирѣ съ участіемъ представителей всѣхъ безъ изъятія народностей, или націй, втянутыхъ въ войну или вынужденныхъ къ участію въ ней, такъ равно и созывъ полномочныхъ собраній народныхъ представителей всѣхъ странъ для окончательнаго утвержденія условій мира.

Обращаясь съ этимъ предложеніемъ мира къ правительствамъ и народамъ всѣхъ воюющихъ странъ, временное рабочее и крестьянское правительство Россіи обращается также въ особенности къ сознательнымъ рабочимъ трехъ самыхъ передовыхъ націй человѣчества и самыхъ крупныхъ участвующихъ въ настоящей войнѣ государствъ, Англіи, Франціи и Германіи. Рабочіе этихъ странъ оказали наибольшія услуги дѣлу прогресса и соціализма, и великіе образцы чартистскаго движенія въ Англіи, рядъ революцій, имѣвшихъ всемірно-историческое значеніе, совершенныхъ французскимъ пролетаріатомъ, наконецъ, въ геройской борьбѣ противъ исключительнаго закона въ Германіи и образцовой для рабочихъ всего міра длительной, упорной дисциплинированной работѣ созданія массовыхъ пролетарскихъ организацій Германіи. Всѣ эти образцы пролетарскаго героизма и историческаго творчества служатъ намъ порукой за то, что рабочіе названныхъ странъ поймутъ лежащія на нихъ теперь задачи освобожденія человѣчества отъ ужасовъ войны и ея послѣдствій, — ибо эти рабочіе всесторонней рѣшительной и беззавѣтно энергичной дѣятельностью своей помогутъ намъ успѣшно довести до конца дѣло мира и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло освобожденія трудящихся и эксплоатируемыхъ массъ населенія отъ всякаго рабства и всякой эксплоатаціи".

Довольно неожиданнымъ является въ этомъ „декретѣ“, послѣ категорическаго опредѣленія основъ демократическаго мира безъ аннексій и контрибуцій, на началахъ самоопредѣленія народовъ, выраженіе готовности разсмотрѣть и „всякія другія условія мира“, лишь бы они были предъявлены по возможности скорѣе. Если бы дѣло шло о какомъ бы то ни было скорѣйшемъ мирѣ, то для этого достаточно было бы просто подчиниться всѣмъ требованіямъ Германіи, отбросивъ всякія мысли о самоопредѣленіи народовъ и объ охранѣ малыхъ національностей; такой миръ могъ бы быть заключенъ не иначе какъ путемъ сепаратной сдѣлки, безъ согласія союзниковъ, — но тогда не слѣдовало говорить громкія фразы о справедливомъ демократическомъ мирѣ и о солидарности съ западно-европейскимъ пролетаріатомъ. Когда бывшему верховному главнокомандующему внезапно поручено было „тотчасъ же обратиться къ военнымъ властямъ непріятельскихъ армій съ предложеніемъ немедленнаго пріостановленія военныхъ дѣйствій въ цѣляхъ открытія мирныхъ переговоровъ“, то не было уже никакого сомнѣнія въ томъ, что совѣтская дипломатія идетъ на всѣхъ парахъ къ откровенному сепаратному миру. Военные представители союзныхъ странъ при русской главной квартирѣ предъявили формальный коллективный протестъ противъ нарушенія Россіею соглашенія 5 сентября (23 августа), въ силу котораго союзныя державы обязались не иначе вступать въ мирные переговоры съ непріятелемъ, какъ только совмѣстно; намъ угрожали за это „самыми тяжелыми послѣдствіями“, и предъ запуганными обывателями рисовались уже картины англійской высадки въ Архангельскѣ и занятія японцами Владивостока. Выяснилось однако, что народный комиссаръ по иностраннымъ дѣламъ имѣлъ въ виду перемиріе „на всѣхъ фронтахъ“ и вздумалъ хлопотать о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій не только для Россіи, но и для ея союзниковъ, безъ ихъ вѣдома и спроса, не предупредивъ ихъ о задуманномъ шагѣ и не давъ имъ даже времени на обсужденіе; Русскіе миролюбцы вступали въ непосредственныя сношенія съ германскимъ высшимъ командованіемъ и одновременно, черезъ головы нѣмцевъ, приглашали союзныя правительства присоединиться къ начатымъ переговорамъ. Этотъ невѣроятный „дипломатическій“ пріемъ, имѣющій видъ безсмысленнаго издѣвательства, употребленъ былъ, можетъ быть, безъ дурного намѣренія, а скорѣе по неопытности, вслѣдствіе избытка революціоннаго усердія и самомнѣнія. Союзники убѣдились, что не надо было обижаться поступкомъ Троцкаго: ему въ самомъ дѣлѣ представлялось, что онъ говоритъ съ французскою и англійскою буржуазіей отъ имени торжествующаго русскаго пролетаріата, за кото-

рымъ долженъ послѣдовать весь пролетаріатъ западной Европы. Повидимому онъ дѣйствительно полагалъ, что революціонная Россія можетъ разсчитывать на солидарность съ рабочими классами Запада и не имѣетъ надобности церемониться съ „буржуазно-имперіалистскими“ правительства; это чувствуется и въ офиціальномъ сообщеніи иностраннымъ посламъ о декретѣ относительно открытія мирныхъ переговоровъ.

„Обращая ваше вниманіе на одобренный Всероссійскимъ Съѣздомъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ текстъ предложенія перемирія и демократическаго мира безъ аннексій и контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ, — говорится напр. въ нотѣ французскому послу, — честь имѣю просить васъ смотрѣть на указанный документъ, какъ на формальное предложеніе немедленнаго перемирія на всѣхъ фронтахъ и немедленнаго открытія мирныхъ переговоровъ, предложеніе, съ которымъ полномочное Правительство Россійской Республики обращается одновременно ко всѣмъ воюющимъ народамъ и къ ихъ правительствамъ. Примите увѣреніе, господинъ посолъ, въ глубокомъ уваженіи Совѣтскаго Правительства къ народу Франціи, который не можетъ не стремиться къ миру, какъ и всѣ остальные народы, истощенные и обезкровленные этой безпримѣрной бойней“.

Но народный комиссаръ по иностраннымъ дѣламъ, кто бы онъ ни былъ, долженъ былъ все-таки понимать, что прежде чѣмъ вступать въ сношенія съ непріятелемъ нужно было обсудить вопросъ съ союзниками, условиться съ ними или поставить имъ опредѣленныя требованія, которыя они могли принять или отвергнуть; считать же, что предложеніе, сдѣланное врагу отъ имени одной Россіи, относится и къ ея союзникамъ и даже обязательно для нихъ, было очевидною нелѣпостью. Тѣмъ болѣе страннымъ является тотъ почтительный, почти заискивающій тонъ, въ какомъ большевистскіе дипломаты обращаются къ Германіи, къ ея имперіалистамъ и военнымъ властямъ; русскіе делегаты, посланные для переговоровъ о перемиріи, съ видимымъ удовлетвореніемъ отмѣчаютъ въ своемъ докладѣ отъ 14 ноября, что нѣмецкій генералъ встрѣтилъ ихъ „въ походной парадной формѣ, при высшихъ германскихъ орденахъ, звѣздахъ и лентѣ, окруженный чинами штаба“. Делегатамъ лестно такое внимательное отношеніе нѣмецкихъ генераловъ; они забываютъ въ этомъ случаѣ, что имѣютъ предъ собою подлинныхъ и явныхъ имперіалистовъ, рѣшительныхъ враговъ демократіи, какихъ нѣтъ и не можетъ быть въ Англіи и Франціи. Почему тѣ же люди, которые у насъ постыднѣйшимъ образомъ поносятъ нашихъ Брусиловыхъ и Духониныхъ, расшаркиваются передъ неизвѣстнымъ намъ германскимъ генераломъ Гофмейстеромъ, — это психологическая загадка, которую мы рѣшать не беремся.

Многіе держались наивнаго взгляда, что нѣмецкая соціалъ-демократія подыметъ свой могучій голосъ въ пользу новой свободной Россіи и заставитъ германское высшее командованіе согласиться на русскую формулу мира, — хотя современная офиціальная Германія никогда не давала повода къ подобнымъ младенческимъ иллюзіямъ. Какъ только наши делегаты высказали желаніе, чтобы переговоры касались перемирія „на всѣхъ фронтахъ", т. е. и на фронтахъ союзниковъ, съ цѣлью установленія всеобщаго демократическаго мира на основѣ самоопредѣленія націй, имъ тотчасъ было указано на ошибочность такого предположенія, и они сразу очутились въ роли побѣжденныхъ, которымъ не подобаетъ ставить свои условія мира. Германцы были, конечно, крайне озадачены тѣмъ, что вмѣсто сепаратнаго мира, на который они твердо надѣялись, имъ предлагаютъ какой-то фантастическій всеобщій миръ, не представляющій никакихъ исключительныхъ выгодъ для побѣдоносной имперіалистической Германіи. Съ обѣихъ сторонъ произошло крупное принципіальное недоразумѣніе; холодная разсчетливая политика воинственнаго германскаго имперіализма столкнулась съ революціоннымъ доктринерствомъ людей, привыкшимъ приписывать словеснымъ формуламъ дѣйствительную реальную силу. Первый шагъ сдѣланъ: 2 декабря заключено сепаратное перемиріе до 1 января 1918 года. Выйдетъ ли что-нибудь утѣшительное изъ дальнѣйшихъ встрѣчъ нѣмецкихъ генераловъ съ крайними русскими соціалистами — покажетъ ближайшее будущее. Пока ясно только одно: нѣмцы, должно быть, не менѣе насъ нуждаются въ мирѣ, если они готовы принять его даже изъ рукъ такого оригинальнаго правительства, какъ наше большевистское.

Тридцать пять лѣтъ тому назадъ, въ декабрьской книгѣ 1882 года, мнѣ пришлось начать свое первое „иностранное обозрѣніе" критикою имперіалистской британской политики, направленной къ подавленію національнаго освободительнаго движенія въ Египтѣ.

Во главѣ правительства въ Англіи стоялъ тогда просвѣщенный либеральный дѣятель, знаменитый Гладстонъ. Въ настоящее время та же имперіалистская Англія ведетъ великую войну во имя защиты и охраны малыхъ національностей, выставляя своимъ девизомъ принципъ самоопредѣленія народовъ. Въ этой борьбѣ она успѣла совершить крупное историческое дѣло — освободить Палестину отъ вѣкового турецкаго гнета и предоставить разсѣяннымъ по всему свѣту іудеямъ возможность возстановить самостоятельное

еврейское государство въ древней священной землѣ. Занятіе Яффы и Іерусалима британскими войсками, въ ноябрѣ 1917 года, приведетъ, быть можетъ, къ окончательному разрѣшенію одного изъ наиболѣе мучительныхъ международныхъ вопросовъ, волновавшихъ умы и сердца европейскихъ націй. Англійскіе имперіалисты и капиталисты, какъ видно, сильно измѣнились со времени своей расправы съ національнымъ движеніемъ въ Египтѣ; ихъ цѣли и задачи стали совпадать иногда съ освободительными стремленіями народовъ. Внѣшняя политика Англіи вдохновляется теперь не одними интересами капитала и буржуазіи, какъ утверждаютъ наши лѣвые соціалъ-демократы, со словъ нѣмецкихъ патріотовъ; она имѣетъ въ своей основѣ болѣе широкія, общечеловѣческія, идеальныя побужденія, сказывающіяся между прочимъ въ такихъ важныхъ политическихъ актахъ, какъ освобожденіе Палестины. Это событіе должно вызвать одинаковый сочувственный откликъ во всѣхъ культурныхъ странахъ, не исключая враждебныхъ англичанамъ центральныхъ имперій; оно вноситъ объединяющій и примиряющій элементъ въ жестокую борьбу, истощающую жизненныя силы народовъ.

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Былое, книга 1-я, Іюль, 1917. Стр 288. Ц. 5 р.

Первая книга возобновленнаго „Былого“ даетъ необыкновенно интересный матеріалъ по исторіи революціоннаго движенія, главнымъ образомъ, при Николаѣ II. Тутъ помѣщены воспоминанія Б. В. Савинкова объ убійствѣ Плеве, письма Азефа къ его патрону по департаменту полиціи Ратаеву, переписка Вильгельма II съ Николаемъ II въ 1904—1907 гг. (съ вводной статьей Е. В. Тарле), письмо Льва Толстого къ Николаю II, бесѣда А. Н. Хвостова съ журналистами по поводу извѣстной исторіи съ арестомъ Ржевскаго и т. д. кромѣ того, характерныя мелочи, извлеченныя изъ архива департамента полиціи, въ родѣ дѣла о „нелегальныхъ“ надписяхъ на стѣнѣ общественнаго ретирада въ гор. Петровскѣ или забавныхъ „высочайшихъ“ отмѣтокъ.

Интереснѣе всего, конечно, воспоминанія Б. В. Савинкова, написанныя сжато и ярко — въ обычной манерѣ Ропшина (псевдонимъ Савинкова). Передъ нами не схемы событій, а живые характеры: „поэтъ“ Каляевъ, совмѣщающій Александра Блока съ терроромъ, кроткая Дора Бриллiантъ, ненавидящая убійство и требующая для себя бомбы, энтузіастъ Покотиловъ (погибшій при взрывѣ въ Сѣверной гостиницѣ), жизнерадостный Сазоновъ и, наконецъ, загадочный Азефъ — съ его „широкимъ, равнодушнымъ, точно налитымъ камнемъ лицомъ“ и короткой, отрывочной рѣчью. Страницы, гдѣ описываются приготовленія къ убійству Плеве, неудача 8 іюля и самое убійство, читаются, какъ захватывающій романъ. Только одна разница — это не „то, чего не было“, а то, что было въ дѣйствительности, — и такъ недавно.

Письма Азефа, относящіяся къ тому же времени, что и разсказъ Савинкова, отчасти разрѣшаютъ душевную загадку этого необыкновеннаго предателя. Едва ли можно говорить о его „демонизмѣ“ или какой-нибудь своеобразной геніальности. Видна только упрощенная психологія, тупость нервовъ и звѣриная хитрость, помогавшая заметать слѣды, когда нужно. Обстоятельства сложились такъ, что главныя нити и съ той и съ другой стороны были въ его рукахъ, и это давало ему возможность вести двойную игру. Онъ дѣлалъ революцію — и онъ же ее предавалъ. По свидѣтельству Савинкова, никто не рѣшался ничего предпринимать безъ Азефа. Его отсутствіе въ мартѣ 1904 г. заставило Савинкова ликвидировать всѣ приготовленія къ покушенію на Плеве. Въ предательствѣ Азефа была какая-то система: онъ безъ колебаній выдавалъ второстепенныхъ революціонныхъ работниковъ, но тщательно скрывалъ отъ начальства свои отношенія съ ближайшими сотрудниками: Савинковымъ, Каляевымъ и др., и доводилъ до успѣшнаго конца такія „общеимперскія“ дѣла, какъ убійство Плеве или Сергѣя Александровича. Онъ отправляетъ Покотилова въ Петербургъ съ бомбами, предназначенными для Плеве, а послѣ взрыва въ Сѣверной гостиницѣ, когда Покотиловъ погибъ, коварно пытается сбить Ратаева съ толку. „Что же касается сообщенныхъ примѣтъ революціонера въ Сѣверной гостиницѣ, — въ тонѣ полнѣйшей невинности пишетъ онъ Ратаеву изъ Владикавказа 19 апрѣля, — то, несмотря на ихъ подробность, не могу припомнить, встрѣчалъ ли я таковаго. Было бы хорошо знать, по какому паспорту онъ жилъ и не остались ли какія-нибудь бумаги у него. Вообще вся эта исторія очень странная. Очень нелѣпо пріѣхать изъ-за границы въ петербургскую гостиницу производить опыты съ взрывчатыми веществами. Не должно ли было состояться на слѣдующій день покушенія и этотъ

революціонеръ приготавливалъ снаряды? Я объ этомъ думаю еще и потому, что, какъ вы пишете, было 4 снаряда, изъ коихъ 3 уцѣлѣли. Во всякомъ случаѣ это очень счастливый случай — съ одной стороны не было покушенія, съ другой, я увѣренъ, что это нагонитъ страхъ на революціонеровъ, они будутъ избѣгать заниматься взрывчатыми веществами. Очень важно бы узнать: связано ли это съ боевой организаціей или это одиночка какая-нибудь? Хотя, судя по тому, что было 4 снаряда, врядъ ли это была одиночка". Послѣ убійства Плеве, организованнаго непосредственно Азефомъ въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ Савинковымъ, онъ дѣлаетъ видъ, что едва знакомъ съ „Павломъ Ивановичемъ" (партійная кличка Савинкова): „Павелъ Ивановичъ — молодой человѣкъ, черные усы, 28 лѣтъ, недавно пріѣхалъ изъ Питера, видалъ его нѣсколько разъ. Трудно оріентироваться въ его роли, но во всякомъ случаѣ онъ шишка" (изъ Женевы, 7 сентября 1904 г.). Въ другомъ письмѣ онъ проситъ карточку „Павла Ивановича" для установленія его личности, потому что, какъ онъ говоритъ, данныя ему примѣты Савинкова „не совсѣмъ подходятъ къ нему" (23 сентября).

Въ предисловіи къ перепискѣ Азефа В. Л. Бурцевъ обѣщаетъ въ дальнѣйшемъ напечатать въ „Быломъ" данныя, изъ которыхъ явствуетъ, что активное участіе Азефа въ революціонной работѣ не было тайной для его высшаго начальства, и что такимъ образомъ руками Азефа орудовалъ самъ департаментъ полиціи.

Очень характерно для административной анархіи самодержавнаго режима то, что бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовъ разсказываетъ въ бесѣдѣ съ М. А. Суворинымъ и І. В. Гессеномъ о своей борьбѣ съ Распутинымъ. За Распутинымъ наблюдали три сорта агентовъ: агенты ген. Спиридовича, спеціально приставленные для его охраны, агенты департамента полиціи и агенты министра, доносившіе о каждомъ шагѣ Распутина и записывавшіе въ особый дневникъ даже его телефонные разговоры съ Царскимъ Селомъ. Распутинъ не разбирался въ этихъ агентахъ и нерѣдко приглашалъ ихъ всѣхъ къ себѣ пить чай. Министру приходило въ голову арестовать Распутина, котораго онъ подозрѣвалъ въ шпіонствѣ въ пользу Германіи. „Вы знаете меня — я человѣкъ безъ задерживающихъ центровъ, — говоритъ онъ журналистамъ. — Я люблю эту игру, и для меня было бы все равно, что рюмку водки выпить — арестовать Распутина и выслать его на родину. Можетъ быть, не всякій жандармъ согласился бы исполнить мое приказаніе, но у меня есть люди, которые пошли бы на это. Но я не увѣренъ, что изъ этого выйдетъ; его могутъ вернуть съ дороги, за нимъ могутъ послать императорскій поѣздъ, могутъ

сами выѣхать къ нему навстрѣчу". Пока что министръ забавлялся тѣмъ, что арестовывалъ и обыскивалъ то того, то другого изъ секретарей Распутина, а изъ отобранныхъ бумагъ — проектовъ прошеній на имя царя, переписки съ сановниками — составлялъ коллекціи для будущаго историка нравовъ.

Въ началѣ книги редакція даетъ краткій очеркъ изъ исторіи прежняго „Былого", касающійся, между прочимъ, обстоятельствъ его закрытія. Виновникомъ гибели журнала оказывается Азефъ. Въ распоряженіи „Былого" очутились достовѣрныя свѣдѣнія о присутствіи важнаго провокатора въ центрѣ соціалъ-революціонной партіи. Одинъ изъ редакторовъ П. Е. Щеголевъ сообщилъ объ этомъ Савинкову, а этотъ послѣдній Азефу. Въ результатѣ журналъ, по настоянію Азефа, былъ закрытъ.

Въ ближайшихъ книгахъ предположено напечатать неизданные документы по дѣлу 1 марта 1881 г., процессъ Каляева, дѣло соц.-дем. фракціи второй Думы, письма Столыпина къ Николаю II, продолженіе воспоминаній Савинкова и т. д.

Бѣлая стая. Стихотворенія Анны Ахматовой. Петроградъ. Издательство „Гиперборей" 1917. Стр. 136. Ц. 2 р.

Ахматова принадлежитъ къ плеядѣ молодыхъ поэтовъ, выступившихъ подъ знаменемъ „акмеизма" (ихъ называютъ еще „гиперборейцами" — по имени издательства). Сущность новой школы состоитъ въ реакціи противъ отвлеченности символизма 90-хъ и 900-хъ годовъ. Для символистовъ явленія дѣйствительности — только прозрачныя тѣни, за которыми сквозитъ вѣчное, несказанное; вещи для нихъ только знаки, символы невидимаго. „Гиперборейцы" возвращаютъ вещамъ и ощущеніямъ ихъ первоначальную цѣнность и утраченный, благодаря символическому взгляду sub specie aeternitatis, ароматъ. Переходъ отъ символизма къ „гиперборейству" можно поэтому сравнить съ переходомъ отъ романтизма въ духѣ Жуковскаго къ Пушкинской реалистической трезвости.

Стихи Ахматовой среди лирики „гиперборейцевъ" выдѣляются своей простотой, искренностью, естественностью. Ей, видимо, не приходится дѣлать усилій, чтобы слѣдовать принципамъ школы, потому что вѣрность предметамъ и воспріятіямъ прямо вытекаетъ изъ ея натуры. Ахматова остро чувствуетъ вещи — физіономію вещей, окутывающую ихъ эмоціональную атмосферу. Какая-нибудь деталь — вдругъ схваченная и освѣщенная сознаніемъ — неразрывно сплетается у нея съ настроеніемъ, образуя одно живое цѣлое.

Ушла къ другимъ безсонница-сидѣлка.
Я не томлюсь надъ сѣрою золой.

И тутъ же вещь, слившаяся съ эмоціей:

И башенныхъ часовъ кривая стрѣлка.
Смертельной мнѣ не кажется иглой.

Или:

Все обѣщало мнѣ его:
И прутья красные лозы,
И парковые водопады,
И двѣ большія стрекозы
На ржавомъ чугунѣ ограды.

Иногда необычайная напряженность ощущенія:

Горло тѣснымъ ужасомъ сжато.
Насъ въ потемкахъ принялъ челнокъ.
Крѣпкій запахъ морского каната,
Задрожавшія ноздри обжогъ.

Такъ же чувственно воспріятіе людей. Прежде всего — жесть.

Или сядемъ на снѣгъ примятый
На кладбищѣ, легко вздохнемъ;
И ты палкой чертишь палаты,
Гдѣ мы будемъ всегда вдвоемъ.

Изъ мгновенныхъ, легкихъ движеній слагается маленькая драма. Сложный психологическій узоръ — на пространствѣ короткаго стихотворенія.

Подошла. Я волненья не выдалъ,
Равнодушно глядя въ окно.
Сѣла, словно фарфоровый идолъ,
Въ позѣ, выбранной ею давно.
Быть веселой — привычное дѣло,
Быть внимательной — это труднѣй.
Или томная лѣнь одолѣла
Послѣ мартовскихъ пряныхъ ночей?
Утомительный гулъ разговоровъ;
Желтой люстры безжизненный зной;
И мелькание искусныхъ проборовъ
Надъ приподнятой, легкой рукой.
Улыбнулся опять собесѣдникъ
И съ надеждой глядитъ на нее.
Мой счастливый, богатый наслѣдникъ,
Ты прочти завѣщанье мое.

Слова — обрывисты, сжаты, сильны:

Безшумно ходили по дому.
Не ждали уже ничего.
Меня привели къ больному,
И я не узнала его.
Онъ сказалъ: „Теперь слава Богу“.
И еще задумчивѣй сталъ.

„Давно мнѣ пора въ дорогу;
Я только тебя поджидалъ.
Такъ меня ты въ бреду тревожишь,
Всѣ слова твои берегу.
Скажи: ты простить не можешь?"
И я сказала: „Могу".
Казалось, стѣны сіяли
Отъ пола до потолка.
На шелковомъ одѣялѣ
Сухая лежала рука.
А закинутый профиль хищный
Сталъ такъ страшно тяжелъ и грубъ;
И было дыханья не слышно
У искусанныхъ темныхъ губъ.
Но вдругъ послѣдняя сила
Въ синихъ глазахъ ожила:
„Хорошо, что ты отпустила;
Не всегда ты доброй была".
И стало лицо моложе;
Я опять узнала его
И сказала: „Господи Боже,
Прими раба Твоего".

Ахматову любятъ, какъ автора „Четокъ" — сборника, вышедшаго въ 1914 г. Въ „Четкахъ" много молодости, стихійной возбужденности. Воспріятіе міра чувственное, очень женственное. Тамъ Ахматова вполнѣ язычница — подвластная предметамъ и ощущеніямъ. Въ „Бѣлой стаѣ" — свѣтлая отчеканенность чувства, примиренность, какой-то пушкинскій взглядъ со стороны. И вѣютъ уже бѣлыя крылья духа.

За окномъ крылами вѣетъ
Бѣлый, бѣлый Духовъ день.

Основной тонъ сборника — тихая, свѣтлая печаль.

Во мнѣ печаль, которой царь Давидъ
По-царски одарилъ тысячелѣтья.

Нѣтъ любви. Сознаніе и воля торжествуютъ надъ успокоенной, ослабѣвшей стихіей.

Мой голосъ слабъ, но воля не слабѣетъ,
Мнѣ даже легче стало безъ любви.
Высоко небо, горный вѣтеръ вѣетъ —
И непорочны помыслы мои.

Теперь свобода, чудесная легкость — и гдѣ-то притаившаяся, притихшая боль. Эта легкость, эта боль — въ плавномъ теченіи задумчиваго амфибрахія, въ нѣжномъ узорѣ рѣчи:

Я очень спокойная. Только не надо
Со мною о немъ говорить.

Ты милый и вѣрный, мы будемъ друзьями —
Гулять, цѣловаться, старѣть.
И легкіе мѣсяцы будутъ надъ нами,
Какъ снѣжныя звѣзды, летѣть.

И все кругомъ — прозрачно, ясно, легко.

Высоко небо взлетѣло,
Легки очертанья вещей.

Эта легкость — какъ лейтмотивъ: „оснѣженныя вѣтки легки", „и легкости своей дивится тѣло". И какъ-то по-пушкински радуется теперь Ахматова зимнему блеску:

Морозное солнце. Съ парада
Идутъ и идутъ войска.
Я полдню январскому рада,
И тревога моя легка.

Ахматова глядитъ на міръ взволнованнымъ взглядомъ художника и точно не узнаетъ знакомыхъ предметовъ.

И дома своего не узнаешь,
А пѣсню ту, что прежде надоѣла,
Теперь опять съ волненіемъ поешь.

И весь міръ точно обновился. Просіяли его чистыя линіи — открылась свѣжесть и богатство его красокъ.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, окрѣпла художественная сила поэта. Все отчеканено, замкнуто въ звуки. Вотъ осенняя мелодія прощанія, построенная на повторности *л*:

Чтобы пѣснь прощальной боли
Дольше въ памяти жила,
Осень смуглая въ подолъ
Красныхъ листьевъ принесла
И посыпала ступени,
Гдѣ прощались мы съ тобой,
И откуда въ царство тѣни
Ты ушелъ, утѣшный мой.

Поразительна смысловая насыщенность, полновѣсность ахматовскаго стиха:

Сталъ у церкви темной и высокой
На гранитъ блестящихъ ступеней
И молилъ о наступленьи срока
Встрѣчи съ первой радостью своей.
А надъ смуглымъ золотомъ престола
Разгорался Божій садъ лучей.
Здѣсь она — здѣсь свѣтъ веселый
Сѣрыхъ звѣздъ — ея очей.

Глаголъ разгорался передаетъ расхожденіе лучей надъ престоломъ, а свѣжій, неожиданный эпитетъ золота — смуглое —

даетъ яркій зрительный образъ — и въ то же время ощущеніе чего-то стариннаго, строгаго.

Новому настроенію соотвѣтствуютъ новые ритмы. Почти исчезли нервныя паузы и перебои; ихъ замѣнила строгая, сдержанная музыка пушкинскихъ пятистопныхъ и шестистопныхъ ямбовъ. Въ накопленіи риѳмъ, въ подборѣ звуковъ, въ торжественномъ спокойствіи рѣчи — нѣчто отъ Пушкина:

Но ни на что не промѣняемъ пышный
Гранитный городъ славы и бѣды,
Широкихъ рѣкъ сіяющіе льды,
Безсолнечные, мрачные сады —
И голосъ Музы, еле слышный.

„Бѣлая стая“ намѣчаетъ новые пути въ творчествѣ Ахматовой, свидѣтельствуетъ о ея художественномъ и духовномъ ростѣ. Является новое углубленное воспріятіе міра. Брезжутъ иныя дали. За міромъ вещей раскрывается безбрежное царство духа — „бѣлый рай“ символизма.

За окномъ крылами вѣетъ
Бѣлый, бѣлый Духовъ день.

Скиѳы. Сборникъ 1-й. 1917. Стр. 309. Ц. 5 р.

Сборникъ даетъ интересный и разнообразный матеріалъ. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ „Котикъ Летаевъ“ Андрея Бѣлаго (первая часть его новаго романа „Моя жизнь“); драматическая „русалія“ А. М. Ремизова „Ясня“, изящно выполненный древне-русскій примитивъ; произведенія М. Пришвина („Страшный Судъ“) и А. Терека (прологъ къ роману „Оглашенные“), стихи А. Бѣлаго, В. Брюсова, С. Есенина, Н. Клюева. Въ литературномъ и публицистическомъ отдѣлѣ статьи Андрея Бѣлаго, Льва Шестова, Арс. Авраамова, С. Мстиславскаго, Вѣры Фигнеръ, Иванова-Разумника, неизданная статья Герцена „Опять въ Парижѣ“, относящаяся къ событіямъ 1848 г. (переработка ея была напечатана Герценомъ въ „Письмахъ изъ Италіи и Франціи“).

„Котикъ Летаевъ“ — попытка представить исторію пробуждающагося дѣтскаго сознанія — съ момента перваго „ты еси“. По темѣ это „Первыя воспоминанія“ Льва Толстого. Нѣтъ еще различенія „я“ и „не-я“; хаосъ предметовъ затопляетъ сознаніе. И вотъ въ туманѣ вырисовываются очертанія внѣшняго міра, и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждается „я“. Слагаются образы „будущихъ спутниковъ“ — родныхъ: тети Доти, папы (сначала какъ будто „не-папы“) и мамы. Раньше всѣхъ сложилась тетя Дотя; „какимъ-то туманомъ она возникала безмолвно — между чехловъ и зеркалъ“.

Романъ написанъ ритмической прозой, приближающейся временами къ гекзаметру; тонъ изложенія — эпически-неторопливый. Тамъ, гдѣ Бѣлый исходитъ отъ дѣйствительныхъ впечатлѣній, получается тонкій, красивый рисунокъ. Но иногда философская предвзятость подавляетъ живыя ощущенія; начинаетъ казаться, что маленькій Котикъ слишкомъ хорошо знаетъ Канта.

Замѣчательна статья Бѣлаго о словѣ въ поэзіи — „Жезлъ Аарона". Это собственно поэма о словѣ, потому что она, какъ и романъ Бѣлаго, написана ритмической прозой. Слово колеблется между двумя гранями: съ одной стороны, оно понятіе, абстракція, терминъ, съ другой — звукъ. Въ корнѣ слова соединеніе звука и смысла. Значеніе корня воскресаетъ въ поэтическомъ словѣ; омертвѣвшее слово — понятіе, какъ жезлъ Аарона, „цвѣтетъ" осмысленнымъ звукомъ. Поэтому „форма" и „содержаніе" въ поэзіи, какъ въ словѣ, суть вѣтви единаго „смысла". Въ звуковыхъ сочетаніяхъ стиха — аллитераціяхъ, ассонансахъ — въ колебаніяхъ ритма говоритъ намъ явственно „смыслъ". „Содержаніе" и „форма" въ стихѣ параллельны.

Цѣннѣе всего въ статьѣ Бѣлаго, представляющей въ общемъ поэтическія варіаціи на теорію Потебни о словѣ, какъ орудіи мысли, наблюденія его надъ тѣмъ, что ему, какъ поэту, особенно внятно: надъ значеніемъ звука въ стихѣ и надъ жизнью ритма. Въ стихахъ Пушкина:

Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пуша пламень голубой —

Бѣлый за „явно начертаннымъ образомъ" открываетъ вписанный въ него тайный „звуко-образъ", выражающійся въ осмысленности цѣлаго ряда звуковыхъ сочетаній; толчки звуковъ: пѣ-пѣ-бо-пу-пла-лубой; соотвѣтствуютъ толчкамъ влаги, текущей въ бокалъ и т. д. Точно также въ стихѣ:

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ —

симметричное положеніе *р* (въ началѣ, въ серединѣ и въ концѣ строки) въ сочетаніи съ задумчивымъ *н* (рн-рн-р) создаютъ звуковой фонъ, передающій осеннюю грусть. Раскрытіе „звуко-образа" у Бѣлаго иногда, можетъ быть, доходитъ до чрезмѣрной подробности (сомнительно, напр., чтобы звуковой ходъ — *пуша пла*мень — *уа* — изображалъ „взлетающую линію" пламени), но основная мысль пріемлема.

То, что говорится о ритмѣ, является продолженіемъ изслѣдованій, напечатанныхъ въ книгѣ Бѣлаго „Символизмъ". Ритмомъ Бѣлый называетъ оттѣнки „метра", размѣра, т. е. его перебои, не-

правильности. Количество и расположеніе пиррихіевъ (безударныхъ стопъ, „пэоновъ“ или ускореній) составляютъ характеръ стиха (работы Бѣлаго касаются только двухсложныхъ размѣровъ — преимущественно ямба). На основаніи разности въ ритмическомъ строеніи смежныхъ строкъ Бѣлый характеризуетъ ритмическое строеніе цѣлаго стихотворенія — хочетъ открыть то, что онъ называетъ „ритмическимъ жестомъ“. Напряженность ритма въ строфѣ (т. е. количество ритмическихъ перемѣнъ въ строеніи смежныхъ строкъ данной строфы) онъ измѣряетъ числомъ; эти числа составляютъ кривую, которая графически изображаетъ „взлеты“ и „паденія“ ритма. „Ритмическій жестъ“ стихотворенія Бѣлый приводитъ, согласно своему тезису о единствѣ формы и содержанія, въ соотвѣтствіе со „смысломъ“. Методъ Бѣлаго даетъ хорошую идею, но примѣненіе его пока мало убѣдительно — прежде всего потому, что „ритмическій жестъ“ плохо ощущается въ самомъ стихотвореніи. Кромѣ того, вызываетъ сомнѣнія способъ, которымъ Бѣлый производитъ вычисленія, а истолкованіе связи между „ритмическимъ жестомъ“ и „смысломъ“ иногда слишкомъ субъективно. Это соотвѣтствіе можно установить только въ самой общей формѣ, что эмоціональное возбужденіе передается волненіемъ ритма, т. е. увеличеніемъ количества ритмическихъ перебоевъ; но этотъ выводъ не требуетъ математическихъ исчисленій.

Левъ Шестой въ статьѣ „Музыка и призраки“ — какъ всегда, изысканно-умно, въ обычномъ своемъ ироническомъ стилѣ — воюетъ противъ „учителей мудрости“ и „пророковъ“ во имя свободнаго и полнаго воспріятія жизни. В. Н. Фигнеръ даетъ интересныя воспоминанія объ А. И. Иванчикѣ-Писаревѣ. Памяти А. И. Иванчика-Писарева посвящена статья С. Мстиславскаго.

Обложка работы К. С. Петрова-Водкина. Ему же принадлежитъ портретъ А. И. Иванчина-Писарева, приложенный къ сборнику.

Александръ Слонимскій.

И. И. Филиповичъ. Жизнь и творчество Е. А. Боратынскаго. Кіевъ, 1917, стр. 220.

Поэтическое наслѣдіе Е. А. Боратынскаго и самая личность поэта — крупнѣйшаго въ пушкинской плеядѣ — за послѣднія десятилѣтія привлекли къ себѣ значительный интересъ, выходящій даже за узкіе предѣлы критико-литературной мысли. Біографія, сопровождающая академическое изданіе сочиненій Е. А. Боратынскаго подъ редакціей М. Л. Гофмана, его же статьи о творчествѣ поэта, несмотря на детальность разработки отдѣльныхъ вопросовъ, не мо-

гутъ считаться исчерпывающимъ научнымъ завершеніемъ предыдущихъ изслѣдованій въ этой области.

Попытку дѣльнаго монографическаго труда объ Е. А. Боратынскомъ представляетъ книга П. П. Филипповича, не совсѣмъ, впрочемъ, отвѣчающая своему заглавію, что сознаетъ и самъ авторъ, говоря въ предисловіи: „Предметъ данной книги — главнымъ образомъ, біографія Е. А. Боратынскаго. Подробному историко-литературному анализу его творчества будетъ посвященъ особый томъ.“

Вслѣдъ за библіографическимъ обзоромъ изданій сочиненій Е. А. Боратынскаго, матеріаловъ для его біографіи, критической литературы о немъ (ч. I, стр. 1—27), — обзоромъ, составленнымъ тщательно и сжато, — дается обширная часть II (стр. 28—172), содержаніемъ которой является біографія поэта. Здѣсь авторъ, не ограничиваясь схематическимъ перечнемъ датъ и фактовъ изъ жизни Е. А. Боратынскаго, стремится дать разностороннюю характеристику личности поэта, развитія его духовнаго облика на фонѣ тогдашнихъ общественно-литературныхъ направленій и настроеній, въ средѣ болѣе тѣсныхъ кружковыхъ и дружественныхъ связей, — пользуясь при этомъ методомъ, преимущественно, психологическимъ. Наиболѣе цѣнными и заслуживающими вниманія по выдвинутому интересному матеріалу, по пріемамъ и мотивамъ освѣщенія даннаго матеріала — надо признать 3-ю, 5-ю и 8-ю главы II части. Въ 3-й главѣ, касающейся пребыванія Е. А. Боратынскаго въ Петербургѣ въ началѣ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка, П. П. Филипповичъ рисуетъ картину своеобразной литературной богемы того времени, указываетъ участіе и роль Е. А. Боратынскаго въ этой жизни собраній и „пировъ“, его взаимоотношеніе съ друзьями — поэтами и литераторами и, наконецъ, выясняетъ сущность его общественно-политическаго свободомыслія, не идущаго, на нашъ взглядъ, далѣе легкаго умонастроенія, сложившагося на „веселыхъ ужинахъ“, гдѣ —

Для холопа иль невѣжды
Не притворяясь, часто мы
Бранимъ указы и псалмы.

Пятая глава, посвященная увлеченію Боратынскаго А. Ѳ. Закревской, отвергая взглядъ о живомъ чувствѣ любви поэта къ „феѣ“ и послѣ женитьбы, даетъ иное истолкованіе этому чувству послѣ 1826 года: образъ финляндской красавицы могъ стать символомъ буйныхъ и странныхъ влеченій души, притушенныхъ въ жизни, но для которыхъ открыта область „очаровывающей“ и „обезвреживающей поэзіи“. Соглашаясь съ мнѣніемъ автора, мы думаемъ, что на ряду съ поэзіей и все возрастающая въ Боратынскомъ съ годами склонность къ самоанализу и правоученію, съ налетомъ резонер-

ства, легко препятствовала проявленію всякой вспышки „незаконнаго“ чувства.

Въ главѣ восьмой, заключающей въ себѣ наибольше новизны историко-литературнаго значенія, авторъ затрагиваетъ полный серьезнаго интереса вопросъ объ отношеніяхъ Боратынскаго къ Мицкевичу и Пушкину. Восторженный поклонникъ Мицкевича Боратынскій въ то же время относился къ нему съ критической самостоятельностью; ср. стих.: „Не подражай: своеобразенъ геній...“ П. П. Филипповичъ вполнѣ основательно доказываетъ, что къ Мицкевичу обращено также и слѣдующее стихотвореніе Боратынскаго:

Не бойся ѣдкихъ осужденій,
Но упоительныхъ похвалъ...

которое В. Я. Брюсовъ съ неправдоподобными натяжками относитъ къ Пушкину. Касаясь отношеній Боратынскаго и Пушкина и охлажденія между поэтами, авторъ книги справедливо отрицаетъ пресловутый „сальеризмъ“ Боратынскаго, устанавливая, что низкая оцѣнка послѣднимъ пушкинской поэзіи вытекаетъ изъ его узкаго и односторонняго воспріятія „многограннаго творчества Пушкина“ (стр. 145). Боратынскій не понималъ и не сумѣлъ оцѣнить пушкинской поэзіи, развившейся изъ чуждыхъ ему чувствъ національности и народности, прозорливо отмѣченныхъ у Пушкина Гоголемъ и Кирѣевскимъ. Въ послѣдней главѣ біографическаго очерка авторъ указываетъ на „внутреннее перерожденіе“ поэта, связанное „съ преобладаніемъ чувства надъ умомъ, съ религіознымъ озареніемъ“, отразившееся и въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ его.

Общій очеркъ поэзіи Е. А. Боратынскаго представленъ въ III части книги (стр. 173—210). Этимъ очеркомъ авторъ лишь отчасти исправляетъ основную, на нашъ взглядъ, ошибку предыдущаго отдѣла, состоящую въ методологически-невѣрномъ принципѣ рѣзкаго разграниченія моментовъ и мотивовъ біографіи и творчества поэта. Дѣйствительно, на основаніи II части книги П. П. Филипповича мы не можемъ создать себѣ цѣльнаго облика Е. А. Боратынскаго, какъ поэта, не можемъ судить объ его поэтическомъ самосознаніи, что должно имѣть мѣсто въ біографическомъ изслѣдованіи, независимо отъ подробнаго историко-литературнаго анализа произведеній поэта. Вопросъ о вліяніяхъ, о литературныхъ вкусахъ и пристрастіяхъ Боратынскаго столь же принадлежитъ біографіи, какъ и области историко-литературнаго изученія, хотя сила вниманія направлена въ каждомъ случаѣ по-своему. Такой постановки пріемовъ изслѣдованія мы не найдемъ въ книгѣ П. П. Филипповича, почему она не вполнѣ удовлетворяетъ взыскательнаго читателя. Что касается до дѣленія творчества Е. А. Боратынскаго

на періоды, то авторъ, исходя изъ преобладающихъ мотивовъ его поэзіи, намѣчаетъ три слѣдующихъ: 1-й періодъ съ 1819 г. по 1823 г. — періодъ преобладанія элегіи съ ея подражательной условностью, сквозь которую пробивается истинный лиризмъ; 2-й періодъ — съ 1824 г. по 1832 г. — характеризуется ростомъ реалистической лирики, когда „Боратынскій является поэтомъ — мыслителемъ, продумавшимъ свои отношенія къ міру, жизни, поэзіи" (стр. 194), осознавшимъ свое поэтическое назначеніе (стр. 200); 3-й періодъ — съ 1833 г. по 1844 г. — обнимаетъ время оскудѣнія поэтическаго творчества Боратынскаго; поэтъ восстаетъ „противъ губительнаго духа анализа", обращается къ основному мотиву своей поэзіи — исканія счастья, который приводитъ его къ исканіямъ религіознымъ.

Намъ кажется, что эта часть книги П. П. Филипповича значительно выиграла бы въ наглядности изображенія, если бы авторъ въ общей характеристикѣ творчества Боратынскаго выдѣлилъ прежде всего постоянные повторяющіеся во всѣ періоды мотивы его поэзіи: поэтическій фонъ и перспективу, въ которой рельефно выступили бы своеобразныя черты отдѣльныхъ періодовъ (ср. мотивъ исканія счастья). Упущеніемъ со стороны автора надо признать и отсутствіе характеристики поэзіи Боратынскаго по ея формальнымъ особенностямъ, которыя также могли бы быть выдвинуты въ качествѣ основанія дѣленія творчества Боратынскаго на періоды.

В. Н. Перетцъ. Италіанскія комедіи и интермедіи, представленныя при дворѣ императрицы Анны Іоанновны въ 1733—1735 гг. Петроградъ, 1917. Стр. VIII+490.

Между театромъ петровскаго времени и неоклассической трагедіей во главѣ съ Сумароковымъ можно считать почти двадцатилѣтній промежутокъ, приходящійся, гл. обр., на 30-е годы XVIII вѣка. Объ этомъ періодѣ русскаго театра въ исторіи нашей литературы (въ частности театральной) — свѣдѣнія весьма скудны, что объясняется неопубликованностью рукописныхъ текстовъ отсутствіемъ научнаго обслѣдованія ихъ. Первый пробѣлъ съ успѣхомъ восполняетъ разсматриваемая нами книга В. Н. Перетца, заключающая въ себѣ „изданіе сценаріевъ (39) италіанскихъ піесъ, представленныхъ при дворѣ императрицы Анны Іоанновны въ 1733—1735 годахъ". Въ изданіе вошли 40 отдѣльныхъ текстовъ, въ числѣ которыхъ мы находимъ тридцать „комедій італіанскихъ", восемь „інтермедій на музыкѣ", одну „трагедію італіанскую" и въ

приложеніи одну шутовскую комедію (полный текстъ), ранѣе появившуюся въ печати въ изданіи того же автора „Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго“ (СПБ. 1903 г.). Напечатанные сценаріи, по указаніямъ издателя, не составляютъ всего переводнаго театральнаго наслѣдія за данный періодъ; съ другой стороны, среди нихъ есть сценаріи, неизвѣстные въ нѣмецкихъ текстахъ. Назначеніемъ подобныхъ сценаріевъ было служить чѣмъ-то въ родѣ либретто для актеровъ, импровизаціи и остроумію которыхъ предоставлялась, такимъ образомъ, необычайная свобода, что можно видѣть хотя бы изъ слѣдующихъ постоянно встрѣчающихся ремарокъ: „Арлекінъ послѣ нѣкоторыхъ игрушекъ приличныхъ театру проситъ милостыни“; „Брігеллъ... всякими игрушками входъ ему воспрещаетъ“, „Арлекинъ и Брігеллъ послѣ нѣкоторыхъ игрушекъ приличныхъ Театру пошли“... и т. д. Типъ сценарія итальянской комедіи однообразенъ, построенъ по общему шаблону. Впереди всего мы находимъ „перечень всей комедіи“, въ которомъ всегда есть прямое указаніе на сущность завязки, какъ, напр.: „При семъ случаѣ влюбливается въ нея (Діану, героиню комедіи) Панталонъ и сія любовь дѣлаетъ всю завязку комедіи“. Далѣе слѣдуетъ списокъ дѣйствующихъ лицъ и довольно подробный пересказъ пьесы по дѣйствіямъ. Изрѣдка встрѣчаются сценическія замѣчанія объ обстановкѣ отдѣльныхъ явленій: „Театръ показываетъ поле и ночь“; „Театръ показываетъ городъ и день“; „Театръ показываетъ камору Панталонову съ однимъ стуломъ“; „Театръ показываетъ лѣсъ съ однимъ деревомъ“ и т. п. Содержаніе комедіи представляетъ болѣе или менѣе сложную интригу, преимущественно внѣшнихъ (не внутреннихъ, психологическихъ) мотивовъ, напоминающую пьесы Плавта съ обычными стереотипными персонажами дяди-опекуна, старика-отца, обманываемыхъ ловкими плутами Арлекиномъ и Бригелломъ, четы влюбленныхъ, доктора — педанта и др., при чемъ развязка дѣйствія неизмѣнно счастливая. О стилѣ актерскихъ рѣчей можно судить по тѣмъ образцамъ діалога, которые очень рѣдко приводятся въ концѣ сценарія; ср. напр., обращеніе Смераллдины къ Панталону: „Я вамъ говорю, что вамъ надобно имѣть вѣжство и почтеніе къ женщинѣ такой, какова я, по тому что ежели бъ я не боялась повредить честь мою, то бы я васъ научила, какъ въ томъ поступать, бездѣльники, плуты, ни къ чему годные пьяницы, здравствуйте, мои господа“. Въ эти рѣчи актеровъ, естественно, проникали бытовые элементы тогдашней русской жизни, что видно изъ того же разговора Смераллдины съ Панталономъ: „Извольтежъ для того знать, что я родилась въ Москвѣ, дочь только одна

И... Который поставленъ былъ Докторомъ въ медіцінѣ въ санктпетербургской мясной рядъ, и которой не уступалъ въ своемъ искусствѣ главному столяру голландскому. Мать моя называлась И... и такая женщина, чтобъ она могла услужить обществу ріжскому. Продавала она масло коровье фунтъ по алтыну, а я варила пиво въ И... улицѣ; оно такъ удавалось, что Русскія въ добрые кулаки совались, для того чтобъ кому прежде пить". Сценарій интермедій значительно отличается отъ комедійнаго: здѣсь вслѣдъ за „перечнемъ всѣхъ інтермедій" мы находимъ подлинный текстъ пьесы — діалогъ, перемежающійся съ аріями въ два голоса. Дѣйствующихъ лицъ въ интермедіи — два, неизмѣнно мужчина и женщина; сюжетъ пьесы обычно несложенъ, интрига — проста: такъ одна изъ „інтермедій на музыкѣ" (№ 12) есть своеобразный варіантъ мотива о скупомъ, не совпадающій ни съ комедіей Плавта, ни Мольера. Аріи въ рукописи приводятся параллельно съ ихъ итальянскимъ текстомъ, въ поясненіе чего мы встрѣчаемъ слѣдующее „увѣщаніе" переводчика: „Чрезъ сіе объявляется любопытному читателю, что аріи и двоеголосныя попѣвки, которыя здѣсь італіанскимъ языкомъ, переведены съ французскаго, съ котораго переводчикъ взялся переводить. Того ради уповается, что русской Аріи тѣхъ переводъ больше согласенъ будетъ французскому слогу, нежели італіанскому. А по-італіански оныя тутъ приложены по желанію того, кто ихъ на французской пишетъ съ італіанскаго"... (стр. 147), т. е. по желанію переводчика съ итальянскаго на французскій. Такимъ образомъ, текстъ перевода, по крайней мѣрѣ, интермедій восходитъ къ французскому оригиналу. Издатель разсматриваемыхъ пьесъ не называетъ имени переводчика, но таковымъ, безъ особыхъ колебаній, должно признать В. К. Тредіаковскаго, неустаннаго труженика при тогдашнемъ дворѣ и при россійской Академіи Наукъ. Достаточно, намъ кажется, сослаться на свидѣтельство самого Тредіаковскаго въ его „Доношеніи, поданномъ президенту Академіи Наукъ" 8 марта 1851 г., гдѣ онъ говоритъ: „Переводилъ я съ францускаго во время блаженной памяти императрицы Анны Іоанновны многія оперы, всѣ интермедіи и всѣ экстракты комедій" (С. А. Венгеровъ, Русская поэзія, т. I, стр. 55), что вполнѣ разрѣшаетъ вопросъ о переводчикѣ нашихъ пьесъ.

Среди сценаріевъ комедій и интермедій мы находимъ и либретто одной трагедіи итальянской, вполнѣ сходное съ первыми по типу, стилю и по языку. Но вмѣсто обычнаго „перечня" здѣсь читаемъ слѣдующее „увѣщаніе": „історія Самсонова, которой былъ гроза на Філістіновъ, такъ вѣдома есть всѣмъ, хотя бы кто и мало

читывалъ священную історію, что не разсуждено здѣсь за благо, чтобъ писать о ней перечень. Сія трагедія содержитъ любовь его къ Тамнатеи и къ Далілѣ, такъ же главныя его дѣйствія, и славную кончину". Дѣйствіе трагедіи, соотвѣтственно правиламъ тогдашней поэтики, оканчивается смертью Самсона.

Что касается до „шутовской комедіи", напечатанной въ приложеніи, то это — какъ указываетъ издатель въ предисловіи къ „Памятникамъ русской драмы эпохи Петра Великаго" — полный текстъ Арлекиновъ, но не совпадающій ни съ однимъ изъ извѣстныхъ либретто 1733—1735 гг. Это — совершенно независимая отъ нихъ пьеса, заключающая въ себѣ рядъ, несомнѣнно, русскихъ и бытовыхъ подробностей, прибаутокъ и шутокъ... Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ; въ числѣ „шутовскихъ персонъ" находимъ хвастливаго поляка — любимое лицо малорусскихъ интерлюдій" (стр. X—XI). Для насъ остается неяснымъ, съ какой цѣлью авторъ книги включилъ эту комедію въ изданіе сценаріевъ, восходящихъ къ совершенно опредѣленному періоду времени и къ одному, вѣроятно, источнику, характеризующихъ тѣсно-органиченный моментъ въ исторіи русскаго театра.

Въ цѣломъ же разсматриваемая книга заслуживаетъ серьезнаго вниманія какъ изслѣдователей судебъ нашего театра, которымъ она предоставляетъ цѣнный и любопытный матеріалъ, — такъ и читателей, интересующихся прошлымъ русской „комедійной храмины", процессомъ ея историческаго созиданія. Можно только пожалѣть, что автору книги не удалось напечатать и подробнаго введенія, какое должно было бы служить историко-литературнымъ комментаріемъ къ изданнымъ текстамъ.

В. О.

Воспоминанія братьевъ Бестужевыхъ. Редакція П. Е. Щеголева. Изд-ство „Огни". Петроградъ. 1917. Стр. 374. Ц. 3 р. 50 к.

Воспоминанія Бестужевыхъ — одинъ изъ выпусковъ библіотеки мемуаровъ, намѣченныхъ издательствомъ „Огни".

Пора, когда русскому передовому обществу приходилось знакомиться съ зачатками свободы и съ ея первыми дѣяніями на Руси по отдѣльнымъ отрывкамъ въ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ, миновала. Общество получило возможность пріобщиться къ этому своему прошлому въ его полномъ и неискаженномъ видѣ. Какъ ни трагично это прошлое, какими бы кровавыми слѣдами оно ни было запечатлѣно, отрадно сознавать, что оно основа, на которой возникла свободная Россія. То, что произошло 14 декабря 1825 года на Сенатской площади, что это происшествіе вызвало и обусловило

и что его сопровождало, — не есть простой эпизодъ въ исторіи освободительнаго движенія Россіи. Эпоха декабристовъ — отправной пунктъ, съ котораго начинается эта исторія, получившая свое завершеніе только въ наши дни. Естественно, что къ этой эпохѣ, къ ея незабвеннымъ дѣятелямъ и творцамъ, будетъ постоянно обращено наше неустанное вниманіе.

Роль братьевъ Бестужевыхъ въ дѣлѣ декабристовъ значительна. Изъ пяти декабристовъ — Николая, Михаила, Александра, Петра и Павла — двое, Николай и Михаилъ, изложили событія въ мемуарахъ, отрывки которыхъ печатались разновременно въ „Историческомъ Вѣстникѣ", „Девятнадцатомъ Вѣкѣ" П. А. Бартенева, „Русской Старинѣ" М. И. Семевскаго, книгѣ проф. Шимана въ Берлинѣ, лейпцигской брошюркѣ, изд. Э. Л. Каспаровичъ, „Памятники братьей Бестужевыхъ. Издѣржки изъ современныхъ записокъ декабристовъ". Но эти отрывки, въ силу цензурныхъ условій, отчасти и другихъ, появлялись порой въ значительно сокращенномъ, а то и измѣненномъ видѣ и, какъ можно предполагать, воспроизводились не съ подлинныхъ рукописей, а со списковъ съ нихъ.

Пользуясь собраніемъ П. Я. Дашкова, П. Е. Щеголевъ, по подлиннымъ рукописямъ автографамъ, исправивъ и дополнивъ ранѣе напечатанные тексты и присоединивъ къ нимъ отрывки, еще никогда не появлявшіеся въ печати, объединилъ ихъ въ одномъ томѣ, содержащемъ мемуары Николая и Михаила Бестужевыхъ.

Записки Бестужевыхъ — полные волнующаго значенія матеріалы.

Въ небольшомъ предисловіи редактора, уясняющемъ духовные образы мемуаристовъ, эти записки охарактеризованы, какъ романтическія воспоминанія въ нашей мемуарной литературѣ. „Желающему ощутить духъ декабристовъ, почувствовать ихъ душу, — пишетъ П. Е Щеголевъ, — эти „романтическія" воспоминанія дадутъ больше, чѣмъ иныя записки, богатыя фактическимъ содержаніемъ и обильныя историческими подробностями". Это отнюдь не значитъ, что фактическая сторона ихъ не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности. Напротивъ того. При извѣстныхъ фактическихъ недочетахъ въ воспоминаніяхъ М. А. Бестужева, наличіе которыхъ готовъ признать редакторъ изданія, мемуары Бестужевыхъ съ отчетливой полнотой рисуютъ историческій фонъ, событія эпохи. Но сила и значеніе мемуаровъ еще и въ другомъ. Черезъ каторгу и ссылку, мракъ крѣпостного заточенія, въ цѣпяхъ и оковахъ, эти люди пронесли свои свѣтлыя стремленія и идеалистическую настроенность. И эти черты, сказавшіяся въ мемуарахъ, придаютъ имъ особый оттѣнокъ, пробуждаютъ въ душѣ интимнѣйшія сопереживанія съ этими страдальцами за истину, мучениками за правду.

Записки Николая Бестужева выводятъ мужественный и благородный образъ К. Ф. Рылѣева, его рыцарски-безстрашную борьбу съ деспотическимъ строемъ, закончившуюся мученическою смертью этого непоколебимо-храбраго, составлявшаго душу заговора, человѣка. Рылѣевъ провидѣлъ свой будущій жребій: онъ это вдохновенно выразилъ и въ „Исповѣди Наливайки", и въ интимныхъ бесѣдахъ съ друзьями. Но онъ зналъ девизъ: „дерзай!", и свое единственное назначеніе и цѣль жизни видѣлъ въ „необходимости дѣйствій, которою мы должны купить нашу первую попытку для свободы Россіи". Вотъ это беззавѣтное служеніе идеѣ, независимо отъ ея непосредственныхъ результатовъ, воодушевляло Рылѣева въ его работѣ, въ его думахъ и героическихъ замыслахъ; и въ запискахъ Бестужева, изложенныхъ съ чувствомъ трогательной любви и задушевной дружбы, эта преданность идеѣ окружаетъ имя Рылѣева немеркнущимъ ореоломъ, предъ которыхъ блѣднѣли другіи черты, характеризующія его обаятельную личность. „Исторически главная пружина всѣхъ дѣйствій тайнаго общества", Рылѣевъ съ этой стороны ярко освѣщенъ въ запискахъ Н. Бестужева, воспроизводящихъ и самую картину 14 декабря, когда, по царскому приказу, батареи артиллеріи въ тусклыхъ сумеркахъ зимняго дня нещадно косили изъ пушекъ „мятежниковъ", поражая картечью бѣгущій народъ...

Записки М. А. Бестужева, болѣе пространныя по объему, помимо описанія самаго событія 14 декабря въ его подготовительной и воспослѣдовавшей стадіи, содержатъ воспоминанія объ остальныхъ братьяхъ, о заключеніи въ казематахъ Алексѣевскаго равелина и Шлиссельбургской крѣпости, о жизни въ Сибири. Черезъ эти воспоминанія, писаныя уже старческой рукой, но продиктованныя любвеобильнымъ сердцемъ и горячей, возвышенной душой, проходитъ рядъ драматическихъ, нерѣдко потрясающихъ, подробностей; свѣтится образъ, полный духовной красоты, этого „селенгинскаго изгнанника". Здѣсь, въ селенгинскомъ поселеніи, доживалъ свои дни этотъ виднѣйшій изъ декабристовъ, занимаясь хозяйствомъ, ремеслами, отдавая досуги умственнымъ интересамъ, перепискѣ съ друзьями и знакомыми. Здѣсь, кстати, отмѣтить, что, среди прочихъ занятій въ Петровскомъ острогѣ, М. А. изъ звеньевъ кандаловъ, отпиливаемыхъ отъ цѣпей, въ которыя до того все время закованы были сибирскіе поселенцы, выдѣлывалъ и отсылалъ роднымъ желѣзныя кольца — „эмблемы страданія за истину"...

Записка Александра Бестужева о его знакомствѣ съ А. С. Грибоѣдовымъ, напечатанная въ концѣ книги, дополняетъ этотъ томъ воспоминаній Бестужевыхъ.

М. Королицкій.

Е. И. Игнатьевъ. Наша земля. Географическая и геофизическая хрестоматія. Съ 90 рис., картами, чертежами и многими таблицами въ текстѣ. П. 1916. Стр. 287. Ц. 2 р. 50 к.

Въ учебной и популярной литературѣ хрестоматіи занимаютъ давно уже признанное педагогической литературой положеніе. Значеніе ихъ особенно ярко выступаетъ въ области популяризаціи и вопросахъ самообразованія. Первоисточники и спеціальныя сочиненія не всегда доступны, и хрестоматія, являясь экстрактомъ научныхъ трудовъ, предоставляетъ читателю возможность, безъ затраты времени и силъ, ознакомиться съ современнымъ состояніемъ данной науки.

Автору настоящей книги пришла въ высшей степени удачная мысль составить хрестоматіи по землевѣдѣнію. Вопросы родиновѣдѣнія получили въ переживаемое нами время чрезвычайно важное значеніе. Вся хрестоматія задумана, повидимому, въ обширныхъ размѣрахъ. Сейчасъ передъ нами лишь первая часть ея, посвященная наукѣ о землѣ, какъ части мірового цѣлаго, какъ планетѣ. Во второй части, кромѣ изложенія динамической геологіи, главное мѣсто будетъ удѣлено географическому и геологическому описанію Россіи. Первая часть хрестоматіи составлена весьма удачно. Въ ней собрано 19 очерковъ изъ сочиненій извѣстныхъ авторитетовъ въ области астрономіи, геологіи и геофизики — Мушкетова, Витковскаго, Иванова, Браунова, Арреніуса, Клоссовскаго, Неймайра и друг. Почти всѣ отрывки взяты изъ подлинныхъ сочиненій, лишь пять очерковъ представляютъ компиляціи автора по различнымъ источникамъ.

Въ первой части хрестоматіи разсматриваются вопросы изученія и происхожденія земли, исторіи геологіи и палеонтологіи, образованія земной коры, атмосферы и т. д. Подборъ матеріала сдѣланъ весьма удачно, и вся книга производитъ цѣльное и законченное впечатлѣніе. Несомнѣнно, что разсматриваемая книга займетъ прочное положеніе въ области самообразованія и популяризаціи естественно-историческихъ знаній, какъ матеріалъ для самостоятельнаго чтенія и какъ пособіе при преподаваніи въ начальной и средней школѣ.

Н. Сумъ.

М. И. КАРИНСКІЙ.

(1840—1917 г.)

Русская философія создала до сихъ поръ два типа мыслителей. Образецъ одного изъ нихъ, Вл. С. Соловьевъ, натура широкая, пылкая и расточительная, поэтъ, философъ и публицистъ, „свой“ среди поэтовъ, философовъ и публицистовъ, но, въ сущности, — ничей: ему вездѣ тѣсно, онъ занимается дѣломъ, какъ-то „гастролируя“ и точно во всемъ стараясь найти себя, свое удовлетвореніе. Онъ думаетъ не только ради и во имя истины, сколько для того, чтобы себя успокоить обладаніемъ истины. При меньшемъ талантѣ и размахѣ — таково большинство нашихъ мыслителей, безъ различія возрастовъ и направленій: это, пока національно-русская психологія философскаго творчества. Но изрѣдка среди носителей этой психологіи встрѣчаются образчики, иногда не характерные для русской мыслящей среды; они — точно гости въ ней, гости изъ той самой „Европы“, къ которой мы въ философіи, какъ и въ прочихъ отношеніяхъ, не можемъ еще, а потому въ большинствѣ случаевъ и не хотимъ пріобщиться. Эти „европейцы“ не поражаютъ собой наблюдателя. Въ нихъ нѣтъ ничего яркаго, экзотическаго. Они не удивляютъ ни широтой натуры, ни яркостью ея проявленій. Избравъ разъ навсегда жизненный путь, они идутъ по немъ до конца, скромные, внѣшне незамѣтные, мало кому извѣстные, — своего рода монахи отъ философіи. Они берутся за вещи „сухія“ и „спеціальныя“, трудятся надъ ними въ тиши и одиночествѣ, изрѣдка печатаются, но почти никѣмъ, кромѣ знатоковъ, не читаются... Внеся свой — часто крупнѣйшій — вкладъ въ исторію мысли, въ которую они влюблены тѣмъ горячѣе и безкорыстнѣе, чѣмъ меньше афишируютъ это и чѣмъ больше забываютъ о себѣ, они сходятъ со сцены такъ же негромко, какъ дѣйствовали на ней, и только изъ малочитаемыхъ некрологовъ большая публика узнаетъ, что вотъ еще однимъ крупнымъ человѣкомъ стало меньше на скудной нивѣ нашего просвѣщенія. Такимъ былъ Каринскій, скончавшійся въ іюнѣ текущаго года.

Одной изъ первыхъ его работъ была книга — „Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи“ (1873). Это—

отчетъ о заграничной командировкѣ молодого магистранта, готовящагося занять каѳедру философіи. Ознакомившись въ совершенствѣ съ нѣмецкой философіей со временъ Канта, подвергнувъ ее зрѣлому анализу и критикѣ, онъ сказалъ, въ заключеніе, нѣсколько мыслей, опредѣлившихъ затѣмъ направленіе всей его дальнѣйшей умственной жизни и творчества. Критическая философія Канта очертила для нашего знанія качественно тѣсный кругъ, заключивъ все наше знаніе въ сферу субъективнаго. Съ инстинктивной жаждой ума объективирующаго, Каринскій не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ такимъ результатомъ. И онъ поставилъ себѣ цѣлью разомкнуть заколдованный кругъ субъективнаго миража, чтобы, по примѣру нѣкоторыхъ преемниковъ Канта, выйти на широкій просторъ объективной дѣйствительности. Но строгій къ себѣ и ревностный къ истинѣ, онъ не бросился, очертя голову, въ море метафизическаго творчества. Критика Канта неудовлетворительна потому, что она недостаточно критична. Она ограничила предѣлы познанія, такъ какъ не во всемъ могла и хотѣла быть строгимъ познаніемъ. Она остановилась передъ непознаваемымъ, ибо ея исходнымъ пунктомъ было догматическое — не познаніе, а только признаніе извѣстныхъ положеній, на самомъ дѣлѣ не только не очевидныхъ, а даже ложныхъ. Итакъ, необходима новая критика познанія, новое изслѣдованіе его основъ и условій, новое испытаніе очевидности его аксіомъ. „Такимъ образомъ, — говорилъ Каринскій, — вопросомъ будущаго становится, повидимому, проблема познанія, отъ новаго разрѣшенія которой и долженъ зависѣть вопросъ о философскомъ знаніи“.

Прошло семь лѣтъ, и Каринскій выступилъ съ новой книгой: „Классификація выводовъ“ (1880). Въ этомъ замѣчательно-оригинальномъ сочиненіи, написанномъ блестяще, хотя и внѣшне сухо, нашъ философъ рѣшаетъ часть той „проблемы познанія“, важность которой сознаръ въ началѣ 70-хъ годовъ. Все наше познаніе состоитъ изъ истинъ очевидныхъ, непосредственно-познаваемыхъ въ той или иной формѣ, и изъ истинъ выводныхъ. Эти послѣднія строятся извѣстнымъ образомъ, по опредѣленнымъ правиламъ и типамъ, и для оцѣнки достовѣрности выводныхъ познаній необходимо эти типы классифицировать и проанализировать. Этой работѣ и посвящена классификація выводовъ, сочиненіе глубоко спеціальное и въ то же время необыкновенно принципіальное. Въ свое время оно было „встрѣчено“ у насъ не критикой и признаніемъ, а молчаніемъ, — обычный удѣлъ „европейскихъ“ гостей въ русской философіи.

Но Каринскій шелъ своимъ путемъ. Черезъ 13 лѣтъ вышла его книжка: „Объ истинахъ самоочевидныхъ“ (1893). „Проблема познанія“

получила въ ней дальнѣйшую разработку. Выводное знаніе, изученное, въ предыдущемъ сочиненіи, въ концѣ-концовъ, основывается на извѣстныхъ аксіомахъ, истинахъ самоочевидныхъ. Ихъ и подвергаетъ изученію Каринскій. Но вопросъ этотъ необычайно труденъ. Нашъ философъ подступается къ нему осторожно, издалека. Возможны два отвѣта: съ точки зрѣнія раціонализма и эмпиризма. Онъ излагаетъ и анализируетъ сперва отвѣтъ раціоналиста Канта на этотъ вопросъ: въ результатѣ — признаніе недостаточности итоговъ кантовской философіи и попутно — уясненіе нѣкоторыхъ поправокъ, которыя необходимо внести въ нее. Кантъ слишкомъ раціоналистиченъ. Онъ не дооцѣнилъ роли опыта, эмпиріи въ вопросѣ объ истинахъ самоочевидныхъ. Необходимо признать долю правды и за эмпиризмомъ. Намѣтивъ ее въ самыхъ общихъ чертахъ, Каринскій пріостановился.

И черезъ нѣсколько лѣтъ начали печататься главы его новой большой работы, законченной лишь въ 1914 году: „Разногласіе въ школѣ новаго эмпиризма по вопросу объ истинахъ самоочевидныхъ". Въ этомъ многолѣтнемъ трудѣ Каринскій подробно разсмотрѣлъ отношеніе эмпиризма къ вопросу о самоочевидныхъ истинахъ и развилъ всесторонне свои старыя мысли, критикуя, главнымъ образомъ, Д. С. Милля и Спенсера. Послѣднія страницы книги дописывались подъ угрозой близкой смерти. Можно сказать, Каринскій умеръ на посту, рѣшая свою скромную жизненную задачу, — скромную лишь внѣшне, а внутренне настолько огромную, что на ея окончательное рѣшеніе не хватило и не могло хватить цѣлой и долгой жизни самаго напряженнаго, сосредоточеннаго труда. Каринскій шелъ не въ ширь, а въ глубь, открывая въ этомъ „измѣреніи" своеобразную ширь. И чѣмъ ближе онъ подходилъ къ предѣлу, къ отвѣту, тѣмъ медленнѣе и осторожнѣе становился его шагъ, пока смерть не пресѣкла его вовсе.

„Проблемы познанія" Каринскій не рѣшилъ. Но онъ недаромъ такъ долго поработалъ надъ нею. Понимая ея трудности, не существующія только для умовъ поверхностныхъ и ограниченныхъ, онъ сдѣлалъ много для уменьшенія числа и качества этихъ трудностей. Въ его книгахъ, серьезныхъ, полныхъ критической мысли, тонкихъ анализовъ и великолѣпныхъ частныхъ рѣшеній, всякій ищущій умъ найдетъ для себя массу поучительнаго, что сбережетъ силы и укажетъ направленіе дальнѣйшей работы. Если Каринскій не далъ опредѣленнаго и законченнаго отвѣта на проблему познанія, онъ далъ зато много матеріаловъ для ея рѣшенія въ будущемъ. Миръ его праху!

Т. Райновъ.

СЕРБСКІЙ ИСТОРИКЪ ЛЮБОМІРЪ КОВАЧЕВИЧЪ.

(По поводу его смерти[1]).

Значеніе Любоміра Ковачевича въ исторіи сербской науки и въ особенности въ сербской исторіографіи очень велико. Ковачевичъ, вмѣстѣ съ архимандритомъ Илларіономъ Руварцемъ, — создатель и основатель критической школы въ сербской исторической наукѣ.

Новая сербская исторіографія начинается въ концѣ XVIII в. трудомъ архимандрита Іована Раича, вышедшимъ въ 1794—95 годахъ въ четырехъ большихъ томахъ подъ заглавіемъ: „Исторія разныхъ славенскихъ народовъ, наипаче болгаръ, хорватовъ и сербовъ". Іованъ Раичъ учился въ Россіи, въ кіевской духовной академіи въ пятидесятыхъ годахъ XVIII в. Его „Исторія" была для своего времени монументальнымъ трудомъ и обѣщала успѣшное развитіе сербской исторіографіи. Къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ сербская историческая наука не развивалась, какъ того можно было ожидать.

Причины этого явленія многочисленны и разнообразны. Прежде всего, исторія Раича была написана на мертвомъ и трудно понимаемомъ славяно-сербскомъ языкѣ, который образовался изъ стараго книжнаго сербскаго языка, измѣнившагося подъ сильнымъ вліяніемъ языка русскихъ церковныхъ книгъ. Этотъ языкъ былъ труденъ для изученія, и уже въ то время онъ былъ малопонятенъ и недоступенъ даже для интеллигенціи. Уже тогда основатель новой сербской литературы Досиѳей Обрадовичъ началъ борьбу противъ непонятнаго книжнаго языка, и вскорѣ сербскій народный языкъ одержалъ полную побѣду, а старый славяно-сербскій былъ совсѣмъ оставленъ и забытъ. Книгъ, написанныхъ этимъ мертвымъ языкомъ, никто больше не читалъ. Такая же участь постигла „Исторію" Раича.

---

[1]) Читано въ Историческомъ Обществѣ при петроградскомъ университетѣ. 22 февраля 1917 года.

Къ тому же, въ первые же годы XIX в. началась великая борьба сербскаго народа за освобожденіе и за созданіе новаго сербскаго государства, и эта борьба поглотила все вниманіе сербскаго народа. Тогда совершилась и создавалась самая исторія, и исторической наукой мало интересовались. Поскольку интересъ къ исторіи существовалъ, весь онъ былъ сосредоточенъ въ современной исторіи, на борьбѣ, которая все еще велась или только недавно окончилась, на личностяхъ, которыя дѣлали исторію, создавая государство, и которыя были еще живы. Правда, и тогда ходили разсказы о царѣ Душанѣ, о Милошѣ Обиличѣ, о Кралевичѣ Маркѣ и о Коссовской битвѣ, но литература и наука жили больше настоящимъ, чѣмъ прошлымъ. О настоящемъ говорили живые люди и сами событія, а о прошломъ — только разсказы и легенды.

Такимъ образомъ, въ первой половинѣ XIX вѣка, почти все знаніе о прошломъ до возстанія Карагеоргія и у интеллигенціи и у народа ограничивалось данными, почерпнутыми изъ народныхъ пѣсенъ и сказаній. Самъ Раичъ недостаточно критически относился къ историческимъ даннымъ, и въ виду крайней скудости источниковъ для сербской исторіи среднихъ вѣковъ внесъ въ свою „Исторію“ почти безъ критики много историческихъ данныхъ изъ народныхъ преданій. Поэтому, и незначительное число людей, читавшихъ „Исторію“ Раича, или хотя бы заглядывавшихъ въ нее, могло получить увѣренность, что извѣстія о событіяхъ сербскаго прошлаго въ томъ видѣ, какъ ихъ знали по народнымъ пѣснямъ и повѣстямъ, подтверждаются и исторической наукой.

Когда во второй половинѣ XIX вѣка начали опять писать о болѣе отдаленномъ прошломъ сербскаго народа, историческая литература была вся проникнута народной традиціей и находилась подъ вліяніемъ другихъ недостовѣрныхъ источниковъ. Въ это время, какъ слѣдствіе національнаго самосознанія, необыкновенно развился сербскій національизмъ, и однимъ изъ главныхъ его элементовъ были какъ разъ преданіе и традиціи народнаго прошлаго. Пѣсни и сказанія о Милошѣ Обиличѣ, Кралевичѣ Маркѣ. о Коссовской битвѣ были для тогдашняго поколѣнія святыней, которой никто не смѣлъ касаться. Сентиментальная, слишкомъ чувствительная и охваченная національной экзальтаціей сербская публика того времени слѣпо вѣрила всему, что говорилось въ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ не только объ отдѣльныхъ событіяхъ и лицахъ, но и о народномъ прошломъ вообще, о славѣ и величіи старыхъ сербскихъ государствъ и о высокой культурѣ сербскаго народа въ средніе вѣка. Увѣренность въ исторической правдѣ этихъ преданій занимала важное мѣсто въ сербскомъ національизмѣ и способствовала идеализаціи на-

ро́днаго прошлаго. Эта увѣренность была такъ сильна, что историческія данныя изъ народныхъ преданій, особенно подъ вліяніемъ авторитета Ранча, переносились прямо въ историческую литературу.

Такимъ образомъ, сербская исторіографія съ пятидесятыхъ годовъ XIX в. находилась подъ сильнымъ и непосредственнымъ вліяніемъ народной традиціи, народныхъ повѣстей и сказаній. Тамъ, гдѣ не было ни устнаго ни записаннаго ранѣе преданія, все-таки обращались иногда къ источникамъ, но тамъ, гдѣ существовала живая традиція и старыя записи преданія, царили, въ отношеніи исторической критики, полнѣйшая слѣпота и крайняя наивность.

Въ такомъ положеніи находилась сербская историческая литература, когда къ концу семидесятыхъ годовъ явились двое ученыхъ, у которыхъ достало и знанія и мужества открыто и смѣло заявить, что сербская исторіографія стоитъ на ложномъ основаніи. Эти два человѣка были — архимандритъ Илларіонъ Руварацъ и Любоміръ Ковачевичъ.

Главнымъ и прямымъ побужденіемъ ихъ научной дѣятельности было отыскать и утвердить научную истину. Въ цѣломъ рядѣ историческихъ изслѣдованій, напечатанныхъ въ 1879 году въ III томѣ сборника „Годишница", Ковачевичъ исправилъ много хронологическихъ и другихъ ошибокъ, утвердившихся въ сербской исторической литературѣ, выдвигалъ значеніе первоисточниковъ, въ особенности грамотъ, для утвержденія историческихъ данныхъ, и исправилъ неполную и неправильную хронологію многихъ грамотъ. Но самой важной изъ всѣхъ статей Ковачевича въ этомъ сборникѣ была одна, занимающая, правда, всего нѣсколько страницъ, подъ заглавіемъ: „Король Вукашинъ не убивалъ царя Уроша". Надо упомянуть, что въ томъ же самомъ сборникѣ была напечатана и статья архимандрита Руварацa, въ которой и онъ, совершенно независимо отъ Ковачевича, пришелъ къ тому же самому выводу.

Эти двѣ статьи сильно взволновали сербское общество. До тѣхъ поръ, начиная съ Ранча, всѣ вѣрили безъ колебаній и сомнѣній въ истинность того, что разсказывали народныя повѣсти и легенды о судьбѣ послѣдняго сербскаго царя Уроша, сына Душана, а именно, что его убилъ на охотѣ король Вукашинъ, отецъ Краленича Марка, въ 1367 году. Руварацъ и Ковачевичъ доказывали, что это народное преданіе исторически невѣрно, и что царь Урошъ умеръ нѣсколькими мѣсяцами позже Вукашина, погибшаго въ большой битвѣ противъ турокъ на Марицѣ въ 1371 году.

Полученный этими двумя учеными результатъ былъ слишкомъ значителенъ и шелъ совершенно въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, во что

до тѣхъ поръ вѣрили, и онъ былъ принятъ сразу и легко, безъ оппозиціи и безъ борьбы. На защиту стараго взгляда, народной традиціи, тотчасъ же встали всѣ, кто интересовался сербскимъ прошлымъ. Во главѣ оппозиціи противъ новыхъ выводовъ и новаго направленія изслѣдованія въ сербской исторической наукѣ сталъ ея офиціальный представитель того времени, профессоръ сербской исторіи въ Великой школѣ, теперешнемъ сербскомъ университетѣ, Панта Сречковичъ. Въ этой борьбѣ ему помогали, кромѣ многихъ сербскихъ, и трое русскихъ ученыхъ: Макушевъ, Каченовскій и консулъ Ястребовъ.

Началась долгая и ожесточенная полемика, которая длилась больше двадцати лѣтъ и которая, по остротѣ и рѣзкости, равняется борьбѣ Доситея Обрадовича за употребленіе въ литературѣ народнаго языка и борьбѣ Вука Караджича за введеніе новаго правописанія.

Борьба новой критической школы сербской исторической науки велась и развивалась очень интересно. Съ теченіемъ времени этотъ споръ все болѣе обострялся и становился, вмѣстѣ съ тѣмъ, и все болѣе принципіальнымъ. Противники критической школы, чувствуя, что теряютъ подъ собою почву, такъ какъ противъ нихъ были неопровержимыя доказательства, тѣмъ чаще и тѣмъ рѣзче нападали на личности представителей этой школы — Ковачевича и Руварца. Полемика, какъ это обычно бываетъ, особенно въ замкнутой и недостаточно культурной средѣ, была перенесена изъ науки въ политику, изъ научныхъ журналовъ и газетъ и въ частные кружки. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ противники все болѣе оставляли въ сторонѣ доказательства и серьезную аргументацію и переходили на почву пустыхъ фразъ и личныхъ обвиненій. Представителей критической школы упрекали въ томъ, что они нарушаютъ народныя традиціи и оскорбляютъ идеалы, за которые народъ боролся цѣлые вѣка. Одинъ изъ участниковъ полемики зашелъ такъ далеко, что въ одной статьѣ писалъ, что Ковачевича и Руварца, какъ народныхъ измѣнниковъ, слѣдуетъ сжечь на кострѣ.

Между тѣмъ основатели критической школы въ своихъ трудахъ и полемическихъ статьяхъ, все болѣе упрочивали принципы своей научной дѣятельности и все опредѣленнѣе создавали систему въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Такъ постепенно сложилась историческая школа въ сербской наукѣ. Главнымъ и основнымъ принципомъ этой школы было положеніе, что самые старые источники, ближайшіе къ событіямъ — самые лучшіе и самые достовѣрные, и что народное преданіе, народныя пѣсни и повѣсти не могутъ служить историческимъ источникомъ для изученія и из-

ображенія историческихъ событій. Само собою разумѣется, что все это общепринятые въ исторической наукѣ принципы, но этимъ принципамъ нелегко было проникнуть въ сербскую науку. Надо, кромѣ того, упомянуть, что создатели критической школы въ сербской исторіографіи, въ особенности Руварацъ, бывали иногда слишкомъ прямолинейны въ проведеніи своихъ взглядовъ.

Полемика около вопроса о смерти царя Уроша тянулась болѣе десяти лѣтъ, и Ковачевичъ за это время трижды долженъ былъ доказывать справедливость своего положенія. Эта полемика кончилась въ пользу Руварца и Ковачевича, особенно благодаря новымъ документамъ, найденнымъ профессоромъ Иречкомъ въ Дубровницкомъ архивѣ, и только что страсти начали утихать и публика стала мириться съ мыслью, что, можетъ быть, король Вукашинъ и не убивалъ царя Уроша, — какъ Руварацъ и Ковачевичъ снова подлили масла въ огонь, который началъ было погасать. Приближался 1889 годъ, когда должно было исполниться пятьсотъ лѣтъ со дня Коссовской битвы. По этому поводу Руварацъ написалъ книгу о князѣ Лазарѣ, погибшемъ на Коссовомъ полѣ, а Ковалевичъ — статью о Вукѣ Бранковичѣ, котораго до тѣхъ поръ считали измѣнившимъ въ этой битвѣ своему государю и народу. Оба писали свои работы въ одно время, и оба, независимо одинъ отъ другого, пришли къ одному выводу въ главномъ вопросѣ Коссовской битвы, а именно, что Вукъ Бранковичъ не измѣнялъ своему тестю и государю въ Коссовской битвѣ, какъ всѣ до того времени думали. Появленіе этихъ статей было новымъ поводомъ для полемики и нападокъ. Полемика и по этому вопросу была острой, рѣзкой и личной, но менѣе продолжительной, чѣмъ около вопроса о смерти Уроша. Ковачевича и Руварца опять называли измѣнниками своему народу за разрушеніе народныхъ преданій.

На головы Руварца и Ковачевича опять сыплется газетная брань; противниковъ критической школы все еще много: ихъ можно еще найти и двадцать лѣтъ спустя, даже и между такими серьезными патріотами, какимъ былъ Стефанъ Сремацъ. Но все-таки въ это время исходъ борьбы былъ уже рѣшенъ, критическое направленіе въ сербской исторіографіи побѣдило окончательно. Когда была основана сербская академія наукъ, Руварацъ и Ковачевичъ сразу же сдѣлались ея членами, а когда Панта Срецковичъ выслужилъ пенсію, Ковачевичъ былъ выбранъ профессоромъ исторіи сербскаго народа въ Великой школѣ. Съ самаго начала борьбы, поднятой критической школой, извѣстный ученый Стоянъ Новаковичъ сталъ на сторону Руварца и Ковачевича, хотя и не принималъ участія въ полемикѣ. Въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка является

новое поколѣніе молодыхъ ученыхъ, занимавшихся сербской исторіей: Томичъ, Вукичевичъ, Радоничъ, Гавриловичъ, и всѣ они были сторонниками критической школы Ковачевича и Руварца.

Возникновеніе, а еще болѣе побѣда критической школы въ сербской исторіографіи имѣла не только большое научное, но и культурно-политическое и воспитательное значеніе. Малые народы, а иногда, впрочемъ, и великіе, склонны переоцѣнивать свои силы, свои достоинства и свое значеніе, и вслѣдствіе этого они обыкновенно бываютъ одержимы шовинизмомъ и мегаломаніей. Пищу для своего шовинизма они находятъ обыкновенно въ своей исторіи, которая почти всегда въ большей части прикрашена. Ложное представленія о прошломъ даетъ основаніе для надменности и самомнѣнія и приводитъ къ тому, что весь народъ воспитывается на вымышленныхъ, пріукрашенныхъ разсказахъ о прошломъ и потому переоцѣниваетъ свою силу и свою культуру, свое значеніе въ настоящемъ и свою миссію въ будущемъ. Вслѣдствіе этого утрачивается правильный взглядъ на вещи и событія и способность правильной ихъ оцѣнки. Вмѣсто дѣйствительности, народъ живетъ въ царствѣ фантазіи и грезъ и теряетъ пониманіе истиннаго, реальнаго и возможнаго.

И сербское общество шестидесятыхъ годовъ готово было впасть въ эти ошибки. Это было время, когда сербскіе патріоты думали, что сербскій народъ — самый лучшій, самый благородный народъ въ мірѣ, когда каждаго начинающаго сербскаго поэта называли сербскимъ Байрономъ, а написавшаго два акта драмы — сербскимъ Шекспиромъ, когда Новый Садъ гордо назывался сербскими Аѳинами, и когда на политическихъ собраніяхъ, въ газетныхъ статьяхъ и въ особенности на кутежахъ повтореніе безсмысленной фразы: „если останется въ живыхъ только одинъ сербъ, онъ будетъ народомъ“, — вызывало каждый разъ бурныя рукоплесканія и сильное воодушевленіе.

И посреди этихъ патріотическихъ вакханалій и приступовъ сентиментальности и самомнѣнія являются два человѣка, которые имѣютъ мужество доказывать, что многія событія въ сербской исторіи происходили не такъ, какъ объ этомъ говорило народное преданіе, и какъ писали въ историческихъ и другихъ книгахъ, что не все было такъ, какъ до тѣхъ поръ думали, и что, вслѣдствіе этого, многія красивыя картины народнаго прошлаго не такъ свѣтлы, какъ ихъ до того времени представляли. Это произвело ошеломляющее впечатлѣніе на умы тогдашняго поколѣнія. Имъ было все равно, дѣйствительно ли царь Урошъ былъ убитъ королемъ Вукашиномъ, измѣнилъ ли Вукъ Бранковичъ въ Косовской битвѣ, — но они

боялись, хотя и не признались бы въ этомъ, что разъ будетъ доказана неточность народнаго преданія въ одномъ вопросѣ, придется признать, что и другіи данныя могутъ быть неточны, и этимъ самымъ разрушится все красивое идеальное и фантастическое зданіе народной исторіи, созданное народнымъ преданіемъ въ цѣляхъ тогдашняго поколѣнія. Крушеніе этихъ идеаловъ и утрата вѣры въ свѣтлое прошлое больно отзывались въ сердцахъ патріотовъ, и проклятія посыпались на головы осмѣлившихся коснуться народныхъ святынь.

Съ другой стороны, представители критической школы доказывали, что истина — не только главная и важнѣйшая цѣль науки, но и сама по себѣ всегда полезна, что ложные идеалы вредны ужъ потому, что они ложны, и что только истина, хотя бы и горькая, приводитъ къ прогрессу и свободѣ. Правильный взглядъ на прошлое будетъ лучшимъ руководствомъ для настоящаго и самой лучшей школой для будущаго. Надо искать и найти истину и, какова бы она ни была, смѣло глядѣть ей прямо въ глаза: надо трезво смотрѣть на свое прошлое, потому что только тогда можно правильно смотрѣть и на будущее.

Поколѣніе, вступившее тогда въ жизнь, поняло и восприняло эти идеи. Оно отбросило прежнія фантазіи, и самомнѣніе и смотрѣли трезво и правильно на народное прошлое и будущее, на народную жизнь и политику. Это поколѣніе создало сербско-хорватскую коалицію, которая такъ прочно скрѣпила сербско-хорватское единство; это поколѣніе безъ фразъ и тщеславныхъ замысловъ разбило турецкое войско у Куманова и у Битоля, побѣдило болгаръ на Брегальницѣ, уничтожило австрійскія арміи на Церѣ и Колубарѣ: оно и теперь переноситъ разгромъ Сербіи и потерю родины съ стоическимъ спокойствіемъ и твердою вѣрой въ народное будущее.

Въ дѣлѣ нравственнаго и интеллектуальнаго воспитанія и образованія этого поколѣнія, нѣкоторая доля заслуги принадлежитъ и создателямъ критической исторической школы — Илларіону Руварцу и Любоміру Ковачевичу. И Ковачевичъ своей научной дѣятельностью, отстаивая истину, возставая противъ лжи, тоже помогалъ воспитанію поколѣнія, которое осуществило завѣтную мысль сербскаго народа — отомстило за Коссово. И Ковачевичъ могъ по праву гордиться тѣмъ, что и онъ внесъ свою лепту въ это великое дѣло.

Въ битвѣ у Куманова погибъ единственный сынъ Ковачевича, секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ, Владета Ковачевичъ. Но Любоміръ Ковачевичъ не умеръ ни тогда, ни послѣ счастливо оконченной сербско-турецкой войны.

Онъ увидѣлъ послѣ побѣдъ и славы — гибель и смерть Сербіи, увидѣлъ Сербію уничтоженною и раздѣленною между двумя ея злѣйшими врагами; онъ умеръ въ самое тяжелое и мрачное для сербскаго народа время. Но и въ послѣднюю минуту вѣра его не покинула, мужество ему не измѣнило...

И только когда будетъ закончено дѣло, за которое берется сербскій народъ, и когда онъ будетъ въ состояніи и на культурномъ поприщѣ показать свои способности, которыя онъ до сихъ поръ проявлялъ, къ сожалѣнію, только въ грубой борьбѣ за существованіе, только тогда будутъ въ полной мѣрѣ достигнуты идеалы Ковачевича и всего его поколѣнія.

Проф. Ст. Станоевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Д. С. Мережковскій. Отъ войны къ революціи. Дневникъ 1914—1917. К-во „Огни". Петербургъ, 1917. Стр. 222. Ц. 4 р. 50 к.

Ни о войнѣ, ни о революціи не говорится въ этомъ своеобразномъ „дневникѣ": въ дѣйствительности, это просто сборникъ газетныхъ и журнальныхъ статей на разныя темы, не имѣющія никакого отношенія къ вопросамъ и событіямъ за время „отъ войны до революціи". Мы находимъ здѣсь краткія и отрывочныя разсужденія о религіи, о Максимѣ Горькомъ, о Тургеневѣ, о футуристахъ, о Владимірѣ Соловьевѣ, объ еврейскомъ вопросѣ, о декабристахъ, о Чаадаевѣ, — и только въ одной статейкѣ идетъ рѣчь о войнѣ и ея ужасахъ, съ отвлеченно-религіозной точки зрѣнія. Авторъ давно извѣстенъ, какъ оригинальный, талантливый писатель, поднимающій читателя въ область мистики при помощи парадоксовъ и вычурныхъ оборотовъ рѣчи. Его образный стиль, разнообразіе его сюжетовъ, его способность углубляться въ смыслъ явленій, умѣніе сказать о каждомъ предметѣ свое собственное слово, все это дѣлаетъ чтеніе его произведеній пріятнымъ и часто поучительнымъ. Этими достоинствами отличается и сборникъ, изданный фирмою „Огни" подъ неподходящимъ названіемъ „Дневника".

С. О. Загорскій. Война послѣ мира. Петербургъ, 1917. Стр. 392. Ц. 5 р.

Обстоятельное изслѣдованіе г. С. Загорскаго посвящено весьма важному практическому вопросу о будущей экономической политикѣ державъ антигерманской коалиціи послѣ окончанія войны въ связи съ постановленіями парижской союзной конференціи въ мартѣ 1916 года. Какъ извѣстно, выработанный союзниками планъ заключалъ въ себѣ программу систематической и послѣдовательной экономической борьбы съ центральными имперіями послѣ заключенія мира, не столько съ цѣлью огражденія интересовъ державъ согласія, сколько въ видѣ репрессіи или возмездія за воинствен-

ныя стремленія Германіи. Суровыя постановленія конференціи не встрѣтили сочувствія въ общественномъ мнѣніи Англіи, гдѣ твердо держатся еще принципа свободной внѣшней торговли. Съ другой стороны, рабочіе классы передовыхъ культурныхъ странъ высказывались одинаково какъ противъ промышленнаго протекціонизма, такъ и противъ фритредерства, имѣя въ виду организацію планомѣрнаго международнаго контроля надъ товарообмѣномъ между отдѣльными націями. „При такихъ условіяхъ, — замѣчаетъ авторъ въ концѣ своей книги, — совершенно ненужною и безсмысленною является экономическая война, которую проектируетъ послѣ мира парижская конференція, и что такъ называемая міровая политика, встрѣчала всегда со стороны организованнаго пролетаріата рѣшительный отпоръ и безпощадную борьбу“ (стр. 373). Другими словами, экономическіе интересы и стремленія народовъ не играютъ никакой роли въ событіяхъ, вызываемыхъ политическимъ антагонизмомъ между различными государствами и завоевательными тенденціями имперіалистскихъ правительствъ. Въ то же время, въ самомъ началѣ книги, слѣдуя установившемуся у насъ шаблонному взгляду на причины міроваго вооруженнаго конфликта, г. С. Загорскій категорически утверждаетъ, что „происходящая міровая война вызвана экономическими причинами“. По его словамъ, „этотъ фактъ, который въ началѣ войны не всѣмъ былъ ясенъ, одними умышленно затушевывался, а другими упорно отрицался, въ настоящее время можетъ считаться не подлежащимъ сомнѣнію“ (предисловіе, стр. 1). Очевидно, сужденіе, высказанное г. Загорскимъ въ концѣ книги, послѣ подробнаго разсмотрѣнія вопроса, имѣетъ преимущество передъ мнѣніемъ, приведеннымъ въ началѣ предисловія въ видѣ предвзятой общепризнанной будто бы идеи. Къ сожалѣнію, эта предвзятая идея, противорѣчащая всѣмъ извѣстнымъ фактамъ политической и экономической жизни современной Европы, упорно выдается за глубокую истину, — настолько глубокую, что она не поддается даже наблюденію, — и до сихъ поръ повторяется въ серьезныхъ статьяхъ и трактатахъ, посвященныхъ вопросамъ объ условіяхъ и причинахъ міровой войны.

Л. С.

А. Н. Пыпинъ. Очерки литературы и общественности при Александрѣ I. Предисловіе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. Изд-ство „Огни“. Петроградъ. 1917. Ц. 9 р.

Очерки эти были въ свое время напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“, постояннымъ сотрудникомъ котораго покойный академикъ состоялъ съ конца шестидесятыхъ годовъ.

Изслѣдователь Александровской эпохи, А. Н. Пыпинъ далъ рядъ выдающихся трудовъ по исторіи этого времени: „Русское массонство XVIII и первая четверть XIX в.“, „Религіозныя движенія при Александрѣ I“, „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“. Въ этомъ ряду — „Очерки литературы и общественности“, сливающіеся по своему характеру, съ прочими научными изслѣдованіями нашего историка литературы, занимаютъ свое опредѣленное мѣсто.

„Русскія отношенія Бентама“, „Времена реакціи“, „Русскій путешественникъ въ двадцатыхъ годахъ“ (переписка А. И. и Н. И. Тургеневыхъ), „Разборъ сочиненія М. И. Богдановича“ („Исторія царствованія Александра I“), „Школа двадцатыхъ годовъ“, „Наканунѣ Пушкина“, „Новые мемуары объ Александровской эпохѣ“, „Меценаты и ученые александровскаго времени“ — таковы эти очерки, отражающіе въ значительной своей части политическія условія европейской и русской жизни, среди которыхъ развивалась и прокладывала свои пути русская литература и общественность первой четверти XIX вѣка.

Напечатанные въ періодъ съ 1869 по 1888 годъ „Очерки“ А. Н. Пыпина остаются и посейчасъ предметомъ серьезнаго и поучительнаго чтенія.

Николай Негоревъ или благополучный россіянинъ. Романъ И. А. Кущевскаго. Съ вступительной статьей А. Г. Горнфельда. Изд. „Задруга“ Москва. 1917. Ц. 4 р.

„Николай Негоревъ“, почти забытый романъ Кущевскаго, написанный въ семидесятыхъ годахъ, найдетъ и сейчасъ своего читателя.

Вереница типовъ, очерченныхъ въ романѣ, его идеи и настроенія, вся его духовная атмосфера, въ ко-

торой отразились знаменія времени — эпоха перелома шестидесятыхъ годовъ, — область прошлаго. Угасло это прошлое — исчезъ интересъ къ произведенію, имѣвшему нѣкогда столь крупный успѣхъ. Но типы Негорева, „благополучнаго россіянина", Овѣрика и др., въ тѣхъ или иныхъ ихъ разновидностяхъ, не перевелись еще и понынѣ на Руси, — не потеряли въ романѣ Кущевскаго и до сего дня своего былого своеобразія и значенія.

„Николай Негоревъ" — единственно значительное произведеніе, съ которымъ связано имя Кущевскаго въ русской литературѣ.

Романъ долго не переиздавался.

Напомнить современному русскому читателю о Кущевскомъ и его замѣчательномъ романѣ — задача статьи А. Г. Горнфельда, характеризующей, какъ самый романъ, такъ и творческую личность его автора.

Г. Гребенщиковъ. Степь да небо. Изд-ство „Огни". Петроградъ. 1917. Ц. 2 р. 50 к.

Разсказы Г. Гребенщикова написаны въ обычныхъ тонахъ этого автора.

Нѣкоторые изъ разсказовъ („Въ поляхъ", „Въ тиши степей") намъ знакомы по его книгѣ „Въ просторахъ Сибири".

Природа Сибири, жизнь киргизовъ, жизнь вообще въ этомъ мертвомъ и забытомъ краю — основное ихъ содержаніе.

Описаніе сибирской весны и пробуждаемыхъ ею думъ и настроеній среди необъятныхъ степныхъ равнинъ и кургановъ („Степь да небо"); трагедія Когъ-Кызъ, больной дѣвушки, пріѣхавшей въ степь лѣчиться, истерзанной въ горахъ беркутами („Казылъ-Тасъ"); противопоставленіе смиренной жизни дѣдушки Макара, бредущаго съ посошкомъ за табуномъ скотины, и юной удали тринадцатилѣтняго Тришки („Подъ открытымъ небомъ"); житье-бытье сибирскаго пахаря („У хлѣбовъ"); жизнь станичная („На Иртышѣ"); ночлегъ въ степи съ проводникомъ-киргизомъ въ канунъ Пасхи („На лыжахъ" — вотъ сюжеты этихъ, въ большинствѣ случаевъ, грустныхъ разсказовъ.

Разсказы эти правдивы. У автора ихъ свои слова и краски, которыми онъ оттѣняетъ сибирскій бытъ и пейзажъ. Но краски эти, вообще, одноцвѣтны. Оттого разсказы эти оставляютъ впечатлѣніе однообразія.

Но въ нихъ то тутъ, то тамъ сверкаютъ черточки подлинной художественности — отблески своеобразнаго быта и природы Сибири.

В. Переплетчиковъ. Сѣверъ. Очерки русской дѣйствительности. К-во писателей въ Москвѣ. 1917. Ц. 2 р. 50 к.

Очерки В. Переплетчикова не лишены художественнаго и бытового значенія. Бытъ нашего крайняго и болѣе близкаго сѣвера, его дикіе и суровые ландшафты онъ рисуетъ не яркими, но мягкими и симпатичными чертами.

Въ этихъ очеркахъ проходятъ разсказы о волостныхъ порядкахъ („сказное письмо"), изъ жизни плотовщиковъ и крестьянскихъ нравовъ („Злой вѣтеръ"), жизни монастырской („На лѣсныхъ озерахъ"), приходской („Божьи дѣти. Священникъ"), горемычной жизни деревенскаго блюстителя порядка („Урядникъ"), чиновничьяго и всякаго другого прозябанія („Въ приморскомъ городѣ"). Далѣе слѣдуютъ путевые очерки „За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ", очеркъ „Новая земля", разсказецъ „Художникъ самоѣдъ Тыко Вылка", рисующій привлекательный обликъ дикаря-самоѣда, одаренной натуры, привезеннаго въ Москву для обученія живописи.

Темы очерковъ — не новы, описанія — не столь индивидуальны. Но любовь автора къ своимъ сюжетамъ, къ изображаемымъ въ нихъ лицамъ и эпизодамъ, къ таинственной и фантастической природѣ сѣвера, — передается читателю, проникаетъ сочувствіемъ.

Авторъ очерковъ — художникъ. Книга снабжена 16 репродукціями его картинъ и рисунковъ.

М. К.

Въ теченіе сентября, октября и ноября въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Аграрные вопросы. Вып. I. В. Ц. Брункусъ. Къ современному положенію аграрнаго вопроса. Птгр. 1917 г. Вып. II. А. Н. Закъ. Финансированіе аграрной реформы. Птгр. 1917 г. Ц. 1 р. Вып. III. Д. И. Рихтеръ. Государственные земельные банки въ Россіи и ихъ дальнѣйшая судьба. Птгр. 1917 г. Ц. 45 к.

Баскинъ, Гр. Методъ опредѣленія потребительно-трудовыхъ земельныхъ нормъ.

Бошко, В. Къ аграрному вопросу въ Россіи. Гражданская правоспособность крестьянъ въ области землевладѣнія. Кіевъ. 1917 г.

Бошко, В. О томъ, сколько можетъ и какъ долженъ получить крестьянинъ землю. Кіевъ. 1917 г.

Бѣлоруссовъ. Кооперація національныхъ силъ. Москва. 1917 г. Ц. 30.

Bulletin Yougoslave. № 24. Paris. 1er août 1917.

Wasiutynski, B. Siły ekonomiczne Polski. Piotrogród. 1917.

Wasiutynski, B. Zjednoczenie jako warunek niepodległości politycznej i ekonomicznej. Nakładem Komitetu Narodowego. Pietrograd. 1917.

Winiarski, B. Międzynarodowość sprawy polskiej. Nakładem Polskiego Komitetu Narodowego. Piotrograd. 1917. Cena zlp. 10.

Герценъ, А. И. Полное собраніе сочиненій и писемъ подъ редакціей М. К. Лемке. Тт. I—VIII. Изданіе наслѣдниковъ автора. Въ книжн. скл. М. М. Стасюлевича.

Гнишъ, А., проф. Оздоровленіе и благоустройство городовъ. (Отдѣльный оттискъ изъ №1—2 „Врачебно-Санитарнаго Вѣстника"). Москва. 1917 г. Ц. 75 к.

Ефимовъ, Е. Элементарныя понятія о государствѣ и правѣ. Курсъ законовѣдѣнія для школы и самообразованія. Изд. 2-е. Т-во „Задруга". Москва. 1917 г. Ц. 1 р. 85 к.

Изд. Совѣта Всероссійскихъ Кооперативныхъ Съѣздовъ: Бюллетень № 1. Работы Государственнаго Комитета по народному образованію I и II-й сессіи. Москва. 1917 г. — Бюллетень № II. Реформа народнаго образованія въ свободной Россіи. Я. Т. Кордо. Москва. 1917 г. Ц. 35 к. — *Зельгеймъ, В.* Участіе кооперативныхъ организацій въ продовольственномъ дѣлѣ. Москва. 1917 г. Ц. 10 к. — *Илимскій, Д.* Что такое народный банкъ? Москва. 1917 г. — *Колосовъ, А.* Учредительное собраніе и чего ждать отъ него рабочему и крестьянину. Москва. 1917 г. Ц. 35 к. — *Островскій, В.* Избирательное право и пропорціональное представительство. Москва. 1917 г. Ц. 35 к. — Постановленія Всероссійскаго Съѣзда Инструкторовъ по коопераціи 28—31 мая и 1—2 іюня 1917 г. въ Москвѣ. Москва. 1917 г. Примѣрный Уставъ Кредитнаго Товарищества. Москва. 1917 г. Ц. 20 к. — Примѣрный Уставъ Кредитнаго Товарищества безъ основного капитала. Москва. 1917 г. Ц. 30 к. — Примѣрный Уставъ Ссудо-Сберегательнаго Товарищества. Москва. 1917 г. Ц. 20 к. — *Сузоальцевъ, К.* Кооперація и просвѣщеніе. Москва. 1917 г. Ц. 25 к. — *Хижняковъ, В.* Начатки политическихъ знаній. Москва. 1917 г. Ц. 50 к.

Изд. к-ва Яснаго, б. Попова: *Алексинскій, Г.* Война и революція. Птгр. 1817 г. Ц. 45 к. — *Гаузнеръ, М.* Левъ Николаевичъ Толстой о землѣ. Птгр. 1917 г. Ц. 15 к. — *Даниловичъ, І.* Государственный строй Англіи. Птгр. 1917 г. Ц. 35 к. — *Лазерсонъ, М.*, прив.-доц., Автономія и федерація. Птгр. 1917 г. Ц. 45 к. — *Мижуевъ, П.* Восьмичасовой рабочій день въ Англіи. Птгр. 1917 г. Ц. 35 к. — *Святловскій, В.*, проф. Анархизмъ, его сущность и ученіе. Птгр. 1917 г. Ц. 35 к. — *Святловскій, В.*, проф. Примирительныя камеры. Птгр. 1917 г. Ц. 45 к.

Карѣевъ, Н. О школьномъ преподаваніи исторіи. Птгр. 1917 г. Ц. 3 р.

Круберъ, А. Хозяйство, какъ эксплоатація естественныхъ богатствъ. К-во „Задруга". Москва. 1917 г. Ц. 2 р. 10 к.

Кушнеръ, Е. Демократизація искусства. Тезисы, предлагаемые въ качествѣ основанія для программы блока лѣвыхъ дѣятелей искусства. К-во „Авентюра". Птгр. 1917 г.

Кущевскій, И. Николай Негоревъ или благополучный россіянинъ. Романъ. Со вступительной статьей А. Горнфельда. Т-во „Задруга". Москва. 1917 г. Ц. 4 р.

Матеріалы для изученія естественныхъ производительныхъ силъ Россіи.

Бушъ, Н. Цѣнныя деревья Кавказа. Птгр. 1917 г. Ц. 20 к.

Фляксбергъ, К. Пшеницы Россіи. Птгр. 1917 г. Ц. 40 к.

Мацокинъ, Н. Японскіе вымыслы и ихъ виновники. Харбинъ. 1917 г. Ц. 15 к.

Невѣжинъ, П. Елисавета Шахова. Историко-бытовая хроника въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд Н. Н. Шаховъ. Ц. 2р.

Огановскій, Н. Аграрный вопросъ и кооперація. К-во „Задруга". Москва. 1917 г. Ц. 90 к.

Огановскій, Н Индивидуализація землевладѣнія въ Россіи и ея послѣдствія. К-во „Задруга". Москва 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Огановскій, Н. Съ небесъ на землю. Сборникъ статей. К-во „Задруга". Москва. 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Петрищевъ, А. Триста лѣтъ (4-е изданіе). К-во „Задруга". Москва. 1917 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рѣчь ген. М. В. Алексѣева на Московскомъ Совѣщаніи Общественныхъ Дѣятелей. 8 авг. 1917 г. Москва. 1917 г. Ц. 20 к.

Сельско-хозяйственный обзоръ за 1916 г. (Таблицы). Изд. Оренбургской Губернской Земской Управы. Оренбургъ. 1917 г.

Серебровскій, А. Революція и заработная плата рабочихъ металлической промышленности. Птгр. 1917 г. Ц. 1 р. 60 к.

Статистика несчастныхъ случаевъ по поволжскому страховому округу за 1915 г. (Текстъ и діаграммы). Саратовъ. 1917 г.

Стебельскій, А. Злободневные вопросы. Скл. изд. въ книжн. магаз. Т-ва М. О. Вольфъ. Москва. 1917 г. Ц. 1 р.

Степнякъ-Кравчинскій. Андрей Кожуховъ. Романъ. Перев. съ англійск. Ф. М. Степнякъ, подъ редакціей и съ предисловіемъ П. А. Кропоткина. Со статьей Георга Брандеса. 1-е послѣреволюціонное изданіе, безъ пропусковъ. Литературно-политическое издательство „Свѣточъ", подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. Птгр. 1917 г. Ц. 4 р. 50 к.

Степнякъ-Кравчинскій. Подпольная Россія. 1-е послѣреволюціонное изданіе, безъ пропусковъ. Литературно-политическое издательство „Свѣточъ" подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. Птгр. 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.

Таблицы статистическихъ свѣдѣній по Саратовской губерніи по даннымъ Всероссійской сельско-хозяйственной переписи 1916 г. (Итоги предварительнаго подсчета). Саратовъ. 1917 г.

1917 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Выпускъ V. Птгр. 1917 г.

Шульговскій, Н. Хрустальный отшельникъ. Вторая книга стиховъ. К-во „Атлантъ". 1917 г. Ц. 2 р. 35 к.

Аминъ Рейхани. Избранныя произведенія. Перев. и примѣч. И. Ю. Крачковскаго. И-во „Огни". Птгр. 1917 г. Ц. 2 р. 25 к.

Библіотека мемуаровъ „Огни". Воспоминанія братьевъ Бестужевыхъ. Редакція П. Е. Щеголева. И-во „Огни". Птгр. 1917 г. Ц. 3 р. 50 к.

Власовъ Окскій, Н. Стихотворенія. Пѣсни свободы. Ц. 30 к. — Пѣсни безвременья. Ц. 45 к — Красныя зори. Ц. 25 к. К-во Н. С. Власова. Тверь. 1917 г.

Вуджаузъ, Е. Міръ въ ожиданіи. Изд. Ордена Звѣзды на Востокѣ. 1917 г. Ц. 2 р.

Восемьдесятъ восемь современныхъ стихотвореній, избранныхъ З. Н. Гиппіусъ. Изд-во „Огни". Птгр. 1917 г.

Вѣстникъ Азіи. №№ 41—42. Харбинъ. 1917 г.

Вѣстникъ Министерства Труда. № 1—2. Птгр. 1917 г. Ц. 1 р.

Вяткинъ, Г. Опечаленная радость. Лирика. Изд-во „Огни". Птгр. 1917 г.

Гирсъ, А. Австро Венгрія, Балканы и Турція. Задачи войны и мира. Изд-во „Огни". Птгр. 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Горькій, М. Жизнь ненужнаго человѣка. Кн. 2-я. К-во „Жизнь и Знаніе". Птгр. 1917 г. Ц. 3 р.

Гребенщиковъ, Г. Степь да небо. И-во „Огни". Птгр. 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.

Журналъ Тверскаго Губернскаго Земскаго Собранія 52-й очередной сессіи 1916 г. и Чрезвычайнаго Собранія 9-го октября 1916 г. съ приложеніями. Тверь. 1917 г.

Изд. дешев. библіот. к-ва „Жизнь и Знаніе": *Бебель, А.* Христіанство и соціализмъ. Перев. Л. Кручининой. Птгр. 1917 г. Ц. 50 к. — *Гусевъ-Оренбургскій, С.* Конокрадъ Ц. 20 к. — Сквозь преграды. Ц. 20 к. — *Либкнехтъ, Карлъ.* Пауки и мухи. Птгр. 1917 г. Ц. 20 к. — *Милютинъ, В.* Зачѣмъ намъ нужна демократическая республика. Птгр. 1917 г Птрг. 1917 г. Ц. 30 к. — *Рункъ, Отто*

Хирургъ. Перев. В. М. Величкиной. Ц. 30 к. — *Франсъ, Анатоль.* Уличный торговецъ. Перев. съ французск. В. М. Величкиной. Ц. 35 к. — *Чернышевъ, И.* Всеобщее избирательное право. Птгр. 1917 г. Ц. 30 к.

Изданія Т-ва „Задруга": *Мельгуновъ, С.* Великій подвижникъ протопопъ Аввакумъ. Изд. 2-е. Москва. 1917 г. Ц. 25 к. — Москва и старая вѣра. Москва. 1917 г. Ц. 60 к. — Старообрядцы и свобода совѣсти. Изд. 2-е. Москва. 1917 г. Ц. 75 к. — *Огановскій, Н.* Революція наоборотъ. Птгр. 1917 г. Ц. 1 р. 20 к. — *Перцевъ, В.* Буржуазія и революція. Птгр. 1917 г. Ц. 30 к. — *Піотровскій, А.* Чему насъ учитъ исторія революцій Птгр. 1917 г. Ц. 25 к. — *Радцингъ, Н.* Какъ въ прошломъ столѣтіи англійскіе рабочіе боролись за свои права. Птгр. 1917 г. Ц. 25 к. — *Сталинскій, Е.* Аграрный вопросъ и международный соціализмъ. Птгр. 1917 г. Ц. 1 р. 20 к. — *Тіандеръ, К.* Финляндія и Россія. Птгр. 1917 г. Ц. 65 к.

Изданія Лиги Единаго Налога: *Беренсъ и Сингеръ.* Исторія моей диктатуры (осуществленіе идеи Генри Джорджа). Перев. съ англійск. А. И. Николаевскаго. Москва. 1917 г. Ц. 70 к. — *Джорджъ Генри.* Земля для народа. Перев. съ англійск. С. Д. Николаева. 1917 г. Ц. 12 к. — *Лебренъ, В.* Милитаризмъ. Его реальныя причины и средства ихъ устраненія. 1917 г. Ц. 50 к. — *Н. І.* Какъ освободить землю и трудъ. По Генри Джорджу. 1917 г. Ц. 20 к. — *Николаевъ, С.* Земельный вопросъ по Генри Джорджу. 1917 г. Ц. 20 к.

Изданіе Совѣта Всероссійскихъ Кооперативныхъ Съѣздовъ: *Анцыферовъ, А.*, проф. Московскій Народный Банкъ. 2-е изд. Москва. 1917 г. Ц. 35 к. — *Илимскій, Д.* Основы президентской власти. Москва. 1917 г. Ц. 40 к. — *Суздальцевъ, К.* Кредитное товарищество и его польза. Москва. 1917 г. Ц. 30 к. — Примѣрный уставъ кредитнаго кооперативнаго союза. Ц. 30 к.

Илимскій, Д. Сибирская кредитная кооперація и Московскій Народный Банкъ. Изд. Сов. Всерос. Коопер. Съѣзд. Москва. 1917 г. Ц. 1 р. 20 к.

Carnegie endowment for international Peace. Year Book. 1917. Publication № 12—13. (Greetings to the New Russia. — Russia, the revolution and the war by Christian L. Lange.) Washington, D. C. 1917.

Кильчевскій, В. Кооперація и революція. Изд. Сов. Всерос. Коопер. Съѣзд. Москва. 1917 г. Ц. 20 к.

Коммиссаржевскій, Ѳ. Творчество актера и теорія Станиславскаго. Библіотека иллюстрированныхъ монографій, выпускъ 5. Изд. „Сводное искусство". Птгр. 1917 г. Ц. 4 р. 50 к.

Кондурушкинъ, С. Монахъ. Повѣсть. К-во „Жизнь и Знаніе". Птгр. 1917 г. Ц. 3 р.

Левинъ, И., прив.-доц. Акціонерные Коммерческіе Банки въ Россіи. Т. І. Птгр. 1917 г. Ц. 7 р.

Лезинъ, Н. Радость весенняя. Стихи. Харьковъ. 1917 г. Ц. 90 к.

Майскій В. (Ляховскій И.). Въ мірѣ германскаго профессіональнаго движенія. Кн-во „Соціалистъ". Птгр. 1917 г. Ц. 1 р.

Матеріалы по земельному вопросу въ Азіатской Россіи. Выпускъ І. Степной край. Составилъ В. А. Тресвятскій подъ редакціей Т. Ф. Чиркина и Л. К. Чермака. Птгр. 1917 г.

Мережковскій, Д. Отъ войны къ революціи. Дневникъ 1914—1917. К-во „Огни". Птгр. 1917 г. Ц. 4 р. 50 к.

Моносзонъ, Л. Сердце пудренное. Лирика. 1917 г. Ц. 2 р.

Олигеръ, Н. Принцесса. Повѣсть. К-во „Жизнь и Знаніе". Птгр. 1917 г. Ц. 3 р.

Олигеръ, Н. Чужое солнце. К-во „Жизнь и Знаніе". Птгр. 1917 г. Ц. 3 р.

Осиповичъ, Н. По чужой дорогѣ. К-во „Жизнь и Знаніе". Птгр. 1917 г. Ц. 3 р.

Пушкина, Ц. Братство и любовь, какъ основа грядущаго вѣка. Цѣна 25 к. — Творчество новаго неба и новой земли. Ц. 35 к.

Пыпинъ, А. Очерки литературы и общественности при Александрѣ I. Предислов. и примѣч. Н. К. Пиксанова. Изд-во „Огни". Птгр. 1917 г. Ц. 9 р.

Свободный государственный строй. Статьи: проф. Н. И. Карѣева, проф. А. А. Кизеветтера, проф. Б. А. Кистяковскаго, П. Г. Мижуева, пр.-доц. Г. К. Рахманова, проф. А. Н. Савина. Изд. „Научное Слово". Москва. 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.

Труды коммиссіи по изученію производительныхъ силъ подъ ред. проф. Н. А. Каблукова. Вып. І. Никольскій Вс. Принципы воднаго строительства въ Россіи. Птгр. 1917 г. Ц. 1 р.

Украинскій вопросъ. Составл. сотрудниками журнала „Украинская Жизнь". Изд. 3-е. Т-во „Задруга". Москва. 1917 г. Ц. 3 р.

Шенгели, Г. Два „Памятника".

Сравнит. разборъ стихотвор. Пушкина и Брюсова. К-во „L'oiseau bleu". Птгр. 1918 г. Ц. 1 р. 25 к.

Штрацъ, Рудольфъ. Три дня. Романъ изъ жизни нѣмецкой казармы. Изд-во „Огни". Птрг. 1917 г.

Щеголевъ, П. Дуэль и смерть Пушкина. Изслѣдованіе и матеріалы. Съ 15 портретами и факсимиле. Изд. 2-е, исправленное, М. В. Пирожкова. Птгр. 1917 г. Ц. 10 р.

Ягодинъ, А. Прежде и теперь. Сборникъ пьесъ. Бобровскъ. 1917.

Андреевъ, Леонидъ. Ироническіе разсказы. К-во писателей въ Москвѣ. Ц. 2 р.

Богородицкій, Б. Краткій курсъ сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ. Изд. 2-е, исправл. и значит. дополнен. Казань. 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.

Богородицкій, В., проф. Курсъ экспериментальной фонетики примѣнительно къ литературному русскому произношенію. Казань. 1917 г. Ц. 1 р.

Брильонъ, И. На каторгѣ. Воспоминанія революціонера. К-во „Благо". Птгр. 1917 г. Ц. 4 р.

Ефремовъ, С. Історія украінського письменства. Видання трете, з одмінами і додатками. Київ. Видавництво „Вік". 1917.

Звягинцевъ, Е. Провокаторы и подстрекатели. Т-во „Задруга". Москва. 1917 г. Ц. 50 к.

Златовратскій, Н. Какъ это было. Разсказы о дѣтяхъ освобожденія. К-во писателей въ Москвѣ. 1917 г. Ц. 1 р.

Изданія дешевой библіотеки к-ва писателей въ Москвѣ:

Вересаевъ, В. „Бей его!" (О самосудахъ). Ц. 20 к. — „Въ степи". Ц. 15 к. — Лизаръ въ спѣху. Ц. 15 к. — Темный пожаръ (о свободѣ слова). Ц. 15 к. — *Никандровъ, Н.* Береговой вѣтеръ. Ц. 25 к. — *Телешовъ, Н.* Вѣрный другъ. Ц. 15 к. — *Треневъ, К.* Шесть недѣль Омелько. Ц. 20 к. — *Шмелевъ, И.* Какъ надо. Ц. 10 к. — Лѣсъ. Ц. 10 к. — По приходу. Ц. 10 к. — *Яблочковъ, Г.* Горбатый Карлъ. Смерть Мюллера. Ц. 15 к.

Кабановъ, Н. Что такое „буржуй". Т-во „Задруга". Москва. 1917 г. Ц. 25 к.

Мартъ, В. Пѣсенцы.

Никандровъ, Н. Разсказы. Книга вторая. К-во писателей въ Москвѣ. 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ожешко, Елиза. Добрая пани. Разсказы. К-во писателей въ Москвѣ. 1917 г. Ц. 1 р.

Переплетчиковъ, Ц. Сѣверъ. Очерки русской дѣйствительности. К-во писателей въ Москвѣ. 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.

Преміровъ, М. Кабакъ. Разсказы. К-во писателей въ Москвѣ. Ц. 1 р. 75 к.

Стражевъ, А. Какъ французы добыли и потеряли свою свободу (изъ исторіи Великой Революціи). Т-во „Задруга". Москва. 1917 г. Ц. 30 к.

Стругъ, Андрей. Портретъ. Романъ. Перев. съ польск. Вл. Высоцкаго. К-во писателей въ Москвѣ. 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сургучевъ, И. Разсказы, т. IV. К-во писателей въ Москвѣ. 1917 г. Ц. 1 р. 75 к.

Тимковскій, Н. Разсказы. Книга XII. К-во писателей въ Москвѣ. 1917 г. Ц. 2 р.

Хлѣбцевичъ, І. Вѣнокъ отца на могилу сына. Біографическій очеркъ студента В. И. Хлѣбцевича. Сызрань. Ц. 70 к.

Цаликовъ, Ахмедъ. Мусульмане Россіи и война. И-во „Заря". Птгр. 1917 г. Ц. 60 к. — Мусульмане Россіи и федерація. И-во „Заря". Птгр. 1917 г. Ц. 75 к. — Мусульманская фракція въ Учредительномъ Собраніи. Казань. 1917 г. Ц. 30 к.

Энциклопедія мысли. Сборникъ мыслей, изреченій, афоризмовъ и т. п. Составилъ и (частью) перевелъ Н. Я. Хороминъ. К-во „Пантеонъ". Ѳ. О. Михайловскаго. Кіевъ. 1918 г. Ц. 7 р. 50 к

Яблочковъ, Г. Разсказы, т. I. К-во писателей въ Москвѣ. 1917 г. Ц. 2 р

Поправка. Въ іюльско-августовской книгѣ „Вѣстника Европы", на стр. 273, подъ стихотвореніемъ I („Много пѣсенъ жемчужныхъ зажглось у меня"), по недосмотру, пропущена подпись: Ада Владимірова.

Въ той же книгѣ, на стр. 367, въ 4-й строчкѣ сверху, напечатано: „in einem Wahn", а должно быть: „in seinem Wahn". На стр. 375, въ 19-й строкѣ сверху, напечатано: „значитъ быть безумнымъ", а должно быть: „не значитъ быть безумнымъ".

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ „ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ“ ВЪ 1917 ГОДУ.

Приложеніе: Портретъ К. К. Арсеньева. (Янв.)

Айзманъ, Д. — Господа родители. (Сент.-дек., 123.)

Andante. — Безъ сна. — Стихотв. (Февр., 172.)

Андреевскій, С. — Изъ Альфреда Мюссе. — Стихотвор. (Мартъ, 83). — На утрѣ дней.—Стихотвор. (Сент.-дек., 91.)

Арисова, Л.—Статистъ. (Мартъ, 69).

Арсеньевъ, К.—Двѣ февральскихъ революціи. (Февр., X.) — Возобновленіе законодательной сессіи. (Февр., 305.)

Астровъ, С. — Изъ Поля Верлэна. — Стихотвор. (Мартъ, 25.) — Вечеръ. — Осеннимъ вечеромъ. — Стихотвор. (Сент.-дек., 247.)

Аѳанасьева, Т. Стихотвор. I—III. (Мартъ, 213.)

Баскинъ-Серединскій.—И снова мракъ. * * * — Стихотвор. (Апр.-іюнь, 65.)

Батюшковъ, Ѳ. — Театральныя замѣтки. (Янв., 390.) — Эмиль Верхарнъ, какъ поэтъ-лирикъ. (Мартъ 227.)

Богучарскій, В. — Третье отдѣленіе собств. Е. В. канцеляріи о себѣ самомъ. (Мартъ, 85.)

Бузескулъ, В. — Международный третейскій судъ въ древне-греческомъ мірѣ. (Апрѣль—іюнь, 133.)

Бунаковъ, П. — Стихотвор. Апр.—іюнь, 181.)

Бунге, Е. Стихотвор. (Іюль-авг. 184.)

Бѣлоконскій, И. — Исчезъ человѣкъ. (Іюль—авг., 109, сент.—дек., 145.)

Ватсонъ, М. — Цафранетта. Перев. разск. Лунджи Парандело. (Іюль—авг., 201.)

Верцго, М. — Пѣтуховъ монотонно пѣнье. — Стихотвор. (Янв., 90.) — Непрожитые дни. — Стихотвореніе. (Апр.—іюнь, 96.)

Владимірова, А. — Стихотвор. (Іюль—авг., 273.)

Волковъ, Е. — Годъ борьбы за выступленіе Румыніи. (Янв., 293.)

Вѣтринскій, Ч. — Греза. — Перев. французск. стихотвор. Ѳ. Тютчева. (Апр.—іюнь, 315.)

Вяткинъ, В. — Полуребенокъ, полувоинъ, голубоглазый мальчикъ мой. — Стихотвор. (Янв., 57.) — Подъ напѣвы снѣжной вьюги. — Стихотвор. (Янв., 58.) — Одна. — Въ тебѣ живетъ душа фіалки. — Стихотвор. (Сент—дек., 121.)

Герцогъ, Е. — Стихотвор. (Іюль—авг., 273.)

Гнѣсинъ, Г. — Вечеръ. — Стихотв. (февр., 64.) — Съ гитарой по Сициліи и Тунису. (Февр., 157.)

Государственный переворотъ. (Февр., V.)

Григорьевъ, Р. — „О пенсіяхъ войны“. (Февр., 313.) — Книга о Далмаціи. (Сент.—дек., 372.)

Гр., Р. — Къ вопросу объ отношеніяхъ между Италіей и Россіей. (Мартъ, 253.)

Гриммъ, Д. — Реформа сената. (Янв., 282.)

Гроссманъ, М. — Проблема реализма у Достоевскаго. (Февр., 65.)

Дейчъ, Л. — Піонеры соціалистическаго движенія въ Царствѣ Польскомъ. (Апр.—іюнь, 570.)

Діонео. — Письмо изъ Лондона. (Апр.—іюнь, 596.) — Письмо изъ Лондона. (Сент.—дек., 358.)

Дивильковскій, А. — Безхозяйное общество. (Янв., 261.)

Л. Д. — Барскій обрывъ. — Перев. съ украинск. (Іюль—авг., 185) — Покушеніе на взломъ. — Перев. съ англійскаго. (Сент.—дек., 235.)
Дроздовъ, А. — Ея душа. (Янв., 91.) — Актриса. (Апр.—іюнь, 97.)

Ефименко, Т. — Эпитафіи. — Стихотвореніе. (Янв., 112.)
Ефимовичъ, Л. — Ранняя весна. (Мартъ, 245.)

Желѣзновъ, В. — Аристотель, какъ экономистъ. (Іюль—авг., 153.)
Жиркова, Е. — Къ морю. — Стих. (Сент.—дек., 144.)
Журавская, З. — Городъ и горы. — Перев. ром. Хозе-Марія-Эса де-Квейрозъ. (Іюль—авг., 209, сент.—дек., 249.)

Загорскій, С. — Парижская конференція и борьба съ „бросовымъ экспортомъ". (Февр., 206.)
Занчевскій, И. — Памяти профессора Александра Викентьевича Клоссовскаго. (Апр.—іюнь, 713.)
Знойко, Л. — На Литвѣ. (Февр., 102.)
Зѣлинскій, Ѳ. — Богъ и добро. (Янв., 113.) — Анагиръ. (Сент.—дек., 97.)

Изъ собраній „Пушкинскаго Дома" при Академіи Наукъ. (Янв., 59, мартъ, 127.)

Кальма. — Стихотвор. (Апр.—іюнь, 18, 95.)
Карѣева, Е. — Стихотвор. (Апр.—іюнь, 290.)
Карѣевъ, Н. — М. М. Ковалевскій, какъ историкъ французской революціи. (Февр., 211.)
Кисинъ, М. — Разъ-два. (Мартъ, 215.)
Клейнбортъ, Л. — Рукописные журналы рабочихъ. (Іюль—авг., 275.) — Художественные запросы пролетаріата. (Сент.—дек., 344.)
Коганъ, Ф. — Стихотвор. (Іюль—авг., 200.)
Корфъ, С. — Національности и государство. (Сент.—дек., 197.)
Круповецкій, Л. — Тоска будней. — Стихотвор. (Іюль—авг., 108.)

Ладыженскій, В. — Дни и встрѣчи. (Февр., 118.)
Ландау, Г. — Единая Россія. (Апр.—іюнь, 548.)
Лезинъ, Н. — Стихотвор. (Апр.—іюнь, 288.)

Липецкій, А. — Микола Милостивый. — Стихотвор. (Мартъ, 226.)
Лубнинъ, Н. — Вечеромъ. — Стих. (Мартъ, 126.)
Люблинскій, И. — Правосудіе въ Англіи въ эпоху революціи XVIII вѣка. (Іюль—авг., 75.)

Магазинеръ, Я. — Политическая идея М. М. Ковалевскаго въ связи съ характеристикой его личности. (Мартъ, 305.)
Макаровъ, А.—Законъ о выборахъ въ Учредительное Собраніе. (Сент.-дек., 325.)
Милюковъ, П. — Константинополь и проливы. (Янв., 354, февр., 227, апр.—іюнь, 525.)
Минаевъ, Н. — Майскій вечеръ.— Стихотвор. (Апр.—іюнь, 354.)
Михайловъ, П. — Закатъ.—Стих. (Апр.—іюнь, 162.)—Въ госпиталѣ.— Стихотвор. (Апр.—іюнь, 356.)
Морозова, К. — Голоса. — Стих. (Янв., 260.)
С. Н. — Кавказъ и Арменія. (Іюль—авг., 359.)

Никитинъ, А. — Купріянычъ и его сынъ. (Апр.—іюнь, 317.)

Овсянико-Куликовскій, Д. — Освобожденіе творческой силы (Февр., XV.)
Оленинъ, К. — Стихотвор. (Апр.—іюнь, 523.)

Палѣй, А. — Послѣ грозы. — Стих. (Февр., 117.)
Панафидинъ, С — Изъ Альфреда Мюссе. — Стихотвор. (Апр.—іюнь, 524.)
Первушинъ, С. — Новая теорія кризисовъ. (Іюль—авг., 316.)
Посниковъ, А. — Проектъ Государственной росписи. (Янв., 382.)— Задачи Главнаго Земельнаго Комитета. (Апр.—іюнь, 637.)

Радловъ, Э. — Гельвецій. (Апр.—іюнь, 67.)
Райновъ, Т. — М. И. Каринскій (Сент.—дек., 419.)
Рапопортъ, С. — Театръ, какъ развлеченіе. (Апр.—іюнь, 291.)
Рихтеръ, Д. — Государственные Земельные Банки въ Россіи и ихъ дальнѣйшая судьба. (Іюль—авг. 299.)

Семеновъ-Тянъ-Шанскій, А.— Призывъ. Стихотвор. (Апр.—іюнь, 161.)

Сивачевъ, М. — Изъ деревенскихъ впечатлѣній. (Апр.—іюнь, 163.)
Славинская, М. — Путь къ славѣ. — Ром. Роберта Хитченса. — Переводъ съ англійск. (Янв., 173, февр., 173, мартъ, 255, апр.—іюнь, 522.)
Слезкинъ, Ю. — Вѣтеръ. (Янв., 5, февр, 1, мартъ, 5, апр.—іюнь, 5.)
Слонимскій, А. — Картины войны. (Янв., 14.)
Слонимскій, Л. — Новое оправданіе войны. (Іюль—авг., 367.)
Слонимъ, М. — Изъ французской военной беллетристики. (Янв., 312.)
Смирновъ, В. — Мемуары. — Стихотвор. (Апр.—іюнь, 355.)
Соколовъ, Н. — Расколъ въ католическомъ мірѣ. (Іюль—авг., 333.)
Сталинскій, Е. — Франція и Эльзасъ-Лотарингія. (Февр., 283, мартъ, 327.)
Станоевичъ, С. — Сербскій историкъ Любоміръ Ковачевичъ. (Сент.-дек., 422.)

Тулубъ, З. — Стихотвор. (Іюль—авг., 183.)

Федоровъ, А. — День прошелъ. — Стихотвор. (Февр., 156.) — Моя весна. (Іюль—авг. 5, сент.—дек., 5.)
Фишеръ, В. — Стихотвор. (Апр.—іюнь, 522.)

Хвостовъ, М. — Слѣпецъ. — Горбунъ. — Стихотвор. (Іюль—авг., 15.)

Зинаида Ц. — Стихотвор. (Мартъ, 68.)

Черновъ, Ф. — Природа. — Стихотв. (Мартъ, 244.) — Давно спустилась ночь. — Когда закрывъ глаза. — Стихотвор. (Сент.—дек., 234.)
Чудновскій. Ф. — Стихотв. I—III. (Февр., 100.)

Шаверновскій, Е. — Нѣмецкая пропаганда въ Швейцаріи. (Іюль—авг., 341)
Шкапская, М. — Горамъ. — Стихотвор. (Янв., 111.)

Хроника.

I. На темы дня. К. Арсеньева.

Январь. — Годъ тому назадъ и теперь. — Перемѣны въ составѣ министерства и Государственнаго Совѣта. Вопросы, связанные съ ближайшимъ будущимъ Государственной Думы. — Возможно ли прекращеніе, внѣ условленнаго порядка, неоконченнаго уголовнаго дѣла. — Предѣлы дѣйствія военной цензуры. Признаки времени. — А. С. Ермоловъ †. — (Стр. 321.)
Февраль. — Общее положеніе дѣлъ. Законодательное предположеніе о волостномъ земскомъ управленіи. — Исторія вопроса. — Настоящее отношеніе къ нему крестьянства. — Куріальная система: право самообложенія, функціи волостного земства. — Цѣлесообразны ли далеко идущія уступки? — Юбилей В. М. Бехтерева. — А. Т. Неболсинъ †. — М. Б. Ратнеръ †. — М. М. Алексѣенко †. — (Стр. 324.)
Мартъ. — Первый мѣсяцъ послѣ революціи. — Дѣятельность Временнаго Правительства. — Вопросъ о войнѣ. — Вопросъ о двоевластіи. — Депутація и съѣзды. — Проповѣдь единенія. — Годовщина смерти М. М. Ковалевскаго. — В. М. Хижняковъ †. — (Стр. 299.)
Апрѣль — іюнь. — Обновленное Временное Правительство. — Декларація 5-го мая. — Внѣшняя политика: „миръ безъ аннексій и контрибуцій, на началахъ національнаго самоопредѣленія". — А. Ф. Керенскій — военный и морской министръ. — Довѣріе къ власти и полнота власти. — Задачи Правительства внутри страны. — Крайнія лѣвыя партіи и Учредительное Собраніе. — (Стр. 619.)

II. Лѣтопись внутренней жизни. М. Осоргина.

Іюль — августъ. — Творчество революціи. — Организація демократіи. — Іюльскія событія. — Возстановленіе смертной казни. — Стратегическое отступленіе революціи. — Признаки общественной реакціи. — Вѣра въ будущее. — (Стр. 383.)
Сентябрь — декабрь. — Колебаніе въ настроеніи массъ. — „Сговоръ" на Государственномъ Совѣщаніи. — Послѣднія событія. — (Стр. 376.)

III. Иностранное обозрѣніе. Л. Слонимскаго.

Январь. — Мирныя предложенія Германіи и нота Вильсона. — Отвѣтъ союзниковъ и новыя заявленія центральныхъ имперій. — Принципіальное разсужденіе объ усло-

віяхъ прочнаго мира. — Общіе выводы. — (Стр. 337.)
Февраль. — Усиленіе подводной войны и разрывъ между Соед. Штатами и Германіей. — Расчеты нѣмецкихъ патріотовъ. — Протесты нейтральныхъ и попытка противодѣйствія союзныхъ правительствъ. — Печальное положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ. — Борьба на истощеніе. — Финансовыя преимущества Англіи. — Настроеніе въ Германіи и Вильгельмъ II. — Союзныя конференціи. — (Стр. 346.)
Мартъ. — Русская революція и Западная Европа. — Вопросъ о войнѣ и мирѣ. — Призывъ къ германской соціалъ-демократіи и заявленія Временнаго Правительства о цѣляхъ войны. — Нѣмецкіе отвѣты. — Обѣщаніе реформъ въ Пруссіи. — Подводная война и активное вмѣшательство Америки. — (Стр. 373.)

Политическое обозрѣніе. Л. Слонимскаго.

Апрѣль—іюнь. — Споры о внѣшней политики Россіи и о цѣляхъ войны. — Дипломатическая дѣятельность представителей революціонной демократіи. — Наши отношенія съ союзниками. — Взглядъ иностранныхъ друзей на русскую революцію. — Разныя толкованія русской формулы мира. — Отвѣты кабинетовъ на русскую ноту. — Пересмотръ союзныхъ договоровъ. — Общее политическое положеніе. — Хлопоты о международной конференціи и новый политическій кризисъ. — Нѣмецкія программы мира. — (Стр. 679.)
Іюль — августъ. — Печальныя дѣла русской революціи и ихъ политическія послѣдствія. — Партійная рознь и внутренняя анархія. — Дѣло Корнилова и ошибка Временнаго Правительства. — Мирное посредничество папы. — Отвѣты на папскую ноту и вопросъ о будущемъ мирѣ. — (Стр. 395.)
Сентябрь — декабрь. — Военный заговоръ и большевистская партія. — Дѣятельность Временнаго Правительства. — Война и внѣшняя политика. — Мирные декреты новыхъ правителей. — Переговоры на фронтѣ и политическія фантазіи. — Освобожданіе Палестины. (Стр. 385.)

IV. Литературное обозрѣніе.

Январь. — Л. С. Таль. Очерки промышленнаго права. Москва, 1916. — *Барона А. Нольде.* — „Земля". Сборникъ XIX. Московское книгоиздательство. 1917. — *М. Королицкаго.* — Густавъ Шпетъ. Исторія, какъ проблема логики. Критическія и методологическія изслѣдованія Часть I. Матеріалы. Москва, 1916. — *Т. Райнова.* — Сборникъ памяти Тараса Шевченка. (1814—1914). Виданне Украінского Наукового Товариства въ Київі. Київъ, 1915. — Ишханянъ, Б. Народности Кавказа. Статистика. — Экономическое изслѣдованіе. Съ предисловіемъ С. Патканова. Петроградъ, 1917. — *М. Сл.* — А. С. Архангельскій. Введеніе въ исторію русской литературы. Томъ I. Исторія литературы, какъ наука. Очеркъ научныхъ изученій въ области исторіи русской литературы. Петроградъ, 1916. — *Ч. В—аго.* (Стр. 411.)
Февраль. — Поэзія въ Арменіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Редакція, вступительный очеркъ и примѣчанія Валерія Брюсова. 1916. — *Ю. Веселовскаго.* — В. Фриче. Итальянская литература XIX в. Ч. I. М. 1916. — *М. Слонима.* (Стр. 361.)
Мартъ. — В. М. Викентьева. Древнеегипетская повѣсть о двухъ братьяхъ съ 1 табл. и 14 рис. М. 1917. — *Виктора Слонина.* — Д-ръ Мюллеръ Ліэръ. Формы брака, семьи и родства. Авторизованный переводъ И. Степанова. — *Б. П. Иванова.* Альманахъ „Стремнины". — *М. Королицкаго.* Борисъ Зайцевъ. Тихія зори. М. 1916. — *М. К.* (Стр. 392.)
Апрѣль — іюнь. — Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ III. Отъ Цезаря до Августа. Перев. А. Захарова. М. 1916. *Б. П. Иванова.* — Ѳ. А. Рязановскій. Демонологія въ древне русской литературѣ. М. 1916. *В. О.* — Русская литература XX вѣка подъ ред проф. С. А. Венгерова. Москва, кн. VI и VII. — *М. Королицкаго.* — Ольга Прохаско. Загробная исповѣдь (памяти А. К. Закржевскаго). Кіевъ. 1916. — *Ч. В—аго.* — В. Муйжель. Опустошеніе. Петр. 1917. — Н. Олигеръ. Ночныя тѣни. Петр. 1917. — *М. Королицкаго.* Ѳедоръ Шмитъ. Проф. харьковскаго университета. Законы исторіи. Введеніе къ курсу всеобщей исторіи искусствъ. Выпускъ I. Введеніе. — Искусство Египта. — Искусство Мессопотаміи. — Искусство критско-микен-

ское. — Н. Лосскій. Матерія въ системѣ органическаго міровоззрѣнія. М. 1916. — *Т. Райнова.* — Вѣстникъ прикладной химіи и химической технологіи. Журналъ политическаго о-ва, сост. при московск. техн. учил. и московскаго о-ва рижск. политехн., подъ редакціей И. А. Тищенко. М. 1916. — Гидротехническіе матеріалы. Изд. хим. лаборат. гидрометрической части подъ ред. И. А. Кашинскаго. Петроградъ, 1916. — В. Невскій. Великая европейская война. Систематическія программы для народныхъ чтеній-вечеровъ по исторіи и географіи воюющихъ державъ. Бузулукъ, 1915. — И. И. Мещерскій. Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ. Изд. 10-е. П. Луковникова. Петроградъ, 1916. — *Н. Сума.* (Стр. 717.)

Іюль — августъ. — Herbert Spencer by H. Elliot. — *С. И. Рапопорта.* — Gustave Le Bon. Enseignements psychologiques de la guerre. — *М. Слонима.* — Аллетъ. Ренессансъ въ Италіи. — *М. Слонима.* Дж. Бьюри. Государственный строй Византіи. — *Б. Иванова.* — Л. Н. Толстой. Памятники творчества и жизни. — *М. Королицкаго.* В. Розенбергъ. Журналисты безвременья. — *М. Королицкаго.* Новыя техническія изданія. — *Н. Сума.* (Стр. 415.)

Сентябрь — декабрь. — Былое кн. I. Іюль 1917 г. — Бѣлая стая. Стихотворенія Анны Ахматовой. И-во „Гиперборей". Петроградъ 1917. — Скиѳы. Сборникъ I. 1917. — *Александра Слонимскаго.* — И. П. Филипповичъ. — Жизнь и творчество. Е. А. Боратынскаго. Кіевъ, 1917. — В. Н. Перетцъ. Итальянскія комедіи и интермедіи, представленныя при дворѣ императрицы Анны Іоанновны въ 1733—1735 гг. Петроградъ, 1917. — *В. О.* Воспоминанія братьевъ Бестужевыхъ. — Изд—во „Огни". Петроградъ. 1917. — *М. Королицкаго.* — Игнатьевъ. — Наша земля. Географическая и геофизическая хрестоматія съ 90 рис., картами, чертежами и многими таблицами въ текстѣ. П. 1916. — *Н. Сума.* (Стр. 400.)

V. Библіографическій листокъ.

Январь, 427; февраль, 371; мартъ, 401; апрѣль — іюнь, 740; іюль — августъ, 432; сентябрь — декабрь, 429.

Издатель: Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Ред.: Д. Д. Гриммъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Приложеніе.

МОЯ ВЕСНА.

РОМАНЪ.

(Окончаніе [1]).

XXIII.

Къ тремъ часамъ я обѣжалъ и товарищей и знакомыхъ, передъ которыми можно было похвастаться. Зато ни брата, ни сестру посѣтить не успѣлъ, а между тѣмъ я давно не былъ у нихъ.

«Нехорошо, — упрекалъ я себя, — они еще болѣе одиноки, чѣмъ я, и всегда такъ рады мнѣ и тѣмъ маленькимъ гостинцамъ, которые я имъ приношу».

Это сознаніе значительно отравляло мой тріумфъ, весьма, впрочемъ, сомнительный: Лисуновъ, который и раньше не особенно восторженно отзывался по поводу моихъ стиховъ, повидимому, лучше всѣхъ понялъ мое неумѣренное тщеславіе и язвительно тихо сказалъ:

— Такіе стихи, конечно, это недурно, но Пушкинъ былъ правъ:

„Довольно даже и поэтовъ,
Но нужно, нужно, намъ гражданъ"

Постарайтесь писать прозой. Большинство поэтовъ самые пустые и пошлые люди. Въ нихъ слишкомъ много претензіи на великость и страсть марать бумагу, да и стихотворный баластъ въ журналахъ доставляется одними ими.

По свѣжей памяти я вспомнилъ эти слова Бѣлинскаго, приведенныя въ только что прочитанной мною статьѣ Писарева. Лисуновъ хватилъ ихъ цѣликомъ, распорядившись, какъ своимъ собственнымъ мнѣніемъ, но все же я былъ уязвленъ въ самое сердце. Стало даже стыдно за свою пустоту и ничтожество.

А тутъ еще предстояли эти два свиданія. Пойти вмѣсто нихъ

---

[1]) См. выше, стр. 5.

къ брату и сестрѣ? Вотъ возьму, да и пойду! — старался я внушить себѣ. И въ то же время самъ сознавалъ, что не въ силахъ отказаться, что я только ломаюсь передъ собой.

Если бы я хоть самъ себѣ противенъ былъ за это. Нисколько. Всѣ эти угрызенія совѣсти и самоосужденіе были легки и податливы, какъ пѣна на водѣ. Два голоса во мнѣ вели разговоръ и, хотя они казались враждебны другъ другу, — на самомъ дѣлѣ, и это была одна комедія.

Одинъ голосъ говорилъ:

— Что же это такое, вѣдь ты же любишь Эллу, а радуешься, что тебѣ Мея назначила свиданіе!

Другой голосъ:

— Но вѣдь съ Меей совсѣмъ не такое свиданіе, какъ съ Эллой. Значитъ, Мея совсѣмъ тебѣ не нравится? А почему же ты втайнѣ рѣшилъ написать ей стихи?

«Неужели я и въ Мею влюбленъ? — спросилъ я самъ себя съ нѣкоторымъ испугомъ. И даже въ искренномъ раскаяніи готовъ былъ воскликнуть: — Но вѣдь это подлость!» — Однако, пожалѣлъ себя и постарался оправдать. Все это оттого, что послѣ матери, которая такъ пріучила меня къ ласкамъ и нѣжности, я такъ мало видѣлъ къ себѣ участія.

Эта мысль значительно меня облегчила, и я входилъ въ Липки уже безъ всякаго угрызенія совѣсти.

Липки — большой садъ на Соборной площади. Собственно, липъ въ немъ очень мало, больше сирени, осинъ да кленовъ. Въ маѣ, когда цвѣтетъ сирень, тутъ очень хорошо. Всѣ аллеи покрываются густыми цвѣтами, точно лиловой пѣной, и ароматъ отсюда разливается, кажется, по всему городу.

Сейчасъ деревья почти совсѣмъ облетѣли, и аллеи покрыты ворохами смятыхъ и поржавѣвшихъ отъ времени и дождей листьевъ. Они пахнутъ сыростью и почему-то напоминаютъ о кладбищѣ, а голыя деревья кажутся маленькими, обиженными, совсѣмъ не то, что весной.

Въ самомъ центрѣ большой, огороженный цвѣтникъ, тамъ еще доцвѣтаютъ красные осенніе цвѣты, но и цвѣтникъ напоминаетъ теперь неубранную модную мастерскую, съ безпорядочно набросанными и измятыми лоскутками яркихъ матерій. Въ этомъ цвѣтникѣ и таится бесѣдка, гдѣ назначено мнѣ свиданіе.

Элла уже тамъ.

Я вижу ее въ такой же гранатовой шапочкѣ, какъ у сестры, и сердце мое переполняется нѣжностью. Я съ облегченіемъ думаю, что

люблю только одну ее и не пойду на свиданіе съ Меей. Навѣрное не пойду.

Условленное свиданіе, а между тѣмъ мы встрѣчаемся какъ бы нечаянно, и обоимъ становится такъ неловко, какъ никогда до этой минуты.

Мы молча садимся въ небольшой бесѣдкѣ, рѣшетчатый переплетъ ея закрытъ вьющимся дикимъ виноградомъ, лохмотья котораго кое-гдѣ просвѣчиваютъ на солнцѣ, какъ огромные рубины.

Со всѣхъ сторонъ бесѣдку окружаютъ деревья. Безлюдно, печально и тихо. И мы сидимъ почти, какъ въ закрытой каретѣ.

Когда я думалъ объ этомъ свиданіи, мнѣ казалось, лишь только мы увидимся съ Эллой, сейчасъ же скажемъ другъ другу то, что останется между нами навсегда. Между тѣмъ у Эллы такое строгое лицо и она такъ прямо глядитъ передъ собою, какъ будто видитъ тамъ нѣчто болѣе важное, чѣмъ все, что мы можемъ другъ другу сказать.

Я грызу листочекъ, сорванный по пути. Это маленькая хитрость: такимъ образомъ я закрываю мой ненавистный прыщикъ.

Мы молчимъ, а время идетъ и приближается къ тому часу, когда можетъ придти Мея.

— Элла!

Она настороженно и радостно оборачивается.

— Мнѣ надо много, много сказать вамъ.

— И мнѣ.

— Ну, говорите, — радостно глядя на меня, говоритъ она.

— Нѣтъ, сначала вы.

— Почему же я?

Ея свѣтлые глаза молятъ меня.

— Хорошо. — У меня захватываетъ дыханіе, и сердце начинаетъ учащенно колотиться. — Я скажу только... только...

— Что?

— Отвернитесь.

Ея головка быстро поворачивается, и нѣжные пушистые волосы ея на шеѣ свѣтятся на солнцѣ.

— Элла, я люблю васъ, — единымъ духомъ шепчу я ей на ухо.

Она вздрагиваетъ, точно я обжегъ ее своимъ признаніемъ. Я вижу, какъ вспыхиваетъ краской ея прозрачное ухо; она на мгновеніе оборачивается ко мнѣ, и лицо ея также какъ бы изнутри свѣтится этимъ розовымъ пламенемъ счастья.

— И я, — отвѣчаетъ она. И въ то же мгновеніе быстро встаетъ и идетъ изъ бесѣдки, закрывая лицо руками.

Я бросаюсь за ней:

— Элла, что съ вами?

Она останавливается у самого выхода, такъ что рубиновые листья касаются ея головы и плечъ.

Вокругъ пусто, и я думаю: «Я могу ее поцѣловать». И, взволнованный, цѣлую сквозь нѣжные пальцы лицо ея.

Руки ея соскальзываютъ со щекъ, и я цѣлую ея глаза и губы.

— Паша, не надо, — шепчетъ она, а сама отвѣчаетъ на мои поцѣлуи.

Колоколъ ударилъ гдѣ-то; мы отшатнулись другъ отъ друга.

Бьютъ часы на соборной колокольнѣ: Разъ. Два. Три. Четыре.

Боже, какъ быстро пронесся этотъ часъ!

— Я должна идти домой, — говоритъ Элла.

Съ какой бы радостью я удержалъ ее, но мысль объ опасномъ столкновеніи останавливаетъ меня.

— Я провожу васъ, или нѣтъ, тебя, — поправляюсь я. — Вѣдь мы уже поцѣловались, значитъ, можно говорить другъ другу — ты. Конечно, только тогда, когда мы вдвоемъ. Правда?

— Правда.

— Значитъ, — ты!

— Ты.

Я тотчасъ же пользуюсь этимъ счастливымъ правомъ.

— Я люблю тебя Элла, — тихо говорю я ей, склоняясь къ ея уху.

— И я люблю тебя, — говоритъ она, не глядя на меня.

— Ты должна сказать мнѣ это въ глаза.

И она оборачивается и такъ ясно, просто повторяетъ:

— Я люблю тебя.

— Давно ты полюбила меня?

— Когда я увидѣла тебя больнымъ. Мнѣ такъ стало жаль тебя. А ты?

— Я полюбилъ тебя, когда ты принесла мнѣ астры. Ты сама мнѣ показалась похожей на этотъ бѣлый нѣжный цвѣтокъ.

Это сравненіе только сейчасъ пришло мнѣ въ голову. Да, въ ней есть эта чистота и спокойствіе, пожалуй, даже слишкомъ много спокойствія.

Мы выходимъ изъ сада. Налѣво — молчаливая громада собора, и мнѣ необыкновенно ясно представилось, какъ мы будемъ съ ней вѣнчаться здѣсь и она будетъ вся въ бѣломъ, съ бѣлыми цвѣтами, съ холодной чистотой перваго снѣга. Но когда это будетъ? Вѣдь мнѣ еще нѣтъ шестнадцати лѣтъ.

Я не могъ высказать ей всего этого.

— Это ничего, — успокоила она меня. — Я буду тебя ожидать. Мы любимъ другъ друга и будемъ любить вѣчно.

— Но у меня ничего нѣтъ, — печально проговорилъ я. — А ты привыкла къ роскоши.

— О, какіе пустяки! Ты началъ печатать уже свои стихотворенія и навѣрное скоро будешь знаменитостью.

Я почувствовалъ необыкновенную бодрость и легкость въ душѣ и весь преисполнился къ ней благодарностью. И когда мы разставались за кварталъ отъ ея дома, я оглянулся вокругъ и, увидѣвъ, что никого нѣтъ, быстро поцѣловалъ ея руку, руку моей будущей жены.

Но едва мы разстались, на соборной колокольнѣ пробило пять.

Я остановился, съ смущеніемъ слушая этотъ сливающійся съ городскимъ гуломъ звонъ послѣдняго колокольнаго удара.

Мея уже навѣрное ждетъ меня тамъ. Я пойду къ ней, но лишь затѣмъ, чтобы сказать, что я люблю ея сестру, что только ей я буду посвящать мои стихотворенія и никогда больше никого не полюблю.

Ужъ закатилось холодное осеннее солнце, посвѣжѣлъ и потускнѣлъ воздухъ, а когда я входилъ въ Липки, тамъ изъ кустовъ ужъ выползали сумерки и еще сильнѣе пахло сыростью и осенними листьями.

Какая-то влюбленная пара, при видѣ меня, перешла въ другую аллею.

Какъ бы ни было имъ хорошо, они не могли быть счастливы такъ, какъ мы съ Эллой. Я вспомнилъ, какъ она мнѣ сказала, что любитъ меня, и сердце съ необыкновенной отчетливостью повторило не только ея голосъ, но и выраженіе ея свѣтлаго милаго лица.

Въ цвѣтникѣ было еще темнѣе, и уже отпылали цвѣты и рубиновые листья померкли.

Меи не было. Это меня удивило. Зная ея обычную недобрую насмѣшливость, я подумалъ:

«Неужели она обманула меня съ тѣмъ, чтобы надо мною посмѣяться?»

Съ обидой и раздраженіемъ я взглянулъ въ глубь аллеи; оттуда тянуло пустотой и холодкомъ.

Самое лучшее было бы сейчасъ уйти. Вѣдь могло быть и хуже: встрѣтивъ сейчасъ Эллу, она могла бы сказать ей о моемъ коварствѣ и въ доказательство привести ее съ собою. Да, самое лучшее уйти, уйти, пока не поздно.

Но я не только не уходилъ, а стоялъ въ бесѣдкѣ и ждалъ.

И вдругъ услышалъ быстрый, легкій шумъ шаговъ совсѣмъ съ другой стороны, чѣмъ я разсчитывалъ.

— Мея! — какъ бы мгновенно освободившись изъ какихъ-то путъ, я бросился ей навстрѣчу. — Я думалъ, вы не придете.

Она протянула мнѣ обѣ руки, засмѣялась своимъ сдержаннымъ внутреннимъ смѣшкомъ.

— А вотъ я и пришла.

Она, не выпуская моихъ рукъ, потянула меня къ бесѣдкѣ.

Мнѣ стало непонятно весело и радостно, несмотря ни на что.

— Я такъ боялась, такъ боялась, — возбужденно журчалъ ея голосъ. — Чтобы никого не встрѣтить, я кралась сюда самыми глухими аллейками. А теперь такъ хорошо, такъ хорошо, и вы здѣсь, и я никого и ничего не боюсь.

Она зябко поводя своими дѣтскими плечами, приблизилась ко мнѣ, какъ будто для того, чтобы согрѣться.

Я почувствовалъ около себя ея тонкое гибкое тѣло, въ которомъ, казалось, также переливался ея журчащій голосъ и смѣхъ.

«Надо сказать ей, надо сейчасъ сказать!» — торопилъ я себя исполнить свое обѣщаніе; но ея кудрявая головка очутилась такъ близко предо мною. Она граціозно запрокинулась, такъ что глаза ея смотрѣли на меня снизу вверхъ и смѣялись двумя лукавыми трепещущими огоньками.

«Вѣдь она же знаетъ, что я люблю Эллу, — съ отчаяніемъ подумалъ я. — Что же что такое?»

Вѣроятно, она замѣтила эту мгновенную тѣнь на моемъ лицѣ, выпрямилась, и огоньки ея погасли и глаза стали грустными.

— Я знаю, о чемъ вы думаете! — ревниво прозвучалъ ея голосъ.

Стало жаль ея улыбки, ея смѣха, трепещущихъ огоньковъ ея глазъ, и я съ неестественной поспѣшностью отвѣтилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ не то, что вы думаете.

«Боже мой, какъ это подло съ моей стороны!»—тупо стукнулъ въ сердце укоръ.

— Да? — обрадовалась она.

И я снова почувствовалъ ее возлѣ себя, и не знаю, какъ моя рука охватила ея тонкую талію.

— Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо! — вливался въ меня ея голосъ и пьянилъ и тянулъ къ ея губамъ, которыя я сталъ цѣловать, не помня себя.

Эти поцѣлуи не были легкими, какъ прикосновеніе прохлад-

наго цвѣтка, поцѣлуями Эллы. И самыя слова Меи были какъ бы продолженіе поцѣлуевъ, торжествующія и смѣлыя.

— Я знала, что это такъ будетъ. Я васъ полюбила съ того самаго дня, какъ вы тогда прибѣжали къ намъ. И когда вы заболѣли, это я, я потянула Эллу, и я, я захотѣла вамъ принести цвѣты. И даже то, что она писала вамъ, все это сдѣлала я. Развѣ же я виновата, что я полюбила васъ! Я не хотѣла этого, но такъ случилось; значитъ, никто не виноватъ.

Весь этотъ стремительный рой словъ и поцѣлуевъ сверкалъ, какъ искры изъ быстро мчавшагося ночью поѣзда, который уносилъ куда-то въ темноту и безвѣстность мой покой и святость перваго обѣта.

XXIV.

Съ этого дня для меня началось настоящее мученье.

Уже слѣдующимъ утромъ я встрѣтилъ Эллу вмѣстѣ Меей и рѣшительно не зналъ, какъ мнѣ себя держать.

Элла глазами дала мнѣ понять, что она не виновата, что такъ случилось, а Мея, какъ будто нарочно устроила эту встрѣчу, чтобы испытать меня и, видимо, торжествовала и подсмѣивалась надъ безпомощностью своей сестры.

По счастью, уроки у нихъ оканчивались не всегда одновременно, и въ первую же встрѣчу наединѣ съ Эллой я почувствовалъ, какъ она безконечно дорога мнѣ, и готовъ былъ покаяться ей въ своемъ вѣроломствѣ.

Но она была такъ далека отъ всякихъ подозрѣній, что у меня не хватало духа огорчить ее, и я велъ себя съ нею такъ, какъ будто ничего необыкновеннаго не произошло, и до встрѣчи съ Меей наединѣ мнѣ даже казалось, что постепенно все обойдется, что это только капризъ, которому я не въ силахъ былъ противиться, и что она сама вотъ-вотъ отойдетъ въ сторону.

Я и желалъ этого и втайнѣ боялся. Что-то остро и мучительно влекло меня къ ней и, когда пришла очередь встрѣтиться наединѣ съ нею, я почувствовалъ, что не въ силахъ отказаться и отъ ея любви.

Какъ нарочно, Мея на этотъ разъ притворялась долго холодной и небрежной со мной и даже необыкновенно искусно придавала лицу недоумѣвающее выраженіе, когда я старался напомнить ей о томъ, что между нами произошло. Но, наконецъ, не выдержала и стала смѣяться знакомымъ мнѣ волнующимъ смѣхомъ и, заставивъ войти за собою въ подъѣздъ ея дома, внезапно обвила руками мою шею и такъ меня поцѣловала, что осенній вѣтеръ съ мелкимъ дождемъ, дув-

шій прямо въ лицо мое съ Волги, долго не могли охладить на губахъ моихъ этого поцѣлуя.

Она никогда не разспрашивала меня о моихъ отношеніяхъ съ Эллой, можетъ быть, потому, что предполагала съ моей стороны охлажденіе къ ея сестрѣ. Не могло же это быть ей безразлично! Но скорѣе всего изъ гордости.

Однажды случилось такъ, что до уроковъ я встрѣтился съ Эллой; послѣ уроковъ съ Меей. И въ этотъ день совѣсть такъ преслѣдовала меня за то, что я и той, и другой, хотя и по-разному, говорилъ: люблю, — что я не могъ учить уроковъ, былъ страшно разсѣянъ на занятіяхъ съ Наташей и ночью плохо спалъ. И среди ночи у меня вырвалась искренняя мольба:

— Господи, устрой такъ, чтобы я любилъ кого-нибудь одну изъ нихъ!

На утро я пришелъ въ классъ съ тяжелой головой, съ отвратительнымъ холодящимъ сознаніемъ, что уроковъ не выучилъ. Лучше было бы совсѣмъ не идти. Но, во-первыхъ, какъ разъ въ это утро было назначено свиданіе съ Меей, а во-вторыхъ, я надѣялся, что меня не спросятъ на первыхъ урокахъ, а въ перемѣнахъ я успѣю приготовить.

Страшнѣе всего была физика, урокъ директора. Онъ пугалъ меня послѣ моей рѣчи на именинахъ стараго его предшественника своими косыми тяжелыми взглядами.

Нѣсколько разъ неожиданно онъ задавалъ мнѣ вопросы по своему предмету, видимо, стараясь поймать меня врасплохъ, но это, по счастью, не удавалось.

На этотъ разъ я влопался:

Онъ съ злымъ ледянымъ спокойствіемъ поставилъ мнѣ двойку и сказалъ:

— Вмѣсто того, чтобы изучать падшихъ, вы бы лучше изучали науку-съ.

Въ классѣ со стороны противной намъ партіи послышались торжествующіе смѣшки.

Я чувствовалъ, что покраснѣлъ, и мнѣ это стало досадно, тѣмъ болѣе, что директоръ, у котораго не смѣли шевельнуться въ классѣ, не сдѣлалъ моимъ врагамъ за это никакого замѣчанія.

Я не выдержалъ и возразилъ, съ трудомъ сдерживая дрожь моего голоса:

— Я никого не изучалъ. Но мнѣ нужны средства для того, чтобы учиться, а за стихи мои мнѣ платятъ деньги.

— Это меня не касается, — рѣзко и сухо оборвалъ директоръ,

но если вы предпочитаете печатать ваши вирши, а не учиться, извольте оставить училище.

Я сѣлъ оскорбленный, подавленный. И на этотъ разъ даже враги мои постыдились продолжать свое злобное торжество.

Гоненіе на меня началось и не на одного меня: весь нашъ кружокъ попалъ явно въ опалу не только директора, но и его приспѣшниковъ-учителей. Зато Колобовъ и другая партія, остававшаяся вѣрной старому директору и прежнимъ традиціямъ, какъ никогда, относилась къ намъ съ заботливымъ вниманіемъ и снисходительностью.

Особенному гоненію подвергся съ директорской стороны, которою мы называли правой стороной, Тырковъ, и онъ самъ отчасти былъ тому причиной.

Нельзя было не замѣтить, что съ Тырковымъ творится что-то неладное. Онъ какъ-то вдругъ потускнѣлъ, точно растерялся; уже не было ни прежнихъ забавныхъ дурачествъ, ни этихъ талантливыхъ подражаній.

Онъ совсѣмъ пересталъ учиться и, повидимому, ходилъ въ училище просто по привычкѣ, чтобы не оставаться дома въ одиночествѣ. И лицо и глаза его также потускнѣли.

— Что съ тобой, Тырковъ?

— Ничего.

И спѣшилъ уклониться отъ всякихъ разговоровъ, отходилъ въ сторону. Только съ своимъ другомъ Симаковымъ, обнявшись, ходили они въ перемѣны по коридору, но и то разговаривали мало. Больше молчали и лишь изрѣдка о чемъ-то перешептывались.

Видно было, что и Симаковъ подавленъ былъ состояніемъ своего друга, хоть и пытается подбодрить и поддержать его.

Пытались черезъ Симакова узнать, въ чемъ дѣло, нельзя ли чѣмъ-нибудь помочь товарищу. Но Симаковъ только плечами пожималъ:

— Да нѣтъ. Да ничего, можетъ, обойдется.

Но не только не обошлось, а наоборотъ, кончилось такой катастрофой, которая потрясла, не однихъ насъ, его товарищей.

На урокѣ русскаго языка Феокритовъ вызвалъ Тыркова повторить то, что онъ говорилъ объ аористахъ.

Тырковъ молчалъ.

— Что же вы молчите? — взвизгнулъ Феокритовъ. — Развѣ вы не слышите, что я васъ спрашиваю? Или васъ такъ Богъ убилъ, что даже этого не понимаете.

Тырковъ поднялъ голову, тяжело и устало посмотрѣлъ на него и совершенно равнодушно и даже не особенно громко сказалъ:

— А пойдите вы къ чорту.

Сначала подумали, что это послышалось. Изумленно поглядѣли другъ на друга:

— Что онъ сказалъ?

— Что онъ сказалъ?

Даже учитель, повидимому, не повѣрилъ своимъ ушамъ

— Что? — взвизгнулъ онъ, поднимая треугольничкомъ брови.

— Ничего, — устало сказалъ Тырковъ и сѣлъ.

Феокритовъ сорвался съ мѣста и вылетѣлъ въ коридоръ.

Ученики бросились къ нему:

— Что ты надѣлалъ!

— А, надоѣли они мнѣ.

— Да вѣдь тебя теперь, несомнѣнно, исключатъ.

— Да я и самъ себя исключу.

— Но ты за это можешь выскочить съ волчьимъ билетомъ: тебя никуда не примутъ.

— Примутъ, — загадочно отвѣтилъ онъ.

— Онъ, господа, съ ума сошелъ! Тебя, дурака, лѣчить надо.

Тотъ какъ-то криво улыбнулся и повелъ глазами.

Настроеніе у всѣхъ стало смутное. Не было, какъ обычно въ такихъ случаяхъ, ни рѣзкихъ споровъ, ни шума. И почти тотчасъ за Феокритовымъ влетѣвшій въ классъ надзиратель Ключиковъ, прозванный вѣшалкой за то, что вѣшалка его вицмундира постоянно торчала сзади, былъ даже удивленъ этимъ неожиданнымъ порядкомъ въ классѣ.

— Тырковъ, къ директору, — скомандовалъ онъ.

— Зачѣмъ это?

— Какъ зачѣмъ! Требуетъ.

— Требуетъ, — съ угрозой повторилъ Тырковъ, — тѣмъ хуже.

Онъ всталъ, высокій, стройный, сильный и медленной походкой, съ опущенной головой, пошелъ къ дверямъ.

Всѣмъ почуялось недоброе. И всѣ какъ-то замерли въ тяжеломъ ожиданіи, съ страстнымъ любопытствомъ глядя на удалявшагося товарища.

Такимъ же чувствомъ, повидимому, былъ охваченъ и Ключиковъ. Поднявъ свою маленькую голову, съ острой бѣлобрысой бородкой, онъ готовъ былъ ринуться вслѣдъ за Тырковымъ.

Но тотъ неожиданно остановился въ дверяхъ, какъ-то нехотя обернулся къ намъ и, кивнувъ головой, сказалъ:

— Прощайте, товарищи.

И скрылся за дверью.

Симаковъ выскочилъ изъ-за парты.

— Степанъ! — крикнулъ онъ съ испугомъ. Но того уже не было.

Симаковъ въ нерѣшительности постоялъ и сѣлъ.

Учительская комната, гдѣ обыкновенно совершался судъ надъ учениками и допросъ директоромъ, помѣщался внизу. И всѣ какъ-то даже притаились, думая о томъ, что творится сейчасъ подъ нами. Насталъ моментъ, когда въ классѣ стало совсѣмъ тихо.

«Вѣшалка» стоялъ въ дверяхъ, подрыгивая своими козлиными ножками, и смотрѣлъ въ безмолвный коридоръ, также, какъ и мы, чего-то ожидая.

Былъ ненастный осенній день, и ужъ съ недѣлю дувшій холодный путанный вѣтеръ бросалъ въ окна мелкій, пронзительный дождь.

И вдругъ въ этой тишинѣ совершенно ясно всѣ услышали глухой ударъ выстрѣла.

Кто-то въ классѣ вскрикнулъ. Кажется Эди, потому, что онъ въ ужасѣ закрылъ лицо руками. Бороховъ вскочилъ блѣдный, съ разинутымъ ртомъ. Надзиратель моментально исчезъ, точно провалился. И всѣ тревожно зашумѣли, задвигались и бросились въ коридоръ.

Черезъ минуту все училище уже знало о катастрофѣ: Тырковъ застрѣлился въ директорской.

Эта трагическая исторія моментально обросла всевозможными слухами: одни говорили, что Тырковъ хотѣлъ застрѣлить директора, но тотъ ударилъ его по сгибу руки, и выстрѣлъ угодилъ самому Тыркову прямо въ високъ; другіе передавали, что Тырковъ въ инквизиторской ударилъ директора и тутъ же застрѣлился самъ: третьи несли такой несообразный вздоръ, что отъ нихъ только отмахивались.

Все училище было донельзя потрясено, взволновано, и всѣ съ жаднымъ любопытствомъ рвались туда, гдѣ произошла эта кровавая катастрофа.

Тамъ уже былъ докторъ и, кажется, полиція: никого изъ учениковъ, разумѣется, не пускали. Оттуда никто не выходилъ, а между тѣмъ, всѣ уже знали, что Тырковъ въ агоніи.

Наконецъ вышелъ инспекторъ и сказалъ:

— Господа, въ виду случившагося несчастья... умеръ вашъ товарищъ... — большая челюсть его задрожала, но онъ сдѣлалъ усиліе надъ собою и, сдвинувъ густыя сѣдѣющія брови, распорядился отрывисто. — Спокойно разойдитесь по домамъ. Ученье нынче продолжаться не будетъ.

Въ толпѣ кто-то всхлипнулъ: обернулись. Бороховъ истерически рыдалъ.

Не расходились долго, но громкихъ разговоровъ не было. Нашъ кружокъ, забывъ всякую конспирацію, выходилъ особнякомъ. И около училища толпились.

Было какъ-то тяжело и даже жутко расходиться по домамъ.

Видѣли, какъ къ подъѣзду училища подъѣхалъ полковникъ съ большими сѣдыми усами. Это былъ дядя Тыркова, братъ его матери, проживавшей въ казачьей станицѣ на Дону. У него Тырковъ и жилъ.

Симаковъ, при видѣ его, машинально поднялъ фуражку, но тотъ не замѣтилъ этого и прошелъ въ училище.

Изъ всѣхъ насъ Симаковъ одинъ могъ знать настоящую тайну этого самоубійства, но ни у кого не поворачивался языкъ разспрашивать его, а онъ былъ до такой степени ошеломленъ, что двигался какъ будто машинально, точно въ кошмарѣ.

И также машинально поклонился онъ дядѣ своего друга. И только послѣ этого, точно сразу проснулся, ахнулъ, прислонился всѣмъ своимъ тѣломъ и лицомъ къ каменной стѣнкѣ училища и весь затрясся отъ плача.

XXV.

Въ этомъ ошеломляющемъ событіи надолго потонули всѣ интересы нашего кружка, всѣ наши планы и начинанія. Временно перестали даже сбираться и сообща читать. И у всѣхъ было какое-то затаенное сознаніе своей виноватости передъ трагически-погибшимъ товарищемъ.

Можетъ быть занятые своими идейными стремленіями, въ которыхъ было къ тому же не мало личнаго тщеславія, мы недостаточно любовно и внимательно относились другъ къ другу, и во-время высказанное участіе, дружеская заботливость, почемъ знать, можетъ быть, предотвратили бы эту кровавую развязку.

Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, думать, что онъ застрѣлился только потому, что его исключали изъ училища, хотя на этомъ стояли всѣ враги новаго директора и упорно вводимой имъ бездушной, принижающей системы.

Важнѣе всего при этомъ было то, что за этотъ слухъ ухватились не одни непосредственные жертвы-ученики, но и ихъ близкіе и всѣ, кому было дорого будущее впечатлительной и податливой молодежи.

Вмѣстѣ съ оппозиціонной частью общества за эту трагедію ухватилась и печать и, насколько ей доступно было въ предѣлахъ стро-

вой цензуры, обиняками и эзивоками указывали на ужасъ новаго школьнаго режима.

Конечно, всѣми этими слабыми протестами пошатнуть режимъ было невозможно, но директора могли столкнуть съ занимаемаго имъ мѣста.

Тогда директоръ и вся его клика стали распространять слухъ, что ученикъ застрѣлился вовсе не изъ-за школьнаго гнета и преслѣдованія, а потому, что заразился дурной болѣзнью.

Когда я въ первый разъ услышалъ такое объясненіе, мнѣ съ ужасомъ вспомнилась ночь, когда мы съ Кривошеинымъ возвращались отъ Симакова со сходки.

Но я не сталъ дѣлиться этимъ сомнѣніемъ ни съ Кривошеинымъ, ни съ Эди. Да и въ сущности это было не важно. Какъ бы то ни было, преслѣдованіе неугодныхъ директору учениковъ временно прекратилось, и я также вздохнулъ свободнѣе.

И личныя мои передряги тоже отошли въ сторону.

Такъ это было принято и Эллой и Меей.

Мы продолжали встрѣчаться, но это уже не были условленныя свиданія, да и тонъ сталъ совсѣмъ иной.

Онѣ были также потрясены совершившейся трагедіей, но и тутъ ярко сказалась разница ихъ характеровъ: у Эллы ничего, кромѣ ужаса и жалости, у Меи — острое любопытство и непонятный, даже пугавшій меня восторгъ.

— Ахъ, какъ жаль, что я его такъ мало знала! Вѣрно, онъ былъ необыкновенный, сильный, гордый!

— Что ты говоришь! Что ты говоришь! — изумлялась Элла. — Скажите ей, что это неправда. Что онъ, значитъ, наоборотъ, не надѣялся на себя, иначе не сталъ бы себя убивать.

Но Мея, не слушая ее, продолжала:

— И это даже странно, что я не обратила на него вниманія. Правда, онъ у насъ былъ всего два-три раза, но я же должна была его угадать, отличить отъ другихъ... значитъ, я нечуткая.

Послѣднія слова какъ-то непріятно задѣвали меня и вызывали что-то въ родѣ зависти и ревности, тѣмъ болѣе, что мой героическій поступокъ, которымъ Мея восторгалась даже больше, чѣмъ Элла, совсѣмъ потерялся въ этомъ событіи.

Однако, стараясь не выдать своихъ низкихъ чувствъ, я возражалъ ей:

— По-моему, Элла права.

— О, вы еще, можетъ быть, скажете, что это грѣхъ! — негодовала Мея. — Что его за это накажутъ на томъ свѣтѣ!

— Вы знаете, что я не вѣрю въ тотъ свѣтъ, такъ же, какъ и

вы, — отвѣчалъ я съ отчаяннымъ атеизмомъ, который, однако, не мѣшалъ мнѣ передъ каждымъ серьезнымъ отвѣтомъ въ гимназіи, когда я не зналъ урока, втайнѣ горячо восклицать: «Господи, сдѣлай такъ, чтобы меня не спросили!»

— Вы это говорите потому, что вы сами не могли бы никогда поступить такъ.

— Мея! — съ ужасомъ и негодованіемъ останавливала ее сестра. — Какъ ты можешь, какъ ты смѣешь такъ говорить!

Уязвленный, я пытался презрительно разсмѣяться:

— Я надѣюсь, что моя жизнь пригодится еще на что-нибудь лучшее.

— Да, да, конечно, — горячо подтвердила Элла.

Мея несдержанно встряхивала плечами.

— О, такъ всякій эгоистъ можетъ говорить.

— Женская логика. Если такъ разсуждать, такъ, значитъ, эгоистъ тотъ, кто хочетъ жертвовать собой за другихъ, такъ по-вашему? А не тотъ, кто кончаетъ съ собой, разъ ему не повезло.

— Правда, правда, — горячо поддерживала меня Элла. — Что? Ну, что ты на это можешь возразить?

— Что? Что? Что сказать такъ всякій можетъ.

Это уже было оскорбленіе мнѣ. И за что? Я вовсе не хотѣлъ унижать память моего несчастнаго товарища, но, унижая меня, чтобы его возвысить, Мея возбуждала во мнѣ нехорошія чувства.

— Вы все это говорите, а сами еще и не знаете, почему онъ покончилъ съ собой.

Она поблѣднѣла, но какъ будто обрадовалась этому недостойному съ моей стороны намеку.

— А-а! такъ. Значитъ, вы на сторонѣ тѣхъ, которые распускаютъ этотъ гадкій слухъ? Хорошо же, хорошо. Если вы подтвердите мнѣ, что это такъ, я повѣрю. Ну, что жъ говорите, говорите! — подзадоривала она меня, топая въ нетерпѣніи ногой.

Но мнѣ уже стало стыдно за свою слабость. И также разсерженный этимъ вызовомъ, я поспѣшилъ отвѣтить:

— И вовсе я не на ихъ сторонѣ. И ничего подобнаго я не хочу сказать. И я не понимаю, за что вы злитесь на меня, вѣдь я не виноватъ, что онъ застрѣлился.

— Нѣтъ, виноваты, виноваты, всѣ вы виноваты! — говорила она съ дрожью въ голосѣ. — И всѣ люди виноваты, когда дѣлается такое. Да, да, всѣ, всѣ, всѣ!

Она остановилась, продолжая внѣ себя топать ногой, и въ ея горящихъ глазахъ заблестѣли слезы.

Элла растерянно схватила ее за руки.

— Мея, Меечка, что съ тобой? Зачѣмъ такъ!

Но она вырвала руки.

— Ахъ, оставьте меня, оставьте — и, круто повернувшись, быстро прошла прочь.

Элла взволновалась, заметалась.

— Боже мой, что же это такое?

Она какъ будто хотѣла броситься за сестрой, но не рѣшалась оставить меня.

— Идите, идите къ ней, — вырвалось у меня.

Элла удивленно взглянула на меня, покраснѣла, и я видѣлъ, что ея порывъ въ сторону сестры сразу погасъ.

— Хорошо, — сказала она, отвернувшись отъ меня, и даже не сказавши: прощайте, не протянувъ мнѣ руки, пошла за сестрой, но я не видѣлъ въ ея движеніяхъ особеннаго желанія поскорѣе догнать сестру.

Все это меня чрезвычайно разстроило, какъ будто я же въ чемъ-то здѣсь былъ виноватъ. Чувствовалось ясно, что недовольны мною обѣ и, что всего страннѣе, я самъ былъ недоволенъ собой: мнѣ казалось, что я что-то потерялъ, потерялъ, быть можетъ, навсегда и было одиноко, обидно и горько.

— Въ чемъ же я виноватъ? Въ чемъ? — спрашивалъ я себя.

На одно мгновеніе явилось даже мучительное желаніе побѣжать вслѣдъ и какъ-нибудь разсѣять, загладить это непріятное впечатлѣніе. Почему-то особенно безпокоила меня Мея. Конечно, она была во многомъ не права, но, за неправотою словъ ея таилось что-то другое, что меня тревожило и влекло къ ней.

Съ тоской я возвратился домой, и на другой день уже не встрѣтилъ ни Эллу, ни Мею.

Это меня въ конецъ разстроило. Но я тутъ же впалъ въ покаянное настроеніе и мысленно сталъ себя казнить.

Правда, правда! Мея разгадала меня: я ничтожный эгоистишка. Я чуть-чуть не предалъ товарища, да еще покойнаго!

Нѣтъ ничего удивительнаго, что она и Эллѣ раскрыла на меня глаза и, такимъ образомъ, я сразу потеряю любовь ихъ обѣихъ. И это подѣломъ. Ничтожный, ничтожный эгоистъ! И теперь въ то время, какъ всѣ еще полны ужасомъ, я опять таки ношусь только съ своими личными мелкими чувствами!

Это раскаяніе нѣсколько сгладило мое сердечное пораженіе.

Однако, когда въ училищѣ Эди подалъ мнѣ записку и сказалъ: «Это отъ Меи», я страшно обрадовался и покраснѣлъ.

«Простите меня, — писала Мея. — Я вамъ потомъ все объясню».

А что же Элла? Почему же Элла ничего не написала мнѣ?

Я съ напускнымъ равнодушіемъ спросилъ Эди:

— А какъ здоровье Эллы?

— Она здорова. Но между ею и Меей, кажется, пробѣжала черная кошка. И это такъ глупо. Я нынче вышелъ въ училище нѣсколько позже ихъ и видѣлъ, какъ онѣ шли по одной улицѣ, но по разнымъ сторонамъ. Что это тебѣ пишетъ Мея? — вскользь спросилъ онъ.

Я зналъ, что Эди никогда не могъ прочесть чужой записки, хотя она и не запечатана, совралъ ему, что Мея проситъ у меня книгу и тутъ же опять выругалъ себя за это вранье.

Какъ правдивъ, ясенъ и честенъ Эди и какъ я лживъ и испорченъ!

— Эди! — въ искреннемъ порывѣ обратился я къ нему. — Какой ты хорошій и какъ я хотѣлъ быть такимъ, какъ ты!

Онъ съ милой застѣнчивостью и изумленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Вотъ! Что ты говоришь! Ты не знаешь, какой я гадкій и завистливый: я позавидовалъ тебѣ, когда ты такъ смѣло сказалъ свою рѣчь, то-есть даже не тому, что сказалъ, я бы тоже не струсилъ, а тому это этотъ успѣхъ выпалъ не мнѣ. Я даже Тыркову позавидовалъ, что онъ застрѣлился потому, что я бы никакъ не могъ. Я такъ люблю жизнь. Такъ люблю и небо, и землю, и Волгу, и все, и всѣхъ людей!..

— Такъ зачѣмъ же умирать? Надо жить, Эди. А ужъ если умирать, то за этихъ людей, за идею.

— Да, да, — горячо воскликнулъ онъ, — я поклялся, что я сдѣлаю это, если придется. Но я боюсь, ахъ, боюсь, что у меня не хватитъ на это силъ. Знаешь, что, давай поклянемся въ этомъ другъ другу, тогда совѣстно будетъ не исполнить.

— Давай.

Мы протянули другъ другу руки, потомъ посмотрѣли другъ другу въ глаза и крѣпко поцѣловались.

— Ну, вотъ, такъ лучше, — радостно заключилъ Эди и, наклонившись ко мнѣ, тихо прошепталъ: — А все-таки знаешь, вотъ Лисуновъ говоритъ, что, если Тырковъ рѣшилъ покончить съ собой, такъ онъ долженъ былъ передъ этимъ, понимаешь... онъ имѣлъ въ виду директора. Нѣтъ, я все равно никогда, никого не могъ бы убить.

Три дня я не видѣлъ ни Эллы, ни Меи. Очень страдалъ и те-

вяся въ разгадкѣ тайны моихъ чувствъ. Въ концѣ концовъ, я долженъ былъ признаться, что, кажется, люблю обѣихъ и неизвѣстно, которую больше. Теперь, когда записка Меи нѣсколько успокоила меня относительно ея чувства ко мнѣ, казалось, что я больше люблю Эллу.

Но что же значитъ, что та и другая избѣгаютъ меня? Я бы, конечно, могъ пойти къ нимъ, но что-то останавливало. А вдругъ онѣ разсказали другъ другу о моемъ вѣроломствѣ! Но тогда зачѣмъ же имъ было ссориться? А записка Меи?

На четвертый день утромъ Эди мимоходомъ сообщилъ мнѣ, что дѣвчонки помирились: вчера вечеромъ онѣ все плакали и обнимались.

Въ этотъ день послѣ уроковъ я встрѣтилъ Эллу, и въ первую минуту встрѣчи мы были такъ оба смущены, что не могли сказать ни слова. Замирая отъ жуткаго ожиданія, я, наконецъ, рѣшился спросить ее:

— Элла, что же это значитъ?

Она обернулась ко мнѣ своимъ открытымъ лицомъ, и на глазахъ ея были слезы:

— Ахъ, я виновата передъ тобою! Тогда... тогда... Послѣ того... Я не хотѣла вспоминать объ этомъ. Но теперь все объяснилось. Мнѣ показалось... Я приревновала. Но вчера Мея сама подошла ко мнѣ и созналась, что она лишь хотѣла подразнить меня. Что она знаетъ, какъ я люблю тебя и даже... даже увѣряла, что ты также меня очень любишь.

— Она такъ сказала? — невольно вырвалось у меня.

— Да, да, — чистосердечно и радостно продолжала она. — При этомъ Мея даже заплакала.

— Заплакала?

— Да, да. Это, вѣрно, отъ раскаянія, что она меня заставила такъ страдать.

Это меня больно укололо. Значитъ, Мея просто играла со мной? И вотъ объясненіе той записки, которую она мнѣ написала.

Негодованіе, обида, вмѣстѣ съ ноющей тоской, охватили мое сердце. Какъ въ эту минуту я страстно желалъ возненавидѣть Мею и съ какой нѣжностью сталъ я говорить Эллѣ, что люблю ее одну, что никогда ея не разлюблю и что ей одной всю жизнь буду посвящать свои стихи.

Но вернувшись домой, я увидѣлъ на моемъ столѣ три большихъ красныхъ розы. Конечно, это Мея вспомнила о проигрышѣ и прислала мнѣ эти три прекрасныхъ цвѣтка.

Проигрышъ и ничего болѣе, старался я увѣрить себя. И все же не могъ смотрѣть на эти цвѣты безъ глубокой нѣжности. И поздно ночью, продолжая думать о нихъ и о Меѣ, какъ-то нечаянно сочинилъ стихи.

Стихи о трехъ бѣлыхъ розахъ, брошенныхъ на могилу поэта холодной рукою той, изъ-за который онъ погибъ.

Ночью свершилась великая тайна:
Чудо свершила любовь,
Ярко окрасила бѣлыя розы
Сердца разбитаго кровь.

XXVI.

Кривошеинъ торжествовалъ. Въ послѣднее время онъ нѣсколько разъ видѣлся съ Наташей: она сама черезъ меня просила его повидаться съ ней, а наканунѣ рѣшительнаго свиданія нацарапала ему записку кривыми, робкими буквами, которыя, однако, ей самой доставляли большое удовольствіе.

Еще больше эта записка доставила удовольствія Кривошеину. Прочитавъ ее, онъ засмѣялся своимъ грубоватымъ, раскатистымъ смѣхомъ.

— Ого-го. Превосходно. Давно бы такъ слѣдовало. Молодецъ!

— А что? — заинтреесовался я.

— Конецъ. Отставка. Или, какъ она пишетъ черезъ ф: отстафка. Э, чортъ, эта ошибка тутъ какъ-то идетъ. Понимаешь, теперь ужъ никакихъ . . . Всѣ дипломатическіе переговоры кончены и баста. Она не только отказалась наотрѣзъ отъ всякой ихъ помощи, но и прекратила всякое дальнѣйшее знакомство. Ничего нѣтъ и не было. Баста!

— Однако, — напомнилъ я ему, — ты относительно денежной помощи съ ихъ стороны когда-то самъ говорилъ иначе.

— Э, мало ли что говорилъ! Говорилъ одно, а думалъ другое.

Затѣмъ уже съ серьезнымъ лицомъ, съ таинственнымъ волненіемъ закончилъ.

— Когда-нибудь, братъ, узнаешь, почему я такъ доволенъ.

Но я и безъ того догадывался. Догадывался по этимъ записочкамъ, которыми они обмѣнивались и смыслъ которыхъ такъ ясно отражался на немъ и на ней. Еще Кривошеинъ не всегда былъ ясенъ мнѣ, зато настроеніе Наташи и ея намеки часто оказывались болѣе четки, нежели каракули диктовки ея.

— Вы еще не знаете, чт это за человѣкъ!—съ умиленіемъ сказала какъ-то Наташа. — Я бы и не повѣрила, что такіе люди на свѣтѣ бываютъ, если бы не встрѣтилась съ нимъ.

Зато въ другой разъ отзывалась съ ѣдкимъ раздраженіемъ:

— И чего еще ему отъ меня нужно? Чего онъ меня мучаетъ?

Когда я въ отвѣтъ на это осторожно пытался дознаться о причинѣ ея раздраженія, она чуть не со слезами жаловалась, не договаривая, однако, до конца.

— И совсѣмъ онъ меня не понимаетъ, а я знаю, что, согласись я, такъ первый же отвернется отъ меня. А если такъ, для меня лучше петля.

Съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какой жадностью она ждала отвѣта на послѣднюю записку свою. Но еще прежде, чѣмъ раскрыть эту записку, она, блѣдная и дрожащая, спрашивала меня, какъ онъ принялъ ея письмо. И когда я разсказалъ ей о его радости, она съ легкимъ крикомъ обняла меня и расплакалась.

Въ сумракѣ пустой мастерской, среди нелѣпыхъ манекеновъ, неодѣтыхъ и одѣтыхъ платьями, этотъ радостный плачъ едва не заставилъ расплакаться меня самого.

— Ну вотъ, давно бы такъ, — говорила она прерывающимся шопотомъ. — О, Господи, зачѣмъ же было душой кривить! Ужели онъ хоть минуточку сомнѣвался.

Прочитавши записку, она прижала ее къ сердцу и долго стояла такъ, въ упоеніи закрывъ глаза.

— Что же мнѣ скрываться передъ вами! — сказала она, наконецъ, съ широкой искренностью. — Вѣдь вы же другъ его. Люблю и люблю. Но только съ этимъ подождемъ годъ, два, три . . . сколько хочетъ. Вотъ когда скажу я: достойна, тогда и будетъ. Я сама слышу, какъ изъ меня эта муть выходитъ. Да и для него рано. А любовь, какъ огонь, сильная — отъ времени пуще разгорится. А про меня ему нечего безпокоиться. Много я всякихъ видала, а полюбила его одного и никого больше не полюблю. Это ужъ въ сердцѣ кровью припечатано. Вотъ только тяжело мнѣ, противно дѣло мое. Но и объ этомъ ему нечего безпокоиться. Привыкну. Для него все выдержу.

Однако, она и не подозрѣвала, какъ и тутъ была близка перемѣна ея жизни.

И виновницей этой перемѣны неожиданно оказалась Грушенька.

Грушенька пріѣхала, наконецъ, на гастроли. Правда, остановилась она не у своихъ, а въ постиницѣ, такъ какъ не отдыхать пріѣхала, а работать.

Но въ первый же день пріѣзда весь нашъ дворъ, взволнованный ея появленіемъ, только и говорилъ о Грушенькѣ. Моя хозяйка всплескивала руками и захлебывалась отъ восторга:

— И что это за существа такая! въ такой славѣ живетъ, а гордости въ ней ни капелюшки. Со всѣми съ нами не только что за руку, а въ губы цѣлуетъ. Зато и Богъ ее любитъ. Всѣ старѣются, а она годъ отъ году моложе да красивше. Помянула я ей о тебѣ, Паша, такъ она вся загорѣлась, какъ мамашу вспомнила твою. «Дарочкинъ сынокъ, — говоритъ, — безпремѣнно, безпремѣнно хочу его видѣть». Оченно просила тебя зайти къ ней. Она у Бакурова живетъ.

Однако, я не сразу рѣшился пойти къ подругѣ моей матери и раньше попалъ въ театръ на галерку, куда мы съ Наташей забрались далеко еще до начала спектакля. Кривошеинъ пришелъ позже.

Зная исторію Грушеньки, Наташа жадно ожидала появленія ея на сценѣ.

Грушенька, пополнѣвшая и даже какъ будто выросшая въ сравненія съ тѣмъ образомъ, какой остался у меня въ воспоминаніи, при первомъ же своемъ появленіи вызвала такой восторженный привѣтъ въ переполненномъ театрѣ, что у меня сердце неистово заколотилось отъ радости и отъ гордости.

Весь спектакль я пробылъ въ какомъ-то золотомъ чаду. Въ восторгѣ былъ и Кривошеинъ, но нельзя было угадать на этотъ разъ, какъ переживаетъ это Наташа.

Съ горящими глазами, она ничѣмъ не выражала своего восторга и, видимо, раздражалась безконечными аплодисментами и вызовами послѣ каждаго дѣйствія.

Это огорчало не только меня, но и Кривошеина:

— Вотъ она всегда такая. Какъ только что-нибудь ее сильно задѣнетъ, замолчитъ, какъ нѣмая.

Но послѣ спектакля Наташа, наконецъ, высказалась.

— Лучше бы мнѣ не ходить. Каждый разъ какъ пойду, точно вина напьюсь.

Кривошеинъ поморщился при этомъ сравненіи, вызывавшемъ непріятное воспоминаніе о ея прошломъ. Она, вѣрно, замѣтила это и усмѣхнулась, какъ-то не по доброму:

— Что же дѣлать, ужъ такая я! Какъ побываю въ театрѣ, завидки берутъ. Такъ бы, кажется, сама всѣхъ и переиграла.

Мнѣ вспомнилась Олечка съ ея страстью къ сценѣ. Можетъ быть, и тутъ было врожденное.

— Такъ неужели вамъ не понравилась Грушенька? — ревниво вырвалось у меня.

Наташа притихла и не сразу отвѣтила.

— Какъ можно. Очень даже понравилась. Она, должно быть, и сама хорошая, а только... я ужъ не знаю какъ... Я, конечно, ничего не понимаю, я дура неотесанная, только всѣ они стараются ужъ очень, чтобы это красиво было.

— А вѣдь это вѣрно!—въ восторгѣ подхватилъ Кривошеинъ,— именно стараются, чтобы все красиво было.

Ободренная его поддержкой, Наташа продолжала:

— И пуще всѣхъ она старается. Ужъ очень она умѣетъ играть. А мнѣ такъ кажется, чтобы если она меньше умѣла, такъ у ней бы это лучше выходило.

— Э, чортъ, ей Богу вѣрно, — уже совсѣмъ въ восторгѣ воскликнулъ Кривошеинъ. — Ну и молодчинище же вы, Наташа! ну и чутье! Вѣдь вѣрно? Вѣрно? — приставалъ онъ ко мнѣ.

Я былъ втайнѣ обиженъ за Грушеньку, но въ мысляхъ Наташи чуялась правда. Однако, уступить я не хотѣлъ.

— Не знаю. Не знаю. Она сама изъ простыхъ и ужъ, конечно, перевидала такихъ Катеринъ сколько угодно.

— Ну ужъ и сколько угодно, — недовольно заступился Кривошеинъ. — Да и потомъ перевидать этого мало, нужно эту Катерину въ себѣ носить.

Наташа замѣтила, что огорчила меня.

— Да вѣдь нѣтъ, я не говорю, что не хорошо. Только не по моему.

Это ужъ мнѣ совсѣмъ не понравилось:

— Да, говорить-то легко.

Видимо, уходя въ себя, Наташа продолжала свое:

— Ужъ очень она напираетъ тамъ, гдѣ не надо. И голосомъ такъ...

Наташа, вдругъ измѣнивъ голосъ, сказала такъ, какъ Грушенька:

— «Эхъ, Варя, не знаешь ты моего характера». А по мнѣ такъ нужно такъ сказать, какъ будто она сама съ собой разговариваетъ. И все такъ, она все больше съ собой разговариваетъ, чѣмъ съ другими. Другіе это только для видимости у ней. Такой ужъ ея характеръ. Такъ она и говоритъ: «Эхъ, Варя, не знаешь ты моего характера. Ужъ коли очень мнѣ здѣсь опостылетъ, такъ никакой силой меня не удержать. Въ окно выброшусь, въ Волгу кинусь».

Наташа почти цѣликомъ сказала слова Катерины. Сказала тихо, даже какъ будто монотонно, но въ страстной напряженности ея голоса прозвучало что-то такое, что меня поразило, и я невольно повернулъ къ ней голову.

Но она уже отошла отъ этой фразы и продолжала:

— И платокъ она это все теребитъ и поправляетъ напрасно. Да и ходитъ совсѣмъ не такъ, — уже разсердившись, осудила Наташа. — Катерина вотъ какъ ходитъ, точно ее вѣтеръ несетъ.

Наташа, какъ будто сжавшись и ставши меньше, совсѣмъ иначе поставила голову, чѣмъ она носила ее всегда, сдѣлала нѣсколько шаговъ передъ нами по темному пустынному тротуару.

Кривошеинъ въ невольномъ порывѣ протянулъ ей вслѣдъ руки.

— Наташа! — крикнулъ онъ, когда она остановилась и съ торжествомъ обернулась назадъ. — Наташа, да у васъ таланты! Ей Богу, талантъ, Наташа! А? Что же это такое? — обращался онъ уже ко мнѣ. — Ты же видишь? А! Фу, чортъ!

Онъ сорвалъ съ головы фуражку, встряхнулъ волосами, откинулъ прямую длинную прядь, упавшую на лобъ, и радостно, по-дѣтски разсмѣялся.

— Вотъ такъ штука! Я зналъ, что что-то такое будетъ! Что не такой это человѣкъ, чтобы всю жизнь иголкой въ тряпки тыкать.

И Наташа отвѣтила ему такимъ же радостнымъ и смущеннымъ смѣхомъ.

— Васъ только послушать...

— Нѣтъ, что ужъ тамъ! — заливался Кривошеинъ. — Слушай, Гарьковъ, надо какъ-нибудь того, свести ихъ съ этой... съ Грушенькой что ли...

Наташа испугалась.

— Какъ можно. Зачѣмъ? Срамиться только мнѣ.

— Это ужъ я знаю, зачѣмъ. Не осрамимся. Нѣтъ, братъ, не осрамимся, — радостно и гордо заявилъ онъ. — Тутъ, братъ, настоящее, безъ всякой поддѣлки.

— Ну, вотъ, ничего-то не видя. Можетъ, это мнѣ такъ кажется, что я сумѣла бы Катерину представить. Да и кажется, можетъ быть, потому, что во мнѣ самой это есть... точно родную сестру увидала.

Но Кривошеинъ уже не хотѣлъ слушать ея возраженій.

— Э, что тамъ! Я оселъ, я дуракъ, я дубина стоеросовая. Я еще тогда долженъ былъ догадаться, когда ты мнѣ представляла, какъ у васъ барыни платья примѣряютъ, — незамѣтно перешелъ онъ съ ней на ты. — Ну, такъ какъ же, Гарьковъ, примемся за это дѣло.

— Завтра же пойду къ Грушенькѣ.

— Именно завтра же, нечего откладывать. Кстати, завтра суб-

бота, въ воскресенье Наташа не работаетъ и, если твоя Грушенька согласится принять ее, лучше и не надо.

Не безъ трепета шелъ я на другой день къ Грушенькѣ и, признаюсь, не мало при этомъ меня озабочивала Наташа.

Приблизившись къ ея номеру, я сразу рѣшился постучать.

Изъ-за двери доносились голоса. Значитъ, она была не одна. Не придти ли въ другое время.

Но какъ разъ въ эту минуту я получилъ довольно чувствительный ударъ въ лобъ. Отскочилъ въ сторону и увидѣлъ барышню, которая въ упоеніи даже не замѣтила меня, въ рукахъ ея была фотографическая карточка, и она, выпятивъ губы, дула на свѣже-написанную чернилами надпись на лицевой сторонѣ.

Отступать не приходилось, и я, потеревъ лобъ, двинулся къ двери, гдѣ стояла просто одѣтая дѣвушка.

— Вы къ госпожѣ Горской? — и, не дожидаясь моего отвѣта, доложила: — Тутъ гимназистъ, Аграфена Петровна.

— Тоже, вѣрно, съ фотографической карточкой, — пробасилъ знакомый мнѣ голосъ.

Смѣшанный запахъ духовъ, гостиницы и даже какъ будто театральной пыли потянулъ меня въ переднюю, и я въ зеркалѣ гостиной увидѣлъ недовольную гримасу на лицѣ артистки, въ которой не сразу узналъ вчерашнюю Катерину.

По лысинѣ сидѣвшаго противъ нея человѣка я узналъ моего редактора.

— Э, молодежью артисткамъ нельзя пренебрегать, — довольно безцеремонно замѣтилъ онъ вслухъ.

Горничная мнѣ сдѣлала знакъ войти, и я, уже раскаиваясь въ своемъ визитѣ, вошелъ точно со связанными ногами.

Въ глаза бросилась яркая ткань капота, корзина съ цвѣтами, видѣнная уже вчера, вѣнки съ красными и голубыми лентами съ золотымъ блескомъ буквъ.

— Да, это вы, Паша! — воскликнулъ пріятный ласковый голосъ. Блеснули большіе, прямо смотрящіе черные глаза, и высокая, начинающая полнѣть фигура протянула мнѣ руки изъ широкихъ ниспадающихъ рукавовъ.

Я едва успѣлъ кивнуть головой, какъ эти руки обняли меня и вмѣстѣ съ ними такъ физически ощутительно коснулся меня ароматъ цвѣтовъ, духовъ и театра. Нѣжныя губы коснулись моихъ волосъ, яба. Затѣмъ руки, лежавшія на моихъ плечахъ, чуть-чуть отдалили меня, и нѣсколько неестественно оживленный голосъ зазвучалъ мнѣ прямо въ лицо.

— Ну, конечно, и говорить не надо: вылитый Дарочка. И глаза ея и весь, весь! Ну, нарядить въ платье — совсѣмъ будетъ мать. И на мужчину даже не похожъ.

Затѣмъ, сразу понизивъ голосъ, какъ это она дѣлала вчера въ нѣкоторыхъ сценахъ, артистка обратилась уже къ моему редактору:

— Это сынъ моей подруги, котораго я сама не разъ купала въ корытцѣ. Да, да, не краснѣйте, молодой человѣкъ (я и не думалъ краснѣть). Купала вотъ этими руками.

Красивыя руки ея, до локтей выступивъ изъ широкихъ рукавовъ, нѣжной бѣлизной блеснули передъ моими глазами.

— Только тогда это были руки не извѣстной артистки Горской, а дѣвки огородницы Грушеньки.

Вѣроятно, біографія артистки была хорошо уже извѣстна редактору, потому, что на лицѣ его ничего не выразилось, кромѣ восторженнаго умиленія.

— Впрочемъ, я такой же и осталась для своихъ друзей, — торжественно закончила она и еще разъ поцѣловала меня въ лобъ, взяла за руки и уже хотѣла представить своему гостю, какъ онъ сказалъ:

— До сихъ поръ я восхищался вами, какъ артисткой, а теперь поклоняюсь вамъ, какъ человѣку. — Приложился къ ея рукѣ и благосклонно поздоровался со мной. — А мы уже знакомы. Какъ же, какъ же, нашъ сотрудникъ, поэтъ. Вотъ кстати, молодой человѣкъ, напишите оду несравненной Аграфенѣ Петровнѣ.

Я съ неудовольствіемъ пожалъ его пухлую съ короткими пальцами руку: терпѣть не могъ, когда меня называли молодой человѣкъ.

— Поэтъ! — изумилась она, поднимая брови. — Впрочемъ, иначе оно и быть не можетъ. Если бы вы знали, что за поэтическая натура была его мать. А какъ пѣла! Я безъ слезъ не могу вспомнить ея милаго, слабаго, но такого нѣжнаго голоса. Бѣдняжка умерла такъ рано.

Артистка слегка откинула назадъ голову съ черными, красиво поднимавшимися со лба волосами, опустила длинныя рѣсницы, какъ бы отдаваясь охватившей ее трогательной печали воспоминаній.

Но вотъ рѣсницы ея снова взмахнули и, схвативъ мои руки, она потянула меня къ дивану:

— Здѣсь, здѣсь рядомъ. — Извинилась передъ редакторомъ. — Вы ужъ не посѣтуйте, старые пріятели встрѣтились.

Редакторъ всталъ, наклоняя лысую голову, разводя снисходительно руками.

— О, я всегда уступаю мѣсто молодежи! — Выставилъ свои широкія мясистыя ладони, на которыя она, игриво хлопнувъ, поло-

жила свои руки, грубоватые пальцы которыхъ, пожалуй, одни во всей ея наружности выдавали дочь огородницы.

Онъ поцѣловалъ сначала одну, потомъ другую ея руку, кивнулъ мнѣ головой.

Она, провожая его, серьезнымъ тономъ говорила:

— Такъ ужъ вы, пожалуйста, своимъ репортерамъ скажите, чтобы они во что бы то ни стало разыскали князя. Онъ не согласится придти ко мнѣ, сама къ нему поѣду.

— А если онъ въ Галаховомъ домѣ.

— И туда поѣду, все равно. Ай-ай-ай, какая жалость! — Она тяжело вздохнула и съ опечаленнымъ лицомъ вернулась ко мнѣ. Теперь лицо ея, да и вся она, какъ-то сразу стали иными. И такъ нравилась мнѣ больше.

Сѣла рядомъ со мною и просто, дружески положила мнѣ руку на плечо.

— Вы это о какомъ князѣ спрашивали? Можетъ быть, о князѣ Курепинѣ? — догадался я.

— Да. Ты почему знаешь?

Я разсказалъ о встрѣчѣ съ княземъ. Она оживилась, заинтересовалась.

— Да, да, да! Онъ такой. Ахъ, Боже мой, какая жалость, какая жалость! — Вся заволновалась, загорѣлась. Встала, заходила по комнатѣ, закурила папиросу и задымила какъ-то по-мужски. — Если бы можно было спасти, кажется, ничего бы не пожалѣла. Какой человѣкъ-то, Господи, какая душа-то! И такъ пропадаетъ.

— Изъ-за чего же? — рѣшился спросить я.

Она хмуро шевельнула бровями.

— Изъ-за чего? Вотъ поди жъ ты. Развѣ человѣческую душу поймешь! Сказать бы изъ-за женщины... Такъ нѣтъ. Это такъ только... Князь, да еще какой! И красавецъ былъ, и умница, и образованный, и души высокой, и вотъ такъ... Тянетъ его въ смрадъ, въ грязь, въ нищету и тьму человѣческую. Вотъ мы изъ тьмы и нищеты вверхъ рвемся, а онъ въ самый низъ. И вѣдь самъ же намъ помогаетъ. Вѣдь кому я всѣмъ обязана, какъ не ему! Вѣдь это разсказать, такъ сказка выйдетъ, прямо хоть пьесу пиши. Такъ ты вотъ что: если онъ и тебѣ встрѣтится, скажи мнѣ, и ему скажи. А теперь, о себѣ разсказывай.

Задумчиво поглядѣла на меня, потомъ припомнила, засмѣялась.

— Когда тебѣ было годъ, а можетъ быть, и меньше, отъ груди тебя мать отнимала. Впрочемъ, что же это я, развѣ можно такое вспоминать, когда ты уже почти молодой человѣкъ, — и, покачивая головой, опять засмѣялась: — Ну, разсказывай, разсказывай, очень

хочу знать, какъ ты и что. — И тутъ же опять не дала мнѣ рта разинуть. — Да постой, ты, можетъ быть, ѣсть хочешь? Да не церемонься. Нѣтъ? Ну, тогда хоть чаю, вотъ съ конфетами, съ хлѣбомъ. Устройте-ка, Дуняшка, намъ чай. Ну, разсказывай же, разсказывай...

— Да что же разсказывать?

— Чудной, ну, разсказывай, какъ живешь, какъ учишься, кто тебѣ помогаетъ.

Я съ гордостью похвастался, что живу своимъ трудомъ. А тутъ ужъ пришлось разсказать и какъ раньше было. Пріятно было, что она удивилась, растрогалась, вспомнила мать мою.

— Вотъ бы порадовалась Дарочка, если бы жива была!

Подождала, когда ушла Дуняша, принесшая намъ чаю, погладила меня по головѣ, какъ маленькаго, и просто сказала:

— Молодежь, такъ и надо. Лучше хлѣбъ съ водой, чѣмъ пирогъ съ бѣдой. А чужая помощь только злобу въ душѣ разжигаетъ. Не будь этого, не чувствуй я себя князю обязанной, все, можетъ быть иначе бы было и, можетъ быть, не шатался бы онъ теперь пропойцей и галахомъ.

Я затаилъ дыханіе. Очень ужъ было любопытно узнать исторію съ княземъ, на которую послѣднее признаніе ея бросало мутный свѣтъ.

Но она какъ-то раздраженно встала, бросила въ блюдечко своей чашки потухшую папиросу, закурила другую и нервно заходила по комнатѣ. И опять ея движенія и ея лицо стали иными. И только сейчасъ я разглядѣлъ, что кожа на этомъ лицѣ, которое сначала произвело на меня впечатлѣніе очень молодого, поблекшая, сѣроватаго, нездороваго тона.

Она не говорила ни звука, но черты лица измѣнялись, какъ во время волнующей бесѣды.

— Ну, да нечего! — сказала она вдругъ рѣзко, глубокимъ, низкимъ голосомъ. — Если бы было иначе, навѣрное изъ меня и толка никакого бы не вышло. Человѣкъ, какъ мельникъ: долженъ рѣку запрудить, чтобы мельница какъ слѣдуетъ работала.

Тутъ же опомнилась, и я понялъ, что разговоръ о князѣ конченъ. Вспомнилъ о Наташѣ, но не зналъ, какъ приступить; пустая случайность помогла мнѣ.

Вошла Дуняша, чтобы убрать чашки. Эта почтенная дѣвица въ присутствіи своей госпожи производила забавное впечатлѣніе: она, видимо, во всемъ старалась подражать хозяйкѣ, начиная съ прически и кончая манерами; и теперь мнѣ это особенно бросилось въ глаза, когда, проходя мимо зеркала, Дуняша придала головѣ тотъ поворотъ, какой сейчасъ былъ у хозяйки. Вѣроятно, въ эту минуту она

забыла о чашкахъ, находившихся въ ея рукахъ, и одна изъ нихъ соскользнула съ подноса и разбилась объ полъ.

Грушенька вздрогнула и съ досадой топнула ногой:

— Опять! Надоѣли вы мнѣ своимъ разгильдяйствомъ. Только и знаете, что все разбивать и портить.

У Дуняши перекосилось лицо, задрожали губы. Грушенька рѣзко прикрикнула на нее:

— Ну, пожалуйста, безъ истерикъ! Уберите это и уходите съ глазъ моихъ.

Когда Дуняша убрала черепки и исчезла, Грушенька, нисколько не стѣсняясь меня, разразилась бранью:

— Вотъ дура, чортовъ уродъ. Видѣть ея не могу больше. Точно обезьяну себѣ завела: передразниваетъ меня во всемъ, да и только. Но это еще бы шутъ съ ней, а то духами моими душится, пушкомъ моимъ пудрится, да что! бѣлье мое ужъ начала носить. Ей мало, что я ей свои вещи дарю. На-дняхъ вижу на моей почтовой бумагѣ кому-то любовное письмо пишетъ. Сейчасъ бы ее выгнала, если бы можно было на ея мѣсто портниху найти.

И опять Грушенька предстала мнѣ новой, непріятно вульгарной и грубой, но тутъ некогда было разбираться въ этомъ, и я заговорилъ о Наташѣ.

— Что жъ, пусть придетъ. Какая тамъ актриса въ ней, это мы увидимъ, а если она хорошо шить умѣетъ и со вкусомъ, такъ у меня ей будетъ не хуже, чѣмъ въ мастерской.

Меня нѣсколько разочаровало, что Грушенька такъ холодно отнеслась къ моей рекомендаціи, но вѣдь и то сказать, она понятія не имѣла о Наташѣ. Что касается происхожденія Наташи, я объ этомъ умолчалъ.

— Пусть завтра утромъ и придетъ. А теперь я ко всенощной пойду. Ты какъ, въ Бога-то еще вѣришь? — спросила она меня.

Я только сейчасъ прочелъ Феербаха: «Сущность христіанства», и готовъ былъ щегольнуть своимъ философскимъ отношеніемъ къ религіи, но она не стала дожидаться моего отвѣта и ужъ совсѣмъ попростому заключила:

— Въ Бога грѣхъ не вѣрить, безъ Бога все равно не проживешь на свѣтѣ. Ну, до свиданья, Господь съ тобой, — какъ-то особенно кротко простилась она со мной, видимо, переходя при мысли о церкви къ соотвѣтствующему настроенію, какъ, навѣрно, это было при каждой новой роли.

— Забѣгай ко мнѣ почаще. Въ театръ, когда захочешь, я тебѣ контрамарку дамъ.

Я былъ уже за дверями, когда услышалъ еще разъ повелительный голосъ:

— Дуняша, черное платье мнѣ, черную шляпу и бурнусъ.

Колокола зазвонили ко всенощной, когда я подходилъ къ мастерской Наташи. Она такъ и бросилась ко мнѣ, желая знать результаты моихъ переговоровъ съ Грушенькой. Признаться, я побаивался, что она не согласится на положеніе полуприслуги при актрисѣ. Но Наташа съ радостью приняла это.

— Экая важность, ужъ если актрисой хочу быть, то и эту роль исполню. Говорите, капризная она; ничего, всѣмъ капризамъ ея потакать буду, только бы своего добиться.

— Вотъ Кривошеинъ будетъ радъ! — вырвалось у меня.

Наташа задумалась:

— Будетъ радъ?..

Не договорила, подняла голову и напомнила мнѣ Грушеньку, когда та сравнила себя съ мельникомъ.

— А заниматься-то мы все-таки не перестанемъ, — внезапно выходя изъ оцѣпенѣнія, обратилась ко мнѣ Наташа. — Мнѣ смерть, какъ хочется научиться не только читать и писать по русскому, но и на другихъ языкахъ. Особенно по французскому. Когда заказчицы по французскому говорятъ, а я не понимаю, такъ становится обидно, точно я не человѣкъ, а собачка, оттого что ни одного слова не разберу. Не бойся, Грушенька на всѣхъ языкахъ говоритъ, — завистливо закончила она.

— Ну, врядъ ли.

— Навѣрно, говоритъ. Безъ этого никакъ нельзя актрисѣ. Я сколько разъ слышала, какъ въ театрѣ не только по французскому, но и по нѣмецкому и по англійскому выражались. Такъ вы говорите, она сейчасъ ко всенощной пошла? — неожиданно и взволнованно перемѣнила Наташа бесѣду. — Знаете, Паша, я тоже ко всенощной хочу пойти Богу помолиться, передъ завтрашнимъ днемъ. Она куда пошла?

— Въ старый соборъ, куда ходила, когда дѣвчонкой была.

— Ну, вотъ и я туда пойду. А вы бѣгите къ Кривошеину и скажите ему, какъ это все хорошо складывается. Охъ, помогъ бы Господь!

XXVII.

Въ половинѣ октября погода круто перемѣнилась: подули тревожные вѣтры, полились ледяные дожди; сѣрыя тучи толклись днемъ и ночью въ небѣ, точно тяжелые сны, которыми бредила обнаженная,

измученная, иззябшаяся земля. Волга потемнѣла, вздулась, какъ громадное распухшее тѣло, и пароходы и плоты, торопливо заканчивавшіе свои послѣдніе пути, ужъ не оживляли ее и не радовали глазъ.

А на берегу валялся непріятный соръ, который, если и былъ лѣтомъ, не производилъ такого впечатлѣнія пустоты и неряшливости: какъ будто кто-то оставилъ эти берега, гдѣ еще все было цѣло и открыто и продолжало свою внѣшнюю жизнь, но самое важное исчезло, и этотъ соръ и обрывки дрожали и беззвучно вопили о заброшенности и безпомощности.

Я продолжалъ встрѣчаться съ Эллой, но эти встрѣчи были рѣже и какъ-то сдержаннѣе, мѣшала непривѣтливость природы и длинная, рыжая, стѣсняющая меня старая шинель, до величины которой я никакъ не могъ дорасти.

О Меѣ я старался не думать и дулся на нее за проявленное коварство; она же явно меня избѣгала и въ рѣдкія минуты встрѣчъ опять проходила порою мимо меня такъ преувеличенно гордо, какъ будто я не живой человѣкъ, а тѣнь.

Въ отместку за это я ни звукомъ не намекнулъ ей о вызванномъ ея розами стихотвореніи. Больше того, какъ-то нечаянно я написалъ новые стихи, въ которыхъ корилъ измѣнницу за ея коварство и грозился во время мятежной бури на утломъ челнокѣ броситься въ пучину разъяренныхъ волнъ и отдаться ихъ гибельной власти.

Въ остальномъ все шло своимъ порядкомъ, и понемногу опять налаживались собранія нашего кружка.

Наташа устроилась уже у Грушеньки. Грушенька не особенно спѣшила пріобщить ее къ своему искусству, но Наташа сама потихоньку въ свободныя минуты и по ночамъ, хотя еще и не вполнѣ читала по писанному, разучивала ея роли и это тѣмъ болѣе давалось ей, что она видѣла всю подготовительную работу самой артистки.

По рекомендаціи Колобова я получилъ урокъ у нѣмца, доктора тюремной больницы. Заниматься приходилось съ веснущатымъ первоклассникомъ за двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ. Это уже было цѣлое богатство. Нѣмецъ даже предлагалъ переѣхать къ нему въ мезонинъ, но меня останавливало мрачное сосѣдство, да и почему-то не хотѣлось покинуть ласково пріютившаго меня сапожника.

Но, благодаря одному обстоятельству, скоро все перевернулось, и я волей-неволей принужденъ былъ оставить родной мнѣ дворъ.

У насъ былъ обычай съ концомъ навигаціи, какъ только появлялся первый ледъ или, по мѣстному, сало, провожать Волгу. Въ послѣдній разъ мы брали лодку у мѣстнаго лодочника, который за

свою благообразную наружность и длинную бороду назывался апостоломъ.

Въ праздничный холодный вѣтряный день было особенно весело и нѣсколько жутко разбивать встрѣчныя волны, обдававшія насъ ледяными брызгами, и грести противъ сильнаго теченія, умѣло вонзая двѣ пары дружныхъ веселъ въ тяжелую, мутную, стремительную воду.

Сначала шли вдоль берега вплоть до рыбныхъ исадъ. Пѣли дружно «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», и вѣтеръ хваталъ наши молодые голоса и разматывалъ ихъ надъ вскипающими бѣлыми гребнями.

Крѣпкія молодыя тѣла и сердца переполнялись осеннимъ бодрымъ хмелемъ. И хотѣлось пѣть какія-то особенныя, почти дикія пѣсни, въ которыхъ сказалась бы и эта кипящая волжская ширь, и вѣтеръ и наша юность, а приходилось пѣть все однѣ и тѣ же давно извѣстныя, переходившія изъ поколѣнія въ поколѣніе пѣсни.

За исадами надо было пересѣчь стрежню до острова.

— На перевалъ! — скомандовалъ Кривошеинъ, сидѣвшій на рулѣ.

Лодка круто повернула носъ отъ берега, и мы съ Симаковымъ изо всѣхъ силъ налегли на весла.

Разъ . . . разъ . . .

Весла гнулись, отбрасывая при каждомъ взмахѣ воду. Иногда разбивали тонкій ледокъ, съ звенящимъ шуршаньемъ ударявшій о борта лодки. Холодный вѣтеръ обвѣвалъ тѣло, лицо, путалъ непокрытые волосы, но работать веслами приходилось изо всѣхъ силъ, и потъ выступалъ на лбу и спинѣ.

Мы взяли на перевалъ почти противъ самаго острова. Лодка послѣ каждаго удара веселъ, какъ живая, прыгала впередъ, перескакивая съ одной волны на другую, шумно шлепая дномъ объ воду. Все дальше и дальше уносился берегъ. Здѣсь, уже расходившіяся на свободѣ, волны качали насъ во всю, и приходилось держать на перевалъ имъ, чтобы вмѣстѣ съ теченіемъ онѣ не опрокинули лодку. Отъ рулевого требовалась большая сноровка и сила, и, несмотря на отчаянную работу, я любовался Кривошеинымъ, который съ строгимъ лицомъ и съ веселымъ спокойствіемъ, не только правилъ рулевымъ весломъ, но и помогалъ намъ.

Одновременно съ удаленіемъ отъ берега буйное теченіе сильно сносило насъ внизъ. На самомъ тяжеломъ перевалѣ стояла на якорѣ огромная бѣляна, и видно было, какъ теченіе рвало ея канатъ, точно чья-то невидимая рука дергала подъ водой туго натянутую струну.

Насъ несло прямо къ этой бѣлянѣ: тутъ нужно было держать ухо востро.

— Навались! — скомандовалъ Кривошеинъ.

Стиснувъ зубы, откидываясь при каждомъ взмахѣ веселъ, мы съ страшными усиліями рвали воду. Кажется, вотъ-вотъ стрежня бросить нашу лодку на канатъ.

Но Кривошеинъ, напнувшись, въ сильный опасный моментъ, вдругъ двинулъ кормовымъ весломъ такъ, что лодка качнулась и благополучно очутилась за баржей.

Слышно было какъ сзади кипѣла, билась и звенѣла разбивающаяся льдинками вода, но теперь путь былъ намъ открытъ, и рѣка пустынно и мрачно уходила вдаль къ плоскому, слегка затуманенному берегу, грузная, мигающая бѣлыми, безчисленными вспышками пѣны.

Видно было, какъ на противоположномъ берегу, на холмѣ близъ Покровской свободы вѣтряная мельница махала крыльями, точно звала къ себѣ и эти волны и насъ.

Теченіе далеко снесло насъ отъ исадъ, но скоро мы уже очутились за стрежней. Островъ перегораждалъ рѣку, теченіе здѣсь было слабое, и мы, измученные напряженной работой, вспотѣвшіе, задыхающіеся, но торжествующіе, могли уступить свои мѣста на веслахъ Лисунову и Степанову.

— Молодцы ребята, получите стаканъ пива, — одобрилъ насъ Кривошеинъ. — Ловко перевалили. Да, черти вы этакіе, накиньте шинели на себя. Намокли, какъ мыши, продуетъ, подыхать будете. Ну, ну, нечего форсить, особенно тебѣ, Павелъ.

Я послушался, накинулъ на себя шинель и усѣлся рядомъ съ Летуновымъ, который уже откупорилъ пиво, чтобы освѣжить наши запекшіяся глотки.

Теперь опять можно было запѣть, и Летуновъ сильнымъ дѣтскимъ альтомъ, который вопреки насмѣшкамъ нашимъ упорно именовалъ теноромъ, затянулъ:

„Отъ зари до зари,
Лишь зажгутъ фонари".

Симаковъ подхватилъ басомъ:

„Вереницей студенты шатаются".

Такъ кричали мы хоромъ до самаго острова.

И любили же мы этотъ островъ! Кажется, не будь его, въ нашей юношеской жизни осталось бы пустое мѣсто. Это былъ свѣтлый, радостный оазисъ нашихъ, въ сущности, тяжелыхъ, однообразныхъ и скудныхъ дней школьнаго періода. Съ самаго начала

весны, едва успѣвалъ тронуться ледъ, почти вплоть до самой зимы, онъ служилъ намъ ласковымъ прибѣжищемъ, источникомъ самыхъ свѣтлыхъ, безкорыстныхъ радостей и восторговъ.

Особенно хорошъ онъ былъ въ маѣ, когда вся могучая зелень его распускалась буйно и ароматно на утучненной рѣчнымъ иломъ землѣ: фіалки, ландыши разстилались великолѣпными коврами, гремѣли соловьи, и въ сіяющихъ весенней голубизной заливчикахъ и заводяхъ плескалась играющая рыба.

Частенько мы ѣздили сюда съ ночевкой; собственными руками ловли раковъ и рыбу, варили все это въ рыбачьихъ котелкахъ и засыпали около потухающихъ костровъ, вкусно пахнущихъ дымкомъ, съ запахомъ котораго смѣшивался ароматъ цвѣтовъ, рѣчного ила и могучей зелени листвы.

Теперь весь островъ стоялъ голый, съ почернѣвшими, облетѣвшими деревьями, листья которыхъ кучами гнили вокругъ почернѣлыхъ стволовъ и, какъ нищенскіе лохмотья, покрывали у береговъ воду.

Осенній разливъ прорѣзалъ островъ извилистыми проливами, и ледяная воровская вода подмывала корни деревьевъ, нерѣдко валила ихъ на своемъ пути, уносила отъ родного берега, и они черными корягами выступали изъ воды со дна и на меляхъ, какъ безобразныя лапы сказочныхъ утопшихъ чудовищъ.

Осеннее половодье успѣло со всѣхъ сторонъ затопить берега, и тамъ на низинахъ передъ стровомъ выступали изъ воды не болѣе, какъ на аршинъ съ своими гибкими, иззябшими верхушками.

Мы нынче рѣшили не уходить вглубь острова, а причалить по близости.

Вытянули лодку и стали разводить костеръ. Летуновъ отправился къ знакомой сторожкѣ, чтобы попытаться достать рыбы и въ послѣдній разъ сварить уху. Самимъ въ этотъ холодъ ловить не хотѣлось да и трудно было разсчитывать на удачу.

А пока что, стали развертывать захваченное съ собою. Всѣ порядочно проголодались и спѣшили перекусить и скипятить воду для чая.

Рѣчная осенняя сырость съ запахомъ гніющихъ листьевъ, прибовъ и рыбы однихъ томила и заставляла валяться на разбросанныхъ на землѣ шинеляхъ, другихъ тянуло дурачиться, бороться.

Летуновъ съ его обезьяньими ухватками, направляясь къ сторожкѣ, не могъ пройти мимо высокаго тонкаго дерева, чтобы не забраться на его вершину. Тутъ, на потѣху и страхъ намъ, онъ продѣлывалъ опасныя штуки: схватившись за самую верхушку ствола

цѣпкими руками, онъ повисалъ съ отчаяннымъ крикомъ, дрыгая маленькими тонкими ножонками.

Гибкій стволъ дерева гнулся, и верхушка съ висящимъ на ней тѣломъ наклонялась чуть не до самой земли. Тогда Летуновъ кричалъ:

— Держите, лечу!

Отпускалъ руки и прыгалъ внизъ съ порядочной высоты, всегда безнаказанно и ловко, какъ кошка.

Въ то время, какъ дерево со свистомъ расправляло свой согнутый станъ, онъ притворялся, что лежитъ мертвый. Тутъ на него всѣ бросались, начинали щекотать, а онъ съ визгомъ вскакивалъ и, какъ заяцъ, удиралъ въ кусты.

Уже въ чайникѣ закипѣла вода, когда Летуновъ вернулся, съ торжествомъ таща въ корзинкѣ цѣлый пятокъ жирныхъ язей.

Мы встрѣтили его криками:

— Урра!

И уже радостно предвкушали будущую уху, когда Эди, бродившій вдали отъ насъ по острову, прибѣжалъ къ намъ задыхающійся и взволнованный:

— Господа, тамъ стряслась бѣда съ лодкой какой-то! Скорѣе на помощь! Люди орутъ и бьются среди волнъ.

Всѣ всполошились.

— Какъ?

— Гдѣ?

— Что?

Но тревожные разспросы перебилъ Кривошеинъ.

— Скорѣе на весла! Со мной! Нечего тратить время. Да не всѣ! Зачѣмъ къ чорту всѣмъ! Вѣдь если въ самомъ дѣлѣ бѣда, придется ихъ перетаскивать въ нашу лодку. Гарьковъ, Симаковъ, со мной!

Бросились къ лодкѣ, моментально столкнули ее въ воду, и мы, какъ были безъ фуражекъ, въ однѣхъ курткахъ схватились за весла.

Эди съ завистью слѣдилъ за нами и, не выдержавъ, взмолился:

— Господа, возьмите меня. Я вѣдь совсѣмъ даже не гребъ на этотъ разъ. А у Симакова кровавыя мозоли.

— Ничего.

Кривошеинъ быстро распорядился:

— Симаковъ на берегъ, Эди сюда.

Эди съ радостью прыгнулъ въ лодку на мѣсто Симакова, который съ такой силой оттолкнулъ лодку, что мы сразу очутились довольно далеко отъ берега. Товарищи взволнованно торопили насъ.

— Скорѣе, сэры, скорѣе.

Эди лихорадочно сообщалъ:

— Лодка саженяхъ въ ста отъ берега, тамъ за поворотомъ. Вѣрно у нихъ сломались уключины или что-нибудь въ родѣ этого. Видно, что они не могутъ справиться съ лодкой. Ее сильно качаетъ и захлестываетъ волнами.

— Греби, греби, — торопилъ Кривошеинъ.

Мы разомъ забросили весла и съ такой силой рванули ихъ подъ конецъ, что весла согнулись и бросили лодку впередъ.

Вода зашумѣла и запѣнилась вдоль бортовъ. Отъ сознанія, что мы спѣшимъ спасать, что-то кипѣло въ груди и придавало необычную силу мускуламъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли передъ собой обезсиленную лодку, въ которой копошились, махали руками и кричали о помощи люди.

Скоро мы убѣдились, что Эди правъ: у нихъ не только сломались уключины, но и оборвались ремни на веслахъ. Волны захлестывали лодку, а вѣтромъ относило ее все дальше и дальше къ стрежнѣ.

Это были четверо мѣщанъ-горныхъ, и среди нихъ я узналъ одного по прозвищу: Бараній Задокъ, грозу мѣстныхъ жителей, извѣстнаго всѣмъ разбойника и озорника, успѣвшаго за свои разбойничьи выходки не разъ уже побывать въ тюрьмѣ.

Не далѣе, какъ въ прошломъ году онъ едва съ своими пріятелями не потопилъ насъ, когда мы катались по Волгѣ. Сейчасъ онъ сильнѣе всѣхъ размахивалъ руками и оралъ:

— Помогите! спасите! Батюшки, отцы родные!

Рыжіе косматые волосы его смокли отъ пота и прилипали къ низкому лбу, подъ которымъ растерянно бѣгали маленькіе раскосые глаза.

Трое другихъ также метались въ лодкѣ и звали на помощь, мокрые, растерянные.

Уже въ лодку нахлестало порядочно воды, такъ что они чуть не по колѣно бултыхались въ ней. Мы сразу сообразили, что надо лодку взять на буксиръ и стать противъ волнъ.

— Ахъ, чортъ! — съ отчаяніемъ воскликнулъ Кривошеинъ. — Вѣдь у насъ веревки нѣтъ, — но тутъ же сообразилъ. — Снимайте, ребята, пояса и подтяжки, у кого, что есть. Близко къ нимъ не подходи, чтобы съ дуру они не стали прыгать въ нашу лодку. Эти олухи пьяны, — понизивъ голосъ, добавилъ онъ.

Хмель, дѣйствительно, несмотря на страхъ, не успѣлъ еще выскочить изъ ихъ растерявшихся и взлохмаченныхъ головъ.

— Только спасите, братцы, ничего не пожалѣю, — кричалъ са-

мый старшій изъ нихъ, рябой мужикъ съ тугой черной бородой. — Я трактирщикъ Папуновъ.

Кривошеинъ крѣпко связалъ ремни и, бросая мясницку, строго заявилъ:

— Слушаться меня! Мы возьмемъ васъ на буксиръ, а вы выхлестывайте воду. Есть черпакъ?

— Унесло.

— Ну веслами выхлестывайте, шапками, чѣмъ хотите. А вы, — обратился онъ къ намъ, — ужъ сами правьте веслами и пребите назадъ. Я буду держать ихъ лодку на ремняхъ, а если потянутся къ намъ, отпущу къ чорту, пускай тонутъ, — заявилъ онъ умышленно громко, чтобы тѣ слышали.

Пока Кривошеинъ бросалъ ремень, сидѣвшему на носу, въ лодку успѣла вкатиться большая волна, и тамъ неистово завопили:

— Ой, батюшки, пропадемъ!

Дѣйствительно, большая неуклюжая лодка еще болѣе наполнилась водой и съ трудомъ выдерживала четверыхъ. Приходилось хоть одного изъ нихъ волей-неволей взять къ себѣ. Рѣшили взять, какъ наиболѣе перепуганнаго, трактирщика.

Кривошеинъ съ внушительнымъ спокойствіемъ объявилъ, что одного мы покуда возьмемъ, но другіе пускай выхлестываютъ воду, только при такихъ условіяхъ все можетъ кончиться благополучно.

Потянувшись къ борту лодки съ завѣтряной стороны, мы перетащили къ себѣ трактирщика, но въ это время волна захлестнула и нашу лодку, такъ что ноги наши сразу очутились въ водѣ.

— Пускай.

Теперь опять корма нашей почти соприкосалась съ носомъ ихъ лодки.

— Греби!

Мы съ Эдей заработали веслами, но уже вѣтромъ и теченіемъ насъ за это время успѣло далеко отнести и, несмотря на энергичное усиліе, лодка наша съ непомѣрно тяжелымъ буксиромъ подвигалась крайне медленно.

Эди сидѣлъ впереди, и я видѣлъ, какъ не только напрягались его плечи, но и напруживалась красивая юношеская шея.

— Навались! навались!

Ноги у меня промокли въ ледяной водѣ, но на головѣ и на тѣлѣ выступалъ потъ.

Въ той лодкѣ изо всѣхъ силъ выхлестывали воду. Новый пассажиръ также старался ковшомъ выбрасывать налившуюся воду изъ нашей лодки. Дѣло у тѣхъ шло теперь нѣсколько успѣшнѣе, потому что мы хотя съ трудомъ подвигались, но все же держались и дер-

жали ихъ наперерѣзъ волнамъ. Только брызги вѣтеръ бросалъ въ лицо, но это пріятно освѣжало.

— Можетъ быть, перемѣнимся, Гарьковъ, — предложилъ Кривошеинъ. — А этотъ, какъ васъ?.. Папуновъ... подержитъ ремень...

— Нѣтъ, нѣтъ.

Мнѣ стыдно было сознаться, что я утомленъ.

— Ничего, я еще погребу.

— А вы, сэръ?

— О! — бодро отвѣтилъ Эди, — я же сѣлъ съ свѣжими силами!

Мы продолжали свое дѣло съ прежней настойчивостью и энергіей, но островъ приближался очень медленно.

Я, наконецъ, почувствовалъ, что задыхаюсь, и весла уже не съ такой силой отбрасываютъ воду.

Кривошеинъ замѣтилъ это и уже рѣшительно заявилъ:

— Держите, Папуновъ, ремень. Гарьковъ, за черпакъ!

Трактирщикъ полѣзъ на корму вмѣсто Кривошеина, но при неуклюжемъ движеніи его лодка качнулась и черпнула гребень подкатившейся волны какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ Эди.

— Ахъ, чортъ бы васъ взялъ! — вырвалось у Кривошеина.

— Ничего, — со смѣхомъ откликнулся Эди. — Англичане родятся на островѣ, живутъ въ водѣ. И онъ по-англійски запѣлъ уже извѣстную мнѣ отъ него народную пѣсенку:

Наша Англія — маленькій островъ.
Только маленькій островъ
И при этомъ, при этомъ — весь міръ.

Но работать веслами и пѣть было довольно трудно. Онъ встряхнулъ головой, откидывая тонкую прядь волосъ, упавшую на лобъ, и опять вонзилъ весла въ воду, стараясь не отстать въ силѣ взмаховъ отъ Кривошеина.

Теперь лодка какъ будто пошла ходчѣе. Трактирщикъ пріободрился и уже командовалъ своимъ:

— Веселѣй, веселѣй дѣйствуй! Теперь, братцы, не пропадемъ. Спасибо молодцамъ ребяткамъ. Вѣкъ жить буду, не забуду.

Я усердно работалъ ковшомъ, но и въ нашей лодкѣ было порядочно воды. На грѣхъ вѣтеръ усилился, рвалъ пѣну съ волнъ и какъ будто горстями бросалъ воду въ лодки.

Уже навѣрное прошло не меньше часа съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали на спасеніе ихъ, и опять мучительно хотѣлось пить и ѣсть, а между тѣмъ изъ лодки было все выпружено.

— Паша, зачерпни воды и дай мнѣ напиться, — попросилъ Эди, не оставляя веселъ.

— И мнѣ.

Я подалъ Эди и Кривошеину воду въ ковшѣ.

— Вотъ такъ. Навалимся!

— Можетъ, кого-нибудь перемѣнить? — предложилъ я, нѣсколько отдохнувъ, хотя, несмотря на привычку и сноровку и у меня уже вздулись мозоли.

— Вы умѣете грести? — обратился я къ трактирщику.

— Не больно хорошо.

— Да ничего еще, я поработаю, — крѣпился Эди.

Уже мы приближались къ верхушкамъ залитыхъ водою таловъ.

Кривошеинъ сообразилъ:

— Надо будетъ зайти въ талы, тамъ волны не такъ хлещутъ. Тамъ освободимъ отъ воды лодки, и дойти до острова будетъ легче.

Черезъ нѣсколько минутъ Эди сдался, красный, задыхающійся. Трактирщикъ сѣлъ на его мѣсто и, желая показать свою силу, взмахнулъ неуклюже веслами, глубоко вонзилъ ихъ въ воду и рванулъ съ такимъ усердіемъ, что правое весло переломилось.

Кривошеинъ разсвирѣпѣлъ:

— Идіотъ!

Трактирщикъ поблѣднѣлъ, но это дѣло поправили: взяли весло съ сосѣдней лодки. Однако, когда подтянулись къ таламъ, всѣ были до такой степени измучены, что рѣшили тутъ отдохнуть и выкачать изъ лодокъ воду.

Забрались въ самую гущу таловъ, а чтобы зыбь не захлестывала, приходилось держаться однимъ за вѣтки въ то время, какъ другіе выливали воду. Всѣ промокли съ головы до ногъ и коченѣли отъ пронизывающаго холоднаго вѣтра. Руки, вцѣпившіяся въ скользкія голыя вѣтки, покрывались ледянымъ налетомъ. Мы дрожали, съ трудомъ сдерживаясь, чтобы не стучать зубами и, чтобы подбодрить себя и другъ друга, подшучивали, посмѣивались надъ собою и спасенными.

Время подходило къ закату, вѣтеръ немножко стихъ, и мы опять пустились въ путь и, наконецъ, кое-какъ дотащились къ своимъ, до такой степени окоченѣлые, что еле-еле двигались.

Насъ встрѣтили радостными криками, но дороже всего былъ костеръ, который пылалъ настоящимъ пожаромъ. Были готовы и чай и уха. Мы съ жадностью набросились на все.

Паръ шелъ отъ мокраго платья, и опѣненѣвшія тѣла понемногу отходили.

Наши невольные гости сперва чувствовали себя неловко и дико, признались, что были во хмелю и оттого произошла вся катавасія.

— Четверть цѣлую водки вылокали, — съ укоромъ и покаяніемъ говорилъ трактирщикъ. — А какъ бы теперь пригодилась!

Мясникъ крякнулъ съ аппетитомъ, а двое другихъ, изъ которыхъ одинъ носатый и губастый, все время глупо ухмылявшійся малый, птицеловъ по профессіи, и другой молодой, но лысый, съ вьющейся бородой, вьющимися остатками мягкихъ волосъ, кондитеръ, только облизывались.

Однако, валандаться здѣсь долго не приходилось. Кое-какъ устроили новыя уключины и подогнали къ веслямъ ремни. Торопливо стали собираться домой.

Трактирщикъ совсѣмъ разошелся:

— Не обезсудьте, господа гимназисты, дозвольте отблагодарить, угостить васъ за вашу услугу. Заѣдемъ ко мнѣ, это тутъ близко, по пути. Такъ угощу, что довольны будете. Всѣхъ какъ есть на свой счетъ къ дѣвочкамъ повезу.

Онъ хлопотливо бѣгалъ отъ одного къ другому, заискивающе хихикалъ, игриво подмигивалъ и подталкивалъ въ бока толстыми руками.

Послѣднее легкомысленное предложеніе вызвало общій хохотъ.

— Нѣтъ ужъ отъ этого избавьте.

— Да вы что думаете, къ какимъ-нибудь. Крали восемьдесятъ четвертой пробы. Вотъ спросите товарищей.

Птицеловъ поперхнулся смѣхомъ, замахалъ руками. Но мясникъ неожиданно рявкнулъ на него.

— Вотъ я какъ промыхну тебя по шеѣ за такія слова, такъ ты будешь знать: вьюноши насъ, можетъ быть, отъ смерти спасли, а ты имъ пакость затвазживаешь.

— Вѣрно, вѣрно, — сладко запѣлъ кондитеръ, — угостить это одно, а дѣвчонки это совсѣмъ другое.

— Такъ ужъ не погнушайтесь, — приставалъ трактирщикъ. — Вы намъ, мы вамъ. Тамъ и обсушимъ и обогрѣемъ васъ, какъ надо. Водкой разотремъ, чтобы простуда не пристала. Мы люди, хоть и корявые, а тоже чувствуемъ.

Бараній Задокъ мрачно добавилъ:

— Когда-нибудь, можетъ, и мы пригодимся.

Кривошеинъ сдѣлалъ мнѣ знакъ. Мы съ Эдей подошли къ нему.

— Что жъ, господа, я за то, чтобы поѣхать. Конечно, не ради ихъ угощенія, а для сліянія съ народомъ. Во-первыхъ, въ смыслѣ пропаганды, а во-вторыхъ, мы не знаемъ завтрашняго дня. И, мо-

жетъ быть, этотъ разбойничій духъ, который бунтуетъ въ Бараньемъ Задкѣ, можно направить по другому руслу.

Всѣ моментально согласились съ этимъ вѣскимъ доводомъ. Даже Лисуновъ и тотъ, надѣвъ пенснэ, присоединился.

— Да, пожалуй, матеріалъ интересный.

XXVIII.

Однако, это сліяніе съ народомъ окончилось для меня очень скверно.

Правда, трактирщикъ съ своими пріятелями, можетъ быть, тутъ были и не виноваты; они только, какъ могли, проявили свое гостепріимство и заботливость о насъ. Уговорили раздѣться догола и въ жарко натопленной горницѣ съ такимъ усердіемъ вытирали насъ крѣпкой водкой, что тѣла горѣли, какъ въ огнѣ. Можетъ быть, благодаря этому, никто изъ насъ не заболѣлъ. Высушили наши платья, а потомъ приступили къ угощенію.

Я долженъ былъ измѣнить своему обѣту, — никогда не брать въ ротъ ни капли водки — и скоро напился вмѣстѣ со всѣми. Помню, что мы братались съ нашими новыми знакомыми, цѣловались, клялись въ чемъ-то другъ другу... Бараній Задокъ вошелъ въ такой ражъ, что непремѣнно требовалъ ему указать, кого надо бить.

Птицеловъ сбѣгалъ домой и притащилъ каждому по клѣткѣ съ птицей въ подарокъ. Кондитеръ поклялся, въ свою очередь, что представитъ намъ по такому пирогу, какого самъ царь не ѣдалъ.

Я вцѣпился въ клѣтку, весьма затѣйливой работы, какъ въ безцѣнное сокровище и ни за что не хотѣлъ выпускать ее изъ рукъ.

Съ этой клѣткой, не разставаясь, я сидѣлъ въ лодкѣ и, когда шелъ домой, больше всего боялся, чтобы не упасть и не разбить ее.

Какъ я очутился въ лодкѣ, какъ мы доѣхали, я не помнилъ. Темные провалы поглотили эти часы, и въ воспоминаніи уцѣлѣли только какія-то отрывочныя сцены и особенно одна: Лисуновъ плачущій передъ Эди и молившій отдать за него замужъ его сестру Мею. Помню, что у меня въ это время явилось неодолимое желаніе броситься на Лисунова и побить его, но въ рукахъ была клѣтка съ птицей, и я только закричалъ:

— Нѣтъ, ты не имѣешь права. Не имѣешь!

Зато все, что произошло послѣ того, какъ я очутился дома, я съ мучительнымъ отвращеніемъ и жуткой тоской не могъ забыть никогда.

Хибарка сапожника была темна и отъ вѣтра покачивался, по-

скрипывая, вырѣзанный жестяной сапогъ надъ входомъ. Кто-то въ бѣлой длинной рубашкѣ отворилъ мнѣ дверь и тихо ахнулъ:

— Вотъ те на, Пашенька! А я думала, это мой идолъ.

Въ темнотѣ холодныхъ сѣней бѣлая рубашка мельтишила передо мной и, казалось, отъ этой колеблющейся бѣлизны у меня кружилась голова.

— Батюшки, да никакъ ты пьяненькій, — услышалъ я надъ самымъ ухомъ шопотъ и тихій смѣшокъ. — А это что? Клѣтка!

— Съ птицей, — едва выговорилъ я.

Опять послышался скользящій смѣшокъ и еще болѣе сдержанный шопотъ.

— Хорошо, хорошо... тихонько... тихонько...

Теплыя руки держали меня за плечи, подталкивая впередъ, и спины моей то и дѣло касалось еще теплое со сна тѣло.

— Тихонько, тихонько...

Я машинально передвигалъ ноги, но мнѣ казалось, что я лечу и что, если бы я не держался за клѣтку, навѣрное, скатился бы въ какую-то пропасть.

Огонекъ лампадки красноватымъ глазкомъ замигалъ впереди, но къ этому огоньку надо было пройти сквозь тьму, полную храпѣнья и чьего-то бреда во снѣ.

Вотъ сразу все смолкло, плотно затворилась дверь, только вкрадчивый, щекочущій смѣшокъ продолжалъ вливаться въ меня и разслаблялъ и безъ того обезсиленное хмелемъ тѣло.

— Тихохонько, тихохонько. Ахъ, ты глупенкій мальченочка. Вотъ я раздѣну тебя. Вотъ раздѣну.

Голыя теплыя руки проворно и быстро скользили по мнѣ, и я чувствовалъ въ этихъ рукахъ темную власть и силу надъ собою.

— Да ужъ дай ты мнѣ свою клѣтку съ птицей, ишь, какъ она бьется, ишь, какъ бьется.

На одну минуту мнѣ представилось, что эта птица бьется уже не въ клѣткѣ, а въ моемъ сердцѣ; трепещутъ мягкія крылья, замерли на мгновеніе захлопали опять.

— Сядь, я съ тебя сапожки сниму. Да не бойся, его нѣтъ. Мы одни одинешеньки. Ахъ, ты мой миленькій. Ахъ, ты мой нѣжненькій. И ничего-то ты не понимаешь. Мальченочка, совсѣмъ мальченочка.

Голова моя кружится, и тѣло начинаетъ дрожать, то какъ будто обливаемое ознобомъ, то пронизываемое жаромъ. И вспоминается, какъ я пришелъ въ этотъ домъ въ первый разъ, тогда, послѣ купанья, съ приступами захватившей меня болѣзни, и ужъ я не знаю, теряю представленіе о времени, можетъ быть, это тогда и есть сейчасъ.

Огненная муха, жужжа, медленно кружится передъ моими глазами: огонь лампадки.

Курточка спадаетъ съ меня, ноги мои голы, мнѣ жутко, но не стыдно и не стыдно глядѣть на голыя плечи, на обнаженную женскую грудь и полныя бѣлыя ноги.

Ядовитая жадность закипаетъ во всемъ моемъ тѣлѣ. Я слышу, какъ мои ноги касаются этихъ ногъ, и хмельное опьянѣніе тѣла подавляется другимъ опьянѣніемъ, болѣе сильнымъ и жгучимъ.

Что-то черное на бѣломъ шевелится, пытается остановить меня, пугаетъ и предостерегаетъ двумя зеленоватыми огоньками.

— Брысь!

Черная кошка прыгаетъ съ кровати. Опять черная кошка!

Черный хмель жалитъ меня мгновенной острой болью. А тамъ качающаяся волна, безконечная усталость, жалость, тонущая въ мутномъ баюкающемъ забытьи. Слабо вспоминается птица въ клѣткѣ. Птица — замирающее сердце мое...

Кажется, мнѣ снилось, что я тонулъ, и тяжелая, опрокинувшаяся лодка накрыла меня, и я больно бился подъ ней головой и задыхался.

И когда я уже проснулся, все еще наяву чувствовалъ эту боль головы и слышалъ стукъ:

— Скорѣй уходи, скорѣй!

Она изо всѣхъ силъ тормошила меня и тянула съ кровати.

И вдругъ я сразу все понялъ, и услышалъ крикъ, и уже стукъ въ эту дверь и гнѣвный пьяный голосъ:

— Отворяй, сука! Убью!

Я выскочилъ въ свою комнату, бросился на свою кровать съ страшной болью въ головѣ, съ тошнотворной болью во всемъ тѣлѣ и во всѣхъ своихъ членахъ. Мои сапоги, моя курточка и бѣлье падали около меня и на меня. Какія-то тѣни прыгали въ мою комнату: это отъ движенія метавшейся женщины колебалось пламя лампадки.

Уже визгливый скрипучій голосъ старухи прибавился къ пьяному мужскому голосу. Дверь ко мнѣ захлопнулась, внезапно стало темно и страшно, и еще болѣе страшно отъ двухъ дрожащихъ зеленоватыхъ огней, которые свѣтились изъ угла.

Я чуть не закричалъ отъ непомѣрнаго ужаса. Но опять понялъ, что это кошка, и все-таки подлая, подавляющая трусость била меня, какъ лихорадка.

Въ сосѣдней комнатѣ звякнуло, хлопнуло. Это онъ вырвалъ дверь съ крючкомъ. Послышалось тяжелое промыханіе и неистовый женскій вопль.

Я хотѣлъ броситься на помощь и не могъ. Весь сжавшись, си-

дѣлъ на кровати и трясся, и ужъ не знаю какъ, въ темнотѣ машинально хваталъ свои вещи, машинально напяливалъ ихъ на себя съ лихорадочной поспѣшностью, точно въ этомъ было мое спасеніе.

Уже теперь крики прекратились, и вмѣсто нихъ стоялъ кошмарный грохотъ хрипѣнье, стоны... Можно было подумать, что убиваютъ, если бы отъ времени до времени изъ этого мрачнаго шума не вырывались отдѣльныя слова:

— Пусти!

— Задушу!

— Кусаться!

Что-то тяжело упало, и въ ту же минуту ударомъ ноги едва не была сбита съ петель дверца ко мнѣ.

Дверца метнулась, ударила о сундукъ, на которомъ я спалъ.

— Гони его! Гони его! — завизжалъ голосъ старухи. — Бей его! Сама видѣла. Сама слышала...

Ревущій, хрипящій голосъ покрываетъ ея визгъ:

— Вонъ пащенокъ! Какъ котенка растопчу.

— Миленькій, уходи. Миленькій, бѣги скорѣй. Убьетъ онъ тебя, убьетъ, злодѣй.

Растерзанная, простоволосая, она бросается между имъ и мною. Но старуха подкатывается ей подъ ноги, и онѣ обѣ падаютъ, и онъ валится на нихъ обѣихъ, рванувшись ко мнѣ.

Теперь уже не страхъ, а стыдъ бросаетъ меня въ сторону. Хочется закрыть лицо руками и убѣжать, куда попало.

Въ мастерской загораживаетъ мнѣ дорогу солдатъ:

— Куда?

Онъ изо всей силы размахивается, но на рукѣ его повисаетъ мальчишка:

— Дяденька, не бейте! Дяденька, не бейте!

Однако, онъ успѣваетъ мня ударить въ спину здоровой ногой. Я отлетаю къ самой двери. Слышу, какъ за мной падаетъ маленькій мой заступникъ, а вслѣдъ за тѣмъ, какъ звѣрь, прыгаетъ въ мою сторону солдатъ.

Но я уже изъ сѣней успѣваю захлопнуть дверь, которая тяжело ударяетъ его, должно быть, въ самый лобъ.

Изъ сѣней я выскакиваю наружу. Но силы тутъ оставляютъ меня, и я, весь изнемогая, прислоняюсь къ стѣнѣ, тяжело дыша и все еще дрожа отравляющей дрожью стыда и безсилія.

То, что я прислонился къ стѣнѣ, спасло меня, потому что въ ту же минуту въ сѣни выскочилъ хромой солдатъ въ одной рубашкѣ и широкихъ подштанникахъ, которые трепалъ вѣтеръ.

— А-а, убѣжалъ, гаденокъ! Ну еще ты попадешься мнѣ, —

кричалъ онъ на вѣтеръ въ темноту, не подозрѣвая, что я стою здѣсь, почти около него. — Я тебѣ покажу, какъ чужихъ полюбовницъ отбивать!

Пронзительный женскій крикъ доносится въ распахнутую дверь:

— Ой, солдатикъ, заступись! Убиваетъ извергъ!

— Ага, заступись! — вскричитъ онъ, — такъ тебѣ, стервѣ, и надо. А ты только носъ покажи... — опять кричитъ онъ въ темноту, я тебѣ всю рожу растворожу, зубы на зубы помножу и затылокъ приложу.

Злобно хохочетъ, затворяетъ дверь въ сѣни. Я слышу, какъ стучитъ желѣзная щеколда и деревянный засовъ.

Я остаюсь одинъ. Надо мною скрипитъ жестяной сапогъ, злобно качаясь на вѣтру, словно также хочетъ сорваться и ударить меня по головѣ.

Ночь плюетъ на меня холоднымъ дождемъ, плюетъ прямо въ мое лицо и въ глаза, и это еще страшнѣе и обиднѣе того, что я сейчасъ пережилъ.

Изъ закрытаго дома уже глухо, но все еще доносятся крики, возня, и кажется, что такіе же крики и такая же мрачная и дикая возня идутъ тамъ, подъ уклономъ, въ ненастной осенней темнотѣ.

Это Волга шумитъ тяжелыми леденѣющими волнами. Ни одного огня не видно на ней.

Хищная мысль бросается мнѣ въ голову: вотъ сейчасъ безъ оглядки кинуться туда и утопиться отъ стыда и отчаянія.

И если бы были силы, я такъ бы и сдѣлалъ. Но ноги совсѣмъ не повинуются мнѣ, а голова такъ болитъ, точно ее все время бьетъ что-то изнутри. Бьетъ и приговариваетъ: «Такъ тебѣ и надо, такъ и надо!»

Сжимаются кулаки мои въ яростной злобѣ на самого себя. Зачѣмъ я убѣжалъ оттуда! какъ я могъ убѣжать! Пусть бы они били меня. Пусть бы топтали ногами. Такъ и надо, такъ надо!

Мнѣ даже кажется, что я не имѣю права прислоняться къ этой стѣнѣ.

— О, гадина! О, гадина! О, подлецъ! О, негодяй!

Кто-то какъ будто отдѣлился отъ меня, гнуснаго, трусливаго, маленькаго животнаго и видитъ ясно это животное, дрожащее въ осеннюю ночь подъ дождемъ и бурей у стѣны пріютившаго его дома и отъ боли изступленія и стыда скрежещетъ зубами и сжимаетъ кулаки.

— Но вѣдь я же не виноватъ. Я былъ пьянъ, — вслухъ старается оправдаться это приниженное ничтожество.

Но оправданія не успокаиваютъ, и вѣтеръ продолжаетъ хлестать по лицу съ плевками дождя.

Я черезъ силу отрываюсь отъ стѣны и иду куда-то.

Куда?

Вотъ я очутился рядомъ съ хибаркой портного. Я бы могъ постучатьсу къ Борохову, и меня бы впустили и обогрѣли. Но я не смѣю этого сдѣлать. Я не достоинъ.

Съ тайной ѣдкой сладостью я говорю себѣ, что никуда ни къ кому не пойду въ эту ночь. Что, какъ напакостившая выгнанная собака, я долженъ провести эту ночь вотъ такъ, подъ вѣтромъ и дождемъ въ униженіи и грязи.

Даже жалость къ самому себѣ, которая сейчасъ зашевелилась гдѣ-то въ уголкѣ униженной, падшей души моей, даже она противна мнѣ.

— Нѣтъ, надо утопиться! — стараюсь я убѣдить себя вслухъ. И, собравши всѣ силы, съ такой внутренней энергіей толкаю себя, что не успѣваю очнуться, какъ я уже бѣгу къ Волгѣ. И самъ знаю въ эту минуту, что я играю подлую комедію передъ самимъ собою, что ни за что не утоплюсь, а все-таки бѣгу.

— А вотъ же утоплюсь! Вотъ же утоплюсь! — мысленно кричу я самъ себѣ.

Бѣгу и вижу, что за мной катится что-то. Догоняетъ.

Это собачонка лодочника на нашемъ дворѣ, Кузька.

Иногда, идя въ школу, я давалъ ей кусочки захваченнаго съ собой завтрака, а то и приберегалъ кости послѣ обѣда.

Теперь я даже не смѣю кричать, что утоплюсь, но стараюсь оправдать себя тѣмъ, что мнѣ мѣшаетъ эта собачонка.

Вотъ ужъ я на самомъ берегу Волги. Волосы и платье мои мокры отъ дождя, дождь пробрался къ самому тѣлу, и мнѣ сейчасъ безконечно холоднѣе, чѣмъ даже въ лодкѣ нѣсколько часовъ тому назадъ.

Развѣ это было такъ недавно? Развѣ это я теперь, который тогда такъ радостно бросился въ лодку, чтобы спасти погибающихъ, и такъ былъ гордъ, когда дрожалъ, обдаваемый брызгами, по щиколодку въ водѣ и держался цѣпенѣющими пальцами за верхушки кустовъ!

Опрокинутая лодка лежитъ на берегу; черная шумящая рѣка съ шуршащимъ злобнымъ шумомъ, плескомъ и вздохами трется о берегъ. Пахнетъ большой, свѣже разрытой могилой, и сама лодка похожа на гробъ.

— Но вѣдь я же не виноватъ! Я же не виноватъ. Я былъ пьяный.

Мнѣ страшно жалко себя, но не того себя, который сейчасъ мокнетъ подъ дождемъ на ледяномъ осеннемъ вѣтру, а того, котораго я потерялъ безвозвратно.

Собака трется около моихъ ногъ и повизгиваетъ. Ей такъ же холодно, одиноко и страшно жить, какъ мнѣ. Этотъ случайный товарищъ все же какъ будто хочетъ меня утѣшить, и мнѣ становится легче отъ нея робкой, жалкой ласки.

Невыносимо мокнуть на пронизывающимъ вѣтру подъ дождемъ въ грязи. И все-таки я ни къ кому, никогда не пойду.

Ни за что не пойду.

Такъ я наказываю себя. Такъ я хоть отчасти хочу искупить свою вину. Ни передъ кѣмъ-нибудь другимъ, а передъ самимъ собой.

Я наклоняюсь къ собакѣ. Глажу ее, присаживаюсь около нея на корточки.

Свалявшаяся мокрая шерсть, вмѣстѣ съ тепломъ, идущимъ отъ ея продрогшаго тѣла, какъ будто чуть-чуть мои руки согрѣваетъ.

Ерзая животомъ по грязи, собака тычетъ мордой подъ лодку, ища защиты отъ дождя и вѣтра, и мнѣ она указываетъ на этотъ единственный для насъ пріютъ.

Я силюсь приподнять лодку. Собака, вытягиваясь, заползаетъ подъ нее и зоветъ меня слабымъ повизгиваніемъ.

Лодка, чуть-чуть приподнятая мною, совсѣмъ накрыла ее, и собачонкѣ тамъ страшно одной.

Не лучше и тутъ.

Господи, какъ глухо, мрачно и одиноко.

Гдѣ-то вдали, на берегу, слабый огонекъ: не то фонарь, не то на баржѣ; вверхъ подымаются наглухо закрытые сараи, склады... Тамъ вдали, въ городѣ, сквозь дождь и мракъ чужіе свѣтятся огни, перестукиваются деревянныя колотушки караульщиковъ.

Хорошо теперь въ теплыхъ закрытыхъ домахъ. Но я бездомный, и кажется, что я никогда не буду имѣть прибѣжища.

Собака ужъ не только визжитъ подъ лодкой, я слышу, какъ она царапается въ бортъ. Тогда я поднимаю толстую корягу, валяющуюся тутъ же на берегу, подсовываю корягу подъ лодку, приподнимаю бортъ, но собака лишь на половину высовываетъ оттуда морду, боясь разстаться съ укромнымъ убѣжищемъ.

— Ну, хорошо, хорошо, — успокаиваю я ее.

Подкатываю къ лодкѣ большой камень и, уперевъ корягу въ землю однимъ концомъ, другимъ опираю корягу о камень. Теперь лодка держится, приподнятая однимъ бортомъ надъ землею. Я распластываюсь въ грязи и осторожно подползаю подъ лодку.

Подъ лодкой сухо, и мнѣ сразу кажется, что я попалъ въ тепло, послѣ лившаго на меня дождя и леденившаго вѣтра.

И дождь, и вѣтеръ хлещутъ теперь по днищу лодки, но не могутъ насъ достать. Кузька подбирается къ самому моему лицу и лижетъ его теплымъ влажнымъ языкомъ.

Тутъ ужъ я не выдерживаю и, обнявши собаку, разражаюсь рыданіями, плачу долго, долго, до того, что обезсиливаю отъ слезъ и засыпаю.

XXIX.

Я уже больше никогда не возвращался въ мастерскую сапожника.

У доктора при тюремной больницѣ мнѣ отвели комнатку въ мезонинѣ, рядомъ съ моимъ ученикомъ. Окна и балконъ комнаты до весны наглухо закрыты, выходили на тюремный дворъ.

Кружокъ нашъ очень одобрилъ мое переселеніе; помимо того, что внѣшнія условія моей жизни, такимъ образомъ, улучшились, они находили, что близость моя къ тюремной больницѣ когда-нибудь можетъ пригодиться.

Настоящей причины моего переѣзда никто не подозрѣвалъ, я бы, кажется, скорѣе умеръ, чѣмъ разсказалъ кому-нибудь объ этомъ. Да и кому я могъ разсказать, кромѣ Эди, а это было такъ близко къ Эллѣ и Меи!

Долго послѣ этого у меня не хватало духа встрѣтиться съ Эллой. Самъ не знаю, чего я боялся. Того ли, что она сразу замѣтитъ, что я загрязненъ, или чего-то другого, болѣе важнаго: того, что я самъ на нее взгляну теперь совсѣмъ иначе.

Пойти къ нимъ въ домъ послѣ того, что случилось, я не смѣлъ. Эди, никогда не скрывавшій ничего отъ своихъ, не скрылъ и того, какъ мы напились.

Его, конечно, за это не наказали, даже не бранили, но онъ передавалъ, что впечатлѣніе это произвело нехорошее и въ связи съ новымъ положеніемъ школы, заставило отца подумать: не взять ли сына изъ училища, чтобы отправить за границу.

Никто изъ нихъ, и меньше всего самъ отецъ Эди, не подозрѣвали, что скоро имъ придется оставить Россію и, когда эта гроза надвинулась на нихъ, всѣ, и особенно самъ отецъ, были потрясены, да и весь городъ былъ взволнованъ такимъ событіемъ.

Райтъ пользовался большимъ успѣхомъ въ городѣ и уваженіемъ, какъ врачъ, и лѣчебница его была настоящимъ благодѣяніемъ, особенно для неимущихъ.

Но начальство мало считалось съ этимъ. За его домомъ, очевидно, слѣдили, но, такъ какъ съ англійскимъ подданнымъ не смѣли поступить, какъ съ россійскимъ обывателемъ, его вынудили,

въ концѣ концовъ, оставить Россію. Этотъ ударъ поразилъ англичанина еще сильнѣе, чѣмъ его жену, и поразилъ не столько потому, что приходилось бросать большое и прекрасное дѣло, на созиданіе котораго онъ потратилъ всѣ свои средства, и даже не потому, что, много лѣтъ тому назадъ, онъ ради любви къ женѣ оставилъ свою родину, выучился русскому языку и снова держалъ экзаменъ по своей спеціальности при русскомъ университетѣ, но, главнымъ образомъ, потому, что онъ полюбилъ темную, безправную страну, которая сначала ошеломила и почти оттолкнула его своимъ варварствомъ, потомъ заинтересовала, какъ опасно больной, котораго надо лѣчить, и, наконецъ, заставила себя полюбить глубокой и мучительной любовью, какой сильные люди, свободные и гордые, любятъ иногда униженныхъ, обездоленныхъ, смиренныхъ.

Эди съ удивленіемъ и печалью разсказывалъ мнѣ, что только теперь онъ въ первый разъ видѣлъ своего сдержаннаго и даже казавшагося холоднымъ отца плачущимъ.

— Да, да. Вчера я случайно зашелъ въ его кабинетъ и засталъ его у окна съ головой вотъ такъ стиснутыми руками. Отецъ не хотѣлъ обернуться ко мнѣ, но въ стеклѣ, на которое падала тѣнь отъ занавѣски, я видѣлъ, что лицо его было мокрое отъ слезъ и, хотя за обѣдомъ онъ шутилъ, какъ всегда, но глаза его были опухшіе и красные, какъ будто въ нихъ все время дулъ сырой, холодный вѣтеръ.

Я былъ окончательно потрясенъ предстоящей утратой. Мало того, что у меня ко всей семьѣ сохранилось благодарное и нѣжное чувство, я терялъ Эди, терялъ Эллу и, что скрывать — Мею.

Эди былъ для меня не только другъ, это былъ образецъ благородства и свѣтлой и ясной душевной красоты. Я удивлялся ему, преклонялся передъ нимъ и любилъ въ немъ даже его недостатки.

Элла и Мея... Впрочемъ, что тутъ объяснять! Я былъ влюбленъ въ нихъ со всѣмъ экстазомъ мальчика, съ младенчества привыкшаго къ ласкѣ, правда, къ материнской ласкѣ, но все же къ ласкѣ тонкой, озаряющей душу, грѣющимъ свѣтомъ, отъ котораго душа растетъ и обогащается образами и красками.

Мое грязное паденіе, можетъ быть, заразило эту любовь къ обѣимъ сестрамъ темнымъ желаніемъ, въ которомъ я не смѣлъ себѣ сознаться, но оно же придало ей и остроту и нѣкоторую зрѣлость, при которой еще больнѣе было отрываться отъ этой любви. А разставаться съ ними — это и значило отрываться: вѣдь, онѣ уѣзжали, если не навсегда, то надолго.

Я увидѣлся съ ними какъ разъ въ день открытія катка. Такъ было условлено съ Эллой при посредствѣ Эди.

Огромный катокъ помѣщался на Митрофаньевской площади, куда выходила тюремная больница.

Наканунѣ, возвращаясь изъ школы, я видѣлъ, какъ поливали катокъ и украшали елками его низкіе деревянные заборы. Было солнечно и морозно, и я чуть не молился о томъ, чтобы и на завтра былъ такой морозный день, чтобы катокъ не разстаялъ. Я убѣжденъ былъ, что не усну въ эту ночь, и пытался писать стихи. Но ничего не выходило. Такъ и заснулъ надъ столомъ при горящей лампѣ. И уже поздно-поздно ночью, проснувшись, кое-какъ раздѣлся и легъ на кровать, удивляясь себѣ и даже коря себя за эту непреодолимую сонливость, какъ за малодушіе и отсутствіе настоящей любви.

Однако, проснулся поздно. На катокъ надо было отправиться послѣ обѣда и до обѣда время тянулось такъ адски медленно, что часы казались отстающими.

Только когда съ катка донеслась военная музыка, сердце задрожало и заныло.

На деньги, полученныя наканунѣ отъ Наташи, я купилъ себѣ новые американскіе коньки; первые настоящіе коньки, купленные на свои собственныя деньги.

Катокъ былъ пустоватъ, но уже окруженъ праздничной толпой, стоявшей на снѣжныхъ сугробахъ вдоль изгороди. Пестрые платки, мѣдныя трубы музыкантовъ, ровный гладкій ледъ и снѣгъ, все вспыхивало на солнцѣ веселыми, зимними улыбками, и самая музыка казалась улыбающейся и зовущей.

Въ прѣлкѣ, гдѣ пахло желѣзной печью, тающимъ снѣгомъ и отходящей на теплѣ кожей, я быстро прикрѣпилъ коньки и сразу, почувствовавъ себя на нихъ высокимъ и ловкимъ, по деревянному помосту побѣжалъ на ледъ, въ одной курткѣ, въ лихо надѣтой фуражкѣ на стриженой головѣ.

Музыка сразу какъ будто подхватила меня и понесла по льду. Щипнулъ за лицо и за уши морозный воздухъ и стало такъ весело, что хотѣлось крикнуть, но я вспомнилъ, что нынче наше, можетъ быть, послѣднее свиданіе и насильственно остановилъ свой буйный восторгъ этой мыслью.

Ни Эллы, ни Меи на каткѣ еще не было, я бы сразу узналъ ихъ.

Съ стремительной легкостью, широкими кругами побѣжалъ я по льду, почти не поднимая ногъ, скользя въ тактъ музыкѣ и чуть ли не самыми ногами своими слыша этотъ легкій звонъ стали о гладкій блестящій ледъ.

Лучшій конькобѣжецъ въ городѣ, Новиковъ, умышленно рас-

пуская иногда свой клѣтчатый англійскій пледъ, сильными гигантами помчался по льду и вдругъ на самой серединѣ катка прыгнулъ и закружился на одной ногѣ, какъ волчокъ.

Я захотѣлъ продѣлать ту же самую штуку, поскользнулся и довольно сильно ударился головой объ ледъ.

Шумливые мѣщане у изгороди загоготали.

— Держись за ледъ руками.

Новиковъ подскочилъ ко мнѣ и сталъ поднимать.

И еще въ головѣ моей гудѣлъ звонъ отъ удара, но я больше всего боялся, чтобы моего паденія не увидали Элла и Мея.

И какъ разъ въ эту минуту замѣтилъ Мею съ Лисуновымъ, сбѣгавшую по мосту на ледъ.

Она смѣялась, глядя на меня, и Лисуновъ также съ улыбкой надѣвалъ свое пенснэ, чтобы лучше видѣть мой позоръ.

Я вскочилъ растерянный, чувствуя, что покраснѣлъ, и съ негодованіемъ сталъ поправлять конекъ, дѣлая видъ, что не замѣчаю ихъ и вслухъ сваливая всю вину на ни въ чемъ неповинный ремень, который будто-бы подвернулся мнѣ подъ мой подрѣзъ.

Хорошо, что этого не видала Элла!

Но я ошибался. Элла стояла въ открытыхъ дверяхъ грѣлки съ испуганными глазами.

Я проворно поправилъ фуражку и бросился къ ней навстрѣчу, лишь вскользь съ умышленной небрежностью поклонившись Меѣ и Лисунову, которые катились рука съ рукой.

Я видѣлъ, что Мея хотѣла остановиться, но сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ ея порыва, и мнѣ было непріятно, какъ она смутилась и покраснѣла отъ неожиданности.

— Вы ушиблись? — встревоженнымъ голосомъ встрѣтила меня Элла, протягивая мнѣ руку.

— Э, пустяки.

Я схватилъ эту маленькую ручку въ сѣрой перчаткѣ, она перекинула черезъ мою руку другую, и веселая музыка толкнула насъ по льду, съ переплетенными руками, такъ близко другъ отъ друга, что мое тѣло слышало ея тѣло, каждое движеніе котораго тоже было своего рода музыкой.

И хотѣлось и не хотѣлось говорить, и печаль, и радость сливались въ одну качающую насъ волну, и было немножко боязно словъ, такъ какъ слова никогда не могли выразить того, что заполняло насъ.

Но когда она заговорила, мои глаза сами собой обратились на ея губы, на ея глаза и на безконечно милое мнѣ лицо.

— Какъ мы давно не видались!

Легкій паръ шелъ изъ ея теплаго рта вмѣстѣ съ этими словами, шелъ прямо ко мнѣ, и я невольно открылъ ротъ, чтобы вдохнуть въ себя этотъ тонкій, синеватый паръ.

— Я не могъ придти.

Хотѣлось со слезами покаяться. Но она по-своему объяснила:

— Да, вѣдь мы теперь живемъ въ разныхъ концахъ города.

Тѣла наши уже почувствовали другъ друга, ноги согласно скользили по льду, и мы неслись, слегка раскачиваясь подъ музыку, какъ будто эта музыка была наши невидимыя звучащія крылья.

— И скоро будемъ еще дальше, — уже съ печалью прибавилъ ея звенящій голосъ. Но и самая печаль казалась сейчасъ невыразимо сладостной.

— Ахъ, да, — отвѣтилъ я, почти не сознавая своихъ словъ. — Лучше бы этого не было!

Можетъ быть, она не разслышала, или не поняла, къ чему относились эти слова.

— Но вѣдь все равно мы будимъ писать другъ къ другу.

— О, конечно!

— Я и теперь все хотѣла написать вамъ, когда вы такъ долго не приходили.

— Да и я также хотѣлъ написать вамъ.

— Зачѣмъ же было такъ мучить меня! Мея уже смѣялась надо мною и говорила, что вы забыли меня.

— Я забылъ! Господи!

Опять покаянное настроеніе горечью облило сердце.

— Если бы ты только знала!

Но она не подозрѣвала того, какой я грязный.

— Да, да, ты нынче долженъ мнѣ сказать все.

— Все?

— Все.

Собираясь съ силами, вобралъ въ себя столько воздуха, что чуть не задохнулся.

— Я... я не достоинъ васъ, Элла!

Ея рука чуть-чуть дрогнула въ моей рукѣ, и я почувствовалъ ея пожатіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ не надо говорить, такъ не надо. Вы скажите мнѣ другое. Вѣдь мы, можетъ быть, въ послѣдній разъ видимся съ вами наединѣ.

Эти слова пронизываютъ меня печалью, а между тѣмъ ноги продолжаютъ сильно и плавно скользить по льду. Тѣла наши, какъ одно, раскачиваются вправо-влѣво, вправо-влѣво... и ихъ какъ

будто сливаетъ не только музыка, звучащая съ хоръ, но и музыка нашей дружно поющей крови.

Мѣдная труба музыканта, какъ жаръ, загорѣлась въ послѣдней вспышкѣ солнца; мимо скользятъ отдѣльныя фигуры и пары, но все это какъ будто призраки, а дѣйствительность только мы съ ней.

Что-то знакомое мелькнуло навстрѣчу: Лисуновъ и Мея. Острый непонятный взглядъ ея на минуту смутилъ меня, и у меня какъ-то самъ собою сорвался вопросъ:

— Мея влюблена въ Лисунова?

— Не знаю. Она увѣряетъ меня въ этомъ, а сама только мучаетъ его и всегда надъ нимъ смѣется.

Это странно меня успокаиваетъ. И опять сердцемъ овладѣваетъ печаль при мысли о долгой, быть можетъ, вѣчной разлукѣ.

— Элла, — говорю я, — я васъ всегда буду помнить и... и...

Хочу сказать любить, но роковое слово не смѣетъ сорваться съ языка.

А она ужъ открыла глаза и губы, чтобы поймать это слово.

— Говорите, говорите! — не выдержавъ, торопитъ она меня.

— И буду всегда вамъ писать стихи. Одной только вамъ и никогда и никому больше. Вѣдь не можетъ быть, чтобы вы всегда оставались за границей. Вѣдь вы пріѣдете сюда?

— Да, да, конечно, конечно. Какъ можетъ быть иначе! Вѣдь я... я... всегда буду помнить и... и...

— Говорите, говорите!

Она задерживаетъ дыханіе, во всѣ глаза смотритъ на меня:

— И буду всегда писать вамъ письма.

— До тѣхъ поръ, — поспѣшно прибавляю я, — до тѣхъ поръ...

Она смотритъ на меня глазами, полными радости, испуга и восторга и повторяетъ:

— До тѣхъ поръ...

— Пока я не стану знаменитымъ, — выпаливаю я. — Тогда вѣдь я и самъ могу пріѣхать къ вамъ.

— О, если бы это было скорѣе!

А ноги все скользятъ и скользятъ по льду.

Когда же успѣло зайти солнце и погаснуть заря, которая еще сію минуту только отражалась въ гладкомъ льду оранжевыми, лиловыми и фіолетовыми переливами? И вотъ уже сумерки, и еще болѣе похожи на тѣни скользящіе по льду конькобѣжцы, и уже разноцвѣтные фонари зажглись на протянутыхъ надъ каткомъ проволокахъ: синіе, зеленые, красные фонари; они кажутся свѣтящимися

цвѣтами, и свѣтящіяся улыбки этихъ цвѣтовъ сіяютъ подъ нашими ногами.

Я въ одной гимназической курткѣ и начинаю чувствовать, какъ у меня коченѣютъ ноги, руки и даже губы.

— Не холодно вамъ? — спрашиваю ее, съ трудомъ двигая губами.

— Нѣтъ. А вамъ?

— О, нисколько!

Тѣло ея прижимается ко мнѣ, и въ эту минуту происходитъ нѣчто неожиданное: маленькій гимназистикъ, на корточкахъ катившійся навстрѣчу съ вытянутой впередъ ногой, нечаянно подбиваетъ Эллу. Она падаетъ на ледъ, а я падаю на нее.

Оба наши тѣла, не разнимая рукъ, сплетаются на минуту въ живой комокъ.

Что-то бѣлое блеснуло изъ-за темной юбки надъ открывшейся стройной тонкой ногой.

— Ахъ! — вскрикиваетъ она.

Но я уже стою на конькахъ, и однимъ движеніемъ руки поднимаю ее. Что-то знакомое, отравляющее возмутило и зажгло кровь, и вмѣсто того, чтобы справиться, не ушиблась ли она, я неожиданно для самого себя наклоняюсь къ ней и, задыхаясь отъ волненія, бросаю долго таившееся признаніе:

— Элла, я люблю тебя!

— Ахъ, и я люблю тебя! — слышу я такой же шопотъ.

И вотъ мы уже несемся по льду, глядя другъ другу прямо въ глаза, тяжело дыша и не говоря больше ни слова.

Вправо и влѣво наклоняются наши тѣла, и музыка съ хоръ въ крови совсѣмъ не та, что была раньше. Но я уже не чувствую себя нечистымъ передъ Эллой и ужъ не хочу ни въ чемъ каяться.

Мея стоитъ у входа съ Лисуновымъ.

— Пора домой, Элла, — рѣзко говоритъ она.

И Элла покорно вступаетъ на деревянный мостикъ.

Мы разстаемся, чтобы черезъ минуту встрѣтиться.

Я первый успѣваю снять коньки и, чуть-чуть обогрѣвшись, выхожу наружу и тутъ встрѣчаю Мею.

Неподвижными глазами глядя на меня, она подходитъ ко мнѣ, съ минуту смотритъ на меня, вытянувъ маленькую головку, странными, почти злыми глазами; вздрагиваютъ ея тонкія губы, и я слышу, какъ она отчетливо, медленно и почти громко произноситъ:

— А все-таки я люблю тебя, одного тебя и никого больше.

— Мея, гдѣ ты? — раздается отъ скрипнувшей изъ грѣлки двери голосъ Эллы.

Мея быстро оборачивается, и въ ту же минуту я слышу ея смѣхъ, высокій, звенящій, радостный смѣхъ.

— Нѣтъ, вотъ смѣшно, вотъ смѣшно!.. Ахъ, какъ это было ужасно смѣшно, когда вы покатились кувыркомъ по льду. Не правда ли, вѣдь смѣшно? — обращается она къ Лисунову.

Тотъ удивленно смотритъ на нее.

— Но я не видѣлъ.

— Вы ничего не видите, — отвѣчаетъ она все съ тѣмъ же смѣхомъ. — Пойдемте.

XXX.

Райты уѣхали, и пустота одиночества надолго очертила меня тоскливымъ мучительнымъ кругомъ.

За предѣлами этого круга шла обычная жизнь: ученье, уроки, попутные интересы, товарищи, Наташа, Грушенька, князь...

На праздникахъ въ пользу бѣдныхъ товарищей реалистовъ состоялся концертъ съ участіемъ Грушеньки, и на ея бенефисъ за это мы рѣшили преподнести адресъ отъ признательной молодежи.

Но всѣ эти событія мало меня трогали, точно рѣзкая линія этого круга отдѣлила ихъ отъ моей души; даже свиданіе Грушеньки съ княземъ, во время котораго, по собственому признанію Грушеньки, оба они рыдали, какъ безумные, не взволновало меня. Да что это свиданіе Я долженъ былъ притвориться обрадованнымъ передъ Кривошеинымъ и Наташей, которые были внѣ себя отъ счастья, когда Грушенька заявила, наконецъ, что у Наташи несомнѣнный драматическій талантъ, что она сдѣлаетъ все, чтобы вывести ее на дорогу, и ручается за ея славную будущность.

Первое письмо Эллы перелетѣло черезъ эту черту, и мнѣ показалось, что каждое слово этого письма падало мнѣ въ сердце и расцвѣтало тамъ. Она описывала впечатлѣніе своего пути, и каждый разъ, когда видѣла что-нибудь прекрасное, жалѣла, что этого не вижу я. Двѣ строчки этого письма укололи меня: «Мея запретила мнѣ писать тебѣ что бы то ни было о ней».

Я не понималъ, что это значило, увѣрялъ себя, что не хочу объ этомъ думать и все-таки думалъ. Пожалуй, именно эти безпокойныя мысли о Меѣ въ связи съ ея страннымъ признаніемъ на каткѣ, заставили меня начать вести дневникъ. На первой страницѣ дневника я поставилъ эпиграфъ, который представлялся мнѣ верхомъ мудрости и, повидимому, обязывалъ къ полному чистосердечію: «Отдавать себѣ во всемъ отчетъ, значитъ исправлять свои пороки».

Однако, этотъ способъ исправленія своихъ пороковъ не очень-

то дался мнѣ, и даже, когда я пытался казнить себя за двойственность хотя бы своей любви, выходило такъ, что я являюсь героемъ. Раза два я упоминалъ о самоубійствѣ, но это была ужъ настоящая ложь передъ собой: для самоубійства не было настоящихъ причинъ, да и жизнь я любилъ съ жадной цѣпкостью.

Однако, письма только разжигали тоску одиночества, и надо было случиться чему-нибудь важному, чтобы встряхнуть меня и опять по-настоящему связать съ жизнью.

Встряска явилась неожиданно и закончилась для меня весьма печально.

На время притаившійся послѣ самоубійства Тыркова директоръ опять сталъ поднимать гоненія на наиболѣе бѣдныхъ и беззащитныхъ учениковъ.

Старшіе на этотъ разъ были оставлены въ покоѣ; съ младшими управляться было безопаснѣе да, очевидно, казалось, и цѣлесообразнѣе вырывать зло отъ корней.

Нѣсколько учениковъ младшихъ классовъ вынуждены были директоромъ оставить училище. Достаточно было малѣйшей провинности, чтобы обреченныхъ выбрасывали на улицу. Тамъ, гдѣ провинностей не было, онѣ создавались директоромъ и его приспѣшниками самымъ явнымъ хищническимъ образомъ.

Часто даже намъ, ученикамъ, приходилось слышать въ коридорахъ плачъ и униженныя мольбы не только дѣтей, но и родителей ихъ. Однако, это мало трогало директора: онъ или совсѣмъ не удостаивалъ своихъ жертвъ никакими объясненіями, или холодно ссылался на циркуляры.

Его приспѣшники и ставленники, то по собственному влеченію, то изъ желанія угодить, цинично издѣвались надъ несчастными, шпіонили, доносили.

Колобовъ не выдержалъ и перевелся въ другой округъ. Это событіе окончательно взволновало насъ. Мы устроили Колобову торжественные проводы, и на этихъ проводахъ самымъ неожиданнымъ образомъ проявилъ себя Бороховъ.

Конечно, это съ его стороны была истерическая выходка. Можетъ быть, отчасти вызванная нѣсколько недовѣрчивымъ отношеніемъ къ нему нашего кружка. Онъ зналъ о его существованіи и хотѣлъ, можетъ быть, боялся примкнуть и, видимо, больше хотѣлъ, чѣмъ боялся, хотя ни разу изъ самолюбія не высказалъ этого даже предо мною.

На вокзалѣ во время проводовъ любимаго преподавателя, который на прощаньи расцѣловался съ учениками, Бороховъ не выдержалъ и истерически разрыдался.

Мы стали его успокаивать, обращая вниманіе на присутствіе сновавшаго тутъ же надзирателя Шкалика, не говоря уже о постороннихъ, среди которыхъ могли быть подосланы директоромъ шпіоны. И тутъ, вмѣсто успокоенія, Борохова, что называется, прорвало.

— Э, оставьте меня! — съ раздраженіемъ крикнулъ онъ намъ. — Я никого не боюсь и не хочу бояться. Да, вотъ, я не желаю бояться и готовъ здѣсь кричать о возмутительной гнусности, которую мы терпимъ, отъ которой страдаютъ не только наши сердца и жизни, но и бѣгутъ тѣ, въ комъ есть совѣсть, въ комъ живетъ чувство долга и просто, просто порядочности.

Юркая фигура Шкалика, очутившаяся въ это время возлѣ насъ, какъ будто съ испуга нырнула въ сторону и притаилась у двери вокзала.

Бороховъ дрожащимъ высокимъ голосомъ, со слезами, которыя лились у него изъ большихъ испуганныхъ глазъ, выкрикнулъ въ его сторону:

— Остаются только прихвостни и ничтожества. И пусть они слышатъ это. Я не боюсь. Я ничего сейчасъ не боюсь. И если вы всѣ молчите, я заявляю объ этомъ. И буду кричать еще громче...

Колобовъ съ нахмуренными бровями подошелъ къ дрожавшему отъ волненія ученику и, нагнувшись къ нему, тихо и властно сказалъ:

— Не надо, Бороховъ, успокойтесь.

Бороховъ прижался къ нему, всхлипывая, такой маленькій и жалкій, несмотря на свой героическій порывъ.

Мы были смущены и подавлены. Все это вышло какъ-то не кстати, и не только не вызывало въ насъ восторга передъ этой неожиданной смѣлостью, но прямо таки выходка Борохова казалась неумѣстной, неестественной.

Навѣрное, онъ самъ, опомнившись, раскаялся въ ней. По крайней мѣрѣ, когда мы шли домой, онъ былъ блѣденъ и смущенъ, не говорилъ ни слова, а только вздыхалъ, и на другой день въ классѣ какъ будто боялся самыхъ стѣнъ. И недаромъ.

Въ этотъ же день директоръ потребовалъ, чтобы онъ взялъ изъ училища свои бумаги.

Бороховъ какъ будто ждалъ этого. Онъ даже не осмѣлился протестовать, какъ это замышлялъ покойный Тырковъ. Для него приказаніе директора было обломкомъ скалы, придавившей маленькое тѣло и робкое сердце.

Вомущались мы, а онъ лишь съ несчастной гримасой улыбки говорилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ не надо. Бѣдный отецъ, бѣдная мать, бѣдная сестра.

Пробовалъ тутъ же храбриться:

— Ничего. Ничего. Вѣдь это же не волчій билетъ. Я же могу поступить въ другое училище. Уѣхать въ другой городъ. Буду давать уроки и пробьюсь. О, не думайте, я пробьюсь!..

Но опять, не выдержавъ, качалъ своей большой кудрявой головой и блѣдными трясущимися губами повторялъ:

— Бѣдный отецъ, бѣдная мать, бѣдная сестра!

Кривошеинъ заскрипѣлъ зубами:

— Ну, нѣтъ, этого уже такъ оставить нельзя. Этого мы такъ не оставимъ.

Еще никто изъ насъ не зналъ, какой смыслъ имѣла эта угроза, но всѣ горячо подхватили:

— Да, мы этого такъ не оставимъ. Надо отомстить. Мы отомстимъ, Бороховъ, и за тебя, и за погибшаго Тыркова, и за всѣхъ нашихъ несчастныхъ, пострадавшихъ товарищей.

— Господа! — выскочилъ Летуновъ, съ загорѣвшимися глазами. — Я беру на себя дать директору публично по мордѣ.

— И я, — твердо отозвался толстякъ Степановъ.

— И я.

— И я, — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ ужъ вы это предоставьте мнѣ, — остановилъ насъ Кривошеинъ. — Иниціатива моя, значитъ, я и долженъ это исполнить.

Но тутъ Лисуновъ, все время въ пенснэ разсматривавшій то одного, то другого изъ насъ, возвысилъ голосъ:

— Перестаньте, господа, что вы дѣти, что ли! И ты, Кривошеинъ! Меня удивляетъ твоя запальчивость. Оставьте ваше самопожертвованіе для болѣе серьезнаго дѣла. Достаточно будетъ, если на этотъ разъ побьемъ ему окна. Скандалъ будетъ на весь городъ, а ему послужитъ серьезнымъ предупрежденіемъ.

Не столько убѣдительность Лисунова, сколько его спокойный тонъ, сдѣлали свое дѣло.

Никто не выступалъ съ возраженіемъ. Да и предложеніе его показалось интереснымъ и заманчивымъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, это недурно.

— И убѣдительно. Послѣ такого скандала его, несомнѣнно, выгонятъ со службы.

Кривошеинъ нахмурился и проворчалъ какъ будто про себя:

— А по-моему, это скорѣе похоже на мальчишество, на эффорную выходку.

— Нѣтъ, нѣтъ, это будетъ здорово.

Летуновъ даже подпрыгнулъ отъ удовольствія.

— Окна его кабинета выходятъ на улицу и, можетъ быть, удастся не только окно разбить...

Кривошеинъ пожалъ плечами.

— Какъ хотите. Разъ всѣ согласны, я подчиняюсь.

Рѣшено было не откладывать исполненіе и сдѣлать нападеніе въ этотъ же вечеръ. Сгоряча хотѣли идти всѣ сразу, но и тутъ Лисуновъ доказалъ, что это нелѣпость. Что для такого предпріятія довольно троихъ, самое большее четверыхъ. Меньше суеты и легче скрыться.

Летуновъ выскочилъ первый.

— Какъ хотите, а я участвую.

— И я.

— И я, — снова раздались голоса.

— Стойте, черти полосатые, я же почему вызываюсь? Во-первыхъ, я бѣгаю быстрѣе всѣхъ...

Это хвастовство разсмѣшило насъ, но онъ не унимался.

— Во-вторыхъ, если я и попадусь, мнѣ наплевать: у меня родители богатые.

— А, перестань глупости! Бросимъ жребій.

— Да, жребій, жребій, самое справедливое.

Бросили жребій, Летуновъ выхватилъ первый.

— Ну, вотъ видите, сама судьба за меня. Ура!

Три остальные жребія достались Лисунову, Степанову и мнѣ.

Признаюсь, сердце мое чуть-чуть екнуло. «Неужели трусость?» — подумалъ я, и стало страшно, что кто-нибудь можетъ замѣтить, и стыдно, когда Кривошеинъ, точно угадавъ мое волненіе, сказалъ:

— Послушай, Гарьковъ, уступи мнѣ. Не почему-нибудь, а просто потому, что я, какъ мнѣ кажется, скорѣе сумѣю найтись въ трудную минуту.

Это предложеніе обидѣло меня, и я вызывающе отвѣтилъ:

— Ты можешь предложить это кому-нибудь другому.

Молчаливый и хмурый Степановъ просто отозвался:

— Я бы, пожалуй, тебѣ уступилъ, но я сильнѣй тебя, а тамъ, можетъ быть, пригодится и моя сила.

Лисуновъ прекратилъ эти колебанія:

— Нѣтъ, господа, какъ жребій велитъ, такъ и надо дѣйствовать.

Тутъ же выработали планъ, распредѣлили роли: Степановъ

долженъ былъ стоять на стражѣ, мы съ Летуновымъ бросать камни, Лисуновъ руководить дѣйствіями.

Наше счастье, что луна всходила поздно, и, по случаю ожиданія луны, фонари не зажигались.

Въ условный часъ, мы съ разныхъ сторонъ подошли къ назначенному пункту, и я встрѣтился съ Летуновымъ.

— Никто не попадался?

— Никто изъ фараоновъ.

— А тебѣ?

— И мнѣ никто.

Мы стали приближаться къ училищу. Ночной сторожъ, неожиданно вынырнувшій изъ-за темныхъ воротъ, при нашемъ приближеніи затрещалъ колотушкой.

— А, дьяволъ! — вырвалось у Летунова. — Такая досада! Какъ разъ такой удобный моментъ.

Директорское окно было освѣщено, и даже занавѣска на окнѣ не спущена. Видно было, какъ въ глубинѣ комнаты, передъ лампой съ зеленымъ абажуромъ, сидѣлъ, склонившись надъ столомъ, директоръ.

— Ну, да стой, — зашепталъ Летуновъ. — Дѣдушка, — обратился онъ къ сторожу, — тамъ вотъ какая-то подозрительная личность прячется.

— Гдѣ, паренекъ? — сонно спросилъ сторожъ.

— А вонъ тамъ, — неопредѣленно указалъ Летуновъ вдоль улицы, тонувшей въ темнотѣ.

— Ну?

— Лопни глаза, утроба.

Сторожъ посмотрѣлъ на Летунова и неожиданно схватилъ его за руку.

— А ты самъ, паренекъ, кто такой?

Летуновъ сначала было опѣшилъ.

— Ты чего же это хватаешь зря? — заступился я за товарища. — Мы тебѣ на дѣло указываемъ, а ты насъ же хватаешь.

Мой гнѣвный и рѣшительный тонъ образумилъ сторожа. Я уже еще смѣлѣе добавилъ:

— Мы изъ лавки купца Дружинина. Намъ что, хочешь иди, хочешь нѣтъ, ты же потомъ отвѣчать будешь.

Сторожъ выпустилъ Летунова.

— Ну, ладно что ль, пойдемъ со мной, укажите.

— Есть намъ время, — дерзко отвѣтилъ Летуновъ. — Ай-да!

Мы пошли прочь отъ сторожа. Тотъ постоялъ съ минуту на

мѣстѣ. Потомъ, крадучись вдоль забора, потянулся, куда указали ему.

— Есть у тебя камни? — шопотомъ спросилъ Летуновъ, когда сторожъ исчезъ во мракѣ.

— Есть.

— И у меня есть.

— Ну, не будемъ тратить время. Лисуновъ и Степановъ молчатъ, значитъ путь открытъ. Валяй!

Летуновъ почти вплоть подбѣжалъ къ окну, и въ ту же минуту зазвенѣли, задребезжали стекла. Темный силуэтъ заметался въ комнатѣ.

Я также размахнулся и швырнулъ свой камень.

— Эхъ, если бы попалъ въ него! — съ внезапной яростью воскликнулъ Летуновъ и пустилъ еще камень.

Но мой камень попалъ въ раму, зато новый камень Летунова попалъ въ самую комнату, и въ ту же минуту погасла лампа.

— Разбой! Лови! Держи! — донесся до насъ отчаянный крикъ директора изъ-за разбитаго окна.

Затрещала колотушка сторожа... ближе и ближе... И въ тишинѣ зимней холодной ночи пронзительно засверлилъ свистокъ.

— Бѣжимъ!

Мы бросились бѣжать, но насъ остановилъ другой условный свистокъ. Лисуновъ извѣщалъ, что на первомъ пути опасность.

Мы метнулись въ сторону.

Тяжелый бѣгъ послышался за нами.

— Къ Волгѣ, — скомандовалъ Летуновъ и въ свою очередь условнымъ свистомъ извѣстилъ объ этомъ сторожившихъ товарищей.

Съ колотившимся въ груди сердцемъ мчался я вслѣдъ за Летуновымъ, который бѣжалъ, какъ заяцъ.

Между тѣмъ на преслѣдовавшіе насъ свистки со всѣхъ сторонъ также отзывались свистки и трещавшія колотушки.

Свистки и колотушки испугали насъ и въ той улицѣ, по которой мы думали пробѣжать. Тутъ какъ разъ встрѣтились мы со Степановымъ.

— Ни туда, ни сюда нельзя!

Я хорошо зналъ эти мѣста, примыкавшія къ Волгѣ. Намъ оставался тупикъ съ небольшимъ заборомъ, а за нимъ — мой родной дворъ.

— Сюда! — крикнулъ я имъ. И первый бросился впередъ.

Летуновъ побѣжалъ за мной. Послѣднимъ бѣжалъ толстякъ Степановъ.

Въ одну минуту я перескочилъ черезъ заборъ и притаился, дожидаясь товарищей, весь въ поту, съ неистово бьющимся сердцемъ.

Мнѣ было слышно, какъ Летуновъ прыгаетъ и карабкается у забора.

— Не могу. Не достану, — услышалъ я его перепуганный голосъ.

— Ахъ, чортъ возьми, какое несчастье! Въ самомъ дѣлѣ, онъ такой маленькій, что не можетъ допрыгнуть и ухватиться за верхъ забора. Что тутъ дѣлать? Что тутъ дѣлать?

Я еще не успѣлъ ничего сообразить, какъ услышалъ тяжелый бѣгъ Степанова, а за нимъ вдали преслѣдующій трескъ колотушки.

Однимъ прыжкомъ я былъ уже на заборѣ, чтобы протянуть Летунову руку, но увидѣлъ, какъ Степановъ подхватилъ его и почти перебросилъ черезъ заборъ.

Это было какъ разъ во время, потому что сторожъ уже былъ близко.

Теперь Летуновъ внѣ опасности.

— Лѣзь, лѣзь скорѣе, — торопилъ я неуклюже поворачивавшагося Степанова, всѣмъ сердцемъ трепеща за него.

Онъ уже ухватился за заборъ, но въ это время грузная фигура сторожа очутилась около него.

— Стой! — завопилъ старческій голосъ.

Степановъ, дѣйствительно, остановился, обернулся и спокойно сказалъ:

— Дѣлать нечего, — падай, старикъ.

Тѣло сторожа качнулось отъ могучаго толчка и грохнулось навзничь.

Степановъ также неторопливо схватился за верхушку затрещавшаго забора и перевалился къ намъ.

— Теперь айда на Волгу!

Я былъ здѣсь дома и закоулками, мимо лачужекъ огромнаго двора бѣдноты, побѣжали мы на Волгу. Хотя могли бы смѣло расходиться по домамъ.

Но въ сердцахъ кипѣла радость освобожденія, и хотѣлось какъ-нибудь эту радость отпраздновать.

Безпокоила нѣсколько участь Лисунова, но Степановъ утѣшилъ насъ.

— За Лисунова тревожиться нечего, я видѣлъ, какъ онъ вошелъ въ аптеку и, когда вышелъ оттуда, самъ указывалъ бѣжавшему городовому, куда вы побѣжали, то есть, въ противоположную сторону.

Вотъ мы спустились на глухой пустынный волжскій берегъ.

Свистки, трескъ колотушекъ остались гдѣ-то въ сторонѣ и постепенно замолкали. Ночь, какъ будто, открыла глаза; стало свѣтлѣе, это, наконецъ, взошла луна.

Держась рука въ руку, мы сбѣжали на ледъ, заблестѣвшій подъ вырвавшимся на свободу луннымъ свѣтомъ, и тутъ насъ охватила такая буйная радость, что мы стали прыгать и скакать по льду, какъ дикари, со смѣхомъ толкая другъ друга и радостно выкрикивая:

— Вотъ такъ вышло ловко!

— Вотъ ловко вышло!

— Молодцы, ребята! Молодцы, ребята!

Однако, торжество наше было преждевременнымъ.

XXXI.

Когда я утромъ подходилъ къ училищу, окна были уже вставлены. Хотя не покидала увѣренность, что все обойдется благополучно, что-то тѣснило сердце и даже въ ногахъ чувствовалось какое-то томленіе, когда я входилъ на лѣстницу.

Достаточно было одного взгляда на учениковъ, на встрѣчавшихся учителей, даже, какъ будто, на самыя стѣны, чтобы сказать себѣ: знаютъ.

Когда я снималъ шинель, сторожъ приблизился было ко мнѣ съ таинственнымъ знакомъ, хотѣлъ что-то сказать, но лишь меланхолично протянулъ:

— Н-да.

И быстро отошелъ, замѣтивъ въ глубинѣ коридора надзирателя.

Тотъ промчался мимо меня, многозначительно и угрожающе повелъ глазами въ мою сторону вмѣсто отвѣта на поклонъ, и сердце у меня стукнуло.

«Неужели и мы открыты?» — съ испугомъ подумалъ я. Поспѣшно схватилъ книги и бросился въ классъ.

Меня взволнованно, таинственно встрѣтили товарищи:

— Знаешь? Слыхалъ?

Я притворился ничего не знающимъ. Они наперебой сообщали мнѣ новости.

Симаковъ и Степановъ также старались увѣрить меня вмѣстѣ съ ними и ни одинъ изъ нихъ ни движеніемъ, ни взглядомъ, даже не намекнулъ мнѣ на притворство.

— Такъ и надо, такъ и надо.

Звончеевъ, Миша Ростовцевъ и двое-трое изъ ихъ компаніи, въ томъ числѣ Келеповскій, внимательно и зорко выслѣживали насъ.

Какъ разъ первый урокъ былъ директора. Я дежурный.

Придетъ или не придетъ?

Прозвонилъ колоколъ. Всѣ сѣли по мѣстамъ. Классъ возбужденно замеръ въ ожиданіи. Тяжелые мѣрные шаги. Директоръ вошелъ.

Очевидно, ни одинъ изъ камней не попалъ въ него, но онъ былъ еще желтѣе и мрачнѣе, чѣмъ всегда.

Опустивъ голову, выслушалъ молитву и заявленіе дежурнаго. Сдѣлалъ рукой знакъ, и я сѣлъ на мѣсто.

Съ минуту онъ молча сидѣлъ за каѳедрой, затѣмъ поднялъ голову и, не глядя на учениковъ, заговорилъ:

— Прежде, чѣмъ приступить къ уроку-съ, извольте меня выслушать. Я не охотникъ вступать съ учениками въ объясненіе, но, во избѣжаніе лишнихъ кривотолковъ-съ, считаю нужнымъ самъ сообщить вамъ, что нынче ночью какіе-то негодяи разбили въ моей квартирѣ окна. Я не могу допустить, чтобы эти негодяи были изъ среды учениковъ ввѣреннаго мнѣ заведенія. Но если бы это и было такъ-съ, преступная выходка подобнаго рода еще болѣе укрѣпила бы во мнѣ убѣжденіе въ томъ, что, исполняя свой долгъ и неукоснительную волю начальства, я тѣмъ самымъ заставляю преступные элементы обнаруживать себя, что само собой открываетъ возможность и право на изъятіе ихъ.

Онъ пронзительнымъ взглядомъ окинулъ классъ, точно большинство состояло изъ этихъ преступныхъ элементовъ и, какъ впослѣдствіи установили мы, каждому изъ нашей компаніи показалось, что именно на немъ особенно внимательно задерживался этотъ пронзительный, злобный взглядъ.

Директоръ какъ будто говорилъ урокъ, ни на одну минуту не повышая голоса, не выдѣляя въ гнѣвѣ даже браннаго слова: негодяй. И закончилъ свою рѣчь онъ также сухо, отчетливо и жестоко:

— Во всякомъ случаѣ, виновные не уйдутъ отъ наказанія, и я бы рекомендовалъ имъ, если только они здѣсь, самимъ заблаговременно принести повинную, дабы не усугублять грозящей имъ жестокой кары. Я кончилъ. Имѣющіе уши слышатъ, да слышатъ-съ.

Это съ, прибавленное къ евангельскому тексту, было какъ-то особенно характерно и для самого директора, и для его рѣчи. Въ первый разъ я почувствовалъ къ нему настоящую неукротимую ненависть и пожалѣлъ, что ни одинъ изъ нашихъ камней не попалъ въ него.

Что никто изъ насъ еще не былъ покуда открытъ, это было

само собой ясно, но что мы находились въ подозрѣніи, стало еще яснѣе, лишь только начался урокъ.

Одного за другимъ онъ вызывалъ отвѣчать: меня, Симакова, Степанова. Мы ожидали этого и отлично приготовили уроки, но то, что съ нашей точки зрѣнія представлялось намъ предусмотрительно, на самомъ дѣлѣ только выдавало насъ, потому, что было не совсѣмъ обычно.

И директоръ подчеркнулъ нашъ промахъ:

— Такъ-съ. Очень хорошо-съ. Видно, что вы вчера не теряли даромъ времени-съ.

Та же самая система была примѣнена и въ отношеніи Кривошеина и Лисунова. Однако, это опять-таки указывало лишь на подозрѣніе, и мы втайнѣ злорадствовали, убѣжденные, что никакихъ уликъ противъ насъ нѣтъ.

Борьба была объявлена намъ на смерть, и мы съ гордостью приготовились къ этой борьбѣ, но средства у насъ были неравныя.

Въ этотъ же день, послѣ класса, вернувшись по домамъ, мы узнали, что каждаго изъ насъ посѣтилъ или классный наставникъ, или надзиратель: они разспрашивали старшихъ о томъ, о семъ, а главное, старались установить: были ли мы въ тѣ часы дома.

Но и это обстоятельство мы предвидѣли: я и Степановъ заранѣе объявились у Симакова. И тетка Симакова показала, что мы находились весь вечеръ у ея племянника до глубокой ночи. Также сумѣли установить свое alibi Лисуновъ и Кривошеинъ.

Тутъ случилось неожиданное обстоятельство, которое поразило насъ: то ли отъ перепуга, что на него можетъ снова пасть подозрѣніе въ доносѣ и шпіонствѣ, то ли изъ иныхъ побужденій, покуда еще непонятныхъ намъ, Келеповскій перекинулся на нашу сторону.

Въ этотъ же день вечеромъ на каткѣ, онъ украдкой шепнулъ мнѣ:

— Мнѣ надо съ вами поговорить, Гарьковъ.

— Что жъ, говорите.

Я удивленно взглянулъ на него.

— Здѣсь неудобно.

Мы вышли съ катка отдѣльно другъ отъ друга и встрѣтились въ глухой уличкѣ.

Келеповскій былъ сильно взволнованъ и не сразу могъ начать:

— Вотъ что, Гарьковъ, я знаю, что вы и ваша компанія считаете меня врагомъ. И вы были правы, я не стану отпираться: я васъ всѣхъ ненавидѣлъ. Вы избили меня и опять вы были правы. И, быть

можетъ, я васъ возненавидѣлъ еще больше. За что ненавидѣлъ раньше, объ этомъ надо спрашивать Господа Бога, если бы Онъ былъ, но вы ошибаетесь, что я меньше ненавижу Звончеева и ту компанію. Ну да не въ томъ дѣло. Я хочу вамъ доказать... а почему, это уже опять таки мое дѣло... — хихикнулъ, — благородствомъ своимъ хочу убить васъ. Хочу вамъ доказать, что, вмѣсто мести за вашу подлую расправу со мной, я плачу вамъ великодушіемъ, — опять онъ хихикнулъ. — Что, удивились? Ну такъ вотъ, знайте, что за вами слѣдитъ не только училищное начальство, но и полиція. Что васъ не далѣе, какъ вчера, уже показывали ночному сторожу, и онъ призналъ васъ и Летунова, и что тотъ старикъ-караульщикъ, котораго ударилъ Степановъ, также узналъ этого толстяка. Вы ослы и идіоты, — брызгая слюной, почти въ бѣшенствѣ, зашипѣлъ Келеповскій. — И всегда ослами и идіотами останетесь. У васъ не было ни одного такого умнаго, какъ я, чтобы такъ провести всю эту кампанію, если только она нужна, а она не нужна; кромѣ награды со стороны высшаго начальства вы ничего этимъ не добились для директора. Ну, да не въ томъ штука. Хотите, я научу васъ, что надо вамъ дѣлать, чтобы выкрутиться изъ разставленныхъ сѣтей, иначе васъ переловятъ, какъ обезьянъ.

Я былъ ошеломленъ этой лихорадочной прыгающей рѣчью, этими нелѣпыми хихиканьями тамъ, гдѣ меньше всего я ихъ ожидалъ, и злобными ругательствами, гдѣ они менѣе всего казались заслуженными. Что это такое? Подвохъ съ его стороны? Покаянная выходка? или что-то иное, совсѣмъ непонятное, можетъ быть, болѣзненное.

Однако то, что онъ все зналъ и что, повидимому, дѣйствительно все наше преступленіе было раскрыто, взбудоражило меня и замутило мысль.

Хотѣлось прежде всего броситься бѣжать къ товарищамъ и совѣтоваться, какъ и что предпринять? Менѣе всего я склоненъ былъ довѣрять въ эту минуту Келеповскому. Чортъ его знаетъ, какія у него при этомъ цѣли. Можетъ быть, онъ вызываетъ меня на признаніе, а вотъ тутъ же поблизости кто-нибудь подслушиваетъ.

Я даже подозрительно оглянулся по сторонамъ.

Келеповскій понялъ меня и снова захихикалъ:

— Понимаю, понимаю. Чортъ съ вами, если такъ. Еще можно было бы васъ вытянуть за уши. Не хотите. Идіоты. Ослы.

Однако, и выпаливъ это ругательство, онъ не уходилъ, и у меня на минуту мелькнула мысль поинтересоваться тѣмъ, что онъ намѣ-

ренъ былъ предложить. Но показалось унизительнымъ, и я неожиданно грубо для себя прикрикнулъ:

— Чего ты лаешься. Убирайся къ чорту!

И, не дождавшись, когда онъ уберется, самъ пошелъ отъ него прочь.

Когда я прибѣжалъ къ Кривошеину и разсказалъ ему со всѣми подробностями эту сцену, онъ покачалъ головой.

— Дѣло скверное. Вѣдь говорилъ же я, говорилъ. А все Лисуновъ съ его проклятымъ самолюбіемъ. Непремѣнно иниціатива должна исходить отъ него. Напрасно ты не выслушалъ до конца Келеповскаго.

— Да ужъ очень это грязно, противно.

— Эхъ ты!

Кривошеинъ подергалъ себя за усъ, и, прищурившись, посмотрѣлъ на меня.

— А еще писателемъ хочешь быть. Противно, такъ сейчасъ же бѣжишь и отворачиваешься. Нѣтъ, ты долженъ досмотрѣть эту грязь до дна, внюхаться, такъ сказать, въ нее, вотъ тогда только по-настоящему ты поймешь эту душу. А съ такимъ аристократизмомъ, ты, какъ писатель, далеко не уйдешь.

— Дѣло не въ томъ, — рѣзко отвѣтилъ я. — Тутъ прежде всего подозрительно, почему Келеповскій такъ разоткровенничался?

— Э, почему. Вотъ тутъ и заковыка. А, можетъ быть, просто и потому, что Достоевскаго начитался. Вонъ я года два тому назадъ прочелъ «Преступленіе и наказаніе» и только и думалъ о томъ, какъ бы мнѣ найти какую-нибудь старуху-ростовщицу, чтобы укокошить ее.

Кривошеинъ взглянулъ на часы и заторопился.

— Ахъ, шутъ возьми! — внезапно перемѣнилъ онъ тонъ и тему разговора, — долженъ сейчасъ бѣжать на репетицію. Посмотрѣть на Наташу, какъ она Варвару представляетъ.

Какъ ни серьезны были занимавшія меня обстоятельства, я не могъ не заинтересоваться Наташей:

— А Грушенька довольна ей?

— Если бы не была довольна, въ свой бы бенефисъ не выпустила. Кстати, непремѣнно нужно будетъ Грушенькѣ адресъ отъ учащейся молодежи сочинить. Хорошо бы стихи при этомъ. Попробуй-ка, братъ, а?

— Я бы пожалуй, да ужъ настроеніе не подходитъ.

— Брось, все уладится, ты, какъ писатель, и безъ школы сможешь выбраться на дорогу. Вспомни Рѣшетникова, Помяловскаго,

я ужъ не говорю о Никитинѣ, Кольцовѣ и другихъ. Такая школа, какъ наша, будь она проклята, только калѣчитъ душу и мозги коверкаетъ. Не горюй, Гарьковъ, все впереди. Да и чтобы тамъ ни говорилъ Келеповскій, доказать они ни чорта не смогутъ.

Мы разстались, и я уже почему-то пріободрился. Эти нѣсколько поверхностныя утѣшенія Кривошеина съ какой-то стороны успокоили меня.

Все впереди. Это вѣрно.

И я безъ мрачнаго трагизма разсказывалъ остальнымъ товарищамъ о встрѣчѣ съ Келеповскимъ и о надвигающейся на насъ катастрофѣ.

XXXII.

День бенефиса Грушеньки насталъ, а съ нами катастрофы еще не произошло.

Ожидали допросовъ, личныхъ ставокъ, запугиванія и полицейской ловли. Все какъ-то притаилось. Правда, казалось, притаилось зловѣще. Однако, все же мы оставались въ школѣ.

Что случилось? Никто ничего не понималъ. Строились разныя догадки, одна другой нелѣпѣе, и вдругъ, какъ-то самъ собой, вынырнулъ слухъ, что полицеймейстеръ Звончеевъ сталъ на нашу сторону. То-есть, не то, чтобы онъ защищалъ насъ, но будто бы рѣшительно заявилъ директору, что отъ полицейскаго сыска въ нашемъ дѣлѣ отказывается но, что главное, что будто бы и сторожа, и полицейскіе, готовые сначала обличить насъ, также, по его приказанію, отреклись отъ прежнихъ обличеній.

Пробовали стороной узнать, что-нибудь насчетъ этого у полицеймейстерскаго сына, у Ростовцева, даже у Келеповскаго, но ровно ничего не узнали.

Однако, этотъ слухъ до нѣкоторой степени оправдывалъ то, что вся эта компанія въ послѣднее время неожиданно въ отношеніи директора приняла почти вызывающій тонъ.

Можетъ быть, и тутъ крылся какой-нибудь подвохъ. Довѣрять этимъ господамъ было легкомысленно, и мы рѣшили продолжать свою политику холоднаго выжидательнаго спокойствія.

Пока что, я съ необыкновеннымъ усердіемъ и рвеніемъ бѣгалъ на репетиціи, обсуждалъ вмѣстѣ съ товарищами адресъ, уславливался насчетъ овацій Грушенькѣ и поддержки Наташѣ.

Наташа была взволнована предстоящимъ до такой степени, что ни о чемъ, кромѣ этого, не могла ни говорить, ни думать.

Въ день спектакля служила молебенъ и нервно разрыдалась,

когда прочла въ газетѣ замѣтку, озаглавленную: «Талантъ-самородокъ».

Правда, въ замѣткѣ больше говорилось о великодушіи и чуткости покровительствующей ей артистки; тѣмъ не менѣе, всѣ мы были довольны этой замѣткой не меньше Наташи.

Адресъ нашъ былъ вложенъ въ бархатную папку и украшенъ виньеткой нашего товарища Муратова. Но истиннымъ украшеніемъ адреса считалось мое стихотвореніе. И я самъ былъ гордъ высокопарными строками, которыя долженъ былъ прочесть артисткѣ со сцены послѣ третьяго акта «Грозы».

Уже готовясь къ этому чтенію, я задыхался отъ волненія, точно въ этотъ вечеръ предстоялъ также рѣшительный и важный для меня дебютъ.

Еще огней не зажигали, когда я уже былъ за кулисами.

Случалось мнѣ бывать за кулисами и раньше, и я всегда чувствовалъ нѣкоторое опьяненіе въ этой обстановкѣ, казалось бы, наоборотъ, способный разрушить всякое очарованье своей будничностью, мелочностью, суетливостью, всѣмъ этимъ обнаженнымъ механизмъ театральнаго эффекта.

Въ этотъ вечеръ я положительно былъ внѣ себя: съ сердцемъ творилось что-то неописуемое, оно то замирало, то скакало, какъ жеребенокъ, вырвавшійся на свободу. Нѣсколько разъ я въ оцѣпенѣніи останавливался среди сцены, представляя себѣ, какъ буду читать артисткѣ передъ громадной, полной публики залы, свои собственные стихи.

Ахъ, какъ жалко, что Элла не увидитъ этого! И Мея тоже, — прибавлялъ насмѣшливый тайный голосъ.

Да и Мея, — соглашался я, хотя меня огорчало, что Мея не только не написала мнѣ ни разу ни строчки, но и сестрѣ запретила писать о себѣ. Только, однажды, по порученію Меи, она упомянула, что Мея разрѣшаетъ написать о ней лишь тогда, когда она будетъ выходить замужъ.

На ряду съ собою, я не могъ не думать и о своей ученицѣ Наташѣ. Ужасно занималъ также вопросъ: будутъ ли Ростовцевы, будетъ ли Олечка?

Съ замираніемъ сердца передъ началомъ спектакля подошелъ я къ круглой дырочкѣ въ огромномъ занавѣсѣ и, приложивъ правый глазъ, посмотрѣлъ въ залу.

Послѣ полутемной сцены, ярко освѣщенная зала запестрѣла передо мной, какъ нѣкій чудесный міръ, отъ котораго я былъ отдѣленъ всего только этой легкой таинственной пеленой.

Цвѣтныя, темныя и свѣтлыя пятна внизу и наверху шевелились и шумѣли. Это были самыя обыкновенные люди, жители нашего города, а между тѣмъ, они казались мнѣ сейчасъ полными какого-то глубокаго таинственнаго значенія. Все это собралось, главнымъ образомъ, для Грушеньки и, можетъ быть, отчасти для Наташи, но мнѣ казалось, что и я нынче также не послѣдній герой.

Среди шевелившихся фигуръ я успѣлъ разглядѣть знакомыя мнѣ лица. Въ первомъ ряду, опершись широкой спиной о барьеръ, стоялъ, поигрывая пенснэ, редакторъ, и лысый черепъ его свѣтился наподобіе тѣхъ стеклянныхъ шаровъ, что ставятъ въ садахъ.

Вотъ закивалъ кому-то головой и даже сдѣлалъ привѣтственный жестъ рукой.

Я перевелъ взглядъ и увидѣлъ въ литерной ложѣ справа Олечку. Прежде всего ее, въ бѣломъ платьѣ, съ открытой тонкой шеей.

О, какъ давно я не видалъ ея и какъ она выросла и похорошѣла! Я вспомнилъ письмо ея ко мнѣ, когда я только-что очнулся отъ болѣзни, и въ сердцѣ точно распустила бѣлыя прохладныя крылья тихая нѣжность и печаль.

«Неужели и Олечку я люблю? — спросилъ я себя, пораженный этимъ прихлынувшимъ чувствомъ. — Что же это такое: Элла, Мея, Олечка?»

— Э, все равно. Ну что же. Если люблю, — значитъ, люблю, я же не виноватъ.

Мнѣ показалось, что и она вдругъ подъ пристальнымъ взглядомъ моимъ обратила глаза въ мою сторону.

У меня задрожало сердце, точно эти бѣлыя крылья нѣжности захлопали и забились въ немъ. Я едва не вскрикнулъ: «Олечка, я здѣсь!»

Но въ эту минуту афишка, висѣвшая возлѣ нея на барьерѣ, соскользнула и полетѣла внизъ, качаясь и изгибаясь въ воздухѣ.

Олечка поднялась, какъ бы желая схватить ее и тутъ я еще болѣе убѣдился, что она, дѣйствительно, выросла, и меня поразило внезапное предчувствіе, воспоминаніе, что когда-то я видѣлъ это во снѣ: вотъ этотъ залъ, эту ложу, съ поднявшейся Олечкой и даже это бѣлое, летящее внизъ пятно афиши.

И отъ этого смутнаго озаренія, все это показалось мнѣ еще болѣе значительнымъ и важнымъ.

— Посторонніе со сцены.

Хриплый голосъ помощника режиссера сразу нарушилъ мое очарованіе. Я метнулся прочь отъ занавѣса и очутился въ узкихъ кулисахъ, только освѣщенныхъ боковымъ свѣтомъ вертикальныхъ

рампъ, среди рабочихъ, пожарныхъ, актеровъ и актрисъ, приготовлявшихся къ выходу.

Стремительно бросился изъ-за кулисъ на галерку, гдѣ по разнымъ мѣстамъ разсѣяна была наша компанія.

До моего выступленія весь спектакль шелъ въ какой-то перламутровой облачности. Поразила только Наташа. Я и узналъ и не узналъ ея, когда она появилась на сценѣ. Видѣлъ, какъ она передъ выходомъ крестилась, дрожала за кулисами, а тутъ такая волжская свобода и удаль. Ну Варвара, да и только.

На Кривошеина смѣшно было смотрѣть. Онъ едва не оборвалъ свои жидкіе усики отъ волненія. Трясъ меня за плечи въ антрактѣ и кричалъ чуть ли не на весь театръ:

— Нѣтъ, ей Богу, не ожидалъ! Она прямо своей правдой всѣхъ убиваетъ. А пѣла-то, Господи!.. вѣдь и голосъ-то чуть-чуть, а какъ ловко...

И бросался къ другому товарищу и повторялъ почти то же самое.

Лисуновъ, съ видомъ настоящаго рецензента, щурился сквозь пенснэ.

— Да, артистка будетъ съ огонькомъ. И непосредственность, и наблюдательность. Матеріалъ богатый.

Что должно было твориться въ ложѣ Ростовцевыхъ! Присутствовала вся семья. Я видѣлъ, какъ тамъ аплодировали и особенно старалась Олечка, и нельзя было не замѣтить, что мать по временамъ недовольно останавливала ее.

— Да, — съ торжествомъ отозвался Кривошеинъ, когда я ему сообщилъ свои мысли по этому поводу. — Это, братецъ мой, сюжетъ... Объ одномъ этомъ спектаклѣ можно цѣлый разсказъ написать.

Наконецъ, моя очередь пришла дрожать и мысленно молиться за кулисами.

Я зналъ, что директоръ и многіе учителя сидѣли въ партерѣ и въ ложахъ, но эта мысль мало меня тревожила и боялся я не ихъ. Самъ не знаю, чего боялся.

Срывающійся голосъ мой показался мнѣ чужимъ, когда я началъ читать:

„Очаруй насъ своей вдохновенной игрой
Насъ молиться заставь красотѣ,
Бездны мрака и зла передъ нами раскрой
Въ потрясающей ихъ наготѣ.

Грушенька стояла передо мной и глядѣла на меня во всѣ глаза. Зіяла громадная театральная зала, и я чувствовалъ, что сотни глазъ устремлены на меня и пронизываютъ и охватываютъ меня всего. Это были глаза толпы, и среди нихъ только одни глаза смотрѣли особо, глаза Олечки.

Когда я кончилъ чтеніе, послышался сильный шумъ и хлопки. И особенно это усилилось, когда Грушенька подошла и поцѣловала меня.

— Раскланивайтесь, раскланивайтесь, — внушалъ мнѣ кто-то на сценѣ.

Я сталъ кланяться, плохо соображая, куда кланяюсь, и опять среди темныхъ волнъ бросилось мнѣ въ глаза бѣлое платье, вытянувшаяся впередъ фигура и простертыя руки.

Мое торжественное выступленіе кончилось, но я долго не могъ опомниться, не чувствовалъ подъ собою ногъ: билось сердце, сладостный туманъ наполнялъ все тѣло.

Когда я по коридору бѣжалъ на галерку къ своимъ товарищамъ, чтобы узнать, какое все это на нихъ произвело впечатлѣніе, дверь одной изъ ложъ отворилась. Я увидѣлъ Олечку.

Я хотѣлъ ее увидѣть, но теперь это было до такой степени неожиданно, что я отшатнулся и прислонился къ стѣнѣ. И все важное и переполнявшее меня отхлынуло. Я даже не поклонился ей, а только стоялъ и смотрѣлъ во всѣ глаза.

Она быстро оглянулась назадъ, быстро притворила за собою дверь, очутилась возлѣ меня, и я опять-таки не успѣлъ еще опомниться, какъ въ рукѣ моей уже дрожалъ палевый цвѣтокъ розы.

Гдѣ-то хлопнула дверь, послышались голоса, и Олечка исчезла.

Кажется, она что-то сказала мнѣ. Я не запомнилъ, не разслышалъ. Я бы, пожалуй, даже не повѣрилъ, что все это было, если бы не цвѣтокъ.

Въ эту ночь я, самъ не знаю почему, плакалъ, не разставаясь съ цвѣткомъ и такъ съ нимъ и заснулъ.

XXXIII.

Когда утромъ меня потребовали къ директору, я сразу съ тоской и ужасомъ почувствовалъ, что теперь все кончено.

Откуда взялось это предчувствіе? Что я такое сдѣлалъ?

Какъ разъ тогда, когда, повидимому, начинаю глохнуть раз-

слѣдованіе о разбитыхъ директорскихъ стеклахъ, меня требуютъ къ отвѣту: значитъ за вчерашнее. Но развѣ это преступленіе?

Я встревоженно взглянулъ на классъ: съ нѣкоторымъ испугомъ, любопытствомъ и сочувствіемъ посмотрѣли на меня товарищи.

— Это за вчерашнее, — вслухъ подтвердилъ мое предположеніе Степановъ.

— Ничего. Не бойся. Держи хвостъ трубой, — шуткой пробовалъ меня ободрить Симаковъ.

Я постарался отвѣтить ему улыбкой, но уже не сомнѣвался, что теперь все кончено.

Машинально поправилъ ремень, обдернулъ куртку и, какъ будто не на своихъ ногахъ пошелъ въ директорскую.

А черезъ нѣкоторое время я выходилъ оттуда съ тяжелой головой, опустѣлымъ сердцемъ и томительной слабостью во всемъ тѣлѣ.

Я былъ выгнанъ изъ училища. Холодно и жестко мнѣ приказано было немедленно взять бумаги. Мое выступленіе на сценѣ было признано за открытую демонстрацію, преступную для ученика.

Конечно, я зналъ, что это былъ только предлогъ, хотя директоръ ни однимъ словомъ не обмолвился ни о моей рѣчи у своего предшественника, ни о моей принадлежности къ нашему запретному кружку, ни о бѣдности моей и низкомъ происхожденіи, также, по послѣднимъ циркулярамъ, несовмѣстимыми съ достоинствомъ ученика привиллегированной школы, ни тѣмъ болѣе о разбитыхъ стеклахъ. Только о моихъ печатавшихся стихахъ упомянулъ директоръ вскользь, и это было сдѣлано съ издѣвательскимъ намѣреніемъ унизить меня.

Смѣшно было заикаться о совѣтѣ: большинство теперь состояло изъ его холоповъ, а порядочные учителя не смѣли пикнуть, зная, что за это имъ грозитъ переводъ въ большую еще глушь, чѣмъ нашъ городъ.

Я попробовалъ утѣшить себя тѣмъ, что говорилъ Кривошеинъ, но тоска и скорбь, точно кошки, впились когтями въ сердце.

— Господи, Господи! — сказалъ я вслухъ съ страшной жалостью къ себѣ. — Куда же я теперь пойду? Что я буду дѣлать?

И никогда я не чувствовалъ себя такимъ маленькимъ и безпомощнымъ, какъ сейчасъ. И эти скучныя, непривѣтливыя стѣны училища, которыя въ послѣдніе годы стали особенно тягостны и иногда ненавистны, теперь казались очень дороги.

Вотъ меня выгнали изъ нихъ на улицу, и я уже не войду утромъ въ нихъ съ заботой, опасеніями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ вол-

нующими чувствами товарищества и надеждъ. И никогда, никогда у меня больше не будетъ этой общей товарищеской жизни.

Правда, меня не лишали возможности поступить въ другое учебное заведеніе и даже, представляя себѣ раньше возможность такого исхода, какъ нынѣ, я подумывалъ о томъ, что, въ случаѣ такого несчастья, подготовлюсь на аттестатъ зрѣлости, но въ глубинѣ я мало вѣрилъ въ это. Не потому, что у меня не было способностей или силы воли, а просто потому, что такимъ, какъ я, всюду бросали тяжелые камни, чтобы сбить съ ногъ.

— За что?

Я чувствовалъ, какъ во мнѣ начинаетъ закипать злоба, и почти пожалѣлъ, что тамъ, въ директорской, не бросился на этого сухого и жестокаго палача нашего, не впился ему руками въ шею, не откусилъ носъ...

«Развѣ застрѣлить его и тѣмъ отомстить за всѣхъ?»—пришла мнѣ въ голову мрачная мысль. И въ первую минуту показалось, что такъ я и сдѣлаю. Но тутъ же сознался себѣ, что убить человѣка я не способенъ.

Коридоръ тянулся длинный и пустой, какъ мое будущее. Изъ-за плотно притворенныхъ классныхъ дверей изрѣдка доносились то глухой голосъ учителя, то слабые голоса учениковъ.

Вотъ послышались чьи-то шаги, отворилась дверь. Изъ пріемной сѣменящей походкой выбѣжалъ надзиратель Шкаликъ. Я испугался, что онъ сейчасъ поравняется со мной, станетъ разговаривать, можетъ быть, даже сожалѣть, въ сущности, онъ человѣкъ не злой, но обремененъ большой семьей, запуганъ жизнью. При новомъ директорѣ онъ сталъ его шпіономъ, потому что боялся лишиться службы.

Все равно мнѣ противно было бы его участіе. Я вытянулся, заложивъ руки въ карманъ съ независимымъ, пренебрежительнымъ видомъ и пошелъ въ свой классъ, чтобы захватить книжки.

Но надзиратель пробѣжалъ мимо меня, опустивъ голову, даже не поднявъ на меня глазъ. Можетъ быть, ему самому было тяжело и стыдно того, что творилось въ этихъ стѣнахъ. Вѣдь онъ зналъ лучшее время. Былъ при старомъ директорѣ, который именно поддерживалъ и изо всѣхъ силъ тянулъ бѣдняковъ.

Какъ разъ въ этотъ часъ у насъ въ классѣ былъ свободный урокъ, не пришелъ учитель-естественникъ, нашъ добрый и милый Александръ Ивановичъ, котораго мы очень обижали, но любили за то, что каждую весну онъ ходилъ съ нами на прогулки, и во время этихъ прогулокъ передъ нами раскрывалась вся его трогательная,

мягкая и слабая душа, полная нѣжной любви къ каждой травкѣ, къ птицѣ и насѣкомымъ.

Больше я никогда не буду участвовать и въ этихъ экскурсіяхъ, которыя мало дали намъ въ отношеніи науки, зато внесли въ душу много свѣта и ласки.

Я не сразу отворилъ дверь въ классъ. Уже теперь не злоба, а слезы кипѣли у меня въ груди, и больше всего я боялся, что, войдя въ классъ, расплачусь и покажусь жалкимъ и смѣшнымъ.

Нѣсколько разъ я глубоко передохнулъ и съ усиліемъ встряхнулъ руками.

— Правда, надо держать хвостъ трубой, — повторилъ я смѣшную фразу Симакова, и ничто, какъ она, придало мнѣ обманчивую бодрость.

Товарищи шумно встрѣтили меня:

— Ну, какъ?

— Зачѣмъ тянули?

— Благополучно?

По выраженію лицъ, по тону ихъ вопросовъ я видѣлъ, что мое притворство ихъ обмануло. Тѣмъ болѣе ошеломилъ мой отвѣтъ:

— Выгналъ.

Рты разинулись, глаза широко открылись. Не сразу отозвались.

— Какъ выгналъ?!

— Не можетъ быть!!

— Ну чего тамъ, не можетъ быть, говорю вамъ: выгналъ. Приказалъ взять немедленно бумаги, вотъ и все.

Раздались возмущенные голоса:

— Это чортъ знаетъ что такое!

— Это подло!

— Надо, такъ или иначе, положить этому конецъ!

— Э, что тамъ! — ухарски махнулъ я рукой, — наплевать. Захочу, подготовлюсь экстернюмъ. А то и совсѣмъ безъ училища обойдусь. Тоже не великая радость учиться при такихъ условіяхъ, когда школа превратилась въ какой-то полицейскій застѣнокъ.

— Вѣрно, вѣрно! — горячо поддержали со всѣхъ сторонъ.

— Буду заниматься литературой, — храбрился я.

— Вѣрно, Гарьковъ!

— Правда!

— Не унывай!

— Ужъ кто-кто, а ты-то пробьешься.

— Да еще какъ! Всѣ говорятъ, что у тебя есть талантъ.

— Ты даже и артистомъ могъ бы быть. Ты вчера прямо замѣчательно прочелъ стихотвореніе.

Все это еще болѣе подхлестывало и подбодряло меня.

— Пока что, буду перебиваться уроками. Не пропаду!

— Вѣрно, Гарьковъ, молодчина!

— Чортъ съ нимъ со всѣмъ и съ училищемъ.

Я прошелъ къ своей партѣ и въ послѣдній разъ присѣлъ рядомъ съ Муратовымъ, чтобы забрать свои книги.

Муратовъ не сводилъ съ меня печальныхъ глазъ.

— А мнѣ жалко васъ, Гарьковъ, — тихо сказалъ онъ.

На партѣ передъ нимъ лежала тетрадка и въ ней недоконченный карандашный набросокъ. Муратовъ плохо учился и даже въ свободные часы, когда всѣ наскоро спѣшили подготовить очередный урокъ, онъ все дѣлалъ набросочки. И сейчасъ передо мной рисовался старинный домъ съ колоннами, дорожка, окаймляющая клумбы и на высокомъ цоколѣ старинная ваза.

Я промолчалъ, разглядывая его рисунокъ.

— Какъ хорошо!

— Нате вамъ его на память, — сказалъ Муратовъ. И аккуратно вырвавъ рисуночекъ изъ тетрадки, подалъ его мнѣ.

Я съ благодарностью пожалъ слабую ручку горбуна съ худыми длинными пальцами, движеніями которыхъ онъ такъ мягко дополнялъ свою тихую, не всегда складную рѣчь.

— Неужели же ты сейчасъ совсѣмъ уходишь? — сердитымъ голосомъ, точно я былъ виноватъ въ этомъ, пробасилъ Степановъ.

— А что жъ, заберу свои книги и уйду.

Я сталъ энергично связывать книги ремнями, но ужеъ Муратовъ своимъ тихимъ голосомъ всколыхнулъ мое сердце, и я боялся, что замѣтятъ, какъ дрожатъ мои руки.

Оставалось сказать товарищамъ: «прощайте» и покинуть классъ.

Но какъ-то неловко было уйти такъ. Хотѣлось этимъ уходомъ оставить особое впечатлѣніе въ товарищахъ, заставить долго, всегда помнить о себѣ.

Душа была наполнена самыми нѣжными, трогательными чувствами, и я зналъ, что у меня для выраженій этихъ чувствъ нашлись бы настоящія слова, но какъ-то стыдно было начинать съ этихъ словъ. Наперекоръ всему, меня подзуживало, наоборотъ, проявить какое-то несвойственное мнѣ ухарство, даже выкинуть какую-нибудь шутовскую штуку.

Еще самъ не зная, какъ это проявится, я съ книжками въ ру-

кахъ, быстро прошелъ между партъ къ каѳедрѣ, и самъ не зная, зачѣмъ остановился на ней.

— Господа, я хочу сказать вамъ прощальное слово, — выкрикнулъ я, отчаяннымъ взглядомъ скинувъ классъ.

— Говори!

— Говори, Гарьковъ!

— Говори, товарищъ!

Симаковъ, подавленно молчавшій все время, стукнулъ кулакомъ объ парту и разразился бѣшенымъ ругательствомъ.

— Тише, Симаковъ, молчи. Пусть Гарьковъ говоритъ.

У меня похолодѣло сердце, закипѣли слезы, но я встряхнулся и неестественнымъ голосомъ, съ дурачливымъ паѳосомъ началъ:

— Господа! Гигантское колесо времени, въ своемъ непрерывномъ движеніи губитъ народы и королей. Что значимъ мы, маленькіе, слабые людишки, передъ этой грозной колесницей, особенно, когда кучеромъ ея является неодолимая подлость!

— Браво, Гарьковъ, браво! — закричали со всѣхъ сторонъ.

— Подлость сидитъ и на козлахъ нашего просвѣщенія, и подъ тяжелыми колесами этой скрипучей колесницы уже не мало раздавлено молодыхъ жизней. Стоитъ ли считать при этомъ мою маленькую жизнь.

— Браво, Гарьковъ, браво!

Я думалъ продолжать свою рѣчь въ томъ же надуто-крикливомъ, полушутовскомъ тонѣ, но въ это время за стеклянной дверью класса появилась острая мордочка надзирателя. Вѣрно, онъ понялъ, что происходитъ въ классѣ, потому что мгновенно исчезъ.

Я все же испугался, что чье-нибудь неожиданное вторженіе прерветъ мое прощаніе на такой фальшивой выходкѣ и, однако, продолжалъ въ томъ же родѣ.

— На запяткахъ этой колесницы услужливо примостились холопы въ родѣ того, который сейчасъ мелькнулъ передъ нами. Имъ только покрѣпче усѣсться. Что имъ до того, что мы очутимся на улицѣ одинокіе, ни къ чему негодные, никому ненужные!

Эти послѣднія слова вырвались совсѣмъ не въ тонѣ рѣчи. Надо было поправиться, я запнулся, но прежняго тона уже найти не могъ.

И все вокругъ этому мѣшало: совсѣмъ невеселые глаза смотрѣли на меня, и печалью, и сочувствіемъ были проникнуты вытянувшіяся поблѣднѣвшія лица. Только солнце весело сверкало за окнами, да по подоконнику, надувая зобы, крутились, одинъ возлѣ другого, сизые голуби.

— Идетъ къ веснѣ, къ экзаменамъ, къ веселому половодью рѣки и къ мучительной и сладостной ученической работѣ. Выдер-

жатъ экзамены, перейдутъ въ послѣдній классъ, а тамъ и совсѣмъ распрощаются съ училищемъ, но не такъ, какъ я, а торжествующе, весело, побѣдно. И широкая свѣтлая студенческая жизнь откроется передъ нами... А я? Что будетъ со мною?

Что-то извнутри перехватило мнѣ горло. Острая горькая волна хлынула по всему тѣлу и долилась до глазъ.

— Будь ты проклятъ! — крикнулъ я, обернувшись къ двери.

И больше не могъ совладать съ собою. Всей грудью и головой упалъ я на каѳедру и зарыдалъ.

— Гарьковъ, милый, — крикнулъ чей-то голосъ.

— Гарьковъ!

— Павелъ!

— Паша!

Въ классѣ поднялся шумъ, топанье ногъ. Ласковыя товарищескія руки пытались поднять мнѣ голову.

— Воды! Принесите воды!

Кто-то гладилъ меня по волосамъ. Похлопывалъ по плечу. А я все рыдалъ, рыдалъ и рыдалъ и самъ слышалъ, какъ слезы льются мнѣ на руки и не хотѣлъ останавливать этихъ рыданій.

Я такъ ясно чувствовалъ, что они облегчали меня, что весь ядъ злобы изливается слезами.

Кто-то сталъ насильно поднимать мою голову, чтобы заставить выпить воды.

Я глотнулъ, поперхнулся и поспѣшилъ оправдаться.

— Это я не за себя.

— Ну, что тамъ!

— Вотъ чепуха!

— Ей Богу же, ты-то отъ этого ничего не потеряешь.

— Вѣрь въ себя!

— Вѣрь въ себя!

— Вѣрь въ себя! Вѣрь!

Отъ этихъ горячихъ любовныхъ голосовъ у меня уже затеплился настоящій радостный свѣтъ и уже проникала въ душу истинная ясная бодрость, близкая къ предчувствію смутнаго, но завѣтнаго.

Я зналъ, что этому свѣту я уже никогда не дамъ погаснуть, бережно его понесу я черезъ сумракъ и бури, ожидающія меня въ пути. Какъ тотъ юноша, изъ поэмы Лонгфелло.

— Спасибо, товарищи! Прощайте!

Я боялся, что опять не выдержу и быстро пошелъ къ двери. Шумъ, движеніе, голоса взволновано провожали меня, голоса

молодой жизни, отъ которой отрывался я съ болью и сожалѣніемъ, но не со страхомъ.

Уже не дѣтская жизнь ждала меня за этими стѣнами.

— Не дамся, — сказалъ я самъ себѣ. — Не дамся, — уже твердо повторилъ я на улицѣ.

Солнце сверкало на снѣгу, синія тѣни ложились отъ домовъ и заборовъ.

Порожній обозъ весело промчался по улицѣ, и мнѣ захотѣлось, какъ это я дѣлалъ въ раннемъ дѣтствѣ, кинуться въ сани на пахучее, прикрытое рядномъ сѣно, и на легкихъ раскатывающихся полозьяхъ выѣхать за городъ, въ безмолвный оснѣженный просторъ.

Грудь глубоко вдохнула свѣжій воздухъ, и омытые слезами глаза бодро взглянули за Волгу, въ серебрящуюся даль.

Хорошо. Просто жить хорошо.

И весело зашагалъ впередъ.

Если навстрѣчу первой попадется женщина, — значитъ, въ будущемъ все будетъ хорошо.

Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ изъ-за угла вышла женская фигура. Молоденькая мѣщаночка съ младенцемъ на рукахъ.

Вѣрно, она на лицѣ моемъ замѣтила радость, потому что ласково улыбнулась мнѣ.

Я принялъ это, какъ улыбку моего будущаго, и, оглянувшись, отъ полноты благороднаго сердца, подумалъ:

«Дай Богъ, чтобы твоему маленькому жилось свободнѣе и легче, чѣмъ намъ».

А. Ѳедоровъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Книжной Палаты.

Задачи учрежденной Временнымъ Правительствомъ Книжной Палаты широки и многообразны. Она:

1) собираетъ для передачи въ государственныя книгохранилища все, что выходитъ изъ-подъ печатнаго станка, начиная съ книги, журнала, газеты, гравюры, кончая летучкой и открыткой;

2) регистрируетъ по требованіямъ научной библіографіи всѣ выходящія въ Россіи произведенія печати;

3) научно систематизируетъ и классифицируетъ книги и статьи періодическихъ изданій;

4) имѣетъ въ своемъ составѣ особый отдѣлъ — Государственный Книжный Фондъ, одной изъ основныхъ задачъ котораго является спасеніе зачастую гибнущихъ библіотекъ и распредѣленіе собранныхъ книгъ между учеными и общественными книгохранилищами;

5) печатаетъ перечень всѣхъ отдѣльно выходящихъ книгъ и брошюръ въ особомъ еженедѣльномъ изданіи — „Книжной Лѣтописи";

в) издаетъ рядъ ежегодниковъ, систематизирующихъ все, что въ данномъ году появилось въ книгахъ, брошюрахъ и періодическихъ изданіяхъ по различнымъ отраслямъ литературы, науки и политики.

27 апрѣля 1917 г. издано Постановленіе о печати, вмѣняющее въ обязанность всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ комиссарамъ и замѣняющимъ ихъ лицамъ и установленіямъ слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ произведенія печати въ восьми экземплярахъ представлялись въ комиссаріаты для дальнѣйшей отсылки въ Книжную Палату, которая распредѣляетъ ихъ по государственнымъ книгохранилищамъ и пользуется ими для выполненія своихъ задачъ. И Книжная Палата не сомнѣвается, конечно, что всѣ комиссары отнесутся любовно къ этой, столь важной для русской культуры, задачѣ.

Но Книжная Палата — не старое бюрократическое учрежденіе. Будучи однимъ изъ завоеваній политическаго подъема нашихъ дней,

она организуется на совершенно новыхъ началахъ и можетъ правильно функціонировать только при живой поддержкѣ общественныхъ силъ. Поэтому первымъ дѣломъ ея является настоящее обращеніе ко всѣмъ гражданамъ, которымъ дороги интересы освобожденнаго русскаго просвѣщенія и свѣтлаго будущаго русской культуры. Всѣ должны внести свою лепту въ великое дѣло строительства русской жизни и созданія всенароднаго просвѣщенія и всеобщей демократической науки. Наука теперь не можетъ быть роскошью, она должна быть не удѣломъ избранныхъ, а общимъ достояніемъ всѣхъ слоевъ русскаго народа. Теперь не только спеціалистамъ, но и огромному количеству людей, призванныхъ новымъ порядкомъ къ государственному строительству, необходимо знать, что сдѣлано по тому или другому научному и общественному вопросу. И Книжная Палата своими изданіями, рядомъ библіографическихъ ежегодниковъ по всѣмъ отраслямъ литературы, знанія и практической жизни дастъ исчерпывающія указанія.

Товарищи типографщики! Доставляйте комиссарамъ безъ промедленія установленные закономъ 27 апрѣля 1917 г. восемь экземпляровъ всего, что выходитъ изъ-подъ печатнаго станка — періодическія изданія, книги, брошюры, географическія карты, таблицы, діаграммы, листовки, воззванія, повѣстки, отчеты — все, кромѣ бланковъ, счетовъ, визитныхъ карточекъ, прейскурантовъ, ресторанныхъ меню, приглашеній на свадьбу и похороны. Приложите старанія къ тому, чтобы доставленные экземпляры были совершенно полны и находились въ полной исправности, такъ какъ именно по назначеннымъ для государственныхъ книгохранилищъ экземплярамъ будетъ, по преимуществу, писаться исторія нашего исключительнаго времени и будутъ работать изслѣдователи.

Товарищи редакторы и сотрудники столичныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ, посадскихъ, сельскихъ, совѣтскихъ, штабныхъ, полковыхъ, ротныхъ, корабельныхъ и окопныхъ періодическихъ изданій! Слѣдите затѣмъ, чтобы эти изданія, вашими трудами создаваемыя, аккуратно доставлялись въ Книжную Палату. Иначе пропадутъ и для современности, и для исторіи, и для вашей личной біографіи всѣ результаты трудовъ вашихъ. Правильная доставка особенно важна по отношенію къ ежедневнымъ газетамъ, ибо газетный листъ живетъ день, а затѣмъ безслѣдно исчезаетъ.

Товарищи участники различныхъ политическихъ организацій и съѣздовъ! Посылайте въ Книжную Палату всѣ свои воззванія, брошюры и летучки всякаго рода, которыя

являются сплошь да рядомъ единственнымъ источникомъ для ознакомленія съ нѣкоторыми моментами политической жизни.

Товарищи писатели и ученые, издающіе свои труды отдѣльно, представители различныхъ обществъ и издательствъ! Всегда справляйтесь въ первые дни выхода вашихъ или изданныхъ вами книгъ, — отправлены ли восемь экземпляровъ въ комиссаріатъ для отсылки въ Книжную Палату. Авторовъ, получающихъ оттиски своихъ журнальныхъ статей, Книжная Палата проситъ посылать ихъ ей хотя въ двухъ-трехъ экземплярахъ.

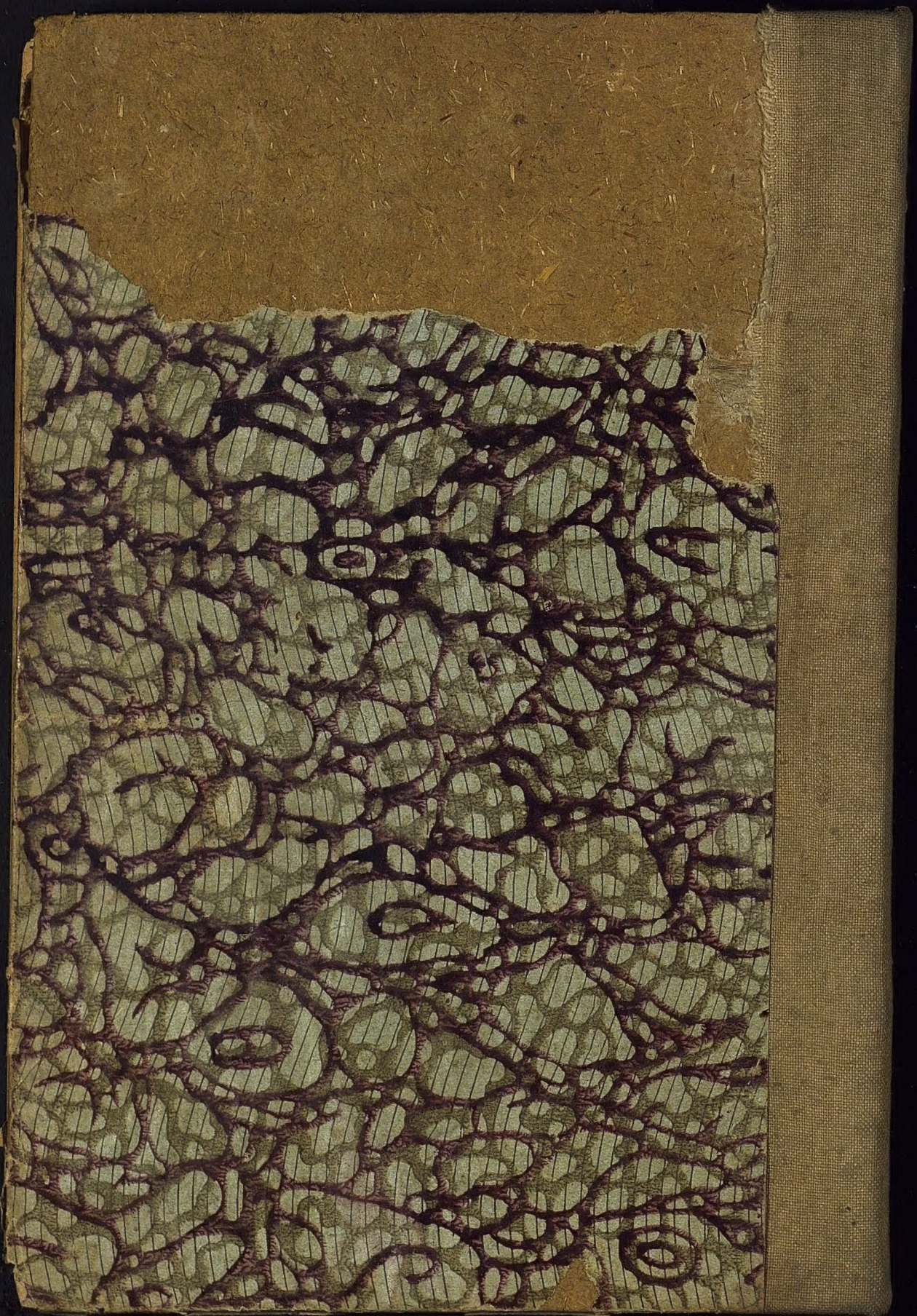
Товарищи любители книжнаго дѣла, особенно живущіе въ небольшихъ городахъ! Присылайте въ Книжную Палату свѣдѣнія обо всемъ, что вамъ извѣстно относительно появляющихся въ вашемъ городѣ произведеній печати. Особенно желательно получить свѣдѣнія о періодѣ съ 27 февраля до учрежденія Книжной Палаты. Въ своихъ отчетахъ Книжная Палата съ благодарностью отмѣтитъ имена всѣхъ, которые придутъ ей на помощь, а наиболѣе дѣятельнымъ предполагается дать званіе корреспондентовъ Книжной Палаты.

Въ твердой увѣренности, что всѣ лица, такъ или иначе прикосновенныя къ печатному дѣлу, окажутъ поддержку большому культурному начинанію, Книжная Палата и приступаетъ къ своей трудной и сложной задачѣ. Велико значеніе учета экономическихъ силъ страны, но столь же велико и плодотворно и значеніе точнаго учета духовныхъ богатствъ нашей великой Родины!

Директоръ Книжной Палаты **С. А. Венгеровъ.**

Іюль 1917 г.

Адресъ Книжной Палаты: Петроградъ, Морская ул., 62.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

3